

ДВФУ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

РУССКИЙ ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ АТР

Материалы II международного форума

Владивосток

9–14 октября 2017 года

Научное электронное издание

Владивосток

Издательство Дальневосточного федерального университета
2018

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2018
ISBN 978-5-7444-4436-5

УДК81'243:008:32:33(063)

ББК Ш12я431

Р89

*Издание подготовлено при финансовой поддержке фонда «Русский мир»
к 100-летию филологического образования на Дальнем Востоке России*

*Организационная поддержка и публикации сборника –
Азиатско-Тихоокеанская ассоциация преподавателей
русского языка и литературы (АТАПРЯЛ)*

*Ответственные редакторы: Н.С. Милянчук (русский язык),
Н.Б. Кожина (английский язык)*

Русский язык, литература и культура в пространстве АТР [Электронный ресурс] :
материалы II международного форума, Владивосток, 9–14 октября 2017 года / [отв. ред.:
Н.С. Милянчук, Н.Б. Кожина]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. –
1 CD-ROM. – [326 с.]. – Систем. требов.: процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD);
оперативная память от 256 МБ, Windows (XP; Vista; 7 и т.п.). – Загл. с экрана. – ISBN
978-5-7444-4436-5.

Сборник включает материалы форума, на котором обсуждались актуальные проблемы
современной русистики; проблемы региональной лингвистики; проблемы изучения русской
литературы в поликультурном пространстве; теория и практика преподавания русского
языка как иностранного на современном этапе; русский язык, литература и культура глазами
молодых исследователей.

Адресован специалистам-филологам, преподавателям филологических дисциплин,
аспирантам и студентам.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:
процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память 256 МБ,
свободное место на винчестере 335 МБ; Windows (XP; Vista; 7 и т.п.)

Программное обеспечение: Acrobat Reader, Foxit Reader либо любой другой их аналог

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
Тел./факс: (423) 226-54-43, 265-24-24 (*2383)
E-mail: dvfutip@yandex.ru, editor_dvfu@mail.ru

Изготовитель CD-ROM:
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Владивосток, ул. Суханова, 8

Подписано к использованию 12.11.2018 г.

Объем 5,2 Мб.
Тираж 50 экз.

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ	9
Агашина Е.Н. СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ <i>В ЗАВИСИМОСТИ ОТ И ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ</i>	9
Березина Н.С. ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР АРГУМЕНТАЦИИ <i>НЕДАРОМ</i> В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ М.М. БАХТИНА, Б.В. ТОМАШЕВСКОГО И Ю.Н. ТЫНЯНОВА	13
Гавриленко В.В. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТЫМЕННОГО РЕЛЯТИВА <i>В ОБЛИКЕ</i> : НА ПУТИ К ПРЕДЛОГУ	18
Завьялов В.Н. СОЮЗ <i>ЛИБО</i> : МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ	23
Конченко Т.В. СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СЛОВОФОРМ <i>ВО МНОГОМ</i> , <i>В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЁМ</i> , <i>В МАССЕ СВОЕЙ</i>	29
Лю Слоин. СПЕЦИФИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ НА ОСНОВЕ СОЧЕТАНИЯ СОЮЗА <i>ДА</i> С КОНКРЕТИЗАТОРАМИ	
ПРИСОЕДИНİТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ	34
Откидыч Е.В. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТРУКЦИИ <i>КСТАТИ О + N₆</i>	39
Токарчук И.Н. СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧАСТИЦЫ <i>УЖЕ</i> В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ	43
Тюрин П.М. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВА <i>СЛЕДОВАТЕЛЬНО</i>	52
Цзян Вэй. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ	56
Шмелева Т.В. СИНТАКСИС В УНИВЕРСИТЕТЕ: НОВЫЕ ТRENДЫ	60
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	64
Е Сянлинь, Сюй Цзяхуэй, Цай Цзели. ЭМОЦИЯ СТРАХА И СПЕЦИФИКА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ	64
Кормазина О.П. ЖАНР «РАССКАЗ О МЕСТЕ» КАК ФРАГМЕНТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ДИСКУРСА.....	70
Мальцева О.Н. ОБРАЗ ВЛАДИВОСТОКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Дж. КЛАВЕЛЛА И Ж. КЕССЕЛЯ).....	74
Осипова А.А. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ИЗБЕГАНИЯ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОГО ДЛЯ СЕБЯ ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ДОШКОЛЬНИКОВ).....	79
Сафонова Ю.А. ГРАНИЦЫ РЕГИОНАЛИЗМОВ, ИЛИ <i>РАСКАРДАШ И ЗАВЕРТОН</i>	84
Фролова Т.В. СПЕЦИФИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКИХ ДИАЛОГОВ	89
Чжэн Ин-Ин. ВЫРАЖЕНИЕ ПРОСЬБЫ О РАЗРЕШЕНИИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	95
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	102
Ай Хуэйжун. ФОНОГРАММА КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ АВТОРСКОГО ГОЛОСА В ПЬЕСЕ А.Н. АРБУЗОВА «ПОБЕДИТЕЛЬница»	102
Бузуев О.А. «РУССКИЙ МИР» ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭМИГРАЦИИ: ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ	107
Гребенюкова Н.П. ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ П.Л. ДАЛЕЦКОГО	113
Кириллова Е.О. ПИСАТЕЛЬ-ЭМИГРАНТ БОРИС ЮЛЬСКИЙ: РУССКАЯ ПРОЗА С МАНЬЧЖУРСКИМ КОЛОРИТОМ	117
Киселева М.С. ЕДА И ЕЁ ФУНКЦИИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	126
Кравчук О.С., Бугулова З.О. ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ В РОМАНЕ АНАТОЛИЯ МАРИЕНГОФА «ЦИНИКИ»	131

Краюшкина Т.В. БОГ, СВЯТЫЕ, СВЯЩЕНОСЛУЖИТЕЛИ И МИРЯНЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОЛШЕБНЫХ НАРОДНЫХ СКАЗОК ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПРИМОРЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХХ В.).....	134
Лю Хуан-Син. БЕСЕДА ПЬЯНОГО С ТРЕЗВЫМ ЧЁРТОМ, ИЛИ КАК ЧЕХОВ ИГРАЕТ С ЧИТАТЕЛЕМ	139
Лю Чжицян. Л.Е. ЧЕРКАССКИЙ О СУДЬБАХ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В КНИГЕ «Я РЯДОМ С КОРНЕМ ДУШУ УСПОКОЮ»	144
Нгуен Тхи Ко. «ДРУГАЯ ПРОЗА» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ОСОБЕННОСТЬ РАССКАЗОВ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ)	148
Первушкина Е.А. РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ СОНЕТНЫХ ВСТАВОК В КОМЕДИИ ШЕКСПИРА «БЕСПЛОДНЫЕ УСИЛИЯ ЛЮБВИ»	151
Позина Н.С. О ПЕРЕВОДАХ А.А. АХМАТОВОЙ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ	156
Су Шву-Яннъ. ДОМ И БЕЗДОМЬЕ В ПОЭМАХ «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК» А.С. ПУШКИНА И «МЦЫРИ» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА.....	160
Урманов А.В. ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ БГПУ)	168
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	
КАК ИНОСТРАННОГО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	175
Батраева О.М. ОТ ПРЕДМЕТА ОБУЧЕНИЯ К СРЕДСТВУ ОВЛАДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬЮ: РУССКИЙ ЯЗЫК В ОКЕАНАРИУМЕ	175
Верещагина А.Н., Верещагина О.Н. М. КУЗМИН «ТАКИЕ ДНИ – СЧАСТЛИВЕЙШИЕ ДАТЫ...»: АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ НА ЗАНЯТИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	179
Динь Тхи Тху Хуен. ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ИНСТИТУТЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ПРИ ХАНОЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	183
Зарецкая С.А., Марьянчик В.А. ПРИМЕНЕНИЕ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ФАКУЛЬТЕТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА ТАМКАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ТАЙВАНЬ) И СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО) ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА (РОССИЯ)).....	189
Золкина Н.Б. УЧЁТ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ	195
Коновалова Ю.О. ПРОЕКТНАЯ ГРУППОВАЯ РАБОТА В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСЦИПЛИНЫ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ»).....	201
Крапивник Е.В., Матафонова Д.Н. ЭКЗАМЕН ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ, ИСТОРИИ РОССИИ И ОСНОВАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	207
Крапивник Л.Ф., Мидзуками Норико. ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИИГАТСКОМ ПРЕФЕКТУРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	211
Макарова А.А., Кабанкова Ю.Ю. ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ЯПОНСКИХ СТУДЕНТОВ ПО ПРОГРАММЕ КРАТКОСРОЧНОЙ СТАЖИРОВКИ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ.....	216
Мэн Мэн. УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ В ПОСОБИЯХ ДЛЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПО ТЕМЕ «ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ».....	220
Найдина Т.Е., Чубаева Л.В. ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ДИАЛОГУ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	223

Нгуен Ань Нам. ТРУДНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ПРИ ОБУЧЕНИИ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ	228
Новаковская Н.Ю., Одинцова Р.И. РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕБОВАНИЙ К УРОВНЮ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ.....	231
Петрова С.М. БУДУЩЕЕ РКИ – ЗА ЗНАКАМИ.....	236
Пирко В.В., Юрченко Т.П. ФЕСТИВАЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ РОССИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ КИТАЯ «РУССКИЙ БЕЗ ГРАНИЦ»	241
Пирко В.В., Юрченко Т.П. ШКОЛА РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ	248
Пылкова А.А. ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ ХАБАРОВСКА)	254
Свиридова А.Ю. ПРИЁМЫ РАБОТЫ С ВИДЕОСЮЖЕТАМИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	258
Скидан Н.Н. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА КАК УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ.....	261
РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	265
Артёменко М.В. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ О ТУРИЗМЕ).....	265
Бадмаева М.А. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ МОЛЧАНИЯ В ТЕКСТАХ Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «НЕ САДИСЬ В МАШИНУ, ГДЕ ДВОЕ»)	270
Баранова М.С. ОБРАЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОЭМЫ ГОРЫ» И «ПОЭМЫ КОНЦА»)	274
Гончаров Д.Ю. АРХАИЧЕСКИЕ КОРНИ СЮЖЕТА ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «НОС»	278
Гускина Е.Н. К ВОПРОСУ О ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СЛОВА ВПРОЧЕМ	283
Дряхлова А.А. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕТЕРИАЛЬНЫХ ФОРМ В «ПОВЕСТИ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ».....	287
Журавлёва К.А. ФУНКЦИИ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА В «СЛОВЕ» ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА	292
Кудряшова Ю.Н. НАРОДНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕМА: К ПРОБЛЕМЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ.....	297
Леонтьева Н.А. ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ГЕРОЯ-ИСКАТЕЛЯ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Н. ГУМИЛЁВА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «С ТОБОЙ Я БУДУ ДО ЗАРИ...»).....	301
Оплачко А.А. ОБРАЗ СОЛНЕЧНОЙ ПТИЦЫ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	305
Угрю А.В. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЖАНРА ВОПРОСА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	309
Чжан Шо. КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КИТАЙСКОГО СОЗНАНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А. ХЕЙДОКА)	312
Юань Синьюй. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧАСТИЦЫ ЭТО В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С КИТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ)	317
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	322

TABLE OF CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF CONTEMPORARY RUSSIAN STUDIES	9
Agashina E.N. SIMILARITIES AND DIFFERENCES BETWEEN THE DERIVATIVE PREPOSITIONS <i>В ЗАВИСИМОСТИ ОТ</i> AND <i>ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ</i>	9
Berezina N.S. DISCOURSE MARKER OF ARGUMENTATION <i>НЕДАРОМ</i> IN SCIENTIFIC TEXTS BY M.M. BAKHTIN, B.V. TOMASHEVSKIY AND YU.N. TYNIANOV.	13
Gavrilenko V. V. SEMANTIC AND SYNTACTIC CHARACTERISTICS OF A RUSSIAN DENOMINATIVE FORMATION <i>В ОБЛИКЕ</i> : TRANSFORMING INTO A PREPOSITION	18
Zavyalov V.N. MATERIALS FOR A DICTIONARY OF AUXILIARY WORDS	23
Konchenko T.V. SPECIFICITY OF LEXICALIZED PREPOSITIONAL-CASE WORD FORMS <i>ВО МНОГОМ</i> , <i>В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЕМ</i> , <i>В МАССЕ СВОЕЙ</i>	29
Liu Xiaoying. PECULIARITIES OF SYNTACTIC CONSTRUCTIONS BASED ON COMBINATION OF THE CONJUNCTION <i>ДА</i> AND SPECIFIERS WITH CONNECTING SEMANTICS	34
Otkidych E.V. SOME PECULIARITIES OF THE STRUCTURE <i>KCTATI O + N₆</i> FUNCTIONING	39
Tokarchuk I.N. SEMANTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL OF THE PARTICLE <i>УЖЕ</i> IN THE TEXTS OF DIFFERENT FUNCTIONAL STYLES	43
Tyurin P.M. SOME PECULIARITIES OF THE WORD <i>СЛЕДОВАТЕЛЬНО</i> FUNCTIONING	52
Jiangwei. INTERROGATIVE SENTENCES: DIFFERENT ASPECTS OF THE RESEARCH	56
Shmeleva T.V. SYNTAX AT THE UNIVERSITY: NEW TRENDS.....	60
PROBLEMS OF REGIONAL LINGUISTICS	64
Yeh Hsianglin, Chui Kawai, Tsai Jieli. THE EMOTION OF FEAR AND PECULIARITIES OF ITS EXPRESSION IN RUSSIAN AND CHINESE	64
Kormazina O.P. THE GENRE “STORY ABOUT PLACE” AS A FRAGMENT OF THE FAR EASTERN DISCOURSE	70
Maltseva O.N. IMAGE OF VLADIVOSTOK IN THE NOVELS WRITTEN BY FOREIGN WRITERS (BASED ON THE NOVELS BY JAMES CLAVELL AND JOSEPH KESSEL)	74
Osipova A.A. COMMUNICATIVE STRATEGY OF AVOIDING AN UNDESIRABLE ACTION (BASED ON PRE-SCHOOL CHILDREN’S SPEECH)	79
Safonova Yu.A. BOUNDARIES OF REGIONALISMS, OR <i>РАСКАРДАШ</i> AND <i>ЗАВЕРТОН</i>	84
Frolova T.V. SPECIFICITY OF THE THEMATIC ORGANIZATION OF DIALOGUES AMONG RURAL PEOPLE	89
Cheng Yin-Yin. THE WAYS OF ASKING FOR PERMISSION IN RUSSIAN AND CHINESE	95
RUSSIAN LITERATURE IN A POLYCULTURAL CONTEXT	102
Ai Huirong. SOUNDTRACK AS AN EXPRESSION OF THE AUTHOR’S VOICE IN A.N. ARBUZOV’S PLAY “THE WINNER”	102
Buzuyev O.A. “RUSSIAN WORLD” OF THE FAR EASTERN EMIGRATION COMMUNITY: THE EXPERIENCE OF NATIONAL IDENTITY PRESERVATION.....	107
Grebennikova N.P. THE POETIC HERITAGE OF P.L. DALETSKIY	113
Kirillova E.O. EMIGRANT WRITER BORIS YULSKY: RUSSIAN PROSE WITH MANCHURIAN FLAVOUR	117
Kiseleva M.S. FOOD AND ITS FUNCTIONS IN THE EAST SLAVIC FAIRY TALES OF SIBERIA AND THE FAR EAST	126
Kravchuk O.S., Bugulova Z.O. REFLECTION OF THE EPOCH IN ANATOLY MARIENGOF’S NOVEL “THE CYNICS”	131
Krajushkina T.V. THE GOD, SAINTS, PRIESTS AND LAYPEOPLE IN THE CONTEXT OF INTERPERSONAL RELATIONS (BASED ON FOLK AND FAIRY TALES OF EASTERN SLAVS OF PRIMORYE OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY)	134

Liu Hwang-Shing. CONVERSATION BETWEEN A DRUNK MAN AND A SOBER DEVIL OR CHEKHOV'S PLAY WITH THE READER	139
Liu Zhiqiang. L.E. CHERKASSKY ABOUT THE FATE OF RUSSIAN ORIENTAL STUDIES IN THE BOOK “Я РЯДОМ С КОПНЕМ ДУШУ УСПОКОЮ”	144
Nguyen Thi Co. “THE OTHER PROSE” IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE..... (SPECIAL FEATURE OF STORIES BY L. PETRUSHEVSKAYA)	148
Pervushina E.A. RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE INSET SONNETS IN SHAKESPEARE'S COMEDY “LOVE'S LABOUR'S LOST”	151
PozinaN.S. THE TRANSLATIONS OF CHINESE POETRY BY A.A. AKHMATOVA	156
Su Shwu-Yann. HOME AND HOMELESSNESS IN A.S. PUSHKIN'S “PRISONER OF THE CAUCASUS” AND M.YU. LERMONTOV'S “THE NOVICE”	160
Urmanov A.V. THE OBJECTIVES AND PROSPECTS OF STUDYING THE RUSSIAN LITERATURE OF THE FAR EAST (WORK EXPERIENCE OF THE DEPARTMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE, BSPU)	168
THEORY AND PRACTICE OF TEACHING THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT PRESENT DAY	
Batrayeva O.M. FROM THE SUBJECT OF LEARNING TO THE DEVICE OF MASTERING THE PROFESSION: RUSSIAN IN THE OCEANARIUM	175
Vereshchagina A.N., Vereshchagina O.N. M. KUZMIN «THESE DAYS – THE HAPPIEST DATES...» (ANALYSIS OF THE POEM AT THE LESSON OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE).....	179
Dinh Thi Thu Huyen. TEACHING RUSSIAN AT THE UNIVERSITY OF LANGUAGES AND INTERNATIONAL STUDIES – VIETNAM NATIONAL UNIVERSITY IN THE CURRENT CONTEXT.....	183
Zaretskaya S.A., Maryanchic V.A. APPLICATION OF DISTANCE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN EDUCATIONAL PROGRAMS (BASED ON WORK OF THE RUSSIAN DEPARTMENTS OF TAMKANG UNIVERSITY (TAIWAN) AND NORTHERN (ARCTIC) UNIVERSITY (RUSSIA)).....	189
Zolkina N.B. CONSIDERING FEATURES OF NATIONAL MENTALITY IN TEACHING RUSSIAN TO VIETNAMESE STUDENTS.....	195
Konovalova Yu.O. PROJECT COLLABORATION IN THE CHINESE CLASSROOM (BASED ON IMPLEMENTATION OF THE ACADEMIC DISCIPLINE “TOPICAL ISSUES OF MODERN LINGUISTICS”)......	201
Krapivnik E.V., Matafonova D.N. COMPREHENSIVE EXAMINATION OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE, RUSSIAN HISTORY AND LAW AS A TOOL OF MANAGING MIGRATION PROCESSES IN RUSSIA	207
Krapivnik L.F., Mizukami N. LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE AT THE UNIVERSITY OF NIIGATA PREFECTURE	211
Makarova A.A., Kabankova Yu.Yu. THE EXPERIENCE OF TEACHING RUSSIAN TO JAPANESE STUDENTS INVOLVED IN A SHORT-TERM INTERNSHIP IN THE RUSSIAN ENVIRONMENT	216
Meng Meng. TRAINING MATERIAL IN TEXTBOOKS FOR CHINESE STUDENTS ON “ATTRIBUTIVE RELATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE”	220
Naydina T.E., Chubayeva L.V. ONLINE COMMUNICATION AS A MEANS OF TEACHING INTERCULTURAL DIALOGUE IN THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSROOM	223
Nguyen Anh Nam. DIFFICULTIES IN PERCEIVING SYNTACTIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN LITERARY TEXTS FOR VIETNAMESE STUDENTS	228
Novakovskaya N.Yu., Odintsova R.I. IMPLEMENTATION OF THE LEVEL REQUIREMENTS OF PRE-UNIVERSITY EDUCATION FOR FOREIGN STUDENTS: SOME METHODOLOGICAL SOLUTIONS	231

Petrova S.M. THE FUTURE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE BELONGS TO SIGNS.....	236
Pirko V.V., Yurchenko T.P. FESTIVAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE, LITERATURE AND CULTURE “RUSSIAN WITHOUT BORDERS” IN THE NORTHEAST OF CHINA	241
Pirko V.V., Yurchenko T.P. RUSSIAN LANGUAGE SCHOOL FOR FOREIGN CITIZENS: BASIC PRINCIPLES AND PROSPECTS OF WORK.....	248
Pylkova A.A. LINGUISTIC AND REGIONAL STUDIES APPROACH TO TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A LOCAL LANGUAGE ENVIRONMENT (BASED ON KHABAROVSK UNIVERSITIES EXPERIENCE)	254
Sviridova A.Yu. TEACHING TECHNIQUES BASED ON VIDEO MATERIALS IN THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSROOM.....	258
Skidan N.N. GEOGRAPHIC MAP AS A TRAINING TEXT.....	261
RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE THROUGH THE EYES OF YOUNG RESEARCHERS	
Artemenko M.V. LEXICAL MEANS OF SHOWING EXPRESSIVENESS IN CONTEMPORARY MAGAZINE TEXTS (BASED ON TOURISM TEXTS)	265
Badmayeva M.A. LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING THE SEMANTICS OF SILENCE IN L.S. PETRUSHEVSKAYA'S TEXTS (BASED ON THE BOOK «НЕ САДИСЬ В МАШИНУ, ГДЕ ДВОЕ»)	270
Baranova M.S. LITERARY IMAGE OF THE LYRICAL HERO IN THE LATE WORKS OF MARINA TSVETAЕVA (BASED ON “POEM OF THE MOUNTAIN” AND “POEM OF THE END”)	274
Goncharov D.Yu. ARCHAIC ROOTS OF THE PLOT IN N.V. GOGOL’S STORY “THE NOSE”.....	278
Guskina E.N. DISCUSSING THE PART-OF-SPEECH STATUS OF THE WORD <i>ВПРОЧЕМ</i>	283
Dryakchlova A.A. SOME PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE PRETERITE FORMS IN “THE TALE OF AKIR THE WISE”	287
Zhuravlyova K.A. THE FUNCTIONS OF BIBLICAL TEXT IN “SLOVO” BY DANIIL ZATOCHNIK.....	292
Kudryashova Yu.N. FOLK DEFINITION OF MEME: DISCUSSING FOLKLORE GENRES	297
Leontyeva N.A. FEATURES OF THE “HERO-SEEKER” LITERARY IMAGE IN N. GUMILEV’S EARLY LYRICS (BASED ON THE POEM “С ТОБОЙ Я БУДУ ДО ЗАРИ...”)	301
Oplachko A.A. IMAGE OF SUN BIRD IN RUSSIAN FAIRY TALES OF SIBERIA AND FAR EAST	305
Ugro A.V. FUNCTIONING OF QUESTION AS A GENRE IN SOCIAL NETS.....	309
Zhang Sho. CALQUING AS A WAY OF REPRESENTING CHINESE CONSCIENCE IN THE RUSSIAN-LANGUAGE LITERARY TEXT (BASED ON A. KHEIDOK’S STORIES)....	312
Yuan Xinyu. PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE PARTICLE <i>ЭТО</i> IN ADVERTISING TEXTS (IN COMPARISON WITH THE CHINESE LANGUAGE).....	317
INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	322

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

TOPICAL ISSUES OF CONTEMPORARY RUSSIAN STUDIES

Агашина Е.Н.

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

Agashina E.N.

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ И ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ

SIMILARITIES AND DIFFERENCES BETWEEN THE DERIVATIVE PREPOSITIONS В ЗАВИСИМОСТИ ОТ AND ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ

В статье проводится сопоставление двух предложных единиц – *в зависимости от* и *вне зависимости от*. Устанавливается, что оба предлога организуют конструкции, реализующие ситуацию варьирования, при этом способы выражения данной ситуации в правом компоненте таких конструкций практически совпадают. Основным формальным различием между указанными конструкциями является употребление кванторного слова в составе одного из компонентов конструкции с предлогом *вне зависимости от*.

Ключевые слова: *производный предлог, предложно-падежная конструкция, отношения зависимости, ситуация варьирования, кванторные слова*.

The paper makes a comparison between the two prepositional units: *в зависимости от* and *вне зависимости от*. The research proves that both units form structures implementing the situation of variability, while the ways of expressing the situation in the right component of these constructions closely coincide. Use of a quantifier as a component part of the structure with the preposition *вне зависимости от* is the main formal difference between the structures discussed.

Key words: *derivative preposition, prepositional-case structure, relations of dependence, situation of variability, quantifiers*.

Объектом нашего исследования являются две предложные единицы: *в зависимости от* и *вне зависимости от*. Они зафиксированы как предлоги в словарях Р.П. Рогожниковой [8, с. 39, 46], Т.Ф. Ефремовой [3, с. 91, 100], *в зависимости от* как предлог отмечен также в словаре под редакцией В.В. Морковкина [6, с. 54]. В словаре Р.П. Рогожниковой эти служебные слова даны в качестве антонимов.

Целью данного исследования является выявление сходства и различий между названными предложными единицами.

Предлог *в зависимости от* указывает на отношение зависимости между двумя ситуациями: одна ситуация (ситуация 1) оказывает некое воздействие на другую ситуацию (ситуация 2). Например: *Абитуриенты сдают экзамены в зависимости от* выбранной специализации («Наука и жизнь», 2007)¹. В данном контексте первая ситуация – это ситуация сдачи абитуриентами экзамена, вторая – это ситуация выбора специализации. Предлог *в зависимости от* выражает отношения зависимости между данными ситуациями. При этом в синтаксической структуре с этим предлогом наблюдается отражение того факта, что одна из ситуаций, а именно ситуация, оказывающая воздействие (компонент, называющий такую ситуацию, вводится предлогом), обладает признаком варьирования. Факт варьирования может эксплицироваться разными языковыми средствами: собственно лексическими

¹ Все примеры употребления, приведённые в статье, взяты из Национального корпуса русского языка [5].

(глаголы типа *варьироваться, колебаться, меняться* и под.; существительными-классификаторами типа *вид, сорт, способ* и др.; параметрическими существительными типа *размер, уровень, площадь* и под.); синтаксическими – с помощью разделительных и соединительных союзов *или* и *и*. Специфика контекстов с предлогом *в зависимости от* была описана нами в предыдущей статье [1].

Предлог *вне зависимости от* является антонимом предлога *в зависимости от*. Антонимия этих единиц связана с отрицательным компонентом в составе предлога *вне зависимости от*.

Возникает вопрос: есть ли какие-нибудь различия в синтаксических структурах, образуемых на базе этих предлогов-антонимов? Дальнейшее исследование показало, что конструкции с данными предлогами обнаруживают как сходства, так и отличия.

Сходство проявляется в том, что оба предлога строят конструкции, в которых отражается факт варьирования действующей ситуации. Следовательно, оба предлога являются показателями выбора.

Сходство наблюдается и в способах выражения ситуации варьирования в структуре правового компонента, позицию которого при обоих предлогах могут занимать:

1. Существительные-классификаторы с общим значением «разновидность» (*тип, вид, сорт, манера, способ, род, характер, метод*): *Наилучший температурный режим хранения пищевых продуктов в камере – до 8° С в зависимости от вида продуктов и сроков их хранения* (Инструкция к холодильнику (1980)); *Все они, вне зависимости от рода деятельности, были людьми творческими* (Ксения Поспелова. Дом-музей Леонида Пастернака // «Знание – сила», 2012); *Первоочередная оплата задолженности по процентам за кредит приводит к скрытому увеличению фактической ставки платы за кредит вне зависимости от метода начисления процентов* (В.А. Михельс, И.В. Вахович. Внедоговорное увеличение ставки платы за кредит – скрытая практика банковской системы // «Финансы и кредит», 2003.05.05).

2. Параметрические существительные (*величина, размер, объём, ширина, высота, уровень, глубина, количество, число, площадь, толщина* и под.): *Москва стала оценивать работу следователя в зависимости от количества дел, прошедших через суд* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)); *Ну и, наконец, главный принцип богатства, пропагандируемый большинством миллионеров, звучит так: вне зависимости от размеров заработка, расходы всегда должны быть меньше, чем доходы* (Леонид Малков. Привычки миллионеров // «Бизнес-журнал», 2004.01.22); *Применительно к стандартному вазовскому двигателю 15-дюймовые покрышки, вне зависимости от ширины и высоты профиля, проигрывают 14-дюймовым в максимальной скорости, динамике и эластичности* (Анатолий Карпенков и др. В погоне за большими колесами // «За рулем», 2004.02.15).

3. Существительные – имена понятий, отражающих социальный статус человека (*пол, возраст, национальность, уровень образования* и под.): *Несомненно, компетентность отдельного хакера динамична — она может претерпевать значительные изменения в зависимости от возраста, опыта и "усердия" в освоении как информатики в целом, так и специфических хакерских методов* (А.Е. Войскунский, О.В. Смыслова. Роль мотивации «потока» в развитии компетентности хакера // «Вопросы психологии», 2003); *Премия «Москва – транзит» вручается на международном фестивале поэтам, пишущим на русском языке, вне зависимости от их гражданства и места проживания* (Илья Кукулин. Фонд Творческих Проектов // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15); *Инстинкт заботы о потомстве в равной степени присущ всем, вне зависимости от пола* (Роман Казаков. Отцовский инстинкт // «Семейный доктор», 2002.05.15).

Варьирование в правом компоненте в конструкциях с рассматриваемыми предлогами может быть обозначено и синтаксическими средствами – с помощью сочинительного ряда с разделительными и соединительными отношениями, с помощью бессоюзного ряда: *Надо*

было только родиться в семье начальника, и родители обеспечивали ребёнку светлое будущее *вне зависимости от внешних обстоятельств и его способностей* (Артем Тарасов. Миллионер (2004)); Так что, *вне зависимости от справедливости или несправедливости* приговора, никакого оправдания поступку этих женщин быть не может (коллективный форум: Свято-Филаретовский институт прокомментировал участие сотрудницы в акции в поддержку Pussy Riot (2013)); *Приобщиться к религии может любой – вне зависимости от расы, национальности, пола, класса, социального статуса* (В.Н. Павленко, К. Ваннер. Особенности психологии евангельских христиан-баптистов // «Вопросы психологии», 2004.10.12).

В то же время исследование показало, что конструкции с предлогом *вне зависимости от* обладают рядом отличий, касающихся левого компонента.

Для левого компонента конструкций с предлогом *вне зависимости от* характерны:

1. Кванторные слова *все, любой, каждый, многие*: *Все люди равны вне зависимости от пола, возраста и имущественного положения* (Сергей Шерстенников. Санитар права // «Автопилот», 2002.11.1); *Например, в соответствии с законом в любое время суток, вне зависимости от погоды и сезона, автомобили должны двигаться только с включёнными фарами* (Ирина Муравьева. Поспешай не торопясь // «Туризм и образование», 2001.03.15); *Особенно важно, чтобы результаты проводимой социальной политики были видны каждому сотруднику вне зависимости от его должности* (Незаметная работа незаметных людей // «Управление персоналом», 2004.11.15); *Ею интересуются очень многие родители, вне зависимости от возраста ребенка и уровня его языкового развития* (Анна Толстых. Сын за отца... // «Домовой», 2002.11.04).

Кванторное слово в составе предложно-падежной конструкции выступает в качестве актуализатора ситуации варьирования. С одной стороны, слова *все, любой, каждый, многие* подчёркивают многообразие, многочисленность вариативности, а с другой стороны, предлог *вне зависимости от* показывает, что эта большая вариативность не важна, он как бы нивелирует варьирование, делает его нерелевантным.

2. Имена существительные в форме множественного числа: *Я думаю, предотвратить неблагоприятное развитие событий может только наука – она объединяет людей вне зависимости от национальной принадлежности, сиюминутных устремлений и политических пристрастий* (В. Губарев, Г.Г. Матищов. Академик Геннадий Матищов: домашние осетры и сторожевые тюлени // «Наука и жизнь», 2007); *Более того, результаты предсказания общественных процессов, вне зависимости от их правильности, могут существенно влиять на ход этих процессов, так что картина здесь совершенно запутывается* (Юлий Андреев. Знание и ум // «Лебедь» (Бостон), 2003.09.28).

3. Имена существительные в форме единственного числа в обобщающем значении, соотносимые по семантике с кванторными словами типа *любой, каждый*: *Таким образом, за полчаса активного движения в воде пловец, обладающий хотя бы первичными навыками спортивного плавания, практически вне зависимости от возраста теряет в весе 0,5 – 1 кг* (А. Борисов. Худей! // «Наука и жизнь», 2007); *Сам бассейн, вне зависимости от материала чаши, лучше ставить на железобетонное основание* (Андрей Вишерский. Бассейн в доме // «Homes & Gardens», 2004.03.02).

Принципиальным отличием конструкции с предлогом *вне зависимости от* является отсутствие глаголов со значением варьирования в структуре левого компонента.

Отсутствие таких глаголов компенсируется как раз наличием в левом компоненте кванторных слов. Во всех работах, посвященных описанию кванторных слов в русском языке [2; 4; 7; 9], указывается на то, что семантика этих слов связана с понятием «множество» – «совокупность, состоящая из отдельных элементов» [2, с. 44]. Так, при характеристике слова *любой* О.Н. Селиверстова подключает контексты с глаголом «выбрать» [9, с. 83]; лексема *многие*, по мнению Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, призвана обозначать дискретное множество [2, с. 51]; лексемы *каждый* и *все* определяются Е.В. Падучевой как

носители значения разделительной множественности и собирательной множественности соответственно [7, с. 16]. Таким образом, фактически в значение всех названных выше кванторных слов входит идея выбора, варьирования.

По нашим наблюдениям, если кванторные слова не субстантивируются, а употребляются в составе именной группы, они сочетаются только с теми существительными, по отношению к которым можно применить понятие множества.

Итак, в результате сопоставительного анализа функционирования рассмотренных предлогов мы пришли к следующим выводам: для обоих предлогов характерно функционирование в контекстах, отражающих ситуацию варьирования; способы выражения ситуации варьирования в правом компоненте практически совпадают; основным формальным отличием конструкций с рассматриваемыми предлогами является употребление кванторного слова в качестве одного из компонентов структуры с предлогом *вне зависимости от*; элемент структуры данного предлога *вне*, передающий семантику отрицания, обуславливает иной тип отражения внеязыковой действительности: с помощью конструкции передается нерелевантность варьирующихся ситуаций для развертывания ситуации 2, тем самым отрицается воздействие одной ситуации на другую.

Список литературы

1. Агашина Е.Н. Условия функционирования отымённого релятива ‘в зависимости от’// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 4 (46); в 2-х ч. – Ч. I. – С. 15-19.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Несколько замечаний о словах типа *несколько* (К описанию квантификации в русском языке) // Язык. Система и функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 44-54.
3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. – М.: Русский язык, 2001. – 863 с.
4. Кронгауз М.А. Тип референции именных групп с местоимениями *все, всякий и каждый* // Семиотика и информатика. – Вып. 35. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 227-243.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 22.06.2017).
6. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 432 с.
7. Падучева Е.В. Идея всеобщности в логике и естественном языке // Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 15-25.
8. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. – М.: Русский язык, 1991. – 256 с.
9. Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь* // Вопросы языкознания. – 1964. – № 4. – С. 80-90.

Березина Н.С.

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

Berezina N.S.

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР АРГУМЕНТАЦИИ *НЕДАРОМ* В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ
М.М. БАХТИНА, Б.В. ТОМАШЕВСКОГО И Ю.Н. ТЫНЯНОВА

DISCOURSE MARKER OF ARGUMENTATION *НЕДАРОМ* IN SCIENTIFIC TEXTS
BY М.М. BAKHTIN, B.V. TOMASHEVSKIY AND YU.N. TYNIANOV

В статье рассматриваются функции дискурсивного маркера *недаром*, который играет важную роль в обеспечении связности текста, являясь нестандартным средством введения аргументации и маркируя текстовый блок как обосновывающий или указывающий на уже известное обоснование.

Ключевые слова: *аргументация, дискурсивный маркер, недаром, анафорическая направленность, катафорическая направленность, текстовая связность.*

The article deals with functions of a discourse marker *недаром*, which plays an important role in providing the coherence of the text, as a non-standard means of introducing argumentation and marking a text block as justifying or referring to the already known justification.

Key words: *argumentation, discourse marker, недаром, anaphoric nature, cataphoric nature, text coherence.*

Различные исследования аргументации сходятся в том, что аргументация – это особый вид деятельности, целью которого является специфическое воздействие «на сознание адресата посредством языковых выражений, организованных в соответствии с принятыми в данной культуре принципами убеждения» [1, с. 19]. Учитывая интеракциональный характер аргументации, справедливо интерпретировать ее как особый тип дискурса – продукта совместной деятельности коммуникантов [4, с. 28]. Аргументативный дискурс реализуется в ряде речевых ходов, которые композиционно складываются в целый комплекс высказываний. При этом каждое речевое действие может быть отмечено особым лексическим средством – дискурсивным маркером, значение которого составляет имплицитная схема-сценарий, который представляет собой, как нам кажется, операцию над смыслами, заложенными в высказывании. Термин *маркер* мы употребляем в соответствии с теорией дискурсивного анализа, представленной в работах Дж. Брауна и Дж. Юла [12], а также Д. Шиффрин [13]. Основные же теоретические положения для описания дискурсивных единиц были взяты из исследований французской школы Д. Пайара, воспринятой на русской почве А.Н. Барановым и реализованной в «Путеводителе по дискурсивным словам» (1993) [7] и сборнике «Дискурсивные слова русского языка» (1998) [5]. Опираясь на данный подход, мы составили следующую схему для анализа подобных единиц маркирующего характера: 1. Вокабула. 2. Типы употребления. 3. Границы. 4. Операция. 5. Модификации. 6. Взаимодействие с другими единицами. 7. Проявление авторского стиля. 8. Пунктуационное оформление. 9. Корпус примеров. В рамках данной статьи считаем возможным опустить такие блоки, как «Типы употребления», «Пунктуационное оформление» и «Корпус примеров», которые имеют иллюстративный, дополнительный характер.

Недаром [н'и³дárъм]

Границы: внутренняя форма *недаром* восходит к *дар* – «нечто ценное, значимый объект, передаваемый безвозмездно». Ситуация «отдать даром» предполагает отказ от обмена вещи на аналогичную по ценности. *Недаром*, соответственно, будет означать наличие чего-то ценного, значимого, участвующего в обмене. Таким образом, пропозициональное содержание, основанное на этимологических корнях, будет подразумевать наличие

значимого контекста, который стоит за выраженной информацией; наличие некоего гаранта истинности высказывания. Причем говорящий оценивает сам факт наличия этого обоснования положительно.

Операция: *недаром* сигнализирует о наличии причины, обоснования в пред- или посттексте. Это своеобразный ориентир для воспринимающего информацию, указание на то, что данному факту, безусловно, имеется подтверждение.

Модификации: в зависимости от положения *недаром* в предложении мы выявили две модификации операции: 1) катафорическую и 2) анафорическую.

В **катафорической** модификации *недаром* сигнализирует об обоснованности выраженного тезиса (мнения, положения), а в посттексте приводится обоснование. В данной позиции *недаром* создает очень сильную правую валентность: *Катенин недаром сердился на то, что в «Женихе» («Наташе», как он пишет) Пушкин «бессовестно обокрал» его «Убийцу»; прямого заимствования здесь нет, но зато — и это важнее — есть общность направления* [10, с. 109]. Пропозиция 'обоснованная претензия Катенина к Пушкину' подтверждается разъяснением причин в последующем тексте: использование Пушкиным общего сюжетного направления.

Описательно функцию *недаром* в катафорическом употреблении можно представить следующим образом: «некое событие было каузировано другим событием, о котором мне известно, потому мое первое высказывание небезосновательно. Это основание я представлю непосредственно в следующем текстовом фрагменте, чтобы вы могли убедиться в справедливости моего суждения». Здесь можно говорить о рокировке причины и следствия. Сначала говорящий представляет нам постсобытие, потом предшествующую ему ситуацию.

Варианты катафорической модификации:

- 1.1) приведение иллюстрации, обосновывающей положение левого контекста;
- 1.2) экспликация фактов, на основании которых был сделан вывод.

1.1. Приведение иллюстрации, обосновывающей положение левого контекста: *Монахи особенно поразили его. И недаром: в Сардинском королевстве (в состав которого входили Пьемонт и Ницца) царствовала черная клерикальная реакция иезуитов, были уничтожены какие-либо следы радикального равноправия, введенные было при французах; суды колесовали и четвертовали за малейшее проявление вольномыслия* [10, с. 306]. Особый эффект, который произвели монахи на Рабле, был обоснован. Чтобы понять, в чем он состоял, нужно представить себе условия жизни этих людей, которые продемонстрированы в правом тексте. Иллюстративность в данном случае понимается нами как детализированная определенными чертами «картина эпохи» или описательный эпизод. Тем не менее, в некоторых случаях нельзя однозначно сказать, что перед нами иллюстрация, а не ряд обосновывающих фактов. Сравним со следующей реализацией.

1.2. Экспликация фактов, на основании которых был сделан вывод: *Сам Франциск недаром называл себя и своих сторонников «скоморохами господа» («iocularores Domini»). Своеобразное мировоззрение Франциска с его «духовной веселостью» («laetitia spiritualis»), с благословением материально-телесного начала, со специфическими францисканскими снижениями и профанациями может быть названо (с некоторой утирковкой) карнавализованным католицизмом.* [2, с. 67]. Чтобы обосновать особый образ, взятый на себя Франциском, М.М. Бахтин приводит ряд фактов, эксплицирующих эту связь: мировоззрение, образ жизни, особые манифестирующие действия.

По положению в структуре предложения и текста можно выделить следующие варианты употребления *недаром*: а) в абсолютном начале предложения и абзаца, б) на границе предикативных частей предложения, в) внутри предикативной единицы. Текстовые связи могут быть развернуты как в правый (катафора), так и в левый (анафора) контекст.

В абсолютное начало предложения маркер *недаром* выносится в случае, если имеет анафорическую направленность, а обоснование разворачивается достаточно объемно: *Единство человека и единство его поступков (действия) носят риторико-правовой*

характер и потому с точки зрения последующей психологической концепции личности кажутся внешними и формальными. [Аргумент – иллюстрация реализации принципа, выраженного тезисом.] **Недаром** софистический роман родился из юридического фантазирования, оторванного от реальной правовой и политической жизни ритора [3, с. 218].

В сложном предложении на границе предикативных единиц недаром выступает в качестве единицы, организующей связность. Связь может поддерживаться другими средствами, например повторами: *Конечно, значение производительного акта имели и «свадебные тумаки».* Это значение переходило и на *избиение ябедников, недаром их избивали* именно под видом свадебных тумаков и под удары свадебного барабана [2, с. 228].

В более объемных текстовых блоках, перегруженных пунктуационно, недаром выступает как средство текстовой связи: *Интерес к древней литературе есть, для обыкновенного читателя, какой-то пережиток, своеобразный атавизм, и наблюдается, как большинство культурных пережитков, преимущественно в детской среде; недаром мы имеем множество искажающих „переделок для детей“ такой старой литературы, как напр. „Тысяча и одна ночь“ или „Гаргантюа“, – произведений, никогда не предназначавшихся для детского понимания* [8, с. 6].

Маркер может смещаться с границы внутрь предикативной единицы, однако маркирующие и связывающие свойства сохраняются: *Баллада могла создаться на основании точного слова, почти прозаически-честного — Тихонов недаром в кружке прозаиков. Слово у него в балладном стихе потеряло почти все стиховые краски, чтобы стать опорным пунктом сюжета, сюжетной точкой* [11, с. 447]. Здесь пропозиция «Тихонов – прозаик» маркируется катафорическим недаром, которое в правом контексте поддерживается аргументом «его слово … потеряло … стиховые краски».

В **анафорической** модификации лексический показатель более тесно связан с пропозицией, сигналом которой является. В этом случае недаром маркирует пропозицию как обоснование. Это может быть иллюстрация в поддержку тезиса, ссылка на мнение авторитетного лица или народную мудрость ('недаром говорят ...'), любое действие и событие, связанное с пропозицией левого контекста. Обоснование в данном случае носит отчасти характер следствия, но следствия закономерного и ожидаемого: *Брюсов ввел в поэзию пафос изобретателя, пафос научного опыта над жизнью слова. Недаром книга, изданная через 25 лет после хрестоматии «Русские Символисты», так же как и она, стремится представить «образцы поэзии» и носит полунаучный характер («Опыты»)* [11, с. 280-281]. Автор видит заслуги В. Брюсова в его новаторском подходе к литературному творчеству, что, с его точки зрения, можно проиллюстрировать наличием у писателя большого количества произведений экспериментального характера.

Варианты анафорической модификации:

- 2.1) подтверждение верности высказанного предположения в последовавших событиях;
- 2.2) экспликация фактов, на основании которых был сделан вывод;
- 2.3) ссылка на сходное мнение другого автора по данному вопросу;
- 2.4) отсылка к факту, который не может служить основным доказательством, но закономерно следует из высказанного тезиса.

В анафорическом употреблении недаром иллюстрирует содержание левого контекста закономерным следствием или подтверждением; сигнализирует о том, что утверждение и есть обоснование, аргумент к высказанному тезису.

2.1. Подтверждение верности высказанного предположения в последовавших событиях (перифраз: «и это далее привело к тому, что»): *Это придает настолько условный характер всей речи Наполеона, что никаких реалистических черт в данном стихотворении искать не приходится. Недаром на это стихотворение так сурьово нападал в 1822 г. В. Ф. Раевский. Монолог Наполеона есть сгущение «злодейских» замыслов* [9, с. 65]. В данном случае

иллюстрация не сводится к факту, она показывает, к какому закономерному следствию (ряду событий) привело наличие у стихотворения определенных черт. Несмотря на причинно-следственный характер отношений, в этом фрагменте интенция говорящего направлена на нахождение подтверждения, обоснования своего мнения: автор не считает стихотворение реалистичным – именно благодаря маркеру *недаром* правый контекст воспринимается как аргумент, а не следствие.

2.2. Экспликация фактов, на основании которых был сделан вывод (перифраз: «и этот вывод я сделал на основании того, что»): *Рабле дал замечательный образ языка латинизаторов в эпизоде с лимузинским студентом в «Пантагрюэль»*. Подчеркиваем, что дело идет именно об образе языка, показанного как целое в его существенных моментах [Тезис: *И образ этот бранный, развенчивающий*.] **Недаром** и [Аргумент: тематика речи студента полна непристойностей.] *Взбешенный его языком Пантагрюэль схватил его за горло, и несчастный с перепугу заговорил на чистом родном лимузинском наречии* [2, с. 519]. «Образ бранный» – автор делает этот вывод на основании того факта, что речь студента полна непристойностей.

2.3. Ссылка на сходное мнение другого автора по данному вопросу (перифраз: «другой автор представил эту проблему сходным образом»): *Но и [Тезис: вся остальная латинская литература средневековья является, в сущности, большим и сложным диалогизированным гибридом]. Недаром [Аргумент: Пауль Леманн определяет ее как усвоение, переработку и имитирование чужого добра, то есть чужого слова. Взаимоориентация с чужим словом проходит по всему диапазону тонов – от благоговейного принятия до пародийного высмеивания, причем весьма часто трудно установить, где именно кончается благоговение и начинается высмеивание]* [3, с. 441]. Данный ход является, на наш взгляд, реализацией предыдущего, но с несколько иной семантикой. С другой стороны, он представляет собой типичный для научного дискурса прием – обращение к мнению авторитета, сопоставление своего и чужого мнения, что позволяет автору ввести собственное исследование и мнение в широкий научный контекст.

2.4. Отсылка к факту, который не может служить основным доказательством, но закономерно следует из высказанного тезиса (перифраз: «кстати, это можно подтвердить таким примером...»): *Такой же плохой поэт и Гринев (недаром он пишет плохие стихи)* [3, с. 214]. Данная модификация, на наш взгляд, отличается произвольным, факультативным характером, что подтверждается использованием скобочной конструкции. Это доказательство имеет характер «реплики в сторону». Краткая, но важная реплика упреждает возможные возражения или недоверие оппонента, тем не менее не уводя основную мысль в сторону от предмета обсуждения.

Взаимодействие с другими единицами. В нашем материале представлен пример сочетания *недаром* с союзом *и*: *Популярность «Марсельезы» принадлежит ее музыке, а не словам. Призывающий, волнующий мотив «Марсельезы» действительно сыграл революционную роль, и недаром существует несколько революционных марсельез* [9, с. 159]. В том числе с союзом *и*, реализующим связь на уровне текста: *И недаром в свое время образы Тютчева были объявлены «непонятными» проф. Сумцовым и проф. Брандтом. Без XVIII века, без Державина историческая перспектива по отношению к Тютчеву не может быть верной* [10, с. 297]. В данном случае нельзя сказать, что *недаром* является конкретизатором при союзе: невозможно представить такие конструкции без *недаром*, тогда как *и* вполне можно опустить, что дает основания полагать, что *и* – дополнительный формальный показатель связи.

Проявление авторского стиля. В текстах Б.В. Томашевского и Ю.Н. Тынянова *недаром* создает сильную правую валентность и вводит иллюстрацию, представляющую закономерное следствие. Таким образом, в цепочку рассуждений автор включает широкий культурно-исторический контекст эпохи. Как правило, в поле зрения попадают события, реже – факты. Вероятно, дело в том, что Б.В. Томашевский и Ю.Н. Тынянов имеют дело не с

анализом произведения, а с историческим, биографическим материалом: *Сношения с лицами, не являющимися профессиональными литераторами, но много видевшими и любопытными: Н.А. Дуровой, В.А. Дуровым, Сухоруковым и т.д. — характерны для Пушкина-журналиста, так же как и попытки вызова литераторов из соседних с художественной литературой рядов, недаром последнее письмо Пушкина предлагает конкретное литературное сотрудничество в журнале детской писательнице Ишимовой* [11, с. 279].

Конструктивное положение *недаром* в текстах Ю.Н. Тынянова позволяет предположить его постепенный переход в статус скрепы-фразы [6, с. 326–334]. В его текстах *недаром* смещается на границу смысловых (текстовых) блоков и получает интонационное выделение. В следующем примере паузирование оформлено двоеточием: *Монахи особенно поразили его. И недаром: в Сардинском королевстве (в состав которого входили Пьемонт и Ницца) царствовала черная клерикальная реакция иезуитов, были уничтожены какие-либо следы радикального равноправия, введенные было при французах; суды колесовали и четвертовали за малейшее проявление вольномыслия* [10, с. 306].

Употребление маркера М.М. Бахтиным обусловлено аналитическим характером его работы. Он дает литературоведческий анализ, потому иллюстрации связаны непосредственно с материалом рассматриваемых произведений, а основное внимание удалено фактам, на основании которых были сделаны соответствующие выводы; иногда М.М. Бахтин обращается к мнению других исследователей. Еще одной особенностью *недаром* является большое количество его употреблений в составе скобочной конструкции, которая включает комментарий к основной мысли. Вынося аргумент в скобки, автор снижает к нему внимание и имплицитно обнаруживает свою убежденность в том, что читателю эта информация уже известна, тем самым он уравнивает позиции читателя и автора по степени осведомленности и эрудированности, создавая максимально комфортную коммуникативную среду.

Таким образом, лексема *недаром* функционирует в тексте не только как знаменательный элемент семантической структуры предложения, но и как единица дискурсивного плана — маркирует авторское мнение, служащее обоснованием тезиса, или факт-подтверждение, являющийся закономерным следствием того, о чем утверждается в тезисе. Особенности употребления маркера *недаром* отражают авторский стиль и обусловлены характером текстового материала.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дис. ... доктора филол. наук. — М., 1990. — 372 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — 2-е изд. — М., 1990. — 543 с.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. — 504 с.
4. Бороденков П.А. Маркеры аргументации в обиходном дискурсе (на материале незнаменательной лексики немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. — Иваново, 2009. — 372 с.
5. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. — М.: Метатекст, 1998. — 448 с.
6. Прияткина А.Ф. Скрепа-фраза (о новой модели организации текста) // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. — Владивосток, 2007. — С. 326-334.
7. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.В. Кадзасов; под ред. А.Н. Баранова. — М.: Поморский и партнеры, 1993. — 207 с.
8. Томашевский Б.В. Писатель и книга. Очерки текстологии. — М.: Прибой, 1928. — 231 с.
9. Томашевский Б.В. Пушкин: [В 2 кн.] / Отв. ред. В.Г. Базанов; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956-1961. — Кн. 1 (1813-1824). — 1956. — 743 с.
10. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. — М.: Наука, 1986. — 424 с.
11. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция. Избранные труды. — М.: Аграф, 2002. — 496 с.
12. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — 283 p.
13. Schiffrin D. Discourse Markers. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — 364 p.

Гавриленко В.В.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Gavrilenko V.V.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТЫМЕННОГО РЕЛЯТИВА В ОБЛИКЕ: НА ПУТИ К ПРЕДЛОГУ

SEMANTIC AND SYNTACTIC CHARACTERISTICS OF A RUSSIAN DENOMINATIVE FORMATION *В ОБЛИКЕ*: TRANSFORMING INTO A PREPOSITION

В статье рассматриваются семантико-синтаксические особенности отыменного новообразования *в облике*: на основе анализа изменения его сочетаемости прослеживаются стадии процесса «опредлаживания» данной единицы.

Ключевые слова: *производный предлог, отыменный релятив, грамматикализация, синтаксическая конструкция, синтаксис*.

The article covers semantic and syntactic characteristics of a new denominative formation *в облике*. Based on the analysis of changing its combinability, the stages of transforming this language unit into the preposition are observed.

Key words: *derivative preposition, denominative formation, grammaticalization, syntactic construction, syntax*.

Производные, или вторичные, предлоги стали объектом внимания исследователей примерно с середины XX века [18; 19] и в последнее время подвергаются активному изучению [3; 4; 5; 8; 9; 12; 13; 20; 22]. Процесс перехода знаменательной лексики в предлоги особенно активизировался в русском языке начиная с XVIII века, что объясняется влиянием как эксталингвистических факторов (развитие государства и усложнение отношений в разных сферах жизни), так и внутриязыковых тенденций (тенденции к аналитизму, к компрессии, к ускорению речи).

Вопрос о категориальном статусе единиц, именуемых производными предлогами, остается открытым. Включение их в состав класса предлогов на основании только их синтаксической функции ведет к размытию понятия «предлог». К тому же большинство подобных единиц находится на определенной стадии перехода от знаменательной части речи к предлогу, и мы не можем утверждать, что этот переход в конечном счете состоится. Против включения таких единиц в число предлогов выступал Д.Н. Шмелев [23]. М.В. Всеволодова предложила разграничить понятия «морфологический предлог» (как часть речи) и «синтаксический предлог» (по выполняемой функции), которым может быть как морфологический предлог, так и слова других частей речи [3]. Е.С. Шереметьева предлагает использовать термин «отыменный релятив», который бы охватывал не только собственно производные предлоги, возникшие на базе имени, но и переходные явления [20].

Процесс опредлаживания является частью процесса грамматикализации. Е.Н. Виноградова при определении степени грамматикализации предложных единиц оперирует понятием функционально-грамматического поля предлога, где единицы распределены от ядра к периферии. Приводится следующий перечень механизмов грамматикализации: десемантизация, употребление в новых контекстах, потеря морфосинтаксических свойств, фонетическое упрощение. Однако, по мнению исследователя, четких критериев, показывающих степень грамматикализации, до сих пор не выработано [2].

Объектом нашего исследования является единица предложного типа *в облике*, по отношению к которой можно использовать термин «отыменный релятив». Названная

единица представляет для нас интерес, так как по формальным и общим семантическим параметрам может быть включена в ряд изучаемых нами единиц (*в форме, в виде, в манере*), построенных по модели «*в + N₆*», но стоящих на разных ступенях грамматикализации. В настоящей статье *в облике* рассматривается с точки зрения семантико-синтаксических особенностей. В работе мы опираемся на принцип индивидуального подхода к каждой служебной единице, выдвинутый Дальневосточной синтаксической школой [21].

Весь представленный в статье материал собран с помощью Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

В словарях служебных слов [7; 10; 15] *в облике* как самостоятельная единица не представлена.

Для того чтобы выявить, наблюдается ли у релятива *в облике* отрыв от базового слова в части выбора контекста, мы проанализировали факты употребления существительного *облик*.

Представляет интерес тот факт, что значение лексемы *облик* претерпело за последние сто лет некоторые изменения. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой находим следующее толкование: «1. Внешний вид, очертание, наружность. *Приятный облик*. <...>. 2. перен. Характер, душевный склад. *Нравственный облик человека*» [11, с. 421]. Из словарной статьи видно, что слово *облик* употребляется только по отношению к человеку.

В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой и в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова к двум указанным выше значениям добавляется переносное значение «Внешние очертания, вид чего-л.; совокупность признаков, характеризующих что-л. *Облик города. Облик страны*» [16, с. 739; 1, с. 671]. Примечательно, что в более ранних словарях – словаре В.И. Даля [6] и словаре Д.Н. Ушакова [17] – такое значение отсутствует. На основании этого мы можем сделать вывод об эволюции значения слова *облик*: оно идет по пути от употребления с одушевленными существительными к употреблению с существительными неодушевленными. В НКРЯ нами были обнаружены следующие примеры: *облик населения, облик молодежи, облик природы, облик дома, облик деревни, облик войны, облик психологии*. В них уже подразумевается не только внешний вид, но и характеристика. При таком употреблении, как *облик населения, облик молодежи*, еще улавливается связь с человеком, так как зависимое слово обозначает множество людей. *Дом, деревня, город, край* – это уже неодушевленные предметы, но они обладают определенными очертаниями, следовательно, в сочетаниях типа *облик города* еще сохраняется указание на внешний вид. А вот в таких случаях, как *облик войны, облик психологии*, уже нет связи с внешним видом, здесь слово *облик* употребляется с существительными, называющими абстрактные понятия. Конечно, таких фактов немного (10-15 примеров из 250), но они позволяют хронологически прочертить вектор изменения сочетаемости слова *облик* и увидеть, что оно движется в сторону употребления в сочетании с абстрактными существительными. Таким образом, можно сказать, что у существительного *облик* произошел сдвиг в сочетаемости: его употребление становится более метафоричным, оно все более отдаляется от указания на внешний вид.

Грамматикализация, то есть превращение знаменательного слова в служебную единицу, происходит постепенно. В ходе нашего исследования мы выделили разные стадии данного процесса для отымененного релятива *в облике*. При анализе релевантным оказался такой признак, как одушевленность/неодушевленность существительных, которые соединены между собой с помощью данной единицы. Такие существительные составляют правый (следующий за релятивом) и левый (предшествующий релятиву) компоненты конструкции, строящейся на основе словоформы *в облике*. Представим выявленные нами типы употребления.

1. Правый и левый компоненты – одушевленные существительные:

Так вот, Махараджи очень любил поэму «Рамаяна», особенно главу, в которой повествуется о подвигах Ханумана — мудрого обаятельного *существа в облике обезьяны*, чья преданность Раме до такой степени приблизила его к Богу, что Ханумана звали

«дыхание самого Рамы» (Марина Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию (2003)); *Древние немцы и арабы верили в мандрагор – маленьких духов, представленных в облике безбородых человечков, живущих в этих растениях...* (С.В. Мельникова. Сказки и «волшебные» растения // «Биология», 2003.04.01); *В эти пять дней ничто не будет отлучать меня от Маши, которую, может, черт, а быть может, Бог, в облике завуча, первого сентября посадил за третью парту в девятом «А»* (Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)).

Существительные в таких случаях (как слева, так и справа) называют либо человека (при этом нехарактерно употребление узнаваемого имени), либо животное, божественное или мифологическое существо. Относительно таких фактов трудно сказать, есть ли здесь отрыв от базового слова, поскольку можно произвести замену словоформ. Так, например, мы можем перестроить фразу, используя вместо *в облике* форму *облик*: *существо принял облик обезьяны; духи имеют облик безбородых человечков; черт, а быть может, Бог принял облик завуча.* В *облике* здесь используется для компрессии, ускорения речи, то есть позволяет выразить ту же мысль в свернутом виде. Однако отличие от базового слова, на наш взгляд, состоит в том, что с помощью *в облике* создаются особые отношения – отношения тождества (например, выражение *человек в облике обезьяны* означает «человек принял облик обезьяны, стал обезьянкой»).

2. Левый компонент – неодушевленное существительное, правый – одушевленное существительное:

Провожая в школу Тоню-первоклашку, мама остановилась вытряхнуть из ее носка попавший камешек, тут-то и настигла девочку судьба в облике рыжеволосой, худой, поджарой, как высокопородный жеребец, женщины (Екатерина Маркова. Каприз фаворита (1990-2000)); *История* ввалилась к нам в облике пожилого, пьяного человека с блуждающими, такими же голубыми, как у Хикмета, глазами (Евгений Евтушенко. Волчий паспорт (1999)); Так что отсутствие мужа воспринималось травяной улицей с ехидством и недоумением, хотя две-три безмужных с детьми имелись, но это были поселянки недавние, по виду и образу жизни женщины грядущей морали, которая проникала в слободу в облике опять же безмужных этих лазутчиц, ездивших на работу в какие-то непонятные учреждения, одевавшихся шик-модерн и обозначаемых в разговорах с помощью слова «эта» (Асар Эппель. Леонидова победа (1990-2000)).

В таких случаях создается особая модель персонификации, в этом особенность устанавливаемого тождества. При таком употреблении *в облике* прослеживается связь с русской культурой, в частности с мифологическим славянским мировоззрением. В народных верованиях отвлеченные понятия имели облик живых существ, и в составе левого компонента встречаются наименования таких явлений, которые в русской культуре часто олицетворяются (жизнь, смерть, весна, судьба, Рок, Россия).

Позицию левого компонента часто занимают существительные, называющие основополагающие понятия, например *право, культура, история, мораль, мудрость*. В позиции правого компонента – наименование человека, чаще – конкретного лица. В таких случаях уже можно говорить о сдвиге в сочетаемости и отрыве от базового слова. Создаваемые отношения тождества затрагивают уже не сугубо внешний вид, это отношения более глубинные, и поэтому изменение формы базового слова проблематична, ср.: **облик истории, облик морали*.

Таким образом, наблюдается расширение контекста словоформы – один из признаков, который исследователи относят к показателям изменения значения и возможного начала грамматикализации [см.: 2].

3. Левый и правый компоненты – неодушевленные существительные:

Создавая, с конца XIX века, современную школу на собственных культурных основаниях, Россия, уже в облике Советского Союза, смогла построить замечательную и неповторимую систему – единую общеобразовательную школу (Сергей Телегин. Дети-изгои

// «Советская Россия», 2003.07.10); *В 1990-е годы Москва вошла в облике столицы развитого социализма* (Григорий Ревзин. Москва: Десять лет после СССР // «Неприкосновенный запас», 2002.09.12); *Леонид Андреев не с меньшим реализмом и не с меньшей жестокостью изображает смерть, которая является ему тоже в облике анатомического театра* (М.А. Волошин. «Елеазар», рассказ Леонида Андреева (1907)).

Неодушевленные существительные справа от *в облике* встречаются гораздо реже, чем слева. Эти немногочисленные примеры реализации правого компонента (например, *хризантемы и цицерарии, прошлое, Советский Союз, столица развитого социализма, современное искусство, кресло, анатомический театр*) не поддаются какой-либо семантической классификации. Мы видим, что это не всегда нечто конкретное, осязаемое, но это и не абстрактные понятия, это нечто, что имеет определенный образ в нашем сознании, воображении. И хотя сочетаемость релятива в этом случае уже более свободная, в его семантике еще сохраняется связь с лексическим значением существительного *облик*.

В данных примерах наблюдается еще большая степень метафоризации: релятив трудно заменить выражением с базовым словом, что является одним из показателей перехода лексической единицы в предлог. Стоит, однако, оговориться, что подобные употребления встречаются крайне редко, поэтому можно говорить только о наметившейся тенденции.

Специфическим свойством конструкции с отыменным релятивом *в облике* является обязательное наличие существительного в позиции левого компонента. Анализируемая единица может формировать субстантивное словосочетание и трехчленную конструкцию, под которой мы вслед за А.Ф. Прияткиной [14] понимаем конструкцию с двумя линиями связи из трех компонентов, один из которых маркирован предлогом.

Пример субстантивного словосочетания: *Рок в облике мордатого Витюни выглянул из черного джипа и крикнул: <...>* (Игорь Сахновский. Ревнивый бог случайностей // «Октябрь», 2003). В состав конструкции входят два компонента (главный и зависимый), связанные релятивом: *рок в облике Витюни*.

Пример трехчленной конструкции: *Такое впечатление, что в последний год пребывания у власти каждый раз, когда господин Ельцин сталкивался с какой-нибудь проблемой, решение немедленно возникало в облике господина Путина* (Они о нас // «Коммерсантъ-Власть», 2000). Это конструкция из трех компонентов, при этом релятив оформляет две линии связи: *решение в облике господина Путина* и *возникало в облике господина Путина*.

Итак, словоформа *в облике*, как и существительное *облик*, движется по пути от сочетаемости с одушевленными существительными к сочетаемости с существительными, называющими абстрактные понятия. Причем, судя по датировке фактов, этот процесс идет весьма активно в течение последних 50 лет, то есть на наших глазах происходит превращение предложно-падежной словоформы существительного в служебную единицу. Однако *в облике* находится только в начале этого пути, так как, во-первых, фактов его употребления в сочетании с неодушевленными существительными пока мало, а во-вторых, *в облике* не демонстрирует значительного расширения сочетаемости, позволяющего отвлечься от представления о внешнем образе предмета.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.
2. Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкоznания. – 2016. – № 1. – С. 25-50.
3. Всеволодова М.В. Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики // Вопросы функциональной грамматики: сборник научных трудов. – Гродно: ГрГУ, 2002. – Вып. 4. – С. 14-25.
4. Всеволодова М.В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 304 с.

5. Гальченко Е.В. Употребление предлогов с фразеологизированным значением в языке современной прессы: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2004. – 205 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Санкт-Петербург, 1863-1866.
7. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. – Москва: Русский язык, 2001. – 863 с.
8. Клобуков Е.В. Переходные процессы в образовании служебных частей речи (предлоги как продуктивный класс лексем) // Вопросы функциональной грамматики. – Гродно: ГрГУ, 2001. – С. 3-13.
9. Конюшкевич М.И. Русские и белорусские предлоги: списочный состав, закономерности образования, первый опыт сопоставления // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2005. – № 4. – С. 64-78.
10. Морковкин В.В. Объяснительный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева и др. – Москва: Астрель, 2003. – 432 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1994. – 928 с.
12. Поперина И.М. Типы отношений, выражаемых фразеологическими предлогами с родительным падежом имени: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2003. – 200 с.
13. Попова З.Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – 232 с.
14. Прияткина А.Ф. Трехчленная союзная конструкция // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 222-233.
15. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. – Москва: Русский язык, 1991. – 254 с.
16. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под. ред. А.П. Евгеньевой. – Т. II. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 1015 с.
17. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Под. ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935-1940.
18. Финкель А.М. Производные предлоги в современном русском литературном языке. – Харьков, 1962. – 239 с.
19. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. – М.: Наука, 1967. – 280 с.
20. Шереметьева Е.С. Отмынные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 236 с.
21. Шереметьева Е.С. Описание служебных слов в концепции Дальневосточной синтаксической школы и грамматика конструкций // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – № 4. – Владивосток, 2014. – С. 19-21.
22. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. – 454 с.
23. Шмелев Д.Н. К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1961. – Т. XX. – Вып. 6. – С. 498-505.

Завьялов В.Н.

Тихоокеанский государственный университет

Хабаровск, Россия

Zavyalov V.N.

Pacific National University

Khabarovsk, Russia

СОЮЗ ЛИБО: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

CONJUNCTION ЛИБО: MATERIALS FOR A DICTIONARY OF AUXILIARY WORDS

В статье представлены материалы для многопараметрового описания союза *либо* в специализированном словаре служебных слов. Категориальные свойства данного союза рассматриваются через его семантические, синтаксические и коммуникативно-прагматические особенности, что создает условия для его максимально точного и полного лексикографического портретирования.

Ключевые слова: *союз, семантика, синтаксис, синтаксическая связь, высказывание, прагматика, синонимия.*

The article presents the materials for a multidimensional description of the conjunction *либо* in a specialized dictionary of auxiliary words. Category-based properties of this conjunction are considered through its semantic, syntactic as well as communicative and pragmatic peculiarities, what creates conditions for making its precisely full and accurate lexicographical portrait.

Key words: *conjunction, semantics, syntax, syntactic link, utterance, pragmatics, synonymy.*

Настоящая работа выполнена в рамках научной деятельности Дальневосточной синтаксической школы, связанной с комплексным описанием служебных слов [7; 8]. В статье отчасти использованы авторские материалы [1; 2], а также учтены результаты других исследований, в той или иной мере связанных с изучением союза *либо* [3; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 11; 12]. Иллюстративный материал собран с помощью Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

ЛИБО [л'йбъ]

Типы употребления:

1. Вечерами мы читали **либо** играли в шахматы; Данное явление наблюдается астрономами **либо** поздним вечером, **либо** ранним утром. 2. Оставайся **либо** уходи; Надо выбрать **либо** красную, **либо** белую розу; Деваться некуда – **либо** говорить правду, **либо** молчать.

Омонимия. Не зафиксирована.

Состав: **либо...** (**либо...**). По строению однословный, по числу занимаемых синтаксических позиций неодноместный, а по их потенциальному возможному количеству многоместный. Количество повторений компонентов синтаксически не регламентировано, однако в реальном употреблении их обычно бывает не более трех-четырех. Самым частотным является двухкомпонентное употребление.

Этимология. В отношении этимологии союза *либо* нет единого мнения. Однако преобладание в его значении семантики строгой дизъюнкции ориентирует на точку зрения исследователей, полагающих, что он образовался из древнерусского союза *любо*, восходящего к соответствующему краткому прилагательному среднего рода, в результате изменения корневого гласного (возможно, под влиянием союзов *ли* и *або*): *А в княжес борти 3 грине, любо пожгут, любо изуродутъ* (Русская Правда). При этом *любо* часто употреблялся в сочетании с союзом *а*: *Хошу главу свою положити, а любо испити шеломомъ Дону* (Слово о полку Игореве) [8, с. 91-92].

Аналогичное употребление, но уже непосредственно с союзом *либо*, встречается также и в современном русском языке:

— Ты ничего. Ты бери. Ты парень, я вижу, добрый. Из дома тебе пришлют, может, подаяние будет, а **либо** заработаешь, украдешь что. Я поверю. Ты парень честный... Да ты водочки не хочешь ли? (В. Дорошевич. Сахалин); — С чем печёшь? — По времени-то с капустой надо, а **либо** с морковью, да мой-от не любит... (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина); *Aх, ваше благородие, да ведь правда-то на мужицкой стороне, ведь вся Росеято на мужике стоит, мужиком кормится. А **либо** взять бусурманскую войну. Кто турку побеждает? Опять мужик!.. Эх вы, косточки мужицкие!..* (В. Шишков. Емельян Пугачев).

Соч./ подч. Сочинительный.

Семантическая группа. Разделительный.

Значение. Указывает на альтернативные события, которые в той или иной мере являются реальными или предположительными, сообщая при этом, что имеет место (или возможно) только одно из них, а их совмещение является нежелательным или недопустимым по pragматическим соображениям, основанным, исходя из внутренней формы данного союза, на обязательном предпочтении какого-нибудь одного из членов сочиненного множества:

*Обывательское сознание всегда думает, что вещи **либо** существуют, **либо** не существуют. На самом же деле вещи настолько непрерывно текут, что иной раз становится трудным даже просто замечать их раздельное существование (А. Лосев. История античной философии в кратком изложении); Когда парижский продавец помогает покупательнице выбрать перчатки, он выражает к ней свое отношение как к женщине. Англичанин же способен думать лишь о чем-то одном — **либо** о выговоре, **либо** о перчатках, **либо** о любви и никогда не смешивает одно с другим (В. Овчинников. Корни дуба).*

Обязательный выбор одной из перечисленных альтернатив может подчеркиваться говорящим специальными лексическими средствами с соответствующей семантикой:

*Перед Ахматовой поставили выбор: **либо** отказаться от «Реквиема» и двух частей «Поэмы», **либо** сборник не выйдет совсем (Л. Чуковская. Процесс исключения // Очерк литературных нравов, 1978); Эволюция Вселенной может идти двумя путями: **либо** бесконечное разбегание вещества от точки взрыва, **либо** смена в какой-то момент фазы расширения фазой сжатия вплоть до коллапса, когда Вселенная снова обратится в точку (С. Виноградов. Циклическая вселенная Евгения Ченского // «Наука и жизнь», 2009); Мы оказываемся, таким образом, перед дilemmой: нам остается **либо** верить своим глазам и не верить своему уму, **либо** наоборот (А. Ивин. По законам логики).*

При необходимости говорящий может сделать прямое указание на отсутствие в представленной ситуации промежуточного выбора:

***Либо** социалист, **либо** юродивый — третьего не дано, как в задачках говорится (Б. Васильев. Были и небыли).*

Синтаксис. Оформляет сочинительную связь слов в простом предложении, связь простых предложений в составе сложносочиненного. Сочиненные словоформы и их синтаксические группы могут занимать позиции любых членов предложения. Порядок сочиненных членов может варьироваться: перестановка в целом не влияет на характер отношений между ними.

Конструкции. Образует конструкции с соподчиненными параллельными членами, отнесенными к общему члену, — как в простом, так и сложном предложении. Компоненты конструкций — непредикативные, полупредикативные и предикативные словоформы, с предметной, признаковой или событийной семантикой, находящиеся в синонимических или антонимических отношениях между собою и призванные отразить общую для всех них действительность, связанную с наличием в ней реальных или гипотетических альтернатив. Морфологических ограничений на употребление словоформ той или иной части речи в составе конструкций нет:

Играя на струнах, берём лист картона либо бумаги, прикрываем резонатор большие или меньшие и слушаем (Б. Ефремов. Гусли – своими руками // «Народное творчество», 2003); Строение подземных муравьиных гнезд изучают, либо раскапывая их, либо делая отливки сложных ходов и камер гнезда (Ю. Фролов. Как изучают жизнь муравьев // «Наука и жизнь», 2007); Надо было все смазать шуткой либо промолчать (Ф. Горенштейн. Куча // «Октябрь», 1996); /Борьба с заимствованиями ведётся внутри самого языка./ Иностранные слова либо благополучно исчезают, либо осваиваются и перестаёт восприниматься как иностранное (М. Кронгауз. Родная речь как юридическая проблема // «Отечественные записки», 2003); Когда Гриша предложил мне либо ехать с ним этим же вечером, либо никакого шоу не будет, я попросила у него сто долларов задатка и помчалась домой собирать вещи и перекладывать на друзей свои дела (Ю. Андреева. Многоточие сборки).

Высказывание. Каждая синтаксическая структура с либо является ремой. Возможны обособление, присоединение, парцелляция или вставка сочинительного ряда:

Это – иерархия: либо сословная, по происхождению, по землевладению, либо чиновничья (Е. Ясин. Культура – нарастание человеческого // «Знание – сила», 2010); Основная масса чугуна – либо в ковшах, либо в миксерах – идет в два конвертерных цеха, где с помощью кислорода конвертируется в сталь (А. Попов. Без маркеновских печей // «Эксперт», 2014); Надо либо жить, либо писать. Либо слово, либо дело. Но твоё дело – слово (С. Довлатов. Заповедник); За четырнадцать лет вино либо превращается в уксус. Либо взлетает в цене (А. Новиков. «Кадиллак» тоже был малышиком // «Калининградские Новые колеса», 2004).

Текст. Функция текстовой скрепы – как при однокомпонентном (1), так и при многокомпонентном употреблении (2):

1. Если территория не очень большая, самое выгодное местоположение для многоярусной декоративной группы в глубине участка, на фоне живой изгороди или в качестве заполнения свободных углов территории. Либо можно подчеркнуть низкорослой декоративной группой изгиб садовой дорожки или особенности рельефа (Т. Барская. Стилистика сада // «Homes & Gardens», 2002).

2. Не было у него [Ягайло] на тот момент «всей силы», тем паче, что часть собственно литовских сил ушла с его же братьями-соперниками на Куликовскую битву. Отсюда вывод, который сводится к трем «либо».

Либо Ягайло в одиночку не на что было рассчитывать даже после битвы и огромных потерь войск Дмитрия: собственное его войско было слишком слабо.

Либо потери русского войска были «эпически» преувеличены авторами памятников Куликовского цикла, как, впрочем, и сами масштабы битвы, о чем мы говорили выше. А у Ягайло не было возможности оценить эти потери, и узнал он только одно – Дмитрий победил! И это подействовало на него деморализующе, что психологически понятно.

Либо, наконец, рассказ о походе Ягайло к Куликову полю выдуман гораздо позднее – скорее всего, в 1480-е годы, с вполне объяснимыми политическими целями, о которых мы говорили в начале этой главы (А. Бычков. Загадки Древней Руси).

Взаимодействие с другими служебными словами. Взаимодействует с частицами и дискурсивными словами с семантикой крайней степени проявления какого-либо свойства (как вверх, так и вниз по градационной шкале):

Препарат либо заменён на улучшенный, либо вообще снят с производства (Красота, здоровье, отдых: Красота (форум), 2005); Державин решил наперед, что поедет в Казань при всяком исходе: либо губернатором, либо просто отдыхать и хозяйствовать года на два (В. Ходасевич. Державин); Что могут предприятия, на которых либо вовсе нет очистных сооружений, либо есть, но очень малой производительности и ненадежные в работе? (М. Аджиев. Мгла над Тындиной // «Вокруг света», 1989); Стильные юноши и девушки если и носят дубленки, то либо совершенно необычные, сшитые на заказ, либо очень старые, поношенные, нарочито немодного фасона (Катя Метелица. Зима // «Столица», 1997.12.08);

Как правило, подобные автомобили выдаются напрокат **либо** с собственным водителем, **либо** исключительно проверенным клиентам (А. Криволапов. Автомобиль напрокат // «Автопилот», 2002).

С модальными словоформами с семантикой неопределенности или неясности практически не взаимодействует.

Может коррелировать с союзом альтернативной семантики *a то (и)*, выступающим в качестве замыкающего компонента соединения:

*Мы видим на картах, как дышат на протяжении веков границы государств – то одно, то другое расположается вдруг вширь, как масляное пятно на воде, потом дробится **либо** же склокоживается до размеров фасоли, а то и вовсе исчезает с лица земли* (А. Житинский. Разговоры с Милордом).

Синонимия. Союзы *или* (*или... или...*), *то ли... то ли...*, *не то... не то...*, *то... то....* От данных союзов отличается оттенком строгой дизъюнкции и предельно ослабленной альтернативно-предположительной семантикой.

Наибольшую трудность вызывает разграничение синонимии союзов *либо* и *или*, так как они являются настолько близкими по значению, что практически во всех контекстах могут взаимозаменяться, а то и употребляться в общем сочинительном ряде. Напр.:

*Если сейчас объявится законный наследник дона Мигеля де Перальты, США придется **либо** пожертвовать в его пользу часть своей территории **или** же откупиться* (С. Глебов. Аризона в наследство // Вечерняя Москва, 2002.). В лагере всегда так: **или** жить не дают, **либо** ничего не видят и не знают (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Однако данные союзы тоже могут быть разграничены на основании противопоставления сильной и слабой дизъюнкции, а также с учетом семантики их внутренней формы, ибо, помимо основной, разделительной смысла, у союза *или* имеется и соединительная смысла (*и* т. е. *и то, и другое*), а у союза *либо* – условно-сопоставительная *если не...то (если не то, то другое)*. Ср.:

– *Если скажешь еще хоть одно слово, то кому-нибудь из нас двоих придется уехать домой. Я **или** ты...* (А. Чехов. Леший).

Говорящий предлагает слушающему два альтернативных способа решения проблемы. Но при этом семантикой союза *или* не исключается и промежуточный, когда оба из спорящих могут отправиться домой, как, впрочем, и остаться. В свою очередь, употребление союза *либо* максимально проясняет ситуацию: *Я либо ты* (= *если не я, то ты*). При такой постановке вопроса уже не вызывает сомнений, что домой отправится кто-то один. Эти особенности семантики данных союзов наглядно проявляются при их употреблении в общем контексте. Ср.:

*Как мне не хватает Юрия Станиславовича! «Лотковые лавины, – говорил он, стоя у этого окна, – это орудия, направленные на долину. Либо ты их, либо они тебя». В лавинном деле он был великанином, с его уходом образовался вакуум, который некем заполнить. Его ученики – **или** теоретики, **или** практики, Оболенский же был и тем, и другим* (В. Санин. Белое проклятие).

Принципиально важным является разграничение союзов *либо* и *или* в официально-деловом стиле, в частности в юридических текстах.

Союз *либо* следует использовать в контекстах, в которых совмещение альтернатив недопустимо, а также при детерминированном прагматическими обстоятельствами порядке их следования:

*При обнаружении таких недостатков арендатор вправе по своему выбору: потребовать от арендодателя **либо** безвозмездного устранения недостатков имущества, либо соразмерного уменьшения арендной платы, либо возмещения своих расходов на устранение недостатков имущества (что-нибудь одно. – В. З.)* (Гражданский кодекс Российской Федерации); *Право пользования животным миром в случаях, предусмотренных абзацами 5 и 6 части первой настоящей статьи, прекращается путем аннулирования*

лицензии с согласия сторон либо через суд (суд – крайняя мера. – В. З.) (Федеральный закон «О животном мире»); Настоящий договор может быть расторгнут либо с обоюдного согласия, либо в одностороннем порядке при невыполнении обязательств по договору другой стороной с предъявлением требований о возмещении понесённых убытков (обоюдное согласие сторон является приоритетным. – В. З.) (Договор на строительство гаража).

В свою очередь, союз или предпочтительно употреблять в контекстах, в которых порядок следования альтернатив не является принципиально значимым, а также допускается возможность их одновременного существования. Напр.:

Указанные дела подведомственны арбитражным судам независимо от того, какие лица – юридические или физические – являются участниками правоотношений, из которых возник спор («Арбитражный и гражданский процессы», 2003).

Фразеология. В двухкомпонентном составе: **Либо пан, либо пропал. Либо всё, либо ничего.**

Отличие от аналогичных выражений с союзом или (или пан, или пропал; или всё, или ничего) заключается в следующем:

– *Тут на прорыв надо ориентироваться, – решительно заявил Миша, – тут – или пан, или пропал... (Ю. Герман. Дорогой мой человек); – Допускаю, что игра с двойниками припасена на крайний случай. Когда либо – пан, либо – пропал... (М. Баконина. Школа двойников).*

В высказывании с или представлен вероятностный ход событий с относительным безразличным отношением говорящего к тому или иному исходу, в то время как в высказывании с либо оба результата представляются как крайние, форс-мажорные. Ср. также:

Я, к сожалению, как черно-белое кино: либо все, либо ничего (А. Кирилин. Нулевой километр // «Сибирские огни», 2013); «Или все, или ничего», – говорила она своим более удачливым знакомым, с которыми познакомилась во время экзаменов (М. Трауб. Замочная скважина).

В качестве фразеологизированного единства при повторе может выступать и непосредственно союзный компонент либо:

Тут должно быть либо/либо: либо с первого взгляда понятно, о чем идет речь; либо даже не должно возникать такого вопроса (Холодно-горячо // «Лесное хозяйство», 2003); Меня вызывал главный редактор – в то время им был Романов, до того возглавлявший Комитет по кинематографии, к либерализму, как кинешники убедились, не склонный – и отрубил: мол, либо – либо (Н. Кожевникова. Сосед по Лаврухе).

Стилистические возможности. Употребляется во всех стилях речи, но основной сферой функционирования являются научный и официально-деловой стили. В языке художественной литературы нередко используется авторами в репликах персонажей, приобретая при этом дополнительную прагматическую окраску, направленную на подчеркивание разницы между альтернативами:

– *Мне нужно золото, а не соль! – резко оборвал Стратиг. – Что принадлежит России, должно принадлежать только ей. Либо – никому (С. Алексеев. Сокровища Валькирии); – «Ситижен, – сказал Воловиков. – За полтора лимона. Ну, это либо Крокодил расщедрился, либо Житенев (А. Бушков. Бешеная); На двухчасовой летучке в редакции он сказал, что «Общество» в целом готово. – Что значит «в целом готово»? – раздраженно поддел его главный редактор. – Либо оно готово, либо – не готово. Учитесь отвечать грамотно, Бомштейн (В. Громов. Компромат для олигарха).*

Норма. По правилам синтаксической нормы компоненты союза либо должны находиться непосредственно перед сочиненными членами. Однако может иметь место рассогласование функций союзных компонентов:

На последнем курсе Духовной академии нужно определяться: либо ты идешь в белое духовенство, либо в черное (Д. Соколов-Митрич. Лёша из Лавры // «Русский репортер»),

2015); *Вы берёте звуки либо из постоянной памяти звуковой карты (это не всегда хорошо), либо из настоящего синтезатора (это всегда дорого), либо покупаете отдельно и грузите в карту с компакт-диска* (В. Александр. Почем музыка для народа // «Столица», 1997).

Такое употребление характерно для разговорного стиля речи.

Неправомерным является употребление союза **либо** в альтернативно-предположительном контексте:

Иногда в печке что-то взрывалось – либо лопались томящиеся в жаре крупицы пшеничной каши, либо стреляла перекалившаяся сковородка (А. Азольский. Лопушок).

В подобных случаях более целесообразным является использование союзов *то ли... то ли...* или *не то... не то...*. Ср.: *Иногда в печке что-то взрывалось – то ли / не то лопались томящиеся в жаре крупицы пшеничной каши, то ли / не то стреляла перекалившаяся сковородка*.

Список литературы

1. Завьялов В.Н. О значениях союзов *или* и *либо* // Русская речь. – 2008. – № 5. – С. 50-55.
2. Завьялов В.Н. Союзы *или* и *либо* в юридических текстах // Вестник АТАПРЯЛ. – Владивосток: ДВФУ, 2014. – № 4. – С. 56-58.
3. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. – Изд. 2-е, испр. – М.: URSS, 2009. – 216 с.
4. Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих частиц»). – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 376 с.
5. Перетрухин В.Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. – Воронеж: ВГУ, 1979. – 208 с.
6. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
7. Словарь служебных слов русского языка / А.Ф. Прияткина, Е.А. Стародумова (отв. ред.), Г.Н. Сергеева и др. – Владивосток, 2001. – 363 с.
8. Служебные слова в лексикографическом аспекте: монография / Е.А. Стародумова, В.Н. Завьялов, Е.С. Шереметьева (отв. ред.) и др. – Владивосток: ДВФУ, 2017. – 377 с.
9. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1977. – 352 с.
10. Урысон Е.В. Словарная статья союза *или* (...или) // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 150-153.
11. Хегай В.М. Разделительные отношения и средства их выражения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ, 1981. – 184 с.
12. Холодов Н.Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. – Смоленск: СГПИ, 1975. – Ч. II. – 88 с.

Конченко Т.В.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Konchenko T.V.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

**СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫХ
ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СЛОВОФОРМ
ВО МНОГОМ, В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЁМ, В МАССЕ СВОЕЙ**

**SPECIFICITY OF LEXICALIZED PREPOSITIONAL-CASE WORD FORMS
ВО МНОГОМ, В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЕМ, В МАССЕ СВОЕЙ**

Статья посвящена активно употребляемым в речи единицам *во многом, в большинстве своём, в массе своей*, не вписывающимся в традиционные классификации частей речи. Рассматриваются некоторые особенности их употребления в текстах XVIII-XX веков, а также функционирование в современных текстах.

Ключевые слова: *переходные явления, полифункциональность, аналитизм, словоформа, служебное слово*.

The article is focused on the language units *во многом, в большинстве своём, в массе своей*, which are widely used in speech, though don't fit into the traditional classifications of parts of speech. Some features of their use in the texts of the XVIII-XX centuries are observed as well as their functioning in the modern texts.

Key words: *transient phenomena, polyfunctionality, analytism, word form, functional word*.

В современном русском языке под влиянием тенденции к аналитизму появляется большое количество полифункциональных неизменяемых языковых единиц с неясной частеречной принадлежностью. В основном это лексикализованные предложно-падежные словоформы существительных. Они совмещают функции наречия и служебных слов. Причина появления таких переходных единиц – идиоматизация [2, с. 6].

Исследуемые нами единицы относятся к одной из семантических групп продуктивной модели «в (во) №». Это довольно большой лексический пласт: *в идеале, в итоге, в результате, в общем, в основном, в особенности, в перспективе, в принципе, в среднем, в сущности, в целом, в частности* и др. Предложно-падежные словоформы проявляют оценочный характер, так как в их значении содержится сема неопределенного количества, которая всегда сопровождается идеей оценки названного количества. Поскольку в объективной действительности не может быть неопределенного количества предметов, идея неопределенного количества есть результат либо процесса обобщения, либо факта неопознанности данного количества.

Словоформы *во многом, в большинстве своём, в массе своей* входят в семантическую группу полифункциональных слов с количественно-ограничительным значением. Они объединены общей количественной семантикой имен, входящих в их состав – *большинство, многое, масса*. Данные слова относятся к классу кванторных, которые вводят «представление о некоторой совокупности объектов, из которой выделяется подкласс по признаку обладания некоторым свойством» [1, с. 141].

Активный рост количества предложно-падежных словоформ в современном русском языке связан с коммуникативными потребностями человека, в частности, с необходимостью более конкретно и расчленённо представлять разные смыслы. Изучая конструкции с обстоятельственным значением, историки языка установили, что в древнерусском языке имело место более широкое употребление беспредложных конструкций. В последующем наблюдается ограничение или даже утрата некоторых падежных форм и распространение предложно-падежных конструкций.

По данным Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), *во многом* употребляется в текстах приблизительно с 1730 года. На графике хронологического распределения частоты употребления словоформ можно увидеть, что примерно с 1730 по 1750 годы шел активный рост употребления лексемы *во многом*. Затем, примерно с 1750 по 1800 годы, – спад, и с 1800 по настоящее время снова рост. При этом пик этого роста приходится на 2003 и 2004 годы (909 и 549 употреблений на 1 млн словоформ. Для сравнения: 2010 год – 38 употреблений). В текстах Е.В. Тарле, М.В. Ломоносова и В.Н. Татищева фиксируется употребление устаревшего на данный момент наречного сочетания *во многом числе* (из *многое число*): *От худой провизии служители, мне вверенные, начали во многом числе* заболевать и умирать (Е.В. Тарле. Адмирал Ушаков на Средиземном море); *<...> мы все рассуждения, которые до физики и химии надлежат, здесь оставим и только варение селитры во многом числе* описать намерены (М.В. Ломоносов. О варении селитры (перевод)). А.Н. Радищев употребляет выражение *во многом количестве*: *Чернозем Тютинарской не требует для произведения навождения, иногда оно нужно, а во многом количестве вредит* (А.Н. Радищев. Описание моего владения).

По данным НКРЯ, в современной речи наблюдается рост количества употреблений словоформы *в большинстве своем* (эта динамика отражена в графике распределения словоформ по годам), тогда как словоформа *в своем большинстве* стала употребляться реже по сравнению с предыдущими годами (ср.: 2004 год – 12 употреблений на 1 млн фактов, 2009-2010 годы – 1). *В большинстве своем* фиксируется в текстах начиная с середины XIX века. В словаре-справочнике «Правильность русской речи» под ред. С.И. Ожегова отмечено: «Вместо литературных выражений *в большинстве случаев* (‘всегда, преимущественно’) или *в большинстве своем* (‘большая часть кого-чего-нибудь’) в устной и письменной речи иногда употребляется неправильно *в большинстве*, т.е. с опущением последних слов» [3, с. 19]. В современной речи *в большинстве* квалифицируется как вариант, находящийся в пределах нормы литературного языка.

Необходимо отметить, что вариант *в большинстве своем* в современном русском языке более употребителен, чем вариант *в большинстве*. Это подтверждается анализом текстов разных функциональных стилей (публицистического, научного, художественного). Такая тенденция прослеживается и в употреблении лексикализованных словоформ с другим значением: *по обыкновению своему – по обыкновению, во всей своей красе – во всей красе*. Изменение происходит только в плане выражения, значение практически не меняется.

В последнее десятилетие можно наблюдать рост употребления исследуемых лексем в заголовках газетных статей. Например, текст о статистическом учете поголовья скота Россельхознадзором в газете «Аргументы и факты» носит название *Козлы – в большинстве*. Усеченный вариант *в большинстве* входит в состав заголовков, построенных по принципу антитезы: *Ни в большинстве, ни в меньшинстве, Почему рабы в большинстве подчинялись хозяевам в меньшинстве?*. В первом заголовке противопоставление антонимов усиливает его эмоциональное воздействие на читателя. Во втором заголовке антонимическая пара *в большинстве – в меньшинстве* наслаждается на противопоставление понятий *рабы – хозяева*, ярко контрастирующих между собой. Нами зафиксировано употребление *в большинстве* в составе афоризма: *Мужество подвергается испытанию, когда мы в меньшинстве; терпимость – когда мы в большинстве* (Ралф Сокман). Здесь антитеза усиливается синтаксическим параллелизмом. Противоположные свойства двух явлений легче воспринимаются, если они оформлены одинаковыми конструкциями.

Словоформа *в большинстве* употребляется в составе сочетания *быть в большинстве*. В этой предикативной функции она имеет значение ‘оценочная характеристика какой-либо группы людей как имеющей преимущество перед кем-либо’: *Что мешает женщинам быть в большинстве на руководящих постах* (газ.).

В большинстве употребляется в современных газетных спортивных статьях, нацеленных на передачу информации о соревновательных мероприятиях (конечно, и на их

комментирование и анализ). Для реализации чисто информационной функции используются однотипные, регулярно воспроизводимые конструкции (языковые стандарты, идиоматические обороты). Пищий с помощью них может оперативно передать необходимую информацию, а читающий – быстро, легко и правильно ее воспринять. В большинстве фиксируется в составе терминологических сочетаний (как результат усечения словосочетания *в численном большинстве*), используемых в различных спортивных играх: *быть в большинстве, игра в большинстве, играть в большинстве, гол в большинстве, проводить время в большинстве, успешно отбиться в большинстве, отличиться в большинстве* и др.: *Гол в большинстве – непростительная ошибка* (газ.); Видно, что у «Динамо» не идет *игра в большинстве* (газ.); *Несмотря на преимущество шведов по владению шайбой, вбрасываниям, броскам и времени, проведенному в большинстве, наша команда одержала уверенную победу* (газ.).

В современных политических статьях лексема *в большинстве* со значением ‘имея преимущество перед кем-либо’ частотна в выражениях: *оказаться в большинстве, политическая партия в большинстве* и др.: *Эти избиратели в итоге оказались в большинстве, и именно их голосами Сергей Собянин был избран в первом туре* (газ.).

Словоформа *в массе своей*, по данным НКРЯ, употребляется в текстах примерно с середины XIX века. В целом наблюдается рост количества употреблений этой словоформы, причем пик употребления приходится на середину XX века и на 2003-2004 годы. В текстах XIX века выявлено употребление *в массе* в одном ряду с наречным сочетанием *в артели*, что необычно для современной речи: *Вообще же к деньгам, к богатству в остроге не было особенного уважения, особенно если смотреть на арестантов на всех безразлично, в массе, в артели* (Ф.М. Достоевский. Записки из мертвого дома); *Объяснить все это понятными, простыми словами никто бы не сумел, а чувствовали все определенно и ясно, и – это опять черта русского человека, который в массе, в артели, делается необыкновенно умен, догадлив и сообразителен* (Д. Мамин-Сибиряк. Золото).

Исследуемые словоформы употребляются в современных контекстах (или конструкциях) с причинно-следственным значением, со значением пояснения, сравнения, сопоставления, противопоставления. Здесь они служат для выражения логической связи через сопоставление двух событий, явлений.

В предложениях с причинно-следственными отношениями словоформа *во многом* указывает на возможность наличия, кроме основной причины, других мотивов. Это обусловлено значением словоформы *во многом* – ‘указанием на неполноту распространения признака, на возможность наличия, кроме основной, других характеристик, которые не соответствуют главной’: *Дотации в бюджеты кавказских республик – во многом причина* здешних бед, проблема, о которой федеральные власти говорят (газ.); *Сомнения и слухи, возникшие во многом по причине* удивительной молодости и феноменальной талантливости автора «Тихого Дона», пытались, подогревались острым политическим размежеванием первых послереволюционных лет (Феликс Кузнецов. Шолохов и «Антишолохов»); *Мануэл Фернандеш в свое время был одним из самых перспективных футболистов Португалии, но – во многом из-за* сложного характера – ему не удалось стать настоящей звездой (газ.); *С самого раннего детства Антон знал, что такое нужда, и о том, чтобы посвятить себя литературе, и не помышлял: делом жизни он избрал медицину, во многом потому, что* это открывало для молодого человека большие возможности (газ.). Значение причины, заключенное во второй предикативной единице, акцентируется благодаря сочетанию союза с лексикализованной словоформой, которая выполняет в составе высказывания коммуникативно-прагматическую функцию: без нее факт, указанный во второй части высказывания, воспринимался бы как единственная причина события, представленного в первой части. Именно слово *во многом* в сочетании с союзом подчеркивает значимость данной причины в ряду предполагаемых причин.

Частотным является сочетание *во многом заслуга*, в составе которого *во многом* акцентирует полезность результатов поступков, деятельности: *Самостоятельная политика нынешней России – во многом заслуга Примакова* (газ.); *Самые красивые тела мира – во многом заслуга пластических хирургов!* (газ.).

В пояснительной конструкции с отношением включения *во многом* входит в состав поясняемого компонента и может соотноситься со словоформой *в частности*: *Переход к индустриальной фазе развития трудовой сферы означал во многом разрушение практически всех форм организации доиндустриального труда, в частности, разрушение всех разновидностей обицинного качества* (Учебное пособие); *Отношение к мужчине у женщины – это во многом ее отношение к родителям и, в частности, к папе* (газ.). Частное представляет собой один из элементов общего, *в частности* вводит в высказывание указание на один из компонентов содержания предыдущего контекста. Как отмечает А.Ф. Прияткина, «своебразие включения по сравнению с пояснением вообще непосредственно связано с природой самих уточняющих слов: разницу в смысле отношений общего и частного мы воспринимаем благодаря тому, что уточняющие слова сохраняют лексическое значение своего корневого элемента» [4, с. 190]. Так, *в частности* сохраняет значение *части*, которая входит в состав *общего* (многого).

Словоформа *в большинстве своем* (и ее вариант *в большинстве*) также употребляется в подобных конструкциях, но входит в состав поясняющего компонента: *В приемной было людно, посетители, в большинстве женщины, стояли в очереди к окошечкам, некоторые сидели на диванах* (В.С. Гроссман. Жизнь и судьба). Отношения включения создаются семантикой данной словоформы и обусловлены ее выделительной функцией. В таких конструкциях словоформа *в большинстве своем* реализует значение ‘преимущественно’, ‘главным образом’ и функционально сближается с пояснительным союзом. Частный компонент смысла, выделяемый словоформой *в большинстве своем*, представляет для говорящего большую значимость по сравнению с остальными.

На скамье подсудимых 84 человека, в большинстве своем южноафриканцы, которых обвиняют в попытке свержения президента Экваториальной Гвинеи (газ.); *Присутствующие тут же журналисты – в большинстве своем из иностранных телекомпаний – сняли по короткому сюжету, после чего ОМОН быстро скрутил митингующих* (газ.). В данной конструкции первый член включает обозначение целого, общего, часть которого выделяется и называется в составе второго члена конструкции. *В большинстве своем* выделяет второй член конструкции и указывает, что эта часть является преобладающей. Включение часто строится по модели сложного ряда (обобщающее слово и однородные члены): *У правления стали собираться люди, в большинстве старики и старухи, несколько подростков* (П. Нилин. Четыре повести); *В ночь на второе февраля расстреляли двести узников, в большинстве советских офицеров и солдат* (газ.).

Связывая высказывания в составе абзаца, *в большинстве своем* и *в массе своей* участвуют в выражении отношений, аналогичных отношениям пояснения в рамках предложения. Для таких примеров характерно употребление местоимения с анафорической функцией. В результате формируется устойчивая структура: *В большинстве (своем) / в массе (своей) это (были) N1: Представители этих (спекулятивных) фирм, независимо от национальности, были похожи друг на друга, как родные братья. В большинстве это были чернявые и пронырливые юноши* (К. Паустовский. Бросок на юг); *Одесская и другие области Украины, соседние с Молдовой, наводняются беженцами с Левобережья. В большинстве это женщины и дети* (газ.); *Свой вклад в успехи пейзажной живописи внесли и многие живописцы <...>. В основном это были участники возникшего в 1903 году выставочного объединения «Союз русских художников» и предшествовавшего ему Общества 36-ти художников. В массе они были воспитанниками Московского училища живописи, ваяния и зодчества, последователями В.Д. Поленова, поклонниками И.И. Левитана* (История русского искусства).

Нами зафиксированы факты употребления словоформы *во многом* в сочетании с предикатами со значением результата сравнения, сопоставления (сходства, отличия): *Фактор старения, выделенный нашими учеными из мозга животных, во многом подобен патогенному приону* (газ.); *Совершенно не случайно Андреев выделил как наиболее сильные и значительные произведения американские очерки Горького. Очерки «В Америке» были во многом родственны автору «Царя-Голода» и «Проклятие зверя»* (В. Беззубов. Леонид Андреев и другие); Эклектизм Дж.Э. Мура *во многом близок философской концепции Форстера, определившей дуализм его эстетики и этики* (Н.П. Михальская, Г.В. Аникин. Английский роман XX века); *В Рунете появилась новая социальная сеть "Мы помним". <...> Портал во многом напоминает "Одноклассники.ру"* (газ.). Отношение Добролюбова к «героям нашего времени» *во многом отлично от позиции Белинского <...>* (Е.А. Краснощекова. «Обломов» Гончарова); <...> герой послания – жизнерадостный, упивающийся жизнью счастливец – *во многом противоположен* автору, он воплощает не его реальные, а желаемые черты (Русский романтизм / Под ред. Н.А. Гуляева).

Словоформа *в массе своей* может функционировать в составе трехчленной конструкции со значением сопоставления: *Такие явления вовсе не случайны: что такое так называемый практический смысл, как не способность ясно понимать вещи? А между тем партия в массе своей, как и рабочий класс в целом, стихийно шла в сторону борьбы за власть* (Л. Троцкий. Моя жизнь); *Я это к тому говорю, что работники милиции в своей массе такие же, каково население в целом* (А. Маринина. Черная маска).

В абсолютном начале предложения *в массе своей* в сочетании с частицей же служит для связи предложений с отношением противопоставления: *Были, конечно, отдельные командиры, которым доставляло удовольствие мучить и унижать подчиненных. Но они были исключением. И они старались скрывать эти свои качества. В массе же своей командование от мала до велика руководствовалось самыми благородными принципами* (А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца); *Полагаю, что кредиты под 8-12% могут выдаваться лишь узкому кругу очень благонадежных заемщиков – это эксклюзивный кредитный продукт. В общей же массе стоимость заемных средств зависит от ситуации в экономике* (газ.).

Итак, мы рассмотрели некоторые особенности активно употребляемых в современной речи словоформ *во многом*, *в большинстве своем*, *в массе своей*. В стилистическом отношении данные единицы тяготеют к публицистическому стилю, активно используются в текстах спортивной и политической тематики. В семантико-синтаксическом плане для них характерно участие в выражении причинно-следственных, пояснительных отношений и отношений сопоставления, противопоставления – в качестве акцентирующего средства и средства связи.

Список литературы

1. Богуславский И.М. Валентности кванторных слов // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – 672 с.
2. Копотев М.В., Стексова Т.И. Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре. – М.: Языки славянской культуры, 2016. – 116 с.
3. Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления. Опыт словаря-справочника / Под ред. С.И. Ожегова. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 184 с.
4. Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – 390 с.

Лю Сяоин

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Хэнаньский университет экономики и права

Чжэнчжоу, Китай

Liu Xiaoying

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

Henan University of Economics and Law

Zhengzhou, China

**СПЕЦИФИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ
НА ОСНОВЕ СОЧЕТАНИЯ СОЮЗА *ДА* С КОНКРЕТИЗАТОРАМИ
ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ**

**PECULIARITIES OF SYNTACTIC CONSTRUCTIONS BASED ON COMBINATION
OF THE CONJUNCTION *ДА* AND SPECIFIERS WITH CONNECTING SEMANTICS**

Статья посвящена анализу функционирования сочетания союза *да* с конкретизаторами присоединительной семантики в разных типах конструкций. Выявляются специфические типы построений на основе сочетания *да* с отдельными конкретизаторами и рассматриваются семантические особенности описываемых конструкций.

Ключевые слова: *синтаксис, союз, сочинительная связь, союзная конструкция, конкретизатор, семантика*.

The article is focused on the functioning of the combination of the conjunction *да* and specifiers with connecting semantics in different constructions. Specific types of syntactic structures based on the combination of *да* with certain specifiers are revealed. Semantic features of these constructions are analyzed.

Key words: *syntax, conjunction, coordinating link, conjunctional construction, specifier, semantics*.

Пословное и разноспектное исследование союзов требует рассмотрения их конструктивных свойств, или в расширенном значении – синтаксических свойств. В то же время в процессе функционирования союза нередко наблюдается его тесное взаимодействие с другими служебными или полуслужебными словами, которые квалифицируются как конкретизаторы союзов, способные выражать различную семантику.

Объектом данного исследования являются синтаксические конструкции, образованные на основе сочетания союза *да* с конкретизаторами присоединительной семантики, а именно: *вдобавок, к тому же, притом, при этом и плюс*. Выбор данной семантической группы слов объясняется частотностью их функционирования в сочетании с союзом *да*. Что касается семантики самого союза *да*, то И.Н. Кручинина определяет его как союз по преимуществу присоединительный. По мнению исследователя, присоединительность является внутренним, грамматическим значением этого союза, а не его функциональным свойством [3, с. 125]. В связи с этим можно утверждать, что употребление сочетания союза *да* с названными конкретизаторами указывает на активизацию присоединительных отношений между компонентами образуемых им конструкций.

Отметим, что рассматриваемым нами единицам – конкретизаторам – посвящен ряд исследований, авторы которых, несмотря на разницу в формулировках, в основном сосредоточивают своё внимание на семантическом аспекте, то есть на выражаемых ими синтаксических отношениях. Так, Е.С. Клопова пишет, что *к тому же, притом, вдобавок* выражают отношения добавления-присоединения, входящие в более широкий разряд семантического отношения соответствия [2, с. 26]. Н.Н. Натарова называет эти единицы коннекторами присоединения, которые при внутритекстовом комментировании вводят

дополнительную информацию, поясняют содержание предшествующей части или одного из её компонентов [4, с. 126-128]. Наша задача заключается в том, чтобы не только выявить общую семантико-сintаксическую специфику конструкций, формирующихся на основе союза *да* в сочетании с конкретизаторами указанной группы, но и рассмотреть в конструктивном аспекте специфические случаи функционирования данного союза с отдельными конкретизаторами.

Сначала обратимся к типам конструкций, которые могут быть образованы на основе сочетаний союза *да* с названными конкретизаторами. Приведём пример с конкретизатором *вдобавок*. Сочетание *да вдобавок* образует:

1) ряд: *А было бы неплохо, если бы наш Максим к тому же оказался бы ещё и дипломатом да вдобавок братом прославленного посадника и сыном другого – ещё более выдающегося деятеля новгородской истории!* (В.Л. Янин. Я послал тебе бересту... (1975))²;

2) моносубъектную конструкцию: *Оказывается, это чудесное и до сих пор во многом загадочное состояние возникало в некоторых веществах лишь при сверхнизких температурах да вдобавок разрушалось сильными магнитными полями* (А. Корн. Сверхпроводимость — новая эра?! // «Знание — сила», 1987);

3) конструкцию с вторичной связью: *В 1960 году геологоразведчики получили вездеходы, да вдобавок плавающие* (Андрей Осадчий. Долгий путь к большой нефти // «Наука и жизнь», 2009);

4) сложное предложение: *К тому же, как я уже говорил, изображения порой были очень смутными, едва видимыми, да вдобавок меня еще сбивали с толку неожиданные ракурсы* (Глеб Голубев. Сын Неба (1987));

5) может выполнять текстовую функцию: *Ведь перед событиями даже любовь — месть. Да вдобавок Оля так далека от всего, так не может заразиться всеобщим напряжением и восторгом* (Елизавета Скобцова (Кузьмина-Караваева). Клим Семёнович Барынкин (1925)).

Анализ нашего материала показал, что сочетания союза *да* с остальными рассматриваемыми нами конкретизаторами также образуют все вышеуказанные конструкции. Однако частотность того или иного типа конструкции для разных конкретизаторов отличается. Например, если среди фактов с конкретизатором *вдобавок* примеры с моносубъектной конструкцией занимают 28%, то среди фактов с *да к тому же, да притом, да при этом, да плюс* эти цифры составляют 23%, 7%, 32%, 11% соответственно.

Отдельно рассмотрим одну, особенную, конструкцию с участием *да* в сочетании с конкретизаторами *к тому же* и *притом*. Речь идёт о конструкции с неконтактным расположением однородных определений-прилагательных типа: *Раньше он думал, что троглодиты — это какие-то звери, а оказалось, обыкновенные люди, да к тому же белые, одно из берберских племен, просто приноровившихся жить в пещерах* (Вацлав Михальский. Храм Согласия (2008)); *Появление нового человека, да притом столичного, было большим событием в этой глухой деревне* (Н.А. Морозов. Повести моей жизни / В начале жизни (1902)). Данные синтаксические построения имеют большое сходство с конструкцией с вторичной связью. Однако их специфика состоит в том, что между выделенными прилагательными в до- и послесоюзном компонентах в каждом случае (*обыкновенные* и *белые*, *нового* и *столичного*) имеется внутренняя синтаксическая связь, выражаемая сочетанием *да к тому же* или *да притом*. Кроме того, слова *обыкновенные* и *белые* в первом предложении относятся к общему третьему *люди*, а во втором *нового* и *столичного* — к слову *человека*, то есть в обоих случаях два слова находятся в отношении соподчинения, что является основанием для определения данных конструкций как ряда.

Остановимся на другой специфической конструкции, которую можно квалифицировать только после рассмотрения самого конкретизатора. Это конструкция с *да плюс* типа: *Мы*

² Все примеры употребления, приведённые в статье, взяты из Национального корпуса русского языка.

переехали год назад на другой конец страны, так он продолжает со старыми друзьями общаться, да плюс лагерные друзья по всей стране (Наши дети: Подростки (2004)); *Несколько лет жизни потеряны за те кошмарные минуты, что он провел в обществе зеленукинских ублюдков. Да плюс разборка между бандитами, обстрел! Как он остался целым – непонятно...* (Сергей Таранов. Мстители (1999)). Особенностью данных структур является то, что существительное, вводимое сочетанием *да плюс*, всегда стоит в именительном падеже. К.Я. Сигал пишет, что русская омоксема *плюс* обладает функциями имени существительного, предикатива, а также функцией сочинительного союза. Однако, в отличие от универсального союза *и*, в начале *плюс* соединяет только имена существительные [6, с. 83-84]. Наши примеры показывают еще одну функцию лексемы *плюс* – функцию конкретизатора. Мы считаем, что данная функция у лексемы *плюс* является вторичной, развившейся на основе его употребления в функции самостоятельного связующего средства. Именительный падеж словосочетаний *лагерные друзья* и *разборка между бандитами* свидетельствует именно о неполной конъюнкционализации данного слова. К.Я. Сигал отмечает явный присоединительный характер данной лексемы («подчёркнуто-добавочный») [6, с. 85]. Из этого можно сделать вывод, что именно присоединительная семантика позволяет лексеме *плюс* свободно сочетаться с союзом *да*.

Кроме вышеуказанных конструкций, в нашем материале с *да притом* и *да при этом* имеются факты с повтором словоформы в до- и послесоюзной частях предложения. Приведем примеры: *Я совершенно не знаком с теми лицами, которые могли бы взять на себя редактирование журнала – да притом еще журнала денежно не обеспеченного, – а поэтому не берусь называть кандидатов* (П.Н. Лебедев. Письма (1910)); *Ибо покуда тундра представляется пространственным аналогом «дурной бесконечности» философов, да при этом бесконечности холодной, насквозь продутой гиперборейскими ветрами, она, как всякий умозрительный ад, не может среднему столичному жителю внушать ничего, кроме ужаса* (Василий Голованов. Ненцы идут // «Столица», 1997.05.13). Некоторые исследователи сводят конструкции данного типа к сочинительному ряду [7, с. 52], но по нашему мнению, семантика сочинительного союза не может быть реализована между двумя лексически тождественными словами (**журнала – да притом еще журнала, *бесконечности – да при этом бесконечности*). Кроме того, благодаря присоединительной семантике конкретизаторов *притом* и *при этом*, между частями конструкций обязательно происходят семантические сдвиги, то есть сочетания *да притом* и *да при этом* должны вводить новую информацию. Иначе говоря, всё лексическое содержание заключается в зависимой словоформе (*денежно не обеспеченного, холодной*), а повторно употреблённые слова в этих условиях выполняют лишь вспомогательную функцию.

Проведённый нами анализ позволил выявить семантические особенности рассмотренных конструкций. Отметим четыре из них.

Во-первых, обращает на себя внимание оценочная семантика предложения. На первый взгляд, при изучении оценки важно только лексическое значение языковых единиц (семантический аспект) и условия реализации процесса коммуникации (прагматический аспект) [1, с. 203], однако анализ нашего материала показал, что между оценочной семантикой и конструкциями на основе сочетаний *да* с вышеуказанными конкретизаторами тоже существует некоторая обусловленность (конструктивный аспект). Несмотря на некоторые расхождения в способах выражения оценки в рамках той или иной конструкции, можно говорить о ряде общих закономерностей.

1. Если в до- и послесоюзном компонентах конструкции содержатся оценочные элементы, то они всегда совпадают по шкале «хорошо / плохо», что обусловлено присоединительной семантикой конкретизаторов. Кроме того, оценочная семантика зачастую реализуется в лексическом значении существительных, прилагательных или в их морфемном составе. Приведем примеры с положительной и отрицательной оценкой соответственно: *Он обладал изящным умом, да к тому же Марков был первоклассным*

ученым (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)); *Он пытался подружиться с красивой Медузой, но она оказалась совсем глупой, да вдобавок ядовитой, и он едва успел увернуться от ее ядовитых щупалец* (Борис Заходер. Сказки для людей (1960-1980)).

2. Имеются примеры, в которых обе части конструкции являются нейтральными, но приобретают оценочную коннотацию в контексте. В этом случае нередко требуется обращение не только к ближайшему, но и к очень широкому контексту, вплоть до фоновых знаний читателей. Например: *Однако они не принадлежали к партийной элите, да плюс к этому отец Ходорковского был евреем. (Наполовину. Отец — Борис Моисеевич, мать русская, Марина Филипповна — ред.) Не имея семейных связей, Ходорковский был вынужден пробиваться сам, что он и делал* (Валерий Лебедев. В России нет богатых ангелов // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.11.09).

3. Встречаются и такие случаи, когда в составе конструкции вообще отсутствуют оценочные элементы, они употреблены только в описании события или ситуации: *Кроме перечисленных, было еще несколько правдоподобных гипотез. Прежде всего, у самой Луны мог быть спутник, который ошибочно принимали за спутник Земли. Его искали, но не нашли, да вдобавок поле тяготения у Луны очень слабое и орбита его была бы очень нестабильной* (Александр Корн. О том, чего не было // «Знание – сила», 1998).

Во-вторых, между компонентами конструкции со всеми рассмотренными конкретизаторами возникает дополнительное градационное отношение, то есть послесоюзная часть сильнее, выразительнее предыдущей характеризует предмет речи, отражает смысл высказывания. Отношения градации могут быть между элементами, имеющими разное формальное выражение, например:

1) прилагательные: *Мировая слава Гинзбурга началась с книги «Сыр и черви» (1976, русский перевод – 2000), исследования, целиком посвященного одному-единственному, да притом исключительному случаю – судьбе мельника-мыслителя, жившего в XVI веке и погубленного инквизицией за вольнодумство* (Ольга Балла. История на ощупь // «Знание – сила», 2005);

2) существительные: *Здесь главная роль принадлежала не какому-либо принцу, а простому мужичку, да вдобавок заведомому простофилю-дураку* (А.Н. Бенуа. Жизнь художника (1955));

3) причастные обороты: *И должен был бы этот человек (не «говорящие головы», друг на друга шипящие, как драконы, да к тому же ничем за свои слова не отвечающие) – умный, обаятельный, острый на язык, с чувством юмора, не надменный, а главное, без притворства сочувствующий, свой – и на самом деле честный (неужели не найти было во всей России такого?* (Александр Милитарев. России верные пасынки // «Знание – сила», 2010);

4) сочетания глаголов с другими частями речи: *Теперь же в возвращаемом аппарате тех же габаритов предстояло разместить двухметровый образец, да при этом сохранить естественный характер залегания пород* (Виталий Васильев. Место работы – космос // «Техника – молодежь», 1977);

5) части сложного предложения с разными составляющими: *Когда их автор не боится говорить о себе беспощадную, даже циническую правду, да вдобавок он очень даровит – может получиться такой «человеческий документ», как «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо (П.Д. Борорыкин. Воспоминания (1906-1913)).*

Градационное значение более очевидно в случае повторного употребления сочетания *да* с конкретизатором: *Могил пока еще очень мало, их маленькие рядки выглядят как-то потерянно и сиротливо, да к тому же на всем этом огромном поле – ни деревца, да к тому же посреди поля возвышаются две огромные ярко-синие пластиковые бочки с водой, да к тому же над всем этим царит величественная горная гряда бывшего Саларьевского полигона твердых бытовых отходов – крупнейшей свалки в Европе* (Дмитрий Данилов. Могила невостребованных прахов // «Русская жизнь», 2012).

В-третьих, следует отметить такую особенность конструкции с *да притом*, как способность употребляться вместе с двухместным союзом *не ..., а ...*, тем самым образуя ряд внутри ряда: *Вернее, не спорят, а размышляют? О пьесе? О том, удачная она или неудачная? Нет, о Симонове, да притом* не о седовласом Константине Михайловиче, а, если угодно, именно о понятии «К.М. Симонов», о художественном и нравственном типе отношения к жизни, который был в нём воплощён (Михаил Козаков. Актерская книга (1978-1995)). Она может употребляться и после конструкции с двухместным союзом *не только... но и...*, вводя часть сложного предложения: *Дохода не предвидится до трёх слишком лет, потому что не только плод заморожен, но и лозы все почернели, да притом* на обработку у крестьян нет никаких средств (На лету по провинции (1914.05.10) // «Раннее утро», 1914). Возникновение таких построений можно объяснить тем, что вводимая *да притом* информация заранее не предусматривалась говорящим и поэтому подключается к высказыванию только после того, как завершено изложение предшествующей. Сочетание *да притом* подчеркивает дополнительно-уточнительное значение новой информации. Перед ним часто делается небольшая пауза.

В-четвертых, нами зафиксированы конструкции с *да к тому же*, между компонентами которых наблюдаются логические отношения общего и частного, то есть отношения включения [5, с. 74]. Например: *Хоть мы оба родом из СССР, да к тому же* из южных республик, но на двадцатилетних эмигрантской общности влияния не оказывает (щенята не выделяют котят в чужеземцев), а сейчас и подавно (Александр Ильинский. Перс (2009)); Монголы с большим удовлетворением приняли весть о том, что исток великой реки Амур находится у них, *да к тому же* и на родине Чингисхана, а не в Китае (В. Полеванов. К истокам Амура в «страну непобедимых» // «Наука и жизнь», 2008). Хотя таких фактов немного, мы считаем нужным обратить на них внимание, так как они демонстрируют потенциал данных конкретизаторов как показателей разных синтаксических отношений.

Итак, в результате анализа мы пришли к следующим выводам.

Союз *да* в сочетании с конкретизаторами присоединительной семантики формирует различные конструкции, которые обладают разной частотностью. Среди конструкций, образованных на основе сочетаний *да* с конкретизаторами данной группы, встречаются специфические построения, в том числе особый ряд и конструкция с повтором словоформы. Рассмотренные конструкции характеризуются семантическими особенностями: благодаря конкретизаторам в них эксплицируются (вербализуются) присоединительные отношения; часто они выражают оценку, при этом между компонентами конструкции всегда наблюдается семантическое соответствие по шкале «хорошо / плохо»; характерным для них является создание отношений градации; иногда они выражают отношения включения. Всё это свидетельствует о широких возможностях и высоком семантическом потенциале конструкций данного типа.

Список литературы

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 226 с.
2. Клопова Е.С. Особенности взаимодействия служебных слов в конструкции (союз и уточнитель) // Функции и условия употребления связующих слов в современном русском языке. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1987. – С. 19-30.
3. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
4. Натарова Н.Н. Функционально-семантический анализ коннекторов присоединения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 4 (46): Ч.1. – С. 126-128.
5. Прияткина А.Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. – М.: Высшая школа, 1990. – 173 с.
6. Сигал К.Я. Об одной инновации XX века в сфере русских сочинительных союзов // РНEMA. РЕМА. – М.: Изд-во Московского педагогического государственного университета, 2014. – № 2. – С. 82-90.
7. Ширяев Е.Н. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // Научные доклады высшей школы. – М: Алмавест, 1980. – С. 52-54.

Откidyч Е.В.

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

Otkidych E.V.

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТРУКЦИИ *КСТАТИ О + N₆*

SOME PECULIARITIES OF THE STRUCTURE *КСТАТИ О + N₆* FUNCTIONING

В статье рассматривается особое синтаксическое явление – скрепа-фраза, анализируется одна из ее конкретных реализаций – структура *Кстати о + N₆*. Автор затрагивает вопрос о степени уместности отнесения данной конструкции к классу скреп-фраз; выявляет особенности её функционирования; классифицирует типы присоединения правого контекста с помощью данного средства. Отдельное внимание уделяется специфике использования данной структуры в текстовых заголовках.

Ключевые слова: *текст, связность, единицы текста, скрепа-фраза, текстовая скрепа, предложное сочетание*.

The article considers the special syntax phenomenon – phrase connector, and analyzes one of its particular implementations – the construction *Кстати о + N₆*. The author touches upon the issue of relevance to label this pattern as a phrase connector, reveals the peculiarities of its use and functioning, and classifies the types of connecting the right-hand context by means of this structure. Special attention is paid to the peculiarities of using this construction in text headlines.

Key words: *text, coherence, text units, phrase connector, text connector, prepositional structure*.

Языковое явление текстовой скрепы на данный момент является малоизученным, а сам термин, обозначающий это явление, относится к числу неустоявшихся. Он был введен в научный оборот А.Ф. Прияткиной, которая употребляет его вслед за Л.А. Булаховским [1] для обозначения слов, служащих исключительно для оформления связей в тексте, и при этом рассматривает скрепы-фразы как продуктивную модель текстовых скреп [3]. А.Ф. Прияткина включает в состав скреп-фраз весьма обширный диапазон средств (от единиц непредикативного и предикативного характера до фразеологизированных предикативных единиц, устойчивых соединений с союзами и частицами и др.). Их основным признаком исследователь считает синтагматическую отдельность (существование в виде отдельного высказывания) и соответствующее интонационное оформление. После скрепы-фразы возможен любой знак конца предложения, также она может выделяться в отдельный абзац. Типичными скрепами-фразами являются: *Первое. Далее. К слову. Более того. И последнее. Допустим. Так вот.* [3, с. 338]. Того же мнения относительно смыслового наполнения данного термина придерживается Е.А. Стародумова [4], П.М. Тюрин [5]. О.И. Филимонов же трактует понятие «скрепа-фраза» иначе: он объединяет под ним абсолютно все средства, с помощью которых выражаются текстовые связи [6].

В своей работе мы принимаем за основу концепцию А.Ф. Прияткиной – как наиболее последовательно отражающую сущность указанных терминов.

Структура *кстати о + N₆* является одной из продуктивных моделей скреп-фраз, активно использующихся в современном публицистическом тексте, и представляет собой «шаблон со свободным компонентом».

Указанная структура и её аналоги относятся к скрепам-фразам не безоговорочно, так как в данном случае «правый компонент отношения слит со служебной частью» [3, с. 339] и, следовательно, интонационная изоляция структуры не абсолютна [3, с. 339]. Тем не менее эти конструкции выполняют связующую и ритмико-эмфатическую функции, могут

употребляться в виде отдельного высказывания – словом, обладают всеми свойствами, характерными для скрепы-фразы.

Исследованный нами материал (тексты современных СМИ, художественных произведений, а также примеры из разговорной речи и Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ)) показал, что данная структура весьма распространена (по данным НКРЯ, около 700 вхождений) и используется всё чаще и чаще. Характерна она для публистики, художественной литературы, а также для разговорной речи. Чаще всего это предложное сочетание является маркером новой микротемы и в силу грамматической охарактеризованности второго компонента (имени в форме предложного падежа) образует текстовую конструкцию, которая в свою очередь является своего рода сильной позицией внутри текста – чем-то, что можно назвать внутритекстовым заголовком.

При употреблении данной конструкции присоединение правого контекста (и его развитие) может происходить различными способами.

1) Чаще всего это лексический повтор: */.../ мы были вольны делать почти все, что заблагорассудится. Разумеется, в конструктивных и инженерных рамках. Кстати, о рамках.* В наших последних проектах минимальная ширина корпуса – не менее 40 м [Москва по вертикали // «Мир & Дом. City», 2004.02.15 // НКРЯ]. Кстати, о присоединяет слово из ближайшего левого контекста (часто повторяющееся слово находится в абсолютном конце высказывания из левого контекста – в данном случае это слово *рамки*), а следом за ним идёт комментарий, опирающийся на этот лексический повтор. Обычно в случае присоединения комментария через повтор рассуждение остаётся в рамках общего контекста, то есть «не уходит в сторону». Хотя и вариант «ухода» рассуждения, отвлечения от основной мысли тоже возможен: *Были строгие правила общежития, которые Л. Я. свято выполняла. Поэтому даже такие анекдоты, как, например, случившийся с котом Петей, <...> не вызывали никаких нареканий.*

Кстати, о коте Пете. Он вполне заслуживает своего абзаца в этих воспоминаниях. Он достался Л. Я. в наследство от И. М. Семенко, которая уехала в Москву... [Кумпан Е. Вспоминая Лидию Яковлевну // «Звезда», 2002 // НКРЯ]. Далее следуют два абзаца, повествующих о жизни кота Пети, а потом – снова возврат к тому месту, на котором автор прервался и сделал отступление: ... *И вот из этой квартиры, в которой Л. Я. прожила сорок с лишним лет ...*. Чтобы вставка не «смешалась» с основным повествованием, автор выделяет ее в отдельный абзац (о чём и пишет в самом начале комментария). Первый вариант более характерен для публистики, а второй – для художественной литературы. Вероятно, потому, что автор художественного произведения не скован ограничениями объёма текста и может себе позволить различные вставки, отступления и т.п.

2) Комментарий и его развитие в правом контексте также могут быть построены на многозначности слова: *В любое время года Дима не прочь сыграть в бильярд, а в перерывах между партиями выкурить сигаретку и попить хорошего пива. Кстати, о партиях.* Зря Дима бросил большую политику, такие перспективы перед ним открывались! [Ржевский М. Медвежонок Дима (2003) // «Вслух о...», 2003.07.01 // НКРЯ]. В этом текстовом фрагменте мы видим, что основой для формирования ассоциативного комментария становится полисемантическое слово *партия*. В первом случае оно употреблено в значении *игра от начала до ее завершения* [2, с. 494], во втором – *политическая организация какого-н. общественного слоя, выражающая и защищающая его интересы, руководящая им для достижения определённых целей и имеющая свою программу* [2, с. 494]. Далее за слово *партия* во втором значении «цепляется» другое слово из того же семантического поля (*политика*), которое и задает новую тему.

3) Третий случай, отмеченный нами, – присоединение скрепой-фразой факультативного комментария с помощью обобщения: *Так или иначе, но представителей «Русской общины», представляющей, по словам Герасимова, за ним интересы то ли четверти миллиона, то ли трехсот тысяч русских в Израиле среди депутатов мэрий не*

найдешь. *Кстати, о цифрах*. Официальная израильская статистика говорит о 200-300 тысяч *неевреев*, приехавших из стран СНГ за последние 15 лет [Нежинская А. Иерусалим слезам не верит (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.11.23// НКРЯ]. Приведённый пример интересен прежде всего тем, что в нём содержится целых два обобщения, на которых строится факультативный комментарий. Первое (*четверть миллиона, триста тысяч – цифры*) является «триггером», то есть механизмом, провоцирующим, запускающим ассоциацию, а второе (*русские – неевреи*) – собственно семантической основой комментария (именно благодаря ему и развивается мысль в правом контексте): именно благодаря «цифрам» говорящий «вспоминает» о важной/интересной с его точки зрения информации о неевреях, живущих в Израиле.

4) В ходе исследования нами был замечен ряд случаев, когда развернутый факультативный комментарий присоединяется с помощью синонимической замены: *На текущие нужды лицея его основатель – компания «ЮКОС» <...> тратит немалые суммы. Кстати, о деньгах*. Отдельным предметом преподается здесь наука жить в рыночной экономике [Филимонова А. Граждан «Лицейской республики» проводили во взрослую жизнь (2002) // «Известия», 2002.06.24 // НКРЯ]. Надо заметить, что в этом текстовом фрагменте возможен и повтор, так как стилистически при использовании структуры *кстати, о + №* он совершенно оправдан. Однако для синонимической замены здесь есть свои семантические причины: слово *суммы* в первом случае предпочтительнее, так как используется (зачастую в виде штампа) вместе со словами *значительные, солидные, впечатительные, немалые* для обозначения абстрактно большого количества денег. Более того, слово *сумма (суммы)* в каком-то роде эвфемистично по отношению к слову *деньги* (которое, кстати, в публицистике часто стараются заменить на более солидное *финансы*, абстрактное *средства* или же *суммы*), оно позволяет называть их не так прямо. Но чтобы конкретизировать тему дальнейшего рассуждения, автор текста прибегает к синонимической замене и употребляет слово *деньги*.

5) В редких случаях развёрнутый комментарий может присоединяться через сложную, неявную ассоциацию (иногда с первого прочтения непонятную), например: *Наши квоты на дополнительные выбросы выросли с недавних 7 млн тонн углерода до 37 млн тонн. Нам кажется, что и этого мало. И Россия в своих попреках партнерам по протоколу все больше напоминает пушкинскую старуху. И кстати, о рыбах*. В России обитает 15% всех видов земных рыб. Млекопитающих, насекомых, птиц – по 8%. О братьях меньших надо заботиться сообща – такова новая экологическая идея России [Лесков С. Бизнес из воздуха. Россия пытается извлечь выгоду из того, что ей всегда мешало // «Известия», 2003.01.21 // НКРЯ]. В тексте газетной заметки, из которой извлечён пример, ни слова не говорится о рыбах, эта тема возникает в самом конце, после упоминания пушкинской старухи (очевидно, из «Сказки о рыбаке и рыбке» – на этом и строится ассоциация). В силу своей «неявности», имплицитности связь комментария и предтекста устанавливается не сразу, адресату требуется некоторое время для воссоздания этой «многослойной» корреляции. В результате связь правого и левого контекстов получается интересной, хотя и, на первый взгляд, не самой логичной: ... *Россия в своих попреках партнерам по протоколу все больше напоминает пушкинскую старуху. [– из «Сказки о рыбаке и рыбке» –] И кстати, о рыбах...*

Особого внимания заслуживает использование данной конструкции в заголовках: *Кстати, о музыке...* [Сыч Е. Кстати, о музыке... URL: http://bookz.ru/authors/si4-evgenii/sych_e13/1-sych_e13.html]; *Кстати, о дорогих моделях* [Кстати, о дорогих моделях. URL: <http://www.stroyportal.ru/articles/172.html>]; *Кстати, о демотивации* [Кстати, о демотивации. URL: <http://apazhe.net/2009/01/21/9276/>]; *Кстати, о контексте...* [Кстати, о контексте... Из цикла «Размышления о рекламе». URL: <http://advin.ru/ma/81.html>] и др. Внутри текста подобные конструкции имеют сильную анафорическую и катафорическую связь, участвуют в развитии текста и т.п. Однако в заголовочной позиции все обстоит несколько иначе. Дело в том, что у заголовка как у абсолютного начала текста не может быть анафорической связи, так как у данной текстовой позиции отсутствует предтекст. В этом и

заключается формальный парадокс рассматриваемой конструкции. Если попробовать разобраться в её семантической структуре, то мы придём к выводу, что тема последующего текста чётко обозначается именем (N_6), *кстати* же акцентирует насущность (злободневность) информации. Как будто запрос на излагаемую далее информацию уже давно зрел в уме массового адресата и сейчас находит своё выражение в вербальном виде. Таким образом выстраивается некий диалог с воспринимающим письменное сообщение.

Итак, несмотря на то что структуру *кстати о + N₆* мы относим к разряду скреп-фраз с некоторой оговоркой, она показывает себя весьма продуктивной и активно используется в различных стилях и сферах бытования языка. Исследованный материал позволил нам выделить 5 основных способов присоединения правого контекста с помощью описанного предложного сочетания: лексический повтор, полисемантичность опорного слова, обобщение, синонимическая замена и неявная ассоциация. Использование *кстати о + N₆* в заголовках также специфично. Можно сказать, что оно служит эффективным средством диалогизации текста.

Список литературы

1. Булаховский Л.А. Союзы и союзные слова. – Киев: Радянська школа, 1947.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 1999. – 944 с.
3. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // А.Ф. Прияткина. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 334-344.
4. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 134-141.
5. Тюрин П.М. Текстовые скрепы *таким образом* и *итак* в современном русском языке: особенности функционирования и семантики: дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2012. – 188 с.
6. Филимонов О.И. Скрепа-фраза как средство выражения синтаксических связей между предикативными единицами в тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2003. – 191 с.

Токарчук И.Н.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Tokarchuk I.N.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЧАСТИЦЫ УЖЕ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ**

**SEMANTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL OF THE PARTICLE УЖЕ
IN THE TEXTS OF DIFFERENT FUNCTIONAL STYLES**

Статья посвящена стилистическому аспекту функционирования русских частиц. Автор рассматривает конкретные реализации семантико-прагматического потенциала частицы *уже* в текстах разной стилевой и жанровой принадлежности; выявляет стилистические эффекты, создающиеся за счёт употребления этой частицы в художественном прозаическом тексте; анализирует специфику её употребления в письменной научной медицинской речи и в текстах рекламных сообщений. В основу исследования положена классификация типов употребления частицы *уже*, выделяемых на основе характерной синтаксической сочетаемости и соответствующей семантики.

Ключевые слова: *частицы, семантика, прагматика, стилистический аспект, стилистический прием, стилистический эффект*.

The article deals with a stylistic aspect of the Russian particles functioning. The author considers particular implementations of the semantic and pragmatic potential of the particle *уже* in texts belonging to different styles and genres; reveals various stylistic effects created due to using this particle in a literary prosaic text, and analyzes the peculiarities of its use in the written scientific medical speech, and in the texts of advertisements. The research is based on the classification of uses of the particle *уже*, identified according to its typical syntactic combinability and appropriate semantics.

Key words: *particles, semantics, pragmatics, stylistic aspect, stylistic device, stylistic effect*.

Частица *уже* – это слово, которое, несмотря на имеющиеся многочисленные работы о нём (статьи, параграфы и главы в монографиях, диссертационные исследования), остаётся «загадочным», непознанным во многих своих употреблениях [14, с. 144]. В лингвистической литературе проанализированы типичные употребления данной частицы с учётом контекстных условий, синтаксической сочетаемости, сферы действия, предложены толкования семантики *уже* с точки зрения различных подходов, рассмотрены его свойства на разных уровнях языка [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8; 9; 11; 13; 18]; представлено *уже* и в специализированных словарях служебных слов [10; 19]. Однако многие вопросы семантики и функционирования этой частицы остаются открытыми, а в ряде случаев мнения лингвистов относительно интерпретации природы и свойств *уже* расходятся. Так, нет единства в квалификации этого слова как частицы: указанные выше словари в некоторых употреблениях трактуют его как наречие, в то время как в исследовательских работах оно обычно признаётся частицей – с обоснованием либо с принятием этого тезиса как очевидного.

Что касается семантики слова, то в лингвистической литературе и словарях она не получила целостного, систематизированного описания. Связано это, по нашему мнению, с «размытым» (в терминологии Т.М. Николаевой [9]) характером семантики *уже*, обусловленным наличием общих смысловых компонентов в разных употреблениях и затрудняющим их дифференциацию; кроме того, не всегда возможно точное установление синтаксической и семантической сферы действия *уже*, особенно в узком контексте (например: *Тогда уже нам стало понятно, что...*); в ряде случаев допускается двоякое

толкование, которое снимается с учётом более широкого контекста или ситуации общения (Этот вопрос будет решён уже после октябрьского заседания Думы).

В основу данного исследования положена разработанная нами классификация семантико-сintаксических вариантов частицы *уже* (с учётом накопленного в русистике опыта и собственных наблюдений), насчитывающая в целом 12 основных типов употребления, выделенных с опорой на характер сочетаемости с сintаксическими компонентами и присущей данным употреблениям семантике. Семантические и сintагматические особенности того или иного типа употребления будут даваться при характеристике конкретных примеров функционирования частицы *уже* в художественном тексте, в научном тексте, в рекламе, а также в языке законодательных документов. Следует отметить, что все формулировки значений *уже* сделаны в том же ключе, что и формулировки значений частицы *ещё* в первом выпуске «Словаря служебных слов русского языка» (автор словарной статьи *ещё* – Е.А. Стародумова [15]), и ориентированы на выявление заложенных в этом слове pragматических свойств.

Семантико-прагматический потенциал слова *уже* по-разному востребован в текстах разной стилевой принадлежности. В целом эта частица имеет довольно широкую сферу употребления и используется даже в письменной деловой речи – например, в законодательном подстиле, в текстах федеральных законов: *Страховщик не может требовать признания договора недействительным, если обстоятельства, о которых умолчал страхователь, уже отпали* (Гражданский кодекс РФ); *.../ – запрещать производство лекарственных средств и продажу уже произведенных лекарственных средств в случаях, исчерпывающий перечень которых содержится в правилах организации производства и контроля качества лекарственных средств* (Федеральный закон «О лекарственных средствах»); *Доля участника общества может быть отчуждена до полной ее оплаты только в той части, в которой она уже оплачена* (Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»). В данных случаях частица выступает в наиболее типичном своём употреблении, выражая значение, которое может быть сформулировано следующим образом: «говорящий сообщает, что произошло ожидаемое изменение ситуации, существовавшей до описываемого момента, либо это ожидаемое изменение связано с полным осуществлением, завершением ситуации»; кроме того, в таких употреблениях может актуализироваться факультативный компонент ‘изменение произошло раньше, чем ожидалось’. Ср.: *обстоятельства уже отпали* – вопреки имеющейся у страховщика информации о данных обстоятельствах как об актуальных; лекарственные средства, производство которых осуществляется или предполагается осуществить, и *уже произведенные лекарственные средства*.

По нашим наблюдениям, наиболее полно свойства частицы реализуются в художественном тексте, где она выступает во всех присущих ей типах употребления, в том числе и специфических разговорных – при имитации естественного устного диалога, а также демонстрирующих постпозицию частицы по отношению к выделяемому компоненту. Например, в случаях, когда говорящий предупреждает или обещает, что ситуация изменится сразу после момента речи: – *Милая, я уже еду. Мы с Максимом тут засиделись* (Е. Гришковец. Рубашка) – ‘сообщаю, что собираюсь ехать’; либо если говорящий настойчиво просит, требует от собеседника выполнения или прекращения действия: – *Петя! Возвращайся в семью уже, хватит* (Д. Рубина. На Верхней Масловке); см. также употребление частицы в постпозиции (говорящий сообщает о длительности продолжения ситуации): – *Радиоточку не выключают дня два уже. Как сводку о здоровье передают – все обмирают, и такая тишина – слыхать, как по бумаге ластик шуршит* (Д. Рубина. Любка).

Характерно использование *уже* параллельно с *ещё* – в сintаксических союзных и бессоюзных конструкциях, основанных на сопоставлении, противопоставлении, несоответствии «ситуации *ещё/ещё не*» и «ситуации *уже/уже не*», которые часто используются для организации структуры художественного текста, особенно поэтического

[3]. В таких случаях частица *ещё* (и *ещё не*) выступает в значениях ‘говорящий сообщает, что ситуация существовала до описываемого времени и продолжает существовать, хотя ожидается её изменение или прекращение’ или ‘говорящий сообщает, что ожидаемое событие не произошло до настоящего времени’ [15, с. 23-24]; а частица *уже* (и *уже не*) – в значениях ‘говорящий сообщает, что произошло ожидаемое изменение ситуации, существовавшей до описываемого момента’, при факультативности компонента ‘изменение произошло раньше, чем ожидалось’; ‘говорящий сообщает, что ожидаемое изменение ситуации к описываемому моменту не произошло и/или не произойдет либо ситуация изменилась на противоположную или перестала существовать’ (*ребенок ещё не – уже – ещё – уже не спит; уже поздно, а ребенок ещё не спит; ещё 6 часов утра, а ребенок уже не спит*).

Выражаемые данными частицами отношения часто распространяются на достаточно объемный участок текста. Частицы «концентрированно» (каждая – больше одного раза) используются в тексте произведения или его фрагментах, обычно с целью создания контраста: для противопоставления разных персонажей или выражения темпоральных оппозиций (прошлое – настоящее), особенно в автобиографической прозе (например, в повести Б. Васильева «Летят мои кони» и др.). При этом частица «работает» и на уровне композиции текста, и на уровне его семантической организации.

На значимость данных слов в организации хронотопа не могли не обратить внимание литературоведы: например, в статье «Нарратив и время в рассказе А.П. Чехова “У знакомых”» А.В. Кубасов отмечает особую роль рассматриваемых единиц как маркеров двух миров, отмечающих «психологическое время» разных героев, когда на контрасте этих частиц подаются различия в восприятии времени и жизни Подгорина (*уже*) и хозяев усадьбы, куда он приезжает в гости (*ещё*) [7].

Обратимся к нашим примерам. В рассказе М. Метлицкой «Жить, чтобы жить» проводится сопоставление двух периодов детства героинь – более раннего и позднего, показаны этапы их взросления, что представлено двумя фрагментами текста, первый из которых содержит *ещё*, а второй – *уже*: (1) *В те годы, правда, с большим трудом, но всё же можно было найти молочницу – коров тогда ещё держали и в ближнем Подмосковье; В детстве мы с сестрой были ещё очень дружны (...)* в те годы у нас *ещё* были общие куклы, маленькие алюминиевые мисочки и кастриюльки (...) и (2) (...) когда снова пришло лето (...) в куклы играть нам было *уже* не интересно, да и у нас появилась новая дачная компания; *Нас уже выпускали за калитку. И на станцию за мороженым мы бегали одни, и в гости к новым друзьям уже тоже ходили без бабушки.*

В повести Г. Щербаковой «Ловестория» главная героиня, встретившая после многолетней разлуки Володю – свою юношескую любовь, отмечает произошедшее с ним за несколько минут их случайного свидания «превращение»: (...) он из *ещё* и *ещё* вполне перешёл сразу и без остатка в *уже* и *уже* вполне. В общем, приволок меня на лавку один мужчина, а сидел совсем другой... Обмякший, огрузший, тухлый... И эта моментальность перехода меня, можно сказать, доконала. Частица *уже* (на контрасте с *ещё*) акцентирует внимание на фатальных изменениях, негативных, бесперспективных – вопреки ожиданиям героини.

Стилистические возможности анализируемых частиц весьма широко представлены в произведениях Л. Петрушевской. Например, в рассказе «По дороге бога Эроса» *уже* и *ещё* выступают в качестве средства сопоставления двух героинь – Пульхерии и ее молодой *ещё* ровесницы Оли. Частица *уже* сопровождает характеристики Пульхерии, которая как бы играла сама с собой в старость в том возрасте, когда другие *ещё* очень и очень возрождаются и поддерживают в себе тонус – и сама не знала, что оттуда *уже* нет выхода таким как она. Оле был выход, а ей – нет. Если Пульхерия относилась к своей внешности легкомысленно, а её фигура описывается как *толща плоти, уже готовая к*

*старости, то Оля даже сделала небольшую косметическую операцию за ушами и стала **ещё** моложе.*

Слово *уже* функционирует в пространстве художественного текста и самостоятельно, без поддержки *ещё*: семантико-прагматического «заряда» частицы оказывается достаточно для того, чтобы показать хронологическую последовательность изменений в жизни героя, плотность происходящих изменений и быструю сменяемость действий, какие-либо утраты, сосредоточить внимание на персонаже или мотиве произведения и т.п. Частица *уже* становится средством создания определённого стилистического приёма (повтор, фигуры контраста).

Так, в рассказах Л. Петрушевской слово *уже* выступает как словесный символ потерянного прошлого, тем самым подчёркивается бесперспективность нынешнего существования и одиночество героев рассказов «Я люблю тебя», «Случай богородицы», «Дочь Ксении», «Грипп», «Кто ответит», «Али-Баба», «Дама с собаками», «Смотровая площадка», «Тёмная судьба», «Приключения Веры» и др. Многократно повторяющееся *уже* – маркер, фиксирующий внимание адресата-читателя на мотивах одиночества, обречённости, безысходности, закрепляющий эти мотивы: всё хорошее в жизни (молодость, красота, здоровье, любовь, дружба, семейные отношения, благополучие) уже закончилось, счастья уже не будет, уже давно стало понятно и самим персонажам, и всем окружающим, что будет именно так и это уже конец [16; 17].

Неслучайно использование *уже* в описаниях сцен, связанных с уходом из жизни, как, например, в повести Д. Рубиной «На Верхней Масловке», или при описании жизненных потерь когда-то молодой, красивой и счастливой Лидии Макаровны в романе О. Кувеева «Территория» (*уже не*).

Частица *уже* (как и некоторые другие частицы) имеет настолько «сильную» семантику, что для автора художественного произведения становится важным показать это читателю, выделив частицу графически, например: *Но Сергей Петрович не верил Васе, не слышал, что музей **уже** горит и, быть может, даже сгорел, он нервно считал, думал, задыхаясь от такой быстрой ходьбы-бега – что выносить первым, что дороже?* (М. Кучерская. Тётя Мотя) – в оригинале частица выделена курсивом; акцент на том, что нежелательная ситуация начала осуществляться; *«Твои папа и мама умрут» – печально сказала Лицо. (...) «Нет, – подумал я. – Это будет нескоро, когда и сам я буду стариком» (...) И вдруг страшная мысль пришла ко мне: а если они **УЖЕ** умерли?* (Б. Минаев. Детство Лёвы) – предположение, что ожидаемая, но нежелательная ситуация произошла; *А если открыть глаза, то лучше не становится... Уже не становится!* (Е. Гришковец. Рубашка) – включением *уже* в повторяющуюся фразу акцентируется значение, передаваемое частицей (ситуация изменилась в сторону исчезновения ожидаемого, обычного ранее результата: раньше становилось лучше, но сейчас желаемый эффект отсутствует), показать его коммуникативную значимость. При этом предполагается интонационное выделение частицы (при устной реализации данных высказываний).

Смысловой компонент ‘ожидаемость ситуации’ актуализируется, например, в романе В. Сорокина «День опричника» при описании утра в доме главного героя, от лица которого ведётся повествование: *Пора приступать к делам. Пришлый цирюльник **уже** ждёт в платяной. Следую туда. (...) Иду в прихожую, гляжу на часы: 8.03. Время терпит. В прихожей меня **уже** ждут провожатые: нянька с иконою Георгия Победоносца, Федька с шапкой и поясом. (...) Выхожу в сенцы. Там **уже** вся челядь выстроилась: скотницы, кухарка, повар, дворник, псарь, сторож, ключница: – Здравы будьте, Андрей Данилович!* – демонстрируется предсказуемость действий. Ср. также: *Однако вернёмся в бункер. Там несущие боевое дежурство подопечные маршала Печко **уже** говорят одновременно по всем железным спецтелефонам с бронированными трубками, там **уже** звучат, смешиваясь, серьезные, но неразборчивые команды, там полным ходом идёт подготовка к боевой, товарищи офицеры, работе* (А. Кабаков. Из жизни мёртвых // Маршрутка).

Быстроту ожидаемых, но произошедших всё-таки слишком рано, по мнению говорящего – субъекта оценки, изменений показывают следующие примеры использования повторяющегося *уже* в пределах одного высказывания при обособленных определениях: – Я *всё-таки на что-нибудь годен*, – сказал Сидорчук. Чинков глянул на этого седовласого, *уже по-министерски мягкого, уже с животиком и руками, сложенными на животике, человека с умным, но уже совсем городским, чиновным лицом, вспомнил, как видал его опухшего от комаров, в драной штормовке и с цепкими движениями лесовика (...)* – (О. Кубаев. Территория); Алевтина скрылась, и на её месте, как призрак, возник из пустоты *Домарощинер. Уже прилизанный, уже почищенный, уже нормального цвета и по-прежнему готовый на всё* (А. и Б. Стругацкие. Улитка на склоне).

Создание эффекта «сгущенности», подчёркивания плотности осуществляющихся одного за другим действий, быстрой их сменяемости – еще одна из функций частицы *уже* в художественном тексте, например, в сцене завершения недолгой встречи подруг:

– Да, – говорила Тишка, *уже поднимаясь и проходя в коридор, времяя её вышло*. – Прости, наверное, зря я... – быстро закончила она.

И, уже надевая куртку, добавила:

– Маринка, я так и не сказала тебе, знаешь... Борьку-то я прогнала!

– Что? – не поверила Тётя. – Ты прогнала Борьку? И ты молчишь? И так вот на ходу говоришь мне?

Тишка уже обнимала Тётию: прости, прости, не могла /.../.

– Тишка, ты гигант, молоток, мне всегда казалось, что именно этого тебе и не хватало! – торопилась Тётя.

– Чего это? – не поняла Тишка, но *уже* не успевала дослушать. – Прости, договорим ещё, опоздаю на электричку, побегу!

Они обнялись *уже* на пороге, и Тишка ушла с рюкзаком в ночь (М. Кучерская. Тётя Мотя).

Тишка уходит раньше, чем хотелось бы, обе подруги спешат, торопятся сказать и сделать то, что не успели за время встречи, но времени на это не хватает, желаемая ситуация не может осуществиться.

Особенности реализации частицы *уже* в научном стиле (в частности, в письменной медицинской речи – в жанрах монографии, статьи, учебного пособия и под.) связаны с отсутствием разговорных употреблений и редким употреблением построений с *ещё*; нехарактерно для медицинских текстов употребление при указании на признак, достаточный для вывода или обобщения, в то время как в социально-гуманитарном научном тексте такие употребления встречаются: (...) *Юденич (...) уже одним подвигом в Первую мировую войну заслужил место в пантеоне героев России* (С. Куличкин. Юденич).

В целом же функционирование *уже* довольно стандартно.

Так, данная частица используется в характерном для научного стиля значении ‘говорящий сообщает, что ситуация состоялась в отдаленное от настоящего момента время’, обычно в соответствующих частях текста при изложении истории вопроса: *По данным, приведённым в руководстве О. Бумке, уже в XVIII веке нозология В. Куллена подверглась критике со стороны другого классика английской медицины – Т. Арнольда (...); Сан как тяжелое заболевание был известен с древних времён, по-видимому, его знали уже Гиппократ и Аристотель – то есть во времена, когда жили Гиппократ и Аристотель; Уже в 1955 г. в США было привито 5 млн человек – прямое указание времени; Уже много лет назад замечено, что под влиянием разных раздражителей возникает рак – приблизительное указание*. В данном употреблении возможна замена *уже* на *ещё*, в связи с чем существует мнение о синонимичности этих частиц. Однако, вслед за И.М. Богуславским [2], укажем на наличие у *уже* смыслового компонента ‘раньше, чем ожидалось’, который насливается на базовый (ср. толкование частицы *ещё* в подобных контекстах [15, с. 25]).

Частотны метатекстовые конструкции типа *Ранее уже отмечалось, что...* – при глаголах речи несовершенного вида, например: *Но, как уже подчеркивалось выше, каждое токсическое вещество, поступив внутрь, оказывает определенное воздействие на органы и структуры организма; Исторический аспект систематики психозов уже обсуждался выше* и под.

Наиболее частотно употребление частицы в значении ‘говорящий сообщает, что ситуация состоялась/состоится раньше и/или быстрее, чем предполагалось’. Частица при этом свободно включается в контексты медицинского содержания и маркирует компоненты – медицинские термины; в рамках данного употребления реализуется в ограниченном наборе конструкций, приобретает коммуникативно-прагматическую специфику в предписывающих, рекомендательных контекстах, поскольку обычно медицинское произведение любого из перечисленных жанров, даже традиционно квалифицируемых как собственно научные, предполагает практическую направленность: рекомендательную или инструктивную [12].

Такой тип употребления *уже* в медицинских текстах – самый востребованный, по нашим наблюдениям: 35% от общего числа собранных фактов, например: *Церебральная ишемия заключается в необратимых изменениях уже через 5–8 минут*. Для сравнения: тип употребления с противоположным значением ‘говорящий сообщает, что ситуация состоялась/состоится позже, чем предполагалось’ встречается только в 6 % случаев, например: *У детей болезнь встречается редко и обычно впервые проявляется уже после полового созревания, хотя описаны случаи заболевания и у грудных детей*.

В основном такие употребления *уже* (при указании на более раннее осуществление ситуации по сравнению с предполагаемым) используются в информативных контекстах – при описании анатомических особенностей строения органов и их функций, особенностей развития патологического процесса, при изложении результатов применения того или иного метода лечения и под., например: *Уже через несколько секунд после остановки сердца напряжение кислорода в тканях мозга падает; Уже при 34°C возникает амнезия, когда пострадавший забывает о происшествии; Быстро, уже через 1-2 мин, наступает общая анальгезия без неприятных ощущений; Некоторые пациенты испытывают тяжелое недомогание уже при субфебрильной температуре*, другие вполне удовлетворительно переносят даже значительную лихорадку и т.п. Частица относится к обстоятельственному компоненту со значением времени, которое в количественном отношении оценивается как незначительное, это короткий период или промежуток или малое количество (1-2 минуты, несколько секунд – это мало; 34°C – это низкая температура для человеческого тела). Данное значение частицы обнаруживается также при компоненте, выраженном адъективно-именным сочетанием типа *ранняя стадия, первичный период, первые минуты*, ср.: *Уже в ранней, предпаралитической фазе болезни отмечаются пролиферация микроглии, феномен нейрофагии; Примерно у четверти больных СПИД-дементный комплекс выявляется уже в манифестном периоде болезни; Уже в первые часы после нанесения аллергена их количество в коже увеличивается и под.*

Вместе с тем *уже* с таким значением используется и в долженствовательных, предписывающих контекстах, когда даётся установка, рекомендация, прямое указание для какой-либо диагностической или лечебной манипуляции, ср.: *Поэтому целесообразно, не дожидаясь резкого угнетения жизненно важных функций, начинать интенсивную терапию уже тогда, когда создается перенапряжение; Если консервативные методы не помогают или уже при поступлении состояние больного очень тяжелое, прибегают к методам очищения и дезинтоксикации организма: плазмаферезу, гемосорбции, обменному переливанию крови в условиях гипотермии, дренированию грудного лимфатического протока (то есть должны применяться данные методы); При этом лечение должно начинаться уже на догоспитальном этапе; Если уже во время операции развился тиреотоксический криз, то проводят нейровегетативную блокаду, внутривенно вводят 200-300 мг гидрокортизона (то есть необходимо произвести данные манипуляции); Ни в коем случае уже с вечера*

накануне операции нельзя принимать молоко и другую пищу, которая долго задерживается в желудке (запрещающая инструкция); Ходьба с дозированной нагрузкой на оперированную конечность и дополнительной опорой (костили, манеж) возможна уже с третьих суток (рекомендация).

В целом во всех представленных случаях употребления *уже* такого типа создаётся следующий прагматический эффект: *данное проявление патологии наблюдается / состояние фиксируется / необходимо произвести данную манипуляцию и под. – несмотря на начальную стадию / низкие показатели / незначительный временной период / малое количество и под., то есть раньше или/и быстрее, чем можно было предположить.*

В рекламных текстах *уже* регулярно употребляется в ряде значений, причём на основе частицы формируются клишированные построения, имеющие определённый прагматический эффект.

(1) Во многих случаях частица выступает при компоненте с обстоятельственным значением, актуализируется пресуппозитивный компонент ‘ожидание’: *X уже в киосках; уже в сети и под.*; семантический эффект: долго ждали *X*, наконец-то ситуация изменилась и *X* стал доступен. В таких контекстах можно усмотреть скрытую (косвенно выраженную) императивность: создаётся эффект непрямого «подталкивания» к приобретению товара за счёт оценки описываемой ситуации как долгожданной, желаемой, что и внушается адресату. Например: *JUNG. Уже в продаже!* (реклама электротехнической продукции, журн.); *Уже в наличии! iPhone 5s. Опережая мысли. iPhone 5c. Живите в цвете* (витринная реклама) – в данных употреблениях семантика существительного, выделяемого частицей, имеет предикативный характер, ср.: *уже продается, уже есть*. Вообще в подобных употреблениях выделяемый компонент занимает позицию предиката – при отсутствии в грамматическом контексте глагола-сказуемого, ср.: «*Тропикана Слим Зеленый кофе* *уже в аптеках!*» (газ.); *Новый «Человек-паук». Уже в кинотеатрах* (ТВ); *MONTANA. Легенда уже в вашем городе. Hamburg. Germany* (рекламное объявление, магазин джинсовой одежды); *Студия макияжа «Фифа». Летняя коллекция shellac уже у нас* (реклама на кубарике); *Первый в мире серийный Blu-ray плеер – уже в России!* (журн.); «*Точка суши. Яркие новинки уже в меню!*» (витринная реклама) и др.

(2) Второй распространенный в рекламе тип употребления: *уже через полчаса головная боль проходит* – ‘раньше, чем ожидается, чем это бывает обычно’, что указывает на то, что объект рекламы действует быстрее, эффективнее по сравнению с другими средствами (характерно для рекламы лекарственных препаратов, косметики, бытовой химии, а также услуг связи и под.). Частица используется в основном в конструкциях с предлогами *через* и *после*: «*Зодак* начинает действовать *уже через 20 минут после приема*» (ТВ); «*Цетрин*. Быстро снимает симптомы аллергии. Действует *уже через 20 минут!*» (буклет); *Синекод. Борется с приступом сухого кашля уже с первого применения* (ТВ); Эффективность *Advanced Genifique*. Вы увидите и ощутите первые результаты *уже через 7 дней*: обновленная, гладкая и сияющая кожа. *Уже через месяц* Ваша кожа становится более плотной (журн.); С новым «*Ariel M-Zim5*» безупречная чистота белья гарантирована вам *уже после первой стирки* (ТВ); *Отправляйте денежные переводы по России и СНГ в ближайшем офисе «Билайн». Получить перевод можно уже через несколько секунд* в одном из 34000 пунктов «Золотая Корона» (буклет).

(3) Типичны употребления *уже* в этом значении при наречии *сейчас* с целью развеять сомнения в невозможности получения услуги в настоящее время (сейчас – то есть ‘раньше, чем вы думали’), в результате чего эта услуга трактуется как желаемая и долгожданная: *Предоставление государственных услуг в электронном виде уже сейчас* (ТВ); *Копите деньги на стоматолога? Мы поможем вам уже сейчас* (ТВ, реклама стоматологической клиники); *Начни свою карьеру уже сейчас в «Альянстелеком»* (постер в автобусе); *Пройди школу социального проектирования вместе с нами! Заявки принимаются уже сейчас на e-mail* (рекламная стойка).

(4) Непрямая (косвенная) императивность просматривается и в случаях, когда частица маркирует компонент со значением количества, оценивая его как значительное: *WESTERN UNION уже более 135 лет оказывает услуги своим клиентам* (буклет) – на основе семантических компонентов ‘много’, ‘долго’ формируются смыслы ‘опытный’, ‘надёжный’, ‘вызывающий доверие’. Ср. аналогичные употребления: *Coolmart. 18 лет нам уже!* (газ.); серия текстов наружной рекламы магазинов бытовой техники «Спектр техники» (г. Владивосток) со слоганом *Уже 20 лет! Покупай уверенно!*

Аналогичный эффект находим в случаях типа: *уже 20 млн женщин используют этот препарат* и под. – ‘много’, то есть проверено многими, значит, эффективно и надёжно, например: *Но-шпа. С нами уже три поколения* (слоган). Близки по выбранной стратегии к данным рекламным текстам те, в которых уже маркирует не компонент с количественной семантикой, а предикат в вопросительном высказывании, вводимом частицей *а*. Реклама вызывает в сознании адресата опасение (или даже страх) опоздать и быть не как все, чему способствует информация о количестве потребителей рекламируемого товара или услуги, выступающая в качестве аргумента, ср.: *Продано больше 3 000 000. Ты уже купила свою?* (тушь для ресниц MAX FACTOR False Lash Effect, газ.); *Многие женщины уже принимают «Циклум». А вы?* (ТВ); *Пока вы читаете эту рекламу /.../ более 25 000 посетителей уже перешли на сайты наших клиентов* (реклама фирмы «Ашманов и партнеры»).

Семантико-прагматические свойства частицы *уже*, имплицитный характер её семантики позволяют не только строить на этой основе краткие, но ёмкие рекламные тексты, но и использовать её как базовый компонент короткого анекдота, например: *Славик поставил бабушку в тупик, приехав к ней уже толстым; Он был в прекрасной спортивной форме. Правда, на пузе она уже не застёгивалась* и под. Именно на семантике *уже* основан комический эффект в данных случаях (в первом случае эксплицирован компонент ‘раньше, чем ожидалось’).

Проведённый анализ употреблений слова *уже* в текстах разных функциональных стилей позволяет сделать вывод о том, что возможность использования этой частицы в письменной научной речи, в художественных произведениях, рекламных сообщениях, а также законодательных документах обусловлена широким диапазоном и своеобразием её семантико-прагматических проявлений. Вместе с тем очевидное сужение семантико-функционального потенциала частицы, в частности, в медицинском тексте и в рекламе связано с теми требованиями, которые предъявляет к языковым средствам соответствующая сфера коммуникации, функциональный стиль, жанр.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.І. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 466 с.
3. Ветрова Н.В. Конструкции со словами «еще» и «уже» в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. н. – Ставрополь, 1995. – 21 с.
4. Ветрова Н.В. Текстообразующая функция конструкций со словами «еще» и «уже» // Синтаксические связи и синтаксические отношения в русском языке. Материалы Всероссийской конференции (28–29 мая 1998 г.). – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. – С. 158–161.
5. Горбачик А.Л. О понятии предела как средстве дифференциации лексических единиц «еще» и «уже» // Синтаксис: изучение и преподавание. – М., 1997. – С.167-171.
6. Ильина А.Б. «Гибридные» слова с градуальной семантикой в современном русском языке: Наречия-частицы: Автореф. дис. ... канд. филол. н. – Саранск, 2005. – 21 с.
7. Кубасов А.В. Нarrатив и время в рассказе А.П. Чехова «У знакомых» // Уральский филологический вестник. Серия «Русская классика: динамика художественных систем». – 2013. – № 1.
8. Ляпина С.В. Структурно-семантические функции лексем «еще» и «уже» в смысловой организации предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. н. – Елец, 1997. – 18 с.
9. Николаева Т.М. Частицы и ситуации. «Скрытая семантика» частиц // Николаева Т.М. Лингвистика. Избранное. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – С. 209-226.

10. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Астрель-АСТ, 2002.
11. Падучева Е.В. Отрицание, снятая утвердительность и двойственность // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН: Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. – СПб: Наука, 2014. – С. 399-413.
12. Паршенкова В.В. Частица «уже» в научном (медицинском) тексте [Электронный ресурс] // Избранные труды участников научно-практической конференции студентов и аспирантов ВИ-ШРМИ ДВФУ. – Владивосток, 2016. – Режим доступа: <http://www.dvfu.ru/web/otdel-organizacii-nauchno-issledovatel'skoj-raboty-studentov/publikacii-oonirs>.
13. Перцевая К.А. Роль частиц в организации осложненного предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. н. – Владивосток, 2011. – 23 с.
14. Перцов Н.В. О возможном семантическом инварианте русских фразовых частиц «уже» и «еще» // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М.: Индрик, 2002. – С. 137-144.
15. Стародумова Е.А. Словарная статья частицы «еще» // Словарь служебных слов русского языка. – Владивосток, 2002. – С. 19-30.
16. Токарчук И.Н. Частицы в пространстве текста (На материале рассказов и повестей Л. Петрушевской) // Русский язык в школе. – 2012. – № 3.- С. 55-59.
17. Токарчук И.Н. Частицы ЕЩЕ и УЖЕ в художественном тексте: стилистический аспект // Современные проблемы славянской филологии: славянские языки в современном мире. Материалы 5 международной научной конференции (4-6 мая 2013 г.). Государственный университет Чжэнчи. – Тайбэй, 2014. – С.215-226.
18. Труб В.М. Особенности интерпретации высказываний с заполненными темпоральными валентностями частиц «еще» и «уже» // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М.: Языка славянской культуры, 2004. – С. 333-343.
19. Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц / Под ред. В. Гладрова. – Берлин, 1999. – С. 133-134.

Тюрина П.М.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Tyurin P.M.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВА СЛЕДОВАТЕЛЬНО

SOME PECULIARITIES OF THE WORD СЛЕДОВАТЕЛЬНО FUNCTIONING

В статье рассматриваются особенности функционирования слова *следовательно* на уровне предложения и текста. Устанавливается, что данное слово может выступать экспликатором отношений логического следования и причинных отношений, при этом чёткой связи между типами контекстов (предложение или текст) не прослеживается. Пунктуационное оформление данного слова может варьироваться, что обусловлено сложностью эксплицируемых им отношений. Делается вывод о том, что слово *следовательно* не вписывается в рамки устоявшихся терминологических обозначений, применяемых для подобных единиц, поэтому вопрос о его грамматической квалификации требует дальнейшего рассмотрения.

Ключевые слова: *служебные слова, предложение, текст, текстовая скрепа, союз, функция*.

The article considers the peculiarities of the word *следовательно* functioning in sentences and texts. This word is stated to act as an explicator of the causal relations and the relations of logical sequence, whereas a clear connection between the types of contexts (a sentence or a text) is not apparent. The punctuation related to the word use can vary, what is caused by the complex character of the relations explicated by it. The conclusion is drawn that the word *следовательно* doesn't fit the long-established terminological definitions used for such units, that is why the issue of its grammatical status requires further consideration.

Key words: *functional words, sentence, text, text connector, conjunction, function*.

Изучение текста занимает особое место в современной лингвистике. Ему посвящено огромное количество самых разнообразных исследований, с той или иной стороны раскрывающих специфику этого чрезвычайно сложного по своей природе феномена. Неослабевающий интерес к тексту обусловлен и слабой изученностью отдельных аспектов, и непрерывным развитием технологий, которые предоставляют нам всё новые возможности для речевого взаимодействия. Особый интерес для лингвистики представляют механизмы построения связного текста и языковые средства, которые для этого используются. К таким средствам относятся самые разнообразные единицы, выполняющие юнкционную функцию. К их числу относятся текстовые скрепы – особые единицы, специализирующиеся на экспликации внутритекстовых связей.

Лингвистика текста пока не выработала единого термина для обозначения данных единиц, что, безусловно, связано с их сложной природой – невозможностью отнесения к определённой части речи, существенными различиями в способности встраиваться в определённые грамматические конструкции и др. Более того, для многих подобных единиц функция текстовой скрепы (данный термин здесь и далее используем вслед за А.Ф. Прияткиной [2] как наиболее удачный) не является единственной. Так, отдельные единицы могут выполнять схожие функции не только на уровне текста, но и на уровне предложения.

К юнкционным единицам именно такого типа можно отнести слово *следовательно*, которое стало объектом анализа в данной статье. Оно, несмотря на высокую частотность, пока не становилось предметом специальных лингвистических исследований, однако неоднократно получало описание в различных словарях. Считать эти описания полными, безусловно, нельзя, однако в них представлено разноплановое и весьма подробное описание данной единицы. Например, «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений»

даёт большой список синонимичных единиц, но без уточнения того, на каком уровне (предложения или текста) они могут функционировать. В числе синонимов *следовательно* здесь перечислены *следственно, значит, знать, видно, итак, поэтому, посему, стало быть, стало, ясно; из этого видно, вытекает, выходит, следует, усматривается, явствует, можно вывести* (заключить, усмотреть) [6]. Синонимическое толкование приведено и в словаре Д.Н. Ушакова (перечислены 3 синонима – *вследствие этого, в силу этого и поэтому*), однако здесь чётко определён частеречный статус данного слова как союза [7], что может быть подвергнуто критике с учётом способности слова *следовательно* функционировать в качестве текстовой скрепы. В то же время наличие у *следовательно* союзной функции отражено в словарях Т.Ф. Ефремовой и С.И. Ожегова, но здесь отмечена и вторая функция – вводное слово. Раскрываются эти функции через синонимы и иллюстрации [4; 5].

Анализ языкового материала позволяет говорить о двух типах контекстов для слова *следовательно*. Это предложение и текст. В обоих случаях основной функцией данного слова является функция присоединения логического вывода-следствия. Суть этой функции заключается в том, что информация из левого контекста не повторяется в правом, а логически вытекает из неё, поэтому, выступая экспликатором отношений логического следования на уровне текста, слово *следовательно* становится частичным синонимом текстовых скреп *таким образом, итак* и под. в соответствующей функции.

Логика характеризует отношения логического следования как описанные не совсем чётко и не имеющие однозначного определения, но именно здесь была выработана модель таких отношений, наиболее наглядно показывающая их структуру и характеризующая составные элементы. Данная модель имеет следующий вид: из высказываний $A_1 \dots A_n$ следует высказывание B [1, с. 188-189]. Модель получила название семантического определения отношений логического следования, а значит, требует выделения элементов по семантическому основанию (последний элемент будет завершать ряд семантически однородных). Явным достоинством такой модели является то, что она оптимально подходит для анализа контекстов, построенных на отношениях логического следования, так как позволяет разложить эти контексты на составные элементы и выявить взаимосвязи между ними.

Как показал анализ языкового материала, слово *следовательно* почти всегда участвует в экспликации отношений логического следования, однако в некоторых случаях на них накладываются причинные отношения. Ср.: *Опыт показал далее, что умственно отсталый ребёнок с огромным трудом обозначает словом ту группу объектов, которую он сформулировал, и следовательно, оказывается не в состоянии осознать выполняемые им операции; иногда он вообще не отвечает на вопрос, почему он разложил предметы именно так, а не иначе* [Лурия А.Р. Язык и сознание, с. 81-82]. *Итак, ментальные структуры, образующие состав метакогнитивного опыта, являются психологической основой способности к интеллектуальной саморегуляции и, следовательно, условием продуктивного интеллектуального функционирования* [Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования, с. 132].

Первый пример отчётливо демонстрирует сочетание отношений логического следования и причинных отношений, в то время как во втором примере причинных отношений уже нет. Отметим, что в обоих случаях *следовательно* участвует в экспликации отношений на уровне простого предложения в сочетании с союзом *и*. Пунктуационное оформление при этом отличается, однако, как показали наблюдения, прямой зависимости между характером отношений и пунктуационным оформлением нет.

В отдельных случаях отношений логического следования нет вовсе, и на первый план выходят причинные отношения. Это отчётливо видно в следующем примере: *На основе эгоцентрической речи ребёнка, отщепившейся от социальной речи, возникает затем внутренняя речь ребёнка, являющаяся основой его мышления, как аутистического, так и*

логического. *Следовательно*, в эгоцентризме детской речи, описанном Пиаже, мы склонны видеть важнейший в генетическом отношении момент перехода от внешней речи к внутренней [Выготский Л.С. Мышление и речь, с. 52]. Примечательно, что здесь *следовательно*, выступая синонимом слова *поэтому*, связывает высказывания на уровне текста, и говорить о нём как о союзе в традиционном понимании уже нельзя. С формальной точки зрения это текстовая скрепа, однако смысловые отношения между соединяемыми высказываниями очень близки к отношениям внутри сложноподчинённого предложения.

Функционирование слова *следовательно*, как видно из приведённых примеров, связано с двумя типами контекстов. Это уровень предложения, как простого, так и сложного, и уровень текста. В обоих случаях возможна экспликация как отношений логического следования в чистом виде, так и их сочетания с причинными отношениями. Не зависит от типа контекста и характер выстраивания отношений логического следования. Разница здесь может заключаться в количестве посылов и выводов в левом и правом контекстах соответственно.

Так, одному посылу может соответствовать один вывод. Подобная структура отношений логического следования была обнаружена только в простом предложении: *Каждый ребёнок при любых условиях (даже самых неблагоприятных и регрессивных) «заполнен» собственным ментальным опытом, *следовательно*, имеет исходный стартовый интеллектуальный капитал* [Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования, с. 132].

Куда более распространённой оказалась структура, где нескольким посылам соответствует один вывод. Эта структура чаще связана с функционированием *следовательно* в качестве текстовой скрепы: *Мы как будто вправе рассматривать его с достаточным основанием как феномен речи. Но значение слова с психологической стороны, как мы в этом неоднократно убеждались на всём протяжении исследования, есть не что иное, как обобщение, или понятие. Обобщение и значение слова суть синонимы. Всякое же обобщение, всякое образование понятия есть самый специфический, самый подлинный, самый несомненный акт мысли. Следовательно, мы вправе рассматривать значение слова как феномен мышления* [Выготский Л.С. Мышление и речь, с. 277].

Возможна и обратная ситуация, когда одному посылу соответствует несколько выводов: *Таким образом, чем выше уровень абстрактности, тем, следовательно, более выражена способность субъекта переступать границы (пределы) непосредственного и двигаться в рамках более отдалённых временных, пространственных, семантических и смысловых расстояний* [Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования, с. 86-87]. Подобные структуры более частотны на уровне текста, однако в предложении (в данном случае – сложном) они тоже возможны.

Наиболее распространёнными для функционирования слова *следовательно* на уровне текста оказались случаи, когда нескольким посылам соответствует несколько выводов: *Он* [А. Попович], будучи последователем М. М. Бахтина, русских формалистов и польской школы поэтики, строит теорию метатекстов в тесной связи с термином метакоммуникация: *«Каждая реализованная коммуникация открывает дальнейший коммуникативный ряд (метакоммуникация)», и текст с этой точки зрения вторичен, поскольку «включает в себя весь предыдущий путь развития искусства в соответствующей модификации», является «реакцией на предыдущий текст», то есть метатекстом. Иными словами, метатекст опирается на оригинал (прототекст), но не повторяет его. Следовательно, отношения между прототекстом и метатекстом – это трансформационные отношения между инвариантом и вариантом, а «функция метакоммуникации – развитие или опровержение инвариантных особенностей оригинала (прототекста) во вторичном производном тексте, или метатексте». Кроме того, в словаре терминов А. Поповича мы встречаем номинацию метастихотворение (стихотворение о стихотворении) [Перфильева Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий, с. 23-24]. Подобная структура была отмечена и на уровне*

сложного предложения, но случаев её реализации в простом предложении обнаружено не было.

Приведённые примеры показывают, что слово *следовательно* способно выступать экспликатором отношений логического следования и причинных отношений в самых разнообразных контекстах – от простых предложений до текста. При этом невозможно говорить о чёткой закреплённости структуры выстраиваемых им отношений за определённым типом контекста. В связи с этим возникает вопрос о термине для обозначения данного слова. Иногда в литературе, посвящённой текстовым скрепам и различным единицам, участвующим в формировании внутритекстовых связей, используется термин *текстовый союз* (об этом говорится, например, в работе О.А. Селюниной [3, с. 43]). Слово *следовательно*, очевидно, в наибольшей степени соответствует этому термину, однако для обозначения подобных единиц, функционирующих на уровне текста, целесообразно использовать термин *текстовая скрепа*, предложенный А.Ф. Прияткиной, о чём говорилось выше.

Куда сложнее обстоит дело с употреблениями *следовательно* в предложениях. Как показывает собранный материал, уже пунктуационное оформление позволяет отнести его лишь к вводным словам, а не к союзам, хотя характер выстраиваемых смысловых отношений часто говорит как раз об обратном. Более того, оформление точно таких же отношений возможно и на уровне текста. Слово *следовательно*, таким образом, не вписывается в сложившуюся на сегодняшний день систему терминов, используемых для обозначения юнкционных единиц (текстовая скрепа – лишь одна из реализаций функциональных возможностей слова *следовательно*), и данный вопрос требует дальнейшей разработки. Нет единообразия и в пунктуационном оформлении, что, очевидно, связано с описанными особенностями функционирования.

Таким образом, слово *следовательно* является чрезвычайно сложной по своим функциональным возможностям единицей, в определённой степени размывающей границы между предложением и текстом, выступая в качестве экспликатора причинных отношений и отношений логического следования. Сложность его природы, несомненно, ставит вопрос о дальнейших исследованиях в этой области и о разработке нового терминологического аппарата для обозначения подобных единиц.

Список литературы

1. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.
2. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 334-344.
3. Селюнина О.А. Скрепа *поэтому* как средство оформления вторичной связи // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 43-48.
4. Словарная статья «Следовательно» // Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М.: Русский язык, 2000. – В 2 т. – 1209 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/245803/Следовательно>
5. Словарная статья «Следовательно» // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/222798>
6. Словарная статья «Следовательно» // Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений // Под ред. Н. Абрамова. – М.: Русские словари, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonyms/164607/следовательно
7. Словарная статья «Следовательно» // Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2013. – 800 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1028766>

Цзян Вэй

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Jiangwei

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

INTERROGATIVE SENTENCES: DIFFERENT ASPECTS OF THE RESEARCH

В статье рассматриваются основные аспекты изучения вопросительных предложений – логический, синтаксический, семантический и прагматический. Автор приходит к выводу о тесной взаимосвязанности этих аспектов и невозможности их абсолютного разграничения, поскольку при использовании каждого из выявленных подходов исследователи так или иначе затрагивают теоретические положения, выработанные в рамках других направлений.

Ключевые слова: *вопросительное предложение, логика, синтаксис, семантика, прагматика*.

This article examines the main aspects of the interrogative sentences research – logical, syntactic, semantic and pragmatic. The author comes to the conclusion about close interrelation between these aspects and impossibility to draw a clear line between them, because while using each identified approach, the researchers somehow touch on theoretical postulates developed in other areas.

Keywords: *interrogative sentence, logic, syntax, semantics, pragmatics*.

Сложность описания вопросительного предложения обусловлена его многофункциональностью и разноплановостью, многоаспектностью. К основным аспектам изучения вопросительного предложения относятся логический, синтаксический, семантический и прагматический. Кратко остановимся на каждом из аспектов.

1. Логический аспект (Н. Белнап, Т. Стил; В.Г. Кузнецов, Ю.Д. Егоров).

Исследование логической структуры вопросов и ответов началось в 30-х годах XX века. В ранних работах в основном рассматривалась формализация вопросно-ответных отношений, в том числе в книге Н. Белнапа и Т. Стила «Логика вопросов и ответов», которая была опубликована в 1981 г. Задачей логики вопросов, по Н. Белнапу и Т. Стилу, является развитие анализа семантики и грамматики вопросов (под грамматикой вопросов авторы понимают способы правильного построения вопросов, а под семантикой вопроса – совокупность ответов, допускаемых этим вопросом) [2, с. 12].

В настоящее время изучение логики вопросов и ответов получило дальнейшее развитие. В работе Ю.Д. Егорова и В.Г. Кузнецова «Логика вопросов и ответов в коммуникативной деятельности» исследовались вопросно-ответные методики, которые «играют важную роль во всех сферах коммуникативной деятельности людей, имеют первостепенное значение в теории и практике принятия решений, в преподавательской деятельности, в общении людей и познании» [7, с. 1]. Авторы утверждают, что «связь вопроса и ответа понимается как форма рассуждения» [7, с. 3]. Отмечены виды вопросов и общие правила коммуникативной деятельности в этой области. Кроме того, в статье рассматривается соотношение вопроса и вопросительного предложения: грамматическую форму вопроса представляет собой вопросительное предложение; некоторые вопросительные предложения не являются вопросами; вопрос не всегда выражается в грамматической форме вопросительного предложения.

2. Синтаксический аспект (А.М. Пешковский; В.В. Виноградов; И.П. Святогор).

В лингвистике вопросы изучались в первую очередь в синтаксическом аспекте. А.М. Пешковский описывал вопросительные предложения с точки зрения их

синтаксического оформления. Он определил следующие признаки вопросительных предложений: вопросительные частицы (*ли, разве, ужели, неужели*), которые служат только для внесения в предложение вопросительного смысла, вопросительные слова, измененный порядок слов, особая вопросительная интонация [11, с. 393].

Такой же подход представлен в «Грамматике русского языка» 1960 г. По общему значению выделяются три типа вопросительных предложений: собственно вопросительные (обязательно требующие ответа); риторические (не требующие ответа); вопросительно-побудительные. Собственно вопросительные предложения могут быть осложнены добавочными эмоциональными или модальными значениями: сомнение, удивление, предположение и др. Риторические вопросы содержат скрытое утверждение или скрытое отрицание. Вопросительно-побудительные предложения заключают в себе оттенок побуждения к действию [6, с. 354].

В «Русской грамматике» 1980 г. нашли отражение разные принципы синтаксического анализа: формально-синтаксический (строение вопросительных предложений); функциональный (функционально-семантические типы вопросительных предложений); коммуникативный (порядок слов в вопросительных предложениях). Вопросительные предложения строятся или способом преобразования невопросительных предложений, или по собственным синтаксическим образцам. Функционально-семантические типы объединяются на основе их первичных и вторичных функций. Вопросительные высказывания с первичными функциями, предполагающие ответ, различаются по трём критериям и классифицируются с учётом: «1) характера и объёма той информации, которая ожидается в ответе; 2) осведомлённости говорящего о том, что спрашивается, и 3) ожидаемого ответа» [12, с. 394]. Для вторичной функции отмечены шесть разновидностей вопросительных предложений, которые всегда передают информацию экспрессивно окрашенной (риторические вопросы, вопросы-побуждения, вопросы-уяснения и др.). Порядок слов в вопросах отличается большей свободой по сравнению с невопросительными предложениями. Например, в стилистически нейтральной письменной речи в вопросах с частицей *ли* выделенное ею слово выносится в начало предложения (*Пойдете ли вы на концерт?*), а в непринужденной, разговорной речи словоформы с частицей *ли* могут быть расположены не только в начале, но и в середине и в конце предложения (*А дедушка вам понравился ли?; Алеша поедет ли с нами?*) [12, с. 397].

3. Семантический аспект (Ш. Балли; Е.В. Падучева; И.Б. Шатуновский).

В основе семантического подхода к вопросительным предложениям лежит противопоставление диктума и модуса. Эти термины введены французским лингвистом Ш. Балли, который на основе оппозиции диктума и модуса выделил четыре типа вопросов: частичный диктальный вопрос, относящийся к части диктума (*Кто вышел?*); полный диктальный вопрос, относящийся ко всему диктуму (*Что происходит?*); полный модальный вопрос, имеющий целью установить правильность или неправильность диктума (*Павел здесь?*); частичный модальный вопрос, имеющий целью установить правильность или неправильность части диктума (*Ты ли сделал это?*) [1, с. 48].

Е.В. Падучева различает вопросительные предложения со стандартной семантикой (собственно вопрос с выражением просьбы об информации) и вопросительные предложения с нестандартной семантикой (разного рода идиоматические вопросительные предложения). К последним относятся риторические вопросы, вопросы-просьбы, переспросы, рефлексивные вопросы и мн. др. Е.В. Падучева отмечает, что формальное описание ВО-соответствия (Н. Белнап, Т. Стил) – один из естественных подходов к формализации семантики вопроса, но оно не может раскрыть семантику вопроса до конца: «в стороне остается иллокутивный компонент вопроса как вида высказывания» [9].

И.Б. Шатуновский показывает связь семантической (диктумно-модусной) структуры с коммуникативной структурой. Формальные и коммуникативные различия вопросов связаны с различиями семантических элементов вопросов. Например, общие собственно вопросы

делятся на различные формально-коммуникативные типы в зависимости от того, какой семантический элемент вопроса находится в коммуникативном фокусе: модальные (*Ты любишь сыр?*) и диктально-модальные (*Любишь ли ты сыр?*). В первом случае в коммуникативном фокусе вопроса находится соответствие диктума действительности, а во втором – и модус (соответствие диктума действительности), и диктум (описание ситуации) [14].

Таким образом, исследование вопросов в логическом аспекте (ВО-соответствие) получило развитие в лингвистической семантике. Вместе с тем исследователи показали, что полное описание семантики вопросительных предложений неотделимо от выявления их коммуникативно-прагматических характеристик.

4. Прагматический аспект (Е.В. Падучева; И.П. Сусов; Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев; И.М. Кобозева).

Как известно, в исследованиях по семиотике были выделены три ее составные части: семантика (отношение знаков к реальности), синтаксика (отношение между знаками) и прагматика (отношение знаков к их пользователям). Но, как показали многочисленные исследования, границы семантики и прагматики далеко не всегда могут быть четко очерчены. Более того, есть такие единицы, для которых прагматика составляет их семантическую сущность [3]. Неразрывную связь прагматики и семантики подчеркивали многие ученые.

Следуя А. Вежбицкой (см.: [5]), Е.В. Падучева относит к лингвистической прагматике «просто некоторую область семантики, а именно ту, которая изучает языковые элементы, ориентированные на речевое взаимодействие; иначе говоря, элементы, в семантике которых отсылка к говорящему играет ключевую роль» [10, с. 223].

И.П. Сусов отмечает, что «можно спорить, должна ли прагматика рассматриваться как особый раздел широком понимаемой семантики, не считать ли, напротив, правомерным поглощением семантики прагматикой или же квалифицировать их как отдельные, хотя и очень тесно связанные дисциплины. Все три подхода по-своему оправданы» [13, с. 26]. Однако в итоге автор отстаивает самостоятельный статус прагматики по отношению к семантике.

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев специально уделяют внимание прагматическим функциям некоторых типов вопросительных предложений. Семантический анализ некоторых типов вопросительных предложений не может быть отделён от исследования правил их использования в вербальной коммуникации [4, с. 314]. Вопросительные предложения могут выполнять контактостанавливающую, интродуктивную, авторефлексивную и другие функции. Например, употребление вопросительных предложений для возбуждения и поддержания внимания слушателя (контактостанавливающая функция, нередко осложненная указанием на важность последующего сообщения): *Представляешь? Он человека убил.*

Наибольший интерес для теории речевой деятельности представляет небуквальный смысл высказывания. Соотношение прагматического и синтаксического аспектов вопросов очень ясно показано в работе И.М. Кобозевой. Она подчёркивает соответствие первичной и вторичной функций в синтаксическом аспекте буквальному и небуквальному смыслу вопросов в прагматическом аспекте. В своей первичной функции вопросы служат средством осуществления речевого акта вопроса, а в своих вторичных функциях вопросы употребляются для осуществления других речевых актов. И.М. Кобозева сосредоточивает внимание на систематизации первичных и вторичных функций вопросов и объяснении процесса реализации их вторичных функций в рамках теории речевых актов. Вопросы, употреблённые с соблюдением определённых условий, выступают в своей первичной функции, а вторичные функции вопросов реализуются тогда, когда в ситуации общения нарушены те или иные из условий успешности вопроса [8, с. 42]. Например, скептические вопросы (– *Он специалист в этой области и мог бы нам помочь.* – *Специалист ли он?*), которые в основном выражают сомнение говорящего, принадлежат к вопросам с вторичными функциями, поскольку они всегда выступают в качестве диалогических реакций

на утверждение собеседника. Вопросительные предложения, которые выражают эмоционально-оценочное отношение говорящего к определённой ситуации, переспросы, вопросы, обращённые к себе самому, вопросы в монологе, как пишет И.М. Кобозева, также относятся ко второй группе функций – вторичным функциям.

Подведем итог. В исследованиях вопросительных предложений пересекаются логика, синтаксис, семантика и прагматика. Синтаксис вопросительного предложения служит основой других аспектов его исследования, поскольку при любом подходе к вопросам исследователи имеют дело с их синтаксической формой. В логике рассматривается формализация вопросов и ответов с помощью синтаксиса и семантика вопросов. Установление семантики вопросительных предложений неотделимо от выявления их прагматики. Иллокутивная функция главным образом формирует прагматический компонент семантики высказывания. В рамках каждого из рассмотренных подходов обращается внимание на прямое и косвенное употребление вопросительных предложений. Естественно связать разграничение первичных и вторичных функций, стандартной и идиоматической семантики с разграничением буквального и небуквального смысла вопросительных предложений. Иногда вопросительные предложения выполняют функции, занимающие промежуточное положение между первичными и вторичными. Такие разновидности вопросительных предложений, как вопрос-просьба, вопрос-предложение и вопрос самому себе, идиоматические вопросы в классификации Е.В. Падучевой и косвенные вопросы в классификации И.М. Кобозевой относятся к вопросам с вторичными функциями. Можно предположить, что в вопросах такого рода совмещаются первичные (ожидание ответа) и вторичные функции.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
2. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. – М.: Прогресс, 1981. – 290 с.
3. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Известия АН СССР. – Сер. лит. и языка. – Т. 40. – 1981. – № 4. – С. 333-342.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Известия АН СССР. – Сер. лит. и языка. – Т. 41. – 1982. – № 4. – С. 314-326.
5. Вежбицка А. Наброски к русскому семантическому словарю // Научно-техническая информация. – Сер. 2. – 1968. – № 12. – С. 23-28.
6. Грамматика русского языка/ Под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – Т. 2. – 689 с.
7. Егоров Ю.Д., Кузнецов В.Г. Логика вопросов и ответов в коммуникативной деятельности // Альманах Пространство и Время. – М.: Изд-во Пространство и Время, 2015. – Т. 9. – № 2.
8. Кобозева И.М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности. – М., 1987. – С. 39-46.
9. Падучева Е.В. Вопросительные местоимения и семантика вопроса // Разработка формальной модели естественного языка. – Новосибирск, 1981. – С. 80-105.
10. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
11. Пешковский А.М. Вопросительные, восклицательные и повелительные предложения // Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 392-395.
12. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – 710 с.
13. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. – М.: Восток-Запад, 2006. – 200 с.
14. Шатуновский И.Б. Общие (полные) вопросы в русском языке // Динамические модели: слово, предложение, текст. – М., 2008. – С. 896-927.

Шмелева Т.В.

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Россия*

Shmeleva T.V.

*Jaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russia*

СИНТАКСИС В УНИВЕРСИТЕТЕ: НОВЫЕ ТРЕНДЫ

SYNTAX AT THE UNIVERSITY: NEW TRENDS

В статье излагаются принципы преподавания синтаксиса в университете – как они формулировались и реализовались В.А. Белошапковой. С этих позиций делается краткий обзор учебников, опубликованных в 2008–2014 гг. Выявляется плодотворность идей ведущего синтаксиста и их развитие в новых учебниках.

Ключевые слова: *русский язык, преподавание, учебник, комплекс, синтаксис, аспекты синтаксиса, языковой материал*.

The article states the principles of teaching syntax at the University as they have been formulated and implemented by V.A. Beloshapkova. With this in mind a short review of the textbooks published in 2008-2014 is made. Fruitful ideas of the leading linguist and their development in new textbooks are revealed.

Key words: *the Russian language, teaching, textbook, complex, syntax, aspects of syntax, language material*.

В 2017 году исполнилось 100 лет со дня рождения Веры Арсеньевны Белошапковой, профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, автора академических грамматик 1954 и 1970 годов, автора и редактора университетского учебника современного русского языка [13]. Как ученица Веры Арсеньевны, всегда помню её постоянную заботу о преподавании синтаксиса в университете и школе, переживания по поводу преподавания, которое не показывает ученику, как можно сказать теперь, креативной силы синтаксиса. Эту небольшую работу о современной ситуации в преподавании синтаксиса я хочу посвятить памяти моего Учителя (подробнее о жизни Веры Арсеньевны Белошапковой, её лингвистических идеях и педагогических принципах см.: [17; 18; 19; 20]).

Говоря о том, какие изменения внесла Вера Арсеньевна Белошапкова в университетское преподавание синтаксиса и подготовку для этого учебной литературы (а её первому учебнику [2] исполняется в этом году 40 лет), следует подчеркнуть её твёрдую позицию. Вопреки представлениям о том, что студенту надо сообщать только то, что уже установлено и стало традицией, она стояла на том, что преподаватель должен заниматься синтаксисом как наукой и быть в курсе самых новых синтаксических событий, чтобы рассказать о них своим студентам. Сама она реализовала именно такой подход к преподаванию синтаксиса. Тем более что Вера Арсеньевна не только читала основной курс синтаксиса (где, кроме студентов, всегда были «повышающие квалификацию» преподаватели многих вузов страны), но и вела спецсеминар, спецкурсы, руководила аспирантами и докторантами – и это был единый процесс постоянных размышлений о синтаксических явлениях и их месте в синтаксической системе.

Синхронность и согласованность исследований и преподавания можно проследить, изучая работы В.А. Белошапковой. Так, в 1973 году она выступает на международной конференции с идеей изоморфизма словосочетания и сложного предложения, через год этот доклад публикуется в сборнике материалов конференции [1]. Но ещё до публикации эти идеи были введены в лекции (я занималась в семинаре Веры Арсеньевны с 1971 года и в 1972-1973 годах слушала её лекционный курс) и казались нам естественными, «как отче наш». Позднее мы читали об этом в учебнике Веры Арсеньевны [2, с. 16-20] и не думали, что кому-то это может показаться странным или трудным.

Или другой пример. В русле тех же идей изоморфизма, но теперь уже слова и предложения, после публикации Е.А. Земской о деривационной парадигме слова [5] мы с Верой Арсеньевной после долгих обсуждений и даже споров написали статью о деривационной парадигме предложения [3]. В общем учебнике, где была представлена вторая версия синтаксиса, появляется глава о парадигме предложения, а деривационная парадигма соотнесена с понятием «регулярная реализация схемы», предложенным Н.Ю. Шведовой [13, с. 454-470].

Вера Арсеньевна большое значение придавала идею трёхаспектности предложения. Эта идея принадлежит чешскому лингвисту Франтишку Данешу, и в ней оказался сформулирован принцип организации синтаксической науки – как трёх синтаксисов: конструктивного, семантического и актуального (коммуникативного). Уже в первом учебнике Вера Арсеньевна представила простое предложение в трёх аспектах: «структурная схема предложения» [2, с. 99-117], «семантическая структура предложения» [2, с. 117-132], «коммуникативная устроенность предложения» [2, с. 143-157]. Сохранилась эта композиция и в общем учебнике [13].

После его выхода Вера Арсеньевна думала, что одного учебника недостаточно – нужен, как она говорила, комплекс, куда бы вошёл сборник упражнений, который позволит студенту соотнести теоретические знания с собственным опытом анализа языковых фактов. Для такого сборника Вера Арсеньевна поручила мне синтаксическую часть. Некоторые из упражнений, которые я предлагала, казались ей слишком сложными для студентов (ну не всем это можно предлагать, а только продвинутым), смущало её и то, что материал упражнений – из современных текстов (но упражнения с предложениями из классики – в массе других изданий, а язык преподавания должен быть приближен к языковому опыту студента). В результате такой сборник вышел [12], не знаю, насколько широко им пользуются преподаватели современного русского языка.

В наших беседах, обсуждении всяких моих «методичек», которые я присыпала ей из Красноярска, мы говорили о том, что учебник должен быть сориентирован на адресата, нельзя одинаково преподавать филологам и студентам других факультетов. Говоря о филологах, Вера Арсеньевна заботилась о том, чтобы им был виден путь, который проходили многие синтаксические идеи, всегда подчёркивала значимость традиции («Традиция – это то, что передаётся из рук в руки», – говорила она), но не боялась показать ограниченность традиционных взглядов, их невозможность объяснить языковые факты. Учебники для филологов могут быть разными концептуально, чтобы они имели возможность сравнить разные подходы, оценить их преимущества в том или ином аспекте.

Интересовало её и преподавание инофонам, многие её ученики (Г.И. Володина, Л.Л. Бабалова, А.Л. Горбачик, С.А. Шувалова и др.) писали диссертации, одновременно занимаясь таким преподаванием и черпая оттуда материал для понимания разных явлений русского языка. Тогда укреплялась мысль о том, что именно преподавание русского языка инофонам позволяет увидеть русский язык с иного угла зрения: здесь не так важны вопросы классификации, как активная грамматика, о необходимости которой говорил ещё Л.В. Щерба. Заинтересованность в таком подходе к описанию русского языка вызвала к жизни сборник, который редактировали Вера Арсеньевна и Игорь Григорьевич Милославский [6].

Итак, если обобщить представления Веры Арсеньевны об идеальном учебнике синтаксиса для университетских студентов, то это прежде всего трёхаспектный учебник, теоретический уровень и материал которого сориентирован на специальность студента. И важный момент: учебник должен выйти в комплексе с материалами для самостоятельных занятий студента. Желательно включать в него элементы активной грамматики.

Сегодня, когда уже более двадцати лет нет Веры Арсеньевны, интересно посмотреть, какова ситуация с преподаванием синтаксиса в университетах, о чём мы можем судить по учебникам, которые выходили в текущем столетии. Интересно увидеть, насколько в этих учебниках проявляются те новые тренды, которые заданы трудами В.А. Белошапковой.

Надо сказать, материал для такого обзора накопился. В Санкт-Петербурге почти одновременно вышли учебники, которые можно назвать «акимовским» (его подготовили ученики Г.Н. Акимовой) [15; 8; 4; 9; 10] и «ильенковским», его написала С.Г. Ильенко при участии своих учеников, в частности М.Я. Дымарского и И.А. Мартыновой [7]. В Москве вышел учебник М.Ю. Федосюка [16]. Наконец, в Петербурге опубликован учебник для будущих журналистов и практикум к нему, где я подготовила синтаксические разделы и потому считаю возможным включить его в обсуждение [14; 11].

Идея комплексности нашла воплощение в учебнике для журналистов: учебник дополнен практикумом, где собраны материалы для анализа и некоторые обобщающие таблицы, которые должны помочь усвоить некоторые темы [14; 11]. Более масштабно эта идея реализована в «акимовском» учебном комплексе: он включает не только учебник и сборник упражнений, но и программу, хрестоматию и словарь-справочник с терминологией [15; 8; 4; 9; 10]. При этом нельзя сказать, что эта идея стала общепринятой и обязательной, выходят и учебники, так сказать, «без комплексов».

Идея трёхаспектности синтаксиса явно не присутствует только в «ильенковском» учебнике [7] – здесь в описании простого предложения нет разделов ни о семантическом, ни о коммуникативном аспектах. Но в рамках раздела «Концепция иерархии членов предложения на современном этапе их изучения» есть «Несколько замечаний о семантической структуре предложения, семантическом синтаксисе и проблеме типологии предложения» [7, с. 162-166], где отмечается: «осуществляя в учебных целях интегральный подход, мы опускаем этот <семантический> раздел (хотя в исследовательской практике он имеет весьма существенное значение)» [7, с. 163]. Раздел «Сложное предложение» начинается с характеристики «Семантико-структурной и коммуникативной природы сложного предложения» [7, с. 261-271]. А в разделе «Сложное синтаксическое целое», написанном М.Я. Дымарским, появляются и тема-рематическая организация, и актанты с ситуантами [7, с. 353-374]. Кажется, вряд ли они могут появиться в сложном синтаксическом целом, если их нет в простом и сложном предложении. Именно поэтому можно говорить о том, что в этом учебнике идея трёхаспектности представлена, но неявно.

Явно она представлена в «акимовском» учебнике, где наряду со структурой простого предложения описываются его семантическая и коммуникативная организация [15]. Более дифференцированно представлены эти аспекты в учебнике [16]: наряду со «структурной организацией предложения» в нём описана его «линейная организация», где рассмотрена роль интонации, и «ономасиологический аспект предложения», где характеризуются способы выражения различных смыслов, то есть в этот учебник включена часть «активной грамматики», по Л.В. Щербе. Характерно при этом, что в разделе «Способы выражения полипропозитивных сообщений» рассматриваются как простые, так и сложные предложения, при этом указывается, что влияет на выбор той или иной структуры. Такой подход представляется значительным шагом вперёд, приближением к реальностям речевой практики.

В учебнике [14] трёхаспектный подход распространён на простое и сложное предложение, при этом семантический и актуальный аспекты характеризуются ранее конструктивного, который представлен как «Техника простого предложения» [14, с. 292-298] и «Техника сложного предложения» [14, с. 303-310]. Такой порядок изложения должен показать: конструктивный аспект отвечает на требования двух других – смысловой организации предложения и иерархизации её отдельных смыслов.

Таким образом, идею трёхаспектности устройства предложения можно считать принятой синтаксическим сообществом, при этом наметилась тенденция распространять её не только на простое, но и на сложное предложение.

Наконец, учебник [14], в отличие от всех остальных обсуждаемых, предназначен, как сказано в его аннотации, «будущим специалистам в масс-медиа». Именно поэтому его синтаксическая часть отличается минималистичностью, она настроена не на классификации, а на объяснение устройства предложения. При этом она построена на языковом материале

современных медиа, что обеспечивает профессиональное восприятие синтаксиса. Наконец, в этом учебнике есть раздел о синтаксисе текста, что показывает студенту, что синтаксические понятия темы и ремы, модуса оказываются текстообразующими, без них нельзя не только анализировать текст, но и строить его осознанно [14, с. 324-336]. Показательно при этом, что практикум включает такие задания, как «напишите собственные тексты (желательно медийные) по заданным параметрам» [11, с. 261], что соответствует профессиональной установке на создание медиатекстов.

Итак, краткий обзор ряда учебников синтаксиса показывает, что идеи Веры Арсеньевны Белошапковой определяют новые тренды в преподавании синтаксиса в российских университетах. Этот факт приятно отметить в год 100-летия со дня её рождения.

Список литературы

1. Белошапкова В.А. Сложное предложение и словосочетание (к вопросу об изоморфизме в синтаксической системе) // Грамматическое описание славянских языков: концепции и методы. – М.: Наука, 1974. – С. 79-89.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
3. Белошапкова В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения // Вестник МГУ. – Серия 9. Филология. – 1981. – № 2. – С.43-51.
4. Вяткина С.В., Зорина Е.С., Кузнецова Е.С. и др. Синтаксис современного русского языка: сборник упражнений. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 160 с.
5. Земская Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. – М.: Наука, 1978.
6. Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В.А. Белошапковой и И.Г. Милославского. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 203 с.
7. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / Отв. ред. М.Я. Дымарский. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – 398 с.
8. Казаков В.П., Вяткина С.В. Синтаксис современного русского языка: программа курса и методические рекомендации. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 48 с.
9. Синтаксис современного русского языка: словарь-справочник / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, Д.В. Руднев и др.; отв. ред. Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 172 с.
10. Синтаксис современного русского языка: хрестоматия и учебные задания / Авт.-сост. Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, В.П. Казаков и др.; отв. ред. С.В. Вяткина. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 712 с.
11. Современный русский язык. Языковые техники создания медиатекстов: практикум / Л.Р. Дускаева, М.Ю. Казак, Н.А. Прокофьева, Т.В. Шмелева, Е.А. Щеглова; под ред. Л.Р. Дускаевой. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 432 с.
12. Современный русский язык: сборник упражнений / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1990. – 560 с.
13. Современный русский язык: учебник / Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В.; Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1981. – 560 с.
14. Современный русский язык: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / Под ред. Л.Р. Дускаевой. – СПб: Питер, 2014. – 325 с.
15. Учебно-методический комплекс «Синтаксис современного русского языка»: Препринт учебника для высших учебных заведений Российской Федерации / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, В.П. Казаков, Д.В. Руднев; под ред. С.В. Вяткиной. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 347 с.
16. Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка: учебное пособие. – М.: ИНФРА М, 2012. – 245 с.
17. Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В.А. Белошапковой // Вестник МГУ. – Серия 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 78-86.
18. Шмелева Т.В. Синтаксис и судьба // Синтаксис: изучение и преподавание: сборник работ учеников В.А. Белошапковой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – С. 5-13.
19. Шмелева Т.В. Труды и искания В.А. Белошапковой // Русский язык в школе. – 2017. – №7. – С. 70-73.
20. Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их реализация в современной русистике / Сост., отв. ред. Л.М. Байдуж. – Тюмень: Мандр и К°, 2010. – С.26-33.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

PROBLEMS OF REGIONAL LINGUISTICS

Е Сянлинь, Сюй Цзяхуэй, Цай Цзели
Государственный университет Чжэнчжжи
Тайбэй, Тайвань

Yeh Hsianglin, Chui Kawai, Tsai Jieli
National Chengchi University
Taipei, Taiwan

ЭМОЦИЯ СТРАХА И СПЕЦИФИКА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

THE EMOTION OF FEAR AND PECULIARITIES OF ITS EXPRESSION IN RUSSIAN AND CHINESE

В работе анализируются лексико-грамматические средства выражения экспериенцера и стимула в конструкциях со словами *бояться, страшно, пугать* в русском языке и сходными с ними по смыслу *хайпа, кёпа, ся* в китайском языке. Межъязыковое сопоставление позволяет выявить национально-культурную специфику концептуализации эмоции страха в языковом сознании носителей русского и китайского языков.

Ключевые слова: эмоция, страх, концептуализация, корпусное исследование, экспериенцер, стимул.

The paper analyzes lexical and semantic means of the experiencer and the stimulus in constructions with the Russian words *бояться, страшно, пугать* and the Chinese words *hàipà, kēpà, xià* with similar meanings. Cross-cultural comparison reveals national and cultural peculiarities of conceptualizing the emotion of fear in the language consciousness of Russian and Chinese native speakers.

Key words: *emotion, fear, conceptualization, corpus study, experiencer, stimulus.*

Эмоции являются важной частью человеческого сознания и деятельности и представляют собой сложную систему психической сферы человека. В современной научной литературе представлено изучение эмотивности в качестве языковой категории. Л.Г. Бабенко предлагает семантическую модель эмотивности и семантическую классификацию эмотивной лексики [3, с. 25-53, 71-82]. Есть и опыт описания эмоций с точки зрения их концептуализации. Например, Ю.Д. Апресян обращает внимание на языковые средства в формировании наивной картины эмоций, в том числе определённые лексико-синтаксические конструкции и метафорические выражения, обозначающие симптомы чувства и т.п. [2, с. 366-373].

Имеется также ряд сопоставительных работ по концептуализации эмоций. Например, в работах А. Вежбицкой описываются концепты ГРУСТЬ, ГНЕВ и другие в английском и русском языках. В соответствии с понятием семантических универсалий А. Вежбицкая разработала перечень семантических примитивов – минимальный список слов, достаточный для описания остальных слов, в частности для описания эмоциональных концептов [4; 5]. Как отмечает А. Вежбицкая, в английском языке предпочитают адъективную конструкцию, тогда как в русском языке предпочитают глагольную конструкцию. Разница между двумя языками отражает ориентацию носителей английского языка на пассивно переживаемое человеком состояние и ориентацию носителей русского языка на душевное движение: «Фактически, переживания, связанные с «радостью», «грустью» или «гневом», часто концептуализируются в русском языке как внутренняя деятельность, которую человек совершает, а не как состояния, которые пассивно проходят, и поэтому они часто обозначаются скорее глаголами, чем прилагательными» [15, с. 17-18].

Существующая научная литература по лексическим и фразеологическим единицам с семантикой ‘страх’ в русском языке [1; 2; 6; 12; 13 и др.] показывает лексико-грамматические и концептуальные характеристики единиц данной тематической группы и послужила хорошей базой для дальнейшего лингвистического и когнитивного изучения концепта ‘страх’.

Остаётся пока неясным, имеются ли у носителей русского и китайского языков какие-нибудь лексико-грамматические предпочтения, с помощью которых выявляется концептуализация эмоций, и являются ли эти предпочтения, если таковые имеются, лингвокультурологически специфичными. Наша работа ориентирована на данные вопросы и посвящена корпусному анализу лексико-грамматических средств обозначения эмоции страха в двух типологически разных языках – русском и китайском. В лингвистических исследованиях русские эмотивные слова в меньшей мере сравнивались с китайскими аналогами, и авторы этих работ в основном не касались вопросов лексико-синтаксических конструкций и языковых предпочтений носителей языка [8; 9; 10].

В данном исследовании основное внимание уделяется шести словам, обозначающим страх и функционирующими как предикаты, – это русские слова *бояться, страшно, пугать* и семантически сходные с ними китайские слова *хайпà, кэпà, ся*. Их употребление в различных конструкциях анализируется с точки зрения двух основных семантических ролей, а именно «экспериенцера» и «стимула» [14], которые участвуют в описании эмоциональных событий. Экспериенцер – это «участник ситуации, воспринимающий зрительную, слуховую и т.п. информацию» [11, с. 115]. Стимул – это «источник информации для экспериенцера» [Там же]. В описании ситуации страха, таким образом, в роли экспериенцера выступает участник ситуации, который испытывает страх, и в роли стимула, соответственно, выступает источник страха. Мы также проводим количественный анализ для выявления лексико-грамматических предпочтений двух языков и специфики концептуализации эмоции страха. Далее мы даем характеристику исследуемого нами языкового материала и используемой методики анализа материала.

Источниками материала для исследования послужили Национальный корпус русского языка и Тайваньский корпус традиционного китайского языка (Taiwan Chinese Traditional Gigaword 2 Corpus). В работе О.О. Заячковской описаны преимущества языковых корпусов для исследований в области когнитивной лингвистики, в частности, заключающиеся в том, что огромные массивы языковых данных позволяют «делать объективные, статистически подтверждённые выводы» [7, с. 245-246]. Мы рассматриваем контексты употребления слов, полученные в результате поиска в корпусах, для уточнения присутствия эмоции страха в той или иной описанной ситуации. Анализируется также частотность различных грамматических форм, которыми выражены экспериенцер и стимул. Результаты анализа позволяют сопоставить два языка, выявить их сходство и различие.

Мы ограничиваем языковой материал рамками публицистических текстов 1990-2002 гг. Языковой материал русского языка извлечён из Основного корпуса Национального корпуса русского языка, который состоит из 209 млн лексических единиц. Были получены 3166 примеров предикативного употребления глагола *бояться* (частотность – 11,17 вхождений на миллион слов), 2060 примеров предикативного употребления слова категории состояния *страшно* и краткой формы прилагательного *страшный* (частотность 7,27), 847 примеров предикативного употребления глагола *пугать* (частотность 2,99). Языковой материал китайского языка получен из Тайваньского корпуса традиционного китайского языка, который составляет 382 млн лексических единиц из текстов информационного агентства Синьхуа 1990-2002 гг. Были извлечены 4433 примера предикативного употребления глагола *хайпà* (частотность 11,65), 1202 примера предикативного употребления глагола *кэпà* (частотность 6,97), 295 примеров предикативного употребления глагола *ся* (частотность 0,77).

Рассматриваемые нами конструкции с эмотивной лексикой не выходят за пределы элементарного предложения, которые содержат предикат и в нашем случае выражают также

семантические роли экспериенцера и/или стимула. Последующий семантический и синтаксический анализ проводится с целью получить материал для выявления особенностей языковой концептуализации эмоций в русском и китайском языках.

Мы выделили 4 конструкции со словом *бояться* и 4 конструкции со словом *хàiyà*. Как показывают данные из таблицы 1 и 2, в обоих языках преобладает номинативная конструкция с участием экспериенцера и стимула (см. 1.3 и 2.1). В русском языке около трети примеров представляют конструкцию, где стимул выражается глаголом в форме инфинитива (1.4). Такая конструкция отсутствует в китайском языке. В то же время употребление показателей аккузатива и каузатива в китайском языке (2.2, 2.3) не имеет аналогов в русском языке. Следует отметить, что в конструкции 2.3 в связи с употреблением показателя каузатива стимул оказывается в позиции номинативного субъекта, тогда как во всех остальных конструкциях в роли номинативного субъекта выступает экспериенцер.

1.1	N nom (exp)-Vi <i>Жена боялась.</i>	23,0%
1.2	N nom (exp)-Vi-N acc (stim) <i>Я боюсь собаку из соседнего дома.</i>	1,1%
1.3	N nom (exp)-Vi-N gen (stim) <i>Он боится гнева генералов.</i>	48,3%
1.4	N nom (exp)-Vi-V inf (stim) <i>Кто-то боится оставить деньги в номере <...>.</i>	27,5%

Таблица 1. Синтаксические конструкции и примеры со словом *бояться*.

2.1	N nom (exp)-Vt-N (stim) <i>遊客 ‘туристы’ 害怕 ‘бояться’ 土石流 ‘оползни’</i>	75,3%
2.2	N nom (exp)-Accusative marker <i>duì</i> -N (stim)-Vi <i>他 ‘он’ 對 ‘показатель аккузатива’ 這兩個人 ‘эти два человека’ 實是 ‘действительно’ 害怕 ‘бояться’</i>	1,2%
2.3	N nom (stim)-Causative <i>lìng/ràng/jiào</i> -N (exp)-Vi <i>外面的變化 ‘изменения в мире’ 令 ‘показатель каузатива’ 令 ‘люди’ 害怕 ‘бояться’</i>	4,8%
2.4	N nom (exp)-Vi <i>弟弟 ‘младший брат’ 很 ‘очень’ 害怕 ‘бояться’</i>	18,7%

Таблица 2. Синтаксические конструкции и примеры со словом *хàiyà*.

Таблицы 3 и 4 показывают 8 конструкций со словом *страшный/страшно* и 3 конструкции со словом *кёпà*. Все конструкции со словом категории состояния *страшно* являются безличными. В 27,3 % примеров экспериенцер выражается существительным в дательном падеже (3.1 – 3.4), что представляется специфичным в сопоставлении с китайским языком. В 72,7 % примеров экспериенцеры не упоминаются (3.5 – 3.8) и, таким образом, из семантических ролей выражается только стимул, или же при отсутствии экспериенцера и стимула остается лишь слово эмоционального состояния *страшно* (3.5). 36,5 % примеров составляют конструкции с прилагательным *страшный* в краткой форме (3.2, 3.6), где участвуют экспериенцер в дательном падеже и стимул в именительном падеже. Что касается китайского языка, в подавляющих случаях слово *кёпà* употребляется с номинативным стимулом без упоминания экспериенцера (4.1).

3.1	N dat (exp)-ADV <i>Мне очень страшно.</i>	14,1%
3.2	N dat (exp)-ADJ short-N nom (stim) <i>Ему не страшны волны высотой до двух метров.</i>	7,7%
3.3	N dat (exp)-ADV-V inf (stim) <i>Мальчику было страшно ходить ночью через весь коридор в туалет.</i>	4,6%
3.4	N dat (exp)-ADV,-что-CL (stim) <i>Когда я выплыла на середину, мне стало страшно, что я упаду, увязну в тине, ко мне присосутся пиявки, и я подавлюсь головастиками.</i>	0,9%

3.5	ADV	21,3%
	<i>На палубе страшно.</i>	
3.6	ADJ short-N nom (stim)	28,8%
	<i>Он был страшен в гневе.</i>	
3.7	ADV-V inf (stim)	21,8%
	<i>Страшно оставаться одному.</i>	
3.8	ADV,-что-CL (stim)	0,9%
	<i>Нет, не потому страшно, что поезд упадет.</i>	

Таблица 3. Синтаксические конструкции и примеры со словом *страшный/страшно*.

4.1	N nom (stim)-Vi	98,0%
	<i>心態的‘ментальный’殘障‘недостаток’最‘самый’可怕‘страшный’</i>	
4.2	N nom (stim)-Causative <i>lìng/ràng/jiào</i> -N (exp)-Feeling verb <i>juéde/gǎndào</i> -Vi	1,6%
	<i>接著而來的‘последующий’大雨特報‘специальное сообщение о сильных дождях’才‘очень’讓‘показатель каузатива’且‘люди’覺得‘чувствовать’可怕‘страшно’</i>	
4.3	N nom (exp)-Feeling verb <i>juéde/gǎndào</i> -Vi	0,4%
	<i>他們‘они’通常‘обычно’進醫院‘приходить в больницу’治療‘лечиться’時‘в это время’會‘будут’覺得‘чувствовать’痛苦‘мучительно’和‘и’可怕‘страшно’</i>	

Таблица 4. Синтаксические конструкции и примеры со словом *кэпа*.

В таблицах 5 и 6 показаны 3 конструкции с переходным глаголом *пугать* и 5 конструкций со словом *ся*. Самой употребительной (68,7%) в русском языке является конструкция с обеими семантическими ролями, то есть со стимулом в именительном падеже и экспериенцером в винительном падеже (5.1). В китайском же языке подобная конструкция (6.1) составляет только 15,9% из всех примеров. Для китайского языка самым предпочтительным (56,3%) является страдательное предложение с номинативным экспериенцером и показателем страдательного залога, без указания стимула (6.5).

5.1	N nom (stim)-Vt-N acc (exp)	68,7%
	<i>Вероятные опасности не пугают Толика.</i>	
5.2	N nom (stim)-Vt	27,3%
	<i>... случайно обнаруженный фотоальбом пугает до дрожи...</i>	
5.3	Vt-N acc (exp)	4,0%
	<i>Глупо пугать москвичей катастрофой, когда в городе реально не рухнул ни один мост.</i>	

Таблица 5. Синтаксические конструкции и примеры со словом *пугать*.

6.1	N nom (stim)-Vt-N (exp)	15,9%
	<i>你‘ты’不要‘не’嚇‘пугай’我‘меня’</i>	
6.2	N nom (exp)-Passive voice marker <i>bèi</i> -N (stim)-Vt	21,7%
	<i>奥地利民眾‘австрийцы’並未‘не’被‘показатель страдательного залога’這種言論‘такие слова’嚇倒‘пугать’</i>	
6.3	N nom (stim)-Object marker <i>jiāng/bǎ/ràng</i> -N (exp)-Vt	4,7%
	<i>眼前的‘перед собой’景象‘сцена’把‘показатель объекта’居士‘отшельник’嚇‘пугать’困了‘до недоразумения’</i>	
6.4	N nom (exp)-Passive voice marker <i>wèi</i> -N (stim)-Vt	1,4%
	<i>選手們‘игроки’<...>甫‘только что’上場‘выйти на поле’時‘в это время’就‘и’為‘показатель страдательного залога’掌聲‘апплодисменты’所嚇倒‘пугать’</i>	
6.5	N nom (exp)-Passive voice marker <i>bèi</i> -Vi	56,3%
	<i>歐美各國‘европейский и американский’股市‘фондовый рынок’似乎‘похоже’未‘не’被‘показатель страдательного залога’嚇倒‘пугать’</i>	

Таблица 6. Синтаксические конструкции и примеры со словом *ся*.

Итак, мы показали особенности синтаксических конструкций с лексическими единицами, представляющими один из кластеров базовой эмоции «страх», в сопоставительном аспекте. *Бояться* как глагол эмоционального состояния употребляется с номинативным экспериенцером. *Страшно* как предикат эмоционального состояния сочетается с дативным экспериенцером. *Пугать* как глагол эмоционального воздействия образует конструкцию с аккузативным экспериенцером. В приведенных конструкциях роль стимула выражается более разнообразно, чем роль экспериенцера. В позиции стимула могут быть существительные в родительном, винительном падежах, глаголы в инфинитиве, придаточные предложения с союзом *что*. В качестве участника эмоциональной ситуации, а именно стимула, могут выступать как одушевлённые существа, так и неодушевлённые объекты. В числе последних событие, объект, ментальное состояние, психическое состояние, абстрактное понятие и др.

Во всех конструкциях с китайскими глаголами *хা�йпà*, *кэпà* и *сjà* в роли номинативного субъекта могут выступать как экспериенцер, так и стимул. В случае *хা�йпà*, как правило, позицию номинативного субъекта занимает экспериенцер, но с участием показателя каузатива в предложении номинативным субъектом становится стимул. В конструкциях со словом *кэпà* в большинстве случаев используется номинативный стимул, но в присутствии глагола чувства употребляется номинативный экспериенцер. Что касается слова *сjà*, то в конструкциях действительного залога оно употребляется с номинативным стимулом, но чаще используются конструкции с показателем страдательного залога и номинативным экспериенцером. Как показывает наш анализ, носители двух языков отдают предпочтение разным конструкциям при описании эмоциональных ситуаций.

Сходное предпочтение обнаруживается при сопоставлении *страшно* и *кэпà*. Для китайского языка упоминание только стимула (98,0%) подчеркивает роль источника страха: имплицитный экспериенцер является пассивным в событиях эмоций. Для русского языка, по мнению А. Вежбицкой, безличная структура соотносится с идеей о том, что экспериенцер является пассивным и чувствует неконтролируемость эмоциональных событий [5]. Предпочтение не упоминать экспериенцера (72,8%) у слова *страшно* соответствует утверждению А. Вежбицкой о пассивном внутреннем состоянии экспериенцера. Таким образом, общая для обоих языков характеристика заключается в акценте в случаях *страшно* и *кэпà* на стимул.

Яркая национально-культурная специфика отмечается при сопоставлении слов *пугать* и *сjà*. В конструкциях русского языка в подавляющих случаях присутствуют стимулы (96,0%), при этом в 27,3% случаев экспериенцеры не упоминаются. В китайском же языке во всех конструкциях выражаются экспериенцеры, тогда как в 56,3% случаев стимулы не выражены.

Таким образом, результаты анализа демонстрируют лингвистическую категоризацию эмоции страха. Вместе с тем разные эмотивные слова, которые встречаются в конкретных конструкциях, подтверждают специфичную концептуализацию эмоции страха. На межъязыковом уровне языковая и культурная универсальность и специфичность в концептуализации эмоции страха заключается в агентивных и пациентивных взглядах на эмоции. Различие между «то, что кто-то делает» и «что-то случается с кем-то», а также культурно-специфичное подчеркивание одной из семантических ролей формирует языковую концептуализацию.

Список литературы

1. Апресян В.Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке: Автореф. дис. ... докт. филол. н. – М., 2015. – 42 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка // Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 348-388.
3. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.

4. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
5. Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов // Язык. Культура. Познание: Перевод с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – С. 326-375.
6. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71-93.
7. Заячковская О.О. Концептуальный анализ семантики эмоционального лексикона с опорой на корпусные данные // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Под ред. В.И. Заботкиной. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 243-267.
8. Калькова О.К. Теоретические основы этнопсихолингвистического описания выражения эмоций в русской и китайской лингвокультурах // Социосфера. – 2012. – № 4. – С. 49-52.
9. Ма Лин, Ямалетдинова А.М. Семантический анализ фразеологизмов, характеризующих отрицательные психоэмоциональные состояния человека, в русском и китайском языках // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Том 5. – № 6. – С. 601-610.
10. Ню Лихун. Когнитивно-семантическая интерпретация базовых эмоций в китайском и русском языках. – Гуанчжоу: Шицзетушу, 2013. – 209 с.
11. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 672 с.
12. Apresjan V.J. “Fear” and “pity” in Russian and English from a Lexicographic Perspective // International Journal of Lexicography, 1997, 10(2), 85–111.
13. Iordanskaja L., Mel’čuk I. Semantics of Two Emotion Verbs in Russian: BOJAT’SJA ‘to be afraid’ and NADEJAT’SJA ‘to hope’ // Australian Journal of Linguistics, 1990, 10(2), 307-357.
14. Talmy L. Lexical Typologies // Shopen T. (Ed.) Language Typology and Syntactic Description. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 66-168.
15. Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and universals. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Кормазина О.П.
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Kormazina O.P.
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

**ЖАНР «РАССКАЗ О МЕСТЕ»
КАК ФРАГМЕНТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ДИСКУРСА**

**THE GENRE “STORY ABOUT PLACE”
AS A FRAGMENT OF THE FAR EASTERN DISCOURSE**

Статья посвящена анализу особого фрагмента дальневосточного дискурса – жанра «рассказ о месте», реализующегося в процессе записи живой устной речи. Рассматриваются особенности данного жанра, обусловленные параметрами «тема коммуникации», «место коммуникации», «роли коммуникантов» и «событийное время».

Ключевые слова: *региональная лингвистика, живая речь, языковое существование, дальневосточный дискурс, речевой жанр, рассказ о месте*.

The article is focused on the analysis of a special fragment of the Far Eastern discourse – the genre “story about place”, realized in the process of recording live oral speech. Such features of the genre as “theme of communication”, “place of communication”, “roles of communicants” and “event time” are considered.

Key words: *regional linguistics, live speech, language situation, Far Eastern discourse, speech genre, story about the place*.

В последние годы повышенный интерес лингвистов вызывает проблема территориального варьирования русского литературного языка, вследствие чего значительную актуальность приобретает исследование языкового существования жителей определённого региона. В современной отечественной социолингвистике под языковым существованием традиционно понимается специфика речевого поведения языковой личности в различных коммуникативных ситуациях [1]; таким образом, исследование языкового существования оказывается непосредственно связанным с исследованием дискурса языковой личности.

В контексте региональной лингвистики в настоящее время ведётся активная работа по многоаспектному изучению функционирования русского языка на Дальнем Востоке России и, в частности, в Приморском крае. Специфика языкового существования дальневосточников, определяемая рядом факторов – географическим положением региона, историей его освоения, национальным составом населения и др., даёт возможность говорить и о существовании особого «дальневосточного» дискурса, который реализуется в коммуникативных ситуациях, характерных именно для данного региона. Так, в качестве примеров дальневосточного дискурса можно рассматривать диалоги в тайге, диалоги у моря, разговоры о рыболовных или таёжных промыслах, рассказы о поездках в Китай и т.п. (см., например: [2]). Кроме того, ярким примером дальневосточного дискурса мы считаем общение собирателя-лингвиста с информантами в ситуациях полевых исследований живой речи. Основной темой беседы в данном случае является история жизни информанта, его семья и работа; при этом в процессе общения в центре внимания коммуникантов обычно оказывается и само место, в котором происходит коммуникация. Высокая частотность подобных ситуаций позволяет нам рассматривать в качестве особого фрагмента дальневосточного дискурса жанр «рассказ о месте». Рассмотрим специфику данного жанра с учётом следующих параметров: «тема коммуникации», «место коммуникации», «роли коммуникантов», «событийное время».

Ключевым параметром для жанра «рассказ о месте» является тема коммуникации. Как показывают наши наблюдения, предметом беседы может выступать целый населённый пункт (*Реттиховка она стоит/ как в сопках/ в сопках/ вот даже и ты сама видишь/ вкруговую сопки/ а она вроде как в низине//*), одна или несколько улиц (*Вот это здание// Это дом/ батюшки/ местного/ здесь была церковь/ щас я покажу дальше/ пройдём// Вот здесь вот были склады его// Здесь у нас был продуктовый магазин//*), а также находящиеся в пределах или в окрестностях населённого пункта отдельные географические объекты – реки, озера, сопки, поляны, рощи и т.п. (*Вот/ вы когда въезжаете в посёлок/ дамба/ идёт// На дамбу заходишь/ сворачиваешь/ и там у нас называется Родниковское/ и начинается такой большой как остров обрезанный//*).

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении темы с другим жанрообразующим параметром – местом коммуникации. В ситуациях, когда темой беседы оказывается населённый пункт в целом, мы наблюдаем совмещение данных параметров (в этом случае информант и собиратель говорят об истории села, его жителях, предприятиях и т.д.). Например: *Почему называется Реттиховка/ потому что в Буянках где-то поселился/ какой-то учёный/ фамилия его была Реттих; В основном выходцы из Украины у нас.../ В следующем году сто тридцать лет будет селу; И в песят девятом году/ в апреле месяце/ открылся угольный разрез у нас// А где-то в семидесятых/ в добавок к этому разрезу/ ещё у нас в Реттиховке пос.../ открылся зверосовхоз//*

В свою очередь, в рассказах о конкретных природных объектах соотношение параметров «тема» и «место коммуникации» может варьироваться в зависимости от того, видят коммуниканты предмет своего разговора в момент общения или нет. Приведём фрагмент диалога, в процессе которого коммуниканты непосредственно наблюдают объект.

(бабушка объясняет внучке названия местных сопок; беседа происходит на крыльце частного дома)

Б. *А Сухая сопка/ вот отсюда видно/ (показывает рукой) вот/ эта кончается/ и вот за этой/ видишь/ кусок.../*

В. А-а/ вижу кусочек/ да//

Б. *Кусочек// А ещё за этой/ сейчас туман/ там называется Синий увал// Ну а Синий увал это она все-таки/ она вишишь далеко/ и как её назовёшь другую.../ она все-таки там чуть-чуть вот синеет/ как небо// Во-от// Она почти что сливается с небом// Вот за этой Сухой сопкой там Синий увал// М-м// Вот/ в ту сторону/ (показывает рукой) вот туда/ те деревья загородили/ всё/ туда/ там/ э-э/ вот это/ Золотари/ сопка Золотарей// (показывает рукой) То Вассияновска сопка//*

В тексте присутствуют специальные дейктические средства – глаголы в форме настоящего времени *видишь* – *вижу*, указательные местоимения *этот*, *тот*, наречия *там*, *туда*, *далеко*, указательные частицы *вон*, *вот*. Кроме этого, собеседницы используют и невербальные средства, в частности, указывают рукой на определённый объект. Таким образом, данный фрагмент представляет собой пример полноценной коммуникативной ситуации, при которой происходит совмещение темы и места коммуникации.

Второй вариант соотношения параметров «место» и «тема» – когда собеседники не видят обсуждаемый объект в процессе коммуникации. При этом возможны ситуации, когда гость заводит разговор с информантом о месте, которое он видел ранее. В вопросах гостя в данном случае присутствуют такие фразы, как *мы видели/ мы заметили/ мы обратили внимание* и т.п. Например: *Люд/ а у вас вот тут.../ вот мы заметили с Олечкой в дороге/ когда ехали из Лучегорска/ и в самом Перевале/ деревья такие интересные.../ Что это? Это лиственница?; Кстати/ мы сегодня были на реке/ были на Бикине/ обратили внимание/ что вот так вот/ взгорочек// Бывало/ что вода поднималась так/ через этот взгорочек?*

Указание на то, что собеседникам знакомо место, о котором идет речь, можно найти и в рассказах самих информантов. Например: *У нас.../ вы вот ехали до Перевала/ сопка*

попалась вам/ по пути.../ Нижний Перевал/ вот только свернули/ и с этой стороны сопки идёт голубичник и клюквенник; Вот она сопочка у нас.../ Вы ходили/ вышки видали? Напротив них кончается у нас посёлок// Обращение к подобным «ориентирам» позволяет рассказчику создать более «живой» образ описываемых объектов и, как следствие, точнее представить их собеседникам.

Место коммуникации определяет и специфику коммуникативных ролей собеседников. Обычно эти роли противопоставляются по принципу «свой/чужой», где «своим» оказывается информант – местный житель, а «чужим» – гость, приехавший в данный населённый пункт с целью записей живой речи. Специальными маркерами статуса «гостя» можно считать многочисленные вопросы о том или ином месте, а также просьбы объяснить незнакомые названия: *А это что такое/ Алчанский ус?; Вот прямо дорога идёт/ это куда? Что там?; А вот это вот что тут рядом? Мы с Олей сегодня смотрели/ не могли понять; А что это/ «четвёртый луг»? Это где-то за Виноградовкой? и др.*

В свою очередь, на статус местного жителя указывают тексты жанра объяснения. Например: – *А зимник это что? – Зимник/ это.../ Заливают.../ Там ещё такой/ бетонный/ самодельный/ через протоку.../ И/ зимой замерзает Бикин/ доливают/ делаюттолицу льда до метра/ засыпают так бугры/ из опилок/ делают/ и метр воды сверху заливают// И лесовозы через Бикин вывозят лес//* Маркерами статуса местного жителя является также активное использование в речи неофициальных топонимов. Приведем несколько примеров: (о зимней дороге через реку Бикин) *У нас/ за Бикином/ вот зимник/ там дорога идёт/ мы его называем **Мосъкин икромёт**; (о сопках и полянах в окрестностях села) **Бабина сопка**/ это туда/ в сторону **Комитета**// **А там дальше Золотари**// **Сопка Золотарей**; (о сопке) За Ильмаковку зайдёши/ **на Стрелку** поднимешься.../ на подъём на сопку/ а там...! Пройдёши немножко/ лес/ кедрач// (о ручье) **И** вот до сих пор это место так все и называют/ **Миронов бурчак**; (о долине реки) *У нас вон **Алчанская долина**/ семь лет назад или восемь/ дала воду/ даже дамба не спасла.**

Оказывает влияние на речь местных жителей и специфика географического положения определённого населённого пункта. Например, для речи жителей сёл Верхний Перевал и Красный Яр Пожарского района, расположенных по берегам рек Бикин и Алчан, характерно частое использование так называемых «речных локализмов»: *верховье* – близкая к истоку часть реки; *коса* – идущая от берега узкая полоска земли; *протока* – короткий водоток, соединяющий между собой водоемы; *дамба* – грунтовая насыпь на берегу, защищающая от разлива реки и т.п.: *У нас в **верховьях**/ за Яром/ даже брусника растёт; Вот тут вот **на косе**/ у нас родники бьют; Раньше это была хорошая **протока**/ а потом чё-то её лесом затянуло/ Бикин обмелел...; Как раз огород мой/ в **дамбу** упирается.* Кроме этого, мы обратили внимание и на регулярное употребление слова *марь*, которым местные жители называют болотистые участки земли. Например: *Через этот Икромёт проходишь/ там начинается **марь**/ большая-большая **марь**; Вот/ Бикин/ Кушнариха впадает/ вдоль Кушнарихи так идёт голубичник.../ Ну правда далековато/ километра четыре/ **по мари** ишлёт; Вот вы ехали считай дорогой/ там в основном **марь**/ а **на мари** лиственница совсем другая/ **на мари** даже берёза другая/ кручена.../ Видимо/ влияние воды/ потому что **марь**/ там всегда вода//*

Наконец, последний параметр, влияющий на жанровую специфику рассказа о месте, – его событийное время. В зависимости от данного параметра описание определённого места может характеризоваться отнесённостью либо к настоящему постоянному, либо к прошедшему времени. Приведём примеры:

(гостя беседует с информантом о селе Верхний Пожарского района)

Г. Мы вот так в Приморье нигде не видели/ такие как.../ роици берёзовые у вас/ да так много их! И вот они где-то вдали.../

И. А это знаете идёт как.../ Вот едешь/ свободно.../ поле/ такое.../ разна тра-авка там/ цветочки там не понять какие там/ багульничек// А вдали рощицы/ вот в этих рощицах всегда стараемся мы грибы рвать// Там сухие пятаки земли/ и там грибы//

В представленном фрагменте информант рассказывает гостю о рощах в окрестностях села в их нынешнем состоянии. Указанием на это служит использование настоящего времени глагола (*в этих рощах всегда стараемся грибы рвать*).

(жительница села Виноградовка Анучинского района рассказывает гостям о своей улице)

Вот здесь стоял дом/ это братьями строилось/ он стоял прям почти на дороге/ маленький такой амбарушечка/ маленький.../ А вот здесь вот была постройка/ вот её снесли наверно уода два или три/ э-э/ это амбары были/ ихни к этим домам/ амбары/ были/ и тоже был.../ были сделаны как-то буквой «гэ»/ амбары/ а потом/ было открыто помещение/ это ихня конюшня была/ и/ сюда/ амбар был.../ Так/ капитально сделали/ сделаны были/ там такой лес был мощный//

В данном фрагменте рассказчица описывает соседний двор таким, как она видела его в детстве. Основным показателем событийного времени этого рассказа служат в первую очередь формы прошедшего времени глаголов (*здесь стоял дом; здесь была постройка ещё*). Кроме того, фраза *вот её снесли наверно уода два или три* непосредственно указывает на то, что в настоящее время описываемых объектов уже не существует.

В ситуациях, когда рассказ о месте относится к прошлому, происходит его трансформация в жанр воспоминания. При этом воспоминания об определённом месте нередко оказываются связанными в сознании говорящего с его личными воспоминаниями. Например: *Значить/ и всего расстояние было/ вот допустим в ширину де-то примерно километра два/ вот та улица у нас/ Увальная/ и вот эта Железнодорожная/ вся Реттиховка// Длинной конечно она продолжалась километра четыре/ а в ширину она была вот эти вот две улицы и всё// И посредине протекала/ када-то протекала река/ хорошая река// Бассейн был/ мы тада дети/ мы в основном вот скоко я в детстве помню/ мы дети с того бассейна не вылезали// Как свободна минута/ так значит и в бассейн//* В представленном фрагменте описание того, как выглядел поселок в прошлом, сменяется воспоминанием о детстве рассказчицы, что указывает на значимость данного места для её картины мира.

Таким образом, сказанное позволяет нам рассматривать жанр «рассказ о месте» как значимый фрагмент дальневосточного дискурса, специфика которого определяется:

- 1) совпадением темы и места коммуникации;
- 2) распределением коммуникативных ролей говорящих по принципу «свой/чужой»;
- 3) отнесённостью событийного времени рассказа к настоящему постоянному или прошлому, связью воспоминаний о месте с личными воспоминаниями информанта;
- 4) наличием в речи рассказчиков большого количества локализмов и неофициальных топонимов, а также фактов, указывающих на историю освоения региона, культуру и быт его жителей.

Представленный анализ является лишь первым опытом описания жанра «рассказ о месте». Более детальное его исследование в перспективе позволит расширить представление о специфике языкового существования жителей дальневосточного региона.

Список литературы

1. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонокриматия. – М.: Наука, 1995. – 128 с.
2. Петрова Т.И. Диалог в тайге как фрагмент языкового существования дальневосточников // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Благовещенск, 2014. – Вып. 11. – С. 162-169.

Мальцева О.Н.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Maltseva O.N.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

ОБРАЗ ВЛАДИВОСТОКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ДЖ. КЛАВЕЛЛА И Ж. КЕССЕЛЯ)

IMAGE OF VLADIVOSTOK IN THE NOVELS WRITTEN BY FOREIGN WRITERS (BASED ON THE NOVELS BY JAMES CLAVELL AND JOSEPH KESSEL)

В статье анализируется образ Владивостока, представленный в художественном дискурсе. В качестве источников материала выбраны роман американского писателя Джеймса Клавелла «Благородный дом» и роман французского автора Жозефа Кесселя «Смутные времена. Владивосток 1918-1919 гг.». Данные произведения рассматриваются как элементы владивостокского сверхтекста. Выявляются характерные признаки, составляющие содержание образа Владивостока в романах Дж. Клавелла и Ж. Кесселя.

Ключевые слова: *образ Владивостока, художественный дискурс, владивостокский текст, Джеймс Клавелл, Жозеф Кессель.*

The article analyzes the image of Vladivostok in belles-lettres discourse. The research material is based on the novels “Noble House” by American writer James Clavell and “Savage times” (“Les temps sauvages”) by French novelist Joseph Kessel. These works are considered to be elements of Vladivostok supertext. Characteristic features constructing the Vladivostok image in J. Clavell’s and J. Kessel’s works are revealed.

Key words: *image of Vladivostok, belles-lettres discourse, Vladivostok text, James Clavell, Joseph Kessel.*

Одним из актуальных направлений в современной филологии является изучение локальных (региональных) текстов [1; 2; 6]. Анализируя «кавказский текст», «поморский текст», «вятский текст», «пермский текст», «воронежский текст», «тверской текст» и др., исследователи в основном обращаются к русскоязычным произведениям, в которых в полной мере представлен набор культурно-значимых для русской языковой картины мира признаков, характеризующих то или иное локальное пространство, в том числе город [3; 7]. Однако не менее интересно, по нашему мнению, рассмотреть в этом аспекте иноязычные произведения, посвящённые тому или иному российскому городу (или даже только упоминающие топонимические объекты в качестве фоновой информации). Подобное расширение источников базы позволит значительно дополнить топонимический художественный образ.

Совокупность произведений, в том числе художественных, которые так или иначе связаны с Владивостоком, по нашему мнению, можно отнести к «владивостокскому тексту» [8]. Цель данной статьи – рассмотреть некоторые произведения зарубежных авторов, в которых фигурирует Владивосток, и выявить характеристики, которые составляют представленный в них художественный образ города.

В первую очередь обратимся к роману французского писателя Жозефа Кесселя (1898-1979) «Смутные времена. Владивосток 1918-1919 гг.» (франц. “Les temps sauvages”) [5]. Это произведение было опубликовано в 1975 г. В его основу легли воспоминания самого автора, который находился во Владивостоке во время Гражданской войны как доброволец экспедиционных войск иностранных держав. На русском языке эта книга была издана только в 2012 г.

Хотя Ж. Кессель был русским по происхождению и прекрасно говорил на языке своих предков, «Смутные времена» написаны на французском. Эта двойственность (попытка посмотреть на ситуацию глазами иностранца, побывавшего в разных уголках мира, и

восприятие событий как трагедии великой России, что характерно для русского человека) проявляется и в отношении к Владивостоку.

Описание города появляется в произведении, когда герой – французский лётчик – после длительного путешествия через полмира на корабле «Шерман» заходит в порт Владивосток. Его поражает цветовой контраст с теми местами, где он уже побывал: *Иная вселенная. Другая планета. После огромного количества людей, суматохи, величественных строений в порту Нью-Йорка, великолепной бухты Сан-Франциско, его Golden Bay – Золотой бухты, после пляжей Гонолулу и волшебства Японского моря, после такого количества солнца, столь насыщенной жизни и красоты, что же предстало перед нашим взором? Тусклый свет, замерзший порт, корабли в тисках льдов; на набережных китайские кули, одетые в лохмотья и копошащиеся, словно черви. Все: небо, лед, дома, люди – все было серого цвета, все было мрачным и грязным* [5]. Последние слова – мрачный, грязный – будут постоянно присутствовать в описании города на протяжении всего текста.

Но герой молод, поэтому, глядя на город, ощущает и прямо противоположное – для него это начало приключений: *Да, это раздражало. Но одновременно восхищало. Эта таинственная земля в плену льдов именно из-за того, что она казалась столь запретной, пробуждала непреодолимое желание ступить на нее* [5]. Он связывает с этим городом надежды на изменения в жизни: *Попойки, игры (игра в покер на борту «Шермана», как и следовало ожидать, разорила меня в пух и прах), экзотические цветы и фрукты – всем этим я был уже пресыщен и утомлен. За излишества всегда приходится платить. И нравственное похмелье – далеко не самая ужасная расплата. Сейчас мне было необходимо прийти в себя, обрести новые силы в климате тяжелом, суровом и опасном. Владивосток давал нам такую возможность* [5].

В главе «Властелин Востока» Кессель обращается к этимологии топонима: *Владивосток... Владивосток... По-русски: Властелин Востока. Так назвали город его создатели* [5]. Он черпает информацию из тех познаний, которые получил, будучи гимназистом в Оренбурге, объясняет иностранному читателю, что представляют собой Сибирь и Дальний Восток: *Освоение Сибири... Началось оно с Ермака, разбойника с большой дороги во времена царствования Ивана Грозного. Растигнулось на века, на расстояние в тысячи миль, потребовало перехода через гигантские реки, ледяные пустыни, непроходимые чащи лесов... и завершилось покорение на берегах Тихого океана, где и построили Владивосток – Властелин Востока* [5]. Но автор показывает контраст между его представлениями, основанными на школьных учебниках и произведениях литературы, и реальностью: *Вряд ли когда-нибудь столь страстное ожидание заканчивалось подобным разочарованием. И это Властелин Востока? Жалкий провинциальный городок в глухой местности...* [здесь и далее подчёркнуто нами. – О.М.] *Грязный снег. Мрачные ветхие домишки. Ни одного проспекта или приличной улицы. А вдоль скорбных фасадов неторопливой поступью проходили патрули, при этом все солдаты были одеты в разную форму. Какой удар по моим мечтам! Какое падение в реальность!* Но к герою опять возвращается положительный настрой: *Но сильное разочарование – эта заброшенность и неустроенность – открывало чудесную возможность окунуться в иную жизнь, отличную от той, что мы вели совсем еще недавно* [5].

Еще одну характерную особенность Владивостока того периода – многонациональность, обилие азиатов – отмечает Кессель: *И если в Оренбурге ты бесконечно натыкался на татар или киргизов, сыновей степей Туркестана, то здесь, во Владивостоке, это были выходцы из тайги или тундры Полярного круга: буряты, якуты, самоеды. Не говоря уже о китайцах. Те же плоские лица и раскосые глаза* [5].

Здесь, во Владивостоке, «у края надежды», «на краю света», судьба сводит вместе разных людей: и чеха Милана, и англичан, американцев, и белогвардейских офицеров. Но русские всё же воспринимают французского лейтенанта как экзотику: ведь Франция так далеко отсюда!

Один из них говорит при знакомстве с Кесселем: *Француз, да к тому же летчик. Кого только не встретишь во Владивостоке. Ну и как же ты оказался среди нас?* [5].

В последующих частях романа надежда героя на изменения в жизни пропадает и нарастает ощущение опустошения и порой даже ненависти к городу. Он обращает внимание читателя на самые неприглядные стороны городской жизни: *Я мог бы рассказать о портовых притонах, пахнущих водкой и преступлениями, о китайских трущобах, где среди грязи и паразитов ютились голодные кули. Они тысячами приезжали сюда, тайно пересекая границу. <...> Я мог бы также рассказать и о борделе, размещенном в бывшей казарме, готовой рухнуть в любое время. Здесь жили тысячи проституток – японки, кореянки, китаянки – я не преувеличиваю, их было несколько тысяч. Жили они в клетушках шириной в метр и длиной два метра, отделяли их друг от друга маленькие грязные занавески, из обстановки здесь едва умещалось убогое ложе, сооруженное прямо на полу, а другая занавеска закрывала выход в бесконечно длинный коридор, поделенный надвое этими комнатенками* [5].

«Апогеем» развития этого отрицательного мироощущения стала сцена на вокзале. Она также построена на контрасте: *Вокзал был большим, внушительным по размерам, более чистым и пристойным, чем многие городские здания. Он еще не испытал на себе разрушительного влияния времени. Ветка, соединившая Владивосток и Транссиб, была построена не так давно. При ближайшем рассмотрении вокзал производил весьма благоприятное впечатление. Но как только мы вылезли из саней и оказались у верхней платформы, я потерял способность думать о чем бы то ни было. Повсюду был этот запах. Мерзкий, неотступный, отвратительный запах... Вокзал и был источником зловония, который просто сбивал с ног. Отвратительный до тошноты запах... [5].* Вокзал, да и в целом город, вызывал у француза чисто физическое отвращение: *Забота о здоровье, чувство долга – в самой страшной дыре! Все за борт! Два зловещих поезда и невыносимые кули. Свет, шум, спиртное, музыка – вот мое спасение... [5].*

И герой находит отдушину в посещениях ночного клуба «Аквариум», который произвёл на него неизгладимое впечатление и в котором он встретил певицу Лену: *Сколько удивительных ночей, уже позже, во времена белой эмиграции, провел я в барах, быстро, клубах, погребках и русских кабаре, которых было бесчисленное множество в Париже, от Монмартра до Монпарнаса. Здесь можно было послушать самые знаменитые цыганские ансамбли из Санкт-Петербурга и Москвы, увидеть адмиралов-швейцаров, князей-поваров, а в гардеробе встретить княгинь. Да. Сколько ночей... Но ни одна из них не может сравниться с ночами в «Аквариуме». <...> Сотни иностранных офицеров, юных, полных сил, отделенных тысячами километров от того, что им было знакомо и дорого, обретенных на выполнение бессмысленной и никому не нужной миссии, в мрачном городе, получали двойное, а то и тройное жалованье и не знали, куда потратить эти деньги. Где, как не здесь, могли они найти забвение и убежать от реальности?* [5].

Завершается произведение отплытием героя из Владивостока. С палубы корабля он бросает прощальный взгляд на город: *Во Владивостоке у меня было немало бессонных ночей. Но только эта так оглушила меня. Когда я очутился в своей каюте, я увидел из иллюминатора, как скрытая туманом цепочка крошечных домов, прижавшихся друг к другу, исчезала из вида, а вместе с ними исчезали и берега Азии. В этом городе несколькими днями ранее мне исполнился двадцать один год* [5]. Опять повторяется характеристика города – крошечный, жалкий, которая дополняется важной природной чертой Владивостока – частым туманом. Кессель уехал из Владивостока, но воспоминания остались с ним на долгие годы: именно здесь он повзрослел и физически, и морально («двадцать один год» – возраст совершеннолетия).

Владивосток представлен в романе с неприглядной стороны, автор выпячивает социальные язвы города (проституцию, преступность), акцентирует внимание на плохом

климате, убогости жизни горожан, но в то же время для Кесселя Владивосток связан с его юностью, надеждами на изменения в жизни, окутан романтическим флером.

В другом рассматриваемом нами произведении – романе Дж. Клавелла «Благородный дом», который, однако, посвящён не Владивостоку, а одному из крупнейших городов Азии Гонконгу, – форпосту России на Дальнем Востоке тоже уделяется внимание. Роман был написан в 1981 г., но освещает события начала 60-х годов XX века (1963), разгар холодной войны, что не могло не отразиться на сюжетной линии произведения. СССР представлен как опасный враг, который угрожает безопасности многих западных стран, в том числе и британской колонии Гонконгу.

Одним из героев романа является Григорий Суслев, капитан судна «Советский Иванов». Но морские грузоперевозки не основное его занятие: *Никто не догадывался, что как заместитель начальника шестого отдела Первого управления КГБ по Азии он отвечает за всю разведывательную деятельность в Китае, Северной Корее и Вьетнаме* [4]. Автор раскрывает подробности его биографии, к которой Владивосток имеет непосредственное отношение: *он [Суслев] старший преподаватель факультета иностранных дел Владивостокского университета по специальности 2А «Контрразведка» <...> он полковник КГБ и, самое главное, что он входит в высший партийный эшелон Дальнего Востока* [4].

В разговоре между представителями разведки Великобритании и США также упоминается Владивосток как военная база, которая представляет угрозу: *У них есть и атомные подводные лодки, и ракетные пусковые установки, и военно-морские базы по всему Охотскому морю! – Роузмонт встал и подошел к огромной, во всю стену, карте Китая и Азии и ткнул пальцем в полуостров Камчатка к северу от Японии. – Петропавловск, Владивосток... У них огромные базы по всему дальневосточному побережью. <...> И оттуда они грозят всей Азии: Японии, Корее, Китаю, Филиппинам, а также Гавайским островам и нашему западному побережью* [4]. То есть Владивосток показан читателям опасным советским городом, где сосредоточены военные и образовательные ресурсы СССР на Дальнем Востоке.

Однако через сведения о Суслеве автор дополняет образ Владивостока следующими чертами:

– среди европейских жителей есть люди азиатского или смешанного происхождения: *во Владивостоке у него имелась любовница-евразийка (мать у неё была русская, а отец – китаец)* [4];

– город связан с трагическими страницами истории России начала XX века, стал местом исхода белогвардейцев, людей знатного происхождения: *Ничего общего с Вергинской, его владивостокской любовницей, с её миндалевидными карими глазами, длинной волнистой каштановой гривой и нравом дикой кошки. Эта была дочь княжны Сергеевой и какого-то лавочника, китайца-полукровки, купившего тринадцатилетнюю девочку-подростка из знатной семьи на аукционе. Юная княжна оказалась среди детей, бежавших из России в вагонах-«телятниках» после катастрофы семнадцатого года. «Освобождения, а не катастрофы, — довольный, поправил он себя. — И ведь как славно спать с дочерью княжны Сергеевой, когда ты внук крестьянина, гнувшего спину на сергеевских землях* [4];

– присутствуют и выдуманные для устрашения читателей детали: *А потом буду спать, не зная, убьет она меня во сне или нет. Но её предупреждали. Если со мной что-то случится, мои люди отдаут её и всю её семейку прокаженным на восточной окраине Владивостока* [4].

Есть и прямое описание города в диалоге капитана Суслева с тренером конюшни Иена Даннорса Травкиным (бывшим белым офицером, князем):

– Хорошая водка <...> Откуда она у вас?

– Из Владивостока.

– А-а. Был я там. Городишко скучный и грязный, но водка добрая [4].

После прочтения указанного диалога у нас возник вопрос: откуда Клавелл черпал сведения о Владивостоке? Сам он там не был. В 1952-1992 гг. Владивосток был закрытым городом из-за базирования там сил ВМФ, поэтому упоминания о нём в центральной советской прессе были сведены к минимуму, следовательно, вряд ли советская пресса могла служить для писателя источником информации. Кроме того, в тексте в качестве крупнейшей военной базы упоминается Иман. Этот город в 1972 г., то есть до написания романа, был переименован в Дальнереченск, но автор об этом не знал, что свидетельствует о том, что Клавелл не имел доступа к советским источникам информации.

Возможно, он прочитал произведение Ж. Кесселя «Смутные времена» и на его основании создавал свой образ Владивостока. Эта гипотеза нуждается в проверке, однако в её пользу свидетельствует то, каким Владивосток описывается в романе «Благородный дом»: небольшой город, скучный, грязный, много военных, много азиатов, то есть те черты, которые довольно выпукло представлены в произведении французского писателя.

Таким образом, для описания художественного образа города, организующего локальный (региональный) текст, важно, на наш взгляд, обращаться к произведениям не только русских, но и зарубежных авторов. Это позволит всесторонне и многогранно отразить исследуемый объект. Черты художественного образа Владивостока, присутствующие в рассмотренных романах Дж. Клавелла и Ж. Кесселя, частично совпадают с теми, которые были выявлены в произведениях русскоязычных писателей. Но есть и различия, обусловленные мировоззрением авторов, их принадлежностью к «западному миру».

Список литературы

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. – Пермь: Звезда, 2008. – 399 с.
2. Баянбаева Ж.А. Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». –2016. – № 3. – С. 77-84.
3. Даниленко Ю.Ю. Диалог с городом в поэзии молодых пермских авторов // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2014. – № 23 (352). Филология. Искусствоведение. Вып. 92. – С. 132-138.
4. Клавелл Дж. Благородный дом: роман о Гонконге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=115956&p=1>
5. Кессель Ж. Смутные времена. Владивосток 1918-1919 гг. / Пер. с фр.: Н. Сакун. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/smutnye-vremena-vladivostok-1918-1919-gg-read-308850-1.html>
6. Локальный текст города в визуальных мемах юшкаролинцев // Вербальная культура современной молодежи: коллективная монография / Под общ. ред. Т.А. Золотовой. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2016. – С. 38-63.
7. Лурье М.Л. Элементы локального текста: методика контекстного анализа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/lst10_program_lurye.htm
8. Мальцева О.Н. Концепт Владивосток в художественном дискурсе: «владивостокский текст» // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – 2014. – № 4. – С. 104-107.

Осипова А.А.

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Osipova A.A.

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

**КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ
ИЗБЕГАНИЯ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОГО ДЛЯ СЕБЯ ДЕЙСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ДОШКОЛЬНИКОВ)**

**COMMUNICATIVE STRATEGY OF AVOIDING AN UNDESIRABLE ACTION
(BASED ON PRE-SCHOOL CHILDREN'S SPEECH)**

В статье рассматриваются особенности реализации коммуникативной стратегии избегания нежелательного для себя действия в речевом поведении дошкольников: определяется ряд коммуникативных тактик, реализующих данную коммуникативную стратегию, анализируются языковые средства, воплощающие рассматриваемые коммуникативные тактики.

Ключевые слова: *коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, детская речь, речевое воздействие, речевое поведение, лингвистическая pragmatika*.

The article considers the features of implementing a communicative strategy of avoiding an undesirable action in pre-school children's speech. A number of communicative tactics accomplishing this communicative strategy are discussed. The language means embodying these communicative tactics are analyzed.

Key words: *communicative strategy, communicative tactics, child speech, speech effect, speech behavior, linguistic pragmatics*.

В начале этапа дошкольного возраста, соответствующего приблизительно трём годам, у ребёнка начинает формироваться представление о собственной личности, о своём «Я». Данный период получил в научной литературе название «кризис трёх лет» [1; 4] и характеризуется, в частности, появлением у дошкольников желаний, которые чаще всего не согласуются с окружающими их условиями – например, с мнением родителей. Несоответствие намерений взаимодействующих сторон (ребёнка и родителей) неизбежно влечёт за собой возникновение конфликтных ситуаций. В таких случаях для достижения поставленной цели дошкольники могут выбирать различные методы воздействия на родителей: от наиболее простых, например плача, до приёмов речевого манипулирования.

Материалом для нашего анализа послужили зафиксированные факты применения детьми дошкольного возраста коммуникативных стратегий и тактик [3]. Привлекались данные, опубликованные на региональном портале «Vladmama». Кроме того, использовались фрагменты из «Дневника наблюдений за речью Жени Гвоздева» А.Н. Гвоздева [2], а также ручные записи высказываний дошкольников.

«Избегание нежелательного для себя действия» характеризуется как ситуация, в которой ребёнок не хочет выполнять действие, предлагаемое взрослым. Анализ наблюдаемых ситуаций показал, что к действиям, которых дошкольники стремятся избежать чаще всего, относятся следующие:

- выполнение домашних дел (уборка игрушек);
- приём пищи;
- посещение детского сада;
- посещение врача;
- сон;
- выполнение медицинских предписаний;
- выполнение развивающих заданий и др.

Осознавая, что прямой отказ лишь усугубит конфликт с родителями, дошкольники обращаются к возможностям коммуникативной стратегии избегания нежелательного для них действия, представляющей собой комплекс речевых действий, целью которых является уклонение от действия, навязываемого говорящему его родителями. Анализ нашего материала показал, что рассматриваемая коммуникативная стратегия реализуется посредством ряда коммуникативных тактик.

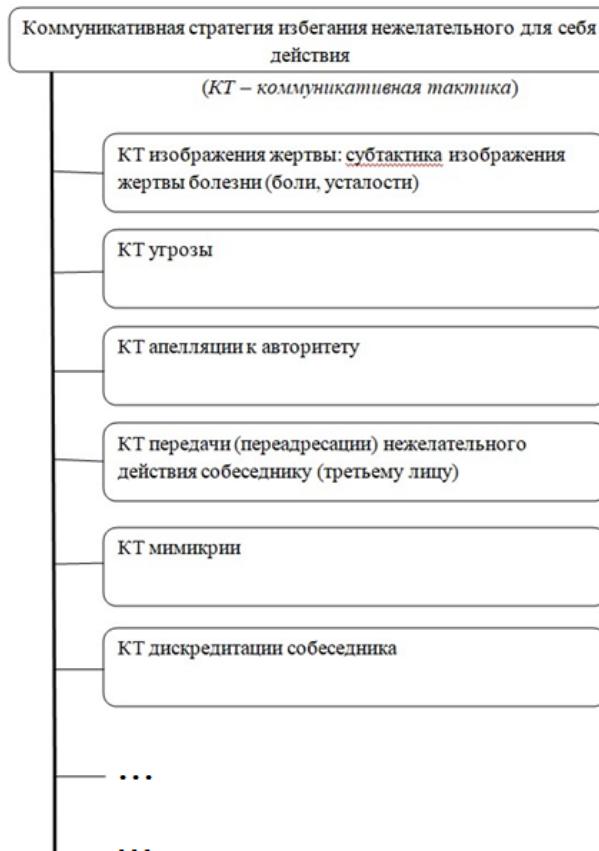

Рисунок 1. Классификация коммуникативных тактик, реализующих коммуникативную стратегию избегания нежелательного для себя действия

Коммуникативная тактика изображения жертвы, представленная одной из своих реализаций – субтактикой изображения жертвы болезни (боли, усталости), используется для того, чтобы уклониться от навязываемого родителями действия по уважительной причине – болезни. Маркируют данную коммуникативную тактику такие языковые средства, как сниженная громкость и темп речи, эмфазы (на фонетическом уровне) и разнообразная лексика тематической группы «болезнь» (*болеть, заболеть, заразить, температура, депрессия, голова, горло, живот* и др.)

[Не хочет собирать игрушки после игры]

– *Мама, у Лизы голова болит.*

– *Где болит, как болит?*

[Девочка ложится на кровать, тихо]

– *У Лизы голова болит... Мама, игрушки собери (Ж, 2,0)³.*

В попытках избежать уборки Лиза изображает больную, привлекая акциональные (ложится на кровать, прикладывает руку к голове, закатывает глаза), просодические (сниженная громкость речи) и вербальные (*голова болит*) средства.

³ Здесь и далее после примера в скобках указывается пол информанта и возраст (первая цифра обозначает количество лет, вторая – месяцев).

[Мальчика заставляют поесть]

– *Кушать будешь?*

– *Не могу. У меня горло болит... И ухо болит. И кашель болит* (М, 3,3).

Мальчик, пытаясь избежать нежелательного для себя действия – приёма пищи, изображает больного. Сначала дошкольник указывает на отсутствие у него физических сил для выполнения действия: *не могу*, после чего создаёт образ простудившегося с помощью глагола *болеть*: *у меня горло болит, ухо болит, кашель болит*.

Коммуникативная тактика угрозы направлена на то, чтобы выразить намерение говорящего нанести вред адресату, если адресат не совершил или, наоборот, совершил какое-либо действие. Данную тактику ярко характеризует сложная синтаксическая конструкция с условным союзом *если... .* Приведём пример:

[Не хочет доедать борщ]

– *Если я съем хоть одну ложку борща, я сама стану борщом* (Ж, 2,8).

Указание на вероятность «превращения» в борщ *я сама стану борщом* является намёком родителям на возможность потерять своего ребенка в случае именно такого развития данной ситуации.

Кроме того, особую роль при реализации угрозы приобретают формы будущего времени глагола в связи с тем, что они обозначают вред, который собирается нанести адресату говорящий.

[Мама вызывает врача на дом. Оля очень боится врачей, поэтому громко кричит в трубку]

– *Будут крики, будут крики!* (Ж., 3,0).

Данный факт содержит информацию только о негативных последствиях: *будут крики*. Экстраграмматический контекст данного высказывания позволяет вербализовать имплицитные смыслы: «если ты вызовешь врача, я буду кричать», «если придёт врач, я буду кричать».

[Не хочет спать]

– *Мама, ты не пугайся, я сейчас плакать буду* (Ж, 3,7).

В данном случае эксплицитна лишь информация о возможном действии угрожающего: *я сейчас плакать буду*, в то время как полный смысл высказывания можно восстановить из ситуации: «если ты будешь заставлять меня спать, я буду плакать».

Коммуникативная тактика апелляции к авторитету применяется в том случае, если дошкольник стремится придать своим аргументам для отказа от нежелательного действия большую силу. Авторитет может быть выражен в высказывании обобщённо:

[Дочь прыгает по дивану, это запрещено. После очередного замечания разводит руками]

– *Ну, мама, так же вся страна делает!* (Ж., 3,2).

Девочка стремится уклониться от прекращения желаемого действия – активной игры на диване. Серия замечаний матери не возымела должного эффекта, после очередного упрека ребёнок защищает свою позицию с помощью обращения к «авторитету», в данном случае выраженному неконкретно (не единично) существительным *страна*, приобретающим в контексте значение собирательности за счёт употребления его с определительным местоимением *вся*: *так же вся страна делает*.

Мальчик, не желающий выполнять требование матери – аккуратно есть, апеллирует к авторитету природы, которая предопределила его манеры: *меня таким создала природа*. Существительное *природа*, выражающее в данном случае «авторитетное лицо», представляет обобщённый тип моделирования образа авторитета, так как природа обозначает все существующее на земле, не созданное человеком.

Кроме обобщённо заданного в высказываниях детей наблюдается и персонифицированный авторитет:

[Вытащил одёжную щётку и говорит, что будет чистить ноги]

– *Ноги чистить буду.*

[Папа говорит, нельзя. Возражает]

– *Лена чистит ноги щеткой* (М, 2,6).

Факт из дневника наблюдений за речью Жени Гвоздева демонстрирует привлечение в качестве авторитетного лица конкретного человека – соседскую девочку Лену, которой он, по замечаниям автора дневника, во всем стремится подражать.

[Тётя заставляет Сашу П. прекратить игру на планшете и заняться развивающими заданиями]

– *Нет, мама мне дома разрешает еще играть* (М, 4,11).

Саша П., не желающий прекращать игры на планшете, как того требуют бабушка и тётя (мать находится на работе), привлекает в качестве основания для уклонения от требования указание на авторитет матери, её слова и поведение в подобной ситуации: он отмечает, что в таких случаях мама позволяет ему поиграть в игры на планшете ещё какое-то время.

Применение коммуникативной тактики передачи (переадресации) нежелательного действия третьему лицу заключается в том, чтобы адресовать требование родителей (например, собрать игрушки) им самим, либо третьему лицу (например, сестре или брату). Переадресация нежелательного действия может сопровождаться аргументацией (например, *брат сильнее*), либо быть неаргументированной.

[Бабушка и внук делят шоколад. Бабушка борется с эгоизмом внука]

– *Когда что-то делишь, себе надо брать меньший кусочек.*

– *Бабушка, подели ты* (М, 3,4).

Мальчик делит шоколадку, при этом, как отмечают его родители, он часто специально делит сладости на большую и меньшую часть, чтобы себе забрать большую. Бабушка, пытаясь изменить поведение внука, указывает на то, что необходимо быть скромным и выбирать себе меньшую часть. Следуя данной логике, внук переадресует бабушке ставшее для него нежелательным действие: *подели ты*. По замыслу ребенка, бабушка, поделив шоколад, не может противоречить сама себе, и поэтому возьмёт меньшую часть, в то время как ему самому достанется большая. Языковым показателем тактики считаем местоимение *ты*, указывающее на субъект, которому переадресуется действие: «*подели ты*», в комплексе с основным выразителем нежелательного действия – императивом *подели*.

[Мама перед сном лечит двоих сыновей]

– *Кому первому нос капать, тебе или брату?*

– *Брату! Он первый заболел!* (М, 3,6).

Нежелательным действием для мальчика является лечение насморка каплями. Желая отсрочить (избежать действия невозможно) процедуру, ребёнок переадресует действие третьему лицу – брату, аргументируя это тем, что брат первый заболел. Языковым показателем тактики является термин родства – существительное *брат*, указывающее на лицо, которому адресуется действие.

Мимикия представляет собой имитацию, подражание, моделирование. Дошкольники склонны имитировать поведение животных и людей, работу машин и аппаратов, в случае если это даёт им основания уклониться от выполнения требуемого родителями действия. Отметим, что дети аргументируют свой отказ необходимостью соответствовать существенным признакам имитируемых объектов. Рассмотрим группу примеров, иллюстрирующих попытки дошкольников избежать водных процедур.

[Я зову его утром умываться, а он устроил из стульев поезд и говорит]

– *Нет, машинисты не умываются, они грязные чай пьют* (М, 3,4).

Стремясь избежать нелюбимого занятия – умывания, Женя Г. изображает машиниста – человека, имеющего определённую профессию, связанную, по представлениям ребенка, с тяжёлыми условиями труда. Вербальные действия подтверждаются акциональным способом: мальчик не только сообщает о том, что он машинист, но и игрой подражает поведению людей данной профессии: *он устроил из стульев поезд*. На слова отца, который зовёт его умываться, Женя отвечает отказом, аргументируя его тем, что *машинисты не умываются, они грязные чай пьют*. Употребляя существительное со значением лица определённой

профессии в форме множественного числа, ребёнок включает и себя в данный профессиональный круг. Очевидно, для Жени машинист – это человек, имеющий дело с пачкающим углём, у него нет времени на умывание. К языковым показателям тактики можно отнести наименование лица по профессии – *машинист*, однако её функционирование тесно связано с конситуацией и не ограничивается только вербальным показателем.

[Он бегает, изображая аэроплан. Я зову его умываться]

– *Я аэроплан. Аэроплан воздухом умывается* (М, 3,6).

Аналогичную ситуацию наблюдаем и в данном случае: Женя Г. называет себя аэропланом: *я аэроплан*. В следующем высказывании ребёнка содержится указание на причину, по которой имитируется работа именно этого технического средства: *аэроплан воздухом умывается*. Иными словами, из слов мальчика можно сделать такой вывод: «Аэроплан умывается воздухом. Ему не нужно умываться. Я – аэроплан, следовательно, мне не нужно умываться». Основным маркером, указывающим на попытку имитации работы машины, является наименование этого технического средства *аэроплан*, кроме того, важную роль играет изображение работы аэроплана.

[Саша очень не любит умываться. Бабушка зовёт его в ванную]

– *А я котик! А котики сами лапкой умываются* (М, 4,2).

В данном случае Саша П. имитирует поведение кота. Ребёнок называет себя имитируемым объектом: *я котик*, затем аргументирует отсутствие у котов необходимости умываться водой, сопровождая свои слова жестами: *котики сами лапкой умываются*. Как и в уже описанных примерах, маркером тактики является номинация имитируемого объекта – *котик*.

Коммуникативная тактика дискредитации собеседника направлена на понижение статуса собеседника, на его представление в «неблаговидном свете», что позволяет снизить степень необходимости выполнения говорящим нежелательного действия. Чаще всего дошкольники прямо указывают на негативные качества родителя с помощью языковых средств, имеющих отрицательную семантику.

[В ответ на просьбы матери выполнить нежелательное действие]

– *Ты плохая!* (Ж, 2,1).

[Дедушка и бабушка заставляют Сашу П. надеть пижаму и умыться]

– *Вы все плохие и злые! Я к вам большие никогда не приеду!* (М, 5,7).

Примеры иллюстрируют описанную тактику: родитель выражает просьбу о выполнении некоего действия, которое дошкольник выполнять не хочет. Как правило, прямая дискредитирующая собеседника тактика применяется детьми в том случае, если после комплекса безуспешных попыток заставить ребенка выполнить требуемое действие родители обращаются к угрозе наказания. В приведённых выше примерах дошкольники для создания негативного образа родителей используют прилагательные с наиболее яркой негативной семантикой *плохой* и *злой*: *ты плохая, вы все плохие и злые*.

Итак, нами была рассмотрена коммуникативная стратегия избегания нежелательного для себя действия, реализующаяся посредством ряда коммуникативных тактик. Разнообразие способов реализации рассмотренной стратегии позволяет нам сделать вывод о том, что дети трёхлетнего возраста склонны действовать в соответствии с собственными желаниями, стремясь как можно ярче проявить своё «Я». Результаты анализа свидетельствуют, что в период кризиса трёх лет дошкольники начинают активнее использовать средства речевого воздействия, что проявляется в разнообразии репертуара коммуникативных стратегий и тактик и выражают их языковых средств.

Список литературы

1. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. – СПб.: Союз, 1997. – 224 с.
2. Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений / Ред. Е.С. Скобликова. – М.: УРСС (КомКнига), 2005. – 320 с.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Изд-во ЛКИ, 2012. – 304 с.
4. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

Сафонова Ю.А.
Radio Sputnik (МИА «Россия сегодня»)
Москва, Россия

Safonova Yu.A.
Radio Sputnik (International Information Agency "Russia Today")
Moscow, Russia

ГРАНИЦЫ РЕГИОНАЛИЗМОВ, ИЛИ *РАСКАРДАШ* И *ЗАВЕРТОН*

BOUNDARIES OF REGIONALISMS, OR *РАСКАРДАШ* AND *ЗАВЕРТОН*

В статье рассмотрено функционирование и лексикографическая фиксация слова *раскардаш*, отнесённость которого к региональной лексике спорна; описано дальневосточное региональное слово *завертон*.

Ключевые слова: *региональная лексика, разговорная литературная речь, лексикография, Дальний Восток*.

The article considers the functioning and lexicographic fixing of the word *раскардаш* which is disputably viewed as belonging to regional lexicon. The Far East regional word *завертон* is also described.

Key words: *regional lexicon, informal literary speech, lexicography, Far East*.

Изучение региональной лексики или лексики, кажущейся региональной, – актуальная тема многих лингвистических разысканий. См., например, некоторые общие работы [2; 3] и работы, посвященные региональной лексике Дальнего Востока и Сибири [8; 11; 12; 13].

Региональная лексика интересна подобно тому, как интересно каждое новое место, куда вдруг забрасывает тебя судьба. Услышанное новое, как и увиденное новое, всегда обогащает, в случае с региональными словами часто удивляет остроумной языковой смекалкой, вызывая улыбку и прилив языкового творчества. Лексические достопримечательности интересны так же, как и любая достопримечательность.

О слове *раскардаш*. В 90-е годы XX века *раскардаш* представлялось мне словом региональным: в Оренбурге, где выросла и жила, слово это было распространено в обиходе и значило примерно то же, что и слова *беспорядок, бардак*, а вот в Москве (куда в середине 80-х годов приехала писать диссертацию, учась в аспирантуре Института русского языка АН СССР) слово *раскардаш* некоторых удивляло. Это и привело меня к ошибочному, как теперь понимаю, мнению о региональной (уральской) сфере употребления слова *раскардаш*. Но кто-то указывал источником слова польский язык (*rozgardiasz*), другие возводили его к армянскому, третьи – к тюркским языкам (см. *раскардак* – «беспорядок, развал; раздор, свалка» – в [16, с. 110]). См. также дискуссию на форуме АВВYY [18] и выпуск передачи «Русский устный» на портале «Грамота.ру» [1].

Примеры употребления. Слово *раскардаш* впервые зафиксировано в «Русском орфографическом словаре» [15], хотя известно это слово было гораздо раньше первой словарной фиксации. При этом, судя по источникам, в том числе и по НКРЯ⁴, известно на всей территории Советского Союза, а не только в уральском и граничащих с ним регионах. В НКРЯ представлено 11 употреблений, тогда как «Яндекс» выдает 45 тыс. результатов, Google – более 50 тысяч. Приведём некоторые «старые» примеры, относящиеся к XX веку, что позволяет (приблизительно) установить: время появления слова *раскардаш* в русской речи – середина XX века.

(1)*Сам придет? – поняла Ленка. – Ну, правильно! И сделай ему хо-ороший *раскардаш!* Что, в самом деле, ты ему девчонка?! В каких вы расстались отношениях? – В каких и были (Домбровский Ю. Рождение мыши, 1951-1956);

⁴ Примеры имеют сквозную нумерацию, примеры из НКРЯ отмечены знаком *.

(2) *Машина остановилась, как показалось Брюханову, в самом средоточии раскардаша, шума и скрежета* (Проскурин П.Л. Судьба, 1972, пример есть и в [5]).

Возможно, широкое распространение слова связано с популярностью фильма «Осенний марафон» (режиссёр Г. Данелия, сценарист А. Володин, 1979), в котором *раскардаш* произносит и иностранец⁵, что, конечно, привлекает внимание зрителя. Если внимательно читать сценарий и смотреть фильм, становится понятно, кто «научил» иностранца этому слову, – Бузыкин, переводчик, преподаватель, профессиональный филолог.

(3) Сценарий: *Нина, войдя в прихожую, замерла. Все было загромождено стульями. Билл работал на углу столика, на кухне.*

– Здравствуй, Билл! Что происходит?

– *Маленький рас-кар-даш!*

Она прошла в комнату. Мебель была сдвинута, шторы сорваны с окон, книги свалены на тахту. Бузыкин стоял на стремянке, оклеивал стену газетами [6, с. 172]. Произнесение слова по слогам указывает на то, что слово это ещё новое для говорящего;

(4) *Бузыкин работал за своим столом в сумбуре начатого ремонта. Положил ручку, тяжело поднялся, побрел к двери. Открыл соседу.*

– Четверг! – напомнил тот, входя.

– Проходи, – в некотором замешательстве пригласил его Бузыкин. – У нас небольшой *раскардаш* [6, с. 180].

В НКРЯ эти же «киношные» употребления *раскардаш* даны в устном корпусе как цитаты из фильма:

(5)*[Нина, Наталья Гундарева, жен, 31, 1948] здравствуйте / Билл. [Професор Хансен, Норберт Кухинке, муж, 39, 1940] *Маленький раскардаш*. [Бузыкин, Олег Басилашвили, муж, 45, 1934] *Обои решил переклеить*; [Харитонов, Евгений Леонов, муж, 53, 1926] *Ремонт затеяли?* [Професор Хансен, Норберт Кухинке, муж, 39, 1940] *Маленький раскардаш*. [Бузыкин, Олег Басилашвили, муж, 45, 1934] *Знакомься / Василий Игнатич / это господин Хансен / профессор из Дании;*

(6) Я часто слышал, что идет *раскардаш*, что там [в некоторых правительенных органах] два правительства или три и у каждого своя политика. Все это для того, чтобы показать, что у нас все плохо (Черномырдин В. С. Интервью «Независимой газете», 09.04.1998);

(7)*В полном недоумении отправились мы утром на репетицию, как велел Сережа. Там был полный *раскардаш* (Катанян В. Прикосновение к идолам, 1998);

(8) Нетрудно понять, насколько болезнен для немцев... этот вокзальный *раскардаш* («Огонек», № 2, 1998);

(9)*Приносят другое яблоко. Кончаловский критически осматривает *раскордаш* в интерьере. Что-то его явно смущает (Стас Тыркин. Андрей Кончаловский отправил свою супругу в «психушку» // Комсомольская правда, 2001.09.25);

(10)*Откуда же этот свет, если и не в кромешной тьме, то уж явной мгле сегодняшнего нашего столы *раскардашеннего* жития-бытия? Тут нет никаких ни оптических, ни драматургических, ни режиссёрских фокусов-обманок. Свет настоящий, живой, подлинный. Он – из людей ([Второе пришествие Рюрика (2002) // «Культура», 2002.04.01);

(11)*«Все должны искать себе правильную политическую страту, а иначе в голове наступает *раскардаш*», – отрезал он [Медведев] (Татьяна Кособокова, Горки. Медведев обиделся на протестное голосование // РБК Дейли, 2011.12.06);

(12) Главней всего погода в доме / А в нашей хате *раскардаш*. / Вчера хомяк у тестя помер, / Он поминал, любимый наш (Зинаида Маркина. Раскардаш, февраль 2012, www.chitalnya.ru/work/512221).

⁵ Билл Хансен, профессор из Дании, занимающийся переводами произведений Достоевского; роль исполняет актёр Норберт Кухинке.

Итак, *раскардаш* (*раскордаж*), в русской речи с середины XX века (см. пример из Домбровского), употребляется в разных регионах, в разных жанрах и функциональных стилях (от разговорного до официального); образование производного (*раскардашенный*, при отсутствии глагола *раскардашить*⁶) указывает на то, что слово освоено носителями языка и всем понято.

История лексикографической фиксации слова *раскардаш*.

1999 – первая фиксация в «Русском орфографическом словаре» [15];

2003 – «Словарь современного русского города»: «*Раскардаш* неодобр. – прост. – В сл. нет. – Беспорядок. – см. *аврал*. – |пачиму́ ф-квартири тако́й раскадаш?| 1991» [17, с. 450, 451];

2004 – «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи»: «*Раскардаш* – Разг.-сниж. Полный беспорядок, развал (в вещах, хозяйстве, каких-н. делах). На столе у нее просто какой-то р. °После пьянки в доме сплошной р. В стране р. (≈РАЗДРАЙ и др.)» [19, с. 9525];

2005 – «Язык Одессы»: «*Раскардаш* – беспорядок» [10, с. 106];

2005 – «Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино»: «*Маленький раскардаш*. Билл. Ремонт затягли? — *Маленький раскардаш*. Василий Игнатьевич, Билл» [9, с. 651]. Обратим внимание на написание слова, в таком же написании слово представлено и в примере (9) из НКРЯ (см. выше);

2013 – «Большой академический словарь русского языка»: «*Раскардаш* Беспорядок, хаос. Машина остановилась, как показалось Брюханову, в самом средоточии *раскардаша*, шума и скрежета. Прокур. Судьба. В моем кабинете царил полный *раскардаш*. Листья бумаги устилали пол, ящики стола были выдвинуты, их содержимое валялось по всей комнате, кресла перевернуты. Ф. Незнанский. Кто есть кто. После его [Сережи] ухода *раскардаш* был чудовищный, будто Мамай прошел. В. Катанян. Прикосновение к идолам. Три часа беспрерывных переговоров режиссера с монтажером, три часа скачащих в голове картинок без экрана... – эти три часа довели Виктора до полного *раскардаша* чувств и отчаянной раздражительности. А. Степан. Вечный шах» [5, с. 611];

2017 – «Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи»: «*Раскардаш* – в функц. сказ., с указ. мест. Полный беспорядок, развал (в вещах, хозяйстве, каких-л. делах). (≈РАЗДРАЙ...). На столе у нее просто какой-то р. | После пьянки в доме сплошной р. В стране р. А в последние рейсы еще и этот р., что назвали перестройкой, у всех языки развязались... Олег Глушкин. Последний рейс (1990-1999) [НКРЯ]» [21, с. 226].

Об экспрессивных и стилистических пометах слова *раскардаш*. «Словарь современного русского города» относит *раскардаш* к лексике просторечной, при этом просторечие авторы словаря понимают как «ненормативные слова, употребляемые людьми низкого образовательного уровня, не привыкшими следить за своей речью» [17, с. 10]. Этот же словарь относит *раскардаш* к лексике экспрессивно окрашенной, на что указывает помета *неодобр.* [Там же]. Трудно согласиться и с просторечностью слова, и с его экспрессивной окраской, так как «неодобрительность» – неотъемлемый компонент самого значения слова *раскардаш* (как и его синонимов *аврал*, *бардак*, *кавардак*, *беспорядок*, *раздрай*). В.В. Химик в первом издании Словаря сопровождает *раскардаш* функционально-стилистической пометой *разг.-сниж.* (разговорно-сниженное), то есть относит это слово «к разговорно-сниженным экспрессивам, промежуточным между языковой нормой и общерусским субстандартом» [19, с. 12]. Во втором издании Словаря лексикограф снимает эту помету, относя *раскардаш* к словам, которые в функционально-стилистическом отношении характеризуются как единицы «относительно свободного употребления (разговорно-литературные)» [21, с. 6]. «Большой академический словарь русского языка» даёт *раскардаш* без каких-либо помет, тем самым относя его к общеупотребительной лексике современного

⁶ Ср. аналогичное *эрудированный* при отсутствии **эрудировать*.

русского языка, нейтральной с точки зрения нормативно-стилистической оценки. См. помету *разг.* при «широко употребительных просторечных словах, свойственных современной разговорной речи, которые обычно представлены в литературных произведениях /.../ Помета *разг.* (разговорное) характеризует слова, преимущественно употребляющиеся в устной речи и отличающиеся от нейтральных слов некоторой своей непринужденностью» [4, с. 8, 25]. Функционально-стилистическая оценка *раскардаши* в [4; 21] представляется объективной, соответствующей речевой практике. Общеупотребительность этого слова не позволяет установить регион его возникновения (и, соответственно, предложить непротиворечивую этимологию слова).

О слове *завертон*. В отличие от *раскардаша*, региональная отнесённость слова *завертон* (как представляется на сегодняшний день!) бесспорна: это Сибирь и Дальний Восток. В НКРЯ слово *завертон* не зафиксировано. Поисковики выдают более 20 тыс. результатов, самый ранний – 2013 года. Например:

(13) **Завертон.** Любое блюдо, свернутое в трубочку. Русский вариант слова ролл или рулет, для тех, кто почему-либо избегает использовать слова иностранного происхождения. Слово родом из Сибири [<http://slovnoslovo.ru/word/1055>; 07.09.2014];

(14) Сеть «**Завертон**» это кафе быстрого и правильного питания расположенных у автомобильных дорог, в котором заказ еды происходит, не выходя из автомобиля через специальное окошко... Чем мы кормим наших клиентов: – завтраки: яичница с сосисками или беконом, различные каши, салаты – **завертоны** / сендвиши / бутерсы – супы и крем-супы – салаты – вкусный кофе и чай [<https://www.shopolog.ru/company/zaverton/>]. Здесь интересно, что *завертон* включён в ряд других «перекусов», которые различаются потребителями.

(15) Пользователь форума *Drom.ru* Вексель в своем сообщении обратился к депутатам с просьбой навести порядок. «Господа, вам не надоели дурацкие вывески в нашем городе?» – спрашивает автор, отмечая, в частности, слова «кофебулка», «беляшка» и «**завертон**». Речь идет о организациях общественного питания, в том числе киосках с едой быстрого приготовления. Об этом передает ДВ-РОСС [<http://trud-ost.ru/?p=395329>; 21.11.2015];

(16) Сейчас у нас появилось много разнообразных рулетов из лаваша, которыми торгуют автокафе на трассе, и называют их: «**завертоны**». [<http://www.edautani.ru/?p=63117>; 17.05.2017].

Мне с *завертоном* довелось впервые встретиться во Владивостоке, слово понравилось, сразу вспомнились *выпивон*, *закусон*... *Выпивон* – от *выпивать*, *закусон* – от *закусить*, *закусывать*, а *завертон*... Должно быть, от *завертывать* – *завернуть*. И это так. Внутренняя форма слова *завертон* указывает на способ приготовления: *завертон* – это еда, завёрнутая в лепёшку (лаваш, блин и т.п.). Слово образовано по продуктивной модели: «Просторечный шутливый характер носят существительные с суфф. *-он*: *выпивать* – *выпивон*, *объедаться* – *объедон*, *закидывать* – *закидон*; *раздолбон*, *вышибон*, *опрокидон* (‘*выпивка*’, также *опрокидонт*)» [14, § 280, с. 165]. А.А. Зализняк пишет о суффиксе *-он*: «Одни из них [речь идёт о суффиксах-экспрессивизаторах] несут экспрессивную коннотацию, сохраняя в то же время своё прямое значение. Например, слово *выпивон* содержит суффикс *-он*, который на уровне строгого смысла примерно эквивалентен суффиксу *-ание*. Но *-ание* – это нейтральный суффикс: слово *выпивание* передаёт соответствующий смысл и только, а *выпивон* означает то же самое, но с ярко выраженной дополнительной окраской» [7, с. 654]. Зализняк отмечает, что «в настоящее время в жаргонах и просторечии он чрезвычайно распространился: *выпивон*, *закусон*, *объедон*, *закидон*, *раздолбон*, *вышибон*, *обстригон*, *обстругон*» [7, с. 663], прослеживает историю суффикса: «Очевидно, *опрокидонт* выдуман в бурсацкой среде. Далее он упростился до *опрокидона*, потом по сходству значений было придумано слово *выпивон*, а в дальнейшем из этого в русском языке вырос активнейший экспрессивный суффикс *-он*» [7, с. 664]. Современные словари подтверждают продуктивность модели, например: *вырубон*, *залион*, *прикидон* [20; 21]. В этом же ряду и *завертон*.

Сегодня *завертон* расширяет границы – в Москве и Московской области «Завертоны» как названия придорожных кафе встречаются достаточно часто, в социальной сети «ВКонтакте» есть сообщество «Завертоныч». Возможно, в функции заголовка-вывески в слове *завертон* реализуется полисемия глагола *завертывать – завернуть* («обернуть со всех сторон» и «зайти, заехать куда-л. попутно»).

Собственно лингвистические факторы (продуктивность словообразовательной модели, экспрессивность суффикса *-он*; полисемия мотивирующего глагола *завертеть – завернуть*) и экстралингвистические факторы (распространённость и востребованность пунктов быстрого питания) позволяют предположить, что *завертон* в недалеком будущем расширит границы употребления – сибирские и дальневосточные, пополнив общеупотребительный фонд обиходных слов русской речи.

Список литературы

1. Аудиословарь «Русский устный» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://files.gramota.ru/radio/042_Russkii_ustni_Raskardash.MP3.
2. Беликов В.И. К типологии региональных семантических различий в русской лексике // Проблемы лексической семантики Тезисы докладов межд. конф. «Девятые Шмелевские чтения» / Отв. ред. Л.П. Крысин, Р.И. Розина. – М.: ИРЯ РАН, 2010. – С. 25-27.
3. Беликов В.И. Словарь «Языки русских городов»: подбор примеров и Интернет // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.) / Под ред. Н.И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. – М.: Изд-во РГГУ, 2006. – С. 57-60.
4. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. – Т. 1. – М.; СПб.: Наука, 2004. – 664 с.
5. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Герд. – Т. 22. – М.; СПб.: Наука, 2013. – 740 с.
6. Володин А. Осенний марафон // Володин А. Пьесы. Сценарии. Рассказы. Записки. Стихи. – Екатеринбург: изд-во «У-Фактория», 1999. – С. 159-196.
7. Зализняк А.А. Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80- летия И.А. Мельчука / Под. ред. Ю.Д. Апресяна, И.М. Богуславского, Л. Ваннера, Л.Л. Иомдина, Я. Миличевич, М.-К. Л'Омм, А. Польгера. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 650-664.
8. Касимова Е.В. Регионально окрашенная лексика в публицистических и художественных текстах, её функции (на материале дальневосточной литературы и публицистики) // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – Благовещенск: Амурский государственный университет. – 2014. – № 11. – С. 26-31.
9. Кожевников А.Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. – 831 с.
10. Котов-Померанченко В. Язык Одессы. Слова и фразы. – Одесса, Изд-во "Optimum", 2005. – 167 с.
11. Ливинская И.В., Матвеев А.И. Словарь региональной лексики и народных топонимов города Новосибирска. – Новосибирск: Свинарь и сыновья, 2016. – 160 с.
12. Михайлукова Н.В. Языковой облик современного города / Отв. ред. Т.И. Петрова. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2017. – 360 с.
13. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – Благовещенск: Амурский государственный университет. – 2013. – № 10. – С. 20-37.
14. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. 1 – 784 с.
15. Русский орфографический словарь / Отв. ред. В.В. Лопатин. – М.: Азбуковник, 1999. – 1260 с.
16. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб. : «Наука», 2003. – Вып. 34. – 368 с.
17. Словарь современного русского города / Под ред. Б.И. Осипова. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Транзит книга, 2003. – 565 с.
18. Форум «Городские диалекты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.lingvolve.com/search/?term=раскардаш&p=2>
19. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
20. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: В 2 т. – Т. 1. – СПб.: Златоуст, 2017. – 528 с.
21. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: В 2 т. – Т. 2. – СПб.: Златоуст, 2017. – 532 с.

Фролова Т.В.

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Frolova T.V.

Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia

СПЕЦИФИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКИХ ДИАЛОГОВ

SPECIFICITY OF THE THEMATIC ORGANIZATION OF DIALOGUES AMONG RURAL PEOPLE

Статья посвящена исследованию особенностей диалогов, протекающих в специфических условиях сельской коммуникативной среды. Выделены маркеры, обозначающие темы общения, характерные для сельских жителей. Обосновано влияние фактора личного знакомства на диапазон обсуждаемых тем, а также на состав диалогов, возникающих в стереотипных ситуациях.

Ключевые слова: *тематическая организация, стереотип, стереотипные ситуации общения, языковое существование, сельская коммуникация, сельский стереотип*.

The article examines the peculiarities of the dialogues taking place in specific conditions of the rural communicative environment. The markers indicating the themes of communication among the villagers are singled out. The influence of the personal acquaintance factor on the range of topics discussed, as well as the composition of dialogues arising in stereotyped situations, is justified.

Key words: *thematic organization, stereotype, stereotypical situation of communication, linguistic existence, rural communication, rural stereotypes*.

С социологической точки зрения важной характеристикой села, в отличие от города, признаётся то, что в нём присутствует специфическое личное знакомство жителей друг с другом [4, с. 26]. В сельских поселениях возникает особая коммуникативная среда, яркой чертой которой является открытость [3]. Прежде всего фактор личного знакомства влияет на тематику диалогов, возникающих в различных ситуациях сельской коммуникации.

Мы обратили внимание на функционирование сельских диалогов в условиях непринуждённого общения с целью выявления их тематической специфики. Материалом для наблюдений послужили записи живой речи жителей посёлков Приморского края. По нашим наблюдениям, особенности тематики сельских диалогов заключаются прежде всего: 1) в наличии тем, типичных для общения именно сельских жителей; 2) во включении обсуждения личной жизни в диапазон тем, обсуждаемых в стереотипных ситуациях общения.

I. Темы, являющиеся типичными именно для сельских диалогов, имеют специфические маркеры. Это номинации, составляющие одно тематическое поле, а также особые инициальные реплики, служащие заменой приветствия в ситуациях встречи сельских жителей друг с другом. Фатическая беседа обычно включает общение на темы, которые связаны с наиболее важными для селянина событиями, в чём отражается его тесная связь с природой. Повседневное существование сельского жителя протекает в особых пространственных и временных условиях, что оказывает влияние на тематику сельских диалогов. В содержании фатических бесед выделяется три основные гипертемы: тайга, море и сельский труд.

1. Гипертема «тайга» включает разговоры, например, о таёжных обитателях и растениях, в частности, о тигре, которого местные жители именуют словом *тигра*. Так, в районном центре женщина встречает мужчину, приехавшего из соседней деревни:

Женщина: *О/ Егор Тимофеич [Тимофеевич] здравствуйте!*

Мужчина: *А-а-а/ здрастыте [здравствуйте]//*

Женщина: *Говорят/ у вас там тигра ходит//*

Мужчина: *Да-а/ они к нам каждый год ходят/ а сейчас только в новостях показали//*

Некоторых таёжных животных сельские жители называют так же, как домашних, как бы включая их в круг своей хозяйственной деятельности, так тайга становится частью хозяйства селянина: *козочка* (косуля), *петух* (фазан), *курочка* (самка фазана): *К нам в конец огорода три курочки приходили/ бабушка всё переживает/ чтобы я их подкармливала.*

Особое отношение к животным отражено в рассказе таксиста в Спасском районе:

Пассажир 1: *Медведями все сейчас пугают//*

Водитель: *А я с ними дружу//*

Пассажир 2: *А они действительно есть в этих лесах у вас?*

Водитель: *Да//*

Пассажир 2: *Правда?*

Водитель: *Медведи зюбря́[изюбри]/ зюбря́кí// Тигры//*

Водитель говорит, что дружит с таёжными обитателями, таким образом, тайга не является для него чем-то опасным и чужим, наоборот, это пространство для него знакомо и привычно.

Близость к природе находит отражение в использовании сельскими жителями номинаций характерных для Дальнего Востока таёжных растений, например *кедра́* – кедр: *Тигра ходила за той кедрой....* Так, растение, которое принято называть *багульником*, на самом деле является рододендроном, который весной покрывается ярко-сиреневыми соцветиями: *Девочки/ это ба.../ это багульник// Вот там есть сопка/ ну небольшая сопка/ и она/ весной/ вся/ вот вся вот просто сиреневая!* Настоящий багульник существенно отличается внешним видом от рододендрона, однако не все дальневосточники знают, что это два разных растения. Схожую историю употребления имеют названия *кедр* (сосна корейская) и *махаон* (хвостоносец Маака).

Дальневосточный сельский житель проводит много времени в тайге, не просто соседствует с ней, а включает таёжную территорию в зону «своего», родного пространства, что является причиной частого использования местными жителями названий природных объектов – не только собственных, но и нарицательных имён, среди которых некоторые относятся к региональной лексике, например:

сопка – название возвышенностей на Дальнем Востоке, как правило, лесистых, в противоположность горам – высоким скалистым возвышенностям: *в районе Острой сопки мы вышли/ в районе Острой вышли на/ трассу/; Говорят или палы/ и постепенно эту сопочку выжгли//;*

ключ – многие реки на Дальнем Востоке обычно иссыхают летом, а в периоды дождей представляют собой широкие полноводные потоки, поэтому их так называют: *А там ключ// Там у нас возле барака получается ключ//;*

распадок – низменность между двумя сопками, пример из воспоминаний жительницы села Лазо о том, как её отец занимался пчеловодством: *в лесах там/ по распадкам/ есть почти трёхметрового роста кусты такие; Пасеку вывозили на медосбор в распадок между сопок, ставили на берегу ключа.*

2. Если на суше на повседневное, в том числе языковое, существование человека во многом влияет тайга, то с противоположной стороны определяющим фактором является море. Разговоры, которые можно объединить общей гипертемой «море», включают большое количество номинаций других природных объектов – прибрежных: бухт, мысов, морских скал, островов и т.п. Например: *Я хочу гро-о-омко кричать девочки/ самый красивый остров/ это остров Путя-а-атин!; Это вот каждая бухта/ каждый пляж/ и там своя особенность.* Другая морская тема – «сообщение». На многих островах существуют населённые пункты, связанные с материковой частью суши, которая местными жителями так и называется *материк*, паромным сообщением: *Нет/ здесь было два парома/ Пименский и Архангеловский/ один паром был/ а-а-а/ в районе лесхоза/ через залив//.* Большой паром называют *баржой*, народное наименование небольшого пассажирского парома – *трамвайчик*, по аналогии с речными трамваями: *Так там есть переправа/ баржá// Раньше*

ходил пассажирский.../ *трамвайчик/ трамвайчик*. Незамерзающий пролив, по которому зимой может пройти судно или паром, называют *приглубка*.

3. Третья гипертема – «сельский труд» – всегда пересекается с двумя остальными, так как работа в селе очень тесно связана с природой. Примером пересечения гипертем «сельский труд» и «море» является обсуждение рыбалки, судоходства, сбора морской капусты, ловли краба и т.д. Примеры пересечения гипертем «тайга» и «сельский труд» представляют разговоры об охоте, сплаве леса, пчеловодстве, таёжных промыслах, среди которых характерным для Дальнего Востока является сбор женьшена. Известно, что особой ценностью у данного растения обладает корневая часть, поэтому сборщики при обозначении своей деятельности обычно не используют название *женьшень*, а говорят *ходить за корнем,ходить за панцирем* (словом *панцирь* называют корень женьшена китайцы), человек, который занимается сбором женьшена, соответственно называется *панцирщик, корняк* или *женьшеник*.

Другим маркером типичных тем сельских диалогов является наличие особых инициативных реплик, привязанных к определённому сезону и нередко заменяющих приветствие в ситуациях встречи сельских жителей друг с другом. Лексическое наполнение таких стереотипных реплик может различаться в зависимости от населённого пункта и сезона, но их функции и иллокутивная направленность являются одинаковыми. Например, при встрече вместо приветствия осенью или весной, как правило, используются фразы *Картошку уже выкопали?; Улики уже выставили?* (п. Кировский); *Огород посадили?* (с. Лазо). Возникновение подобных элементов в структуре сельских диалогов обусловлено спецификой сельского мировосприятия, а именно особым отношением ко времени: год здесь воспринимается как календарный цикл сельскохозяйственных и других сезонных работ.

II. Важной характеристикой села, отличающей его от города, признаётся фактор личного знакомства жителей друг с другом, который влияет на протекание сельской коммуникации и в стереотипных ситуациях общения. Верbalное воплощение подобных ситуаций коллоквиалисты рассматривают как малый жанр разговорной речи – городской стереотип [5; 2, с. 258]. Исследователи городской коммуникации подчёркивают, что повседневное языковое взаимодействие горожан в повторяющихся ситуациях обычно происходит с незнакомыми людьми, поэтому является официальным [2]. В сельских стереотипах наблюдается сокращение дистанции при общении, что способствует его неофициальности. Данный экстралингвистический фактор влияет на тематическую организацию диалогических текстов, возникающих в таких ситуациях.

Для сельских диалогов в стереотипных ситуациях общения характерна так называемая политетматичность. По нашим наблюдениям, обычно возникают две темы, соответствующие разным типам общения:

1) тема, связанная со стереотипной микроситуацией и практическим общением, она зависит от таких факторов, как место, цель его посещения, и определяет построение диалога в соответствии со структурой стереотипа, как правило, реализующегося в данных условиях;

2) тема, обусловленная личным знакомством коммуникантов, которая связана с фатическим общением, часто она касается личной жизни говорящих и возникает под влиянием таких факторов, как неофициальные отношения между говорящими, непринуждённость их контактов, общность апперцепционной базы и т.п.

Таким образом, первая тема оказывается связанной непосредственно с самим стереотипом и разворачивается согласно его типовому сценарию, наличие и выбор второй темы зависят от характера интерсубъективного взаимодействия коммуникантов. Характер диалогов в стереотипных ситуациях общения под влиянием фактора личного знакомства сближается с бытовыми диалогами в непринуждённой ситуации общения, где политетматичность обязательно включает наличие предметной темы беседы и «я-темы» [1; 6].

Одна стереотипная ситуация состоит из ряда микроситуаций, в каждой из которых возможна реализация темы личной жизни. Обычно в микроситуации «Встреча» звучит

стереотипная приветственная фраза *Здравствуйте*. Однако в сельской стереотипной ситуации «Почта» обязательный элемент «Приветствие» сопровождается вопросом о личной жизни:

Работник почты: *Здравствуйте//*

Клиент: *Здравствуйте//*

Работник почты: *Чё замуж не выходишь?*

Клиент: *Я?*

Работник почты: *Конечно//*

Клиент: *Да надо сначала маму выдать/ потом уже я//*
(далее говорят об оплате коммунальных услуг).

Приведём другой пример, в котором при реализации сельской стереотипной ситуации «Магазин» покупатель во время расчёта первым вводит новую тему, не имеющую отношения к покупке, при помощи фразы *Как жизнь?* Такая фраза является стереотипной для ситуации непринуждённого общения:

Продавец: *двести пятьдесят [пятьдесят] шесть//*

Покупатель: *Как жизнь?*

Продавец: *Да потихоньку/ всё потихоньку/ никуда не бьют//*

Обсуждение личной жизни может происходить и в нескольких микроситуациях, составляющих один стереотип, как, например, в стереотипной ситуации городского общения «Аптека». По нашим наблюдениям, в сельской аптеке, осуществляя выбор товара, коммуниканты намеренно включают в разговор «личные» темы, а затем продолжают их во время расчёта:

1. Начало покупки:

Покупатель: *Здравствуйте//*

Продавец: *Здравствуйте//*

2. Выбор товара:

Покупатель: *Оля/ нам что-нибудь от дисбактериоза посоветуй пожалуйста [пожалуйста]//*

Продавец: *От дисбактериоза вот «Бифиформ»/ удобно/ его один раз надо в день пить одну капсулу утром/ и всё// У меня Танька тоже мучилась/ всё эта студенческая еда/ а это даже она пьёт//*

Покупатель: *Ну давай его//*

3. Расчёт

Продавец: *Триста шестьдесят восемь//*

Покупатель (достаёт деньги): *Ну как вы? Сессию сдаёте? На каникулах уже? Щас копейки ешё//*

Продавец: *Досдаёт ешё// Домой хочет/ звонит//*

Покупатель: *Бедный ребёнок/ что поделаешь! Ну терпите уже//*

Возможны случаи, когда при соблюдении основных условий стереотипной коммуникативной ситуации фактор личного знакомства разрушает стереотип. Например: место коммуникации – магазин, участники – продавец и покупатель. Однако под действием фактора личного знакомства цель речевого взаимодействия коммуникантов в данных условиях меняется, что приводит к замене стереотипного диалога непринуждённым разговором на личные темы. Диалог в маленьком сельском магазине:

Покупатель: (здороваётся, рассматривает товары, собирается уходить).

Продавец: (обращается к покупательнице, которая кивает ей, прежде чем уйти; говорит с улыбкой) *Постричься хочу!*

Покупатель: *Давай/ постригу// (с улыбкой) Говори когда//*

Продавец: *Давай в понедельник//*

Покупатель: *Но ты же работаешь// У меня с полпервого до часу перерыв//*

Продавец: *И у меня с полпервого до часу перерыв//*

Покупатель: *Ну приходи//*

Продавец: *Ладно/ приду//*

Покупатель: *Ну давай/ пока//*

Продавец: *Угу/ пока//*

В собранном нами материале обнаружились особые микроситуации, характерные именно для сельских стереотипов. Это, например, «Товар под запись», когда товар даётся в долг, продавец записывает фамилию покупателя, название товара и сумму, которую покупатель обязуется вернуть. Данная микроситуация не является обязательной и сопровождается речевыми клише типа *Запиши меня; Запишешь?; Пиши* и т.п. Так, в ситуации «Магазин» покупатель просит записать его фамилию в «книгу должников», при этом он не спрашивает о возможности выдачи товара под запись, поскольку сама эта возможность осознаётся коммуникантами как допустимая:

Продавец: *Ага/ вместе семьсот рублей//*

Покупатель: *Ну Лен/ мы потом/ или К./ или Б. пиши//*

Продавец: *Ага//*

Покупатель: *Или назад/ или деньги принесу/ ага?*

Продавец: *Хорошо//*

Покупатель: *Спасибо//*

Приведем аналогичный пример в ситуации «Рынок»:

Покупатель (продавцу): *А мы щас пойдём пройдём магазины и придём/ не продавай тогда//*

Продавец: *Хорошо//*

Покупатель (обращается к дочери): *Так/ я могу записать тогда или у тебя есть деньги?*

Дочь покупателя: *Да я отдам деньги/ я могу щас отдать//*

Покупатель: *А/ ну мы можем потом занести//*

Такая ситуация возможна лишь благодаря фактору личного знакомства посетителя и продавца: выдача товара «под запись» основана лишь на доверии продавца покупателю, так как не закрепляется юридически. Возможность этой ситуации иногда находит отражение в эпиграфике сельских магазинов. Например, объявление на двери магазина: *В ДОЛГ НЕ ДАЁМ. Пиво продается с 9:00 до 22:00.*

Обусловленное фактором личного знакомства неформальное общение в стереотипных ситуациях маркируется определёнными языковыми средствами: использование местоимения *ты* и глагольных форм 2 лица единственного числа, особых форм обращений, особых формул приветствия и прощания и т.п. Например:

Покупатель: *Юль/ привет//*

Продавец: *Привет//*

Покупатель: *Что это?*

Продавец: *А/ там ученёнка//*

Покупатель: *Лен/ нам надо варежки/ есть у вас?*

Продавец: *Щас посмотрим//*

Покупатель: *А у тебя есть/ какое-нибудь есть/ Валь/ печенье/ типа сгущённое молоко-о-о/ или такое вот?*

В условиях города обращение на *ты* и по имени в подобной ситуации считается невежливым, нарушает границу между личной и неличной коммуникацией, однако в условиях сельской коммуникации такое обращение является вполне приемлемым.

Таким образом, специфика тематической организации сельских диалогов обусловлена влиянием сельского уклада жизни – прежде всего близостью селянина к природе, а также фактором личного знакомства. Это проявляется в наличии тем, типичных для общения

именно сельских жителей, и во включении личной жизни в диапазон тем, обсуждаемых в стереотипных ситуациях общения.

Неотделимость от природы прослеживается в пересечении гипертом сельских разговоров, а также в возникновении особых элементов в структуре сельских диалогов: инициальных реплик, которые связаны с цикличностью сельскохозяйственного календарного года.

Спокойный темп жизни селян влияет на структуру стереотипных ситуаций сельского общения, которая становится менее жёсткой по сравнению с городской коммуникацией. Это приводит к расширению их тематического диапазона, возможности включения темы личной жизни в диалоги, возникающие в стереотипных ситуациях сельского общения.

Список литературы

1. Земская Е.А. Городская устная речь и задачи её изучения // Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С. 5-44.
2. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 496 с.
3. Пауфошима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 41-48.
4. Помыkalova Т.Е., Шишкина Т.Я., Шкатова Л.А. Наблюдения над речью жителей г. Челябинска (к проблеме «язык города») // Городское просторечие. Проблемы изучения. – М.: Наука, 1984. – С. 162-173.
5. Русская разговорная речь: Тексты / Отв. ред. Е.Л. Земская, Л.А. Капападзе. – М., 1978.
6. Сибирякова И.Г. Опыт тематического анализа диалогического разговорного текста // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 61-78.

Чжэн Ин-Ин
Тамканский университет
Тайбэй, Тайвань

Cheng Yin-Yin
Tamkang University
Taipei, Taiwan

ВЫРАЖЕНИЕ ПРОСЬБЫ О РАЗРЕШЕНИИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

THE WAYS OF ASKING FOR PERMISSION IN RUSSIAN AND CHINESE

В статье рассматриваются языковые средства выражения просьбы о разрешении, такие как интонация, императив, частицы и др. в русском и китайском языках. На материале разговорного и художественного стилей речи автор проводит сопоставительный анализ, позволяющий выявить сходства и различия в выражении просьбы в указанных языках.

Ключевые слова: *просьба, просьба о разрешении, русский язык, китайский язык.*

The paper considers linguistic means of expressing the request for permission, such as intonation, imperative, particles, etc. in the Russian and Chinese languages. The author performs the contrastive analysis to identify similarities and differences in the ways of asking for permission in Russian and Chinese. The research material is sourced from the spoken language and literary works.

Key words: *request, request for permission, Russian, Chinese.*

Уже в начале 1950-х годов исследователями было отмечено, что при выражении волеизъявления следует учитывать такие признаки, как обязательность, заинтересованность, целесообразность выполнения действия, выражаемого говорящим. Просьба – наиболее сложный вид волеизъявления, когда говорящий заинтересован в выполнении выражаемого им действия. Говоря о просьбе, М.Г. Безяева пишет: «Просьба – это выражение желания говорящего, чтобы слушающий совершил то или иное действие, которое он может, но не должен, не обязан совершить, что, в свою очередь, зависит от его желания» [1, с. 219].

И в русском, и в китайском языках по значению и по средствам выражения различаются просьба о действии и просьба о разрешении: «Просьба о разрешении – это выражение желания говорящего совершить то или иное действие, которое он способен осуществить, в то время как возможность его осуществления зависит от желания слушающего» [Там же]. В просьбах о разрешении и о действии адресация относительно действия направлена по-разному: просьба о действии слушающего адресована ему самому, а в просьбе о разрешении желаемое действие планирует выполнить сам говорящий. Ср. примеры в таблице 1:

Просьба о разрешении	Просьба о действии
– Я откро ³ ю окно?	– Ва ² ня, / откро ³ й окно!
– Открой.	– Сейчас открою.

В просьбе о разрешении в реплике-стимуле часто употребляется модальное слово *можно*, после которого следует инфинитив, например:

- Могу я пойти в кино? (личное предложение) =
- Могут мне пойти в кино? (безличное предложение)
- Могут он пойдет с нами в кино? (личное предложение) =
- Можут ему пойти с нами в кино? (безличное предложение).

Как видно из примеров, в просьбе о разрешении в реплике-стимуле часто употребляется модальное слово *мо³жно* в личном и безличном предложениях. Безличные предложения усиливают компоненты смягчённости в просьбе. Аналогично ведут себя предложения со значением желательности типа *Я хочу..., Мне хочется..., Мне хотелось бы...*, где безличные предложения выражают желательность более мягко, менее категорично и определённо.

К синонимическим средствам выражения просьбы о разрешении относится употребление частиц *ла³дно?*, *хорошо³?*, *а³?*. Такое выражение просьбы в форме вопроса вносит оттенки смягчённости и выражает усиление предположения о согласии, выражает оттенок настойчивости. Из ряда частиц *ла³дно*, *хорошо³*, *а³* наиболее частотной является вопросительная частица *а³?*, стимулирующая ответное мнение собеседника:

- *Ма²ша, / я наде³ну твоё платье? А³?*
- *Ма²м, / мо³жно он пойдёт с нами? Ладно?*
- *Ни²на, / я задержусь на полчаса? Хорошо³?*

Модальные слова *могно* / *нельзя* создают разные градации при выражении категоричной и смягчённой просьбы. Рассмотрим употребление модальных слов *могно*, *могно ли* в просьбах о разрешении:

- *Мо³жно я открою окно? Очень душно.*
- *Мо³жно мне открыть окно?*

- *Мо³жно ли я открою наш секрет маме?*
- *Мо³жно ли мне открыть наш секрет маме?*

- *Мо³жно мне сдать экзамен/ попо²зже?*
- *Мо³жно ли мне / сдать экза³мен / попо²зже?*

- *А попо²зже/ мо³жно мне сдать экзамен?*
- *А попо²зже/ мо³жно ли мне сдать экзамен?*

В предложениях с *могно ли* частица *ли* создаёт возможности для интонационной синонимии. Ср.:

- *Мо³жно ли я зажгу свет?* =
- *Можно ли я зажгу све²т?* За моим столом уже плохо видно!

Аналогично:

- *Ма²м! Мо³жно ли я надену твоё платье?*
- *Можно ли мне надеть твоё пла²тье? Оно та²к / мне² / идё³т!*

ИК-2 требует изменения места интонационного центра и вносит оттенок категоричности, усиливающий просьбу.

Просьба о разрешении в репликах-стимулах может выражаться лексической формой императива *Позвольте/ разрешите* (с ИК-3) в сочетании с инфинитивом:

- *Позво³льте показать вам, как это делается.*
- *Хорошо¹. Пожалуйста, покажите. Буду рад узнать.*

- *Разреши³те вам помочь.*
- *Хорошо¹, помогите.*

- *Ма²м, разреши³ мне надеть твоё платье.*
- *Ну хорошо.*

Возможны и другие синонимичные конструкции:

Николай Петро²вич, если вы не возражаете, / мо³жно мне завтра приехать не к девяти³, а к двенад²цати дня?

(=Если вы позвольте, / мо³жно мне завтра приехать не к девяти³, а к двенад²цати дня?)

Николай Петро²вич, если вы не возражаете, / мо³жно мне завтра приехать не к девяти³, а к двенад²цати дня?

(=Если вы разреши³те, / мо³жно мне завтра приехать не к девяти³, а к двенад²цати дня?)

В предложениях с *Если вы не отрицание не* создаёт большую степень смягчённости.

Императивная форма глагола *позвольте* используется также при выражении вежливого несогласия, а также возражения в споре. И в этой функции *позвольте* синонимично *извините*. При этом средствами интонации выражаются разные оттенки:

Позво¹льте, здесь у вас есть противоречие (=Извини¹те, здесь у вас есть противоречие).

Возможны интонационные синонимы – ИК-2 и ИК-4:

– Позво²льте, это ведь другой ве²к.

– Позво⁴льте, но я должен вас огорчи²ть.

Перейдём к анализу состава ответных реплик. В данной работе рассматриваются разрешение и согласие как реплики в ответ на просьбу о разрешении и просьбу о действии. Итак, разрешение – это реакция на просьбу о разрешении, например: – *Можно вашу ручку?* / – *Бери!* Согласие – это реакция на просьбу о действии, например: – *Пожалуйста, принесите учебник.* / – *Хорошо, принесу.* При выражении просьбы о разрешении в репликах-реакциях используется форма императива. Она является грамматическим и семантическим признаком в составе реплик-реакций на просьбу о разрешении. При разрешении в репликах-реакциях используются слова, подчёркивающие согласие с разрешением: *хорошо, ладно, конечно*. Когда адресат просьбы испытывает внутреннее сопротивление согласию разрешить, выбор слов другой: *ну, хорошо; так и быть; ну, что с тобой поделаешь, так и быть* – эти выражения оформляют значение «допущения». Например:

– *Ма²м, я наде³ну твоё платье, ладно?*

– *Так и бы¹ть, наде¹нь, только не испа²чкай.*

– *Ма²м, / я схожу³ в кино?*

– *Да уж ла²дно, / иди²! Только не заде²рживайся!*

Ответные реплики, содержащие разрешение или, напротив, отказ, также имеют синонимические средства выражения. Ср. примеры в таблице 2:

Разрешение	Отказ
– <i>Ва²ня, / я прие³ду завтра к десяти? А³?</i>	– <i>Ва²ня, / я прие³ду завтра к десяти? А³?</i>
– <i>Ладно.= Хорошо</i> (полное согласие с ситуацией)	– <i>Ни в ко²ем случае! =</i>
– <i>Так и бы¹ть. Приезжай к десяти¹</i> (допущение такого варианта событий)	– <i>Не²т, нельзя²!</i>

Таким образом, в просьбе о разрешении и в лексических, и в интонационных средствах преобладают оттенки смягчённости. Менее частотно выражается оттенок категоричности (усиление предположения согласия и др.). Оттенки степеней категоричности имеют не только интонационное выражение, но также регулярно поддерживаются употреблением частиц *ладно?, хорошо?, а?*.

Следует отметить, что в Китае есть особая поведенческая культура ухода от прямого ответа, хотя некоторые современные китайцы считают, что при несогласии во время разговора было бы лучше прямо говорить *нет*. Но большинство китайцев, как и прежде, обычно избегают категоричного отказа в ответ на какую-нибудь просьбу или вопрос.

Китайцы выражают отказ мягко, не оскорбляя чувств собеседника, давая надежду собеседнику на продолжение контакта. Даже молчание для китайцев может означать отрицательный ответ. Вместо решительного отказа китайцы предпочтут извиниться за то, что не могут выполнить просьбу, или попытаются объяснить, почему они не могут это сделать. Еще один способ «ухода от прямого отказа» – перевести разговор на другую тему. Всё это может вызывать затруднения в межкультурном общении. Ниже даны примеры, демонстрирующие различия между русской и китайской коммуникативной культурой:

– *Нина Петровна, можно я завтра опоздаю минут на сорок?*

Мне нужно вызвать врача для мамы.

– *Ну, хорошо.*

По-русски в реплике-стимуле сначала идёт просьба, затем причина, а по-китайски на первом месте будет причина. Например:

– *Профессор Чжан, у меня было много работы, и потом я болела, нельзя ли мне сдавать экзамен попозже?*

– *Все должны сдавать экзамен одновременно со всеми (это отказ).*

Теперь рассмотрим, как сходные интенции передаются в китайском языке. Для выражения просьбы о разрешении и о действии в китайском языке есть особые конструкции, обусловленные его типологическими особенностями. Там, где в русском языке используются разные формы глагола (глагол совершенного вида, или глагол в форме императива, или глагол будущего времени), в китайском языке может стоять глагол в изолированном употреблении (без частиц).

С точки зрения семантики в китайском языке просьба о действии и просьба о разрешении различаются (так же как и в русском) главным образом тем, что просьба о действии обращена к собеседнику (к другому лицу), которому и предлагается совершить это действие, а просьба о разрешении хотя и обращена к другому лицу, но действие собирается выполнить сам говорящий.

Обратим внимание на то, что при выражении просьбы о разрешении в репликах-стимулах как в русском, так и в китайском языке чаще употребляется сходная конструкция, которая в китайском выглядит так: «讓 *rang* позволить, разрешить + местоимение 我 *wo* я, мне + глагол». При выражении вежливости в начале такой просьбы часто употребляется слово 請 *qing* пожалуйста. Например:

請 讓 我 過去。 *Qing rangwo guoqi. Разреши мне пройти* [букв.: Пожалуйста, разрешить я пройти].

Предложения, включающие конструкцию «讓 *rang* позволить, разрешить + местоимение 我 *wo* я, мне + глагол», передают значение «позвольте / разрешите сделать какое-л. действие», но имеют разговорный характер по сравнению с 准許 *zhunxi* / 允許 *yupxi*, передающими то же значение. Конструкция с 讓 *rang* позволить, разрешить при выражении просьбы о разрешении часто сочетается с выражениями 好嗎? *hao ma?* хорошо?, 好不好? *hao bu hao?* хорошо?, 行嗎? *xing ma?* ладно?, которые в какой-то мере соответствуют русским частицам ладно?, хорошо?, а?, сообщающим оттенок смягчённости, присутствующий в выражениях Если вы не возражаете..., Если вы не против..., Если можно.... Например:

– 讓我出去吸根煙, 好嗎? *Rangwo chiqi xiyan, haoma?* [Если можно] Я пойду покурю, хорошо?

– 讓我休息一下, 好嗎? *Rangwo xiuxiyixia, haoma?* [Если вы не против] Я немножко отдохну, ладно?

В предложениях с 讓 *rang* позволить, разрешить часто встречается частица 吧 (罷) *ba* (с лёгким тоном), которая передаёт оттенок смягчённости. Например:

– 讓我自己來吧 *Rangwo ziji lai ba* Позвольте, я сам [сделаю].

Обобщение сказанного представлено в таблице 3:

Китайская конструкция	Русский эквивалент
«讓我 <i>rangwo</i> позвольте мне + глагол» (разговорная)	<i>Позвольте/ разрешите</i> сделать какое-либо действие
«讓我 <i>rangwo</i> позвольте мне + глагол + 好嗎? <i>hao ma?</i> хорошо?/好不好? <i>hao bu hao?</i> хорошо?/行嗎? <i>xing ma?</i> ладно?/吧(罷) <i>ba</i> » (смягчённо-вежливая)	<i>Если вы не против, разрешите</i> сделать какое-либо действие. Хорошо?
«請 <i>qing</i> просить + 讓我 <i>rangwo</i> » позвольте мне+ глагол» (подчёркнуто вежливая)	<i>Пожалуйста, позвольте</i> сделать какое-либо действие.

В таблице 4 представлены примеры из художественной литературы:

Китайское предложение с «讓我 <i>rangwo</i> позвольте мне» и частицей «好不好? <i>hao bu hao?</i> хорошо?»	Русский перевод
— 曹先生, <u>讓我留著細看</u> , 下星期奉還, 好不好? <i>Cao xiansheng, rangwo liuzhe xikan, xia xingqi fenghuan, hao bu hao?</i> (錢鐘書・圍城).	— <i>Если вы позволите, я познакомлюсь с ними [стихами] на досуге и вернусь на следующей неделе</i> (Цянь Чжуншу. Осаждённая крепость. 1989).
Китайское предложение с «讓我 <i>rangwo</i> позвольте мне» и частицей <u>吧(罷)</u> <i>ba</i>	Русский перевод
— 你還要什么這些破爛木器, <u>讓我拿去罷</u> 。 <i>Ni haiyao shenme zhexie po lanmuqi, rang wo naqu ba</i> (魯迅・故鄉)	— <i>Да и на что тебе эта рухлядь? Отдай мне!</i> (в оригинале « <u>Разреши мне забрать</u> » +罷 <i>ba</i>) (Лу Синь. Родина. 1971).
阿發一面跳, 一面說道, 一“且慢, 讓我來看一看罷” <i>A fa yimian tiao, yimian shuodao, "qieman, rangwo lai kanyikan ba".</i> (魯迅・社戲)	<i>Погодите, я сейчас посмотрю!</i> – на ходу ответил А-фа (в оригинале « <u>Разреши мне посмотреть</u> » +罷 <i>ba</i>) (Лу Синь. Деревенское представление. 1971).

Итак, как в русском, так и в китайском употребление частиц *хорошо?*, *ладно?*, *а?* – *好不好?* *hao ma?* *хорошо?*, *好不好?* *hao bu hao?* *хорошо?*, *行嗎?* *xing ma?* *ладно?*, а также частицы 吧(罷) *ba* выражает обращение к мнению собеседника и передаёт усиление предполагаемого согласия в ответ на просьбу о разрешении.

В китайском языке конструкция «准許 *zhunxi* /允許 *yupxi* + глагол» эквивалентна соответствующим русским «позвольте/ разрешите что-то сделать». В предложениях, выражающих просьбу о разрешении, также возможно употребление 請 *qing* просить, пожалуйста в знак вежливости. Например:

— 請准許我早點離開. *Qing zhunxi wo zaodian likai.*

Пожалуйста, позвольте мне уйти пораньше.

— 請允許我再保留這本書三天 *Qing yupxi wo zai bao liu zhe ben shu san tian.*

Пожалуйста, позвольте мне подержать эту книгу у себя ещё 3 дня (более вежливо, смягчённо).

— 請准許我說明個人立場. *Qing zhun xi wo shuo ming ge ren li chang.*

Пожалуйста, разрешите мне объяснить свою позицию.

В подобных предложениях содержатся компоненты официальности и вежливости, которые сообщают высказываниям смягчённо-вежливый оттенок.

При выражении несогласия 准許 *zhunxi* /允許 *yupxi* /讓 *rang* позволь(me) в китайском языке используются редко, в такой ситуации чаще употребляется 對不起 *duibuqi* извини(me). Например:

— 對不起, 你說的是什麼呀? *Duibuqi, ni shuode shi shenme ya?*

— Извини, что такое ты говоришь?

— 對不起, 我不同意您的看法 *Duibuqi, wo bu tongyi nin de kanfa.*

—Извините, я с вами не согласен.

Кроме того, в китайском языке при выражении просьбы о разрешении и о действии широко употребляется конструкция «модальное слово + глагол». Модальные слова 想 xiang / 要 yao хотеть, 会 hui / 能 neng мочь, 可以 keyi можно, мочь, 應該 yinggai должен / должна / должны, необходимо и др. выражают способность, возможность, необходимость или желание совершить действие. В предложении модальное слово всегда сочетается с другим глаголом и образует с ним составное глагольное сказуемое [2, с. 22-25].

Из вышеприведённых модальных слов выделим 能 *neng* мочь и 可以 *keyi* можно как наиболее частотные компоненты при выражении просьбы о разрешении и о действии.

В китайском языке просьба о разрешении отличается от русского меньшей степенью дифференциации средств выражения. Русские предложения с *можно мне...* и *можно я...* не различаются в китайском языке. Ср. примеры в таблице 5:

Китайские предложения	Русские эквиваленты
(我)可以(能)進去嗎? (Wo) <i>keyi (neng) jinquma?</i> (букв. Можно (я) войти + <i>ma</i> ?)	<i>Можно я войду?</i>
我)可以(能)進去嗎? (Wo) <i>keyi (neng) jinquma?</i> (букв. Можно (я) войти + <i>ma</i> ?)	<i>Можно мне войти?</i>

Как видно из таблицы, китайские модальные слова часто сочетаются с вопросительной частицей 嗨 *ma*. При выражении более смягчённой просьбы о разрешении в китайском используется «您 *nin* / 你們 *nimen* / 你 *ni* вы /ты + модальный глагол +讓 *rang* / 准許 *zhunxi* / 允許 *yupxi* позвольте / разрешите + местоимение 我 *wo* я, мне + глагол». В таблице 6 представлен пример из художественной литературы:

Китайский оригинал	Русский перевод
<p>—「您能讓我進去嗎？」</p> <p>— <i>Nin neng rang wo jinqu ma?</i> (王蒙・惶惑) (Вы + möçb + rang + я + войти+ ma)</p>	<p>— <i>Вы позволите пройти к вам?</i> (Ван Мэн. Смятение. 1988).</p>

Отметим, что в связи с тем, что в китайском языке лишь одна форма глагола, вежливость передаётся с помощью употребления местоимения *Вы*.

Таким образом, в китайском языке средствами выражения просьбы о разрешении являются предложения с «讓 *rang* / 准許 *zhunxi* / 允許 *yunxi* + глагол» и сочетания с модальными словами «可以 *ke yi* / 能 *neng* + глагол». Разные оттенки вежливости, смягчённости или категоричности передаются частицами 好嗎? *hao ma?* 行嗎? *xing ma?* 好不好? *hao bu hao?* 吧 *ba*, а также местоимением 您 *nin* Вы.

Что касается ответных реплик, то в них при выражении разрешения употребляются следующие слова: *好 hao*, *行 xing*, *當然 dangran*, *可以 ke yi*. Эти слова обычно переводятся как *хорошо*, *ладно*, *конечно*, *можно*. Например:

—媽,我可以去同學家玩嗎? Ma, wo keiyi qu tongxuejia wan ma?

Мам, можно мне пойти к подруге в гости?

=好!去吧! *Hao, qù ba. Хорошо! Иди!*

Обратим внимание на то, что в репликах-реакциях употребление частицы 吧 *ba* при глаголе создаёт оттенок поощрения (смягчённости).

В ситуации затруднения в китайском языке так же, как и в русском, используются слова со значением «ну», «ладно», «хорошо»: 好! *hao* или выражение 就這樣! *jiu zheyang!* *так и быть.* Например:

那, 去吧! *na, quba!* *Ну, иди!, Ну, хорошо, иди!, Ну, ладно, иди!*

就這樣, 去吧! *jiu zheyang, quba!* *Так и быть, иди!*

Такие средства добавляют реплике оттенок допущения. Частица 吧 *ba* может употребляться и при словах 好 *hao*, 行 *xing*, 就這樣 *jiu zheyang*, которые означают «хорошо», «ладно», «так и быть». Например: 好吧 *hao ba*, 行吧 *xing ba*, 就這樣吧 *jiu zheyang ba*.

В таблице 7 представлены примеры из художественной литературы:

Китайский оригинал	Русский перевод
但他終於沒有說，他歎了口氣，說：「好吧。」 <i>Dan ta zhongyu meiyoushuo, ta tan le kouqi, shuo :</i> “ <i>haoba</i> ” (王蒙 • 惶惑)	<i>Но ничего этого так и не сказал, а лишь вздохнул:</i> — <i>Ну, хорошо.</i> (Ван Мэн. Смятение. 1988).
—大家只好說: 好, 你愛站, 站吧。 <i>Dajia zhihao shuo: hao, ni ai zhan, zhanba</i> (丁玲 • 太陽照在桑乾河上)	<i>Патруль, наконец, сдался:</i> — <i>Ладно, стой, если тебе нравится!</i> (Дин Лин. Солнце над рекой Сянган. 1952).

Таким образом, просьба о разрешении в китайском языке и просьба о разрешении в русском языке совпадают по ситуативным, семантическим и стилистическим признакам, но различаются степенью дифференциации средств выражения и употреблением отдельных форм.

Список литературы

1. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. – М., 2002.
2. Горелов В.И. Грамматика китайского языка. – М.: Просвещение, 1974.

Список источников материала

1. Ван Мэн. Смятение // Современная китайская проза. – М.: Радуга, 1988.
2. Дин Лин. Солнце над рекой Сянган / Пер. с кит. и предисловие Л. Позднеевой. – М.: Художественная литература, 1952.
3. Лу Синь. Повести. Рассказы. – М.: Художественная литература, 1971.
4. Цянь Чжуншу. Осаждённая крепость. Роман. Рассказы / Пер. с кит. В. Сорокина. – М.: Художественная литература, 1989.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

RUSSIAN LITERATURE IN A POLYCULTURAL CONTEXT

Ай Хуэйжун

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Ai Huirong

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

ФОНОГРАММА КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ АВТОРСКОГО ГОЛОСА В ПЬЕСЕ А.Н. АРБУЗОВА «ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА»

SOUNDTRACK AS AN EXPRESSION OF THE AUTHOR'S VOICE IN A.N. ARBUZOV'S PLAY "THE WINNER"

Присутствующая в пьесе А.Н. Арбузова «Победительница» фонограмма является важным средством выражения авторской идеи. Включенные в фонограмму звуки показывают, что люди живут в мире разнонаправленных сил, и какая из них победит в душе, в жизни человека – зависит от него самого и его близких.

Ключевые слова: «Победительница», А.Н. Арбузов, фонограмма, авторский голос, любовь.

The soundtrack used in A.N. Arbuzov's play "The Winner" is an important means to express the author's idea. The sounds included in it show that people live in a world of multidirectional forces. So the question of which force will win the person's soul, or life, depends solely on people and those closest to them.

Key words: "The Winner", A.N. Arbuzov, soundtrack, author's voice, love.

Будучи одним из самых известных драматургов Советского Союза, А.Н. Арбузов (1908-1986) создал многочисленные пьесы, которые принесли ему широкую известность не только в СССР, но и за рубежом. В Китае Арбузов был самым переводимым и репертуарным советским драматургом. Спектакли, поставленные по его произведениям, до сих пор вызывают интерес у зрителей.

Пьеса «Победительница» была написана Арбузовым в 1983 году к его 75-летию и стала предпоследней пьесой автора. В ней драматург вернулся к мотивам вины, предательства, к которым он обращался в пьесах разных периодов своего творчества. Неслучайно критик С. Шадронов назвал эту пьесу женской версией «Счастливых дней несчастливого человека» (1967) [4]. Литературовед И.А. Биккулова справедливо отметила, что в 1980-е годы А.Н. Арбузов и другие советские драматурги неизменно обращались «внутрь души человеческой и с беспокойством фиксировали, пытались объяснить процесс нравственного разрушения общества, девальвацию "морального кодекса строителей коммунизма"» [3, с. 370].

Стремясь показать современность, Арбузов до последних дней жизни не переставал искать новые средства выразительности. В «Победительнице» присутствует особый образ – фонограмма, которая выступает в качестве фона, на котором разворачивается действие пьесы. В отличие от хора, состоящего из хоревтов-современников, живущих в одном городе (или стране), и представляющего их общее мнение, фонограмма включает звуковые фрагменты жизни и сознания людей из настоящего и прошлого, из разных уголков мира. Эти звуки создают своеобразный коллаж человеческого существования, который представляет общее состояние современного общества. Поэтому из фонограммы не вычленяются чёткие позиции каких-то социальных групп, это только куски отдельных явлений, феноменов. Их содержание, назначение во многом зависят от поворотов сюжета пьесы и воплощённой в ней идеи драматурга.

Сюжет пьесы «Победительница» построен на чередовании сцен-диалогов главной героини Майи Алейниковой с разными людьми в настоящем и сцен её воспоминаний. По ходу действия постепенно открывается то, что Майя потеряла в погоне за карьерой. В пьесе параллельно развиваются две линии: линия самооценки Майи и оценки окружающих её людей и линия её отношений с Кириллом. Эти линии пересекаются и объединяются судьбой героини, которая в день своего сорокалетия переосмысливает прожитую жизнь и осознаёт, что эта жизнь прошла не так, как когда-то мечталось.

С Кириллом Майя испытывает радость, потому что взаимная любовь скрашивает её повседневное существование. Но в то же время любовные отношения мучают героиню. Кирилл – очень талантливый человек, способный добиваться успеха без видимых усилий. Но это невозможно для Майи, человека энергичного, но не талантливого. После того как Кирилл раскрывает ей свои догадки о миграции некоторых птиц в северные районы, Майя отчаянно осознаёт, что между её исследовательскими способностями и амбициями существует непреодолимая пропасть. Поэтому она предаёт Кирилла, отдав конспект его работы научному руководителю, у которого было право решить, кто поедет в экспедицию. Преследуя корыстные цели, Майя изменила Кириллу с профессором и завела с ним роман. Предательство привело к их разрыву с Кириллом.

Майя (робко). Вечером увидимся?

Кирилл. Ни за что! Вечером я уезжаю. Велено.

Майя. Надолго?

Кирилл. Ого! Еще бы. (Долго молчит.) Эх ты, тетка. Милая моя. (Резко.) Все. (Уходит.) [1, с. 150].

Сюжетная линия воспоминаний Майи показывает нам, что она потеряла в погоне за карьерным успехом. Сюжетная линия, развивающаяся в настоящем времени, также построена как будто на отрицательной оценке её поступков: растеряла к сорока годам близких, не состоялась как учёный. На юбилее все восхищаются только её талантом организатора, её мужскими качествами.

Игорь. Что поделаешь, они попали в ваши, теперь уже почти мужские, руки.

Майя. Хватит, дорогой, этого я и за обедом наслушалась с избытком [1, с. 144].

Всё сложилось так, как будто судьба подшутила над Майей: она добилась успеха не в науке, к чему так расчётливо стремилась, пытаясь подтвердить свои способности, а в административной деятельности.

Критики расходятся в оценке поступков Майи. Некоторые из них трактуют её действия в русле эмансипации женщин – такой точки зрения придерживаются российский литературовед Н.С. Щербакова, известная китайская писательница Чжан Канкан. По мнению Чжан Канкан, пьеса вскрыла конфликт между освобождением женщины в современном обществе и социальными требованиями к ней, и победительница стала жертвой этого конфликта [5, с. 356].

Ближе к финалу пьесы становится понятно, что автор не спешит выносить приговор своей героине. Перед отправлением в экспедицию у Майи появляется мысль остаться с Кириллом, она не хочет больше предавать его ради корыстных целей:

Майя. Я никуда не поеду! (Кричит.) Я остаюсь с тобой!

Кирилл. Нет! Твой поезд трогается – беги же! И будь счастлива... Будь свободна! [1, 159].

По версии Арбузова, свобода, которую получает Майя от Кирилла, – дар истинно любящего человека. И пусть путь Майи был полон ошибок и предательств, она прошла его сама, сознательно делая свой выбор. В конце концов, узнав о смерти Кирилла, Майя сама себя осудила. А раз она смогла осознать свою вину, значит, её голос заслуживает того, чтобы звучать некоей оппозицией в диалоге любви и расчётливой выгоды, которая губит мир.

Майя. А теперь успокойся – его нет /.../ Теперь ни перед кем не виновата. Его тень – болтуна, насмешника, говоруна... Единственного. Моего. (Тихо, с недоумением.) Перед кем упасть на колени? Кого умолять о прощении? (Молчит долго.) [1, с. 158].

В мире борьбы между любовью и оскудением душ и природы сражаться с тёмными чувствами в душе бесталанного, но энергичного человека способна, полагает Арбузов, только любовь. Эта идея приобретает силу обобщения и громкое звучание за счёт включения в пьесу фонограммы, которая расширяет границы художественного мира Арбузова.

Анализируя фонограмму, мы можем выделить фрагменты, имеющие прямое или косвенное отношение к Майе и окружающим её людям. Они напоминают важные события в жизни героев, одновременно включая их в общее течение жизни, в общий мировой поток.

В фонограмме повторяются два вокальных объявления, которые откликаются на важные события в жизни героини. Одно – о девушке с дорожным чемоданчиком, которую Майя встретила в свой первый день в Москве. Это напоминание о жизненной цели и предупреждение о возможном жизненном крахе. Второе – о прибытии поезда «Мурманск – Москва». Именно этот поезд привёз студентов из экспедиции, в которую Майе удалось попасть благодаря предательству любимого человека. Поезд должен был привезти её к Кириллу для вечного счастья, а оказалось, привёз к их вечной разлуке. Это постоянное напоминание Майе о её предательстве.

В каждой фонограмме звучит шёпот прощающихся влюблённых на разных языках – это постоянное напоминание о разлуке Майи с любимым.

Шепот: «И ты меня не оставил? Никогда не оставил?..»

Шепот: «Тю не мэ китэ? Тю нэ мэ китера па?..» [1, с. 140]

Эти шепчущие голоса отличаются друг от друга, их партии развиваются и в совокупности создают сцену прощания влюблённых: молодой человек или девушка уговаривает любимую или любимого остаться, но не удаётся, у них больше не будет встреч и писем:

Шепот: «Процай, больше никогда...» «Адью жаме плю...» «Гуд бай нэвар эгейн... Нэвар эгейн...» [1, с. 149].

Каждое появление фонограммы тесно связано с развитием состояния сознания героини, всякий раз фонограмма даёт стимул к следующему воспоминанию или обобщение предыдущей сцены. Можно сказать, в этих звуках отражаются важные этапы работы сознания Майи.

О сновиденье, злое сновиденье!

Как ты могло так друга отпустить.

Теперь, когда он явится, молю я,

Буди меня и задержи его... [1, с. 146]

Это корейское стихотворение изображает чувства девушки, которая волнуется за то, что влюблённый больше не приходит. Оно появляется как раз после эпизода воспоминаний Майи о признании Кирилла в новых научных открытиях. Далее мы узнаём, что героиня отдала его работу научному руководителю, хотя в пьесе такой сцены нет. Всё беспокойство Майи после совершённого ею нечестного поступка получает отражение в этом стихотворении. Фонограмма не принимает прямого участия в развитии сюжета, но служит сигналом, средством перехода от сцены в настоящем к сцене в прошлом и наоборот.

В фонограмме постоянно звучит мотив браконьерства, с помощью которого автор показывает степень падения морально-нравственных устоев общества, конфликта человека и природы: нечестное отношение к природе приводит к нарушению экологии, а нечестное отношение к людям приводит к предательству.

Майя виновата не только перед Кириллом. Между будущим ребёнком и престижной работой в институте беременная Майя выбрала второе. Этому созвучна фонограмма, которая появляется между сценами диалогов Майи и Шестовского:

«В этот торжественный час, на основании кодекса о браке и семье нашей республики, по воле родителей нарекается именем Алексея. Пусть же его свершения на земле станут украшением этого имени». Моцарт. Реквием. Вступительные такты Лакримоза. «Раух!.. Цурюк! Хальт! Штейт ауф!».

Торжественная церемония наречения младенца, скорбный «Реквием», крики немецких солдат вызывают остро противоречивые ощущения, оказывают сильное эмоциональное воздействие на зрителей. Они в какой-то степени помогают понять, почему Шестовский не мог простить Майю. Сливаясь, эти голоса показывают разнообразие и противоречивость нашего мира: когда в одном месте рождается новая жизнь, в другом месте наступает смерть. Крики гитлеровских солдат напоминают о страданиях всего человечества, о том времени, когда жизни людей всего мира угрожала опасность.

Таким образом, в пьесе существует два мира – узкий, в который включены только Майя и её близкие, и широкий, всеобъемлющий, состоящий из бесчисленных узких миров. И каждая случайная судьба, подобная судьбе Майи, в конце концов стекает в общий водоворот человечества:

*Наша жизнь – росинка,
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь.
И всё же... [1, с. 151].*

Мы видим, что звуки в составе фонограммы создают диалоги мировых голосов-сознаний, из которых можно выделить два мотива, два противоположных направления. Одни голоса воспроизводят песни, стихи о любви, о природе, обрывки объяснений в любви на разных языках, мольбу мальчика найти его любимого щеночка, то есть всё, что связано с любовью, с рождением новой жизни:

Диск «Чертово колесо» в исполнении Муслима Магомаева: «А я лечу, лечу снова И кричу одно слово: «Я люблю!» Эх! И кричу, И вновь лечу...» [1, с. 140].

Другие голоса – о том, что разъедает людские души и способствует оскудению, деградации природы: это брачное объявление с указанием желаемого возраста и места проживания кандидата в спутники жизни; газетные заметки типа «Смог губит всё живое»; это «Хальт! Хальт! Хенде хох!» [1, с. 156, 153], столь памятные поколению, пережившему Великую Отечественную войну.

Оба направленияозвучны сценам из жизни Майи, приехавшей в Москву, чтобы стать биологом, и предающей ради карьеры любимых людей. И все звучащие мотивы подключаются к строчкам Данте, которые являются вечным напоминанием всем живущим об ответственности за прожитую жизнь:

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу [1, с. 140].*

Фонограмма отражает живую картину общества 1980-годов. Два мотива показывают две борющиеся тенденции, под влиянием которых живёт человек – сознательно или бессознательно. Незаметное влияние заставляет человека сделать собственный выбор, который отвечает духу времени.

Как драматург, живущий современностью, Арбузов не мог не откликаться на актуальные социальные проблемы. Он понимал, что политические, экономические, научно-технические изменения бросают вызов человеческой морали, духовности. Ложь, корысть стали типичными явлениями в обществе. Он пытался сказать об этом, конкретизируя эти процессы в истории Майи. Именно поэтому литературовед М.И. Громова определила жанр данной пьесы как притчу-исповедь [2, с. 16].

Звучание фонограммы заставляет нас почувствовать и осознать, что люди живут в мире разнонаправленных сил, и какая из них победит в душе, в жизни человека, зависит от него самого и его близких. Присутствие фонограммы в пьесе Арбузова раздвигает границы психологической драмы, придаёт ей более громкое социальное звучание, позволяет драматургу выразить свою позицию, своё отношение к жизни в оригинальной художественной форме.

Список литературы

1. Арбузов А.Н. Победительница // Театр. – 1983. – № 4. – С. 139-159.
2. Громова М.И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. – М.: Наука, 2009. – 218 с.
3. История русской литературы XX века: в 4 т. / Л.Ф. Алексеева, И.А. Биккулова, Т.Н. Маркова и др.; Под ред. Л.Ф. Алексеевой. – М.: Высшая школа, 2008. – Кн. 4: 1970-2000 годы. – 488 с.
4. Шадронов С. Темные туманности: Алексей Арбузов «Воспоминание», «Победительница», «Виноватые» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://users.livejournal.com/-arlekin-/2854017.html>
5. 张抗抗. 追述中的拷问. – 北京: 海关出版社, 2008 年. Чжан Канкан. Допрос в воспоминаниях. – Пекин: Таможенное изд-во, 2008. – 375 с.

Бузуев О.А.

*Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
Комсомольск-на-Амуре, Россия*

Визуев О.А.

*Amur State Humanitarian Teaching Institute
Komsomolsk-on-Amur, Russia*

«РУССКИЙ МИР» ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭМИГРАЦИИ: ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

“RUSSIAN WORLD” OF THE FAR EASTERN EMIGRATION COMMUNITY: THE EXPERIENCE OF NATIONAL IDENTITY PRESERVATION

В статье актуализируется проблема изучения литературного наследия дальневосточной эмиграции в контексте становления и развития отечественной культуры XX века. Основное внимание уделяется опыту сохранения «русского мира» в условиях иноязычной культуры, становлению и развитию национального самосознания литературной эмиграции в сложных геополитических условиях дальневосточного фронтира.

Ключевые слова: *эмigration, literature and culture, Russian emigration community, Far Eastern foreign periodicals, A.S. Pushkin, "Day of Russian culture", Russian World, national identity, ideological and aesthetic strands.*

The article highlights the issue of the literary heritage of the Far Eastern emigration community in the context of formation and development of the Russian culture in the 20th century. The main focus is on the experience of preserving the Russian national identity in foreign cultural environment and development of national self-awareness of emigration community in complex geopolitical conditions of the “Far Eastern frontier”.

Key words: *emigration, literature and culture, Russian emigration community, Far Eastern foreign periodicals, A.S. Pushkin, "Day of Russian culture", Russian World, national identity, ideological and aesthetic strands.*

Политические реалии последних десятилетий убедительно доказывают, что историческая значимость «русского мира», идейно-нравственного и духовного багажа отечественной культуры, накопленного в различные периоды её становления и развития, по-прежнему востребованы современниками как неоценимый опыт сохранения национального самосознания, национальной идентичности, патриотизма в самом широком понимании этого слова.

Конец XX и начало XXI веков стали закономерным итогом поисков системных подходов в освоении творческого наследия русского зарубежья в целом и его дальневосточной ветви в частности. По мере накопления и научного осмысливания литературно-художественного и критического материала, на фоне обзорно-аналитических трудов и энциклопедических изданий всё более заметное место занимают исследования локальной направленности, а также научные труды, в основу которых положен комплексный подход к осмысливанию дальневосточной эмиграции. Ярким примером является вышедшая в 2015 году коллективная монография «Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира», исследующая научную, религиозную, литературную, архитектурную жизнь русского Харбина [3].

В настоящее время есть все основания говорить об общественно-культурной жизни русского зарубежья Дальнего Востока как о значительной региональной составляющей национальной культуры XX века, уникальной пограничной «восточно-западной» форме субкультуры российской эмиграции «первой волны». Феномен дальневосточной эмиграции определялся сложными геополитическими условиями ее формирования и развития: непосредственной близостью к границам советской России, связью с традициями многонационального населения, проживающего в Харбине со дня его основания, с одной стороны, и иноязычным окружением, с другой. Многонациональная культура русскоязычного населения Харбина и Шанхая стала основой для духовного и

интеллектуального развития эмиграции, обусловленной политическими событиями в России. Как известно, революционные потрясения в полной мере испытали на себе все народы, населявшие Российскую империю, что и определило многонациональный характер российского беженства.

Вопреки постоянно усложняющейся политической ситуации на Северо-Востоке Китая эмигрантская научная и творческая интеллигенция, духовенство предпринимали действенные шаги на пути сохранения национальных культур, которые в свою очередь развивались на основе художественных ценностей, привнесённых составляющими её этническими диаспорами. Всё это в значительной степени определяло специфику формирующегося в этих условиях общественно-культурного процесса. Его развитие проходило в русле общих для всей российской эмиграции «первой волны» тем и идей, идеино-эстетических исканий наиболее влиятельных течений и объединений («Зеленая лампа», «сменовеховство», «евразийство» и т.д.). Наряду с другими важными проблемами тема эмиграции изначально стала главной, жизненно важной для сотен тысяч беженцев из советской России, в интеллектуальной среде она наиболее полно нашла свое выражение в философии и литературе. Дальневосточная «литература в изгнании» в этом смысле не была исключением, она пыталась осмысливать трагедию эмиграции всесторонне: обращаясь к ее причинам и предполагая возможное будущее.

Оценивая роль и место дальневосточных центров русского зарубежья в системе русского рассеяния, важно отметить следующее.

К моменту появления основной массы беженцев в Харбине и Шанхае была создана отложенная образовательная и общественно-культурная инфраструктура, послужившая базой для её дальнейшего развития прибывшими эмигрантами.

Харбин, в отличие от Шанхая, был в этом смысле в более выгодном положении: здесь проживала основная часть русскоязычного населения Китая, строители города и КВЖД, которые не чувствовали себя эмигрантами. Их повседневная жизнь, образовательная и культурная деятельность создавали особую атмосферу русского «уездного» города, тогда как Шанхай оставался многонациональным китайским городом и русская колония в нём была в определённой степени изолирована, жила своей жизнью и своими интересами.

Как центры дальневосточной эмиграции Харбин и Шанхай формировались в сложных политических условиях, и это в значительной степени обусловило их роль и место в системе русского рассеяния. Находясь на периферии этой системы, они, тем не менее, сохраняли своё значение «оплота» духовности и национального самосознания в русском зарубежье.

Отличительной особенностью дальневосточной эмиграции было то, что для многих беженцев Харбин и Шанхай стали лишь временными «полустанками» на дальнейшем пути в Европу, Америку и Австралию. При этом следует учитывать, что зачастую эмигранты (в том числе и творческая интеллигенция) покидали достаточно благополучные и обжитые островки русского быта вопреки своему желанию, подчиняясь обстоятельствам. Одной из главных причин миграции была всё более усложняющаяся политическая обстановка в северной Маньчжурии, характеризующаяся локальными войнами, борьбой различных стран, политических партий и национально-патриотических движений за сферы влияния в регионе.

Географическая удалённость дальневосточных центров эмиграции от западных, в интеллектуально-художественном отношении более мощных и влиятельных, порождала определённый «комплекс неполноценности» у эмигрантов, стремившихся, как и все беженцы из России, сохранить свою национальную самобытность, не раствориться в иноязычном окружении. Однако это не исключало их огромного интереса к древнейшей китайской культуре, литературе и философии. Этот интерес выливался в не потерявшие до настоящего времени своей актуальности практические исследования русских синологов, переводчиков, натуралистов, географов и т.д., основная масса которых прибыла с первой беженской волной из научных центров западной части России, Сибири и российского Дальнего Востока.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что роль дальневосточных центров эмиграции еще только начинает определяться в полном объеме – по мере постижения и изучения богатого культурного наследия, оставленного представителями творческой интеллигенции.

Издательская политика в среде русскоязычного населения Северной Маньчжурии начала формироваться с момента основания Харбина и постройки КВЖД. Наряду с библиотеками и периодикой, книжные дома и издательства «русского Китая» осуществляли свою культурную миссию в среде эмигрантов и советских служащих КВЖД, различных этнических диаспор, определявших многонациональный характер дальневосточного зарубежья.

Динамика ценностных ориентаций представителей творческой интеллигенции Харбина и Шанхая во многом определялась сложностью геополитических условий, в которых на протяжении трёх десятилетий формировалась духовная и интеллектуальная составляющие русского дальневосточного зарубежья.

Большую роль в этом процессе играли литературные общества, объединявшие в своих рядах как прозаиков, поэтов, драматургов, так и филологов, учёных, изучающих Восток, и переводчиков. Большая часть из них стала печататься после эмиграции в Китае. Находясь в эмиграции, русская интеллигенция не порывала связей с отечественной литературой и культурой. С одной стороны, русская литература служила для них духовной поддержкой, с другой – издание русских произведений было средством материальной поддержки.

Принимая во внимание условность любой попытки «периодизации» сложного и неоднозначного процесса, отметим справедливость обращения к дореволюционной истории Харбина. Постепенно складывающаяся общественно-культурная среда создавала особую «евразийскую» атмосферу, в которой формировалось толерантное отношение как к коренному населению Северо-Востока Китая, так и к различным этническим диаспорам, сложившимся со дня основания города и в пореволюционное время.

Таким образом, дальневосточная эмигрантская интеллигенция, ощущая генетическое родство с многонациональной российской культурой, продолжающей после 1917 года развиваться в условиях эмигрантской жизни, имела, в отличие от западноевропейской эмиграции, уникальную возможность непосредственно соприкоснуться с древнейшей восточной культурой. К сожалению, контактные связи эмигрантской и китайской научной и творческой интеллигенции не были устойчивыми.

В то же время в творчестве отдельных представителей литературы русского зарубежья Дальнего Востока (Я. Аракин, Н. Светлов, П. Шкуркин) тяготение к китайской культуре, истории, философии было совсем не случайным, а вполне закономерным явлением, и поэзия того же В. Перелешина яркий тому пример.

Субъективное восприятие жизни русских в Харбине отразилось прежде всего в мемуарной литературе. Достаточно назвать автобиографическую прозу А. Вертиńskiego, З. Жемчужной, В. Перелешина, Н. Ильиной, Ю.В. Круценштерн-Петерец, В.Н. Иванова, В. Петрова, Е. Рачинской, Вл. Слободчикова, Л. Хайндравы. В воспоминаниях этих и других авторов очень много ценных свидетельств очевидцев и участников канувших в Лету, как и сам «русский Харбин», событий. В них также отмечается огромная роль, которую играла литературная и культурная деятельность в жизни русских эмигрантов, в процессе их духовного развития и сохранения национального самосознания.

В этом смысле практически весь корпус автобиографической прозы восточной ветви эмиграции в проблемно-тематическом и жанрово-стилевом аспекте не сильно отличался от наиболее заметных произведений западной эмигрантской мемуаристики, хотя и имел свою формальную и содержательную специфику. Думается, что тезис о значимости творческой и, в частности, литературной деятельности в жизни русских эмигрантов в процессе их духовного развития и сохранения национального самосознания остаётся определяющим в общем направлении формирования содержательной части этого жанра в зарубежье.

Многонациональный состав населения Харбина играл в этом процессе особую роль. История этнических диаспор в Харбине – явление специфическое и, несомненно, нуждается в специальном изучении. На основе архивных материалов и воспоминаний бывших харбинцев можно получить ценную информацию о принципах и организации воспитания и образования в школах и высших учебных заведениях, о культуре и быте и т.д. Поддерживая свою национальную самобытность, каждая из диаспор объективно сохраняла связь с общероссийской многонациональной культурой, и при этом средством межнационального общения почти всегда был русский язык. Духовные начала различных культур сохраняли религиозные центры, просветительская работа. Практически при каждой общине имелись школы и классы по изучению родного языка, библиотеки с национальной литературой, выходили периодические издания, работали литературные и другие творческие кружки, устраивались национальные вечера.

Необходимо особо отметить роль конфессиоанальных общин российских этнических диаспор в формировании толерантных отношений в эмигрантской среде [6]. Многие из них начинают свою историю со дня основания города Харбина. Религиозная и национальная терпимость изначально определяли основное направление развития общественно-культурной жизни этой далекой окраины Российской империи, в которой, как известно, с терпимостью к нерусским этническим группам было не все благополучно. Этническая идентичность переселенцев, строителей города и КВЖД, а затем и беженцев из России, проявлялась в различных формах общественно-культурной жизни, религиозной, политической, патриотической деятельности. Во многих случаях религиозная деятельность этнических диаспор (украинской, еврейской, грузинской, польской, латышской, татарской, армянской, немецкой и др.) являлась духовной основой сохранения толерантных отношений в многонациональном сообществе.

Значительное место в этом процессе принадлежит еврейской духовной общине (ХЕДО), центральному правлению тюрко-татарских общин (Меркез), Армянскому национальному обществу, Римско-католическому благотворительному товариществу, украинскому религиозно-просветительскому обществу «Покровское братство».

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что исторический опыт сохранения толерантных межнациональных и межэтнических отношений, накопленный дальневосточной эмиграцией, в полной мере может быть востребован и использован в процессе дальнейшего становления и развития современного дальневосточного социума.

Особое место в истории зарубежья занимает харбинская журналистика, работа городских библиотек и издательств. Почти все исследователи, затрагивающие эту тему, указывают на стремительный рост литературно-издательского дела в интересующий нас период (1920-30 годы) (так, например, наиболее известное издательство М.В. Зайцева за 10 лет своей деятельности выпустило около 150 книг).

Как свидетельствуют библиографические указатели М.С. Тюнина (1927 и 1936 годов), если в 1917 году в Харбине издавалось 13 русских газет и журналов, то с конца 1920-х – начала 1930-х годов выходило 298 различных по своей направленности газет и журналов. Среди наиболее популярных были газеты «Гун-Бао», «Заря», «Рупор», «Восток», «Русское слово», журналы «Луч Азии», «Рубеж». Активно создавались кружки и литературные объединения (наиболее известное из них – «Чураевка»), проводились «Дни русской культуры», отмечались трагические и знаменательные даты («Гумилевский сборник» с подзаголовком «Поэты Харбина в память кровавой даты умерщвления большевиками Н.С. Гумилева», чествование И. Бунина в связи с присуждением ему Нобелевской премии) и др.

Исключительная роль в становлении и развитии эмигрантской прессы принадлежала однодневным выпускам «День русской культуры», посвящённым одноименному празднику, приуроченному ко дню рождения А.С. Пушкина⁷.

⁷ «День русской культуры» (Харбин) – однодневный выпуск. Тираж 1000-1500 экз. Ответственный редактор – В.И. Колокольников, председатель Харбинского комитета помощи русским беженцам. Редактор –

Автору этих строк уже доводилось отмечать всё колоссальное значение этого праздника для развития самосознания русской (русскоязычной) эмиграции «первой волны» и, в частности, её дальневосточной ветви [1].

Известно, что пушкинская тема, равно как и тема русской классики в эмигрантской критике, была и остаётся в центре внимания современного литературоведения. Эта проблема обусловлена не только вычленением из общего корпуса критических работ эмигрантских авторов его «классической» составляющей, но и привлечением и введением в научный оборот архивного материала, закономерной актуализацией вопроса о роли классической русской литературы в культурном и эстетическом самоопределении эмиграции «первой волны».

Пожалуй, даже самый общий обзор эмигрантской «пушкинианы», приведённый в энциклопедической статье М.Д. Филина, обозначает значимость личности и творчества А.С. Пушкина в этом сложном и неоднозначном процессе. «Представители “первой волны”, проживавшие в главных эмигрантских центрах, создали около 100 книг о поэте и примерно 1500 произведений малой формы, опубликованных в периодических изданиях (без учёта ежедневных газет). Пушкиниана – детище всей ойкумены, всех социальных, профессиональных групп» [4, с. 326-327]⁸.

В своё время о рецепции русской классической литературы и её влиянии на становление идейно-художественного самосознания дальневосточной эмиграции говорили практически все исследователи, обращавшиеся к этой проблеме⁹. В основном эта тенденция рассматривалась ими в системном единстве формирования и развития литературы метрополии и зарубежья.

В русском зарубежье идея проведения «Дня русской культуры» и чествования памяти А.С. Пушкина была воспринята с большим пониманием и энтузиазмом, независимо от политических взглядов и разногласий. Эмигрантская пресса всеми силами содействовала углублению и популяризации этого начинания. В 1926 году «День русской культуры» отмечался уже в 13 странах русского рассеяния.

Особый размах празднование «Дня русской культуры» принимало в Харбине, сохранившем традиционный для русских городов уклад жизни и в 1920-е годы ставшем средоточием русской культуры не только в Китае, но и на всем Дальнем Востоке.

Пушкинская тема на страницах однодневного выпуска, являвшегося составной частью общей программы празднования «Дня русской культуры», занимала ведущее место. В первом выпуске в передовой статье В. Колокольникова отмечалось: «Русское Зарубежье празднует “День русской культуры” уже шестой год. Торжественное празднование этого дня вошло /.../ в плоть и кровь эмиграции. В двадцати с лишком странах русского рассеяния собираются в этот день русские люди вспомнить о былом и поделиться мыслями о будущем, новыми русскими культурными достижениями. Ежегодно отмечается этот день и там, за темной границей /.../. Не будем забывать, что мысль об устройстве ежегодных всероссийских чествований памяти Пушкина возникла впервые среди членов петербургского «Дома литераторов» в 1920 году, а первое чествование имело место в Петербурге в страшный 1921 год. Среди организаторов и участников этого первого Дня русского гения были: Ахматова, Блок, Гумилев, Кони... Имя Пушкина объединяет в этот день всех русских – по обе стороны черты» [2, с. 1].

Таким образом, пушкинская тема на страницах харбинской прессы органично входила в общую программу празднования в честь национального Гения, давая духовную пищу для всех русских, оказавшихся волею судьбы на Дальнем Востоке, вдали от Родины.

В.В. Пономарев, заведующий культурно-просветительским отделом комитета. С 15 июня 1935 года издателем выпуска стал С.И. Храмов.

⁸ Об этом см. также [5].

⁹ См. работы В. Агеносова, О. Бузуева, А. Забияко, В. Печерицы, А. Хисамутдинова, Г. Эфендиевой, С. Якимовой и др.

Общую картину харбинской пушкинистики дополняют сведения об отдельных изданиях, вышедших в Харбине и посвящённых жизни и творчеству поэта. А.А. Хисамутдинов упоминает в своей энциклопедической статье «Пушкин как знамя белой эмиграции» книгу жившего в то время в Праге профессора В.В. Перемиловского «Беседы о русской литературе. Пушкин» (Харбин, 1936). В частности, в ней особо подчёркивается объединяющая роль Пушкина в расколотой национальной культуре. Здесь же приводятся сведения о публикациях профессора Г.К. Гинса, профессора К.И. Зайцева, общественного деятеля и юриста В.Ф. Иванова, литератора Н. Резниковой [7; 8].

Следует отметить интернациональную роль научной и просветительской деятельности русских на Дальнем Востоке. Так, до сих пор сохраняют свою значимость труды Общества русских ориенталистов, творчество одного из первых переводчиков с китайского П.В. Шкуркина, выпустившего в Харбине в 1916 году «Китайские сказки», работы харбинских пушкинистов (Г.К. Гинса, К.И. Зайцева) и др. Культурное взаимодействие двух народов в настоящее время признаётся и китайскими учёными. Вслед за русскими издательствами в городе появились китайские (например, издания фирмы «Шан-у-шу-чуань», предназначенные для желающих овладеть китайским языком), постепенно формировались и развивались русско-китайские книжные связи.

Завершая этот краткий обзор историко-культурной значимости дальневосточной эмиграции, отметим, что исследование поэзии и прозы «русского Китая» показало, что есть все основания говорить о том, что литература русского зарубежья Дальнего Востока в своих лучших образцах занимает достойное место в общелитературном процессе XX века. По мере её постижения становится ясно, что на Дальнем Востоке литературное творчество развивалось в неразрывной связи с традициями русской литературы XIX – начала XX веков. Язык и стиль дальневосточной литературы в изгнании складывался на основе лучших образцов художественного творчества дореволюционной России. Вместе с тем, в творчестве дальневосточных прозаиков и поэтов проявлялась своя специфика: пристальное внимание к проблеме «Запад – Восток», художественное постижение богатейшего культурного и философского наследия Китая, его природы и быта.

Список литературы

1. Бузуев О.А. День русской культуры (Харбин) // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918-1940 / Т.2: Периодика и литературные центры. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 114-116.
2. День русской культуры: однодневный выпуск, посвящённый празднованию «Дня русской культуры» в Харбине в 1930 г.: Харбин, 15-го июня 1930 г. – Харбин, 1930. – 44 с., илл.
3. Забияко А.А., Забияко А.П., Левошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / Под. ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – 462 с., илл.
4. Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918-1940 / Т.4. Всемирная литература и русское зарубежье. – М.: РОССПЭН, 2006.
5. Филин М.Д. Пушкиниана Русского Зарубежья: Мат-лы для библиографии // Московский пушкинист. – М.: Наследие, 1995-1998, 2000. – Вып. 1-5, 8.
6. Хисамутдинов А.А.. Русская дорога к харбинскому храму // Забияко А.А., Забияко А.П., Левошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / Под. ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 73-99.
7. Хисамутдинов А.А. Пушкин как знамя белой эмиграции // Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. – С. 208-209.
8. Хисамутдинов А.А. Пушкинская тема в Шанхае // Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. – С. 209-210.

Гребенюкова Н.П.

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова

Хабаровск, Россия

Grebennjukova N.P.

The N. I. Grodekow Khabarovsk Regional Lore Museum

Khabarovsk, Russia

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ П.Л. ДАЛЕЦКОГО

THE POETIC HERITAGE OF P.L. DALETSKII

Статья продолжает серию работ, посвящённых проблемам изучения путей развития русской поэзии на Дальнем Востоке в первой трети XX века. В ней рассматривается поэтическое творчество П.Л. Далецкого. Впервые вводятся в научный оборот малоизвестные тексты поэта из фондов Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова.

Ключевые слова: *Далецкий, футуризм, русский авангард, Пролеткульт, культурная среда, Владивосток*.

The article continues a series of the author's works focused on studying the development of Russian poetry in the Russian Far East at the beginning of the 20th century. It examines poetic works of P.L. Daletskiy. The unknown Daletskiy's poems taken from the vaults of the N.I. Grodekow Khabarovsk Regional Lore Museum are introduced for the first time.

Key words: *Daletskiy, futurism, Russian avantgarde, Proletkult, cultural environment, Vladivostok*.

Поэт и прозаик советского времени Павел Леонидович Далецкий (1898-1963) родился близ Варшавы, в небольшом поселении Ломянки Мазовецкого воеводства в семье Леонида Семёновича Далецкого (1869-1930), военного юриста. С началом Русско-японской войны семья переехала на Дальний Восток, в Приморье.

Во владивостокской гимназии, где учился Павел, был литературный кружок, гимназисты издавали рукописный журнал «Юные годы», там юноша познакомился с будущим поэтом Константином Рослым. «На большую перемену мы обычно уходили в рощицу, которая в то время процветала внизу, под обрывами нынешней второй центральной семилетки, и читали стихи...», – позже вспоминал П.Л. Далецкий [9].

Павел был председателем общегородского Совета учащихся. К.Л. Рослый познакомил П.Л. Далецкого с семьёй Н.П. Матвеева-Амурского, Почётного гражданина Владивостока, издателя и поэта. В круг друзей Павла входили Александр Фадеев, в то время студент коммерческого училища, и его двоюродные братья Игорь и Всеволод Сибирцевы, писавшие стихи. Павел часто бывал у них дома, на юго-западном склоне сопки Орлиное гнездо.

Когда Павлу Далецкому исполнилось 14 лет, в газете «Текущий день» было впервые опубликовано его стихотворение «Русским воинам» за подпись «П.Д.». Стихи начинающего поэта стали регулярно печататься с 1914 года. После 1917 г. Павел Далецкий стал автором журнала «Великий океан», инициаторами создания которого были братья Матвеевы – В. Март и Н.Н. Матвеев-Бодрый [8].

Поэт работал корректором в редакции газеты «Красное знамя», в 1918 г. – в редакции газеты «Рабочий и крестьянин». Павел Далецкий поступил на филологический факультет Государственного дальневосточного университета (ГДУ), созданного в 1920 г. на основе Восточного института, и в 1924 г. успешно его окончил. В студенческие годы поэт издал во Владивостоке сборники стихов «Чёрные змеи» (1919), «Белый храм» (1921), «Аиломар» (1922).

В январе 1918 г. с возникновением Литературно-художественного общества (ЛХО) во Владивостоке организационно оформился футуризм. К середине 1919 г. сложилась большая группа художников, музыкантов и поэтов. Среди них были основоположник русского авангарда Давид Бурлюк; хабаровский художник, один из основателей творческого

объединения «Зелёная кошка» Н.П. Наумов; поэты Н.Н. Асеев, С.М. Третьяков, В.Н. Матвеев (Март), Б.В. Буткевич (Бета), Л.Е. Ещин, Ю.И. Гончаренко (Галич), В.М. Статьева, Л.О. Повицкий и др.

Местом творческих встреч поэтов было литературное кафе «Балаганчик», находившееся на углу Светланской и Алеутской, в подвале театра «Золотой рог». Вначале Далецкий, познакомившись с поэтами ЛХО, заявил о себе как о футуристе, но под влиянием В.К. Арсеньева (1872-1930), преподававшего в 1922-1924 гг. в ГДУ, а также пролетарского поэта, инициатора создания Дальневосточного отделения Пролеткульта А.А. Богданова (1874-1939), проживавшего во Владивостоке в 1918-1924 гг., пересмотрел свои взгляды. Он полемизировал с футуристами, писал о мнимом «бунте» футуристов: «Когда присмотришься к бунту русского футуризма, становится до крайности очевидным, что если, по видимости, бунт этот и был, то по существу дела его как бы вовсе и не было. /.../ Мне кажется, что преувеличена боязнь футуристов об отмирании нового языка» [10, с. 69].

В сентябре 1926 г. во Владивостоке побывал известный поэт, прозаик, переводчик Рюрик Ивнев (М.А. Ковалёв) (1891-1981). В то время он был ответственным секретарём Всероссийского союза поэтов. Приезд Р. Ивнева на Дальний Восток стал для местных литераторов судьбоносным. Многие молодые писатели Владивостока испытали на себе творческое влияние поэта.

В середине 1920-х гг. при ГДУ работала литературная студия под руководством выпускника Санкт-Петербургского университета, филолога, лингвиста, А.П. Георгиевского (1888-1955). В группе были поэты П.Л. Далецкий, Н.А. Толпегин, Б. Глушаков, П.Н. Васильев.

Рюрик Ивнев часто беседовал с поэтами ГДУ, из всех он выделил П.Л. Далецкого, оценил в нём сочетание поэтического дарования, редкой работоспособности и организаторского таланта. Ивнев помог ему создать Приморское отделение сибирских писателей; в том же 1926 г. Павел Леонидович стал руководителем этого творческого Союза, и первыми его членами стали участники литературной студии.

В 1929 г. отец поэта, член коллегии защитников в военно-юридической академии, был арестован, обвинён коллегией ОГПУ по ст. 58-4 и расстрелян в мае 1930 г. во Владивостоке. Позже в письме к Н.Н. Матвееву-Бодрому Павел Леонидович печально, но по-философски замечал: «Ты грустишь, что могилы твоих близких неизвестны. С отцом и матерью у меня то же. Но я не грущу об этом. Могилы мне не кажутся тем следом, что остаётся от людей. От человека остаётся нечто другое. Что? Пока на этот вопрос мы ещё не умеем ответить» [6].

В 1929 г. П.Л. Далецкий с женой Александрой Архиповной (она поступила в Ленинградскую консерваторию) и тремя сыновьями уехал из Владивостока в Ленинград. Накануне его отъезда в писательской среде велись ожесточённые битвы с рапповцами. Поэт подвергался их яростным нападкам, которые мешали творчеству и, судя по протоколам собраний писателей и членов литературного актива, могли бы иметь трагический исход. Позже, в 1936 г., в письме хабаровскому писателю И.И. Шабанову Далецкий вспоминал об этом времени: «В Москве и Ленинграде на литературных фронтах тихо. Если и происходят битвы, то они скорее напоминают турнирные забавы, после которых все остаются живы и благополучны. Это не бои прошлых лет, которые в какой-то мере решали судьбы литературы и отдельных её членов» [7].

Тридцатые годы требовали от каждого человека напряжения душевных сил и гибкости ума, чтобы, сохранив добрые отношения с друзьями, не потерять честь и даже спасти жизнь. П.Л. Далецкий вынужден был писать заявление в Дальневосточное отделение Союза советских писателей, чтобы отвести от себя обвинение: распространялся слух, что поэта видели «разъезжающим в автомобиле японского консула». П.Л. Далецкий указал в заявлении: «Япония, конечно, “дружественная держава”, но, очевидно, не в этом смысле шли “разговоры”. Считаю совершенно недопустимым подобные шутки, как бросающие тень на

советского писателя и на всю бригаду ленинградских писателей, приехавших в край [неразборчиво] /.../ Прошу предпринять какие-нибудь меры» [3].

К 1937 году на Дальнем Востоке было 10 членов Союза советских писателей (ССП) и 5 кандидатов. После репрессий, прошедших в крае в 1937-1938 гг., в регионе осталось около 30 начинающих авторов и 3 члена ССП – С.М. Бытовой, А. Гай и Г.Я. Кобец, который был арестован и оправдан в 1938 г., а в 1941 г. репрессирован.

П.Л. Далецкий активно сотрудничал с хабаровской газетой «Тихоокеанская звезда» и с журналом «На рубеже». В Государственном архиве Хабаровского края хранится переписка П.Л. Далецкого с дальневосточными писателями. В одном из писем поэту Анатолию Гаю (А.А. Плешкову) Павел Леонидович сообщает: «Кулыгин обещал мне с декабря-месяца устроить высылку “ТОЗа”, однако обещания своего не выполнил. Напомни ему, пожалуйста» [5].

Поэт считал себя дальневосточником и был частью культурной среды Дальнего Востока: «С удовольствием буду работать в “На рубеже”, потому что я не то, что был на Дальнем Востоке, а просто дальневосточник, и четыре моих ленинградских года пока ещё не в силах перевесить остальной моей жизни. Рад, что Вам удалось создать журнал, что никак не удавалось создать мне» [4].

Стихи Павла Далецкого, написанные на Дальнем Востоке, заслуживают внимания. В немногих источниках о поэте сообщается, что его сборник стихов «Иду на север», вышедший во Владивостоке в 1927 г., интересен, и это действительно так. В предисловии к книге автор пишет: «Поэзия и величие познавания влекут меня, как многих моих современников. И те явления окружающего, которые так или иначе возбуждали во мне эту черту, говорили о мире, как о стране неизведенного, отразил я в этих стихах» [2].

Слово в стихе звучит иначе, чем в других видах речи, и играет более самостоятельную роль, вызывая у читателя свои, неповторимые ассоциативные связи. Поэт, ещё недавно разделявший взгляды футуристов на словотворчество, широко использует в книге авторские, индивидуально-стилистические неологизмы, часто созданные по необычным моделям и придающие конкретному тексту эмоционально-экспрессивную окраску: *возлезаборит мисс; в сердце отеплиться; брякает пёс; лесную пугаль; голубель; стукаты колёс; в золоте, али стоит лес; краснокапель ягод.*

В лирике П.Л. Далецкого отражена творчески воссозданная, никому не ведомая география: *Я мечтаю о новых странах./ Их не каждый найдёт на земле;* автор влечёт в этот мир читателя: *Всей несытой своей любовью/ За собой я людей маню* («Я мечтаю о новых странах»).

Автор воспроизводит пространственно-временную картину мира через условный образ дороги: *В холодных потоках огня/ Иду я туда, далеко.* Лирический герой грядёт в мировую даль, где *идут кроснорогие лоси/ По прозрачным долинам небес* («Бодрость»), где *К немым домам из чаши горней/ Упала жёлтая звезда.* Время в стихах – зима и начало весны (сон и пробуждение) и утренняя и вечерняя «заря»: *Как лебедь, как розовый лебедь,/ Заря над востоком гор* («Как лебедь, как розовый лебедь»); *O, заря, золотая моя* («Подымы на меня ресницы»).

В стихах встречается образ розовых и «белопёрых» лебедей, символ чистоты, благородства и «гордого одиночества». Розовый цвет символизирует любовь и «помогает исцелиться от душевных ран». Состояние души героя – одиночество и ожидание любви. Он надеется на чудо, хотя декларирует: *Для наших поколений нет любви; И грохот пил и молотка/ Нам слаще поцелуев и объятий.* Лирический герой – персонификация автора, который ещё в 1921 г. в предисловии к книге стихов «Белый храм» писал: «каждое творение, помимо своей объективной значимости, имеет нерасторжимую связь с творящим» [1]. На внутренней обложке этой книги из фондового собрания Хабаровского краевого музея (ХКМ) автором оставлена карандашная запись: «Но я иногда абсолютно не понимаю своих стихотворений. 13. II. 21 г.» [1].

Излюбленные стихотворные размеры Павла Далецкого – амфибрахий (в сочетании с ямбом) и дактиль (в сочетании с хореем). Часто стихотворную строку разрывает, как волнорез, словораздел: *Был неуёмен/ ветер/, Точно/ напор толпы. / Я уходил на север, / В снежную пыль.* («Был неуёмен ветер»).

Цезура стоит строго в константном месте – после трёхсложной стопы. Каждая строка – семантическая группа; каждая строчка завершается смысловой паузой, которая придаёт отрывистость, имитирующую взволнованный, торопливый рассказ. Ритмические модификации с помощью пауз усиливают впечатление эмоционального возбуждения. Часто автор прибегает к усечению (реже наращению) правого полустишия последней строки в строфе: в приведённом катрене количество слогов 7-6-7-4. Примеров усечения стихотворной строки в сборнике немало: *И каждый холодный луч, / Ломаясь концом о снег, / Как будто бы хочет, чтоб я / Сегодня ослеп* («Две улицы – снежным узлом...» – количество слогов 7-7-8-5).

Последняя строфа стихотворения усечена – это эмфаза, эмоционально-экспрессивное выделение ключевого слова, изменение интонации, мелодическая пружина.

Для усиления звуковой выразительности речи Павел Далецкий использует различные фонетистические приёмы, в том числе аллитерацию и ассонанс. Примером может послужить такой катрен: *Заря одолела сопку. / Стоит, распушив волоса. / Я еле сдержал походку, / Чтоб вдруг не упасть в небеса* («Заря одолела сопку...»).

Особое звучание приобретают повторяющиеся согласные – в нашем примере щелевые [с] и [з], которые в первых двух строках стоят в абсолютном начале и контрастируют: одинаковые по месту образования, они отличаются степенью участия голоса. Согласные и лабиализованный звук [у], редуцированный и ударный, в строфе могут порождать предметно-смысловые ассоциации.

П.Л. Далецкий использует интересные, богатые рифмы, среди которых есть и составные, и йотированные: *не лето – нелепо, в трудный путь – нету путь, зенит – звенит, вымер – вымерь, умереть – медь, горлицу – городу, о снег – ослеп, творог – ворот, щель – шинель, лебедь – лепет, пумы – думать, лесом – слесарь, кружево – недужная, горней – корни, любовью – болью.*

«Иду на Север» – последняя книга стихов П.Л. Далецкого. Переехав в Ленинград, он не отступил от дальневосточной темы, но работал только в жанре прозы. Поэт с большим вниманием следил за литературной жизнью Дальнего Востока, часто бывая здесь в творческих командировках и переписываясь со многими писателями и издателями.

Список литературы

1. Далецкий П. Белый храм. – Владивосток: тип. Т-ва изд. «Свободная Россия», 1921. // ХКМ КП 12248/26.
2. Далецкий П. Иду на север. – Владивосток, 1927. // ХКМ КП 12248/34.
3. Далецкий П.Л. Заявление в Дальневосточное отделение ССП // ГАХК. Ф. Р-1738. О. 1. Д. 5. Лл. 282-283.
4. Далецкий П.Л. Письмо Гаю А. (Плещкову А.А.) от 05.05.1935 г. // ГАХК. Ф. Р-1738. О. 1. Д. 5. Лл. 211-212.
5. Далецкий П.Л. Письмо Гаю А. // ГАХК. Ф. Р-1738. О. 1. Д. 20. Л. 139.
6. Далецкий П.Л. Письмо Матвееву-Бодрому Н.Н. от 01.02.1962 г. // ХКМ. Ф. 10. О. 1. Д. 808. Л. 60.
7. Далецкий П.Л. Письмо Шабанову И.И. от 07.01.1936 г. // ГАХК. Ф. Р-1738. О. 1. Д. 20. Лл.137-138.
8. Матвеев-Бодрый Н.Н. Письмо Толпегину Н.А. // ХКМ. Ф. 10. О. 1. Д. 733. Л. 40.
9. Павел Далецкий – наш // Приморская лира // Независимая общественно-политическая газета «Утро России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ytro-rossii.ru/2010/06/02/приморская-лира-30/>
10. Пузырев В.Г. Футуристы на Дальнем Востоке // Учёные записки Ульяновского гос. пед. ин-та им. И.Н. Ульянова. – 1968. – Т. 21. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 61-90.

Кириллова Е.О.

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Kirillova E.O.

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

ПИСАТЕЛЬ-ЭМИГРАНТ БОРИС ЮЛЬСКИЙ: РУССКАЯ ПРОЗА С МАНЬЧЖУРСКИМ КОЛОРИТОМ

EMIGRANT WRITER BORIS YULSKY: RUSSIAN PROSE WITH MANCHURIAN FLAVOUR

Статья продолжает ряд авторских исследований, посвящённых проблемам изучения литературы русского дальневосточного зарубежья. В ней рассматривается творчество одного из самых ярких прозаиков русского Харбина – Б.М. Юльского (1911–1950?), представляющее уникальное художественное воплощение темы «встречи» русских эмигрантов с древней и абсолютно самобытной культурной традицией Китая и Маньчжурии. В статье анализируются рассказы из книги «Зелёный легион» (Владивосток, 2011) – единственного на сегодняшний день издания, включившего собранные по страницам русскоязычной периодики Китая художественные произведения писателя.

Ключевые слова: *русская литература в межкультурном пространстве АТР, Борис Юльский, Зелёный легион, литература русского дальневосточного зарубежья, Харбин как миф*.

The article continues those author's research works focused on studying the literature created by the Russian Far Eastern emigration. It explores the works of B.M. Yulsky (1911-1950?), one of the most outstanding novelists from Russian Harbin. These works express the unique literary implementation of the topic of introducing Russian emigrants to the ancient and absolutely original cultural tradition of China and Manchuria. The article analyzes the stories from the book "Green Legion" (Vladivostok, 2011), the only edition which includes the writer's literary works gathered from the pages of Russian-language periodicals printed in China.

Key words: *Russian literature in cross-cultural space of the Asia-Pacific region, Boris Yulsky, Green legion, literature created by the Russian Far East emigration, Harbin as myth*.

Во вступительной статье к сборнику Бориса Юльского «Зелёный легион» дальневосточный критик А. Лобычев пишет о том, что Юльский стал зачинателем совершенно нового вида прозы внутри эмигрантской литературы: «В его личной судьбе и произведениях русский язык и культура органично вошли в реальность Китая, образовав качественно иной литературный сплав. Рассказы маньчжурского цикла – это не сочинения стороннего наблюдателя, будь он эмигрантом или просто путешественником, а русская проза о русской жизни на Востоке» [6, с. 153]. В этом смысле, видится, можно говорить об этнокультурных параллелях, о переплетении культурных пространств Востока и Запада в творчестве писателя Юльского.

В сборник избранных произведений Юльского включены повесть и рассказы, впервые опубликованные в харбинском журнале «Рубеж» и других эмигрантских изданиях в период с 1933 по 1945 гг. В первый раздел вошли рассказы из одноимённого авторского цикла «Зелёный легион», повествующие о жизни и боевых походах русской лесной полиции, защищавшей тайгу Маньчжурии от браконьеров и хунхузов. Второй раздел – «Линия Кайгородова» – составили рассказы, посвящённые судьбам эмигрантов восточной диаспоры. Так как литературная деятельность писателя продолжалась в общем недолго и оборвалась внезапно, трагически, то о смысловой завершенности циклов сегодня говорить не приходится.

Своеобразие литературы дальневосточной эмиграции определяли особенности формирования русского Харбина как мифа, феномена, возникшего на перекрёстке эпох и культур. Поэтому харбинское пространство, в котором Юльский взрослел и

профессионально рос, моделировало и оттачивало его как писателя. Восточная эмиграция в числе других факторов отличалась от западной тем, что западная «растворилась» в Европе, а восточная всеми силами старалась сохранить императорскую Россию – и сохранила. Сохранению этому способствовал феномен «харбинского мифа». В монографии «Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии» А.А. Забияко и Г.В. Эфендиева, ссылаясь на французского исследователя городского мифа Р. Кайуа, говорят об особом харбинском мифе и художественном мифотворчестве [2, с. 12]. Миф вообще весьма характерен для большого города, культура которого формирует этот миф, а особое психологическое расположение человека воспринимает городской миф и поддерживает его как нечто само собой разумеющееся. Харбин нередко сравнивается с Петербургом как Восточная и Северная столицы, Харбин называется «восточным Петербургом» [2, с. 14]. «С петербургским мифом харбинский связан феноменологически – как культурная реплика “нерусского города” посреди русских болот, превратившегося в “русский город посреди маньчжурских степей”» [2, с. 14]. Если Петербург вошёл в русскую культуру как город, который может погубить человека, лишить рассудка, город «антропоманности», «город на болоте», «город на костях», то Харбин – «сказочно-утопическое пристанище всех страждущих и нуждающихся». «Открытость границ с метрополией и при этом сохранение дореволюционного быта во всех его уже мифологизуемых проявлениях весьма тому способствовали» [2, с. 15]. «Мифопоэтическое восприятие пространственных координат Харбина возникает в сознании харбинцев не сразу, а лишь тогда, когда революционная катастрофа отделила этот город и от метрополии, и от Китая. Волна революции не сразу докатилась до Харбина, долгое время жизнь в нём протекала в привычном русле» [2, с. 17].

Современные исследователи и историки единодушно отмечают: когда Россия была уже советской, Харбин оставался остовом белого движения, восточным центром консолидации ностальгических мифов о России императорской. В связи с этим, например, указывается на особое историческое пространство Харбина, сказочное пространство – безвременье. «Время как бы остановилось в Харбине. А это типичный мотив волшебной сказки», – отмечает Ю. Линник [5, с. 150]. Харбин как бы «подвис» между сгинувшим прошлым и ещё не вполне определившимся будущим города и всей России. «Думается, что и в Харбине, воссоздавшем в миниатюре по образу и подобию модель ушедшей России, сформировались все условия для того, чтобы заново “проиграть” сценарий недавней литературной эпохи, взращённой в Петербурге» [2, с. 23]. Этот «сценарий» проглядывает и в рассказах Юльского, где декадентская атмосфера и, к примеру, появление в качестве героя рассказа «Человек, который ушёл» Николая Гумилёва являет собой интертекстуальность, то есть то самое обращение к петербургскому тексту. В целом, думается, можно говорить об общности/разности харбинского и петербургского текстов, харбинского и сказочного, невременного повествований.

С долей условности имеющиеся рассказы Юльского можно разделить на «таёжные» и «городские». Условно потому, что вне зависимости от места действия их объединяет *особый тип героя*, и важно, что это не восточный тип человека с его гармоничным миросозерцанием, а западный, точнее – русский. Можно сказать, что Юльский сформировал своего героя не в «китайском», а в другом инокультурном пространстве и уже потом обратил внимание на китайский материал, китайские новеллы, мифы, сказки. Писатель переносит своего героя в китайские реалии. Например, в рассказе «След лисицы» мотив огня, схема становится возможным благодаря мотиву сумасшествия, который сам по себе вовсе не является ориентальным, но, тем не менее, в этом случае тесно переплетается с мотивами ориентальными. Даже в тех рассказах, где типичный герой Юльского, казалось бы, отсутствует, ориентальный мотив реализуется полновластно. Так, к примеру, в рассказе «Мяу» этот тип воплощается в образе тигра. Пленённое «священное» животное загнано в клетку, засыпая, тигр мечтает о тайге, бредит тайгой, в своих снах сливааясь в гармонии со скалами и ручьями. Но эта мечта никогда не осуществляется, и она приближает неизбежный

конец, реализующийся в трагической смерти. В «Рыжем сэттере» перед читателем история собаки, несколько раз брошенной людьми и в конце концов вообще утратившей способность любить. На каком-то метафизическом, иррациональном уровне клубы опиумного дыма, каждый вечер наполняющего опустевший дом господина Цая («Возвращение г-жи Цай»), перемешиваются с плотными туманами, мучающими Генца («Туманы»), – и в конечном счёте эта пелена олицетворяет помрачение человеческого сознания, развивая тему максимального отчуждения человека от окружающего мира, его сумасшествия. В безмятежную художественную картину «Пути Дракона» врывается легенда о Луне, и с ней появляется один из типичных героев Юльского – загнанный, отчаянный хунхуз, который один сражается против всех и погибает, бросившись в озеро.

Почти во всех произведениях Юльского герои умирают. И в «таёжных», и в «городских» рассказах писателя действует один и тот же тип героя, разница лишь в том, где он сходит с ума или погибает – в тайге или в городе. Этот тип можно определить как традиционный для западной и русской литературы «лишний человек», только первостепенную роль в его судьбе играет фатум, рок. Е.Г. Иващенко справедливо отмечает, что скептицизм и пессимизм Юльского, его трагическое ощущение в полной мере отражают образы главных героев – яркие примеры человеческого неблагополучия: «Характеры персонажей сходны между собой, это как бы варианты одного литературного типа – «лишнего человека», не нашедшего себя в жизни. Писатель продолжает традиционную для русской литературы тему, но меняет акценты. Персонажи Юльского занимают низшие места в общественной иерархии: Вальтер, в прошлом блестящий гвардейский офицер, теперь – спившийся полицейский, Николай Филиппович – служащий скобяного магазина, Митя – нищий студент, слушатель зубоврачебных курсов, Калугин – нищий бродяга. Юльский определяет социальную детерминанту разногласий личности с окружающим миром, но не делает её ведущей» [3, с. 117].

Город у Юльского часто является местом отчуждения, такая трактовка традиционна вообще для мировой литературы и для русской в частности (например, у русских символистов город – это, как правило, монстр, поглощающий всё живое). Поэтому столь часто герои Юльского бегут из города в тайгу. Город – это чужой мир. Попав в мир цивилизации, герои теряют целостность и, чтобы вновь обрести её, стремятся снова в тайгу. В рассказах «След лисицы», «Закон жизни» герои Самарин, Марков надеются спастись в тайге от несчастной любви. Город – это спрут. Те же, кто остаётся в городе, не пытаясь вырваться из его порочных объятий, в городе, где живут женщины с «мраморными лицами, светло-голубыми глазами и гладкими золотистыми волосами», женщины, «дышащие холодной, неживой красотой», «в своих отливающихся блеском шёлка туалетах кажущиеся гибкими и холодными, как змеи» [9, с. 282], «женщины светловолосые, с алыми блестящими ногтями, без определённой профессии», «желающие получать хорошие подарки» [9, с. 307], эти герои неизменно заканчивают плохо. Так, в рассказе «Песня» умирает в номере большого городского отеля торговец из Барги, маньчжурский князь Нурханов – «неподвижный, грузный, с обритой головой, редкими свисающими усами и широким тяжёлым лицом, напоминающий изваяние в монгольском капище, где тянется из курильниц голубой дым, а жёлтое пламя свечей бросает медные блики на бесстрастные маски богов»: *Узкие раскосые глаза казались почти сонными. Только огонёк, вспыхивавший в глубине их, оживлял лицо и придавал ему оттенок какой-то глубокой, чуть таинственной проницательности* [9, с. 305]. «Дикарь», поющий свои свободные степные песни, отвергнут глупой легкомысленной продажной женщиной, видевшей в нём лишь богатого поклонника и не сумевшей постичь широты души, скрывающейся за «неподвижной тяжестью монгола». Но смерть подстерегает этого «древнего монгольского повелителя»: *В то лето страшная болезнь пришла с юга. По улицам быстро ездила белая карета, и санитары в белых халатах подбирали корчившихся в конвульсиях людей. Смерть брала десятки жертв в день. За городом, на холерном кладбище, в ямах лежали кучи скорченных трупов. Их осторожно*

оплескивали карболкой и известью и заваливали жёлтыми комьями глины. В жарком дыхании лета, в горячих солнечных лучах скрывался страх мучительной, беспощадной смерти. И город – огромный, накалённый солнцем – дышал карболкой, известью и дурманным страшным запахом тлена [9, с. 312].

Умирающий Нурханов с бешеною силой встаёт навстречу смерти. Он встречает её своей дикой, без рифмы и ритма, последней песней: *Слов песни никто не понимал – Нурханов пел на родном языке. Он пел о голубом квадратике неба за окном – таком светлом и ярком! Плынут лёгкие облака. А внизу, на равнине, ветер пригибает к земле желтеющую высокую траву, гонит дымок аргала от пастушьих костров, волнует степь, как большую воду. <...> Колосятся травы. И в травах – погрузившись по брюхо – бараны стада. Это все его бараны – Нурханова! Не сосчитать баранов. Разве можно сосчитать звёзды? Разве можно сосчитать искры в степном пожаре?..* Даже орёл, – тот орёл, что плывёт вон там, в небе, – и ему не сосчитать никогда!.. Уже запрокидывая голову и закрывая глаза, увидел – это не орёл медленно кружит над степью. Это он сам, Нурханов!.. И лететь – легко. Только изредка пронизывает тело постепенно немеющая остшая боль. Но её уже нет! Небо – голубое и ясное. Внизу – желтеющая степь, пологие холмы. А трава высока и волниста от ветра, как большое тёмное озеро [9, с. 315].

В городском пространстве герои Юльского часто сходят с ума, как, например, молодой конторский служащий Генц, на которого постепенно, тяжело наваливается его сумасшествие («Туманы»), или художник Алексей Кайгородов, мечтающий спасти гибнущее человечество («Линия Кайгородова»), или Николай Филиппович Захаров, скромный харбинский обыватель, который погружается в безумие после того, как его бросила жена, и он, чтобы её вернуть, вступает в сделку с чёртом («Чёрт»). В этих примерах отчётливо видна одна из самых значительных для русской литературы традиций – тема маленького человека, продолженная вслед за Пушкиным и Достоевским в символистской прозе и по-своему воплощённая писателем Юльским в эмиграции на Востоке.

Для Юльского тайга, степь являются собой простор, воздух, а город – это закрытые пространства, кабаки, съёмные комнатки, нелюбимая работа, серые, тяжёлые будни, болезнь и – в конечном счёте – потеря душевного равновесия. Дальневосточный писатель-синолог Павел Шкуркин в одном из своих этнографических рассказов воскликнет: «Вам, жителям проклятых людских муравейников, где кипят злоба, политические страсти, ненависть, коварство, измена, где царствует ложь, условность, где нос существует для того, чтобы чуять, откуда дует ветер, где всякого искателя правды считают идиотом или вредным для “общества” человеком, где всякое искреннее движение сердца осмеивается или обливается потоками гнусной клеветы, где всё – предательство и яд, где всё отравлено – и любовь, и дружба, и честь – самый воздух отравлен... – нет, вам, несчастным людям, и вам, двуногим скорпионам, – вам не понять, насколько тайга лучше ваших смрадных сумасшедших домов, называемых городами, и насколько звери лучше вас самих... Ах, тайга, тайга, как она хороша!..» [8, с. 311].

Один из самых пронзительных рассказов Юльского «Арбуз» вошёл в цикл «Зелёная пустыня» и был опубликован в журнале «Рубеж» (1939, № 45). Герой рассказа Андрей неотвратимо умирает, умирает в пространстве, отрезанном от мира, потому как река разлилась: *Река разлилась. Широкою в полторы-две сажени в обычное время, теперь она неслась необъятным мутным потоком, подмывая деревья и пригибая кусты. Переправа из двух жердей давно уплыла по течению. Наш маленький охранный пост был отрезан от всего населённого мира. Сообщение прервалось. А он умирал... [9, с. 34].* Мотив смерти очерчен сразу и проходит через весь этот короткий рассказ. Изолированность от городского мира продолжает двоемирье Юльского – мир таёжный отделён от городского почти мифической рекой. Архетипические мотивы путешествий «строго соотнесены с мифологической топографией <...> с маркированием реки как границы между мирами на сущем» [7, с. 232].

Мотив смерти претворяется, конечно, и через описание внешности умирающего Андрея, откуда вытекает другой мотив, столь характерный для Юльского, – мотив физического изменения: *Он кашлял кровью. И на губах его, когда он задыхался от приступа глухого длительного кашля, выступала розовая пена* [9, с. 34]. Или: *потемневшее лицо со впалыми щеками; изо рта его на одеяло хлынула струя крови с запёкшимися чёрными сгустками; нос ещё более заострился, а под глазами легли могильные тени; губы белели; свинцовые губы* [9, с. 34-36]. Человеческого лица уже почти не осталось, вместо него маска смерти.

С мотивом смерти в рассказе связан образ «тунгусского божка» – татарина Сулдабаева. Юльский коротко рассказывает: *Прежде Андрей служил в сибирских стрелках. У него был приятель-однополчанин, татарин Сулдабаев – низенький, приземистый человечек с широким безбрювым лицом. Теперь этот татарин не отходил от больного. И было необычно наблюдать такую нежность и заботливость со стороны этого коротконогого человечка с сонным лицом тунгусского божка* [9, с. 34]. Сулдабаев единственный из всего отряда решается переплыть реку и добыть умирающему другу-товарищу арбуз из старообрядческого посёлка. Но рассказчик подчёркивает совершенную невозможность выполнить это странное последнее предсмертное желание: *Желание было невыполнимо: от старообрядческого посёлка, где можно было достать арбуз, нас отделяла река, а перебраться на ту сторону её теперь можно было бы только при наличии крыльев* [9, с. 35]. Уже здесь обозначается мотив, который можно охарактеризовать как упование на чудо: *Разве он не знает, что перейти реку нельзя?.. Ведь это сумасшествие, напрасный риск! Даже без груза переправиться невозможно. А как обратно, с арбузом?..* [9, с. 35].

Но Сулдабаев твёрдо решает во что бы то ни стало переправиться: *Это была жуткая переправа!.. Схватившись руками за верёвку, он медленно подвигался к тому берегу почти по горло в воде. Вода пенилась и бурлила, ударяясь в его плечо. Иногда его лицо захлестывало совершенно, и из воды виднелись только руки, уцепившиеся за натянутую дрожащую верёвку* [9, с. 36]. Когда же уже почти потеряли надежду на возвращение Сулдабаева, он вернулся: *Он вошёл в помещение неожиданно и сел, почти упав, на скамейку у двери. Его лицо было изжелта-бледным. А за спиной был привязан мокрый мешок, сквозь который выделялись очертания двух крупных арбузов* [9, с. 36]. Мотив испытания здесь не является основным, но выполняет сюжетообразующую функцию: Сулдабаев должен переплыть бурную реку, добыть заветный предмет и вернуться с ним к умирающему другу. Смертельно опасный поход за арбузом отсылает читателя к сказочным сюжетам о походах за мёртвой и живой водой, в которых герой, выдержав испытание, возвращается с добытым артефактом [7, с. 232]. *И все увидели, что его ладони были в кровь стёргты и изранены тонкой верёвкой, когда он перебирался через реку. А пальцы посинели и вздулись на концах* [9, с. 36]. Окровавленные ладони, стёргтые руки вызывают стойкую ассоциацию со стигматами Христа.

У Юльского тайга – место действия восточных духов. «Тунгусский божок» Сулдабаев, как бы олицетворяющий в рассказе ещё и таёжного бога, не в силах отвести смерть от друга, но готов облегчить его последние часы, рискуя своей жизнью. К сожалению, поход за «живой водой» не спасает Андрея:

Умирающий открыл глаза. Его взгляд остановился на тарелке с красными ломтями арбуза, затем перешёл на лицо татарина, и что-то похожее на улыбку скользнуло по свинцовым губам.

– Спасибо!.. – прошептал он. – Спасибо...

Вероятно, он уже забыл про арбуз, но ел, чтобы не огорчить приятеля. А потом откинулся на подушку и снова застыл в предсмертной дремоте...

Он умер в этот день в сумерках [9, с. 36-37].

Находясь под тяжестью впечатлений, рассказчик вспоминает эпизод из своей прошлой, харбинской жизни и, сидя непроглядной ночью в глухой тайге, ясно видит:

...Зал театра, полный публики. Освещённая сцена. Сверкающий лаком рояль, и на нём – букет белых роз. На сцене – Вертинский в обтянутом фраке, с ослепительной крахмальной грудью. На белом лбу артиста отсвечивают электрические блики. Углы накрашенного тонкого рта нарочито горько опущены вниз. И – вибрирующая картавость в голосе: «...Матгосы мне пели пго птицу, / Которой несчастных жаль. / У неё – стеклянные пегъя / И слуга – седой попугай. / Она отвогает двери / Матгосам, идущим в рай...» [9, с. 37]. Вертинский поёт о матросском рае, а рассказчик размышляет о рае солдатском.

С мотивом смерти в этом рассказе связан также образ ночной птицы, «которой всегда жаль несчастных и покинутых»: *Где-то в чаще жалобно и уныло кричала ночная птица. Она словно плакала. Словно жалела ушедшую человеческую душу* [9, с. 37]. Самой известной функцией образа птицы является олицетворение ею человеческой души: представление сколь древнее, столь и распространённое. В русской культуре образ птицы, как известно, также символизирует душу. Представление души в виде птицы обнаруживается в древних культурах Египта, Двуречья, Греции, Китая и Сибири (у эвенков, алтайцев, якутов), в Южной Америке (индейцы бороро) и др. Часто эти воззрения бывают весьма дифференцированными, например, у индейцев Аляски тлинкитов. Существенно разнятся в различных культурах представления о взаимоотношении души и птицы: последняя может представлять саму освобождённую от плоти душу, служить телом, в которое индивидуальная душа человека переходит после смерти, либо выступать её проводником в загробный мир. Нередко образ птицы-души перекликается с образом птицы как вестника свершившейся или близкой смерти.

У Юльского таёжная птица, которую рассказчик называет «наша русская, серая, похожая на горлинку» [9, с. 37], противопоставлена птице со стеклянными крыльями из песни Вертинского, как противопоставлены настоящая смерть и красивые декадентские фантазии о ней. Сама функция экзотического попугая в песне Вертинского, прислуживающего некой мифической птице смерти, может быть расшифрована как образ вестника, посредника между человеческим и потусторонним миром, – символика, совершенно очевидно проистекающая из способности этой птицы имитировать речь человека. По этой же причине попугаев связывали с пророчеством.

По Юльскому, русская печальная птица горлинка отворяет душам умерших «расписные узорные двери в солдатский рай», но писателю важно подчеркнуть следующее: *Но у неё – не яркие стеклянные, как у ёлочных игрушек, перья. <...> И прислуживает ей маленький русский зяблик. Простой и ласковый* [9, с. 37]. Образ «серой печальной птицы» у Юльского разделяет символику ангела.

Мотив смерти воплощается и в рассказе «Вода и камень», где он как бы «окольцовывает» мотив сумасшествия: убийство китайской девочки, сумасшествие Каргина и его смерть. Начинается всё с облавы на хунхузов, в ходе которой пулемётчик Каргин, «огромный бородатый забайкалец», случайно убивает китайскую девочку:

И вдруг я услышал его подавленный крик. Он стоял, смотря вниз, и лицо его выражало ужас...

<...> В траве, примятой и испачканной кровью, лежал лицом вверх мальчик, который упал последним. Но, ещё не успев приглядеться, я понял, что это был не мальчик... Перед нами лежала девочка лет пятнадцати с коротко подстриженными волосами. Она была ещё жива. Глаза её отчего-то напомнили мне глаза раненой козули – они были такие же большие, чёрные и влажные, и в них был тот же непонимающий ужас и укор. А на белой курточке, на груди и плече расползались два намокших алых пятна...

Внезапно Каргин издал хриплый кашляющий звук и опустился на колени рядом с раненой. Глаза девочки с предсмертным страхом скосились в его сторону, потом голова её дёрнулась назад, зрачки закатились и губы полуоткрылись, обнажив блеснувшую полоску зубов [9, с. 38-39].

С мотивом смерти связан и образ пустой фанзы, возникающий в самом начале рассказа. «Фанза была пуста», потому что всех хунхузов расстрелял отряд лесной полиции [9, с. 38]. Фанза разорена и сожжена: *<...> за нами огромным факелом пылала подожжённая фанза. <...> Шесть трупов молчаливо сторожили закон на разрушенном хунхузском пепелище* [9, с. 39].

Смерть ребёнка становится началом изменения героя, его собственного пути к смерти: *Большое бородатое лицо пулемётчика было искажено какой-то странной болезненной гримасой, щека подёргивалась.*

– Если б я знал... *<...> Пускай бы она лучшие ушила, дьявол с ней! А теперь она от меня не отвяжется, по ночам сниться будет...*

Я постарался успокоить его. Но в глубине души меня удивили неожиданные переживания этого гиганта с бородатым, типичным скифским лицом.

– Совсем ещё девочка... – бормотал он, тряся лохматой головой, словно его беспокоили пчёлы. – У меня дочка такая в Харбине... *<...> Ты глаза у неё видел?..* [9, с. 39].

Как и в других рассказах, мотив сумасшествия здесь тесно связан с мотивом физического изменения героя: *Он странно переменился с этого дня; волосы сбились на лоб; борода была всклокочена, и по ней стекала слюна; выцветшие от пьянства глаза; он совершенно перестал следить за собой* [9, с. 40]. Каргин стал огромным и лохматым; Каргин таял; лицо осунулось, и плечи опустились; на лбу резко легли складки [9, с. 40-41]. И читатель, зная беспощадность Юльского, понимает, что Каргин, этот человек с могучим, несокрушимым организмом и, должно быть, с такими же «нервами толщиною в корабельный канат» [9, с. 40], обречён. О душевном состоянии героя можно судить не только по внешним признакам проявления безумия: *в глазах стоял бессмысленный, дикий ужас; тупой взгляд; его взгляд подолгу оставался устремлённым в одну точку; из глаз смотрело безумие* [9, с. 40]. Подобное состояние охватило и Диму Самарина, героя рассказа «След лисицы», после встречи с лисой-оборотнем. О приближающемся конце Каргина можно судить и по его бессвязным, странным, наполненным страхом и безысходностью разговорам: *Проклинает!.. Стоит и проклинает... Зачем, говорит, ребёнка убил?.. Каждую ночь теперь, говорит, приходить к тебе буду...* [9, с. 40].

Мотив сумасшествия у Юльского регулярно пересекается и с мотивом пьянства. Пить Каргин начал с вечера убийства: *Он странно переменился с этого дня: до этого я никогда не видел его пьяным, – теперь он стал пить каждый день* [9, с. 40]. Читатель видит «отуманенное алкоголем сознание». Отуманенное сознание встретится ещё во многих рассказах писателя, и почти всегда туманы, снег, одурманенность, затуманенность рассудка будут сигналами сумасшествия, предзнаменованием скорой смерти. Примечательно, что Юльский неоднократно повторяет эпитет *выцветшие глаза*. Будто телесная оболочка Каргина истончается, он перестаёт существовать, меркнет, бледнеет. Глаза в русской культуре воспринимаются как зеркало души, а знание – как огонь, свет. И выходит, что глаза Каргина, теряя цвет, лишаются света разума, слепая тьма застилает его сознание.

Выражение *выцветшие глаза* часто используется Юльским как символ обречённости, предвестник неминуемой гибели героя. Так, в одном из лучших своих рассказов – «Человек, который ушёл» («Рубеж», 1940, № 36) – Юльский описывает от первого лица своего сослуживца по лесной полиции: антигерой, бывший поручик Вальтер, «последний отпрыск старого дворянского рода» – занесённый в маньчжурско-захолустье алкоголик, которого его сын, живущий в Харбине (там же выходит замуж за другого его жена), считает погибшим; у него нет «настоящего» и уж точно нет ощущения, что его служба имеет какой бы то ни было смысл. Глаза Вальтера *были выцветшими и пустыми. Глаза, которые ничего не видели впереди. Они, казалось, могли смотреть только вглубь, в прошлое* [9, с. 59]. Всё, что у него осталось, – это воспоминания о том далёком прошлом, когда он был блестящим офицером царской кавалерии. Среди воспоминаний поручика Вальтера – неожиданная встреча в дождливой ночи на поле боя с вольноопределяющимся Гумилёвым. Повествователь

цитирует Вальтеру стихотворение Гумилёва, когда они беседуют при луне, и предлагает контрастное сравнение: ...Завтра мы встретимся и узнаем, / Кому быть хозяином здешних мест. / Им помогает чёрный камень, / Нам – золотой нательный крест...

<...> Я спрашиваю:

– Подходит к настоящему моменту, правда? Только здесь вместо Африки – тайга, а вместо дикарей – хунхузы... [9, с. 67] (см. об этом: [1]).

Особый смысл приобретает название рассказа «Вода и камень», не имеющее прямого отношения к событиям, описанным в рассказе. Это устойчивое сочетание в русском языке используется как поговорка. Из европейских источников, сочинений древнегреческих и древнеримских поэтов, византийских философов и церковных книжников этот образ пришёл в русскую культуру и был зафиксирован в различных пословицах: *Капля воды долбит камень постоянством; Капля по капле и камень долбит; Капля точит камень не силой, но частотой падения*. Пословица *Капля камень точит* (*Вода камень точит*) утверждает возможность значительного разрушения за счёт незначительного, но постоянного воздействия. Название рассказа Юльского, несомненно, несёт символический смысл: медленно, методично, день ото дня сознание покидает Каргина, истончается, «выцветает», как и его глаза: *Не знаю, что это было – угрызения совести или страх? Но что бы то ни было, оно убивало и точило Каргина, как вода точит камень. Он стал вдвое меньше есть. Иногда задумывался, и его взгляд подолгу оставался устремлённым в одну точку. <...> Чем дальше, тем было хуже... Вода точит камень. На камне остаются глубокие вечные следы. Камень истачивается и тает, пока не рассыпается в прах. И Каргин тоже таял от того, что точило его изо дня в день* [9, с. 40-41]. Думается, что в этой используемой Юльским универсальной форме – *вода камень точит* – есть и косвенная отсылка к мучительному телесному наказанию. Известно, что в средние века одним из самых страшных истязаний была пытка, когда в одну точку на голове человека сутками капала вода, в результате чего через некоторое время он сходил с ума.

Важным средством обнаружения душевной пустоты героя у Юльского является крик, без него не обходится практически ни один рассказ. Как и в рассказе «Вторая смерть Шазы», в «Воде и камне» крик – это прорыв наружу чудовищного психологического напряжения героя. Звуковой образ крика проходит через две части рассказа – до убийства и после. *И вдруг я услышал его подавленный крик* [9, с. 38] – ещё неизвестно, что случилось, но уже слышен сигнал беды, опасности. В первой части Каргин вскрикивает один раз, зато вторая часть буквально наполнена его криками: *сквозь сон хриплый крик; и снова крик, перешедший в протяжный стон; кричал тонким и жалобным криком; испуганно вскрикнул; дикий и исступлённый крик; снова крик – ещё громче, ужасней* [9, с. 40-41]. Субстанция, порождающая крик, настолько сгущается, что становится возможным её физическое воплощение в образе летучей мыши: *А на груди [Каргина], у самой бороды, трепыхалась и била в лицо шуршащими крыльями огромная, вцепившаяся и запутавшаяся когтями летучая мышь* [9, с. 41]. Летучей мыши, как известно, в различных культурах приписывается богатая символика. Среди всего прочего она ассоциируется и с сумасшествием. В мифологиях индейцев Центральной Америки летучая мышь выступает в роли могущественного божества преисподней, время от времени пожирающего Солнце. В тексте Юльского летучая мышь лишает героя последних проблесков света.

«Встреча писателей с инокультурой и поиски этнического самостояния» (формулировка А.А. Забияко и Г.В. Эфендиевой [2, с. 110]), приводили к «обживанию» чужого мира. Но при этом, как пишет Ли Иннань, «экзотика Востока, увлекавшая поэтов Серебряного века, теряет на харбинской почве свой идеализированный, абстрактный облик и приобретает вполне осозаемую, ощутимую фактуру» [4, с. 274]. «Для русских эмигрантов, оказавшихся в Маньчжурии, мифологизированный и эстетизированный Китай становится житейской реальностью, зачастую очень суровой [2, с. 110-113]. Мастерство рассказчика и особый восточный колорит произведений Юльского могли бы стать гарантами его яркой

писательской карьеры, но известные события советской истории помешали этому. Однако, несмотря на это, абсолютно самобытная проза дальневосточного писателя Бориса Юльского стала полноправной частью русской литературы XX века.

Список литературы

1. Гамза М. О системах ценностей русской эмиграции в Китае // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 3 (127) // Журнальный зал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/23g.html>
2. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 352 с.
3. Иващенко Е.Г. «Утраченные иллюзии» Бориса Юльского // Русский Харбин, запечатлённый в слове: сб. науч. тр. / Под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. – Вып. 1. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. – С. 100-122.
4. Ли Иннань. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: сб. науч. трудов, посвящ. 60-летию проф. В.В. Агеносова. – М., 2002. – С. 271-285.
5. Линник Ю. Сольвейг (наброски к портрету Лариссы Андерсон) // Границы. – Frankfurt/M., J-S., 1995. – № 177. – С. 149-167.
6. Лобычев А. Человек, ушедший на русский Восток: жизнь и проза Бориса Юльского // Рубеж. – 2011. – № 11. – С. 147-155.
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Академический проект: Мир, 2012. – 331 с.
8. Шкуркин П.В. Хунхузы: этнографические рассказы // Рубеж. – 2011. – № 11. – С. 299-325.
9. Юльский Б.М. Зелёный легион: повесть и рассказы / Сост. и комм. А. Колесова; сост. и вступ. ст. А. Лобычева. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. – 560 с. – (Серия «Восточная ветвь»).

Киселева М.С.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Kiseleva M.S.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

ЕДА И ЕЁ ФУНКЦИИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

FOOD AND ITS FUNCTIONS IN THE EAST SLAVIC FAIRY TALES OF SIBERIA AND THE FAR EAST

В работе выявлены и охарактеризованы основные функции мотива еды в восточнославянских волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока; определена роль упоминаний о еде и её описаний в поэтике анализируемых текстов; сделаны выводы, с одной стороны, об устойчивости универсальных архаических представлений, с другой стороны, о влиянии на рассматриваемые произведения современных реалий и инокультурного окружения.

Ключевые слова: *еда, волшебная сказка, фольклор Сибири и Дальнего Востока, инокультурное окружение, традиционные представления, поэтика*.

The work reveals and describes the main functions of food motif in the East Slavic fairy tales of Siberia and the Far East. The role of food mentions and descriptions in the poetics of the analyzed texts is defined. Conclusions are drawn about the sustainability of universal archaic ideas on the one hand, and the impact of modern culture-specific objects and culturally diverse environment on these fairy tales, on the other hand.

Key words: *food, fairy tale, folklore of Siberia and the Far East, culturally diverse environment, traditional ideas, poetics*.

Еда занимает важное место в жизни и картине мира современного человека, для которого обязательны регулярные приёмы пищи, праздничные застолья, разнообразные перекусы и угощения. В социальных сетях значимую часть контента составляют фотографии блюд, а знакомство с культурой другой страны будет неполным, если обойти вниманием национальную кухню. Не менее (если не более) важную роль еда играла в традиционной культуре, где еда, приём пищи обладали символическими значениями, являлись способом установить контакт между людьми, а также между миром людей и миром потусторонним, помогали сохранять устойчивость миропорядка, обеспечивали благополучие и богатство, являлись маркером социальной и возрастной принадлежности [15].

Изучение функций еды, её типов, принципов изображения в художественных произведениях – актуальное и перспективное направление как в литературоведении, так и в фольклористике. Об этом ярко свидетельствуют уже опубликованные труды, среди которых можно назвать книги и статьи В.В. Похлебкина о видах и роли блюд в произведениях русских писателей и в русской культуре [18], работы по традиционной культуре А.К. Байбурина [13], Л.Н. Виноградовой [14], Т.А. Агапкиной [1], сборник эссе О. Назаровой [17] и др.

В контексте выбранного нами направления исследования чрезвычайно интересны для анализа устные художественные произведения восточных славян, зафиксированные в Сибири и на Дальнем Востоке – на территории, где встречаются и вступают в активное взаимодействие различные, порой очень непохожие друг на друга культурные традиции. Изучение региональных текстов восточнославянского фольклора (в частности волшебных сказок) позволяет выявить как степень сохранности универсалий традиционной культуры, так и характер их видоизменения под влиянием новой историко-культурной среды. Обращаться к заявленной теме продуктивно ещё и потому, что её отдельные составляющие уже были рассмотрены нашими коллегами-фольклористами (см., например, работы

Т.В. Краюшкиной [16]), это позволяет соотнести собственные наблюдения с выводами других исследователей и осуществить более глубокий, комплексный анализ имеющегося эмпирического и теоретического материала.

В ходе анализа нами были рассмотрены 50 текстов, содержащихся в 2 сборниках сказок, записанных в Сибири и на Дальнем Востоке [19; 20], а также в материалах архива кафедры русского языка и литературы ДВФУ [2-12].

В первую очередь мы отмечаем: еда, упоминание о приёме пищи и его описание занимают важное место в волшебных сказках (нам не встретилось ни одного текста, в котором бы герои не ели). При этом о еде может говориться в начале и / или в конце, подробно или мельком, в связи с важным сюжетным ходом или для характеристики уже сложившейся ситуации, также рассказывается о способах хранения / приготовления / переноски еды, о важных ингредиентах блюд и проч. Для анализа всю полученную информацию необходимо структурировать. На наш взгляд, наиболее удачным при этом будет выявление главных функций, выполняемых упоминаниями о еде и её описаниями в восточнославянских волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока. Такой подход, продолжающий традицию, заложенную В.Я. Проппом, позволит обобщить разноплановый материал, сделать выводы о его роли в сказочном повествовании, а также проанализировать влияние той историко-культурной ситуации, в которой функционировали рассматриваемые тексты.

Всего в сказочном повествовании мы выделяем у еды / приёма пищи 7 основных функций: 1) трансформация героя; 2) маркер силы; 3) маркер уровня жизни; 4) поддержание силы; 5) маркер времени; 6) закрепление взаимоотношений между персонажами; 7) отражение правил народного этикета.

1. **Трансформация героя** может проявляться по-разному. Это и изменение внешности (ягоды / яблоки, съев которые герой либо становится красивым, либо приобретает рога на голове, обрастают густой шерстью), и получение новых физических / магических возможностей (волшебная птица: если съесть её голову, станешь царем царей, а если потроха – будешь понимать язык животных; волшебная рыбка: дарит царице и любому другому персонажу женского пола беременность, стоит только съесть даже самую малую её часть; чёрный, белый и жёлтые цветки, съев которые герой может заставить море расступиться, лес – раздаться, а сам приобретает умение обворачиваться конём), и временное приобщение к потустороннему миру (героя, отправляющегося на тот свет, Баба-яга – страж границы – кормит особой пищей), и наоборот – нарушение связи с потусторонним миром (бабке-повиваленке жена чёрта советует не есть у него в палатах ничего, кроме каши, иначе не получится вернуться домой).

2. **Маркер силы.** Съеденное, а также особенности приготовления еды свидетельствуют в волшебных сказках о наличии / отсутствии у персонажа огромной волшебной и / или физической силы. Царевна-старушка, проходя испытания царя, необычно готовит требуемый пирог (кажется, делает всё, чтобы выпечка не получилась, а в итоге преподносит белый душистый и сладкий пирожок / пирог), на пиру щи и косточки превращает в золото и музыку. Дочь старого дьявола способна испечь высоченную гору бубликов за одну ночь и завалить ими главную площадь. Богатыри и их противники (старик-змей, змеи) добывают и едят много скота (быков), также сильнейший отнимает еду (кашу, суп) у того богатыря / тех богатырей, кто его слабее. А дети и женщины, герои, не обладающие огромной силой, оказавшись в тайге, едят ягоды, орехи. Искалеченные богатыри добывают мелкую дичь (птиц), а искалеченная героиня ест яблоки.

3. **Маркер уровня жизни / статуса персонажей.** Чем разнообразнее и богаче стол персонажа, тем выше его статус, лучше жизнь. Самый богатый стол у царей, беднякам же есть нечего (устойчив мотив отсутствия еды), равно как и героям, изначально находящимся на нижней ступени семейной иерархии (младшего брата отправляют дежурить на могилу отца за горсть орехов, калач, а с собой он берет краюшку хлеба), персонажи, попавшие в

стеснённое положение, употребляют либо еду слабосильных (ягоды / орехи), либо еду однообразную (одну дичь, словно дикие звери), заключённых или морят голодом, или кормят невкусной баландой. В то же время герой в своих приключениях зачастую добывает / находит необыкновенный предмет / необыкновенного спутника (икона Николы Чудотворца, дубинка, полушалок, плётка, Ум-разум и проч.), который обеспечивает ему в любое время и в любом месте царский стол, что также обозначает особое положение героя в иерархии, его высокий статус.

4. Поддержание жизненных сил. Еда в сказках побеждает голод, без неё персонажам невозможно жить и двигаться дальше. Поэтому постоянно рассказывается, как герои, отправляясь в путешествие, берут с собой еду, как они едят в дороге, в мире людей и мире мёртвых, перед битвой и после неё. Интересно, что еда поддерживает силы персонажей не только из мира людей, но и из мира мёртвых. Представители мира мёртвых (те, которые активно контактируют с нашим миром) в качестве пищи вольно или невольно рассматривают людей: орёл выносит героя на белый свет (во время путешествия птицу необходимо кормить, в конце перед финальным рывком ей нужно отдать кусок мяса героя, потом этот кусок возвращается назад, птица не съедает его); мёртвая царевна целый год лежит в церкви и съедает без остатка юношей, согласившихся в этой церкви переночевать; медведь ходит по лесу и убивает встреченных людей (кровь их кипятит в большом чане у себя дома, а вокруг разбрасывает разорванные тела), угрожает девушкам, что съест их; змеи пытаются съесть царевен и героев, защищающих их; Яга хочет испечь и съесть похищенного ею мальчика, а затем поваляться на его косточках, наевшись молодого мяса (в итоге по незнанию съедает свою дочь Алёнку, которую хитрый герой садит в печь), или просто является людоедкой и ест всех встреченных людей, используя их руки, ноги и головы как кухонные приборы (чаны и поварёшки); львы, сторожащие ворота города, разрывают побратимов богатыря, а потом царь города воскрешает их. Интересно, что представители потустороннего мира редко достигают поставленной цели, однако чёткое соотнесение людей с вкусной едой прослеживается достаточно хорошо: царевна сравнивается с конфетой и ягодой; быстрый рост сына – с тестом на опаре; герою говорят, что змей съест его, как конфету, а сам герой при встрече с противником подзывает его к себе, приговаривая: «Не от хлеба ходят, а к хлебу»; юношу, год прослужившего у чародея и ставшего красивым и ладным, называют бульоном. Возможно, постоянные попытки представителей потустороннего мира съесть людей – символическое изображение смерти, то есть еда и приём пищи связаны ещё и со временем, с его цикличностью. Также наблюдаем мотив еды, которую нельзя употреблять в пищу: в качестве объектов запрета упоминаются лягушка, сырой рак, собачьи сердца. Или говорится о еде, которой можно подавиться (сухой пирожок, застрявший во рту).

5. Маркер времени. Еда в сказке зачастую привязывается ко времени суток: упоминаются завтрак, обед и ужин. Упоминается о еде, когда персонажи ждут возвращения героя (братья сидят на берегу и варят картошку, ждут). Блины упоминаются в формуле, обозначающей движение времени (*скоро бабушка блины пекёт...*). На вопрос, как быстро смогут нагнать беглеца, волшебный конь отвечает: *посеешь, пожнёшь, испечёшь хлеб, съедим, тогда догоним*. Солдат говорит, что перебьет чертей, как только дощелкает орешки. Или героине предсказывают, что она найдёт героя, как только изгложет железный хлеб.

6. Закрепление отношений между персонажами. Пища, разделённая с другим, в волшебных сказках часто символизирует побратимство: герой ест и пьёт со своими волшебными зятьями (Волк, Ворон, Сокол), а те приходят ему на помощь во время беды; герой ест и пьёт со змеем, а тот дарит ему волшебные предметы; богатырь дает льву хлеб, и тот прибегает к нему на помощь во время битвы; героиня угождает мясом зверей Бабы-яги, и они на неё не кидаются, кормят едой Ягу. Побратимство можно обнаружить и в кормлении героя коня, и в преподнесении пленному врагу воды / еды (такой враг дважды не убивает героя в память о прошлой помощи). Идея единения прослеживается на свадебном пиру,

которым закрепляется семейный союз и часто заканчивается волшебная сказка, в совместной работе девушки и юноши по приготовлению пищи (он ловит рыбу, а она её готовит), или когда две девушки лепят пельмени и кормят ими героя, а потом он по очереди возложит с ними и затем женится на первой.

7. Правила народного этикета. О еде упоминается в связи с такими обязательными этикетными действиями, как: накормить гостя (напоить чаем), дать еды в дорогу, помянуть умерших (блины для поминок отца), есть с работниками за одним столом, не обижать слабых (когда герой, несмотря на сильный голод, не убивает зверей и птиц, а затем они приходят ему на помощь).

Как мы видим, еда действительно играет в волшебных сказках важную роль и выполняет чрезвычайно разнообразные функции. Она соотнесена с социальным статусом персонажа, со временем суток, с территорией обитания. Вместе с едой часто упоминаются и всевозможные напитки (но мы ограничены выбранной темой, поэтому их не рассматривали). В сказках содержится информация о способах приготовления еды (*жарено, парено, копчено*) и принятия пищи (*закуски, наедки*). Из блюд / продуктов упоминаются: рыба, ягоды, грибы, свёкла, дикое мясо, хлеб, рак, пирожки и пироги, фрукты, конфеты, блины, кедровые орехи, пельмени, орехи, калачи, щи, картошка, дичь крупная и мелкая, лук, капуста и проч.

Мы приходим к выводу, что еда чрезвычайно важна для хронотопа волшебной сказки (является маркером времени и своего / чужого пространства), для характеристики персонажей и отношений между ними. Выявленные функции позволяют осуществлять более подробный анализ поэтики рассматриваемых текстов, вместе с тем предложенная классификация не является окончательной, её элементы тесно связаны между собой и должны рассматриваться комплексно, а не изолированно. Также обнаруживается сохранение архаических представлений, связанных с едой и универсальных для многих народов (еда как способ трансформации, придання жизненных сил, установления / разрыва связи и проч.). Собственно сибирского и дальневосточного колорита, касающегося еды, в текстах немного (название / описания / упоминания блюд коренных народов региона отсутствуют), однако наряду с традиционными реалиями принятия пищи имеются и современные (например официантки, которые приносят еду). Следовательно, можно говорить об устойчивости восточнославянской волшебной сказки в инокультурной среде и в то же время необходимо отмечать происходящие изменения: по своей поэтике рассматриваемые тексты приближаются к бытовой сказке (о последнем, вероятно, свидетельствуют подробные описания / перечисления элементов еды в отдельных произведениях, включение в традиционный текст черт современного быта).

Список литературы

1. Агапкина Т.А. Мифopoетические основы славянского народного календаря: весенне-летний цикл. – М.: Индрик, 2002. – 816 с.
2. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1963. П. 1. Т. 1.
3. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1969. П. 3. Т. 7.
4. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1977. П. 10. Т. 68.
5. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1977. П. 7. Т. 43.
6. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1979. П. 1. Т. 2.
7. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1979. П. 1. Т. 26.
8. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1979. П. 5. Т. 28.
9. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1979. П. 5. Т. 29.
10. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1980. П. 1. Т. 28.
11. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1980. П. 2. Т. 12.
12. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1990. П. 1. Т. 1 (Б).
13. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/4expseminar/Bajburin_Ritual.pdf (Дата обращения: 20.09.2017).

14. Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. – М.: Наука, 1982. – 256 с.
15. Еда // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – М.: Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 176-178.
16. Краюшкина Т.В. Органические ощущения, физиологические потребности персонажей и примыкающие мотивы // Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – С. 9-49.
17. Назарова О. Путешествие на край тарелки. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 160 с.
18. Похлебкин В.В. Из истории русской кулинарной культуры. – М.: Центрполиграф, 2009. – 451 с.
19. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных / Сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. – Новосибирск: Наука, 1993. – 352 с.
20. У ключика у гремучего: дальневосточный фольклор / Сост. и авт. вступ. ст. Л. Свиридова. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. – 254 с.

Кравчук О.С., Бугулова З.О.

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

Владикавказ, Россия

Kravchuk O.S., Bugulova Z.O.

North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

Vladikavkaz, Russia

ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ В РОМАНЕ АНАТОЛИЯ МАРИЕНГОФА «ЦИНИКИ»

REFLECTION OF THE EPOCH IN ANATOLY MARIENGOF'S NOVEL "THE CYNICS"

Статья посвящена роману А. Мариенгофа «Циники». События Октябрьской революции, Гражданской войны, нэпа преломляются через сознание рассказчика, профессионального историка и «циника», не принимающего происходящие в стране изменения.

Ключевые слова: *имажинизм, авангард, образ историка, фрагментарная структура, монтаж.*

The article is focused on the A. Mariengof's novel "The Cynics". The events of the October Revolution, The Russian Civil War, The New Economic Policy are refracted through the mind of the narrator, who doesn't accept the changes that the country is going through.

Key words: *Russian Imaginism, Avan-garde poetry, the image of a historian, fragmented structure, montage.*

Нередко к литературным произведениям обращаются как к историческим памятникам, отыскивая в них картины прошлого. В таком случае с помощью произведений формируется представление о культуре, нравах, общественных настроениях времени. Также исходят из предположения, что писатель всегда способен извлечь общее мироощущение своей эпохи.

В 1928 году Анатолий Мариенгоф пишет свой первый художественный роман «Циники». Изначально предполагалось издать роман как за рубежом, так и в СССР, причём писатель получил официальное разрешение на его публикацию в Германии. В 1928 году «Циники» были опубликованы в Берлине, в 1929 был осуществлён перевод на немецкий язык. В СССР же издатели отказали писателю в публикации.

А. Мариенгоф вёл переговоры об издании произведения в Советском Союзе, но его попытки оказались безуспешными. За отказом публикации романа последовала травля Мариенгофа. Примечателен комментарий известного литературоведа Бориса Аверина по поводу данного факта: «В 1929 году роман Мариенгофа "Циники" и роман Е. Замятине "Мы" были осуждены на общем собрании писателей как "антиобщественные проявления в области литературы". Наступала эпоха сугубой высокопарности, когда непривычная форма, ирония и сарказм стали неприемлемы» [1, с. 478].

Советский читатель смог впервые познакомиться с романом только в 1988 году. Критики неоднозначно встретили произведение писателя. Впоследствии текст романа давал почву для множества его трактовок и интерпретаций.

Крупнейший исследователь творчества Мариенгофа Т. Хуттунен называет произведение историей любви двух циников (главных героев Владимира и Ольги) в Советской России 1920-х годов. По мнению учёного, Мариенгоф описывает жизнь двух героев как некое «отражённое существование» [5, с. 111-112]. Исследователь отмечает, что циниками в романе оказываются все действующие лица: и главные герои, и большевики (в лице Сергея Васильевича), и нэпманы (в лице Докучаева) [5, с. 112].

Другую интерпретацию даёт Захар Прилепин в предисловии к собранию сочинений писателя: «Но что бы ни говорили о беспросветном цинике Мариенгофе, мы всё равно чувствуем: ему ведь невыносимо жалко своих героев в "Циниках". Критики наперебой писали про подлость и низость всего происходящего в романе, странным образом не замечая, что это – очень человечная книга» [4, с. 24].

Роман Анатолия Мариенгофа чрезвычайно многообразен. Одной из его особенностей является фрагментарная структура. Композиционное своеобразие романа читатель может видеть с первых же страниц: текст разбит на пронумерованные фрагменты, которые объединяются в четыре датированных раздела: 1918, 1919, 1922, 1924. Это период военного коммунизма, Гражданской войны и начала нэпа. Повествование в романе нелинейно, текст произведения включает в себя отрывки из дневника персонажа, газетные заметки, выписки из официальных документов и т.д.

В сюжетной организации произведения перекликаются и взаимодействуют история и современность. Множественные отсылки к минувшим эпохам осуществляются через сознание рассказчика – историка Владимира Васильевича. До революции он преподавал в одном из московских учебных заведений, однако в 1918 году остался без работы. Единственный источник дохода героя, который указан в романе, – продажа книг из личной библиотеки.

Центральный персонаж романа даёт весьма резкую оценку постреволюционной ситуации в стране. Действительность представляется герою огромным хаосом, помешательством, повлекшим за собой гражданскую войну, массовый террор, страшный голод и т.п. Реплики героя часто содержат едкие слова по отношению к современности:

<...> после нашего «социалистического» переворота я пришёл к выводу, что русский народ не окончательно лишен юмора [3, с. 125];

Час тому назад водопровод действовал. Но ведь вы знаете, Ольга, что в революции самое приятное – её неожиданности [3, с. 127];

Какое счастье жить в историческое время! <...> Воображаю, как нам будет завидовать через два с половиной века наше «пустое позднее потомство» [3, с. 174].

Герой романа негативно оценивает не только российскую современность, но и прошлое. Историк не пытается идеализировать его и противопоставить действительности. Напротив, рассказчик подчёркивает идею цикличности исторического процесса, остро ощущает связь эпох и приводит аналогии из минувшего времени. Исторические эпохи воедино связываются в его сознании с негативными качествами сограждан: трусостью, предательством, подлостью, вероломством. Прошлое в восприятии Владимира Васильевича превращается в продолжение современности. Рассказчик не ищет в истории утешения, для него она является продолжением бесчинств и невежества. Подобные рассуждения встречаются на многих страницах романа:

У меня дрожат колени. Я сын своих предков. В моих жилах течёт чистая кровь тех самых славян, о трусивости которых так полно и охотно писали древние историки [3, с. 135];

Москва черна и безлюдна, как пять веков тому назад, когда городские улицы на ночь замыкались решётками [3, с. 138];

Если верить почтенному английскому дипломату, Иван Грозный пытался научить моих предков улыбаться. Для этого он приказывал во время прогулок или проездов «рубить головы тем, которые попадались ему навстречу, если их лица ему не нравились». Но даже такие решительные меры не привели ни к чему. У нас остались мрачные характеры [3, с. 138];

Из приказа Петра I:

«Кто с приступа бежал, тому шельмованым быти... гонены сквозь строй и, лица их заплевав, казнены смертию».

Из приказа Наркомвоенмора:

«Если какая-нибудь часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар, вторым командир».

Еще:

«Трусы, шкурники и предатели не уйдут от пули. За то я ручаюсь перед лицом всей Красной Армии» [3, с. 154-155];

На «подлость нации» не противоречу. Капитан Мержерет <...> рассказал с примерной правдивостью и со свойственной французам элегантностью о нашем неоспоримом превосходстве невежливостью, лукавством и вероломством над всеми прочими народами [3, с. 203].

Главный герой романа А. Мариенгофа «Циники» может считаться одним из самых ярких воплощений историка в советской художественной литературе. Исследователь М.А. Базанов отмечает, что описанные в романе детали быта героя, научные интересы и методологические предпочтения соответствуют тем, что были свойственны представителям дореволюционного поколения историков в первые послереволюционные годы [2, с. 77].

По мнению Бориса Аверина, цинизм главного героя состоит в том, что свою любовь он противопоставляет революции: *Эсеры, Муравьев, немцы, война, революция – все это чепуха... Предположим, что вся ваша социалистическая пролетарская революция кончается, а я любим... трагический конец!.. а я?.. я купаюсь в своём счастье...* [3, с. 132]. Литературовед отмечает: «Правота Владимира – это правота философии стоиков, Эпикура, Паскаля, чеховского доктора Рагина, утверждающих, что счастье – внутри человека и не зависит от внешних обстоятельств» [1, с. 477].

Действительно, Владимир пытается оградить себя от действительности, он избегает её и ищет спасения в любви. Однако к концу романа центральный персонаж всё же критикует своё собственное равнодушное отношение к историческим событиям. Герой вспоминает историю из детства и проводит аналогию с жизнью своих соседей:

Сейчас я думаю о том, что моя жизнь, и отчасти жизнь Ольги, чем-то напоминает отражённое существование пожилой женщины в круглых очках и её дочек. Мы тоже поселились по соседству. Мы смотрим в щёлочку чужого забора. Подслушиваем одним ухом. Но мы несравненно хуже их. Когда соседи делали глупости – мы потирали руки; когда у них назревала трагедия – мы хихикали; когда они принялись за дело – нам стало скучно [3, с. 218].

Таким образом, ощущение причастности и одновременно стремление к отчуждению от истории выделяет центрального персонажа романа А. Мариенгофа «Циники». Герой становится «лишним человеком» в послереволюционном мире.

Список литературы

1. Аверин Б.В. Проза Мариенгофа // Мариенгоф А.Б. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. – Л.: Художественная литература, 1991. – С. 473-479.
2. Базанов М.А. Взглядом историка: главный герой романа А.Б. Мариенгофа «Циники» как представитель профессионального сообщества своего времени // Челябинский гуманитарий. – 2014. – № 4 (29). – С. 77-85.
3. Мариенгоф А.Б. Циники // Мариенгоф А.Б. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. – Л.: Художественная литература, 1991. – С. 123-228.
4. Прилепин З. Синематографическая история // Мариенгоф А.Б. Собрание сочинений в 3 т. – Т. 1. – М.: Книжный клуб Книговек, 2013. – С. 5-42.
5. Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 272 с.

Краюшкина Т.В.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Россия

Krajushkina T.V.

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East, FEB of the RAS
Vladivostok, Russia

**БОГ, СВЯТЫЕ, СВЯЩЕНОСЛУЖИТЕЛИ И МИРЯНЕ
В КОНТЕКСТЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОЛШЕБНЫХ НАРОДНЫХ СКАЗОК
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПРИМОРЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.)**

**THE GOD, SAINTS, PRIESTS AND LAYPEOPLE
IN THE CONTEXT OF INTERPERSONAL RELATIONS
(BASED ON FOLK AND FAIRY TALES OF EASTERN SLAVS
OF PRIMORYE OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY)**

На материале восточнославянской сказки Приморья анализируются образы Бога, святых, священнослужителей и мирян в контексте межличностных отношений. Делается выводы о бесконфликтном включении православного мировоззрения в ценностную систему представлений волшебной сказки.

Ключевые слова: *межличностные отношения, волшебные сказки, Приморский край, восточные славяне*.

Based on the East Slavic fairy tales of Primorye, the analysis of images of the God, saints, clergymen and laypeople is conducted in the context of interpersonal relations. Conclusions are drawn about the conflict-free inclusion of the Orthodox worldview in the value system of ideas of a fairy tale.

Key words: *interpersonal relations, fairy tales, Primorye Territory, Eastern Slavs*.

Народные волшебные сказки, важную составляющую фольклорного фонда, по праву можно считать хранилищем представлений восточных славян о взаимоотношениях между людьми. Особую группу персонажей, вступающих в межличностные отношения, представляют персонажи, объединенные по признаку веры: это Бог, святые, священнослужители и миряне. Господь представлен в волшебных сказках всегда положительно: атеизм, просуществовав десятилетия, не смог поколебать отношение народа к Православию, выраженное в этом жанре устного творчества. В сказке на сюжет **461** *Марко Богатый* антагонисту стало известно, что скоро к нему пожалует сам Господь. Марко готовится к встрече дорогого гостя, но не узнает Бога, пришедшего к нему в образе нищего. Несмотря на то что волшебная сказка сохранила отголоски многих языческих представлений, она органично впитала и православное мировоззрение. Главное заключается в следующем: анализируемый жанр не выражает идеи богоотступничества, кощунства. В народной сказке данное явление выражено следующим образом: *Расстелил Марко от церкви до дому ковры и расставил стражу, чтобы люди не смели ступить на тот ковер. И видит он: идет по тому ковру до его дома оборванец, а стражка не может ему ничего сделать* [4, с. 45]. Нищий просится переночевать, но Марко ругает гостя, которого так долго ждал: встречает Его не с почетом, а как самого недостойного человека. Господу выделяют место для ночлега лишь на кухне. Там происходит чудесное исцеление, но само оно остаётся за рамками повествования: *А на кухне жила сестра Марка, калека с высохшими руками и ногами. Утром сестра шевельнула рукой – рука шевелится, шевельнула ногой – нога ожила* [4, с. 45]. Сестра Марко тут же начинает вести себя, как здоровый человек, это вызывает удивление у видящих её людей: *Она от радости схватила ведро и пошла по воду людям на удивление* [4, с. 45].

Молитва – естественное делание православного человека. Обращение к Богу нашло своё отражение и в восточнославянской волшебной сказке, но лишь в особом её проявлении: когда положительный персонаж не может чего-либо достичь самостоятельно, он просит об этом Господа. Так, бездетная пара, как правило, царская или купеческая чета, щедро раздаёт милостыню, усердно посещает монастыри, делает туда вклады, супруги молятся о рождении долгожданного дитя, и Бог даёт им просимое: рождается замечательный сын-богатырь, радость родителей, воплощение лучших качеств человека. Материнская молитва со дня моря вынимает, как считают русские. В волшебной сказке отражён и этот аспект: в тяжёлые для сына дни испытаний мать помогает ему своей молитвой, и на помощь сыну является сам свт. Николай Чудотворец.

Любопытно, что и антагонисты (вернее, только один из представителей обозначенного типа персонажей – Марко Богатый (**461 Марко Богатый**)) тоже ездят по монастырям и тоже молятся Богу, но при этом их молитве не приписывается такой функции, как у положительных персонажей: присутствует лишь констатация их молитвы, при этом за рамками повествования оказывается её содержание. По сути, поездка Марко Богатого в монастырь становится причиной того, что он в этом локусе обнаруживает героя, которого, как считает, давно предал смерти: *старый Марко приехал в монастырь Богу помолиться, и тут ему монах рассказал, что этого парня [Василия] выловили в реке* [4, с. 46] (**461 Марко Богатый**). Очевидна двойственность поведения Марко Богатого: он лишь внешне ведёт себя, как православный христианин, при этом постоянно предпринимает попытки предать смерти героя.

В украинской сказке «Безручка» представлена горячая молитва матери о детях, находящихся в смертельной опасности. В сказке повествуется о безрукой калеке, ставшей женой царского сына. Её муж уезжает на службу, а Безручка в отсутствие супруга рожает двух чудесных сыновей. Именно несоответствие внешнего вида детей существующей норме (у одного во лбу месяц, а у другого – звёзды) становится причиной изгнания матери и её младенцев из дома. Калека, мучимая жаждой, наклоняется над речкой, и дети, привязанные к её спине, падают в воду. В безвыходной ситуации безрукая калека обращается в горячей молитве к Богу (больше помочи ждать не от кого), Господь слышит молитву и сразу же отвечает на неё: *Она говорит: «Ой, Господи, когда б руки были, я б их половила!» Дал ей Бог руки, половила она деток, взяла их за ручки, идут* [3, с. 35] (**706 Безручка**). Следует обратить внимание на следующий момент: в молитве героиня просит дать ей только то, чего она лишена, – руки. Спасение же детей от смерти мать возлагает не на Бога, а уже на саму себя (это отражено и в просьбе к Богу, и в выполненной затем Безрукой действии). Важно ещё вот что: лишённая рук героиня просит их не тогда, когда ей отрубили их за несуществующую вину, не во время знакомства с царским сыном, а именно в тот момент, когда жизни других персонажей, самых дорогих для неё, угрожает опасность, и без наличия рук эта ситуация не может быть исправлена. При этом за рамками повествования оказывается благодарение Богу за исполненную просьбу: видимо, согласно представлениям восточных славян о взаимоотношениях Бога и человека, отражённым в волшебной сказке, молитва к Богу никогда не бывает без ответа, она всегда приводит только к положительному результату.

Любопытно следующее развитие сюжета: царский сын случайно заходит в трактир, видит мальчика, своего сына, и, догадываясь о родстве с ним, спрашивает его, чей он. Мальчик отвечает, что у него есть мать и брат, отца же своего он не знает. Царский сын просит мальчика позвать его маму. В трактир входит Безручка. Муж очень обрадовался жене, при этом любопытно построение его приветствия, обращённого к супруге, которую он давно не видел: *Ой, здравствуй, жена моя! Как ты сюда попала? Тебе Бог и руки дал!* [3, с. 35]. То есть сначала он признаёт существующие между ними супружеские отношения, называя её своей женой; после интересуется, как она сюда попала (это указывает на то, что он искал её повсюду, данный мотив присутствует в других сказках на сюжет **706 Безручка**, в

анализируемой же сказке он, к сожалению, не используется); и наконец царский сын замечает изменение, произошедшее во внешнем облике супруги, – появившиеся у неё руки. При этом абсолютно верно называется и Тот, Кто даровал руки: Господь, возможность существования других дарителей даже не предполагается. И в этом случае дарование рук калеке в волшебной сказке (уже с позиции другого персонажа, не-участника ситуации) представлена как абсолютно естественная ситуация, о чём свидетельствует констатирующая конструкция предложения. Жена ведёт себя особым образом: она не отвечает на приветствие мужа (вероятно, это сигнал признания ею их супружества, а поэтому по логике сказки приветствие представляется излишним), не подтверждает и того, что именно Бог даровал ей руки (это и без того очевидно и не требует особого подтверждения). Женщина отвечает лишь на одно из трёх предложений: на вопрос мужа о том, как она оказалась в трактире, бывшая калека не рассказывает обо всех событиях, а называет лишь причину своего появления в этом месте и виновника ситуации: *А твой отец так сделал* [3, с. 35] (**706 Безручка**).

Бог, как считается в восточнославянских сказках Приморья, является Тем, Кто одаривает и без просьбы: Он сам видит потребность в чём-либо и помогает нуждающимся. Именно в этом контексте находятся межличностные отношения между Богом и бедными бездетными стариками. Дарение приписывается Богу в том случае, когда персонажи не могут понять, от кого именно они получили щедрый подарок. Так, герой, приняв обличье коня, приходит к хате бедных стариков: *Вышли они во двор, стали его прогонять, а он не идет. Обрадовались тогда старики, что Бог дал им коня, стали его ласкать* [3, с. 43] (**301D* Солдат находит исчезнувшую царевну**).

В сказке на сюжет **563 Чудесные дары** представлен ещё один тип одаривания: Бог (в других сказках это может быть ветер, журавль или какой-либо иной персонаж) встречает на дороге бедного человека, у которого ветер выдул всю муку. Бога сопровождает святой Пётр, но этот персонаж служит своего рода указателем на то, что даритель на самом деле и есть Бог, потому что в сюжетной линии святой Пётр активно не участвует. Бог, узнав, куда идёт мужик, советует ему не делать этого и за то, что мужик прислушивается к совету, даёт ему подарок: *Не ходи дальше, вот тебе орех, да смотри, пока домой не дойдешь, не говори: «Орех, отворись»* [4, с. 55]. Возвращаясь домой, мужик заходит переночевать в избу, где его обманным путём лишают чудесного ореха. То же самое происходит и со вторым подарком Господа – ослом. Мужик в третий раз отправляется заткнуть нору ветра, и вновь встречает Господа, который преподносит ему третий подарок – костыль. Благодаря костылю мужик возвращает себе украденные у него вещи – орех, содержащий овец, коз, коней и ягнят, и осла, делающего деньги.

Кроме способности даровать необходимое Богу приписывается ещё одна способность – предсказывать будущее, например рождение ребенка. Стоит отметить, что эта функция упоминается в сказке на сюжет **461 Марко Богатый**, где Бог предстаёт перед людьми неузнанным – в облике нищего старика; в волшебных сказках на другие сюжеты (о рождении богатыря, который займёт престол своего деда) подобную роль выполняют другие пожилые, то есть умудрённые опытом, персонажи мужского пола: старики, нищие, звездочёты. Так, Бог предсказывает Марко следующее (предсказание имеет место после упомянутого выше чудесного исцеления сестры Марко, которое, видимо, служит своеобразным подтверждением достоверности предсказания, несмотря на то что реальная действительность противоречит ему): *И еще сказал тот оборванец Марку, что родится у него дочь, и зять расстранижирует его богатства. А Марко был старый и бездетный. Не поверил он, что будет у него дочь* [4, с. 45]. Далее в текст сказки вплетается пословица, в которой также упоминается о Боге, при этом она служит своего рода дополнительным подтверждением того, что Бог так и остался неузнанным: в тексте пословицы Он выступает в паре с антагонистом: *Но чем черт не шутит, когда Бог спит* [4, с. 45].

В число героев волшебной народной восточнославянской сказки включены и такие персонажи, как священнослужители (или супруги священнослужителей). Например, в сказке

на сюжет **650А** *Иван медвежье ушко* говорится о похищении попа (или попады) медведицей (или медведем) и о рождении от этой пары богатыря. Подкидыш может стать приёмным сыном священнослужителя (в сказке на этот же сюжет). Но священники в волшебной народной сказке могут быть и отрицательными персонажами, как, например, в сказке на сюжет **706С** *Терпеливая Елена*: в ней говорится о священнике-вдовце (или дяде-священнике), желающем жениться на родной дочери (или племяннице), девушка же, не желая вступать в противоестественный брак, убегает из дома. Следует обратить внимание на такой факт, что этот персонаж может абсолютно спокойно заменяться другими: негативную роль вместо священника выполняет родной дядя героини или друг семьи, которого попросили присматривать за девушкой, не имеющей священнического сана. Видимо, из логики народной волшебной сказки следует, что наличие сана у отрицательного персонажа ещё более усиливает его вину.

Некоторые сюжеты волшебной сказки испытывали влияние сказки бытовой, как это произошло с некоторыми текстами на сюжет **700** *Мальчик с пальчик* (*Горошек, Воловье ушко*). Как правило, в качестве антагониста в этих сказках выступает барин, но иногда эту функцию выполняет священнослужитель. В советской фольклористике транслировалась идея, что бытовые сказки показывают негативное отношение народа к Православию, но этому утверждению противоречат тексты других жанров. В современной фольклористике принято считать, что бытовые сказки демонстрируют отношение народа к недостойным служителям культа. Именно в этом ключе представлен и образ попа из белорусской сказки, записанной в Приморье в середине XX в. Так, поп ведёт себя неподобающим для священнослужителя образом: *по дороге шел поп с крестин пьяненький и пел песни* [3, с. 31] (**700** *Мальчик с пальчик* (*Горошек, Воловье ушко*)). Затем попу приписывается драка с матушкой и чувство страха, которого также не должно быть у человека его статуса. Даже сам образ попа рисуется в негативном ключе (во всем этом очевидно влияние атеистического мировоззрения сказочницы). Корова проглотила Мальчика с пальчик, он начал играть на дудочке в коровьем желудке, мать испугалась, позвали попа:

Нацепил на себя свои рясы, взял свое кадило и идет.

Пришел в сарай, замахал кадилом, загудел свои молитвы. А мальчик слышит: кто-то поет – и давай подыгрывать.

Как услышал поп, что во чреве коровьем что-то играет на мотив «Господи помилуй!» – перепугался, бросил кадило, подобрал рясы – да ходу! [3, с. 32].

В сказке на сюжет **313А, В, С** *Чудесное бегство* говорится о бегстве пары персонажей (героя и его нареченной невесты) от антагониста. Существует группа сказок, в которых во время погони девушка прибегает к особому виду оборотничества. Своего возлюбленного она превращает в священнослужителя или другого персонажа, имеющего отношение, пусть и не всегда прямое, к культу Христа, сама же становится культовым сооружением (они принимают вид церкви и караульщика при церкви, часовни и сторожа при ней, церкви и попа, церкви и монаха): *обратила Ваню в попа, а себя в церковь* [3, с. 47]. Благодаря тем действиям, которые свойственно исполнять священнослужителю и которые воспроизводит обернувшийся герой, погоня не может и близко подойти к беглецам во второй раз: *Черти подлетели, а в церкви зазвонил колокол, вышел на амвон поп с кадилом и завел свое <...>. Окурил их ладаном. Черти еле ноги уволосили* [3, с. 48].

В волшебной сказке, кроме непосредственного участия в сюжетной линии таких персонажей, как Бог и священнослужители (порой и мнимые) или монахи, существует опосредованное их присутствие, которое угадывается благодаря действиям других персонажей, принадлежащих к группе мирян: об этом свидетельствует упоминание в народной волшебной сказке восточных славян о некоторых таинствах церкви – о крещении (периодически в волшебных сказках упоминается о крещении долгожданных детей, о крещении других новорожденных, если семья не была до этого бездетной, как правило, не говорится; о записывании в святцы дня рождения ребенка [4, с. 45]), о евхаристии (царь в

сказке на сюжет **402** Царевна-лягушка хвалит рубашку, изготовленную младшей невесткой: она столь хороша, что ее можно надевать только для особого случая – причаститься тела и крови Христовой), о таинстве брака (в финале сказки о заключении брака жених и невеста венчаются). В украинской сказке о венчании также упоминается, но в этом случае оно служит своего рода предлогом для убийства героя: антагонист якобы отправляет героя вступить в законный брак с единственной дочерью, сам же пишет письмо, которое должен передать жених, где содержится приказ к жене Марко Богатого бросить героя на растерзание к бодучим быкам: *А ты венчайся с моей дочерью, чтобы к моему приезду ты уже стоял за престолом в церкви* [4, с. 46] (**461** Марко Богатый). Но происходит так, как было озвучено: герой благодаря помощи незнакомца избегает смертельной опасности и венчается с дочерью Марко.

К опосредованному существованию такого персонажа, как Бог, в волшебных сказках можно отнести и упоминание о Нём в выражениях, включённых в речь персонажей, свойственных русским и другим восточным славянам. В анализируемых фольклорных текстах Приморья было выявлено три подобных упоминания. Во-первых, это воздаяние славы Богу (брат имитирует самоубийство, сестра выдает себя криком: «*Ой, братец родный, я же не знала, что ты так сделаешь*». – «*Ну слава Богу, что узнала <...>*» [3, с. 34] (**706** Безручка)). Во-вторых, неоставление Богом, постоянное Божие присутствие (герой отпускает пойманную птицу: *Бог с тобой, лети, ничего мне не надо* [1, с. 1] (**550** Царевич и серый волк и **563** Чудесные дары)). В-третьих, Богу приписывается всезнание, которое при этом указывает на незнание говорящим некоей информации (*Де девалась <...> там Таня или Надя, или кто, и как ее звать – Бог ее знает? Не знаю, на крестинах не была* [2, с. 6] (**532** Незнайка)).

Итак, в сказках восточных славян, записанных в Приморье во второй половине XX в., все проанализированные типы персонажей соотносятся с существующими функциями персонажей, не вступая в противоречие с ними. Бог представлен одним из дарителей, но при этом только Ему приписывается способность исцелять без особых предметов, обладать всеведением, постоянным присутствием в жизни персонажей, изменять обличье, оставаться неузнанным, чего нет у других типов дарителей. Между Богом и прочими положительными персонажами никогда не возникает конфликта, с отрицательными персонажами Бог ведёт себя бесконфликтно: Он не реагирует на их провокации. О святых в волшебных сказках восточных славян Приморья упоминается лишь однажды, при этом святой играет роль своеобразного маркера Бога. Священнослужители в проанализированных текстах могут выполнять функции отрицательных персонажей (благодаря чему возникают конфликтные ситуации между ними и положительными персонажами, причём священнослужители терпят поражение); если герой принимает обличье священнослужителя, то оно служит ему особого рода защитой от антагонистов. Миряне представлены весьма разнообразно: среди положительных персонажей это исцеленная калека, родители героя, сами герои и пр., среди отрицательных персонажей – антагонист, стремящийся уничтожить героя. Внешнее проявление веры у антагониста при недостойном его поведении работает на создание отрицательного облика персонажа.

Список литературы

1. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1977. П. 7. Т. 43.
2. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ. 1990. П. 1. Т. 1 (Б).
3. У ключика у гремучего: дальневосточный фольклор / Сост. и авт. вступ. ст. Л. Свиридова. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. – 254 с.
4. Фольклор Дальнеречья / Сост. Л.М. Свиридова. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1986. – 288 с.

Лю Хуан-Син
Тамканский университет
Тайбэй, Тайвань

Liu Hwang-Shing
Tamkang University
Taipei, Taiwan

БЕСЕДА ПЬЯНОГО С ТРЕЗВЫМ ЧЁРТОМ, ИЛИ КАК ЧЕХОВ ИГРАЕТ С ЧИТАТЕЛЕМ

CONVERSATION BETWEEN A DRUNK MAN AND A SOBER DEVIL OR CHEKHOV'S PLAY WITH THE READER

В статье анализируется парадоксальность содержания и стиля малой прозы А.П. Чехова. Автор выявляет и демонстрирует ключевые средства создания эффекта парадокса, характерные для разных периодов творчества писателя.

Ключевые слова: эзопов язык, абсурдный персонаж, парадокс, Чехов.

The article analyzes the paradoxical nature of contents and style of Chekhov's short stories. The author reveals and demonstrates the key means of creating the effect of paradox typical for different periods of the writer's work.

Key words: *Aesop language, absurd character, paradox, Chekhov.*

Чеховский стиль в разное время описывали, прибегая к таким выражениям, как «ненормальность нормального» [1, с. 21]¹⁰, «случайностная целостность» [6, с. 187], «уродливость красоты» [2, с. 15]. И.А. Бунин выделял «несколько глубинных противоречий в миропонимании Чехова: стремление к одиночеству и неспособность жить в одиночестве; стремление к красоте и вырождение красоты; категорический отказ от бессмертия и жажда бессмертия; отвращение к философии будущего счастья и желание возвысить настоящее – грядущим» [3, с. 62].

Идейно-тематическое содержание произведения обычно заключено в подтексте, и читателя от текста к подтексту ведёт сплетение намёков, иносказаний, сквозных мотивов. Чем больше в нём нитей, тем выше вероятность, что какая-нибудь из них выведет на верный путь.

Однако в произведениях малой формы создать такое сплетение почти невозможно, и писатель должен дать лишь один-единственный намёк, но такой, чтобы читатель его точно заметил и понял именно так, как нужно автору. Если последняя задача не может быть выполнена в точности по причине двойной субъективности произведения, то первая, напротив, выполнима с помощью парадоксов: они обратят внимание читателя ровно на ту часть текста, которая несёт самую важную авторскую мысль.

Чтобы привлечь внимание читателя к той или иной части литературного произведения, а точнее, чтобы овладеть вниманием читателя и вступить с ним в литературную игру, Чехов использует такой приём, как парадокс. Рассмотрим, как именно он это делает в разные периоды творчества.

Эзопов язык

Эзопов язык – иносказательное, замаскированное выражение мыслей, обычно с сатирическим намерением. Это понятие было введено в русское литературоведение М.Е. Салтыковым-Щедриным. Он отмечал: «Привычке писать иносказательно я обязан дореформенному цензурному ведомству. Оно до такой степени терзalo русскую литературу, как будто поклялось стереть её с лица земли» [4, с. 184].

¹⁰ Ср. там же: «страшно нестрашное» (с. 21), «нереально реальное» (с. 22).

В эпоху А.П. Чехова цензура, по всей видимости, ещё не отказалась от этой клятвы, поэтому эзопов язык по-прежнему активно использовался. Кроме того, с помощью эзопова языка можно в ёмкой форме изложить сложное суждение. По этим причинам в творчестве А.П. Чехова иносказание применяется довольно часто, особенно в произведениях малой формы раннего периода.

Если рассматривать парадокс как противоречие ожиданиям читателя и здравому смыслу, то можно сказать, что он содержится в любом иносказании, где главными героями являются звери или заведомо нереальные персонажи, которые говорят и ведут себя, как люди. Чем больше речь или поведение таких персонажей похоже на человеческое и чем меньше эти персонажи отличаются от того, какими их представляет среднестатистический читатель, тем парадоксальнее выглядит произведение. В стремлении разрешить это несоответствие читатель смотрит сквозь иносказательную маску и видит, какие темы и идеи на самом деле поднимает автор.

Например, во второй части рассказа А.П. Чехова «Рыбье дело» (1885) приводится описание того, «какие породы рыб можно изловить животрепещущими в мутной московской воде» [5, т. 4, с. 38]. Повадки рыб в целом описаны верно, но манера описания указывает скорее на характеристики определённого рода людей, скажем: *Щука. Рыба некрасивая, невкусная, но рассудительная, положительная, убежденная в своих щучьих правах. Глотает все, что только попадается ей на пути: рыб, раков, лягушек, уток, ребят...* Когда ей указывают на ее жадность и на несчастное положение мелкой рыбешки, она говорит: «Поговори мне еще, так живо в моем желудке очутишься!» Когда же подобное указание делают ей старшие чином, она заявляет: «И-и, батюшка, да кто ж таперича рыбешку не ест? Так уж спокон века положено, чтоб мы, щуки, всегда сыты были». Когда ее пугают пропечатанием в газете, она говорит: «А мне плевать!» [5, т. 4, с. 38]. Парадоксальность такого описания заставляет читателя предположить, что речь идёт не о щуке, что щука – только метафора. Когда же описаний рыб набирается много и из них можно составить целое человеческое общество, читатель вспоминает, что вся эта рыба ловится в московской воде, то есть речь идёт не просто о каком-то обществе, а о московском. Таким образом, темой рассказа оказывается критика московского общества.

Примером иносказания служит и «Гусиный разговор» (1884). Речь в рассказе идёт о гусях, летящих куда-то в сторону Чёрного моря. Стая гусей делится на молодых и старых. Одни хотят лететь быстрее: – Так нельзя лететь! – говорили они, когда истощался запас сальных анекдотов. – Это черт знает на что похоже! Летим, летим и еще до Чёрного моря не долетели! Эй, вы, ваше -ство! Будете вы по-божески лететь или нет? [5, т. 3, с. 78]. Другие не хотят лететь вообще: – И не понимаю, зачем только мы летим, Гусь Гусич! – говорил один старичок другому [5, т. 3, с. 78]. Сама по себе ситуация не парадоксальна. Но целая система аллюзий, не вписывающихся в представление среднего читателя о гусях, наводит на мысль, что речь идёт вовсе не о гусях и не о ежегодном перелёте. Слова одного из старых гусей явно намекают на консервативную партию: *Летим на Запад, в неведомую бездну, в страну опереток! Согласен, оперетка хорошая вещь, даже необходимая, но поймите же, что мы для нее еще не созрели! Для нас с вами куплет «Все мы невинны от рожденья», пожалуй, еще ничего, для ума же несозревшего он гибель* [5, т. 3, с. 78]. Тот факт, что один из старичков записывает фамилии тех, кто недоволен, – намёк на фискальство: – Вот если бы у тебя в голове было поменьше таких идей, – огрызнулся старик, – то ты не говорил бы так со старшими! Как твоя фамилия? [5, т. 3, с. 79]. Однако это произведение содержит не только критику консервативно настроенного, косного общества. В конце рассказа новость о том, что «до места своего назначения гуси летели благополучно» и «особенного ничего не произошло», позволяет надеяться: общество, на которое намекает автор, тоже благополучно доберётся до пункта назначения, куда бы оно ни направлялось.

Абсурдный персонаж

К концу раннего периода в чеховском творчестве начинаются эксперименты с персонажами как выразителями разных точек зрения. Порой введённый в рассказ абсурдный персонаж высказывает те идеи, которые не решается высказать автор, и рассказчик в некоторых случаях спорит с ним. Таким образом эти персонажи тоже в своем роде защищают автора от цензуры. Вместе с тем их нереальность создаёт у читателя твёрдую уверенность в том, что именно это и хотел сказать автор. Даже спор рассказчика с таким персонажем не доказывает обратного.

Например, в рассказе «Грач» (1886) рассказчик обвиняет грача-долгожителя в глупости и неумении распорядиться временем. Однако читатель склонен прислушаться к мнению грача, транслирующего, на его взгляд, идеи автора, что парадоксально, потому что противоречит традиционной позиции рассказчика в произведении:

Я (продолжая изумляться). Ведь ты пойми, дура: один рубль, положенный в банк по 5 сложных процентов, обращается: через 283 года в миллион! Высчитай-ка! Стало быть, если бы ты 283 года тому назад положил в банк один рубль, то у тебя теперь был бы миллион! Ах, ты, дурак, дурак! И тебе не обидно, не стыдно, что ты так глуп?

Грач. – Нисколько... Мы глупы, но зато можем утешаться, что за 400 лет своей жизни мы делаем глупостей гораздо меньше, чем человек в свои 40... Да-с, г. человек! Я живу 376 лет, но ни разу не видел, чтобы грачи воевали между собой и убивали друг друга, а вы не помните года, в который не было бы войны... [5, т. 5, с. 74-75].

В рассказе грач выступает как оппонент человека, но при этом в споре с рассказчиком он озвучивает мнение, задуманное автором.

Аналогичный вариант иносказания использован в рассказе «Беседа пьяного с трезвым чёртом» (1886). В данном случае чёрт тоже был задуман именно как чёрт, и его общество, его жизнь сравнивается с человеческим обществом и с жизнью героя. Здесь не происходит спора, и сравнение решено в пользу сходства. Однако вопреки традиционному мнению оказывается, что не черти научили человека злу, а уже человек учит чертей. В этой парадоксальной идеи звучит мысль автора о том, что человек в своем злодействе вышел за все возможные пределы: *Мы людей искушали... совращали их с пути добра на стезю зла... Теперь же это занятие, антр-ну-суади, и плевка не стоит... Пути добра нет уже, не с чего совращать. И к тому же люди стали хитрее нас... Извольте-ка вы искусить человека, когда он в университете все науки кончил, огонь, воду и медные трубы прошел! Как я могу учить вас украсть рубль, ежели вы уже без моей помощи тысячи цапнули? [5, т. 4, с. 339].*

Иногда абсурдный персонаж абсурден не сам по себе, а по своей роли в рассказе. Так, собака в рассказе «Разговор человека с собакой» (1885) полностью соответствует представлениям читателя об этом животном. Абсурдной фигуру собаки делают взаимоотношения Романсова с ней. Романсов разговаривает с собакой, меняя в зависимости от течения разговора свое мнение, отношение к собеседнику, даже отношение к себе:

– Наушник, шептун... Ты думаешь, что Егорку Корнюшкина не через меня прогнали? А? А кто, позвольте вас спросить, комитетские двести рублей зажили да на Сургучова свалил? Нешто не я? Гад, фарисей... Иуда! Подлипала, лихоимец... сволочь! ... Кусай! Еши! Никто отродясь мне путного слова не сказал... Все только в душе подлецом считают, а в глаза кроме хвалений да улыбок – ни-ни! ... Лопай предателя! [5, т. 3, с. 188].

Так как Романсов является объектом критики, то его излияния по поводу своего поведения представляют ценность. Воплотить идею произведения удаётся только посредством введения в рассказ абсурдного собеседника. Именно присутствие собаки позволяет Чехову-критику уступить место Чехову-реалисту и Чехову-психологу, чтобы раскрыть сложность даже такой натуры, как Романсов.

Оригинальная композиция

Помимо экспериментов с персонажем и нарративными структурами, Чехов использует парадоксальную композиционную структуру. В рассказе «О бренности» (1886) идейно-

тематическое содержание становится понятным только при сопоставлении подзаголовка (*Масленичная тема для проповеди*) с неожиданным поворотом сюжета (*Подумав немножко, он положил на блины самый жирный кусок семги, кильку и сардинку, потом уж, млея и задыхаясь, свернул оба блина в трубку, с чувством выпил рюмку водки, крякнул, раскрыл рот... Но тут его хватил апоплексический удар* [5, т. 4, с. 364]). И хотя апоплексический удар едва ли имеет что-то общее с масленичной проповедью, эти два разнонаправленных вектора, сложенные вместе, направляют читателя к пониманию идеи автора.

Алогичная тема

Самый смелый и поэтому самый эффективный способ привлечь внимание читателя к теме — это сделать саму тему парадоксальной по отношению к содержанию рассказа, к ожиданиям читателя и даже к мнению рассказчика. Примером такого парадоксального введения темы может служить рассказ «Рыбья любовь» (1892).

На протяжении всего нескольких абзацев рассказчик повествует о судьбе карася, при этом постоянно обращая внимание читателя на то, что тема должна казаться ему странной, и тут же поясняя, что в ней нет ничего странного: *Но я боюсь, как бы не показалось странным, что я хочу занять, внимание серьезного читателя судьбою такого ничтожного и неинтересного существа, как карась. Впрочем, что же тут странного? Описывают же дамы в толстых журналах никому не нужных пескарей и улиток. А я подражаю дамам* [5, т. 8, с. 52]. Рассказчик создаёт парадокс, подсказывая читателю, что тема странна, и при этом доказывая, что в ней нет ничего странного.

Когда этот парадокс вынуждает читателя в самом деле задаться вопросом, к чему же рассказчик выбрал эту историю, повествование резко меняет направление, почти теряя связь с первоначальной историей. Парадоксально много внимания уделяется посторонним персонажам, необходимость которых, несмотря на их видимую ненужность, может быть доказана. В частности, появляется некий инженер Крысин, работающий на литейном заводе, он никак не участвует в повествовании и связан с ним только посредством своего племянника, которого впоследствии целует карась, главный герой рассказа: *На литейном заводе «Кранделя сыновья» служит директором инженер Крысин. У него есть племянник Иван, который, как известно, пишет стихи и с жадностью печатает их во всех журналах и газетах. В один знойный полдень молодой поэт, проходя мимо пруда, вздумал выкупаться. Он разделся и полез в пруд. Безумный карась принял его за Соню Мамочкину, подплыл к нему и нежно поцеловал его в спину* [5, т. 8, с. 53]. Введение этих новых героев, слабо связанных с положенной в основу историей, оправдывается только в том случае, если их появление может помочь читателю решить парадокс тематики всего рассказа. Значит, тема как-то связана с Крысиным или с его племянником. И тогда читателю ничего не остается, как воспринять фразу *с того времени наши поэты стали писать мрачные, унылые стихи* [5, т. 8, с. 53] в качестве истинной темы рассказа. Сопоставив её с другими фразами рассказчика, похожими по содержанию и имеющими так же мало отношения к судьбе карася, читатель приходит к выводу, что весь рассказ — это пасквиль на популярную литературу тех времен. Тема оказывается совершенно не связана с историей карася, но весь рассказ доказывает обратное.

Однако такой смелый приём может быть эффективным лишь до тех пор, пока он неизвестен читателю. Может быть, именно поэтому «Рыбья любовь» — единственный найденный нами пример использования этого приёма А.П. Чеховым.

Пространственно-временное несоответствие

Парадокс пространственно-временного континуума также может быть связан с иносказанием и тогда напрямую способствовать раскрытию темы. Несмотря на то что парадоксы времени и пространства использовались А.П. Чеховым чаще в произведениях, которые относятся к раннему («Сон» (1884), «Сон репортера» (1884)) и зрелому периодам творчества («Спать хочется» (1888), «Гусев» (1890)), применять их для того, чтобы раскрыть идейное содержание, автор стал только в поздних рассказах.

Например, в «Студенте» (1894) Иван Великопольский пересказывает библейскую притчу о тайной вечере и отречении Петра. Но то, как он её рассказывает, и то, как реагируют на эту притчу слушательницы, и даже то, что думает до и после этого Иван, – всё это устанавливает связь между библейскими событиями и тем, что происходит в современном герою произведения обществе. Пространственно-временной континуум притчи оказывается настолько окрашенным личными переживаниями персонажей, что накладывается на пространственно-временной континуум самого рассказа.

Это наложение выражается, в частности, в проекции Иваном его физических ощущений на Петра из пространственно-временного континуума притчи: *Его связанныго вели к первосвященнику и били, а Петр, изнеможенный, замученный тоской и тревогой, понимаешь ли, не выспавшийся* [здесь и далее в чеховских цитатах выделено нами. – Л.Х.-С.], предчувствуя, что вот-вот на земле произойдет что-то ужасное, шел вслед» [5, т. 8, с. 307-308]. И в том, как Иван описывает события во дворе первосвященника, явно основываясь на том, что происходит в аналогичных ситуациях в его мире: *С ними около костра стоял Петр и тоже грелся, как вот я теперь. Одна женщина, увидев его, сказала: «И этот был с Иисусом», то есть, что и его, мол, нужно вести к допросу. И все работники, что находились около огня, должно быть, подозрительно и сурово поглядели на него, потому что он смущился и сказал: «Я не знаю его»* [5, т. 8, с. 308]. Именно парадоксальное сочувствие Петру всех, кто стоит у костра в другом пространственно-временном континууме, вызывает в душе Ивана надежду: *Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смущилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему – к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то <...> потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра. И радость вокруг заволновалась в его душе <...>. Он <...> думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле* [5, т. 8, с. 308-309].

Рассмотрим теперь соотношение парадокса времени и пространства с тематикой более ранних произведений А.П. Чехова. В рассказе «Сон» (1884) пространственно-временной парадокс раскрывает одну из скрытых, подтекстовых тем, которая является результатом лишь одного из возможных прочтений (вполне вероятно, не входивших в авторский замысел).

Главный герой, осужденный за соучастие в ограблении ссудной кассы, в которой работал, находится в арестантских ротах. Он пишет письмо с просьбой пересмотреть дело и рассказывает, что преступление, за которое его осудили, произошло во сне. Если встать на ту же позицию и предположить, что имел место пространственно-временной парадокс, что поведение героя во сне, вызванное муками совести в действительности, вызвало в свою очередь наказание в реальном пространственно-временном континууме, то в этом можно увидеть аллюзию на жестокую цензуру: героя наказывают за поведение, которое он только видел во сне. Это всё равно, что осудить человека на арестантские роты за «преступные мысли». Подтекстовая тема, вполне вероятно, не входила в планы писателя, а потому парадокс времени и пространства можно только условно считать средством раскрытия идейно-тематического содержания рассказа.

Список литературы

1. Бялы Г.А. Русский реализм конца XIX в. – Л., 1973.
2. Мильдон В.И. Чехов сегодня и вчера («другой человек»). – М., 1996.
3. Нива Ж. Чеховская «шагреневая кожа» // Нива Ж. Возвращение в Европу. – М., 1999.
4. Салтыков-Щедрин М.Е. Недоконченные беседы. («Между делом»). 1875 // Собрание сочинений в 20 т. – Т. 15. – Кн. 2. – М.: Художественная литература, 1973.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – М., 1972-1984.
6. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. – М., 1971.

Лю Чжициян

Цзянуский научно-технический университет

Чжэньцзян, Китай

Liu Zhiqiang

Jiangsu University of Science and Technology

Zhenjiang, China

Л.Е. ЧЕРКАССКИЙ О СУДЬБАХ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В КНИГЕ «Я РЯДОМ С КОРНЕМ ДУШУ УСПОКОЮ»

L.E. CHERKASSKY ABOUT THE FATE OF RUSSIAN ORIENTAL STUDIES IN THE BOOK “Я РЯДОМ С КОРНЕМ ДУШУ УСПОКОЮ”

Статья посвящена книге-завещанию известного российского синолога Л.Е. Черкасского «Я рядом с корнем душу успокою». Обращение к ней позволяет автору не только увидеть, насколько дорога Черкасскому китайская поэзия, но и понять значимость российского востоковедения середины XX столетия и его роль в творческом пути Черкасского.

Ключевые слова: *Л.Е. Черкасский, Цао Чжи, новая китайская поэзия, Сюй Чжимо, Ай Цин, российское востоковедение, Сун Шаоян.*

This article deals with the book-testament of the famous Russian sinologist L. E. Cherkassky «Я рядом с корнем душу успокою». Turning to the book lets the author not only see how much Cherkassky values Chinese poetry, but understand significance of Russian oriental studies of the mid-twentieth century and its role in a creative path of Cherkassky.

Key words: *L.E. Cherkassky, Cao Zhi, new Chinese poetry, Xu Zhimo, Ai Qing, Russian Oriental Studies, Song Shaoxiang.*

Выдающийся российский синолог Леонид Евсеевич Черкасский (1925-2003) известен в России и за её пределами. Творческая и исследовательская деятельность Черкасского была очень многогранна и разнообразна. Его знают и как глубокого исследователя-литературоведа, и как заинтересованного литературного критика, автора книг и многочисленных статей о китайской литературе и её взаимосвязях с русской и другими национальными литературами [2]. Не менее известен Черкасский и как теоретик и практик художественного перевода. Именно он впервые познакомил русских читателей с поэзией Лю Баньнуна (刘半农), Лю Дабая (刘大白), Сюй Чжимо (徐志摩), Дай Ваншу (戴望舒) и др. Замечательно и то, что Черкасский подготовил издания многих китайских поэтов. В них были представлены и средневековые авторы – Цао Чжи (曹植), Ло Бинъван (骆宾王), Оу Янсю (欧阳修), Су Ши (苏轼); и поэты нового времени – Хуан Цзуньсянь (黄遵宪), Су Маньшу (苏曼殊), Вэнь Идо (闻一多), Го Можо (郭沫若), Цюй Цюбо (瞿秋白), Ай Цин (艾青) и мн. др. [2, с. 137-141].

Разносторонняя деятельность Черкасского свидетельствует о постоянно углубляющейся картине творческих планов учёного и совершенствовании его аналитической позиции, что позволило выделить четыре основных периода в развитии этой деятельности. Интерес к китайской литературе был сформирован в **1954-1963** годы. В это время внимание Черкасского было сконцентрировано на китайской поэзии Троецарствия (220-280), династий Тан (618-907) и Сун (960-1279). Особенно привлекло Черкасского творчество Цао Чжи (192-232). Следующим периодом в деятельности Черкасского стали **1964-1972** годы, когда заметно расширился его исследовательский и творческий диапазон. В изучении творческих пересечений европейской и китайской поэзии учёный разрабатывает принципы компаративистского сопоставительного анализа. Именно в это время он приходит к необходимости исследования не только классической, но и новой китайской поэзии, развивающейся под влиянием движения «4 мая 1919 г.». В **1973-1985** годы начинается следующий период в творчестве Черкасского. Обратившись к сопоставлению русской и

китайской поэзии, он уточняет и совершенствует принципы сопоставительного литературоведческого анализа. Продуктивным при этом было изучение влияния В.В. Маяковского на новых китайских поэтов. Расширился и переводческий интерес Черкасского, обратившегося к рецепции китайских авторов 1930-40-х гг. **1985-2003** годы – заключительный период в деятельности Черкасского. В это время он уточняет и углубляет свои теоретические позиции, исследуя переводы русской классической поэзии на восточные языки. Особенно богата и разнообразна в это время редакционно-издательская деятельность Черкасского, в результате чего русскому читателю было представлено богатство ориенталистской тематики в русской поэзии XVIII-XX столетий. В этом плане следует отметить работу Черкасского при подготовке к публикации монументальной поэтической антологии «Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы» (1985) [1].

Однако у Леонида Евсеевича есть очень необычная для него книга, которая занимает особое место в творческом наследии. Она названа строкой из стихотворения Цао Чжи, творившего в III веке, – «Я рядом с корнем душу успокою» (2001) [3]. Это очень сложная в жанровом плане книга, в которой не просто изложены интереснейшие мемуары автора, это книга-исповедь, книга-завещание. В ней изложен серьёзно продуманный и глубинно выстраданный взгляд на судьбы российского востоковедения, главным образом – китаеведения. Судьба предоставила Черкасскому счастливую возможность узнать о деятельности академиков «отцов-основателей» российского востоковедения: С.Ф. Ольденбурга (1863-1934), В.М. Алексеева (1881-1951), Н.И. Конрада (1891-1970) и др. Выразив огромную гордость за достижения таких известных российских синологов, как Т.П. Григорьева (1929-2014), Л.З. Эйдлин (1909-1985), М.Е. Шнейдер (1921-1987), В.В. Петров (1929-1987) и мн. др., Черкасский ярко и вдохновенно рассказал о многих из них. Ведь он не просто знал этих людей – всю жизнь они оставались его духовно близкими учителями, друзьями и единомышленниками.

Например, коллегой Черкасского по отделу литературы Института Востоковедения РАН была известный востоковед **Татьяна Петровна Григорьева**, по мнению Черкасского, философ по «складу ума и сердца». Она написала сложную и глубокую книгу «Дао и логос (встречи культур)», где ставится проблема соотношения культур как единства и многообразия, освещаются те стороны мировоззрения древних китайцев и древних греков, которые повлияли на формирование разных путей познания [3, с. 55].

Черкасский высоко оценил переводчицу, литературоведа-синолога **Ольгу Лазаревну Фишман**, сказав, что она является образцом «совершенного человека», каким его себе представлял древнекитайский мудрец и философ Конфуций. Фишман публиковала литературоведческие работы, переводы китайских классических новелл, философскую прозу, современных писателей Лу Синя, Тянь Ханя, Чжао Шули. Ей были написаны серьёзные аналитические статьи, связанные с главными её трудами – монографией «Китайский сатирический роман» (1960) и книгой «Три китайских новеллиста» (1980). В этих исследованиях проявились «недюжинная эрудиция» автора, её умение мыслить нетривиально, её высокая мораль – первооснова творчества учёного. По убеждению Черкасского, Фишман не только великолепно ориентировалась в море иероглифических текстов, но и глубоко понимала их глубинные связи с творениями предшественников, их эстетическую, историческую, познавательную ценность; она постигала законы развития прозы, её символики, языка, тропов, ритма, фабулы и сюжетосложения [3, с. 92-94].

Большой вклад в российское китаеведение внёс и **Марк Евсеевич Шнейдер**, которого привлекала деятельность Цюй Цюбо как теоретика литературы, писателя-публициста, поэта и переводчика, критика-марксиста, одного из основателей Коммунистической партии Китая. Шнейдер любил свою китаеведческую профессию. По словам Черкасского, Марк Евсеевич отличался «высокой самодисциплиной и организованностью». Много лет Шнейдер успешно руководил написанием коллективного ежегодного «Аналитического обзора китайской литературы». Кроме того, многие годы Шнейдер посвятил воссозданию целостной картины

распространения русской литературы в Китае – её переводов, оценок, творческого освоения. Марк Евсеевич составил почти исчерпывающую библиографию переводов на китайский язык произведений Л.Н. Андреева, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского, А.С. Пушкина, А.П. Чехова. Много позднее, когда Марка Евсеевича не стало, Черкасский, пытаясь по просьбе вдовы учёного Елены Михайловны разобраться в его бумагах, обнаружил не менее десяти машинописных страниц библиографии переводов Гоголя на китайский язык, составленной с таким же усердием, как и все, что он делал в науке. В Институте Марка Евсеевича любили. Его хоронили с великой горечью и печалью. Говорили хорошие слова и несли цветы. В Израиле Черкасский часто вспоминал Шнейдера, постоянно думал: «эх, будь со мной рядом Марк, душа моя стала бы спокойнее» [3, с. 72-74].

Огромное влияние на Черкасского оказал также видный деятель в изучении китайской литературы, преподаватель многих известных синологов – **Виктор Васильевич Петров**, который всегда был очень точен и конкретен в своих трудах. Книга Петрова о современном китайском поэте Ай Цине, долгие годы остававшаяся основным источником научных сведений об этом выдающемся авторе, была в числе тех работ, с которых в отечественной науке начался период монографических исследований об отдельных писателях и драматургах Китая. Черкасский с любовью рассказывает о той культурной атмосфере, которая царила в «прекрасном доме» Виктора Васильевича. Дом Петровых был для Черкасского символом России и открытости её культуры. «Будь в России больше таких домов, – писал Черкасский, – в ней никогда не возникло бы “острых национальных проблем”» [3, с. 81]. Отдельное внимание в книге уделено необыкновенной библиотеке Петрова, в которой, «кроме справочников, словарей, тезисов и докладов всех мыслимых и немыслимых конференций и симпозиумов, вмещалась почти вся литература Китая новейшего времени». Те, кто был приобщён к её тайнам, вспоминал Черкасский, воспринимал её «отнюдь не застывшим монументом, но живым, существующим во времени и пространстве, организмом, в котором отдельные части гармонично и рационально сочетались с другими частями, в совокупности составляющими некий великолепный “гарвеев круг”!» [3, с. 81].

Самый влиятельный человек для Черкасского – это его учитель **Лев Залманович Эйдлин**, знаменитый ученик В.М. Алексеева. Большую значимость для российского востоковедения имела его докторская диссертация, посвящённая творчеству великого средневекового поэта Тао Юаньмина. Эйдлин стоял во главе целой школы востоковедов, подготовив защиты более 20 соискателей степени кандидата наук, в том числе – самого Черкасского. И впоследствии Эйдлин долго оставался его постоянным экспертом, критиком и ответственным редактором монографий и сборников переводов. Высокопрофессиональный исследователь китайской словесности, Эйдлин стал известен и обстоятельной методологической разработкой принципов восточного поэтического перевода, и прекрасными переводами с китайского языка, в частности, того же Тао Юаньмина. Черкасский высоко ценил безупречный литературный вкус Эйдлина в его переводах. Опытный профессионал, читающий переводной текст, часто сразу видит допущенные неточности перевода и потому хочет тут же сравнить его с оригиналом. Но при чтении переводов Эйдлина, признавался Черкасский, у него совершенно не было такого желания.

Одна за другой встают перед глазами читателя судьбы учёных, ставших творцами российской востоковедческой науки. Эти судьбы стали своеобразными вехами в творческом пути самого Черкасского. Именно эти вехи определили и структурирование его книги – в каждой из глав рассказывается о важном периоде в творческой биографии автора. Особенno сложна рамочная конструкция произведения, представленная названиями и всей книги, и её отдельных глав. Взятая в целом, она не только наглядно отражает динамику общего сюжетного развития книги, но и свидетельствует о том, насколько важна и дорога для автора китайская поэзия, которой он посвятил свою жизнь.

Так, особый смысл в книге Черкасского обретает название завершающей главы – «Я расколол нефритовый сосуд». Автор позаимствовал его из стихотворения Сюй Чжимо (1897-1931) – «Прочь!»:

*Прочь, люди, прочь!
Один стою над горной крутизной;
Прочь, люди, прочь!
Лицом к лицу с небес голубизной...
Прочь, юность, прочь!
В глущи степей пристанище мое;
Прочь, юность, прочь!
Печаль во тьму уносит воронье.
Прочь, грезы, прочь!
Я расколол нефритовый сосуд;
Прочь, грезы, прочь!
Валы и ветер радость мне несут.
Все прочь! Все прочь!
Я вижу тик, взнесенный над землей;
Все прочь! Все прочь!
Какая безграничность предо мной!*

Романтический герой китайского поэта, говоря о разбивании нефритового сосуда, заявляет об отказе от чего-то очень значимого в его прошлой жизни. Неслучайно рефреном у него повторяются восклицания со словом *прочь*: сначала *прочь, люди*; потом *прочь, юность*; *прочь, грезы* и, наконец, *все прочь!*. Образ нефритового сосуда у Черкасского и здесь приобретает свой заветный смысл. Это образ и самого Китая, где этот камень всегда был сводом сложных мифологических представлений о мире и его духовной мудрости. Вместе с тем это одновременно напоминание и о России, в которой Черкасский состоялся как учёный-синолог и которую он всё-таки покидает, разбивая своё такое богатое мудростью прошлое.

Строка Сюй Чжимо не случайно звучит в заключительной главе книги, она очень важна для автора: именно Сюй Чжимо он посвятил монографию, которая вышла после издания книги «Я рядом с корнем душу успокою» и которая считается последней работой Черкасского, – «Сюй Чжимо: Полёты во сне и наяву» [4]. В книге-исповеди Черкасский намекает, что работа о Сюй Чжимо уже состоялась [3, с. 87]. К сожалению, эту книгу не удалось издать ни в России, ни в Израиле. Однако она была опубликована в Китае – благодаря переводческой деятельности известного русиста профессора Сун Шаояна (宋绍香).

Таким образом, книга-исповедь «Я рядом с корнем душу успокою» даёт понять, насколько важна и дорога была для её автора китайская поэзия: не случайно в качестве названия книги и всех её глав Черкасский использует строки из стихотворений китайских поэтов. В контексте книги выдающегося востоковеда эти строки приобрели новый эстетический и духовный смысл.

Список литературы

1. Восточные мотивы: стихотворения и поэмы / Сост. Л.Е. Черкасский, В.А. Муравьев; послесл. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Наука, 1985. – 508с.
2. Лю Чжицян. Основная периодизация исследовательской, творческой и просветительской деятельности Л.Е. Черкасского // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1. – С.137-141.
3. Черкасский Л.Е. Я рядом с корнем душу успокою. Монологи востоковеда. – Иерусалим. –2001. – 236 с.
4. 切尔卡斯基著,徐志摩: 在梦幻与现实中飞行。宋绍香译。天津大学出版社。2015。 288页。
(Черкасский Л.Е. Сюй Чжимо: полёты во сне и наяву / Пер. Сун Шаоян. – Изд-во Тяньцзиньского университета, 2015. – 288 с.)

Нгуен Тхи Ко

Институт иностранных языков
при Ханойском государственном университете
Ханой, Вьетнам

Nguyen Thi Co

University of Languages and International Studies
– Vietnam National University
Hanoi, Vietnam

«ДРУГАЯ ПРОЗА» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ОСОБЕННОСТЬ РАССКАЗОВ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ)

“THE OTHER PROSE” IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE (SPECIAL FEATURE OF STORIES BY L. PETRUSHEVSKAYA)

В статье на примере рассказов Л. Петрушевской рассматривается характерная особенность российской «другой прозы» – детальное изображение негативных сторон окружающей действительности. Отмечается, что, изображая страшную, беспросветную жизнь своих героинь, Петрушевская в то же время показывает, что главным мотивом их даже самых некрасивых поступков является святое чувство самоотверженной материнской любви.

Ключевые слова: *другая проза, особенность, абсурд, запретные темы, детальное изображение, выживание, жестокость, судьба, дно общества.*

Based on L. Petrushevskaya's stories, the article considers a characteristic feature of Russian “the other prose” – detailed picture of negative sides of actual reality. It notes that describing terrible and hopeless lives of her female characters, Petrushevskaya, at the same time, shows that the main motive of their most awful actions is a sacred feeling of self-sacrificing motherly love.

Key words: *other prose, feature, absurdity, prohibited topics, detailed description, survival, cruelty, fate, bottom of society.*

Русская проза конца XX века пережила мощное потрясение и растерянность от масштаба произошедших в России событий, социальных изменений и порождённых ими идей и человеческих эмоций. Являясь динамичной системой, существование которой обусловлено как закономерностями литературного процесса, так и политico-социокультурными факторами, она развивалась в рамках разных стилевых течений, жанровых образований и форм, которые, в частности, возникали вдруг, вне традиции, вне идеологии, как результат словесного творчества и особый эстетический феномен. Устойчивое место в литературе заняла так называемая «другая проза», к которой можно отнести очень разных по своим стилистическим манерам и тематическим привязанностям авторов. Самые известные представители этого направления – Т. Толстая, В. Пьецух, Вик. Ерофеев, С. Каледин, Л. Петрушевская, Евг. Попов, А. Иванченко, М. Кураев. Их объединяла общая тенденция – изображение «жизни как она есть», с жестокой правдой об обществе и ненавистью к идеологии, проповедничеству и морализаторству. Этим она привлекла внимание огромного количества читателей не только в России, но и за рубежом. Сегодня «другая проза» продолжает активно развиваться. Её характерными чертами являются недоверие к идеологии, неприятие политизированного искусства, поиски полной эстетической свободы, нового языка литературы, уход от навязывания позиции автора.

Необходимым изобразительным элементом «другой прозы» является абсурд, возникающий из реальной жизни и составляющий её внутреннее качество, порождённое социальной, исторической, бытовой действительностью. «Другая проза» рассматривалась как некий идеально-эстетический конгломерат, содержащий в себе несколько разошедшихся стилевых тенденций. Среди них выделяется экзистенциальная проза как особое явление современной русской литературы конца XX века. В произведениях экзистенциального

направления «другой прозы» раскрыты темы, которые ранее были запретными: армейская дедовщина, ужасы тюрем и «химии», быта бомжей и лимитчиков, проституция, смерть и её физиология, болезнь, любовные отношения, сексуальная неудовлетворённость, abortionы, алкоголизм, бедность, борьба за физическое выживание и т.п.

Авторы «другой прозы» проявляли особый интерес к «униженным и оскорблённым», к «маленькому человеку», к мотивам его поступков в отношениях с окружающими людьми. В их произведениях изображены ситуации издевательств, изощрённых пыток, унижения, избиения, насилия и др. И через всё это писатели показывают, что в современной мирной жизни беспрерывно идёт кровавая война за выживание, за кусок хлеба, за самое необходимое. Изображая жертв и жестокость этой войны, они дают понять читателю: выживают в этой войне только те, кто научился принимать её условия как норму – без возмущения, без презрительности и чувства совести. Такой подход к изображению жизни получил название «чернухи».

В соответствии с этими принципами представители литературной «чернухи» склонны к детальному изображению негативных сторон жизни, «дна» общества. Они не маскируют страшную, жестокую действительность, где правит ложь, фальшь, лицемерие и демагогия, «где попирается достоинство человека, где хрупка грань между жизнью и смертью, где убийство воспринимается как норма, а смерть – как избавление от издевательств» [1, с. 183]. Показывая грязные стороны жизни, писатели не дают авторских оценок событиям, а только констатируют факты.

Наиболее ярким представителем данного направления является Людмила Петрушевская: она принадлежит к наиболее популярным, «читаемым» писателям России конца XX – начала XXI веков. В своих произведениях Л. Петрушевская талантливо и смело показала страшные реалии, тёмные стороны российской жизни эпохи «застоя» и первых лет «перестройки».

Основным предметом изображения в рассказах и повестях Л. Петрушевской стала тяжёлая судьба и серая, беспросветная жизнь женщины – от юности до старости. Проблемы, которыми мучаются её героини, – это бедность, необходимость работать за гроши, пьянство и насилие мужа, его уход к другой женщине, сын в тюрьме, мать в психбольнице, дочь рожает ребёнка неизвестно от кого, «нет денег на питание» и т.п.

Особенно полно самобытность авторской манеры Л. Петрушевской раскрывается в рассказе «Свой круг». В рассказе изображается сложившийся мир знакомых, постоянно общающихся людей, приятелей главной героини, которые хорошо знают друг друга, весело проводят свободное время и праздники, любят путешествовать и, что особенно важно, вместе «прошли политические процессы». Казалось бы, они стали близкими, родными людьми, но в представлении главной героини это обычные посредственности с пошлыми, обыденными интересами, растерявшие свои идеалы и ценности. Единственное, что для них осталось свято, – это дети. Автор показывает окружающую действительность через призму сознания главной героини-рассказчицы. Она представлена как грубая, завистливая особа, которая живёт с убеждённостью в том, что её никто не любит, так как она умна, язвительна, независима, самостоятельна и часто говорит людям неприятную правду, гадости и даже оскорбляет их. В общении с людьми «своего круга» у неё вырабатывается беспощадный взгляд на мир, который лишает возможности испытывать высокие чувства и доверие. Она не верит в искренность окружающих её людей и существование у них высоких чувств и считает, что если чего-то и можно от них добиться, то только хитростью, только обходным маневром, игрой на их слабостях. Петрушевская изображает героиню в её обыденной жизни, но эта жизнь лишена гармонии, тепла, человечности и доброты. Это жестокая жизнь, полная безысходности. Героиня недавно похоронила родителей, а теперь испытывает ужасные страдания – у неё смертельная болезнь. Она знает, что умрёт, и её беспокоит и мучит не болезнь, а судьба сына после её смерти. Чтобы маленький сын не попал в детдом, не остался без поддержки и помощи, она устраивает сцену, провоцируя «свой круг» на проявление

высоких человеческих чувств и желая вызвать у бывшего мужа и подруги сочувствие и ответственность за судьбу её сына. И её расчёт оказывается правильным: люди «своего круга», которые «могли спокойно разрезать друг друга на части», «все, как один, не могли видеть детской крови» [2].

Своим поступком героиня добивается своей цели и ценой отказа от единственного оставшегося у неё родного человека обеспечивает ему заботу и поддержку в будущем, но её поведение не вызывает ни жалости, ни сочувствия со стороны членов «своего круга» и может расцениваться только как проявление рассудочности, жестокости, эгоизма. Однако в её поступке обнаруживается и крайняя степень материнской самоотверженности – во имя сына, ради его будущего. Она жертвует доброй памятью о себе в глазах собственного ребёнка (с надеждой, что когда-нибудь он поймёт её), чтобы обеспечить ему жизнь в заботливой семье с родным отцом.

Л. Петрушевская не судит своих героев, не выражает своё отношение к ним, а только изображает происходящее, но мы надеемся, что описанная ею история не столь типична для общества, а отражает отдельные «тёмные углы» российской действительности эпохи «застоя» и первых лет «перестройки».

В своих произведениях Петрушевская часто заставляет своих героев бороться с жестокими жизненными обстоятельствами. И в борьбе за выживание, за свою семью героини Петрушевской обнаруживают лучшее, что есть в женщинах, – святое чувство любви к своему ребёнку. Именно ребёнок как воплощённое продолжение жизни может заставить этих женщин примириться с безобразным, бесчеловечным бытием. Этим Людмила Петрушевская отличается от остальных авторов «другой прозы».

Таким образом, произведения «другой прозы» представляют новые тенденции изображения действительности – отражения полной «правды жизни», без утаивания её тёмных, страшных сторон. Эти произведения производят глубокое, незабываемое впечатление на читателей не только в России, но и за рубежом. Однако во Вьетнаме по социально-политическим причинам это направление современной русской литературы мало изучается. Поэтому в программу данного курса входят только обзорные лекции, которые знакомят студентов с именами и творчеством лучших представителей «другой прозы» и дают самое общее представление об особенностях такой литературы.

Список литературы

1. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века. – М.: Флинта, Наука, 2005. – 320 с.
2. Петрушевская Л. Свой круг // Новая карта русской литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.litkarta.ru/russia/moscow/persons/petrushevskaya-l/svoi-krug/

Первушина Е.А.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Pervushina E.A.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ СОНЕТНЫХ ВСТАВОК В КОМЕДИИ ШЕКСПИРА «БЕСПЛОДНЫЕ УСИЛИЯ ЛЮБВИ»

RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE INSET SONNETS IN SHAKESPEARE'S COMEDY "LOVE'S LABOUR'S LOST"

Комедия Шекспира «Бесплодные усилия любви» отличается от других его произведений наличием многочисленных сонетных вставок. В статье анализируются русские переводы произведения, авторы которых смогли увидеть, оценить и адекватно воссоздать сонеты, включенные в пьесу.

Ключевые слова: Шекспир, «Бесплодные усилия любви», русские переводы Шекспира.

Shakespeare's comedy "Love's Labour's Lost" differs from his other works by the presence of numerous inset sonnets. The article analyses the Russian translations of the comedy, whose authors were able to see, evaluate and adequately reconstruct the sonnets included in the play.

Key words: Shakespeare, "Love's Labour's Lost", Russian translations of Shakespeare.

Шекспировская комедия, в оригинальном названии которой так красиво переливаются повторяющиеся согласные, – «Love's Labour's Lost»¹¹ – отличается от других его драматических произведений тем, что в ней как ни в какой другой пьесе удивительно едины Шекспир-драматург и Шекспир-поэт. Причём не вообще поэт, а именно поэт-сонетист. И зарубежные, и отечественные исследователи давно обратили внимание на сонетные вставки в произведениях Шекспира [об этом подробнее см.: 5; 6], на важную художественную роль этих вставок в организации композиционного строя и создании особой художественной атмосферы в таких пьесах. «В театре Шекспира не было никаких световых эффектов, привычных для театра нашего времени. Однако Шекспир осветил момент знакомства двух заглавных героев ослепительно ярко, используя всего лишь спокойное, не всем заметное "сияние" сонета», – отметила Е.В. Халтрин-Халтурина, говоря о «Ромео и Джульетте» [5, с. 37]. Более всего таких вставок в комедии «Love's Labour's Lost». Анализируя сонеты, включенные в эту комедию, Е.В. Халтрин-Халтурина сделала вывод об их циклическом единстве и о том, что этот сонетный цикл явился художественным центром произведения, определив развитие его сюжета по принципу «испытания сонетосложением» [6, с. 730-754]. Поэтому от переводчика «Love's Labour's Lost» требовался особый поэтический тракт в воссоздании «сонетного духа» пьесы. Переводчик должен был обладать тонким творческим ощущением той гармонии, в которой соотносились содержательная идея сонета и его удивительная форма, эстетически ориентированная на пропорции золотого сечения.

В России «Love's Labour's Lost» узнали позднее других творений Шекспира – в 1868 г., когда назрела необходимость публикации собрания его сочинений, для чего нужно было перевести всё до сих пор не переведённое. Во второй половине 1860-х гг. состоялось одно из самых известных таких собраний, подготовленное Н.А. Некрасовым и Н.В. Гербелем [4], где и была впервые напечатана указанная комедия. Её первым переводчиком стал П.И. Вейнберг,

¹¹ Русские переводчики по-разному переводили это название. Самой распространённой стала версия П.И. Вейнберга – «Бесплодные усилия любви». Н.Х. Кетчер перевёл это название как «Тщетный труд любви», П.А. Каншин – «Напрасный труд любви». Готовится к изданию перевод Г.М. Кружкова, названный «Пустые хлопоты любви».

с лёгкой руки которого заглавие «Бесплодные усилия любви» стало наиболее употребимым. В своё время Вейнберг, активно способствовавший развитию и популяризации русско-английских литературных связей, был очень известен, а некоторые выражения из его шекспировских переводов надолго пережили самого автора. Именно вейнберговский Отелло впервые произносил знаменитое: *Она меня за муки полюбила, / А я ее – за состраданье к ним.* Впрочем, Ю.О. Домбровского эта переводческая находка раздражала неточностью. Вейнберг и в самом деле во многом был очень неточным. Так, стараясь воссоздавать в своих переводах главным образом полноту словесного содержания оригинала, он не воспроизводил изумительной смысловой наполненности и лаконизма шекспировских метафор, которые Б.Л. Пастернак называл стенографией большой личности, скорописью её духа [3, с. 176]. Вейнберг часто произвольно увеличивал количество поэтических строк оригинала, искренне считая это допустимым и правильным. Подобное многословие не просто утяжеляло отдельные выражения, в переводе «Бесплодных усилий любви» оно принципиально меняло жанрово-эстетический модус этой уникальной комедии, большая часть которой написана рифмованными стихами и поэтически инкрустирована сонетными вставками. Но Вейнберг всякую поэтическую форму считал чем-то второстепенным, в переводе «Дон Жуана» Байрона он даже предлагал отказаться от октав. Неудивительно, что и в «Бесплодных усилиях любви» Вейнберг не счёл нужным сохранять сонетные формы.

Вообще в XIX столетии в России, пережившей ситуацию своеобразного творческого оцепенения перед необычной поэзией Шекспира, возникло даже убеждение в том, что задача точного и эстетически достойного перевода вообще невыполнима. В результате у нас долго и серьёзно разрабатывалась программа прозаических переводов стихотворных текстов Шекспира. Самым известным автором и издателем такого перевода стал Н.Х. Кетчер [2]. В своё время его работа вызвала большой интерес, но время показало, что эти довольно быстро забывшиеся переводы выполнили всего лишь вспомогательную миссию своеобразного подстрочника, в котором совершенно отсутствовал «сонетный аромат» оригинальной пьесы.

Поворотным этапом в русской жизни «Бесплодных усилий любви» стал советский период. Известно, с каким энтузиазмом в первой трети и в середине XX столетия в СССР осуществлялась важнейшая социокультурная стратегия – позиционирование России как страны высочайшей читательской культуры. Произведения отечественной и зарубежной литературы выпускались огромными тиражами; иностранных авторов при этом предпочитали печатать в новых переводах, выполненных советскими авторами. В середине 1930-х гг. началась работа над первым в СССР полным собранием сочинений Шекспира. Комедия «Бесплодные усилия любви» была представлена в этом издании в переводе М.А. Кузмина [8], одного из самых спорных и даже загадочных поэтов Серебряного века. «Когда видишь Кузмина в первый раз, – писал М.А. Волошин, – то хочется спросить его: “Скажите откровенно, сколько вам лет?”, но не решаешься, боясь получить в ответ “Две тысячи”» [1, , с. 471]. Наделённый даром высокой поэтической игры и тонким чувством поэтической формы, Кузмин, казалось бы, совершенно не соответствовал тенденциям своего времени. «Но почему же он возник теперь, здесь, между нами в трагической России, с лучом эллинской радости в своих звонких песнях и ласково смотрит на нас своими жуткими огромными глазами, усталыми от тысячелетий?» – удивлялся М.А. Волошин [1, , с. 477].

Конечно, такой самобытный стихотворец, каким был Кузмин, не мог не захотеть воссоздать в своих переводах особенности стиховой манеры Шекспира. К тому же Кузмин был человеком высокой музыкальной культуры. Ученик Н.А. Римского-Корсакова, А.К. Лядова и др., он сам стал автором многих музыкальных произведений. Неудивительно поэтому, что найденная Кузминым интонационная музыка шекспировского стиха в «Бесплодными усилиями любви» – его важное переводческое достижение, даже несмотря на явные просчёты в этой работе. Важно и то, что Кузмин имел опыт переводческой работы с

сонетами Петрарки и Шекспира¹² и не мог не услышать тех сонетных мелодий, которые создавали особую поэтическую атмосферу пьесы. Приведём для примера кузминский перевод так называемого «повинного» сонета Бирона, включённого в его монолог о вреде притворства и чрезмерной вычурности слов (V акт, 2 сцена). Введём в цитату для наглядности сонетную разбивку строф и покажем характерную рифмовку английской разновидности сонета.

<i>Кудрявым не доверюсь я словам;</i>	a
<i>Из азбуки не почерпну привета;</i>	b
<i>Не буду маски придавать чертам</i>	a
<i>И, как арфист слепой, играть в поэта;</i>	b
<i>Довольно шелком слов лелеять слух;</i>	c
<i>Гипербол бархатных с меня довольно,</i>	d
<i>Сравнений книжных: как от песьих мух,</i>	c
<i>Язык от них во рту распух невольно.</i>	d
<i>От них я отрекаюсь и клянусь</i>	e
<i>Перчаткой белой, – но рука белее, –</i>	f
<i>Для выраженья чувств я обращаюсь</i>	e
<i>Лиши к «да» и «нет» холицовым, без замеи.</i>	f
<i>Итак, начну: любовь моя крепка,</i>	g
<i>Без кривизны, без всякого сучка...</i>	g

Перед нами налицо все формальные признаки сонета, включая характерную стиховую ритмику пятистопного ямба и интонационное легато сонетного звучания. Столь же очевидно, что переводчик вполне адекватен в воссоздании сонетной сюжетной динамики и своеобразного метафоризма шекспировских сравнений. Однако дело не только в том, что Кузмин «правильно» перевел сонетные вставки в комедию – он в принципе воспринял комедию не столько драматическим, сколько поэтическим произведением.

К сожалению, и Кузмин-поэт, и Кузмин-переводчик были не поняты и не оценены современной ему читающей Россией, а его литературные переводы подверг самой жёсткой критике К.И. Чуковский. Особую остроту этим переводческим разногласиям придавала казавшаяся тогда непримиримой полемика между сторонниками «учёно-академического» направления, развивавшими идеи буквального перевода как науки, и их противниками, утверждавшими принципы вольного перевода как искусства. Одним из самых деятельных и последовательных поборников вольного перевода был именно Чуковский. Больше всего его не устраивало стремление Кузмина сохранять ритм и количество строк оригинала. Это формалистское, по мнению Чуковского, служение «фетишу равностroчия» было следствием обращения к заведомо порочному методу и заставило Кузмина «превращать самые простые и ясные фразы в какие-то замысловатые ребусы» [7, с. 648]. Поэтому Чуковский отнёс «Бесплодные усилия любви» Кузмина к тем не одобренным им переводам, которые предназначались не для театра, а для кабинетных посетителей библиотек и читален.

В 1945 г. Чуковский опубликовал собственный перевод «Бесплодных усилий любви» [9]. В его переводческом прочтении главным стало осознание театральной предназначенности комедии. Царящая в ней атмосфера блистательной карнавальной игры и остроумного веселья располагала к импровизации в духе итальянских комедий дель арте и тем более укрепляла Чуковского в принципах вольного перевода. Он отказывался от усложненных метафорических образов Шекспира, чтобы сделать свой переводной текст легко произносимым и легко воспринимаемым на слух. Чтобы подчеркнуть сценическую действенность произведения, он смело урезал оригинальный текст почти на треть.

¹² Известно, что Кузмин перевёл почти всю «дружескую» часть «Сонетов» Шекспира, но, к несчастью, рукопись этих переводов пропала.

Естественно, что сонетные вставки при таком подходе были совершенно не принципиальны, и Чуковский решительно сокращал или вовсе опускал их. Его работу едва ли можно в полной мере называть переводом, скорее это была сценическая редакция текста шекспировской пьесы.

Знаменательной вехой в истории русского Шекспира стал рубеж 1950-х – 1960-х гг. Вышли в свет труды корифеев советской науки о Шекспире – М.М. Морозова и А.А. Смирнова, А.А. Аникста, М.В. и Д.М. Урновых и др. Были опубликованы первая часть «Библиографии русских переводов и критической литературы на русском языке», составленной И.М. Левидовой, и фундаментальное научно-энциклопедическое издание «Шекспир и русская культура», осуществлённое под редакцией академика М.П. Алексеева. Стало известно имя Л.Е. Пинского, обозначившего перспективы принципиально новых и эпохально значимых подходов к изучению Шекспира. Наконец, в это время появились переводы произведений Шекспира, прославившие отечественную переводческую культуру. Именно тогда были напечатаны шекспировские «Сонеты» в переводах С.Я. Маршака, снискавших самую большую славу и вызвавших огромный интерес к самому поэтическому жанру сонета.

Эти достижения нашли свое воплощение в новом собрании сочинений писателя, выпущенном издательством «Искусство» (1957-1960) [11]. Новое собрание выгодно отличалось от прежнего более развернутым и концептуально обновлённым научно-сопроводительным материалом. Кроме того, значительная часть шекспировских пьес была напечатана здесь в новых переводах, специально выполненных или заново отредактированных для этого издания высокопрофессиональными мастерами – М.Л. Лозинским, Т.Л. Щепкиной-Куперник, Т.Г. Гнедич, М.А. Донским, В.В. Левиком, Б.Л. Пастернаком и др. Перевод «Бесплодных усилий любви» в этом издании был выполнен очень известным и высокопрофессиональным автором – Ю.Б. Корнеевым [10]. Несомненными достоинствами корнеевского переводного текста стали лексическая выразительность, стилистическое многоцветие и талантливое стихотворчество. Не случайно постоянно переиздаваемая версия Корнеева и сейчас удерживает позицию самой предпочтаемой.

В этой статье нам важно отметить, как внимательно и бережно Корнеев отнёсся к сонетным вставкам в комедии. Для примера обратимся к сонету, написанному Лонгвилем Марии (IV акт, 3 сцена). Это стихотворение, как отметила Е.В. Халтрин-Халтурина, полностью отвечает жанровому канону [6, с. 744-745]. Уже в первом кратене мы видим характерные особенности эвфутической манеры, которая кажется Шекспиру особенно подходящей для этого персонажа, – усложнённый синтаксис, замысловатое невероятие поэтических образов и неожиданных олицетворений:

*Did not the heavenly rhetoric of thine eye,
'Gainst whom the world cannot hold argument,
Persuade my heart to this false perjury?
Vows for thee broke deserve not punishment.*

Но у Чуковского ничего этого нет в его упрощённой и вполне привычно звучащей версии:

*Я обещал
Всех женщин ненавидеть,
Я клятву дал
Всех женщин презирать.
Но можно ли, скажи, твои глаза увидеть
И нежной страстью к тебе не воспылать!*

Как видим, переводчик ёщё и графически расчленил две первых строки на половинки и таким образом сломал не только строфический, но и интонационный рисунок оригинала,

поскольку ввёл в переводное стихотворение нотки фольклорного фразовика. Но Корнеев не потерял шекспировской поэтической витиеватости, особенно в двух первых строках первого катрена. Вот полный текст его вставного сонета, в котором мы для наглядности опять обозначим характерную сонетную строфику:

*Хоть ты смогла риторикой очей, –
Кто с ней, небесной, спорить в состоянье? –
Меня от клятвы отвратить моей,
Я не страшусь за это наказанья.
Нет, не презрел я клятву. Ты – богиня,
А я от женичин отрекался лишь
И получу помилованье ныне,
Коль милостью меня ты подаришь.
Обет – дыханье, а дыханье – пар.
Впивай его, как солнце в вышине,
Не отвергая мой смиренный дар.
Хоть я виновен, нет вины на мне:
Какой глупец откажется от рая,
Земной обет нарушить не желая?*

Действительно, переводное стихотворение Корнеева – безусловный сонет. Он сохранил 14-строчие, воссоздал строфическую композицию и рифмическую организацию сонета, он даёт интересные – сонетные – рифмы, он уверенно «держит» сонетную интонацию стихотворения. Но дело не только в форме – Корнеев, уловив гармоническое соответствие стиховой формы оригинального сонета и поэтического колорита его причудливого образного ряда, точен в воссоздании художественного смысла стихотворения. Чуковский потерял его, поскольку вообще перевёл всего лишь два первых катрена стихотворения.

Как видим, лучшие переводчики «Бесплодных усилий любви» в России увидели, оценили сонетные составляющие пьесы и стремились адекватно воссоздать их. Это внимание к вставным сонетам во многом определяло их понимание жанровых особенностей пьесы Шекспира. Естественно, возникает вопрос о том, как меняется жанровая модификация сонета, вставленного в композиционный контекст драматического произведения. Думается, что представленные в данной статье наблюдения могут быть началом такого исследования.

Список литературы

1. Волошин М. Лики творчества. – Л.: Наука, 1988. – 848 с.
2. Драматические сочинения В. Шекспира / Пер. (в прозе) Н. Кетчера. – М., 1858-1879. – Т. 1-9.
3. Пастернак Б. Об искусстве. – М.: Искусство, 1990. – 339 с.
4. Полное собрание драматических произведений Шекспира, в переводах русских писателей. В 4 т. – СПб.: Изд. Н.А. Некрасова и Н.В. Гербеля, 1865-68.
5. Халтрин-Халтурина Е.В. Шекспировские сонеты-диалоги: от «Бесплодных усилий любви» к «Ромео и Джульетте» // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2016. – Т. 75. – С. 35-41.
6. Халтрин-Халтурина Е.В. Сонетные вставки в пьесах Шекспира // Шекспир У. Сонеты. – М., 2016. – С. 725-769.
7. Чуковский К.И. «Бесплодные усилия любви» // К.И. Чуковский. Собрание сочинений: в 15 т. – Т. 10. – М., 2005. – С. 627-655.
8. Шекспир. Бесплодные усилия любви / Пер. М. Кузмина // Шекспир. Полное собрание сочинений: в 8 т. / Под ред. С.С. Динамова и А.А. Смирнова. – Т. 1. – М.: АCADEMIA, 1937. – С. 3-141.
9. Шекспир. Бесплодные усилия любви / Перев. в стихах К. Чуковского. – М.: Всесоюзное управление по охране авторских прав, 1945. – 59 с.
10. Шекспир У. Бесплодные усилия любви / Пер. Ю. Корнеева // Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8 т. – Т. 2. – М.: Искусство, 1958. – С. 393-512.
11. Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8 т. / Под общей ред. А. Смирнова и А. Аникста. – М., 1958-1960.

Позина Н.С.

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова

Хабаровск, Россия

Pozina N.S.

The N.I. Grodekov Khabarovsk Regional Lore Museum

Khabarovsk, Russia

О ПЕРЕВОДАХ А.А. АХМАТОВОЙ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

THE TRANSLATIONS OF CHINESE POETRY BY A.A. АХМАТОВА

Статья посвящена переводам китайской поэзии А.А. Ахматовой и проблеме их авторства.

Ключевые слова: *А.А. Ахматова, переводы, китайская поэзия, Вс.Н. Иванов, стихотворный размер, категории строфики, рифмовки, авторство.*

The article deals with the translations of Chinese poetry by A.A. Akhmatova and the issue of their authorship.

Key words: *A.A. Akhmatova, translations, Chinese poetry, V.N. Ivanov, poetic meter, categories of stanzaic prosody, rhyming, authorship.*

Несмотря на 150 лет существования переводов китайской классической поэзии на русский язык, современные специалисты-синологи говорят о том, что «китайской поэтической классики по-русски нет» [11]. Связано это с невозможностью передачи по-русски китайского стиха, потому что его тоновая основа, ритм зависит от определённого чередования гласных звуков, различающихся высотой тона. Существенные различия в длине слов делают невозможным и силлабическое соответствие переводов оригиналам. К тому же силлабо-тонический стих, характерный для русской поэзии, делится на стопы, которые сами по себе не звучат, существуют как абстракции. «Китаисты называют китайский стих 5-5-7 (и т.д.) – сложным, иногда – стопным, но фактически он состоит из семантических единиц, из более или менее определенного количества слов, а на письме – иероглифов» [8, с. 76].

Многие годы появление переводов было связано с политическими отношениями между двумя странами. Так, в послевоенные годы было сделано большое количество переводов, что стало приметой времени. В 1957 г. был издан четырехтомник «Классическая китайская поэзия», однако издание, подготовленное в сжатые сроки, не отличалось должным уровнем, перед переводчиками стояла непростая задача перевода «тысячи сложнейших строк».

В начале 1950-х гг. к переводческой деятельности обращается А.А. Ахматова, для неё это было вынужденной мерой: её собственные стихи находились под запретом, и «переводы были единственным доступным средством к существованию» [13]. При жизни поэта вышел ряд сборников с переводами: «Корейская классическая поэзия» (1956), «Китайская классическая поэзия» (1956), «Лирика Древнего Египта» (1965), «Голоса поэтов» (1965). В 1950-1960-е гг. Ахматова перевела произведения более 150 поэтов.

По воспоминаниям М.В. Латманизова, А.А. Ахматова в беседе говорила, что «для поэта переводческая деятельность не является творческой, характерной», поэтому она не считала её значимой [2, с. 274]. Исследователи, однако, отмечают, что «работа над переводами в последние годы жизни стала для Ахматовой почти такой же каждодневно необходимой и заслуживающей уважения, как и всепоглощающий её труд над собственными стихами и прозой» [4, с. 30].

Известно, что ряд переводов, изданных под именем Ахматовой, был выполнен не ею. Вдова О.Э. Мандельшама Надежда Яковлевна упрекала Ахматову в том, что можно найти «не больше десяти строчек, переведённых ею самой, а всё остальное сделано с кем попало на половинных началах». Позднее секретарь Ахматовой А.Г. Найман, опровергая слова Н.Я. Мандельштам, говорил, что поэт делилась переводами со своими 5-6 близкими людьми, которые были талантливы и нуждались в материальной помощи [1].

Вопрос авторства переводов с китайского тоже остаётся открытым: они были созданы в соавторстве с Н.И. Хардзиевым, который в конце жизни заявил о своей определяющей роли в этой работе. В статье «О переводах в литературном наследии А.А. Ахматовой» он писал: «Перевод знаменитой поэмы «Лисао» («Скорбь изгнанника») целиком принадлежит мне. <...> В сборнике «Китайская классическая поэзия» (1956, 1958) мне принадлежит большая часть переводов. У меня сохранились экземпляры обоих изданий с многочисленными моими поправками для несостоявшегося третьего издания» [13]. С.И. Кормилов и Г.А. Аманова считают вклад Н.И. Хардзиева в переводы китайской поэзии менее значительным [8, с. 64]. Составитель собрания сочинений поэта Н.В. Королёва подтверждала, что авторство Н.И. Хардзиева не было единоличным и участие Ахматовой могло быть выражено в окончательной отделке текста или его редактуре: в последние годы жизни он уточнял, что «окончательную шлифовку текста они осуществляли совместно: Ахматова правила его переводы, предлагала свои варианты, которые, кстати, не всегда Хардзиева устраивали» [3, с. 9-10].

Э.В. Песоцкий, готовивший публикацию стихотворных переводов Ахматовой для издания «Библиотеки поэта», рассуждал об авторстве ахматовских переводов: «Существуют мнения о том, что авторами некоторых переводов, подписанных именем Ахматовой, являются другие поэты. <...> Скорее всего, это был результат мастерской правки чужого перевода, сделанной рукой Ахматовой, в результате чего произведение заблистало совершенно новыми красками» [4, с. 15]. Начиная работать над переводами, поэт предварительно беседовала со знатоками поэзии, учёными, знающими историю и культуру соответствующего народа. Ахматова стремилась понять «мироощущение, судьбу, нравственные и философские основы творчества и жизни автора, которого переводила» [4, с. 735].

Для нас в этой связи интересен факт упоминания поэта и её работы в письмах писателя и мыслителя Вс.Н. Иванова (1988-1971). О его личном знакомстве и встречах с А.А. Ахматовой ничего не известно, но в собрании Гродековского музея есть косвенные свидетельства их личных связей: общий круг знакомых и творческих интересов. Вс.Н. Иванов после возвращения из Китая, где он прожил около четверти века, ежегодно приезжал в командировки в Москву, подолгу находясь там, участвуя в писательских съездах, обсуждениях своих книг, работая с редакторами над рукописями произведений, встречаясь и поддерживая отношения с представителями литературной среды 1940-1960-х гг. В первые годы на Родине он восстановил знакомство со многими людьми, с которыми был дружен в годы Гражданской войны, до эмиграции. Среди них – Нина Константиновна Бруни (1900-1989), дочь поэта К.Д. Бальмонта, жена художника Л.А. Бруни.

С Н.К. Бруни Вс.Н. Иванов познакомился в 1919 г. в Омске. В течение многих десятилетий они состояли в переписке. В письмах Вс.Н. Иванов неоднократно отмечал её человеческие качества, подчёркивая уникальность её личности. Она была не только дочерью, женой, матерью многочисленного семейства, хранительницей очага, но и образованнейшей женщиной своего времени, наделённой художественным, музыкальным и литературным талантами. Н.К. Бруни была знакома и дружна с выдающимися людьми своего времени: Леонидом Пастернаком, Арсением Тарковским, Осипом Мандельштамом, Анастасией Цветаевой, Мариной Спендиаровой, Владимиром Татлиным, Владимиром Фаворским, Сергеем Городецким, Николаем Пуниным и Анной Ахматовой. С последней она познакомилась в 1920-е гг. и поддерживала отношения до её смерти.

В письмах Вс.Н. Иванова Н.К. Бруни 1950-х гг. встречаются упоминания об Анне Андреевне. Её внимание к китайской литературе совпало с творческими интересами Всеволода Никаноровича. О китайской поэзии Вс.Н. Иванов писал: «Есть созвездие поэтов Китая. Это три первых поэта – Ли-Бо, Ду-Фу и Бо-Цзюй-и, жившие при династии Тан, правившей в VI-VII веках нашей эры. Ли-Бо и по сей день, бесспорно, считается первым поэтом Китая. В продолжение 1200 с лишним лет не меркнет слава этого поэта. По сей день

он читается, он доставляет радость своим читателям. Есть ли у нас такие поэты? Нет! Стихи этого поэта старше, чем наше «Слово о полку Игореве», лет на 500! А ведь и «Слово о полку» редко кто читает из нас. Значит, китайский язык так устойчив, значит, китайская литература так прочна, что она живет и воздействует на свой народ, обрабатывает, воспитывает его столь длительное время» [7, с. 378].

Вс.Н. Иванов в письме приводит следующее определение перевода: «Знаете ли Вы, что такое перевод с восточной точки зрения? Вот что: это оборотная сторона парчи – всё пиши есть, но переливов нет! Здорово?» [5]. В послании к Н.К. Бруни он сетовал, что «очень досадно, что не могу поговорить с Анной Андреевной о китайских её переводах. Эти молодые китаисты идут от словаря, а не от духа китайского языка, народа etc. Пусть она потребует у них старую «Песню о Великой стене». Её поёт весь Китай. Это целый год в песне. Я не помню подробностей, но они чудесны, и у Анны Андреевны должны хорошо, особенно хорошо получиться» [6]. Кроме того, в дневнике Вс.Н. Иванова за 1966 г. содержится газетная вырезка с некрологом А.А. Ахматовой.

Впервые переводить китайскую поэзию А.А. Ахматова начала в 1953 году. Участвуя в ряде антологий, она сделала переводы стихотворений таких поэтов, как Цюй Юань, Цзя И, Ли Бо, Ли Шан-инь, Мэй Яо-чэн, Вэнь Тун, Юань Хао-вэн, Чжан Кэ-цзю, Фу Жо-цзинь, Сюй Цю, Шэнь Цинь-ци, Юй Чжи. Всего, по достоверным сведениям, в корпус её переводов китайской поэзии входит 22 произведения.

С.И. Кормилов и Г.А. Аманова детально проанализировали ахматовские переводы и отметили господство ямба: без малого 70% текстов написаны пятистопным ямбом, который преобладает в её оригинальных стихах и является одним из двух наиболее распространённых силлабо-тонических размеров в русской поэзии ХХ века. Функционально нейтральный пятистопный ямб в переводах Ахматовой сыграл роль организующей метрической доминанты [8, с. 70].

С точки зрения строфики и рифмовки ахматовские переводы из китайской поэзии исследователи разделяют на четыре категории: на тексты полностью безрифменные (Цюй Юань «Призывание души»; Ли Бо «Поднося вино», «Песня о восходе и заходе солнца», «Луна над пограничными горами», «Песни на границе», «На Западной башне в городе Цзиньлин читаю стихи под луной», «Провожая до Балина друга, дарю ему эти стихи на память»; Ли Шан-инь «Пишу о думах»; Мэй Яо-чэн «Осенний дождь»); стихотворение Чжан Кэ-цзю «Осенние думы», которое включает в рифмованные стихи три нерифмованных; стандартные полурифмованные четверостишия (Цзя И «Плач о Цюй Юане»; Вэнь Тун «Жизнь в деревне»; Юань Хао-вэн «Песня о Западном тереме»; Фу Жо-цзинь «Река Цзюймахэ»; Сюй Цю «Сорванная ветка ивы»; Шэнь Цинь-ци «Записки о событиях»; Юй Чжи «Лютый тигр»); четверостишия на три рифмы с незарифмованным третьим стихом (Ли Бо «Пройдя Цзыньминьское ущелье, расстаюсь с родиной», Ли Шань-инь «Без названия», «Лэююань», «Лунная волшебница Чан Э», «Драгоценная цитра»). Примечательно, что категорий строфики и рифмовки всего четыре, но отдельные нюансы создают значительное разнообразие [8, с. 70-71]. Преобладание безрифменных текстов объясняется тем, что А.А. Ахматова считала, что в рифмованных стихах исчезает вкус древности, несомненно, присутствующий в китайской классической поэзии [9].

Синолог и переводчик китайской литературы Л.З. Эйдлин принимал переводы с подстрочника, сделанные только А.А. Ахматовой, и высоко их оценивал: «Сделанные с подстрочника переводы А.А. Ахматовой сочетают обаяние и строгость ее оригинального творчества с точностью и бережностью восприятия и передачи самих элементов существа и внешнего строя старой китайской поэзии» [14].

Под именем А.А. Ахматовой был опубликован перевод поэмы Цюй Юаня, основоположника китайской литературной поэзии, «Лисао», сделанный по подстрочнику Н.Т. Федоренко. Утверждение своего авторства, сделанное Н.И. Харджиевым, не позволяет определить степень участия поэта в переводе великой поэмы, однако важность этого вопроса

велика из-за значения произведения. Н.Т. Федоренко вспоминал, что поэта ему порекомендовал редактор издательства М.Н. Виташевская. Китайский писатель и переводчик Гао Ман в статье приводит воспоминания Н.Т. Федоренко о работе над переводом: «посещал её, предоставляя все новые и новые материалы, но ей все казалось недостаточно. Она задавала ему несчетное множество вопросов: по истории китайской поэзии, эволюции китайского стихосложения, литературной композиции, структуре поэтической строки и т.п. <...> Н. Федоренко говорит, что, в конце концов, она пригласила его в себе, чтобы совместно определить окончательный текст перевода. Она декламировала окончательный вариант строки, а он должен был следить по оригиналу. Иногда она комментировала внесенные ею поправки, а иногда интересовалась, совпадают ли исправленные ею строки со смыслом оригинала. Н. Федоренко рассказывал, что она вводила образные сравнения и считала, что произведение напоминает узорный ковер, в котором то появляется местечко, сшитое более грубыми нитями, и там требуется привнести тонкость, а то возникает местечко с потускневшими раскрасками, и там требуется усилить яркость тонов» [10]. Заинтересованность поэта в точном переводе великой поэмы, по воспоминаниям Н.Т. Федоренко, а также строфики и рифмовка перевода произведения (пятистопный ямб без рифмы), характерные для других переводов, которые принадлежат А.А. Ахматовой, позволяют говорить о её явном участии в переводе. А заявление Н.И. Хардхиева, сделанное им в преклонные годы, следовало бы рассматривать как форму самоутверждения [8, с. 73].

Спустя годы в монографии, посвящённой Цюй Юаню, Н.Т. Федоренко писал: «Мне повезло: по сделанному мною подстрочнику поэтический перевод «Лисао» был выполнен Анной Ахматовой. Он стал, смею сказать, классическим, хотя она, в сущности, почти не изменила моего подстрочника. Она лишь поставила слова по-своему, как это дано только Анне Ахматовой, и возникла поэзия, в высшей степени близкая к оригиналу» [12].

Таким образом, А.А. Ахматова в переводах китайской поэзии, сделанных по подстрочнику, используя древнюю форму стиха, смогла передать для современников суть, мысль и чувства, которые заключают произведения китайских классиков.

Список литературы

1. Аракелян А.А., Стадульская Н.А. Анна Ахматова – переводчик // VII Международная студенческая научная конференция «Студенческий научный форум-2015» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2015/1285/15414>
2. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 5. – М.: Эллис Лак, 2001. – 798 с.
3. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 7 (доп.). – М.: Эллис Лак, 2004. – 702 с.
4. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 8 (доп.). – М.: Эллис Лак, 2005. – 1117 с.
5. Иванов Вс.Н. Письмо Бруни Н.К. от 26.12.1950 г. // ХКМ. КП 12248/129.
6. Иванов Вс.Н. Письмо Бруни Н.К. от 28.08.1953 г. // ХКМ. КП 12248/145.
7. Иванов Вс.Н. Мир ничего не знает о Китае // Иванов Вс.Н. Собрание сочинений. – Т. 2. – СПб: Империя, 2008 . – 378 с.
8. Кормилов С.И., Аманова Г.А. О стихе переводов Анны Ахматовой из китайской поэзии // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2014. – № 2. – С. 62-93.
9. Меньшиков Л.Н. Ю.К. Щуцкий – поэт и переводчик китайской классической поэзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pvcentre.holm.ru/material/articles/pages/poez.html>.
10. Ман Гао. Память сердца (Анна Ахматова и Китай) // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – № 3. – С. 190-196 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/man-gao-pamyat-serdca-ahmatova-i-kitaj.htm>
11. Смирнов И.С. Китайская поэтическая классика в русских переводах: школы, традиции, имена // Полит.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2016/08/13/smirnov_lecture
12. Федоренко Н.Т. Цюй Юань: Истоки и проблемы творчества. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
13. Хардхиев Н.И. О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. – Вып. 2. – М., 1992. – С. 230-232 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/hardzhiev-o-perevodah-v-literaturnom-nasledii.htm>
14. Эйдлин Л.З. Китайская классическая поэзия // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. – М., 1972. – С. 193-203 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.ru/literature4/eydlin-72.htm>

Су Шу-Яннь
Тамканский университет
Тайбэй, Тайвань

Su Shwu-Yann
Tamkang University
Taipei, Taiwan

ДОМ И БЕЗДОМЬЕ В ПОЭМАХ «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК» А.С. ПУШКИНА И «МЦЫРИ» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

HOME AND HOMELESSNESS IN A.S. PUSHKIN'S "PRISONER OF THE CAUCASUS" AND M.YU. LERMONTOV'S "THE NOVICE"

В статье проводится сопоставление образов главных героев двух романтических поэм – «Кавказский пленник» А.С. Пушкина и «Мцыри» М.Ю. Лермонтова. Автор соотносит данные произведения и образы с категориями «литературы дома» и «литературы бездомья» и доказывает, что вопреки устоявшемуся мнению обе поэмы относятся к «литературе бездомья». Но если в основе судьбы Мцыри лежит физическое бездомье, то судьба Пленника определяется его духовным бездомьем.

Ключевые слова: *Мцыри, дом и бездомье, странник, скитальчество*.

The article compares literary images of the main characters of two romantic poems – "Prisoner of the Caucasus" by A.S. Pushkin and "The Novice" by M.Yu. Lermontov. The author juxtaposes these poems and images with the categories of "literature of home" and "literature of homelessness" and proves the idea that, contrary to popular belief, both poems belong to "literature of homelessness". However, while Mtsyri's fate is based on his physical homelessness, the Prisoner's fate is determined by his spiritual one.

Key words: *Mtsyri, home and homelessness, wanderer, wandering*.

Русский и абхазский писатель и поэт Фазиль Искандер разделил всю мировую литературу на два типа: литературу дома и литературу бездомья. Первую он определил как «литературу достигнутой гармонии», вторую – как «литературу тоски по гармонии»: «Литература дома имеет ту простую человеческую особенность, что рядом с героями хотелось бы жить, ты под крышей дружеского дома, ты укрыт от мировых бурь, ты рядом с доброжелательными, милыми хозяевами <...> Литература бездомья не имеет стен, она открыта мировым бурям, она как бы испытывает тебя в условиях настоящей трагедии <...> Литература дома всегда гораздо более детализирована <...> Литература бездомья ничем не детализирует, кроме многообразия своего бездомья <...> Зато литература бездомья гораздо более динамична, она жадно ищет гармонию и в поисках этой гармонии постоянно убыстряет шаги, переходящие в побежку, а иногда, отрываясь от земли, летит» [1]. Пушкин, по мнению Ф. Искандера, принадлежит к первому типу писателей, а Лермонтов – ко второму: «в русской литературе эти два типа художников появлялись нередко в виде двойчатки, почти одновременно. Так Пушкин и Лермонтов – достигнутая гармония (Пушкин) и великая тоска по гармонии (Лермонтов)» [Там же]. Для литературоведческой науки всегда интересно сопоставление элементов такой «двойчатки», выявление сходств и отличий в творческом наследии двух великих поэтов.

В данной статье сопоставляются две романтические поэмы: «Кавказский пленник» А. Пушкина и «Мцыри» М. Лермонтова. Выбор материала обусловлен тем, что «Кавказский пленник» оказал большое влияние на формирование поэтики М. Лермонтова. По мнению Б. Томашевского, «эта поэма сыграла решающую роль в формировании поэзии Лермонтова. Его первые, еще ученические опыты в области поэм непосредственно отправляются от "Кавказского пленника" <...> При всей новизне лермонтовского байронизма в его поэмах ясны импульсы, идущие от романтических поэм Пушкина. И среди поэм определяющей был "Кавказский пленник", усвоенный в раннем периоде еще ученических подражаний» [9, с. 371-372]. Как известно, Лермонтов написал свой вариант «Кавказского пленника»,

представляющий собой вольное переложение пушкинского оригинала, в котором использован приём поэтической переклички и многое перенесено из поэмы Пушкина. Но объектом нашего исследования стала поэма Лермонтова «Мцыри», относящаяся к зрелому периоду творчества поэта. Обе поэмы написаны под влиянием байронизма. Оба героя представляют собой бездомных и заключённых, потерявших свободу и пытавшихся убежать из тюрьмы/плена. Но судьба их различна, и бегство каждого из них также имеет своё значение.

Анализируя два типа героев бездомья, два бегства из плена (тюремного заключения), мы попытаемся продемонстрировать, что поэма Пушкина, написанная в байронический период южной ссылки, относится, так же как поэма Лермонтова, к литературе бездомья и потерянной гармонии, хотя, по убеждению Г. Лесскиса, «Пушкин, как и Гёте, был слишком здоровым, чтобы долго отдаваться “мировой скорби” <...> И оба они – на глубинном уровне – оказались романтизму чужды и даже враждебны» [4, с. 199].

1. Бегство Пленника в никуда как вечное странничество

В первой южной поэме Пушкина герой безымянный, о его прошлом сказано очень мало. Но, по мнению Ю. Манна и многих других исследователей, он оказался поэтом и странником: «Герой поэмы – именно беглец, странник» [7, с. 51]. Для него характерно свободолюбие¹³ и духовное бездомье. У него есть свой дом, своя родина и свои друзья, но он убежал оттуда, чтобы избавить себя от «неприязни двуязычной,/ И простодушной клеветы» [10, т. 3, с. 92]. Невозможность примириться с действительностью и отчуждение от света, чувство бездомья в собственном доме заставили пушкинского героя покинуть родину, странствовать по миру «с веселым призраком свободы». Но его странничество и поиск духовной независимости в поэме раскрывается как злополучное и призрачное действие. Призрак свободы вынудил героя поэмы, «отступника света, друга природы», романтика в душе отправиться на дикий Кавказ. Однако идеальная свобода, к сожалению, им не найдена нигде: ни там, ни здесь, ни на своей родине, ни в первобытной природе, ни даже в путешествии, в дороге. Его бегство на чужбину, вызванное чувством бездомья, как будто подвергается иронии судьбы: во время странничества герой поэмы был захвачен в плен, стал рабом диких черкесов, потеряв свободу и волю, самую ценную, «священную» для него. «”Призрак свободы”, с которым и ради которого Пленник “полетел” на Кавказ, и в самом деле оказывается призрачным» [8, с. 356]. Герой поэмы покидал мир культуры ради свободы души, но на чужбине не нашел её, к тому же потерял другую свободу, свою физическую свободу. Автор поэмы на примере судьбы Пленника демонстрирует, насколько иллюзорны и парадоксальны устремления романтического героя байроновского типа, жаждущего поиска счастья «вовне», в скитальчестве, в постоянной смене мест, в чужой стороне.

Странник, томящийся в плену, мучился вспоминанием о душевной ране, неудачной любви, и в то же время испытывал физическую боль. Он страдал одновременно и душой, и телом. Хотя он искренне пытался постичь суть жизни горцев – «естественных» людей, живущих в гармонии с окружающим миром, – внимательно наблюдал за их бытом и обычаями, наслаждался необыкновенной красотой кавказских гор, жизнь вольного и чудного горного народа для него, представителя цивилизации, тоже оказалась чуждой, здесь тоже для него не-дом. В поэме Пушкин использовал приём противопоставления главного героя остальным персонажам: он один «европеец» против всех «горцев», занял позицию наверху, наблюдал быт и жизнь кавказского народа с высоты, часто сидя в одиночестве «над аулом на горе», где «у ног его дымились тучи». Он один – в оторванности от окружающих, над ними, один – в отстранённости от всех остальных.

¹³Б. Томашевский в книге о Пушкине убедил читателей, что «свободолюбие (во всех смыслах, но в первую очередь в гражданском) входило существенным элементом в характер героя». В качестве примера он процитировал стихи, не вошедшие в изданный вариант поэмы в связи с цензурой: «Свобода! он одной тебя / Еще искал в пустынном мире» [9, с. 367].

Очевидно, что ни в мире цивилизации, ни на диком Кавказе он не мог найти душевного покоя и духовной независимости. Однако на чужбине ситуация оказалась гораздо хуже и безнадёжнее: он оказался рабом вольного черкесского народа. На родине он не чувствовал свободы духа, а здесь, на Кавказе, не найдя второй, потерял и первую, физическую свободу. Чувство бездомья, одиночества, жажды воли усилились и достигли критического уровня.

Ю. Манн иначе охарактеризовал эти две свободы: «свобода как освобождение от черкесского плена и возвращение на родину и свобода как то идеальное состояние, к которому герой стремился еще на родине и которого он жаждет, естественно, и сейчас. Первое неуловимо сливаются со вторым, конкретное значение – с идеальным» [7, с. 63].

Помимо этих двух потерянных свобод в поэме присутствуют два бегства главного героя, заключающие в себе движение в двух противоположных направлениях: первое – бегство из светского общества как протест против действительности, второе – бегство как борьба за физическое освобождение. Первое – всеобщее, общечеловеческое, а второе – индивидуальное. Первое – движение с родины в неизвестную даль, а второе – в противоположном направлении, с чужбины – назад, в родные места.

Первое бегство связано с отчуждением, чувством духовного бездомья – важным мотивом романтической литературы. Герой покинул родной край, как уже отмечено выше, чтобы больше ничем не связывать себя с соотечественниками, со своим окружением. А второе ниспослано ему, жаждущему свободы, как спасение от рабства и неволи. Он никак не мог примириться с унылой жизнью, с черкесским заключением, всё время мечтая о бегстве, о воле. Но жажда освобождения от плена, стремление к бегству в конечном итоге трансформировали пушкинского героя в настоящего эгоиста. Ради достижения своей цели он воспользовался любовью чистой, невинной юной черкешенки, хотя прекрасно понимал, что не любит её и не может ответить на её любовь:

*Впервые девственной душой
Она любила, зная счастье,
Но русский жизни молодой
Давно утратил сладострастье.
Не мог он сердцем отвечать
Любви младенческой, открытой* [10, т. 3, с. 97].

Девушка помогла ему освободиться из черкесского заключения, а сама бросилась в горный поток. Пленник, увидев утопленницу, не стал её искать и спасать ей жизнь. Он безразлично отнёсся к гибели своей спасительницы. Причину холодного эгоизма своего героя поэт объяснил в письме П.А. Вяземскому от 6 февраля 1823 г.: «Другим досадно, что пленник не кинулся в реку вытаскивать мою¹⁴ черкешенку – да, сунься-ка; я плавал в кавказских реках, – тут утонешь сам, а ни черта не сырьешь; мой пленник умный человек, рассудительный, он не влюблен в черкешенку – он прав, что не утопился» [10, т. 9, с. 62]. А в письме своему кишинёвскому приятелю В.П. Горчакову в октябре 1822 г. Пушкин обмолвился: «Характер Пленника неудачен <...> Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» [10, т. 9, с. 55].

Второе бегство безымянного героя – из плена – ценой жизни юной черкешенки оказалось успешным. Остаётся лишь один, последний вопрос: куда бежать? Назад, в цивилизацию, домой, в родной город? К своим друзьям и знакомым, которые были ему не верны, его «терзали и мертвили»? К любимой женщине, которая его не любит? Пушкин не даёт ответа на этот вопрос в конце поэмы, но скорее всего этот ответ отрицательный. Перебравшись через реку, герой начинает сомневаться, куда идти. И идти ему решительно некуда. Ситуация для него не изменилась. Его отчуждение от действительности, чувство бездомья не излечится никогда, даже после освобождения из места заключения. Совершено

¹⁴ Характерно, что Пушкин употребляет местоимение *мою*, а не *свою*.

справедливо мнение В.И. Кулешова, отметившего, что «душу Пленника не может оживить ни страстная любовь девы гор, ни спасение от плена. Не следует думать, что, выбравшись вплавь на русский берег, Пленник начнет новую, деятельную жизнь <...> для подвигов он не создан и к ним не стремится. Каким он попал в плен, таким и выходит на свободу» [2, с. 104].

Наряду с успешным бегством из черкесского плена продолжается первое, вечное бегство из родного места, оно не закончится никогда. После освобождения Пленник не вернётся на родину или после временного возвращения опять отправится в путь, как это делает Печорин. Ему суждено непрерывное бесцельное скитание по свету. Таким образом, два бегства сливаются в одно, бегство безымянного героя из заключения в никуда в конечном счете превращается в вечное странничество: ему некуда вернуться, негде и надолго остановиться. Он постоянно будет в пути и движении, нигде не достигнет идеальной свободы, душевного успокоения и полноценности жизни, никогда не заведет семью и прочные отношения с людьми, не будет иметь дома и приюта. Герой «Кавказского пленника» является предтечей «лишнего» человека, воплощением русского типа вечного странника и бездомья.

2. Бегство Мцыри из монастыря как путь в Небесный вечный дом

Мцыри, как и Пленник, безымянный. Но, в отличие от Пленника, он не имеет дома. Его родной дом и семью уничтожили во время войны, и он стал сиротой. Но они продолжали являться ему в снах и воспоминаниях. В истории Мцыри воплощается судьба человека **физического бездомья**, потерянного приюта. Его уход из дома-крепости, из уютного и счастливого приюта произошёл независимо от его желания и воли. Русский генерал вёз пленного сироту в Тифлис, но по дороге тот заболел и из жалости был оставлен в Мцхетском монастыре. Добрые монахи выносили мальчика и воспитывали его в истинно христианском духе.

Если Пленник в своем родном краю чувствовал себя чужим и одиноким, испытывал неприязнь к окружающим и стремился отстраниться от них, то Мцыри всё время хранил в душе теплые воспоминания о родине, горячую любовь к своим родным:

*Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, –
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных [3, с. 597];
И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов [3, с. 599].*

В этих словах ощущается горячая любовь лермонтовского героя к своему дому-ковчегу, глубокая печаль утраты, незабываемые воспоминания о потерянной родине. Но этот дом не имеет реальных очертаний, а скорее возникает в воспоминаниях, в ночных видениях как результат идеализации и поэтизации. Может ли маленький ребёнок запомнить прошлое во всех деталях? Скорее это дом идеала, дом мечты, «священный» дом, который существует не в реальном мире, а во сне, в воображении, в грёзах героя. Как справедливо отмечает Д.Е. Максимов, «не случайно (в черновом тексте) Мцыри называет свое утраченное отчество “земным эдемом”» [6, с. 210].

По отношению к родному дому Пленник и Мцыри противопоставлены как представитель духовного бездомья – представителю физического бездомья, потерянного

приюта; как вечный странник, добровольно покинувший родину, – печальному сироте, утратившему родину не по собственной воле. Но при всех отличиях в характере и судьбе этих героев между ними есть общее: в чужом kraю они оба оказались пленниками, которых не покидало острое чувство отчуждения и одиночества.

Мцыри остался жить и расти в монастыре, но монастырь стал для него не домом-приютом, а, наоборот, антидомом (в терминологии Ю.М. Лотмана)¹⁵, в монастырском заточении он оставался пленником, лишённым свободы и воли. Он был пленником на войне, и в монастыре его положение не изменилось. Для него монастырь – не святое место, защищающее от злых сил и дьявольских искушений, а тюрьма, в которой его прячут от настоящего, полного жизни мира, не давая ему вернуться в родные горы. В этом отношении интересно сравнить восприятие монастыря до и после выздоровления главного героя поэмы: оно трансформируется в зависимости от изменения отношения Мцыри к месту своего нахождения.

Пока Мцыри был серьёзно болен, а добрые монахи охраняли и лечили его, монастырь для него был местом исцеления и спасения:

<...> и в стенах

Хранительных остался он,

Искусством дружеским спасен [3, с. 595].

Лермонтов, изображая монастырь, обращает внимание лишь на его стены, к которым применяется определение *хранительные*, подчёркивающее их защитную функцию. Здесь монастырь предстаёт как крепость, охраняющая Мцыри от угрозы болезни и смерти.

Но после выздоровления главного героя монастырь-крепость для него утратил прежний смысл защиты и спасения и обернулся тюрьмой со своими высокими стенами, ограждающими его от внешнего мира, от его далёкой родины.

Я вырос в сумрачных стенах

Душой дитя, судьбой монах [3, с. 597];

Скажи мне, что средь этих стен

Могли бы дать вы мне взамен

Той дружбы краткой, но живой,

Меж бурным сердцем и грозой? [3, с. 600];

И повесть горьких мук моих

Не призовет меж стен глухих

Вниманье скорбное ничье

На имя темное мое [3, с. 612].

Существительное *стены* употребляется в сочетании с тремя разными определениями: *сумрачные, эти, глухие* – и с тремя предлогами: *в, среди, меж*. Тем самым подчёркивается, что монастырь – замкнутое пространство, отделённое от мира. В нём заточают Мцыри, лишают его физической свободы. Высокие стены роднят монастырь с тюрьмой, которая также ограждена высокими стенами и надёжно охраняется.

Более того, в поэме монастырь нередко напрямую сравнивается с местом заточения – за счёт употребления таких слов, как *тюрьма, плен, раб*, что создает устойчивый образ монастыря-тюрьмы: *на мне печать свою тюрьма оставила* [3, с. 609]; *И он [пламень] прожег свою тюрьму* [3, с. 612]; *Вернулся я к тюрьме моей* [3, с. 608]; *Я мало жил, и жил в плену* [3, с. 596]; *И я как жил, в земле чужой / Умру рабом и сиротой* [3, с. 597].

Д.Е. Максимов, анализируя поэму, указывает на невинность и дружелюбие обитателей монастыря: «Монахи, держащие Мцыри в неволе, объективно являются его тюремщиками,

¹⁵ В своей статье о «Мастере и Маргарите» М. Булгакова Ю.М. Лотман проводит глубокий анализ понятий «дома» и «антидома»: «Среди универсальных тем мирового фольклора большое место занимает противопоставление «дома» (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства) «антидому», «лесному дому» (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир)» [5, с. 748].

врагами. Но Мцыри попал в монастырь не по их вине, – его привела туда «судьба», не зависящие ни от чьей личной воли превратности войны. <...>. Монахи, поскольку это было в их разумении, относились к юноше бережно, жалостливо, лечили его и ухаживали за ним. <...> Они создали для Мцыри тюрьму, которой как будто не знала литература романтизма, – дружественную, добрую тюрьму, и тем самым особенно страшную, втягивающую, одну из тех, каких немало было на свете» [6, с. 233].

Однако добрые монахи и дружелюбная атмосфера монастыря никоим образом не смогли побороть у Мцыри чувства неволи, одиночества, успокоить его печальное сердце и отвлечь его от беспрерывных дум и воспоминаний о родине и о прошлом. Наоборот, невинные монахи причиняли ему не меньше боли и обиды, чем настоящие тюремщики. Не уважая его происхождение и верование, не учитывая его желаний, монахи пытались коренным образом изменить его, заставили его отказаться от ислама и поверить в христианство. В монастыре-тюрьме у него отнята и физическая, и ментальная свобода, возможность выбрать свою судьбу и будущее. Всё было решено заранее без его участия и согласия, он стал христианским монахом, будет жить и умрёт в этой тёмной тюрьме. Это насилие причиняло ему бесконечные страдания.

Движимый жаждой увидеть мир, дышать свободой, стремлением вернуться домой, Мцыри убежал из монастыря. Этот побег, в отличие от успешного бегства Пленника из черкесского плена, окончился неудачей. Его поиск пути домой продолжался лишь три дня. Заблудившийся в лесу молодой монах, раненный, без сознания и при смерти, был возвращён в прежнюю тюрьму.

Три дня его скитаний в лесу можно разделить на две части: с ночи первого дня после побега до второго дня, с вечера второго дня до возвращения в монастырь. В первой половине странствия природа благоволила ему, а во второй – обернулась злом. «В “Мцыри” лес – то убежище на пути к цели, источник целительных сил <...>; то неодолимое препятствие» [7, с. 248]. Пока природа была добра, всё было замечательно и прекрасно. В первую ночь лес выполнял охранительную функцию: прятал его в темноте, защитил его от погони, помог ему успешно покинуть монастырь. Когда небо осветилось красками зари, утренний лес предстал в своей необыкновенной, поэтичной красоте. Все зарисовки леса в поэме лирически и эмоционально окрашены,озвучены радостному и счастливому настроению героя. Находясь наедине с природой, наслаждаясь её красотой, Мцыри забыл усталость, голод и жажду. В его сердце царили чувство свободы, радость, лёгкость, любовь к красавице-грузинке, сладкое воспоминание об отчём доме-ковчеге. При этом он испытывал и физические страдания.

Но очень скоро природа показала свое настояще лицо, проявила свою враждебную сверхъестественную силу. На второй день вечером тёмный лес уже перестал быть защитником и превратился в огромный лабиринт со своими бесконечными чащами, тропами, дикими зверями и другими опасностями. Природа-добрь обернулась природой-злом, угрожая герою вечными блужданиями и смертью. Он потерялся в лесу, сбился с пути. К тому же, в отличие от традиционной романтической поэзии, у Лермонтова физические страдания героя не остались без внимания, а наоборот, усиливались с каждой минутой. Чем дольше Мцыри блуждал в лесу, тем острее он ощущал физические мучения и переносил их с большим трудом. Как отмечает В.М. Фишер, именно внимание к физиологии отличает поэтику Лермонтова-романтика от художественной манеры других писателей-романтиков: «Иногда психологія у Лермонтова поднимается до фізіології; въ романтической поэмѣ онъ никогда не забываетъ упомянуть о мученіяхъ голода, жажды и усталости. Бѣшенство Мцыри, заблудившагося въ лѣсу, мотивируется отчасти голодомъ» [11, с. 228].

Лес-поэзия обернулся лесом-препятствием, испытаниями, самым суровым из которых стала встреча с барсом. Сцена схватки с барсом – кульминация поэмы, она показывает безграничную мощь человека. Измученный жаждой и голодом монах победил сильного голодного зверя. Эта победа возвышает его до уровня героического образа, чтоозвучно пафосу романтизма, и вместе с тем нивелирует «физиологию». Слабый, обессилевший монах

превращается в мужественного, яростного бойца. «Сцена борьбы Мцыри с барсом и победы над ним занимает в поэме четыре строфы и является апогеем ее героического пафоса. Мцыри заявляет себя здесь бойцом в полном смысле слова» [6, с. 233].

Бегство героя завершилось возвращением в монастырь и его печальной гибелью. Почти все критики считают это возвращение неудачным исходом бегства, свидетельствующим о его поражении. Никто не рассматривает его бегство как поиск пути в утраченное отчество, вечный дом, который находится не в реальном мире, а на небесах. Три дня странствия в лесу нужны ему как испытание, подобное испытаниям Иисуса в пустыне, чтобы проверить его решимость и готовность, насколько твёрд он в своём желании вернуться домой, чем он может пожертвовать ради достижения своей цели. Всё, что встречается ему на пути: лесная чаща, барс, грузинка, золотая рыбка, – всё призвано стать препятствием или соблазном, мешающим осуществить задуманное. Сбившись с пути, заблудившись в лесу, беглец тем не менее остаётся твёрд в своем намерении найти дорогу в отчий дом, воспоминания о котором наполняют его разум и сердце. Возвращение в монастырь в этом плане символизирует возвращение в Христианство. И после смерти в монастыре, где обитателей защищает Спаситель, он находит вечный покой там, где его дух «найдет себе приют». Все его земные страдания и испытания завершились. Печальная душа героя найдёт успокоение в раю, его последнем приюте. В этом заключается настоящий смысл бегства Мцыри как пути в небесный дом. Много страдавшему юноше-сироте суждено найти приют и покой не в «земном эдеме», а в небесном вечном раю.

3. Заключение

Итак, обобщим приведённые выше сходства и отличия между безымянными героями поэм А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Их различие заключается в том, что Пленник является человеком духовного бездомья, а Мцыри – физического бездомья. В отношении к своему родному дому Пленник испытывает неприязнь и отстранённость, а Мцыри хранит тёплые воспоминаниями. Причины их ухода из дома, из родного края различны: у Пленника это добровольный уход, а Мцыри покинул дом не по своей воле. Пленник – странник по духу и мириоощущению, а Мцыри – бедный сирота, вынужденный жить на чужбине. Но их судьбы на чужбине очень схожи: они оба оказываются в заточении, первый – в черкесском плену, а второй – в монастыре-тюрьме. Оба чувствовали своё отчуждение и страдали от одиночества. И оба сохранили в себе жажду свободы, ради которой совершили бегство из тюрьмы. Но наряду с этим исход их бегства неодинаков. Сбежав из плена ценой чужой жизни, герой Пушкина не нашёл духовного покоя нигде и никогда. Ему суждено вечное скитальчество и вечные мучения. Не было, нет и не будет у него покоя в душе. А Мцыри при кажущейся неудаче протеста против заключения, продемонстрировав свою пылкую любовь и стремление вернуться в родной дом, вырывается из плена земного эдема ценой своей жизни и находит вечный покой, дарованный Богом. Все его страдания завершаются в небесном эдеме.

Обобщение сходств и отличий героев поэм А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова представлено в таблице:

	Пленник	Мцыри
В отношении к своему дому	Человек духовного бездомья	Человек физического бездомья
	Отчуждение от родины и друзей	Горячая любовь к своему дому
	Вечный странник	Печальный сирота
	Добровольный побег из дома	Невольный уход из дома
Судьба на чужбине	Заточение в черкесском плену	Заточение в монастыре
	Свободолюбие	Свободолюбие
	Отчуждение и одиночество на чужбине	Отчуждение и одиночество на чужбине
	Удавшийся побег из плена ценой чужой жизни	Трагический побег из монастыря-тюрьмы ценой собственной жизни
	Вечное странничество и духовное страдание, вернуться некуда	Успокоение в вечном доме

Список литературы

1. Искандер Ф.А. Размышления писателя // Искандер Ф.А. Ласточкино гнездо. Проза. Поэзия. Публицистика. – М.: Фортуна Лимитед, 1999 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www1.lib.ru/FISKANDER/isk_publ.txt
2. Кулешов В.И. Пушкин: Жизнь и творчество. – М.: Скифы, 1994.
3. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2 томах. – Т. 1. – М.: Правда, 1988.
4. Лесскис Г.А. Пушкинский путь в русской литературе. – М.: Художественная литература, 1993.
5. Лотман Ю.М. Дом в «Мастере и Маргарите» // Лотман Ю.М. О русской культуре. Статьи и исследования. – СПб: Искусство, 2005.
6. Максимов Д.Е. Проблематика и символика поэмы Лермонтова «Мцыри» // Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. – М.; Л.: Наука, 1964. – С.178-246.
7. Манн Ю.В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007.
8. Соколов А.Н. История русской литературы XIX века (1-я половина). – М.: Высшая школа, 1976.
9. Томашевский Б.В. Пушкин. – Кн. 2. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
10. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959-1962.
11. Фишер В.М. Поэтика Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. – М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. – С. 196-236 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/v1/v1-2196-.htm>

Урманов А.В.

Благовещенский государственный педагогический университет

Благовещенск, Россия

Urmanov A.V.

Blagoveshchensk State Pedagogical University

Blagoveshchensk, Russia

**ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ БГПУ)**

**THE OBJECTIVES AND PROSPECTS OF STUDYING
THE RUSSIAN LITERATURE OF THE FAR EAST
(WORK EXPERIENCE OF THE DEPARTMENT
OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE, BSPU)**

В статье обобщаются итоги многолетней работы по изучению литературы отдельного российского региона – Приамурья – и предлагается программа аналогичной деятельности в масштабах всего Дальнего Востока.

Ключевые слова: *история русской литературы, литература Приамурья, литература Дальнего Востока, литературная регионалистика*.

The article summarizes the results of the long-standing work on the study of the Amur region literature. A similar program of literature studies is suggested for the whole Far East.

Key words: *the history of Russian literature, the literature of the Amur region, the literature of the Far East, studies of regional literature*.

Начну с утверждения, которое многим может показаться крамольным: сложившаяся на сегодняшний день история русской литературы, представленная в вузовских и школьных учебниках, в программах учебных дисциплин, иллюстрируемая в хрестоматиях, подкрепляемая информационной и издательской политикой, по большому счёту не отражает подлинного содержания историко-литературного процесса последнего столетия, всего богатства и многообразия литературных явлений. Об этом можно судить хотя бы по тому, что писатели обширного дальневосточного региона практически не представлены в ней. И это касается подавляющего большинства российских регионов, также обделённых вниманием историков литературы. И вовсе не потому, что там нет литературных явлений, сравнимых с теми, которые у всех на слуху. Позиция ведущих литературоведов и критиков советского и постсоветского периодов, крупнейших научных центров основывается на следующем постулате: к сфере собственно истории русской литературы (далее – ИРЛ) относятся те явления, которые находятся в центре культурного и медийного пространства, то есть преимущественно в столицах, всё же остальное, располагающееся вне центра (и чем дальше от него – тем в большей степени), воспринимается как провинциальное по своей сути (в худшем смысле этого слова), а значит неполноценное. И потому явления эти относят не к сфере собственно ИРЛ, а к литературному краеведению, по современной терминологии – к регионалистике.

Эта тенденция имеет не только научную подоплётку, опирающуюся исключительно на эстетические критерии, но и национально-государственную, социально-политическую, идеологическую, образовательную, воспитательную, а в последнее время – и коммерческую. Тенденция эта как нельзя лучше соответствует принципам устройства и функционирования государства имперского типа – в разных его модификациях. В жёстко централизованном культурном пространстве такого государства на роль первостепенного может претендовать лишь то, что находится в центре и центром же оценивается, сакрализуется. И напротив, всё,

что может поставить под сомнение право центра на оценочную монополию, не замечается, замалчивается или же принижается. Иначе говоря, эстетическая ценность культурных явлений определяется центром, который исходит из государственных, а на деле нередко из своих собственных эгоистических интересов. Едва ли не единственное исключение из правил – поддержка центром периферийных явлений, которые призваны иллюстрировать «культурный расцвет наций», «дружбу народов». Однако если оглянуться на советское прошлое, так называемая «история русской советской многонациональной литературы» была скорее фикцией, чем реальностью. То, что относилось к сфере «советской многонациональной литературы», «литературы братских народов СССР», изучалось факультативно, причём как механическая совокупность разнородных, почти не связанных явлений. А наиболее значительные авторы «братских республик» (Быков, Айтматов) рассматривались в парадигме собственно «русской советской литературы».

С авторами из русских областей и краёв РСФСР ситуация была ещё плачевней. Так, даже Шолохов на рубеже 1920-1930-х годов многими (в том числе Горьким) воспринимался как писатель сугубо областнический. Или вспомним, как уже на границе 1960-1970-х тщетно пытался пробиться со своими «провинциальными» пьесами в центральные театры, получить признание столичных критиков иркутянин А. Вампилов.

Вампилов немного не дожил до того времени, когда «история русской советской литературы» дала трещины: когда в число писателей первого ряда стремительно выдвинулись, оттеснив некоторых столичных «литературных генералов», талантливые авторы из российских регионов: В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин... Эпоха перестройки и рыночных реформ деформировала, частично разломала официальную ИРЛ XX века, но отношения к литературным явлениям, рождённым в регионах, это не изменило. «Советское» в ИРЛ было потеснено тем, что являлось или казалось «кантисоветским». В выигрыше оказались и те столичные культурные явления, которые в советскую эпоху считались маргинальными, периферийными: ОБЭРИУ, например. Получила, наконец, право на существование в престижном культурном контексте литература эмиграции. А вот писатели из российской глубинки как были, так и остались в положении бедных родственников, место которых – своеобразная культурная «прихожая».

Изучением литературы регионов занимались и занимаются краеведы – по преимуществу «чудики», бескорыстные и скромные подвижники. Они есть едва ли не в каждом населённом пункте – люди, которые бережно хранят память о прошлом, по крупицам восстанавливают историю родного села, города, края, пытаются сберечь культурное наследие прошлых эпох. Этому можно было бы порадоваться, но беда в том, что краеведение долгое время находилось на задворках или даже вне науки, воспринималось (в какой-то степени заслуженно) как кустарщина, как что-то наподобие колхозной самодеятельности – самобытно, забавно, но к настоящей науке отношения не имеет.

Нужно признать: такое положение устраивало и устраивает многих. Та модель культуры, которая у нас сложилась, имеет массу сторонников: это законодатели литературной моды – столичные критики, журналы и издательства, авторы учебников, составители образовательных стандартов и т.д. Сложившиеся стереотипы прочно въелись в наше сознание. Наверное, сказывается и тяга к унификации, упрощению. Да, наверное, так легче усваивать русскую литературу: картина хоть и содержательно небогатая, но легко запоминающаяся, набор имён и произведений сравнительно невелик, зато школьники и студенты меньше путаются. Проще историкам литературы и критикам, проще и без того замороженным бесконечными «реформами» учителям-словесникам.

Преодолеть эту инерцию сложно, особенно если действовать разрозненно.

Что мешает сформировать представление о подлинном богатстве и многообразии национальной литературы, составной частью которой является литература регионов? Возникает соблазн обвинить во всех грехах центр. Однако, если наши претензии и справедливы, то лишь отчасти. Главная причина лежит в иной плоскости.

Зададимся вопросами: имеется ли у нас история русской литературы Дальнего Востока в её взаимосвязи с общероссийской? Ответ однозначный: нет. Кто-нибудь вообще ставил такую задачу – создать её? Тоже нет. А если так, то кому сейчас по силам предложить иную, в большей степени соответствующую реалиям и потребностям сегодняшнего дня версию ИРЛ? Кто способен обосновать право тех или иных авторов из российских регионов быть представленными в общенациональном литературном контексте? Наверное, в этом должны быть заинтересованы сами регионы. Но насколько региональная филология в её нынешнем состоянии готова к этому? Осознаёт ли она, какие сложные задачи нужно решить ей, чтобы переломить ситуацию?

Убеждён: чтобы добиться этого, региональная филология должна подняться на качественно иной уровень, скорректировать или даже полностью сменить приоритеты и объединиться в масштабах всего Дальнего Востока.

Более пятнадцати лет назад, в начале 2000-х, возможно, раньше, чем в других краях и областях Дальнего Востока, такими вопросами задалась кафедра литературы (с 2013 г. – русского языка и литературы) Благовещенского государственного педагогического университета. Уже тогда мы решили избрать литературное краеведение (филологическую регионалистику) своим приоритетом: у каждого из моих кафедральных коллег была собственная сфера научных интересов (у меня, например, – изучение поэтики А. Солженицына), но мы договорились, что это не может служить основанием для самоустраниния от общего исследовательского проекта. Мы понимали: распылять силы при наших весьма скромных ресурсах – непозволительная роскошь.

Кратко поделюсь приобретённым нами опытом, ибо это может помочь тем, кто ещё только начинает подобную работу. Но прежде подчеркну: эту деятельность сейчас нужно вести одновременно по двум векторам – во-первых, отдельно внутри областей и краёв, во-вторых, совместно, скоординированно в масштабах всего Дальнего Востока.

Задача, которую мы решали, изначально представлялась невероятно сложной: не выборочное, вкусовое выискивание отдельных явлений, а всеобъемлющее, системное, детальное исследование истории литературы отдельного региона (в данном случае Амурского) от истоков (середина XIX в.) до современности; создание целостной, максимально полной картины бытования русской литературы в Приамурье.

На пустом месте, без соответствующей базы, без ресурсов сделать это невозможно. Понимая это, с 2002 г. мы стали издавать литературный альманах «Амур» (см. большинство выпусков на сайте: <http://www.almanacamur.ru/pages/releases.html>), в котором вот уже пятнадцать лет печатаем художественные произведения амурских авторов – как современных, так и представляющих разные периоды становления литературы Приамурья (в том числе вызволенных из полного забвения), мемуары, рецензии, критические статьи и научные исследования по проблемам региональной литературы, уникальные архивные материалы и т.д.

Через пять лет, в 2007-м, создали в вузе Литературно-краеведческий музей, в котором собран богатый фонд книг, периодических изданий (подлинников и копий), документов, фотографий, аудио- и видеозаписей, рукописей и других ценных артефактов. Для ясности добавлю: в нашем областном центре тогда не было ни одного другого литературного музея, был закрыт в процессе «оптимизации» даже литературный отдел областного краеведческого музея. Свой музей, в котором два смежных помещения, мы используем и как учебную аудиторию для проведения занятий по профильным дисциплинам: «Литературное краеведение», «Литературная периодика Приамурья XIX–XXI веков», «Национальный образ мира в творчестве писателей Приамурья», «Художественный мир Ф.И. Чудакова». Кроме того, проводим здесь экскурсии для школьников, для учащихся колледжей и студентов других вузов, используем музей как площадку для встреч с писателями, для презентаций выпусков альманаха «Амур», для литературных вечеров и т.п. Музейные фонды помогли привлечь к исследовательской работе значительно больше аспирантов и студентов-

филологов (примерно треть из них пишут курсовые и дипломные работы по регионалистике). Защищены десятки дипломных работ, посвящённых писателям Приамурья: Л. Андрееву, С. Борзуновой, И. Ерёмину, Л. Завальнюку, И. Игнатенко, В. Лещику, Н. Фотьеву, Б. Черных, Ф. Чудакову и др. Защищена кандидатская диссертация по творчеству Н. Фотьева, близится к завершению работа над докторской диссертацией по литературе БАМлага, пишутся пять кандидатских диссертаций.

С 2008 года на базе музея мы стали проводить ежегодную научно-практическую конференцию по литературной регионалистике – «Лосевские чтения». Это позволило объединить усилия всех, кто так или иначе причастен к амурской литературе: писателей, сотрудников музеев, библиотек и архивов, преподавателей вузов, учителей, краеведов. На данный момент вышло 10 сборников материалов этих чтений (все размещены в Научной электронной библиотеке – eLIBRARY.RU).

В 2011-м мы издали книгу избранных трудов основателя литературного краеведения Приамурья А.В. Лосева (1927-2002), в которую вошли и ранее не публиковавшиеся работы [1]. Некоторые из них были восстановлены, реконструированы по рукописным фрагментам, сохранившимся в архиве учёного. Эта книга позволила нам ощутимо продвинуться в изучении дореволюционной литературы края.

В результате многолетней поисковой и исследовательской работы коллектива (в его составе 4 доктора и 9 кандидатов наук) в архивах, музеях, библиотеках страны и зарубежья, в частных коллекциях был собран, осмыслен, систематизирован и проанализирован колоссальный материал по истории литературной жизни Приамурья, в том числе и редчайший, уникальный, неизвестный прежде. Он и позволил воссоздать картину историко-литературного развития в регионе – как общие его тенденции и закономерности, так и частные явления.

Главный результат исследовательского проекта, на завершающей фазе получившего поддержку РГНФ, – фундаментальный, хорошо иллюстрированный, качественно изданный историко-литературный труд: «Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков» [3], вышедшая в 2013 г. тиражом в 1000 экз. Энциклопедия представляет собой издание, во многих отношениях не имеющее аналогов. В ней представлены все значимые литературные (а также связанные с ними или сопутствующие им) явления: художественные произведения разных жанров, периодические издания, в которых они публиковались, коллективные сборники, книжные издательства, литературные музеи и премии, творческие организации и объединения, издатели, редакторы, литературные критики и краеведы и т.д. Но большинство словарных статей посвящено, разумеется, писателям. Статьи эти во многих случаях являются развёрнутыми очерками, в которых подробно представлены жизненные и творческие судьбы литераторов, всесторонне охарактеризованы их произведения. Мы вернули из забвения немало незаслуженно забытых авторов (в том числе, публикуя их произведения в «Амуре»), дали научную оценку творчества всех литераторов, заслуживающих интереса, воссоздали картину литературной жизни на всех этапах существования нашего региона, рассмотрели местные явления в контексте общенациональной литературы.

Но останавливаться на достигнутом нельзя: на повестке дня множество других неотложных, пока ещё не решённых задач – и областного, и общедальневосточного масштаба.

Дальнейшее развитие литературной регионалистики Приамурья (и Дальнего Востока в целом) сдерживается некоторыми факторами.

Первый – отсутствие в наших архивах, музеях, библиотеках большей части книжных и особенно периодических изданий конца XIX – начала XX веков. А то, что есть, рассеяно по разным хранилищам. Замечу: наша работа с периодикой потребовала колоссального времени и больших затрат на командировки и заказ электронных копий. Для примера: заказ скан-

копий годового комплекта лишь одной из многочисленных амурских газет начала XX века в РГБ или РНБ в среднем обходится в 180 тысяч рублей.

Полагаю, эту проблему можно решить только при помощи региональных правительств. Что для этого необходимо? Во-первых, провести ревизию имеющихся в наличии в регионе периодических изданий и составить единый реестр, сводный каталог – с точным указанием, где, в каком месте находится, хранится каждое издание, каждый номер. И после этого нужно составить рассчитанную на несколько лет (пусть даже пятилеток) программу возвращения, восстановления отсутствующих в регионе изданий – в виде скан-копий. Нужно запланировать под это финансирование, убедить соответствующие министерства, возможных спонсоров в значимости этого проекта. И постепенно, год за годом, издание за изданием, номер за номером восстановить, вернуть на Дальний Восток отсутствующие газеты и журналы, ценные книги.

Связанная с этим задача (ещё раз акцентирую на этом внимание) – составление (вначале в областях, а затем в масштабах Дальнего Востока) сводного каталога подобных изданий. Думаю, этим могли бы заняться областные (краевые) библиотеки при поддержке архивов, краеведческих музеев, вузовских филологов, а главное – региональных правительств.

Следующая задача, которую тоже необходимо решать, – постепенно сделать редкие региональные периодические издания общедоступными. Начало этому положено: Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского при участии кафедры русского языка и литературы БГПУ реализует проект «Доступное чтение: уникальные периодические и книжные издания Приамурья рубежа XIX-XX веков». В течение нескольких лет ведётся сканирование, компьютерная обработка и размещение на официальном сайте музея хранящихся в его фондах наиболее ценных изданий, в том числе: посмертного издания произведений первого амурского поэта Л. Волкова (1902), отдельных номеров журналов «Записки любителя» (1916), «Дятел, беспартийный» (1918), «Чайка» (1918), скандальных воспоминаний А. Матюшенского «Гапон и мой антихрист» (1917), коллективного сборника «Красная Голгофа» (1918), пьесы Ф. Чудакова «Изгнанники» (1918), сборника стихов Г. Шпилёва «Голоса Земли» (1919) и др. (см.: http://museumamur.org/dostupnoe_chtenie).

Но никакие скан-копии не могут отменить задачу переиздания наиболее ценных в художественном, культурном, историческом отношении текстов, отбора и возвращения читателям незаслуженно забытых произведений, необходимость возвращения из забвения подлинных культурных ценностей – того, что по своей значимости является не только региональным, но и общенациональным достоянием. Один из примеров – творчество амурского сатирика начала XX века Фёдора Чудакова. Недавно вышло подготовленное мною первое за столетие издание его произведений, призванное вернуть из забвения масштабную творческую личность [2]. В настоящее время завершается подготовка к печати второй книги произведений Чудакова – не менее объёмной и интересной.

На очереди – переиздание забытых ныне произведений таких ярких амурских авторов рубежа XIX-XX веков, как Леонид Волков, Генрих Баранович, Александр Вережников, Александр Матюшенский... Много раз в областных СМИ озвучивал идею издания книжной серии «Библиотека амурской литературы» – с хорошими предисловиями и примечаниями, помогающими современным читателям глубже понять произведения разных эпох. Для существенного удешевления и ускорения этого процесса можно готовить книги в электронном формате и размещать их на сайтах областных (краевых) библиотек. Дело за малым – вниманием к этому со стороны соответствующих региональных министерств.

Нам нужно совместно заниматься популяризацией дальневосточных авторов, увековечиванием памяти (мемориальные доски, скульптуры, названия улиц) тех, кем наш край по праву может гордиться, тех, кого мы имеем основание выдвигать в качестве фигур национальной значимости. Нужно чаще публиковать о них статьи в центральной печати, снимать фильмы и телепередачи, многогранно и эффектно представлять их в Интернете.

Самое важное здесь – совместно определившись с наиболее значительными авторами региона, стараться донести эту общую позицию до других, в том числе до федеральных научных центров, издательств, критиков, СМИ. В Благовещенске, например, сейчас осуществляется грандиозный проект «Леонид Завальнюк: Возвращение», в котором принимает самое активное участие и наш вуз, наша кафедра: проводятся литературные мероприятия, записываются радио- и телепередачи, ставятся спектакли, учреждена литературная премия им. Л. Завальнюка (см.: <http://www.libamur.ru/page/4714.html>; <http://www.amur.info/news/2017/10/20/131091>), ведётся работа с его архивами, начата подготовка полного собрания сочинений, установлена (на здании БГПУ) мемориальная доска, планируется установка памятника и т.д.

Насущная задача историков литературы Дальнего Востока – создание единого координационного научного центра (или совета) и единой информационной базы, единых общедоступных ресурсов – библиотечных, музейных, архивных и иных. Главный приоритет в обозримой перспективе – создание общими усилиями «Истории русской литературы Дальнего Востока». Этому проекту должна быть подчинена работа всех потенциальных участников – прежде всего вузовских филологов, но не только. Успех гарантирован, если деятельность дальневосточных филологов, АТАПРЯЛ, книгоиздателей, сотрудников библиотек, музеев и архивов так или иначе будет подчинена этой цели, будет популяризировать, финансировать, продвигать её в СМИ, в научном сообществе и т.д.

Нам нужны большие совместные проекты – наподобие 12-томной «Антологии литературы Дальнего Востока», издание которой началось во Владивостоке. Началось, но тут же и «забуксовало» – думается, именно в силу разрозненности, полной автономности тех, кого привлекают к подготовке отдельных томов. Это пример того, как нельзя решать совместные задачи: никакой координации, никакого обсуждения общей платформы, никакой совместной выработки общих подходов и принципов, касающихся структуры, содержания, формальных требований и т.д. Без координации и постоянного тесного сотрудничества всех вовлечённых в такие проекты участников есть высокая вероятность повторения ситуации, давным-давно описанной Крыловым в басне «Лебедь, рак и щука». Какова будет научная, да и культурная ценность этого амбициозного и затратного издания, если оно готовится таким образом? Хотелось бы ошибиться, но, думается, вряд ли высокая.

Предлагаю совместно разработать проект книжной серии «Литературная классика Дальнего Востока: от истоков до современности», предусматривающий издание (возможно, в электронном формате) лучших произведений дальневосточных авторов XIX-XXI веков – книг, качественно подготовленных, хорошо иллюстрированных, снабжённых добротными вступительными статьями и комментариями.

Назрела, как мне представляется, необходимость ежегодно проводить общедальневосточную научно-практическую конференцию по филологической регионалистике – желательно по скользящему графику, чтобы ни одна область и ни один край не остались в стороне. В числе неотложных задач – создание на Дальнем Востоке научного журнала по проблемам филологической регионалистики.

Очень полезно было бы во всех дальневосточных областях и краях выпустить энциклопедии литературной жизни региона – образцом здесь могла бы послужить упомянутая выше «Энциклопедия литературной жизни Приамурья». Одновременно с этим необходимо сформировать из ведущих филологов-регионалистов всех областей и краёв редакционную коллегию, которая взяла бы на себя подготовку общерегиональной энциклопедии, в которой будут представлены самые значительные литературные явления Дальнего Востока, включая литературу эмиграции, БАМлага, малых народов. Это бы существенно ускорило работу над «Историей литературы Дальнего Востока».

Ради целенаправленной концентрации усилий кафедрам филологии дальневосточных вузов, диссертационным советам при выборе тем кандидатских и докторских диссертаций следует отдавать приоритет темам по филологической регионалистике.

И ещё один несомненный приоритет: нам следует добиваться возвращения в школьные программы курса литературного краеведения, сделать его сквозным – выделить, пусть немного, обязательных часов на изучение лучших произведений дальневосточных писателей. Важно, чтобы этот курс не был разовым, чтобы в каждом классе, начиная хотя бы с 5-го, отводилось строго определённое количество часов. Чтобы они не могли быть заняты иными дисциплинами и темами. И, это очень важно, чтобы к составлению подобных программ были привлечены профессионалы – учёные-регионалисты и лучшие учителя. А вузовские кафедры могли бы взяться за подготовку соответствующих учебных пособий и хрестоматий. И это тоже вело бы нас к созданию «Истории русской литературы Дальнего Востока» и, как следствие, качественно иной истории национальной литературы.

И, наконец, чрезвычайно важно целенаправленно формировать общественное мнение, и здесь огромную роль могут сыграть СМИ, прежде всего телевидение, и интернет-ресурсы. Что касается государственного телевидения, то у нас в области, например, на ГТРК нет ни одной постоянной передачи, в которой бы обсуждались произведения амурских авторов, новинки литературы, литературные периодические издания, проводились бы встречи с писателями, с юными авторами, с литературоведами, в которых популяризовалась бы история литературной жизни региона – в лицах, фактах, событиях, произведениях. Где вырабатывался бы вкус к хорошей литературе, где прививался бы интерес к чтению. Приведу и положительный пример: на радиостанции «Эхо Москвы в Благовещенске» есть замечательный краеведческий сериал «Амурские волны», в формате которого за два года совместно с ведущим Михаилом Митрофановым я записал около 30 получасовых передач об истории литературы Приамурья – пока только о дореволюционном времени. Нечто подобное можно было бы создать на областном телевидении и, что ещё более важно, на общедальневосточном уровне.

Всё вышеизложенное – лишь самый общий план, точнее программа, которую наше профессиональное сообщество должно, обязано реализовать, если мы не хотим окончательно отстать от времени и оказаться на обочине современной науки.

Список литературы

1. Лосев А.В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / Составление, редактирование, вступительная статья, примечания А.В. Урманова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. – 348 с.
2. Чудаков Ф. «Чаша страданья допита до дна!..»: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / Составление, предисловие, подготовка текста, комментарии А.В. Урманова. – Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2016. – 716 с.
3. Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Составление, редактирование, вступительная статья А.В. Урманова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. – 484 с.

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**THEORY AND PRACTICE OF TEACHING THE RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE AT PRESENT DAY**

Батраева О.М.

Дальневосточный государственный
технический рыбохозяйственный университет
Владивосток, Россия

Batraveva O.M.

Far Eastern State Technical Fisheries University
Vladivostok, Russia

**ОТ ПРЕДМЕТА ОБУЧЕНИЯ К СРЕДСТВУ ОВЛАДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬЮ:
РУССКИЙ ЯЗЫК В ОКЕАНАРИУМЕ**

**FROM THE SUBJECT OF LEARNING TO THE DEVICE OF MASTERING
THE PROFESSION: RUSSIAN IN THE OCEANARIUM**

В статье представлен практический опыт участия в реализации образовательного проекта «Русский язык в океанариуме». Автор статьи уделяет особое внимание теоретико-практической направленности обучения языку специальности в техническом вузе.

Ключевые слова: образовательный проект «Русский язык в океанариуме», язык специальности, профессионально-коммуникативные компетенции, интеграция, интерактивные методы и технологии обучения русскому языку как иностранному.

The article describes the practical experience of participation in the creative educational project "The Russian Language in the Oceanarium". The author of the article pays special attention to the theoretical and practical focus of teaching a professional language in a technical university.

Key words: educational project "Russian in the Oceanarium", professional language, professional and communicative competences, integration, interactive methods and techniques of teaching Russian as a foreign language.

Современный этап развития дидактики характеризуется внедрением в учебный процесс новых технологий. Всё больше внимания уделяется обеспечению качества учебной работы и овладению новыми технологиями обучения. В настоящее время использование интерактивных технологий при обучении иностранных студентов языку специальности – один из важных аспектов совершенствования и интенсификации учебного процесса.

С помощью современных интерактивных технологий реализуются такие принципы обучения, как принцип коммуникативности, индивидуализации, интерактивности. Повысить эффективность урока – это значит всемерно активизировать учебный процесс, широко применяя наглядность, технику, новые формы и приёмы работы, добиться формирования профессионально-коммуникативной компетенции иностранных студентов, изучающих язык специальности.

Работа на уроке, несомненно, является весомой частью всего обучения языку. Но достижение цели обучения русскому языку как иностранному в техническом вузе немыслимо без совершенствования форм работы иностранных студентов. Как показывает практика, на продвинутом этапе обучения всё больше предметов изучается на русском языке, который является уже средством овладения специальностью. Развиваются сформированные на начальном уровне навыки и умения в чтении, аудировании, говорении и письменной речи,

а также элементарные навыки различных видов семантической догадки: словообразовательной, контекстуальной, контекстуально-ситуативной, ситуативно-предметной, межъязыковой. Что же касается языковой подготовки, то студенты-иностранные мало используют полученный лексический и синтаксический минимум, позволяющий им вести диалоги «преподаватель – студент», «студент – студент», «русский студент – иностранный студент», ориентироваться в ситуациях реального профессионального общения. Необходимо, на наш взгляд, искать пути овладения языком специальности посредством новых технологий обучения.

В этом плане хорошей возможностью является участие в новом образовательном проекте. Совместный образовательный проект «Русский язык в океанариуме», организованный Дальневосточным филиалом фонда «Русский мир» и научно-образовательным комплексом «Приморский океанариум», – это очень серьёзная точка роста для вузов Владивостока. По сути, это прекрасная возможность интегрировать образовательный процесс во внешнюю среду, сознательно расширяя рамки учебных программ, профессионально их ориентируя. Очевидно, что предметный компонент, являющийся, как правило, главным мотивообразующим фактором при овладении языком специальности, в нашем случае приобретает свою притягательную силу. Поддержание учебной мотивации зависит от организации учебного процесса, качества учебных материалов и, конечно же, мастерства преподавателя-руссиста.

Элементами профессионально ориентированного обучения РКИ являются лексические единицы, используемые для общения в конкретной проблемной области. Все эти лексические единицы можно разделить на две группы: 1) собственно термины изучаемой проблемной области – специальные лексические единицы профессионального общения, которые могут быть представлены как одним словом, так и словосочетанием; 2) общенаучная лексика или термины научной речи – так мы будем называть слова и стандартные словосочетания общенаучного стиля. Термины отражают понятийную сторону предмета, поэтому обучение терминологии является задачей преподавателей общеобразовательных дисциплин. Задача русиста – обучение функционированию слов-терминов в речи.

При изучении терминологической системы будущей сферы профессионального общения русскими студентами усвоению подлежат только элементы первой группы, то есть собственно термины проблемной области (биология, география, экология, промышленное рыболовство). Для иностранных же учащихся всё обстоит совсем не так: обе группы представляют собой новый для них материал. При этом особый акцент делается на второй группе: именно в процессе обучения научному стилю речи студенты получают навыки универсального употребления общенаучной лексики. Являясь основным средством включения иностранных студентов в сферу науки, профессионального общения, русский язык особенно важен для них как язык специальности. Необходимо отметить, что на продвинутом этапе основная цель обучения иностранных учащихся – овладение избранной специальностью, поэтому здесь предусмотрена работа с лексикой, связанной с их профессиональными интересами: биологическими, географическими, техническими терминами. Вот почему оптимальное представление различных терминологических систем имеет исключительное значение. Все экспонаты океанариума снабжены описаниями не только на русском, но и на английском и китайском языках, это экономит время проведения лекций-экскурсий и позволяет иностранным учащимся понимать содержание таких описаний. Сценарии практических занятий создаются преподавателем на базе строго отобранного лексико-грамматического материала. Группировка слов осуществляется по тематико-ситуативному принципу (в соответствии с тематикой залов океанариума). Объединение слов в тематически и логически связанные группы облегчает семантизацию и способствует лучшему запоминанию лексико-грамматического материала.

Задача преподавателя-русиста на этапе подготовки к практическому занятию на площадке океанариума заключается в следующем:

- 1) на материале текста материала лекции ученого-экскурсовода заранее отобрать лексику по двум направлениям: общенаучную и узкоспециальную;
- 2) определить способы семантизации определённых групп лексических единиц;
- 3) показать особенности сочетаемости и реального функционирования специальной лексики в речи.

В основе обучения специальной лексике лежит текст, который является основным на каждом этапе организации уроков в океанариуме. Полная работа над текстом проводится на практических занятиях в вузе. На уроках аудирования иностранные студенты работают над заданиями видеоматериала к предстоящему занятию. Разные способы работы над специальной лексикой с последующим закреплением в упражнениях и на материале текстов способствуют сознательному использованию её в связном высказывании учащихся, в диалогах «учёный-экскурсовод – иностранный учащийся» на площадке научно-образовательного комплекса «Приморский океанариум». На уроки в океанариум приглашаются университетские учёные, что, безусловно, мотивирует иностранных учащихся.

Реализация совместного образовательного проекта «Русский язык в океанариуме» – это интегрирование русского языка с естественнонаучными предметами, обеспечивающее практическую направленность обучения. В рамках проекта была учтена целесообразность функционального подхода к обучению языку специальности иностранных студентов профиля подготовки бакалавров 35.03.09 «Промышленное рыболовство и аквакультура» ФГБОУ ВО «Дальрыбвтуз»; обоснована необходимость соблюдения баланса сознательного усвоения языковой системы и коммуникативной ориентации на площадках научно-образовательного комплекса «Приморский океанариум».

Учебная программа Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета рассчитана на учебный год. В рамках её реализации предусмотрены практические занятия на площадках «Приморского океанариума», предусматривающие такие формы работы, как экскурсии по тематическим залам, интерактивные занятия, тестовые задания, видеоматериалы для отработки навыков говорения, аудирования.

Приём интерактивного обучения в рамках совместного проекта позволяет тактически реализовать стратегию активных форм преподавания языка специальности и новых тенденций в методике РКИ, которые имеют целью обновить процесс обучения за счет его «оживления». Участие в образовательном проекте «Русский язык в океанариуме» предусматривает использование интерактивных технологий обучения: ролевые и деловые игры, дискуссии, квесты. Такие подходы позволяют интенсифицировать учебный процесс, в результате чего у студентов-иностранцев формируются навыки, необходимые для общения в разных ситуациях учебно-профессиональной коммуникации [1, с. 102]. Применение мультимедийных презентаций в учебном процессе позволяет проводить занятия на более качественном уровне (благодаря лучшей наглядности материала), развивать речевые навыки иностранных учащихся, более полно знакомить с терминами и профессиональными словами. Учебный класс научно-образовательного комплекса «Приморский океанариум» оборудован мультимедийной системой. Сам учебный процесс представлен в двух формах: лекция-экскурсия по тематическому залу океанариума и практическое занятие в учебном классе.

Цель совместного образовательного проекта – развитие таких видов речевой деятельности, как говорение, чтение, письмо, аудирование на материале языка специальности, а также закрепление, активизация, тренировка, контроль употребления языковых форм и структур. Организация практических занятий на площадках «Приморского океанариума» оправдывает себя, так как при этом решается ряд важных задач:

1. Занятия направлены на практические действия иностранных студентов, затрагивая их эмоциональную сферу, благодаря чему усиливается мотивация.

2. Иностранные учащиеся получают возможность осуществлять творческую работу в рамках заданной темы, самостоятельно добывать необходимую информацию не только из учебников, но и из других источников, прежде всего, благодаря экскурсиям по залам Приморского океанариума.

3. В ходе таких занятий осуществляется взаимодействие иностранных учащихся с экскурсоводом (учёным), друг с другом, с волонтёрами (русскими студентами), преподавателем, роль которого меняется: вместо контролёра он становится равноправным партнёром и консультантом.

4. В совместном образовательном проекте весь учебный процесс ориентирован на иностранного учащегося. Здесь прежде всего учитывают его интересы, жизненный опыт и индивидуальные способности.

5. Усиливается индивидуальная и коллективная ответственность всех за конкретную работу в рамках совместного проекта, так как каждый, работая индивидуально или в микрогруппах (с русскими студентами), должен представить всей группе результаты своей деятельности.

Кроме того, значение имеет организация различных этапов работы: предпроектные задания, разработка проекта, корректировка, презентация полученных результатов и возможных способов применения их на практике [2, с. 29]. Коммуникативная составляющая данного вида работы очень важна, так как результаты должны (или могут) быть выражены в рецензии, реферате, сочинении, докладе. Реализуются основные принципы обучения иностранному языку – коммуникативность и сознательность. Для того чтобы предлагаемый видеофильм (на примере «Возникновение жизни на Земле», «Проблемы озера Ханка») способствовал развитию необходимых речевых навыков, необходимо тщательно подготовить иностранного студента к будущему просмотру, снять языковые трудности, обеспечить учащихся разработанной системой соответствующих предсмотровых, смотровых и послесмотровых заданий.

В совместном образовательном проекте «Русский язык в океанариуме» у китайских студентов появляется реальная возможность общаться с русскими студентами, выполняя с ними совместные задания после экскурсии, участвуя в ролевых играх, дискуссиях, квестах. Роль волонтёров выполняют русские студенты-экологи. Такое общение – это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое русское слово, произнесённое и осознанное иностранными учащимися в рамках проекта, отражает русский мир и русскую культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире. Очень важно, что проект был организован в Год экологии в России. А у экологии, как известно, нет границ. Мы очень часто повторяем нашим студентам на практических занятиях в океанариуме: «Страны – разные, а океан – один. Тихий. И вашему поколению предстоит его осваивать. Вместе!».

Обучение профессиональному диалогу включает в себя знание различных социальных ролей – эколога, учёного, журналиста, что усложняет задачу учебного процесса: коммуникативная направленность заданий преобладает над другими видами работ.

Таким образом, мы считаем, что участие в образовательном проекте «Русский язык в океанариуме» – это продуктивная форма организации образовательного процесса, способствующая формированию профессионально-коммуникативных компетенций иностранных учащихся рыбохозяйственного университета.

Список литературы

1. Батраева О.М. Профессиональный иностранный язык II: Тексты по специальности. – Владивосток: Дальрыбвтуз, 2013. – 237 с.
2. Щукин А.Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам. – М.: Филоматис, 2008. – 188 с.

Верещагина А.Н., Верещагина О.Н.
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
Ярославль, Россия

Vereshchagina A.N., Vereshchagina O.N.
Yaroslavl Higher Military School of Air Defence
Yaroslavl, Russia

**М. КУЗМИН «ТАКИЕ ДНИ – СЧАСТЛИВЕЙШИЕ ДАТЫ...»:
АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ НА ЗАНЯТИИ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

**M. KUZMIN «THESE DAYS – THE HAPPIEST DATES...»
(ANALYSIS OF THE POEM AT THE LESSON
OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)**

Статья посвящена методике работы с художественным текстом на занятии по русскому языку как иностранному. Предлагается авторский вариант анализа стихотворения русского поэта М. Кузмина, творчество которого относится к началу XX века.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный; анализ художественного текста.*

The article is focused on the methodology of work with a literary text at the lesson of Russian as a foreign language. The authors suggest an idea of analyzing the poem written by a Russian poet M. Kuzmin, whose works refer to the beginning of the 20th century.

Key words: *Russian as a foreign language; analysis of a literary text.*

Целью обучения иностранному языку является формирование умений и навыков общения на этом языке. Данной цели подчинено обучение отдельным аспектам: овладению лексикой и грамматикой, восприятию речи на слух, устной и письменной речи, пониманию текстов различного характера. При этом текст на занятии может не только служить основой для отработки той или иной речевой темы, грамматических конструкций или лексического материала, но и расширять знания учащихся о стране изучаемого языка благодаря содержащейся в нем страноведческой, культурологической информации, а также стимулировать интерес к дальнейшему изучению языка. Одним из наиболее эффективных средств решения перечисленных выше задач является, на наш взгляд, использование в процессе обучения художественных текстов (с различной степенью адаптации или аутентичных).

В рамках занятия по русскому языку как иностранному вниманию обучающихся нами было предложено стихотворение Михаила Кузмина «Такие дни – счастливейшие даты...» (1916). Объём стихотворения позволяет проанализировать его в течение примерно 45 минут (в зависимости от уровня группы), таким образом, текст воспринимается как целое, впечатление не разрушается. Описываемые ситуации и чувства знакомы читателям. Целесообразнее при работе со стихотворением использовать проектор для вывода текста на экран построчно (по фрагментам), что позволит контролировать объём прочитанного (ни у кого из учащихся нет возможности «уйти вперёд»), составлять читательские прогнозы.

При анализе текста мы опирались на методику, предложенную доктором педагогических наук, профессором Н.В. Кулибиной. Согласно данной методике работы с художественным текстом, наиболее важным этапом при анализе является этап выполнения притекстовых заданий: «когда цель обучения пониманию текстов заявлена как основная, притекстовый этап работы над текстом является главным, т. к. в рамках этого этапа читатель на собственном опыте учится преодолевать различные трудности чтения, овладения навыками самостоятельного понимания и становится квалифицированным читателем» [1, с. 145-146]. Перед тем как приступить к притекстовой работе, необходимо заинтересовать

учащихся, так как мотивация играет важную роль в любой деятельности, особенно в обучении. В связи с этим на данном этапе преподаватель может задать обучающимся следующие вопросы: «Известно ли Вам имя Михаила Кузмина? Читали ли Вы его произведения?».

В случае если имя поэта обучающимся неизвестно, преподаватель даёт небольшую справку.

Познакомьтесь с поэтом Михаилом Кузминым.

Михаил Кузмин (18 октября 1872 г. – 1 марта 1936 г.) – русский поэт, композитор, переводчик начала XX века.

Отметим, что дополнительной информацией, способной вызвать интерес учащихся к творчеству поэта (писателя), является информация о том, что город, в котором находится вуз, связан с важным событием в жизни или творчестве автора (предваряя знакомство с произведением М. Кузмина, мы рассказали обучающимся о том, что поэт родился в Ярославле и посвятил этому городу одно из стихотворений). Далее студентам предъявляется текст, предлагаемый для анализа.

«Такие дни – счастливейшие даты...»

Такие дни – счастливейшие даты.

Последний холод, первое тепло.

Смотрю не через пыльное стекло:

Собаки лают, учатся солдаты.

Как хлопья закоптелой, бурой ваты,

Буграми снег, а с крыши давно стекло,

Но почему так празднично светло?

Или весны не видел никогда ты?

Весну я знаю и любил немало,

Немало прошумело вешиных вод,

Но сердце сонное не понимало.

Теперь во мне проснулось всё – и вот

Впервые кровь бежит по сети вен,

Впервые день весны благословен!

1916 [2]

Ниже мы приводим вопросы, которые были заданы учащимся разных групп, и наиболее частотные из полученных ответов.

Прочтите первую строку стихотворения. Предположите, о чём пойдёт речь в стихотворении? Обратите внимание на слово «счастливейшие». Какая это часть речи? Определите грамматическую форму слова. Какие дни, по Вашему мнению, можно назвать счастливейшими?

В стихотворении речь пойдет о важных для автора событиях. «Счастливейшие» значит «самые счастливые», это превосходная степень сравнения прилагательного. Счастливейшими можно назвать дни, когда человек достиг цели, к которой долго стремился, встретился со старыми друзьями, влюбился и др.

Как Вы думаете, почему автор использовал форму множественного числа?

Наверное, потому, что таких дней в жизни человека может быть много.

Прочтите вторую строку. Скажите, о каком времени года идёт речь?

Речь идёт о весне (начале весны).

Какие слова помогают понять, что это начало весны? Как называются такие слова?

«Последний холод», «первое тепло» обозначают, что зима уже заканчивается, а весна только начинается. Слова «последний» – «первый», «холод» – «тепло» обладают противоположным значением. Такие слова называются антонимами.

Прочитайте следующие две строки. Почему поэт говорит: «Смотрю не через пыльное стекло»? Откуда он наблюдает? Как Вы думаете, почему стекло не пыльное? Как вы считаете, то, что происходит на улице – обычное явление? (Необходимо обратить внимание учащихся на год создания стихотворения: 1916 – Первая мировая война.)

Наверное, он смотрит через окно из своей комнаты. Стекло не пыльное, потому что на улице весна, окно вымыто. На улице происходят обычные для того времени события, солдаты ни у кого не вызывают удивления, потому что идет война. (По завершении анализа преподаватель может вернуться к этим строкам, предложить учащимся предположить, что может символизировать «не пыльное стекло» – чистоту, обновление).

Прочитайте следующие три строки. Скажите, какой пейзаж описывает поэт? Какие слова помогают создать это впечатление? Какое настроение у героя стихотворения?

На улице грязно, лежит тёмный снег, который ещё не успел растаять («как хлопья закоптелой, бурой ваты буграми снег»). Но у героя хорошее настроение, у него на душе празднично, светло.

Как вы думаете, почему? Предположите, почему может быть праздничное настроение у человека, несмотря на такую «непраздничную» природу?

Наверное, произошло что-то, благодаря чему, несмотря на непривлекательный вид из окна, можно радоваться.

При возникновении затруднений при определении значения слов закоптелой, бурой учащиеся могут опираться на состав слова, словообразовательный анализ: закоптить – коптить («покрывать копотью, то есть делать тёмным»); контекст; фоновые знания: бурый медведь.

Прочитайте следующую строку. Скажите, к кому обращается поэт? О какой возможной причине хорошего настроения спрашивает автор?

Поэт обращается к самому себе, к другу. Возможная причина – первый раз увидел наступление весны.

Прочитайте следующие три строки. Что отвечает автор? Что является причиной его хорошего настроения?

Весна не является причиной праздничного настроения. Весна ассоциируется с любовью («весну я знаю и любил немало»), но до этого времени любовь не вызывала таких светлых и сильных чувств в душе.

Что значат слова «немало прошумело вешних вод»? Почему автор называет сердце сонным?

Слова «немало прошумело вешних вод» означают, что прошло немало лет. Автор называет сердце сонным, потому что раньше он жил и не видел, не понимал, что происходит, как будто не жил по-настоящему, а спал.

Выражение немало прошумело вешних вод может вызвать затруднения у учащихся, однако они могут опираться на состав слов и контекст. При необходимости преподаватель может объяснить значение сам, попросить обучающихся привести известные им синонимичные выражения (прошло немало лет, немало воды утекло).

Прочитайте последние строки стихотворения. Почему «все проснулось»? Когда можно испытать ощущение, что «кровь бежит по сети вен»?

Теперь он «проснулся», он живет по-настоящему, он чувствует, ощущает волнение, как будто перед каким-то важным событием («кровь бежит по сети вен»). Человек может испытывать подобные ощущения перед началом чего-то нового, перед встречей с кем-то, кто ему дорог, и т. д.

Опираясь на состав слова «благословен», попытайтесь определить его значение.

В слове «благословен» можно выделить два корня: -благ-, -слов- – «хороший», «слово». (Корень -благ- есть в словах «благодарить», «благодаря» – дарить благо, говорить что-то хорошее).

Какие чувства испытывает автор, если «день весны благословен»?

Можно предположить, что автор хвалит весну, она вызывает положительные эмоции. Для него это словно новое рождение, поэтому день весны «благословен».

Эти чувства новые для поэта? Какие слова помогают понять это?

Эти чувства новые – поэт повторяет слово «впервые».

Можно ли теперь предположить, какова причина настроения поэта?

Также можно предположить, что причиной «пробуждения» является новая встреча, новая любовь, настолько сильная, настоящая, что по сравнению с ней всё, что было, кажется сном.

Завершая работу с текстом, преподаватель может задать учащимся вопрос о том, испытывали ли они когда-нибудь подобные чувства. В качестве домашнего задания обучающиеся пишут сочинение о том, какие дни в своей жизни они могли бы назвать счастливейшими.

В случае, когда в рамках занятия предлагается художественный текст (особенно если это текст поэтический), используемый материал может служить и для отработки фонетики и интонации. Так, после того как обучающиеся познакомились с полным текстом стихотворения, ответили на вопросы преподавателя, им может быть предложено выступить в роли актёров и прочитать стихотворение с определённой интонацией.

Список литературы

1. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке: Методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. – СПб.: Златоуст, 2015. – 224 с.
2. Кузмин М. «Такие дни – счастливейшие даты...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kuzmin.info.ru/kuzmin/stihi/stih-285.htm> (Дата обращения: 15.04.2017).

Динь Тхи Тху Хуен

Институт иностранных языков
при Ханойском государственном университете
Ханой, Вьетнам

Dinh Thi Thu Huyn

University of Languages and International Studies
- Vietnam National University
Hanoi, Vietnam

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ИНСТИТУТЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ПРИ ХАНОЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

TEACHING RUSSIAN AT THE UNIVERSITY OF LANGUAGES AND INTERNATIONAL STUDIES – VIETNAM NATIONAL UNIVERSITY IN THE CURRENT CONTEXT

Качество обучения на таких языковых факультетах, как факультет русского языка и русской культуры, определяется качеством преподавания дисциплины «Практика речи». Статья посвящена определению места этой дисциплины в общей учебной программе, реализуемой в Институте иностранных языков при Ханойском государственном университете, и мер, направленных на повышение качества преподавания названной дисциплины.

Ключевые слова: *обучение русскому языку, практика речи, подготовка специалистов по русскому языку как иностранному.*

The quality of education at the language departments such as the department of the Russian language and Russian culture is determined by the quality of teaching the discipline "Practice of speech". The paper reports on the place of this discipline in the general curriculum implemented at the University of Languages and International Studies – Vietnam National University, Hanoi (ULIS - VNU) as well as measures aimed at improving the quality of teaching "Practice of speech".

Key words: *teaching Russian, practice of speech, training specialists of Russian as a foreign language.*

Будучи первым и одним из ведущих факультетов в области подготовки специалистов по русскому языку во Вьетнаме, факультет русского языка и русской культуры Института иностранных языков при Ханойском государственном университете на протяжении своей непростой 62-летней истории всегда считал своим долгом всячески поддерживать надлежащее качество обучения – несмотря на все перипетии времени. А качество обучения на языковых факультетах определяется прежде всего уровнем владения языком, который в свою очередь напрямую связан с такой дисциплиной, как «Практика речи». Не будет преувеличением сказать, что курсы «Практики речи» составляют костяк нашей учебной программы и именно на их развитие и совершенствование направлены основные наши усилия в постоянной борьбе за повышение качества обучения.

Однако прежде чем подробно говорить о том, как эти курсы преподаются в нашем институте и что делается для повышения их эффективности в современных условиях, рассмотрим, какое место они занимают в общей учебной программе.

В утвержденной в 2012 году и корректированной в 2015 году учебной программе выделяется 6 блоков знаний:

1. Блок общих знаний (27 кредитов) включает общевузовские (обязательный государственный компонент для всех вузов) и внутриуниверситетские дисциплины.

2. Блок естественнонаучных знаний (6 кредитов) призван обеспечить студентов гуманитарных специальностей разносторонними базовыми знаниями общеобразовательного характера.

3. Блок общих знаний гуманитарных специальностей (8 кредитов) включает дисциплины, дающие базовые знания общегуманитарной направленности.

4. Блок общих знаний группы специальностей (57 кредитов) даёт обучающимся базовые знания, необходимые для изучения языков, общие для всех языковых специальностей.

5. Блок знаний специальности (27 кредитов) состоит из дисциплин, обеспечивающих студентов самыми главными знаниями и навыками, обязательными для выбранной ими специальности. На нашем факультете осуществляется подготовка по двум специальностям – «Учитель русского языка» и «Русский язык», а в рамках последней специальности выделяется два направления – «Переводчик русского языка» и «Туризм». Каждое из этих направлений имеет собственный пятый блок знаний.

6. Блок практических и выпускных знаний (9 кредитов) включает в себя производственную практику и выполнение дипломной работы или освоение 2 дисциплин в качестве выпускных требований.

Рассматриваемые нами курсы «Практики речи» относятся к 4-му блоку. Компонентом этого блока является, с одной стороны, подблок культурно-лингвистических знаний, включающий такие предметы, как «Современный русский язык», «Страноведение России», «Межкультурная коммуникация», «Русская литература» и др., а с другой – подблок языковых знаний, состоящий из 10 курсов, входящих в дисциплину «Практика речи» (39 кредитов): 1А, 1Б, 2А, 2Б, 3А, 3Б, 3В, 4А, 4Б, 4В. При этом под курсами А подразумевается аудирование и говорение, под курсами Б – чтение и письмо, а в рамках курсов В студенты получают возможность закрепить свои знания в области лексики и грамматики русского языка, а также подготовиться к сдаче выпускного теста. Отметим, что при обучении по кредитной системе студенты не должны сдавать выпускные экзамены. Однако в нашем институте в целях обеспечения высокого уровня подготовки выпускников было принято решение, что диплом высшего образования могут получить только те, кто успешно сдаст по изучаемому языку тест пятого уровня в рамках шестиуровневой системы оценки владения иностранным языком, разработанной вьетнамскими специалистами (или С1 по-вьетнамски). Этот тест студенты могут сдавать практически в любое время в течение всего периода обучения в институте, причём количество попыток прохождения теста не ограничивается [1; 2; 3].

Нововведением, связанным с внедрением кредитной учебной программы, также является то, что «Практика речи» преподается интенсивно, в течение первых 2 лет. Между тем надежды на то, что интенсивное обучение резко повысит у обучающихся уровень владения языком, не оправдались. Студенты, у которых практические занятия по русскому языку прекращаются за два года до окончания института, зачастую утрачивают способность пользоваться языком, и многим из них приходится продлевать срок обучения, так как они не могут сдать выпускной тест.

Следует отметить, что уже не первый год мы сталкиваемся с трудностями при наборе студентов. На наш факультет в последнее время ежегодно поступают 60-70 студентов, которых можно условно разделить на две категории – в зависимости от того, с каким иностранным языком они пришли в вуз: русским или английским. В связи с сокращением количества средних школ, в которых изучается русский язык, число студентов, относящихся к первой категории, с каждым годом уменьшается. При этом, к сожалению, на факультете нередко учатся студенты, которые просто не могут поступить на другой факультет или в другой вуз. У них зачастую отсутствует мотивация в учебе. Кроме того, имеется определённый процент первокурсников, ранее получивших право учиться в каком-нибудь российском вузе, которые уже после нескольких недель учёбы на факультете уезжают в Россию. Те, кто остаётся, тоже могут поехать на учёбу в Россию в начале 2-го курса, победив на Олимпиаде по русскому языку среди первокурсников или получив стипендию от Министерства образования и подготовки кадров Вьетнама и Министерства образования и науки России, а также, что хуже, они имеют право пересдать вступительные экзамены и

перейти учиться в другой вуз. И удержать их от такого решения может только высокое качество обучения и интересная студенческая жизнь на факультете.

В таблице 1 для сравнения представлено количество студентов при поступлении на факультет и на данный момент. Очевидно сильное сокращение контингента. И с каждым годом ситуация ухудшается – в связи с увеличением квот для вьетнамских студентов на обучение в российских вузах, а также с растущей конкуренцией между вьетнамскими вузами.

Курс	Количество при поступлении	Количество на данный момент
4-й	78	35
3-й	53	33
2-й	65	31
1-й	64	57
Всего	260	156

Таблица 1. Количество студентов на факультете русского языка и русской культуры Института иностранных языков при Ханойском государственном университете

Таким образом, можно сказать, что борьбу за контингент мы ведём и до, и после набора студентов.

Как же организуется реализация курсов «Практика речи» для двух обозначенных категорий учащихся? Какого уровня владения русским языком они должны достичь по окончании того или иного курса? Ответы на эти и другие вопросы можно получить из таблицы 2.

Курс в рамках дисциплины («Практический русский язык» и под.)	Семестр	Количество кредитов	Количество аудиторных часов (с 2016/2017 учебного года)	Предполагаемый уровень владения языком по окончании курса	
				Для студентов с нулевым стартовым уровнем	Для студентов со знанием языка в начале обучения
1А 1В	I	8	16 ч.*15 нед. = 240 ч.	A1-	A2
2А 2Б	II	8	20 ч.*15 нед. = 300 ч.	A2-	B1-
3А 3Б 3В	III	11	20 ч.*15 нед. = 300 ч.	B1-	B1+
4А 4Б	IV	8	16 ч.*15 нед. = 240 ч.	B2-	B2
4В		4	4 ч.*15 нед. = 60 ч.	C1	C1
Всего		39	1140 часов		

Таблица 2. Трудоёмкость практических учебных курсов по русскому языку и ожидаемые результаты

Достижение пятого уровня (C1) в наших условиях обучения – практически невыполнимая задача, тем не менее для поддержания и улучшения качества обучения нами предпринимается ряд мер. Ими, в частности, являются:

1. Постоянное корректирование учебной программы.

В 2015 году количество аудиторных часов, отведенных на «Практику речи», было увеличено с 1080 до 1140 (за счёт увеличения количества аудиторных часов курсов 2А и 2Б). В августе 2017 г. было принято решение, в соответствии с которым с 2017/2018 учебного года курс 4В, фактически подготавливающий студентов к сдаче выпускного теста, станет курсом, который студенты могут пройти в любое удобное для них время. Это должно повысить процент успешно сдавших этот непростой экзамен, а значит и увеличить количество студентов, своевременно выполнивших учебный план и завершивших обучение в установленные сроки.

2. Постоянное корректирование учебного плана курсов дисциплины «Практика речи» и поиск подходящих учебных пособий.

Учебный план курсов строится с учетом знания/незнания студентами языка до поступления в вуз и особенностей вьетнамских студентов, их слабых сторон при изучении иностранных языков.

Уже третий год на факультете реализуются два разных учебных плана для студентов, поступивших со знанием языка и без знания языка. До этого довольно долгое время все студенты учились по одному учебному плану – либо в течение всех 4-х курсов, либо начиная со 2-го курса. Неодинаковый уровень владения языком у обучающихся вызывал немало трудностей как у преподавателей, так и у самих студентов.

Учебный план, разработанный для студентов со знанием языка, исходит из того, что после 3 лет изучения русского языка в школе студенты владеют грамматикой на уровне А2-В1. А среди видов речевой деятельности наиболее сформированным является чтение (А2-), остальными навыками они владеют на уровне А1. При этом у большинства студентов, относящихся к этой категории, не очень хорошее произношение: плохо поставлена артикуляция звуков, но самые большие проблемы вызывает ударение и интонация. С учётом всех этих обстоятельств в 1-м семестре 1-го курса для этого контингента в качестве главного учебного пособия было выбрано пособие по лексике и разговорной практике «Слово» в сочетании с пособием «Слушать и услышать», направленным в первую очередь на формирование и развитие навыков восприятия на слух русской разговорной речи, а также расширение компетенций в области письма и говорения. А для совершенствования произносительных навыков используется учебное пособие по фонетике русского языка для вьетнамских студентов, разработанное преподавателем Московского инженерно-физического института Е.В. Соловьевой.

Что же касается студентов, начинающих изучать русский язык с нуля, то в процессе их обучения 3 года назад мы отказались от учебника «Дорога в Россию», который использовали довольно долгое время, и перешли на учебный комплекс «Наше время», а затем на «5 элементов», по которому работаем уже второй год. Однако поиск подходящих учебных пособий продолжается: несмотря на ряд преимуществ, в процессе обучения «5 элементов» также обнаружил немало недостатков, что заставляет нас искать новые пособия. Возможно, удачной заменой станет комплекс «Русский сезон», так как мы очень нуждаемся в пособии, которое на самом деле сможет обеспечить обучение русскому языку от уровня А1 до уровня В2. Такой комплекс позволит нам справиться с давно существующей в нашей преподавательской практике проблемой: отсутствием преемственности учебного содержания первого и второго года обучения. Как правило, перейдя на второй курс, большинство студентов переживают психологический стресс, так как им приходится работать по слишком трудным для них учебникам, осваивать материалы, не соответствующие их уровню, превышающие их возможности на данном этапе. Всё это приводит к утрате и без того не очень высокой мотивации, к ослаблению интереса к изучению русского языка.

В процессе обучения содержание, объем материала, темп и форма его подачи также могут корректироваться в соответствии со степенью и скоростью освоения студентами новых знаний. На первое место выдвигается не количество, а качество пройденного

материала, формирование и поддержание интереса студентов к языку. И при всём единстве учебного плана любой преподаватель может внести предложения по его корректировке, если увидит в нём нерациональные моменты.

С целью создания оптимальных условий для совершенствования навыков говорения и аудирования в учебный план 2-го курса был введен ряд новых элементов. Например, теперь один день в неделю посвящён только говорению. В этот день студентам по сути предоставляется возможность повторить пройденный за неделю материал, упражняться в решении коммуникативных задач, практиковать общение на разные темы в соответствии с требованиями к их уровню владения языком. Помимо зачёта и экзамена по говорению, один раз в семестр также проводится устная контрольная работа, выполняющая прежде всего диагностическую функцию. А на дом, помимо упражнений из учебного пособия, даются дополнительные задания, направленные на формирование и развитие навыков аудирования – как одного из самых сложных для обучающихся видов речевой деятельности.

3. Повышение мобильности преподавателей.

Чтобы обеспечить необходимую преемственность разных этапов учебного процесса, было принято решение нарушить принцип «изолированности» кафедр, отвечающих за преподавание «Практики речи» на 1-м и 2-м курсах. Теперь преподаватели данных кафедр при необходимости могут вести курсы, «принадлежащие» другой кафедре, а те, кто разрабатывает учебный план для 1-го курса, продолжают его разработку и для 2-го курса, а также в целом курируют преподавание дисциплины на 2-м курсе. Это позволяет надеяться, что проблема, связанная с нарушением преемственности процесса обучения, со временем решится.

4. Сближение содержания обучения с реальной жизнью.

В учебном процессе мы используем учебники, написанные российскими авторами, хорошо осознавая, что не всё в них актуально для вьетнамских студентов. Отсутствие национально ориентированных учебных пособий мы стараемся компенсировать введением на занятиях материалов, ситуаций, близких к реальной жизни во Вьетнаме и будущей работе студентов, заменой неактуальной для вьетнамцев лексики, информации на актуальную. Например, студентам 2-го курса было дано следующее групповое задание: «У вас есть русский друг, который приехал в Ханой на 5 дней и у которого есть только 1500000 донгов (примерно 66 долларов). Разработайте для него такую программу пребывания в Ханое, чтобы на эти деньги он мог не только прожить, но и попробовать традиционную ханойскую еду, познакомиться с городом и убедиться, что у ханойцев богатая культурная жизнь». Самостоятельно выполняя такие практические задания, студенты и сами узнают, что в Ханое ежедневно проходят самые разнообразные культурные мероприятия, многие из которых совершенно бесплатны и доступны, и при желании можно легко обогатить свою духовную жизнь. Подобные задания вызывают у студентов большой интерес, побуждают их к активной творческой деятельности, повышают мотивацию к изучению языка.

Придумывать больше подобных заданий, применять современные методы обучения, делать уроки более увлекательными, прибегая к различным приемам, стало ключевым профессиональным требованием к преподавателям русского языка.

5. Проведение дополнительных занятий, внеурочных консультаций и прочих внеаудиторных мероприятий.

Чтобы помочь студентам сдать выпускной тест уровня С1 (формат которого во многом отличается от формата российского теста третьего сертификационного уровня), молодые преподаватели периодически организуют бесплатные занятия. Учебная коммуникация между преподавателями и студентами поддерживается и во внеурочное время с помощью социальной сети. Практически у каждого курса и каждой группы имеется своя страница в Фейсбуке, которая служит и площадкой для обсуждения уроков. Студенты также часто обращаются за помощью к своим преподавателям через электронную почту или личные сообщения в Фейсбуке. Поддерживать тесную связь со студентами, оказывать им, особенно

первокурсникам, своевременную поддержку при возникновении любых проблем в учёбе – это тоже одна из приоритетных задач наших преподавателей.

Для того чтобы иметь возможность общаться с носителями языка, студенты под руководством преподавателя совершают коллективные прогулки с целью найти российских туристов, завязать контакт с ними, а затем пригласить их в институт на встречу со студентами. Много усилий также направляется на то, чтобы пригласить российских специалистов на работу на факультете. Во время пребывания носителей русского языка в институте для них периодически организуются экскурсии с участием преподавателей и студентов. Подобные мероприятия также расширяют для студентов и преподавателей возможность практиковать свой русский язык в реальных условиях общения.

Кроме того, особое внимание на нашем факультете уделяется повышению квалификации преподавателей (в том числе за счёт самообразования). Обязательным для молодых преподавателей является посещение всех семинаров повышения квалификации с участием российских специалистов. Посещение занятий молодых преподавателей (в том числе без предупреждения) с последующим активным их обсуждением, которое включает и обмен профессиональным опытом, практикуется у нас уже несколько лет [4].

Одним словом, в условиях жёсткой конкуренции в борьбе за студентов нужно постоянно быть в движении и стремиться вперед. Для повышения качества обучения в целом и преподавания дисциплины «Практика речи» в частности на нашем факультете реализуется целый комплекс мер, охватывающих практически все компоненты учебного процесса. И мы уверены, что наши усилия не пропадут даром!

Список литературы

1. Динь Тхи Хуен. Учебная программа по подготовке вьетнамских русистов в системе современного вузовского образования. – Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – 2014. – № 4. – С.29-31.
2. Chương trình đào tạo chuẩn trình độ đại học ngành Sư phạm tiếng Nga (Ban hành kèm theo quyết định số 4062/QĐ-ĐT ngày 29.11.2012 của Giám đốc ĐHQGHN).
3. Chương trình đào tạo chuẩn trình độ đại học ngành Ngôn ngữ Nga (Ban hành kèm theo quyết định số 4062/QĐ-ĐT ngày 29.11.2012 của Giám đốc ĐHQGHN).
4. Dinh Thị Thu Huyền, Trịnh Thị Phan Anh, 2015, Thực trạng dạy và học tiếng Nga tại Khoa NN&VH Nga, ĐHNN – ĐHQGHN và những đề xuất nhằm khôi phục và phát triển tiếng Nga tại Việt Nam. Hội thảo Quốc gia “Dạy – học và nghiên cứu tiếng Nga tại Việt Nam trong giai đoạn mới”. Hà Nội. (tr. 8).

Зарецкая С.А.

Тамканский университет

Тайбэй, Тайвань

Марьянчик В.А.

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Архангельск, Россия

Zaretskaya S.A.

Tamkang University

Taipei, Taiwan

Maryanchic V.A.

Northern (Arctic) Federal University

Arkhangelsk, Russia

ПРИМЕНЕНИЕ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ФАКУЛЬТЕТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

ТАМКАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ТАЙВАНЬ)

И СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО) ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА (РОССИЯ))

APPLICATION OF DISTANCE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

IN EDUCATIONAL PROGRAMS

(BASED ON WORK OF THE RUSSIAN DEPARTMENTS

OF TAIKANG UNIVERSITY (TAIWAN)

AND NORTHERN (ARCTIC) UNIVERSITY (RUSSIA))

Статья посвящена новым технологиям обучения, а именно дистанционному образованию. Рассматриваются вопросы и трудности, возникающие при разработке и использовании новых «цифровых» методов работы.

Ключевые слова: *образование, новые технологии, дистанционное образование, межкультурная коммуникация.*

The article examines new technologies in education, and in particular distance education. Issues and difficulties emerging in the process of development and use of new digital working methods are considered.

Key words: *education, new technologies, distance education, intercultural communication.*

В настоящее время всё большую популярность и актуальность приобретает онлайн-образование, которое становится объектом обсуждения в научной среде. Так, первая крупнейшая онлайн-конференция EdTech Space 2017, которая состоялась 20 апреля 2017 года, была посвящена новым технологиям в обучении. Конференция была организована компанией Webinar в партнерстве с Национальной платформой «Открытое образование», компаниями Headhunter, Edutainme, «Нетология», издательством «МИФ». Цель конференции состояла в том, чтобы начать диалог между создателями edtech-продуктов и теми, кто уже использует новые сервисы для обучения. Отдельный блок программы был посвящён зонам роста технологий обучения. Главными выводами стали следующие: современное обучение всё более зависит от новых технологий, эта тенденция будет расти с каждым годом, технологии будут развиваться и всё активнее влиять на методы обучения. Именно поэтому в настоящее время на федеральном портале правовых нормативных актов РФ уже проходит общественное обсуждение проекта приказа Министерства образования, который устанавливает порядок применения образовательными организациями электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ. В XXI веке акценты смещаются в сторону умения критически мыслить,

способности к взаимодействию и коммуникации. Онлайн-образование соответствует этим вызовам современной цивилизации.

Одним из видов онлайн-образования является дистанционное обучение, которое мы рассмотрим более подробно, опираясь на опыт работы факультета русского языка Тамканского университета (Тайвань) и магистратуры Северного (Арктического) университета (Россия, Архангельск). В 2016 году было заключено соглашение о реализации комплексной программы сотрудничества, в рамках которой Тамканский университет привлекает российских магистрантов для прохождения педагогической практики по программе магистратуры «44.04.01 Педагогическое образование. Русский язык как иностранный» на своей базе в дистанционной форме. Российские магистранты разрабатывают методические материалы для дистанционного модуля курса «Разговорная речь (разговоры на русском)» факультета русского языка и литературы ТКУ по программе (учебному плану) и проводят занятия в дистанционной форме по дисциплине «Разговорная речь (разговоры на русском)» для бакалавров на платформе Adobe Connect 10. Возможности двух университетов позволили реализовать проектную деятельность российских и тайваньских студентов, которые помогают друг другу осваивать изучаемый иностранный язык, рассказывают об особенностях своего родного языка и национальной культуры непосредственно в учебном процессе. Немаловажным является и то, что при реализации данной программы с применением электронного обучения и дистанционных технологий университеты обеспечили создание всех необходимых условий для функционирования электронной информационно-образовательной среды: информационные и образовательные ресурсы, совокупность информационных, телекоммуникационных технологий, а также соответствующих технологических средств.

«На сегодняшний день существует огромное количество программных продуктов, позволяющих полностью автоматизировать весь процесс обучения. Для того чтобы система соответствовала необходимому уровню разработки процесса электронного обучения, она должна соответствовать целому ряду характеристик» [1, с. 434]. Рассматриваемый в настоящей статье дистанционный курс сочетает инструменты контактно-дистанционной коммуникации и автоматизированного обучения. В работе двух наших университетов мы используем платформу Adobe Connect Training, созданную компанией-разработчиком Adobe Systems Incorporated, которая, на наш взгляд, отвечает всем необходимым требованиям. Однако во время онлайн-включений зачастую бывает плохая слышимость, которая обусловлена объективными причинами, не зависящими от университетов: это загруженность магистральных каналов на континенте (сеансы как раз попадают на «час пик» интернет-трафика).

Проектная деятельность в процессе онлайн-занятий объединяет преподавателей и студентов – носителей языков, принадлежащих к различным языковым семьям и группам. Проектная форма обучения позволяет объединять разные аспекты языковой подготовки бакалавров, развивать навыки письма, аудирования, чтения, говорения. Интересной частью работы является составление лингвокультурологических комментариев к текстам; иностранные учащиеся предлагают и собственные тексты (сочинения, презентации, отчёты об уроках). Эти письменные материалы проходят рецензирование и используются в учебном процессе. Особое внимание уделяется отработке навыков аудирования на материале аутентичной речи; эта работа стала возможной благодаря участию в данной проектной деятельности российских магистрантов и аспирантов.

Благодаря данному дистанционному курсу, в процессе которого «студент обучает студента», стало возможным достижение нескольких учебных целей: повышение мотивации при изучении русского языка; коммуникативная практика при выполнении и обсуждении проектных заданий; индивидуализация обучения; получение информации о различных языках и культурах из первых уст, от носителей языка, представителей различных культур, что всегда важно для процесса реальной межкультурной коммуникации.

Методика проектов при дистанционном обучении наиболее удачно реализуется в рамках модульного построения образовательной программы. «Принципы дистанционного модуля курса разговорного русского языка: 1) кросс-культурность, 2) учёт языкового уровня, индивидуальность обучения, 3) межличностность общения, 4) гибкость тематических сюжетов, 5) сочетание спонтанности и подготовленности» [3, с. 142-143].

Один из важных вопросов обучения – вопрос мотивации – получает новое осмысление при дистанционном обучении. На наш взгляд, сейчас основная задача преподавателей состоит в том, чтобы научиться вовлекать студентов в онлайн-обучение, формировать учебную мотивацию и, таким образом, конкурировать с альтернативными источниками развлечения в Интернете, которые могут быть социально вредны или опасны. Именно поэтому одной из важных задач преподавателя является определение потребностей студентов. Руководителям курса необходимо нашупать те факторы, которые подтолкнут студентов начать учиться. Нужно понять, о чём и как они думают, с какими проблемами сталкиваются, что для них актуально прямо сейчас, что привлекает новизной, а что пугает, следует учитывать всё: тенденции, моду, новые веяния. Таким образом, задача преподавателя – создавать или предлагать социально и психологически релевантный, аутентичный и привлекательный контент, который будет интересен студентам.

Тематика дистанционного курса «Разговорная речь (разговоры на русском)» учитывает мотивационные моменты образования, поэтому наши студенты говорят о любви с коммуникантами своего социального уровня. Одно занятие строится на материале двух фильмов Анны Меликян «Про любовь» и «8», которые тайваньские и русские студенты просматривают заранее. Фильм «Про любовь» (2015) – это романтическая комедия, а короткометражная работа «8» – это рассказ о добровольном отказе от любви и страданий (по сюжету, главный герой решает принять таблетки, которые стирают память о его возлюбленной). Студентам предлагается ответить на вопрос, что для них значит любовь, хотели ли бы они убрать информацию о конкретном человеке из памяти, как в фильме «8», и т.п. Тема любви продолжается в диалогах о семье и браке. Перед просмотром фильмов студентам предлагаются упражнения по лексике, а также ряд упражнений на понимание содержания после просмотра фильма.

На занятиях мы активно используем дополнительные онлайн-ресурсы, которые в настоящее время широко представлены в Интернете. Например, на следующем сайте предлагаются романтические фразы, с помощью которых человек может выразить свои чувства: <http://www.therussianvoice.com/2017/04/russian-romantic-phrases.html>, а на этом сайте предлагаются фразы, необходимые для любовного свидания: <https://pen4pals.com/en/10-must-know-russian-phrases-dating-russian>. Одним из полезных аудиоресурсов являются видеоподкасты и веб-касты. Они позволяют пополнить словарный запас современной русской лексикой, а также совершенствовать навыки монологической и диалогической речи, аудирования. В Интернете можно найти подкасты (веб-касты), созданные как учебные материалы специально для изучающих русский язык. Например, на уроках, когда обсуждаются такие темы, как любовь, брак или семья, для самостоятельного изучения предлагается прослушать подкаст о любви, в котором представлен следующий сюжет: журналист встречается с молодыми русскими девушками и задает им вопросы о браке, любви, отношениях, счастье и других ценностях: <https://www.youtube.com/watch?v=vRMAB7IN-FE>. Многие материалы предназначены именно для самостоятельного изучения, поэтому они заранее выкладываются в созданную преподавателем онлайн-группу в Фейсбуке, членами которой являются все иностранные участники дистанционного обучения. Получаем мы и обратную связь: в онлайн-группе ребята задают дополнительные вопросы о заданиях, а также пишут краткие отчёты о состоявшихся онлайн-занятиях.

Ещё одной интересной темой обсуждения на онлайн-занятиях является тема «Интернет в нашей жизни». Не секрет, что многие студенты являются активными участниками

различных групп, чатов, блогов в Интернете, многие из них зарегистрированы в социальных сетях, которые также могут стать верным помощником преподавателя. Очевидно, что использование социальных сетей может сделать процесс обучения эффективным и повышает интерес и личную мотивацию обучаемых к изучению русского языка, а компьютерные технологии, которые предоставляет современный Интернет, открывают широкие возможности в обучении русскому языку как иностранному. «Учитывая то, что современное общество уже невозможно представить без компьютера, электронных средств общения, инфокоммуникационных технологий и интернета, можно прийти к выводу, что изучение электронных коммуникативных ресурсов, которые помогают изучать иностранные языки, в настоящее время является важным и актуальным. Даже в существующей форме они уже могут оказать помощь студенту, который пытается заниматься самостоятельно и который в силу различных обстоятельств не может поехать учиться в страну изучаемого языка» [2, с. 219]. В то же время обсуждение темы «Интернет в нашей жизни» является социально значимым, так как помогает студентам осознать опасность неконтролируемого воздействия глобального информационного пространства на жизнь общества и конкретного человека.

Сегодня преподаватель в вузе перестаёт быть основным источником информации, а в жизнь и процесс обучения студентов уже вошли Интернет, скайп, Фейсбук, Твиттер и другие социальные сети, которые несут с собой различные дополнительные онлайн-уроки и курсы, вебинары и семинары. Всё больше интересных онлайн-ресурсов содержится в крупнейшей социальной сети Фейсбук (Facebook), чья аудитория на 27 июня 2017 года составила 2 миллиарда человек (об этом на своей странице написал основатель соцсети Марк Цукерберг). Здесь хотелось бы отметить, что жители Тайваня – самые активные пользователи Фейсбука в мире. Кроме того, студенты, изучающие русский язык, активно осваивают русскоязычный сегмент Интернета. Многие регистрируются на различных сайтах, в группах, например в социальной сети «ВКонтакте», а также читают различные блоги и чаты на русском языке, становятся участниками онлайн-вебинаров на русском языке и т.п. Таким образом, чтобы хорошо ориентироваться в русскоязычном интернет-пространстве, студентам необходимо знать русскую лексику. Поэтому кроме обсуждения глобальных проблем, связанных с Интернетом (что такое «сетевое поколение», польза или вред Интернета, что интереснее – реальная или виртуальная жизнь, «интернет-зависимость», смогу ли я прожить без Интернета и т.п.), иностранным учащимся предлагаются задания по лексике. Лексические тренинги организуются до урока и после. Например, на странице в ФБ «English first Russia» дана большая подборка слов, с помощью которых можно описать то, что мы делаем в сети. Приведём список наиболее актуальных глаголов, описывающих коммуникацию в Интернете: *to follow – подписаться на кого-либо / что-либо; to surf the Internet – сидеть в Интернете, серфить; to sign up – зарегистрироваться; to sign in / to log in – войти / залогиниться; to sign out / to log out – выйти; hyperlink – гиперссылка; to gossip in a chat – болтать в чате; to send a friend request – отправить заявку в друзья; to accept a friend request – добавить в друзья; to reject a friend request – отклонить заявку; to add as a friend – добавить в друзья; to make friends – заводить друзей; to send a message – отправлять сообщение; to reply – отвечать на сообщение; to update / change / edit status – изменить, обновить статус; to edit – редактировать; to make something private – скрыть (запись, фото и т.д.); to share – поделиться; to upload something – загрузить что-то; to post something on – запостить; to leave a comment – оставить комментарий; to comment on something – прокомментировать что-то; to like something – лайкнуть что-то; to view something – просмотреть что-то; to get views / likes – набрать просмотры, лайки; to join – подписаться; to subscribe to – подписаться*. Также преподаватель обращает внимание иностранных студентов на то, что в русском языке в последнее время появилось много новых заимствований, образованных от слов из англоязычного Интернета, например: *троллить, спамить, баниТЬ, френдить, постить, тестить, гуглить, твитить*.

Выполняя задание преподавателя по теме «Интернет в нашей жизни», магистранты Северного (Арктического) университета создали интересное домашнее онлайн-задание для тайваньских бакалавров: <https://internetinourlife.jimdo.com/>.

При работе над темой «Интернет в нашей жизни» следует уделять особое внимание лингвокультурологическому аспекту. В исследовании, проведённом в Пермском университете, сравнили российские и китайские соцсети. Магистр профиля «Русский язык и современные гуманитарные технологии» Юнь Синь в своей работе «Репрезентация оценки в российских и китайских социальных сетях» проанализировала способы выражения эмоций пользователей социальной сети «Вконтакте» и «Sina Weibo». Большое внимание исследователь уделила неязыковым средствам выражения оценки. По наблюдениям Юнь Синь, эмограммы (символы из знаков препинания) пользуются популярностью в России, в Китае же чаще используют смайлы и эмодзи – готовые графические изображения. Китайскоговорящая молодёжь также довольно часто использует произношение арабских цифр в своих постах, потому что на китайском языке комбинация определённых цифр по звучанию похожа на целые фразы, например, набор цифр 1314 (*yi san yi si* 一三一四) по звучанию на китайском языке похож на фразу *всю мою жизнь* (一生一世); а набор цифр 520 (*u er ling* 五二零) немного похож на фразу *я тебя люблю* (我愛你), то есть для выражения эмоций китайские студенты часто используют определённые сочетания цифр. А сходство в выражении эмоционального состояния обнаруживается в удлинении слов. Всё это также необходимо учитывать при изучении темы, посвящённой Интернету в двух разных аудиториях – российской и тайваньской.

Сочетания цифр	
我对你的爱 1314	Я люблю тебя всю свою жизнь, весь свой век
我爱你哦 520	Я тебя люблю
不开心 5555	Не веселый
天长地久 999	Постоянно небо, и земля вечна
新年666大顺	В новом году все успешные
你484傻？	Ты глупый?
生意兴隆, 888哦	Богатства в бизнесе

ПЕРМСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ПЕРМСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Занятия дистанционного курса ведутся в течение двух семестров и охватывают широкий круг интересных тем. Говорим о природе и экологических проблемах Тайваня и России, говорим о туризме и достопримечательностях, о стереотипах, о культуре и традициях двух народов, о роли женщины в современном мире и о многом другом. К сожалению, в рамках данной статьи у нас нет возможности подробно остановиться на описании всех тем. Однако базовой идеей тематического плана курса является усиление мотивации студента к лингвистическому онлайн-образованию в результате актуализации ранее сформированных мотивов. Полагаем, что проблема мотивации является одной из центральных в сфере онлайн-обучения. Известно, что очень маленький процент слушателей онлайн-курсов завершают обучение, что говорит о слабой мотивации потребителя образовательных услуг, а также об отсутствии стратегий и тактик поддержания мотивации. Развитие описываемого в статье курса заключается в изучении и применении техник поддержания мотивации, «зашитых» в онлайн-курс. На данный момент в процессе реализации курса уже задействованы различные составляющие внешней и внутренней мотивации: любопытство, стремление к коммуникации, самоутверждение и др. Так, в круг актуализируемых мотивов включается профессиональная мотивация: в конце семестра российские магистранты, изучающие методику преподавания РКИ, получают возможность принять экзамены у тайваньских бакалавров.

Следует отметить, что представленный в рамках настоящей статьи дистанционный курс особенно эффективен при обучении русскому языку как иностранному слушателей из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, поскольку в ходе обучения русскому языку в данной аудитории возникают специфические трудности, обусловленные особенностями ментальной деятельности учащихся, этнокогнитивными и этнопсихологическими факторами. Данный дистанционный курс направлен на преодоление этих трудностей, учитывает национальные лингвометодические традиции, когнитивный стиль и психологические особенности участников курса.

Об актуальности темы дистанционного обучения говорит большое количество конференций, которые пройдут уже в сентябре-октябре 2017 года и которые будут посвящены данной проблематике: новым технологиям в образовании, созданию, обслуживанию и продвижению ресурсов в цифровых гуманитарных науках; цифровым гуманитарным наукам в образовательном процессе; новым возможностям, вопросам и трудностям, возникающим при разработке и использовании новых «цифровых» методов работы с текстовыми и визуальными данными, а также непосредственно дистанционному образованию: «Как объединить усилия людей и машин» (организатор – НИУ ВШЭ, Москва, 4 сентября), «Город образования» (организатор – Департамент образования г. Москвы, Москва, 7-9 сентября), «Информационные технологии в гуманитарных науках» (организатор – Сибирский федеральный университет и Российское научное сетевое общество исследователей в области цифровых гуманитарных наук, Красноярск, 18-21 сентября), «#EdCrunch-2017» (организатор – МИСиС, «Рыбаков Фонд», Москва, 26-27 сентября), «eLearning Stakeholders and Researchers Summit 2017» (организатор – НИУ ВШЭ, Coursera, Москва, 10-11 октября), «Психометрическая экспертиза и оптимизация измерений в онлайн-курсах» (организатор – Центр психометрических исследований в онлайн-образовании НИУ ВШЭ, Москва, 12-13 октября) и многие другие.

Список литературы

1. Батаев А.В. Обзор рынка систем дистанционного обучения в России и мире // Молодой ученый. – 2015. – № 17 (97). – С. 433-436.
2. Зарецкая С.А. Использование ресурсов Интернета в организации самостоятельной работы студентов, изучающих русский язык как иностранный // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР. – Владивосток, 2016. – С. 217-222.
3. Марьянчик В.А., Зарецкая С.А. Дистанционный модуль курса разговорного языка как способ формирования информационно-коммуникативной компетенции // Проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе. – Москва, 2016.

Золкина Н.Б.
Русский центр фонда «Русский мир»
Хошимин, Вьетнам

Zolkina N.B.
Russian Center of the Russkiy Mir Foundation
Ho Chi Minh, Vietnam

УЧЁТ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ

CONSIDERING FEATURES OF NATIONAL MENTALITY IN TEACHING RUSSIAN TO VIETNAMESE STUDENTS

В статье рассматриваются некоторые черты вьетнамского менталитета, которые необходимо учитывать при обучении вьетнамских учащихся: коллективизм, толерантность, созерцательность, уравновешенность, иерархия в общении, взаимопомощь. Национальный менталитет – это способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Национальный менталитет формируется под влиянием многих факторов. На вьетнамский менталитет большое влияние оказало учение китайского философа Конфуция.

Ключевые слова: *менталитет, коллективизм, толерантность, концептосфера, взаимопомощь*.

The article describes some features of the Vietnamese mentality that must be taken into account in teaching Vietnamese students. These features are: collectivism, tolerance, contemplative thinking, emotional balance, hierarchy in communication, mutual aid. National mentality is a special way of perception and understanding the reality, determined by the combination of cognitive stereotypes of the nation. National mentality is formed under the influence of many factors. The Vietnamese mentality was greatly influenced by the ideas of the Chinese philosopher Confucius.

Key words: *mentality, collectivism, tolerance, conceptosphere, mutual aid*.

Для успешного обучения иностранных учащихся русскому языку, на наш взгляд, необходимо знание их менталитета, проникновение в их образ мышления, стремление взглянуть на окружающий мир их глазами. Чтобы успешно развивать базовые умения в области верbalного и неверbalного общения с носителями изучаемого языка, необходимо постоянно учитывать особенности национального менталитета обучаемых.

Изучение особенностей национального менталитета находится в центре внимания таких наук, как культурология, лингвокультурология, социокультурология и др.

На основе многолетних наблюдений в процессе преподавания русского языка как иностранного вьетнамским студентам-руссистам мы попытаемся сравнить особенности национального менталитета представителей вьетнамского и русского лингвокультурных сообществ. Знание ментальных черт вьетнамских учащихся позволит, на наш взгляд, повысить эффективность преподавания русского языка и активизировать их познавательные интересы, особенно на продвинутом этапе.

Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин определяют менталитет «как специфический способ восприятия и понимания действительности, порождаемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для конкретной личности, социальной страты или этнической группы людей».

Таким образом, можно говорить о менталитете личности, группы и народа (этноса). Менталитет каждой конкретной личности обусловлен национальным, групповым менталитетом, а также факторами личностного развития человека – его индивидуальным образованием, культурой, опытом восприятия и интерпретации явлений действительности. Это личные ментальные механизмы восприятия и понимания действительности.

Групповой менталитет – это особенности восприятия и понимания действительности определёнными социальными, возрастными, профессиональными, гендерными и т.д. группами людей» [2, с. 91].

Менталитет тесно связан с концептосферой нации, под которой понимается «упорядоченная совокупность концептов в сознании нации. Концептосфера формирует концептуальную картину мира – упорядоченное, структурированное знание о мире, являющееся достоянием сознания. <...> Концептосфера в определенной степени определяет формирование менталитета народа» [Там же].

Менталитет обнаруживается в определённой стандартности поведения, действий представителей этнической группы в сходных ситуациях, а также в общении, в коммуникативном поведении народа.

Рассмотрим некоторые коммуникативно-релевантные черты вьетнамского менталитета в сравнении с русским менталитетом.

Коллективизм

Эта черта подразумевает общинность сознания и бытия и заключается в приоритете общих, групповых интересов над личными. Она характерна и для русского менталитета.

У вьетнамцев в обыденной жизни коллективность проявляется во взаимопомощи, во внимании к человеку и заботе о нём, в желании делать что-то сообща. Можно обращаться за помощью даже к незнакомым людям. В транспорте люди уступают место, помогают перейти дорогу пожилым людям и иностранцам, это связано с оживлённым движением на городских улицах и доброжелательным отношением к гостям страны. Гостям оказывают разнообразную помощь, даже без специального обращения за нею. В проявлении этой черты менталитета вьетнамцы очень похожи на русских.

Вьетнамское сознание так же, как и русское, стремится присоединиться к общему мнению, считает, что большинство всегда право. Это качество воспитывается с детства. Фундаментом воспитания человека (педагогической концепции) Вьетнама является теория улучшения человека (учение о *цзюнь-цзы* – «благородном муже»), разработанное Конфуцием 2500 лет назад (551-479 гг. до н.э.). В центре этого учения – проблемы человека, его умственного и нравственного облика. Обязательное качество, которое *цзюнь-цзы* должен воспитать в себе, – это *жэнь* – гуманность. Гуманность у Конфуция трактуется весьма широко – как совокупность всех видов правильного отношения человека к другому человеку и обществу, поэтому слово *жэнь* переводится ещё и как «человечность», «милосердие», «доброта». Гуманность, по Конфуцию, предполагает сдержанность, скромность, доброту, беспристрастие, чувство справедливости, но главное – любовь к людям. Гуманный человек должен быть лишен эгоистических помыслов и все силы отдавать на благо других. Особое место в учении занимает *сю* – сыновья почтительность, уважение к родителям и старшим вообще. Вышеназванные качества можно наблюдать и у современных молодых вьетнамцев. Столь же обязательным качеством *цзюнь-цзы* является следование долгу. Долг – это моральное обязательство, которое человек в силу своих добродетелей и совершенств сам накладывает на себя. Долг должен быть продиктован внутренней убеждённостью в том, что следует поступать так, а не иначе. Человек долга обязан быть верным и преданным. Эти качества с детства воспитываются в молодых вьетнамцах. Дух коллективизма проявляется и в том, что вьетнамцы живут большими семьями, у них много родственников, которыми считаются даже близкие друзья. Молодые считают своим долгом заботиться о своих старых родителях, а те, в свою очередь, считают своим долгом помогать своим взрослым детям в воспитании внуков. Всё решать коллективно, всё делать сообща – это сохранилось у вьетнамцев до сих пор и находит выражение в пословицах и поговорках (см. таблицу 1).

Отношение к соседям, к коллегам также отличается какой-то семейственностью. Не принято отделяться от коллектива, выражать своё мнение, противоположное мнению коллектива, как говорят русские, «идти против коллектива», «против течения». И коллектив соответственно оказывает помощь, проявляет внимание к нуждам каждого его члена. Но, если человек противопоставляет себя коллективу в каких-то вопросах, то в ответ получает холодность и отчуждённость. Интересен такой факт. В городе Хошимине достаточно много людей среднего и старшего поколения, обучавшихся в различных городах Советского Союза

и России. Они до сих пор сохранили тёплые воспоминания о времени, проведённом в стенах советских и российских вузов. В настоящее время эти люди поддерживают тесные контакты друг с другом, собираются на российские праздники вместе, вспоминают о днях учёбы в СССР и России, поют русские песни: «Подмосковные вечера», «Катюша», народные песни. На этих встречах они разговаривают только по-русски. До сих пор члены этих землячеств сохраняют почти родственные отношения.

У вьетнамцев	У русских
<p>Thuận bè thuận bạn tát cạn biển Đông, thuận vợ thuận chồng tát biển Đông cũng cạn.</p> <p>Giàu tiền giàu bạc không bằng giàu bạn giàu bè.</p> <p>Một cây làm chẳng lên non, ba cây chụm lại nên hòn núi cao.</p> <p>Ngựa chạy có bầy chim bay có bạn.</p>	<p>Артель дружбой крепка.</p> <p>Не имей сто рублей, а имей сто друзей.</p> <p>Один в поле не воин.</p> <p>Человек без друзей что дерево без корней.</p>

Таблица 1. Вьетнамские и русские пословицы, отражающие ценность коллективизма.

На занятиях эта национальная черта – коллективизм – часто играет негативную роль. Студенты не умеют работать индивидуально, все задания они стараются выполнять вместе, при этом активно работают один-два студента, в то время как другие пассивно ожидают результата работы. И отвечают на занятиях практически одни и те же студенты, как бы выступающие в качестве представителей от коллектива.

Толерантность

Ещё одна черта вьетнамского менталитета – этническая терпимость. Социалистическая Республика Вьетнам – многонациональное государство. 85 % населения страны составляют вьеты, проживающие главным образом в дельте Красной реки, но существует ещё 53 другие этнические группы, живущие большей частью в горных районах. Это тэй, тхай, мюонг, хоа, кхмер, нунг и др. Государственным языком и языком межнационального общения является вьетнамский язык (или кинь), на нём говорят 85 % населения страны. Незначительные местные диалекты не препятствуют взаимопониманию. Используя свой родной язык, этнические группы в горных районах в то же время изучают кинь.

Привычка жить в дружбе с другими этническими группами, смешиваться и интегрироваться с ними способствовала и тому, что за последнее время в крупных городах Вьетнама наблюдается значительное увеличение количества иностранных граждан из Европы, Америки и Азии (Южная Корея, Тайвань, КНР, Япония), которые мирно сосуществуют с коренным населением. Это не только туристы, но и иностранные специалисты, бизнесмены, вносящие вклад в развитие экономики современного Вьетнама.

Вышеназванные черты вьетнамского менталитета в целом схожи с чертами менталитета русских, но существуют и отличия.

Нельзя сказать, что коллективизм вьетнамцев полностью совпадает с коллективизмом русских. Вьетнамцы внутренне менее зависимы от чужого мнения. В этом есть некоторое противоречие: с одной стороны, они сохраняют приверженность коллективу, а с другой стороны, они независимы. Вьетнамцы никогда не будут ориентироваться на мнение соседа, подстраиваться под него, не будут что-то делать «за компанию», в состоянии общего азарта. Во многих вопросах они сохраняют свою независимость. Внутренняя независимость вьетнамцев иногда мешает работе преподавателя. Задания, которые получают студенты от преподавателя, иногда выполняются так, как правильнее, лучше с точки зрения студента, который как бы оставляет за собой право выбора и принятия окончательного решения.

В деловых отношениях вьетнамец – полная противоположность русскому. Вьетнамцы достаточно скрытны, молчаливы, никогда не делятся своими секретами и планами, крайне редко дают деньги в долг, и только очень близким друзьям. Неофициальные отношения между членами коллектива тоже существуют, но они никогда не подменяют официальные. В

деловых отношениях всё-таки превалируют официальные договоры, а не личные договорённости, как принято у русских.

Созерцательность

Вьетнамцы в гораздо большей степени, чем русские, склонны к созерцательной, пассивной жизненной позиции. Они воспринимают окружающую действительность пассивно, как бы с позиции наблюдателя. Это можно увидеть, если вы пройдёте по хошиминским улицам. Почти у каждого дома на улице сидят люди (в течение многих часов) и наблюдают за происходящей перед ними жизнью. Вьетнамец не любит выделяться, вести активный образ жизни, быть на виду у всех. Эта черта ярко проявляется на занятиях по русскому языку. Очень трудно «расшевелить» учащихся, получить ответную реакцию на вопросы, на предложение выполнить какие-то работы, и тем более дождаться инициативы с их стороны. Конечно, иногда встречаются активные молодые люди, но это скорее исключение, чем правило.

Неторопливость, инертность, созерцательность характерны для большинства вьетнамцев. Эти качества отражаются в пословицах, аналоги которых есть и в русском языке (см. таблицу 2).

У вьетнамцев	У русских
Mát bò mói lo làm chuông	Пока гром не грянет, мужик не перекрестится.
Nuốc đèn chán mới nhảy	На охоту идти – собак кормить.
Đi chậm, đi được xa	Тише едешь – дальше будешь.

Таблица 2. Вьетнамские пословицы, отражающие склонность к созерцательности, и их русские аналоги.

Уравновешенность

Если русскому человеку свойственны азартность и эмоциональные всплески, влекущие за собой часто неосмотрительные поступки, то для вьетнамцев это недопустимо. Особенности климата, истории, жизненных обстоятельств способствовали формированию спокойного, уравновешенного отношения к жизни. Рациональный анализ, трезвая оценка ситуации, инстинкт самосохранения, в конце концов, определяют линию поведения вьетнамца. Ничто не может изменить распорядок дня вьетнамца. Время для работы и для отдыха чётко определено. В жаркий полдень жизнь в Южном Вьетнаме замирает, снижает свой темп. Обеденный перерыв начинается с 11:30 и продолжается до 12:30 в учебных заведениях и до 14:00-15:00 в торговых точках. После обеда вьетнамцы спят, этот сон не роскошь, а жизненная необходимость для жителей страны с тропическим климатом. Спят прямо на рабочих местах: в офисах, в преподавательской университете, на улице в гамаках, в машинах и даже на мотоцикле. В маленьких городах на юге в каждом кафе висит объявление: «Посетителям гамак для отдыха бесплатно».

Вьетнамцы неприхотливы. Они спокойно могут адаптироваться к любым бытовым неудобствам. И мы не согласны с известным высказыванием Б. Окуджавы, что неприхотливость – «это начало деградации». У вьетнамского народа неприхотливость связана с такими качествами, как аскетизм, простота, скромность.

В отличие от русских, вьетнамцы не склонны к крайностям. Никаких крайностей, стремление найти компромисс, постепенное, эволюционное движение вперёд отличают вьетнамское сознание.

Отношение к законам вьетнамцев также отличает от отношения русских. Можно сказать, что жители Вьетнама законопослушны. Законы соблюдаются всеми без исключения. Представление, отражённое в русской пословице *Закон что дышло: куда повернёшь, туда и вышло*, неприемлемо для вьетнамцев. Речь не идёт о мелких нарушениях, как, например, проскочить на мотоцикле на красный свет.

Иерархия в общении

В отличие от русских, вьетнамцы при первой встрече захотят узнать ваш возраст, семейный статус, ваше социальное положение, уровень дохода. Если в России говорить об

этом с малознакомыми людьми считается неприличным, то во Вьетнаме это нормально, так как в основе общественного устройства лежит идея старшинства, поэтому вьетнамцу необходимо навести о вас справку – чтобы вписать вас в свою систему координат для дальнейшего общения. Преподавателю русского языка необходимо знакомить учащихся с различиями речевого поведения в данной ситуации.

Вьетнамцы любят изучать, наблюдать, оценивать других в процессе общения. Их основная тактика в общении – гибко приспосабливаться к собеседнику. Восточная философия учит быть гибким в отношении собеседника. Популярная пословица гласит: *Если ты уступишь кому-нибудь дорогу, тебе самому будет легче по ней идти*. Однако если дело касается принципиальных вопросов, то вьетнамец проявит твёрдую позицию и будет непоколебим, как скала. В общении следует строго соблюдать иерархию коммуникации.

«В коммуникации существуют следующие разряды:

- моложе – старше: дети к родителям; молодые к старшим; подчинённые к начальникам; учащиеся к учителям;

- старше – моложе: родители к детям; учителя к ученикам; руководители к подчинённым; старшие к младшим. В этом разряде для старших почти всё позволено. В отношении к младшим старшие фактически держатся строго и требовательно;

- третий разряд равных людей «Я=Ты=Он»: *đồng áu* (*đồng niên*), *đồng hoc*/ равноправно-социальное и дружественное отношение между коммуникантами. Это нейтральное речевое общение;

- «дипломатический» разряд: «Я – Вы» (в общении у россиян – это имя+отчество). Такое речевое поведение проявляется при общении в деловой, торжественной ситуации или при знакомстве, когда коммуниканты не знали друг друга» [1]. Такая иерархия наблюдается даже в студенческом коллективе, не говоря уже об уважительном отношении к преподавателю.

В связи с существованием этих разрядов у вьетнамцев довольно сложная система обращений. Русские обращения вызывают у учащихся некоторые трудности, так как не совпадают в их сознании с собственными. Употребление в речи местоимений *ты* и *Вы*, обращение к собеседнику по имени, имени-отчеству, по фамилии даются студентам с трудом.

Взаимопомощь

Главный показатель вежливости вьетнамцев – это взаимная поддержка. Люди общаются на основе принципа взаимного уважения, взаимопомощи. Это двусторонний обмен: дать и взять. Например: дать реплику на приветствие, дать ответную реплику на приглашение друга, проявить заботу друг о друге, сильные помогают слабым, опытные люди дают советы молодым, малоопытным и многое другое.

Взаимная поддержка обеспечивает равноправие и взаимное уважение в обществе. Например, подчинённый выражает своё уважение начальнику, и, наоборот, начальник должен быть скромным по отношению к нему, демонстрируя своё уважение. Взаимная поддержка даёт чувство справедливости, устойчивости. Когда нарушается этот принцип, человеку неприятно, обидно, как будто посягают на его права и свободу.

Вьетнамцы запомнят того, кто помог им в беде, и постараются найти момент и повод для благодарности: *Nhát tị vi sur, bán tị vi sur* («За одно слово – благодаря учителя, за полуслово – тоже благодаря учителя»). Того, кто им помог, вьетнамцы считают своим учителем, поэтому слово *учитель* во вьетнамском языке имеет более широкое использование, чем в русском.

Мы отметили некоторые черты вьетнамского менталитета, которые, на наш взгляд, должен знать каждый иностранный преподаватель, работающий с вьетнамской аудиторией. Знание менталитета вьетнамских студентов помогает правильно организовать учебный процесс, сформировать доброжелательные, дружеские отношения с учащимися, избежать нарушения коммуникации в сложных ситуациях. А дружеская атмосфера в аудитории – это залог нашего педагогического успеха.

Список литературы

1. Ле Дык Тху. Национальная языковая личность в сравнительно-сопоставительном лингвокультурологическом описании (на материале русской и вьетнамской культур): дис. ... доктора филол. наук. – М., 2003.
2. Прохоров Ю.Е, Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 326 с.

Коновалова Ю.О.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Konovalova Yu.O.

Vladivostok State University of Economics And Service
Vladivostok, Russia

**ПРОЕКТНАЯ ГРУППОВАЯ РАБОТА В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСЦИПЛИНЫ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ»)**

**PROJECT COLLABORATION IN THE CHINESE CLASSROOM
(BASED ON IMPLEMENTATION OF THE ACADEMIC DISCIPLINE
“TOPICAL ISSUES OF MODERN LINGUISTICS”)**

Статья посвящена описанию практического опыта преподавания теоретической дисциплины «Актуальные проблемы современной лингвистики» в группах иностранных студентов. Образовательные технологии описываются в аспекте эдьютейнмента. Рассматриваются способы обучения студентов методике проведения и обработки результатов ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: лингвистика, этнолингвистика, проект, групповая работа, ассоциация, ассоциативный эксперимент, национальная культура, образовательный эффект, геймификация, эдьютейнмент.

The article deals with the practical experience of teaching the theoretical discipline "Topical issues of modern linguistics" in groups of foreign students. Educational technologies are described as a process of edutainment. Methods of teaching students how to conduct and process the results of an associative experiment are considered.

Key words: *linguistics, ethnolinguistics, project, collaboration, association, associative experiment, national culture, educational impact, gamification, edutainment*.

Цель данной работы – представить практический опыт преподавания теоретической дисциплины «Актуальные проблемы современной лингвистики» в группах иностранных студентов.

«Актуальные проблемы современной лингвистики» – профессионально ориентированная дисциплина учебного плана бакалавров, обучающихся по направлению «Лингвистика».

Введение дисциплины непосредственно обусловлено целями основной профессиональной образовательной программы и представляет собой знакомство с основными положениями и понятиями различных направлений современной науки о языке, что является необходимым этапом подготовки выпускника к осуществлению профессиональной деятельности в области лингвистики.

Задачи дисциплины следуют из необходимости подготовить выпускника к решению вопросов в сфере научно-исследовательского, переводческого и консультативно-коммуникативного вида профессиональной деятельности, в том числе развить способность выдвигать и аргументировать гипотезы и логично и последовательно представлять результаты собственного исследования. В процессе освоения дисциплины студенты учатся работать с научной лингвистической литературой (формируются и развиваются навыки чтения, конспектирования и реферирования), знакомятся с основными лингвистическими терминами и понятиями. Студенты получают представление о целях, задачах и методах исследований следующих отраслей лингвистики и научных концепций: функциональной лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, антропологической лингвистики, гендерной лингвистики, нейролингвистики, этнопсихолингвистики, социальной психолингвистики, лингвистической pragmatики, теории речевой деятельности, теории речевых актов, онтолингвистики.

Дисциплина изучается в течение шестого семестра и готовит студентов к выполнению научно-исследовательских курсовых и выпускных квалификационных работ.

Основной вид занятий для студентов – лекционные и лабораторные занятия с применением информационно-коммуникационных технологий. На лекционных занятиях студенты знакомятся с теоретическим материалом дисциплины.

На лабораторных занятиях студенты учатся применять полученные теоретические знания, осваивают экспериментальные лингвистические методы исследования, выполняют индивидуальные и групповые задания, работают в парах и группах. В процессе выполнения лабораторных работ студенты учатся читать и понимать научную лингвистическую литературу, конспектируют и реферируют научные статьи. Особое внимание уделяется развитию способностей ставить и решать элементарные научные задачи, с помощью данных, полученных экспериментальным путем, подтверждать или опровергать выдвинутые гипотезы. Студенты учатся работать с информантами – носителями различных языков, имеющими различные социальные характеристики.

Темы лабораторных занятий связаны с темами лекций, но не повторяют их полностью. На лабораторные занятия выносятся наиболее важные или наиболее интересные с научной точки зрения вопросы, освещённые на лекциях.

Используемые преподавателем способы работы со сложным материалом обусловлены тремя факторами. Во-первых, в реальности уровень языковой подготовки иностранных студентов, получающих профессиональное образование на русском языке, к сожалению, не всегда достигает нормативного значения, следовательно, при проведении занятия требуется тщательный отбор не только собственно лингвистического, специального материала, но также и речевого, поскольку цель работы в аудитории может быть достигнута только при условии полного понимания студентами всей информации, которую они получают в аудитории и в процессе самостоятельной подготовки. Из этого следует, что занятия по дисциплине «Актуальные проблемы современной лингвистики» в иностранной аудитории принципиальным образом отличаются от проведения занятий по подобным дисциплинам в группах российских студентов. При построении занятий преподавателю следует учитывать требования методики преподавания русского языка как иностранного. Соответственно, чёткая дозированность и посильность материала, крайне «аккуратное» отношение преподавателя к своей речи при объяснении сложных научных понятий приближает характер учебных занятий к занятиям по РКИ.

Оказываясь в ситуации работы с группой студентов, имеющих неодинаковый уровень владения русским языком, преподаватель, тем не менее, находится под влиянием второго фактора – требований учебного плана и Федерального государственного образовательного стандарта. Дисциплина должна быть изучена именно в данном семестре и общепрофессиональные компетенции (в нашем случае – способность видеть междисциплинарные связи изучаемых дисциплин, понимать их значение для будущей профессиональной деятельности (ОПК-2); способность выдвигать гипотезы и последовательно развивать аргументацию в их защиту (ОПК-15); владение стандартными методиками поиска, анализа и обработки материала исследования (ОПК-16); способность оценивать качество исследования в своей предметной области, соотносить новую информацию с уже имеющейся, логично и последовательно представлять результаты собственного исследования) должны быть сформированы, несмотря на действие первого фактора [8].

В-третьих, важное влияние оказывают тренды современного образования, один из которых определяется такими явлениями, как геймификация и эдьютеймент. Обучение через игру, игровое обучение, игровизация, игрофикация, образование через развлечение и т.д. – сходные понятия, характеризующие применение методов неформального обучения в современной образовательной среде: в основной школе, в высшей школе, в бизнес-образовании. При этом возраст обучающихся не имеет значения. Проблемам геймификации,

или применения игровых методов в образовании, посвящено большое количество научных и методических работ [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Эдьюеймент как образовательная технология имеет давнюю традицию и, как отмечают Е.Ю. Кармалова и А.А. Ханкеева, имеет «целый ряд методических преимуществ и перспектив» [3, с. 64]. Важно, что при использовании развлекательных технологий в образовании «знания передаются в простой, понятной, доступной и увлекательной форме» [3, с. 67]. Хотя игровые технологии в педагогической практике используются достаточно давно [4, с. 60], специалисты, использующие термины «геймификация» и «эдьюеймент», в современном образовании всё же упор делают на использование цифрового контента [5; 7]. На наш взгляд, упомянутые понятия намного шире и предполагают использование игровых имитационных и неимитационных заданий в ходе работы с обучающимися. Об этом также пишут Н.В. Гурешина и Л.В. Путинцева [2]. При этом трудно не согласиться с О.В. Орловой и В.Н. Титовой в том, что главная цель и результат геймификации – вовлечение аудитории в активную деятельность [4, с. 61]. Именно повышение групповой активности, усиление взаимодействия между студентами позволяет интенсифицировать учебный процесс и повысить эффективность, что, по мнению Л.П. Варениной, особенно актуально при обучении слабого контингента [1, с. 314]. Мы, в свою очередь, дополним данное утверждение тезисом о том, что использование технологий эдьюеймента чрезвычайно результативно при работе с иностранными студентами.

Игровые методы в высшей школе применяются в обучении студентов независимо от уровня образования, направления и профиля подготовки. Следовательно, применение методов игры на занятиях возможно в любой аудитории и по любой дисциплине.

Безусловно, возникает вопрос: всегда ли возможен и насколько оправдан уход от традиционных образовательных технологий в так называемый эдьюеймент, развлекательную образовательную среду? Чтобы ответить на этот вопрос, преподаватель должен опробовать различные игровые методики работы со студентами по своей дисциплине и оценить эффект от их применения.

Ниже мы представим опыт игрового обучения методике проведения ассоциативного эксперимента в группах китайских студентов.

В ходе занятия по теме «Ассоциативный эксперимент» перед преподавателем стоит ряд задач. Во-первых, требуется познакомить студентов с методикой проведения ассоциативного эксперимента, его разновидностями, правилами сбора и обработки данных. Именно данная экспериментальная методика зачастую в дальнейшем используется при выполнении студентами научно-исследовательских курсовых и выпускных квалификационных работ. Во-вторых, преподавателю необходимо обеспечить, а затем оценить стопроцентное участие каждого студента во всех предлагаемых видах работы. Поскольку при традиционном способе ведения занятия и наличии группы в 20-25 человек данное требование соблюсти достаточно сложно, то наиболее эффективной моделью организации процесса можно считать групповую работу. В-третьих, помня о том, что иностранные студенты, обучаясь в российском вузе, приобретают не только языковую и профессиональную компетенцию, но также и социокультурную, преподаватель обязан на каждом занятии обеспечивать студентов определённым минимумом социокультурной информации. В нашем случае, изучая сопоставительную этнолингвистику, студенты не просто проходят процесс адаптации в российском социуме, не просто знакомятся с особенностями русской культуры, а в собственно лингвистическом аспекте через специфику сопоставляемых культур (например, русской и китайской) выявляют внутренние и внешние факторы, оказавшие влияние на результаты проведённого учебного ассоциативного эксперимента. И, на наш взгляд, важна не столько глубина этнокультурного анализа, сколько осознание студентами того, что в тех или иных реакциях респондентов обнаруживаются глубинные культурные смыслы.

В процессе занятия студенты работают как индивидуально, так и в группах. Необходимо заметить, что вводную теоретическую информацию о сути эксперимента и

методике его проведения студенты получают на лекции, которая предшествует лабораторному занятию. Мы предлагаем различные варианты вопросов для эксперимента. В группах студентов с недостаточно высоким уровнем владения русским языком можно использовать следующий вариант задания:

Вы услышали (прочитали) слово. Напишите 1 (одну) ассоциацию к каждому слову: фрукт, овощ, мебель, одежда, урок, животное и т.д. Следует чётко дозировать материал, и более 5-7 слов использовать в одном эксперименте мы не рекомендуем. Важно, чтобы работа в полном объёме была выполнена в рамках одного полторачасового занятия.

Сначала такое задание выполняет каждый участник группы самостоятельно. Затем студенты получают второй экземпляр этого задания и с распечатанным листом уходят из учебной аудитории, преследуя цель найти русского респондента, который сможет выполнить данное задание. Поскольку уровень языковой компетенции, а также темперамент, психологические особенности студентов неодинаковы, то можно предложить студентам два варианта сбора материала – через анкетирование (русские респонденты самостоятельно заполняют лист с заданием) или интервьюирование (иностранный студент устно задает вопросы русскому испытуемому и записывает его ответы). На данный вид работы (включая заполнение анкеты в аудитории и поиск внешнего информанта) уходит не более 15-20 минут от занятия, в результате группа имеет на руках в равном и для учебной цели достаточном количестве русский и иностранный (чаще всего китайский) материал для анализа.

В течение следующих 30 минут студенты делятся на группы по 3-5 человек и проводят статистическую обработку результатов ассоциативного эксперимента. Для этого каждая группа получает заранее подготовленную преподавателем таблицу. Следует отметить, что технически вопрос с получением материала для статистической обработки данных не возникает. Все студенты анализируют все полученные реакции. С этой целью используются современные технические средства – с помощью смартфонов студенты делают фотографии заполненных листов с заданиями и обмениваются полученными фотографиями через привычный им мессенджер или социальную сеть. В таблицу студенты вносят реакции, полученные на слова-стимулы, при этом отмечают, сколько раз встретилась каждая реакция. Групповая работа в данном случае целесообразна, поскольку, во-первых, студенты учатся работать в команде, чему в системе современного высшего образования отводится важное место, а во-вторых, каждый студент выполняет свою часть задания. В разных мини-группах работа может быть распределена по-разному. Так, в нашем случае в одной мини-группе каждый из трёх студентов полностью посчитал и записал русские и китайские реакции по двум словам-стимулам. Во второй подгруппе один студент посчитал все реакции китайских информантов, другой – реакции русских информантов, третий – внёс все результаты в таблицу (см. табл. 1).

Слово / количество реакций	Ассоциации китайские (25 чел.)	Ассоциации русские (25 чел.)
Фрукт Кит.: 11 Рус.: N	Яблоко (6), апельсин (4), банан (4), мандарин (3), груша (2), арбуз (1), манго (1), сладкий (1), виноград (1), сок (1), полезный (1)	Яблоко (8), банан (5), груша (3), апельсин (2), мандарин (2), дыня (2)...
Овощ Кит.: N Рус.: N	Капуста (9), огурец (6), картофель (3), помидор (2), томат (2), зеленый (1), здоровье (1), полезный (1)...	Картофель (7), капуста (4), картошка (4), огурец (3), помидор (2)...

Таблица 1. Пример представления результатов эксперимента в таблице.

На следующем этапе требуется наглядно оформить результаты эксперимента, то есть визуализировать статистические данные. С этой целью можно предложить составить студентам схему. В нашей аудитории данный вид работы выполняется преподавателем с помощью студентов и фиксируется на доске (рис. 1).

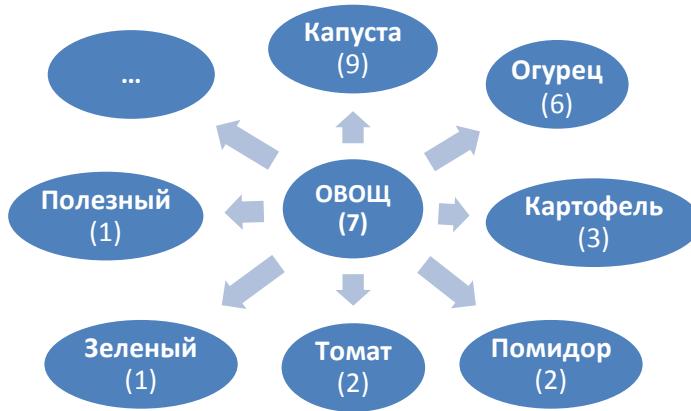

Рисунок 1. Пример визуализации результатов эксперимента в виде схемы

Визуализация результатов эксперимента на занятии – это, безусловно, не традиционное изображение ассоциативных полей, а упрощённая схема, которая, тем не менее, позволяет студентам ясно понять лексический и грамматический состав ассоциаций, их частотность и потенциальные связи.

По окончании указанных трудоёмких и затратных по времени видов работы студенты переходят к заключительному, наиболее важному и интересному этапу – этапу выявления закономерностей, этнокультурной и социокультурной специфики ассоциаций. Студенты определяют мотивы и причины, вызывающие те или иные реакции у русских и иностранных респондентов, сходства и различия в ассоциациях. Например, в случае с приведённым в качестве примера экспериментом студенты с лёгкостью определяют, что слова-реакции *капуста* и *огурец* относятся к одному типу (это вид овощей), а реакции *полезный* и *здравые* – это реакции, возникшие на другом основании (обнаруживается связь со *свойствами* овощей). Для более точного формулирования выводов и экономии времени в пределах одного учебного занятия мы предлагаем использовать заготовленные бланки, содержащие 3 неоконченных предложения, например:

1. Наиболее распространенные ассоциации у китайских (русских) студентов – ...
2. Причины высокой частотности этих ассоциаций – ...
3. Различия в ассоциациях, обусловленные национальной культурой: ...

Если ответ на первый вопрос предполагает только анализ статистических данных, то размышления студентов над вторым и третьим вопросами приводят к самым разным, иногда логичным и естественным, иногда – неожиданным выводам. Например, в качестве причин частотности ассоциации «*капуста*» в китайской аудитории студенты назвали такие: *слово легко говорить и запомнить; в первый год изучения русского языка это слово мы учили одним из первых; это дешевый овощ и мы едим его часто*. После фиксации данных объяснений студентов необходимо подвести к ещё одному выводу: заключению о том, что непосредственно причины ассоциаций имеют различную природу – не только собственно лингвистическую (например, фонетическая простота слова), но и экстравергистическую, социально-бытовую (например, распространённость и низкая стоимость продукта). Отвечая на третий вопрос об обусловленности реакций национальной культурой, студенты приходят к выводу о различиях в кулинарных традициях разных стран. Именно данный факт объясняет, почему у русских информантов наиболее частотными на слово стимул *овощ* являются реакции *картофель* и *картошка*. В заключение все участники процесса – представители мини-групп – делают устное сообщение о полученных результатах. Наиболее интересные выводы фиксируются на доске, для того чтобы участники других мини-групп могли дополнить ими свои работы. В результате проведённого занятия студенты получают не только навык сбора материала для анализа, но и опыт непосредственного общения с однокурсниками и с другими студентами университета. Они в учебных целях проигрывают ситуацию эксперимента, учатся проводить опрос и, преодолевая незапланированные

трудности, совершенствовать навыки межкультурной коммуникации (например, в том случае, если кто-либо из потенциальных респондентов отказывается отвечать на вопросы). При этом студенты оперируют реальными научными понятиями, учатся проводить реальные операции по обработке данных, делают достаточно интересные выводы и осознают связь лингвистической науки с национальными культурами и повседневной жизнью каждого человека.

Следует отметить, что выводы студенты обсуждают и формулируют в тех же мини-группах, в которых проводили статистический анализ результатов эксперимента. Именно коллективная работа даёт возможность получить большее количество выводов, а студенты, обсуждая работу внутри группы, учатся друг у друга, что является важной составляющей неформального обучения. Преподаватель в течение занятия регулирует и направляет деятельность мини-групп. Работа индивидуальная (заполнение анкет на первом этапе урока), парная (опрос русских студентов), в мини-группах (обработка результатов эксперимента) и коллективная (составление общих схем, устная презентация результатов работы каждой группы и подведение итогов) – чередование самых разных форм деятельности в пределах одного занятия даёт студентам возможность двигаться, общаться друг с другом, обмениваться мнениями и знаниями, делает процесс обучения больше похожим на неформальное общение. Обучение через развлечения – именно так видят современные образовательные технологии последователи идеи эдьюейнмента.

Итак, изучение дисциплины «Актуальные проблемы современной лингвистики» является одним из наиболее важных этапов в процессе профессиональной подготовки бакалавров-лингвистов. Дисциплина направлена на комплексное развитие коммуникативной, когнитивной, информационной, социокультурной, профессиональной и общекультурной компетенций студентов. В то же время изучение дисциплины способствует расширению лингвистического кругозора обучающихся, позволяет им под разными углами зрения взглянуть на современную науку о языке и сознать тесную связь науки с реальной жизнью народов.

Список литературы

1. Варенина Л.П. Геймификация в образовании // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Том 6. – № 6. – Часть 2. – С. 314-317.
2. Гуремина Н.В., Путинцева Л.В. Эдьюейнмент как эффективная технология развития творческого потенциала личности в учебном процессе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2016. – № 3-2(59). – С. 88-94.
3. Кармалова Е.Ю., Ханкеева А.А. Эдьюейнмент: понятие, специфика, исследование потребностей в нем целевой аудитории // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 7 (389). Филологические науки. Вып.101. – С. 64-71.
4. Орлова О.В., Титова В.Н. Геймификация как способ организации обучения // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9 (162). – С. 60-64.
5. Орлова О.В., Титова В.Н. Образовательные вызовы нового поколения: геймификация процесса чтения как способ организации текстовой деятельности (на примере проекта USATODAY) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 7 (172). – С. 76-80.
6. Сапух Т.В. Использование технологии «Эдьюейнмент» в процессе подготовки бакалавров филологии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 11 (55). – С. 442-452.
7. Сапух Т.В. Применение технологии «Эдьюейнмент» в образовательной среде университета // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 8 (173). – С. 30-34.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования – бакалавриат. Направление подготовки 45.03.02 Лингвистика. Утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 07 августа 2014 г. № 940. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450302_Lingvistika.pdf

Крапивник Е.В.

Тихоокеанской государственный университет

Хабаровск, Россия

Матафонова Д.Н.

Забайкальский многопрофильный техникум

Чита, Россия

Krapivnik E.V.

Pacific Nation University

Khabarovsk, Russia

Matafonova D.N.

Zabaykalsky Multidisciplinary College

Chita, Russia

**ЭКЗАМЕН ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ,
ИСТОРИИ РОССИИ И ОСНОВАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ
КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**COMPREHENSIVE EXAMINATION OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE,
RUSSIAN HISTORY AND LAW
AS A TOOL OF MANAGING MIGRATION PROCESSES IN RUSSIA**

Анализ миграционных потоков показывает, что комплексный экзамен по русскому языку как иностранному становится одним из инструментов управления миграционными процессами и оказывает влияние на структуру трудовой миграции в России. Системная работа по подготовке иностранных граждан к комплексному экзамену дает возможность социально ориентировать миграционную политику России и утвердить русский язык как язык международного общения на евразийском пространстве.

Ключевые слова: комплексный экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ; миграционные процессы.

The analysis of migratory flows shows that a comprehensive exam (Test of Russian as a foreign language, Russian history and law) is one of the tools for managing migration processes and influencing the structure of labour migration in Russia. Systematic work on preparing foreign citizens for the comprehensive examination provides an opportunity to make migration policy in Russia socially oriented and establish Russian as the language of international communication in the Eurasian area.

Key words: *comprehensive examination; test of Russian as a foreign language, Russian history and law; migration processes.*

В соответствии с требованиями Федерального закона № 74-ФЗ от 20.04.2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ», с 1 января 2015 года иностранные граждане, желающие проживать и осуществлять трудовую деятельность на территории РФ, должны продемонстрировать определённый уровень владения русским языком, знание истории и основ законодательства РФ. Введение обязательного для мигрантов комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ стало продолжением изменений в Федеральный закон № 115 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», внесённых в 2012 году и обязывающих некоторые категории иностранных граждан (в частности, работающих в сфере услуг, ЖКХ, торговли) подтверждать свои знания русского языка на уровне не ниже «Базового для трудящихся-мигрантов».

Важной целью комплексного экзамена является интеграция иностранных граждан в российское общество посредством образовательных инструментов, адаптация мигрантов, установление их поведенческой траектории в соответствии с существующими в Российской Федерации культурными ценностями, социальными и законодательными нормами.

Комплексный экзамен, по мнению экспертов, также выступает одним из инструментов управления миграционными процессами и оказывает влияние на структуру, качество и направленность трудовой миграции в Российской Федерации.

К 2015 году на территории России насчитывалось более 2 млн мигрантов из более чем 80 стран мира. Крупнейшими центрами миграции называют г. Москву и Московскую область, г. Санкт-Петербург и Ленинградскую область, г. Владивосток, г. Екатеринбург и Южный регион РФ. На данный момент исследователи фиксируют существенный спад миграционных потоков, что, в первую очередь, вызвано экономическими процессами. Начиная с октября 2015 года число иностранных граждан, выехавших с территории Российской Федерации, превышает число въехавших на территорию страны в среднем на 3-10%. Введение комплексного экзамена также повлияло на структуру и направленность трудовой миграции в России. Так, по мнению экспертов, около 20% мигрантов вынуждены были покинуть территорию России в 2015 году в связи с недостаточной готовностью к экзамену как самих мигрантов, так и многих образовательных организаций.

Стремясь повысить процент иностранных граждан, успешно сдающих комплексный экзамен, центры тестирования, российские образовательные организации, российские центры науки и культуры за рубежом и руководство стран исхода мигрантов организуют деятельность по усовершенствованию организационно-методического обеспечения экзамена и подготовки иностранных граждан к нему.

Правительства многих стран, граждане которых эмигрируют в Россию для трудовой деятельности, обеспокоены тем, что мигранты не смогут трудоустроиться на территории России, что может привести к усложнению социальной ситуации в связи с ростом безработицы. Так, в Узбекистане и Таджикистане началась кампания по открытию русских классов и школ, а также возвращению русского языка в школьную программу. Сегодня при РЦНК за рубежом открыто более 10 центров тестирования по русскому языку как иностранному и курсы русского языка, на которых ежегодно обучается 15-20 тысяч человек.

Одной из первых задач, поставленных перед головными и локальными центрами тестирования, явилась организация курсов подготовки мигрантов к сдаче комплексного экзамена, а также разработка учебно-методических материалов для данных курсов. Как известно, первоначально предполагалось, что иностранные граждане и лица без гражданства, желающие получить разрешение на работу или патент, разрешение на проживание и вид на жительство в РФ, обязаны продемонстрировать владение русским языком в объеме «Базового уровня для трудящихся мигрантов». Этот уровень, определяемый как «Элементарный плюс» (A1+) предусматривает общее владение основными видами речевой деятельности, фонетическим, морфологическим, синтаксическим, лексическим минимумами, включенными в Элементарный сертификационный уровень и, частично, в Базовый). Модуль «Русский язык» комплексного экзамена проверяет умение читать и понимать небольшие по объему аутентичные тексты социально-бытовой тематики, заполнять официальные документы (анкеты, бланки, извещения, заявления и пр.), вступать в коммуникацию, воспринимать и продуцировать русскую речь (в речевых ситуациях, характерных для социально-бытовой, официально-деловой, профессиональной и социально-культурной сфер общения), владеть лексико-грамматическими знаниями и умениями, предусмотренными Базовым уровнем для трудящихся мигрантов. Как показывает практика, обучение данным умениям и навыкам требует более 120 учебных часов занятий. Однако проведение данного количества учебных часов по русскому языку на территории РФ не представляется возможным в связи с кратковременностью пребывания мигрантов на территории РФ до получения разрешительных документов – патента и разрешения на работу. Данная проблема может решаться либо организацией и проведением интенсивных курсов русского языка для мигрантов в российских образовательных учреждениях, либо организацией обучения на территории стран исхода. Для организации обучения мигрантов «с нуля» необходимо создавать учебно-методическое обеспечение, ориентированное на «Требования» и «Типовые

тесты» к трём видам комплексного экзамена – для получения патента и разрешения на работу, разрешения на временное проживание и вида на жительство. При создании учебников, учебных пособий и словарей необходимо учитывать и изменения в лексическом минимуме – увеличение его общего объёма до 950-1300 единиц, удаления лексики учебной сферы и добавления лексики из социально-бытовой, официально-деловой и профессиональной сфер. Однако лексический минимум для комплексного экзамена на данный момент не разработан, что существенно затрудняет разработку как учебно-методического обеспечения, так и самих тестовых и экзаменационных материалов.

Необходимо отметить крайнюю неоднородность контингента экзаменуемых как с точки зрения степени их образованности и опыта участия в экзаменационных мероприятиях разного вида, так и с точки зрения уровня владения русским языком как иностранным. В этой связи головными и локальными центрами тестирования предлагаются различные по содержанию и длительности курсы подготовки мигрантов. В отличие от указанных выше интенсивных и традиционных курсов «с нуля», более востребованными являются краткосрочные курсы подготовки к отдельным модулям комплексного экзамена для иностранных граждан, владеющих русским языком в необходимом объёме.

На данный момент многими образовательными учреждениями разработаны учебные материалы по подготовке к модулям «Русский язык», «История России» и «Основы законодательства РФ», в которых освещается форма проведения экзамена, его содержание, предлагаются тренировочные упражнения и задания. Также разрабатываются тренировочные тесты, размещаемые центрами, в том числе в сети Интернет, на сайтах тестирующих организаций. Разработаны адаптированные к языковому уровню мигрантов учебные пособия и аудио- и мультимедиакурсы по истории России и основам законодательства Российской Федерации. Созданы словари и двуязычные словари юридических терминов, которыми разрешается пользоваться во время комплексного экзамена. Данные материалы могут использоваться иностранными гражданами, в том числе для самостоятельной подготовки к экзамену и проверки знаний.

В то же время, несмотря на большой объём проделанной лингводидактической работы, остаётся ряд важных вопросов, связанных с организацией подготовки мигрантов к комплексному экзамену. Прежде всего, разделение уровней владения русским языком как иностранным для трудовых мигрантов на 3 подуровня – ИР («иностранный работник»), РВ («разрешение на временное проживание») и «ВЖ» («вид на жительство») – повлекло за собой существенные изменения в структуре и содержании комплексного экзамена. На практике мигрант должен продемонстрировать уже не «Базовый уровень для трудовых мигрантов» («Элементарный плюс» (A1+), а «Базовый» (A2) – для получения разрешения на временное проживание; «Базовый плюс» (A2+) – для получения вида на жительство. «Требования» и «Типовые тесты» к данным уровням уже разработаны и опубликованы, методисты начали работу по внесению изменений в созданные учебно-методические материалы, а также по разработке новых материалов.

Актуальным, как отмечалось выше, остаётся вопрос о создании «Лексических минимумов» данных уровней с учётом изъятой из лексических минимумов элементарного и базового уровней лексики (в частности, лексики учебной сферы общения) и введенной лексики официально-деловой, профессиональной и социально-бытовой сфер общения (используемой в ограниченном наборе ситуаций).

Как показывает почти трёхлетний опыт проведения комплексного экзамена, русские классы за рубежом, курсы для мигрантов, проводимые в России и за рубежом, в том числе при содействии территориальных органов МВД, национальных, религиозных и общественных организаций, дают возможность иностранным гражданам не только изучить русский язык, но и получить основы исторических и правовых знаний, служат одним из наиболее эффективных путей подготовки трудящихся мигрантов к сдаче комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской

Федерации, а также способствуют более успешной социализации иностранных граждан в российском обществе. Отметим, что, по данным Методической комиссии Минобрнауки РФ по разработке организационно-методического обеспечения экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ, в 2017 году процент мигрантов, не сдавших комплексный экзамен, снизился до 5-8 %.

В целом, по мнению экспертов, введение комплексного экзамена и организация системной работы по подготовке к нему даёт возможность социально ориентировать миграционную политику России и утвердить русский язык как язык международного общения на евразийском пространстве.

Крапивник Л.Ф.

Тихоокеанский государственный университет

Хабаровск, Россия

Мидзуками Норико

Ниигатский префектуральный университет

Ниигата, Япония

Krapivnik L.F.

Pacific National University

Khabarovsk, Russia

Mizukami N.

University of Niigata Prefecture

Niigata, Japan

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИИГАТСКОМ ПРЕФЕКТУРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE AT THE UNIVERSITY OF NIIGATA PREFECTURE

В статье представлен педагогический опыт организации спецкурсов по русскому языку и русской культуре, которые способствуют формированию у иностранных студентов различных коммуникативных знаний, умений и навыков.

Ключевые слова: *изучение русского языка как иностранного, единицы языка, культурная информация, коммуникативные знания*.

The paper presents the pedagogical experience of organizing the Russian language and culture courses that allow foreign students to develop their communicative competence and skills.

Key words: *learning Russian as a foreign language, language units, cultural background, communicative competence*.

Ниигатский префектуральный университет (Япония) ведёт свою образовательную и исследовательскую деятельность с позиции глобальных перспектив, поэтому в его образовательные задачи входит развитие навыков общения на иностранных языках, углубление знания и понимания других культур.

Основным иностранным языком в Ниигатском префектуральном университете считается английский язык. Однако в соответствии с особым статусом префектуры Ниигата как центра взаимодействия со странами Восточной Азии в университете созданы благоприятные условия для изучения языков стран бассейна Японского моря – русского, китайского и корейского.

В целом занятия по этим иностранным языкам ориентированы на углубление мотивации и интереса к изучению стран Восточной Азии (их истории, экономики и культуры), а организация учебного процесса по обучению языкам имеет свои особенности, которые состоят в следующем:

- для студентов 1-м курса проводится вводный языковой курс «Языки Восточной Азии»;
- на 2-м курсе студенты начинают с основ изучать русский, китайский или корейский языки;
- на 3-м и 4-м курсах студенты продолжают изучение выбранных ими иностранных языков, в том числе в рамках спецкурсов.

Вводный языковой курс «Языки Восточной Азии» ведётся на японском языке, а на 2-м и 3-м курсах одну треть учебных занятий ведут преподаватели – носители языка, благодаря чему японские студенты получают не только великолепную практику по произношению и

разговорному языку, но и возможность прямых контактов с носителем изучаемого языка, возможность проконсультироваться по вопросам языка и культуры, получить разъяснения и ответы на интересующие их вопросы.

Что касается изучения русского языка, то необходимо отметить, что Ниигатский префектуральный университет был создан на базе Ниигатского префектурального женского института, в котором было отделение русского языка и был накоплен значительный (около двадцати лет) опыт по организации процесса обучения русскому языку, а также языковых стажировок в разных городах России. Особый вклад в развитие отделения русского языка внёс известный японский русист Иида Норикадзу, который возглавил отделение русского языка, а впоследствии стал ректором Ниигатского женского института. Естественно, накопленный профессором Иида Норикадзу и его японскими коллегами-русистами методический багаж и многолетний успешный опыт преподавания русского языка активно использовался и используется при создании учебных программ по изучению русского языка в Ниигатском префектуральном университете.

Необходимо также отметить, что новый ректор Ниигатского префектурального университета профессор Вакасуги очень высоко оценивает тот факт, что в университете активно действует курс русского языка. По его мнению, курсов по изучению русского языка в японских вузах мало, тем более таких, которые имеют длительную историю и плодотворные результаты. Он считает учебный курс русского языка одним из тех достоинств Ниигатского префектурального университета, которые привлекают студентов при выборе ими вуза для получения высшего образования.

Одна из традиций, которая сохранилась и сохраняется в Ниигатском префектуральном университете, это изучение русского языка вместе с изучением русской культуры – традиций и обычаяев русского народа, особенностей его жизни (в том числе и в настоящее время). В частности, при изучении русского языка на начальном этапе обучения (на 2-м курсе) студенты знакомятся с особенностями повседневной жизни в России, с традициями русской культуры питания, климатическими особенностями России и её дальневосточного региона. На 3-курсе студенты знакомятся с компонентами русской бытовой культуры (например, с традициями русского дома, с русскими праздниками, их историей и традициями их проведения и др.).

Изучение русского языка на 4 курсе ориентировано на знакомство с главными достопримечательностями разных регионов России и с особенностями Дальнего Востока России (административное деление, климатические условия, многонациональная культура и т.п.), а также направлено на более глубокое изучение культуры России (традиционной и современной). Значительная часть этой страноведческой информации представлена в содержании занятий по русскому языку для 4 курса, а культура России, в частности устное народное творчество и поэтическое творчество, целенаправленно изучаются в рамках спецкурса «Русская культура», который состоит из двух взаимосвязанных частей – «Русские пословицы и поговорки» и «Русская поэзия». По объёму это сравнительно небольшой спецкурс – 30 учебных часов в 1 семестре (спецкурс «Русские пословицы и поговорки») и 30 учебных часов во 2 семестре (спецкурс «Русская поэзия»).

В цели спецкурса «Русская культура» входит, во-первых, формирование интереса к России, её истории и культуре, традициям и обычаям русского народа, его нравственно-этическим ценностям и ориентирам, во-вторых, развитие навыков общения с носителями русского языка. В целом спецкурс «Русская культура», имея страноведческую направленность, ориентирован на решение достаточно широкого спектра учебно-образовательных задач:

- расширение теоретических знаний студентов о русских паремиях как особых единицах русского языка и особенностях русской поэтической речи;
- знакомство с культурно значимой информацией, которая сохраняется в русских паремиях и в русской поэзии;

- формирование навыков анализа и интерпретации (понимания) русских паремий и русских поэтических текстов;
- формирование и развитие навыков говорения в рамках предложенных в спецкурсе тем.

Выбор паремий и стихов в качестве материала спецкурса «Русская культура» был обусловлен, во-первых, тем, что овладение устойчивыми единицами и образными средствами русского языка, их значениями и правильным использованием в речи является свидетельством её высокого качества, поэтому крайне важно при речевой ориентации курса русского языка (тем более на завершающем этапе обучения русскому языку). Во-вторых, тем, что и русские паремии, и русская поэзия обладают значительным познавательным потенциалом, так как несут в себе страноведческую информацию и позволяют в живой и доступной форме познакомить японских студентов с наиболее значимыми для русской культуры (как традиционной, так и современной) фактами и явлениями. В-третьих, в процессе обучения русскому языку мы ориентированы на ближайшую и долгосрочную перспективу, поэтому стремимся в максимальной степени обеспечить сохранение интереса студентов к продолжению изучения русского языка и русской культуры и после обучения в вузе, в частности, мотивировать самостоятельное чтение русских художественных текстов, а также российской публицистики.

В целях успешной реализации учебных задач спецкурса при организации занятий используются следующие методические приёмы:

- содержание спецкурса представлено адаптированными текстами небольшого объёма, включающими в себя активную лексику базового уровня и ограниченное количество терминологической лексики, которая обозначает понятия, необходимые для объяснения содержания;
- для облегчения усвоения теоретической информации спецкурса терминологическая лексика вводится постепенно и в ограниченном количестве, при этом последовательность введения терминов соотносится с тематической логикой спецкурса (вводимые термины должны быть актуальными для понимания содержания последующих тем);
- в ходе занятий на доске (и, соответственно, в тетради студентов) составляется конспект, представляющий собой краткое и понятное для студентов изложение содержания занятия (текста);
- в конспекте фиксируются изучаемый языковой материал с его переводом на родной язык (который осуществляется при помощи двуязычных словарей или фразеологических словарей).

Как показывает опыт, успешной реализации учебных задач спецкурса способствует также то, что занятия ведут носители русского языка, при этом на занятиях обязательно присутствует японский преподаватель-русист, который, не вмешиваясь в учебный процесс, контролирует адекватность понимания содержания спецкурса, а также корректность перевода его основных терминов и понятий (который в ходе занятия осуществляется студентами самостоятельно).

В первой части спецкурса, которая называется «Русские пословицы и поговорки», на материале русских паремий студенты знакомятся:

- с наиболее значимыми для России историческими событиями, историческими именами и названиями;
- с названиями реалий, исчезнувших из русской социально-политической, экономической и повседневной жизни;
- с концептами русской культуры, наиболее важными для каждого русского человека и русского народа в целом понятиями и образами;
- с традициями и обычаями русского народа, наиболее древними суевериями и т.п.;
- с постулатами «русской народной педагогики» («неписанными» законами и правилами поведения русского человека), которые позволяют японским студентам не только

познакомиться с особенностями «русского национального характера» и национально-специфичными формами ситуативного поведения (которые часто сохраняются и в современной жизни), но и объяснить их (что, по нашему мнению, крайне важно для обеспечения бесконфликтной межкультурной коммуникации).

Для спецкурса японскими и российскими преподавателями-русистами совместно было подготовлено учебное пособие «Русская культура: пословицы и поговорки» (Токио: Изд-во «Бэнсэи», 2016. – 216 с.). Это пособие создавалось с учётом цели и задач спецкурса, а также того факта, что особые языковые механизмы передачи информации в русских паремиях в значительной степени затрудняют их адекватное понимание в иноязычной аудитории. Соответственно, в задачи пособия входит не только и не столько знакомство с культурно значимой информацией, которая сохраняется в русских паремиях, сколько расширение представлений студентов о пословицах и поговорках как особых единицах русского языка (их структурных, лексических и семантических особенностях), а также формирование навыков их анализа и смысловой интерпретации, развитие навыков их использования в речи. Таким образом, пособие направлено на расширение лингвострановедческих знаний японских студентов, изучающих русский язык, и, одновременно, на формирование у студентов лингвистической компетенции. Для возможности самостоятельного использования этого пособия в нём представлен перевод всего содержания на японский язык.

Каждая тема пособия организована следующим образом:

1) словарь (список слов, которые необходимы для понимания текста лекции и русских паремий);

2) лингвострановедческий комментарий;

3) текст лекции;

4) список изученных лингвистических терминов и понятий;

5) список изученных в рамках данной темы паремий;

6) контрольные вопросы по теме лекции (теоретического и практического характера).

Для облегчения восприятия и усвоения теоретической информации авторы пособия, составляя тексты, ориентировались на следующие методические принципы:

– принцип простоты (текст излагается максимально доступным для восприятия и понимания языком, особенно в начальных лекциях);

– принцип минимизации (терминологическая лексика вводится в ограниченном количестве);

– принцип разумной достаточности (вводимые в тексте термины должны быть актуальными для понимания содержания и других текстов);

– принцип целесообразности (терминологическая лексика вводится постепенно, при этом последовательность введения терминов соотносится с тематической логикой пособия и спецкурса).

Основная цель второй части спецкурса, которая называется «Русская поэзия», – на материале широко известных и всеми признанных поэтических произведений познакомить японских студентов с особенностями русской (в том числе советской) литературы и её вкладом в мировую литературную культуру.

Для последовательного изучения и анализа студентам предлагаются детская поэзия (А. Барто), басни (И.А. Крылов), философская поэзия XIX века (Ф.И. Тютчев), лирические произведения классиков русской поэзии XIX века (М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин и др.). Кроме этого они знакомятся с Серебряным веком русской поэзии (А. Блок, А. Ахматова) и с таким феноменом русской культуры, как советская поэзия с её многообразием и многонациональным характером. Для изучения советской поэзии в спецкурс включены произведения «молодых поэтов молодой советской России» (В. Маяковский, С. Есенин) и советских поэтов, чье поэтическое творчество было значимым в военное и послевоенное время (К. Симонов, Р. Рождественский, Р. Гамзатов, Б. Окуджава).

На занятиях в рамках этой части спецкурса студенты знакомятся:

- с русскими поэтами как яркими творческими личностями, их биографией, литературным творчеством и наиболее значимыми событиями их жизни;
- с отличительными особенностями их поэтического творчества;
- с художественными особенностями содержания, представленного в конкретном (выбранном для изучения) стихотворении или его фрагменте.

С точки зрения целей спецкурса «Русская поэзия» необходимо отметить тот факт, что достаточно сложно на минимальном по объёму материале сформировать максимально возможное и объективное представление о русской поэтической культуре, её духовных приоритетах, особенностях и этапах развития, а также знаковых для неё именах и произведениях. Несомненную помощь в этом преподавателю оказывают те знания, навыки и умения, которые студенты приобрели на спецкурсе «Русские пословицы и поговорки» (на момент изучения русской поэзии студенты уже владеют знаниями об образном сравнении, метафоре и аллегории, владеют навыками анализа для раскрытия их содержания). Кроме того, преподаватель-рурист ищет те точки соприкосновения в русской и японской национальных культурах и историях, которые обнаруживают единство миропонимания и мировосприятия, что позволяет донести до японских студентов особенности художественного восприятия русских и советских поэтов, а также их мысли и чувства, выраженные в поэтической форме.

Таким образом, спецкурс «Русская культура» позволяет не только формировать страноведческую компетенцию японских студентов, но и целенаправленно формирует у них интерес к русской культуре, понимание её самобытности и общечеловеческой ценности, что, несомненно, способствует сохранению интереса студентов к русскому языку и русской культуре, мотивирует студентов к дальнейшему их изучению (в том числе самостоятельному).

Макарова А.А., Кабанкова Ю.Ю.
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Makarova A.A., Kabankova Yu.Yu.
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ЯПОНСКИХ СТУДЕНТОВ ПО ПРОГРАММЕ КРАТКОСРОЧНОЙ СТАЖИРОВКИ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ

THE EXPERIENCE OF TEACHING RUSSIAN TO JAPANESE STUDENTS INVOLVED IN A SHORT-TERM INTERNSHIP IN THE RUSSIAN ENVIRONMENT

В статье описывается опыт обучения русскому языку как иностранному студентов из Японии среднего уровня владения РКИ по программе краткосрочной стажировки в условиях языковой среды.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, японские студенты, краткосрочная программа, русская языковая среда.*

The article describes the experience of teaching Russian as a foreign language to Japanese students of intermediate level participating in a short-term internship in the Russian environment.

Key words: *Russian as a foreign language, Japanese students, short-term internship, Russian language environment.*

2018 год объявлен «перекрёстным годом» культуры России и Японии. В рамках подготовки к данному событию в августе-сентябре 2017 года 84 японских слушателя проходили месячный курс обучения русскому языку в Институте Пушкина. В Москву приехали студенты из 25 крупнейших японских вузов, в том числе Токийского университета иностранных языков, Токийского университета Хосэй, Мэйдзи, Васэда, Софии, Киотского университета и других вузов.

В течение четырех недель слушатели проходили интенсивный курс русского языка, который включал в себя занятия по практике речи, грамматике, фонетике и интонации, а также лингвомузикальные занятия и натурные уроки. Кроме того, студенты из Японии познакомились с возможностями интернет-портала «Образование на русском» Института Пушкина, который был создан для дистанционного и самостоятельного изучения русского языка [2], и зарегистрировались на нём. Важным аспектом обучения японских студентов стало погружение в языковую среду, знакомство с русской культурой и общение с носителями русского языка.

Основной целью курса было активизировать использование знаний, полученных ранее при изучении русского языка, а также показать особенности функционирования языка с учётом уровня владения в реальных ситуациях общения. Одной из главных задач программы обучения стало развитие речевых навыков, подкрепляемое практикой применения различных грамматических, лексических, фонетических и просодических средств при решении конкретных коммуникативных задач.

Слушатели изучали темы, расширяющие их знания о России, русских людях, в рамках этих тем проходило обучение речевому поведению в типичных ситуациях общения. Среди предложенных тем были: знакомство; свободное время в Москве; человек, его внешность и характер; образование и выбор профессии; семья; мода; музыкальные предпочтения; изучение иностранных языков; Интернет в современной жизни и другие интересующие молодежную аудиторию темы [1, с. 7].

В процессе обучения преподавателями были отмечены некоторые особенности поведения, освоения программы и материала занятий, характерные для японских студентов.

Данные особенности, очевидно, обусловлены национальной психологией японцев, национальным японским характером.

Изучением национального характера японцев, японского общественного сознания, мотивации поведения представителей японской нации занимаются учёные из разных стран, в том числе отечественные исследователи, в работах которых, например, в книге «Японцы (этнопсихологические очерки)» В.А. Пронникова и И.Д. Ладанова, в частности, рассматривающей вопросы национально-психологической специфики речевой коммуникации японцев, установления с ними межличностных отношений и другие особенности их социального поведения [4], мы нашли подтверждение результатам своих наблюдений.

Приведём некоторые особенности национального характера японцев, по нашим наблюдениям, влияющих на организацию процесса их обучения русскому языку. Одними из главных качеств, которые демонстрируют японцы, являются трудолюбие, дисциплинированность, стремление к согласованным действиям в группе, а также готовность чётко выполнять указания признанного авторитета, в нашем случае – преподавателя. Еще одно важное качество национального характера японцев – вежливость, которая, очевидно, составляет основы японского образа жизни. Любое слово, жест, поступок японца подчёркнуто вежливы. Пытливость и любознательность, вероятно, также неотделимы от национального японского характера. Замечено, что любознательности японца присуща чёткая практическая направленность или pragmatическая нацеленность. Нельзя не отметить и такую особенность, как сдержанность в проявлении чувств, которая является в Японии нормой поведения, считается добродетелью и воспитывается с детства [4, с. 31-45]. При общении с представителем японской нации по лицу человека часто невозможно понять, какие чувства он испытывает, определить его характер, настроение или отношение к происходящему. Японцы стремятся не демонстрировать окружающим свои эмоции, у них, как правило, спокойное выражение лица, независимо от внутреннего состояния. Волю переживаниям и эмоциям японец может дать только среди близких.

Улыбка и смех японцев может привычно для нас выражать радость и приятные чувства, может быть признаком дружеского расположения, вместе с тем, улыбка, как знак вежливости и деликатности, может присутствовать на лице японца и в моменты личных переживаний негативного характера, что будет свидетельствовать о его желании не расстраивать других людей своими переживаниями. Кроме того, за улыбкой может скрываться и чувство неловкости в затруднительной ситуации, а также она может означать как понимание, так и непонимание. Привычное для многих культур движение кивок головы, выраждающее, что человек согласен, у японцев может не означать согласие, но является знаком внимания к речи собеседника [4, с. 201-232], поэтому по итогам разговора, в ходе которого японский собеседник кивал головой и улыбался, не гарантировано, что будет иметь место положительный результат, как мы того могли бы ожидать, следя нашей культурной традиции.

Для представителей японской культуры характерно относительно долгое время держать дистанцию при общении: доверительные отношения формируются у японцев в ином темпе, нежели, к примеру, в России или на Западе. Вопросы личного плана можно начинать обсуждать только при достижении определённого уровня доверия, а до этого момента должны происходить многочисленные беседы на общие темы, в ходе которых стороны диалога смогут лучше узнать и понять друг друга.

В разговорах с иностранцами японцы ведут себя иначе, чем представители западных культур. Сдержанность в речевом общении, как и в проявлении чувств, расценивается как добродетель. Японцы являются внимательными слушателями, тщательно обдумывают ответы на вопросы, умеренно проявляют активность и инициативу в беседе, высказываются обычно кратко и по существу вопросов, в которых чувствуют себя компетентными, тем самым проявляя ответственность за свои слова и поддерживая свою репутацию. Одной и

главных ценностей в речевом общении японцев является доброжелательный тон. В полемике японцам не свойственна характерная для западных культур напористость, иногда японец предпочтёт не возражать собеседнику, даже если он с ним не согласен, тем самым проявляя свою деликатность. В устных выступлениях японцы экспромтам предпочитают тщательно подготовленные и продуманные речи. Сдержанные и сосредоточенные в общении с малознакомыми людьми, в окружении друзей и хорошо знакомых людей японцы высказываются свободно, разговаривают много и охотно.

Знание этих этнопсихологических характеристик позволило преподавателям нашей кафедры не только методически оптимизировать овладение русским языком, но и сделать процесс обучения эффективным и психологически комфортным для японских студентов. Остановимся на некоторых из методов и видов заданий, которые использовали преподаватели. Как уже говорилось, для японцев характерен высокий уровень запоминания символов, что связано с заучиванием большого количества графических моделей в родном языке. Поэтому в ходе аудиторных занятий активно использовались наглядные материалы.

Большую роль в японской культуре играет коллективизм. С одной стороны, это позволяет преподавателю широко применять групповые формы обучения, такие как ролевая игра, учебная дискуссия. С другой стороны, стремление не выделяться создаёт определённые трудности при обучении японских студентов. Например, в группе сильные студенты стараются не афишировать свои знания. Слабые студенты на вопрос преподавателя о том, кто не понял материал занятия, даже если не поняли, редко говорят об этом преподавателю, так как для них важно поддержать мнение коллектива.

Для японцев при изучении иностранных языков исторически был и остаётся наиболее характерным грамматико-переводной метод обучения. При этом ведущим видом речевой деятельности является чтение и письмо. Эта традиция восходит к общему для всего Дальневосточного региона конфуцианскому взгляду на образование, когда умение читать и писать тексты представлялось наиболее важным показателем знаний учёного человека [3, с. 26]. Все виды речевой деятельности, в том числе и аудированием, необходимо поддерживать зрительными опорами: текстами, картами памяти и т.д. В условиях языковой среды при краткосрочном обучении преподаватели РКИ использовали и другие методы обучения, что оказалось достаточно эффективным.

Сложными для японских студентов являются условно-речевые задания, так как им трудно говорить о реально не существующей ситуации. В этом случае преподаватели предлагали студентам коммуникативные задания, в которых им нужно было сыграть в определённой ситуации не себя, а «типичного» русского человека.

Конечно, можно говорить о том, что представители одного народа могут относиться к разным стилям овладения языком (коммуникативным и некоммуникативным) и разным психологическим типам. Поэтому при организации индивидуальной самостоятельной работы учащимся были предложены разные задания, для того чтобы они имели возможность проявить себя. В данном случае учитывался тот факт, насколько легко студент включается в общение. Если это экстраверт, то ему будет несложно начать первым разговор или познакомиться с другим человеком. На занятиях им нужно дать возможность проявить самостоятельность и творчество. Этим студентам были предложены следующие задания (тема «Ориентация в городе»): 1. Вам нужно купить книгу. Спросите у прохожего, где ближайший книжный магазин. Воспроизведите письменно ваш диалог; 2. Пройдитесь по улицам микрорайона и узнайте у прохожих, где находится ближайший магазин, аптека, ресторан, банк и т.д. Нанесите эти объекты на схему микрорайона. 3. Проведите опрос среди своих друзей, русских и иностранцев (не менее 4 человек): «Нравится ли вам архитектура Москвы? Почему?». Сравните ответы. Сделайте выводы. Другие студенты по типу общения – интроверты. Они не активны в общении, больше отмалчиваются, им трудно начать знакомство с другим человеком. Таким учащимся предлагались задания, связанные с анализом языкового материала, заучиванием речевых образцов, текстов. Например, задание,

направленное на развитие монологического высказывания: 1. Познакомьтесь с рекламой различных мест отдыха в России. 2. Выберите место, куда бы вы хотели поехать отдохнуть. Обоснуйте ваш выбор.

В разных странах принятые разные дидактические и лингводидактические системы обучения, которые формируют коммуникативный или некоммуникативный тип учащихся при овладении иностранным языком. Наш опыт работы с учащимися из Японии показал, что можно говорить о преобладании некоммуникативного стиля обучения в этой этнической группе. Поэтому при богатом (но пассивном) запасе лексики, при хорошем (но теоретическом) знании грамматики японцы с большим трудом осваиваются в русской аудитории, «не слышат» собеседника, медленно и с трудом подбирают нужные слова, хотя быстро читают и понимают сложные тексты. Актуальным становится в этом случае подбор заданий на развитие навыков устной речи. Задача преподавателя – наладить контакт, создать атмосферу, в которой учащиеся не будут бояться своих ошибок. Необходимо стимулировать личные достижения учащихся, поощрять и хвалить их.

Таким образом, знание этнокультурных и этнопсихологических особенностей учащихся позволяет преподавателям русского языка как иностранного выбрать оптимальный метод, технологию обучения и правильно построить педагогическое общение.

Список литературы

1. Вохмина Л.Л., Гаврикова И.Ю., Зайцева А.С. Встречаемся в Москве!: учебное пособие для молодежи: средний уровень (A2-B1). – М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2016. – 199 с.
2. Образование на русском: интернет-портал Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pushkininstitute.ru>
3. Подалко П.Э. К вопросу об особенностях преподавания РКИ в Японии // Русский язык за рубежом. – 2016. – Русистика Японии: специальный выпуск. – С. 22-28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pushkin.institute/science/publikacii/RYAZR_Yaponiya.pdf
4. Пронников В.А., Ладанов. И.Д. Японцы (этнопсихологические очерки). – М.: ВиМ, 1996. – 400 с.

Мэн Мэн

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Meng Meng

*Vladivostok State University Economics and Service
Vladivostok, Russia*

УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ В ПОСОБИЯХ ДЛЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПО ТЕМЕ «ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

TRAINING MATERIAL IN TEXTBOOKS FOR CHINESE STUDENTS ON “ATTRIBUTIVE RELATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE”

Статья посвящена анализу того, каким образом представлена синтаксическая синонимия в учебных пособиях для китайских студентов. Особое внимание уделяется функционированию причастных оборотов и сложных предложений с определительными отношениями. Рассматриваются типы заданий и материал упражнений в учебных пособиях.

Ключевые слова: *определительные отношения, причастные обороты, сложные предложения, союзные слова.*

The article is focused on the analysis of how syntactic synonymy is introduced in textbooks for Chinese students. Special attention is paid to the functioning of participial phrases and complex sentences with attributive relations. The types of assignments and exercises in the textbooks are considered.

Key words: *attributive relations, participial phrases, complex sentences, connective words.*

В настоящей статье мы анализируем учебные пособия для китайских учащихся в аспекте синтаксической синонимии, которая касается функционирования причастных оборотов и сложных предложений с определительными отношениями. Рассматриваются теоретические основы, характер заданий и материал упражнений, которые должны служить развитию речевой компетенции – решению проблемы выбора языковой единицы в рамках функционально-семантического комплекса для выражения необходимого смысла в конкретных условиях коммуникации.

Мы рассматриваем систему организации учебного материала в пособиях для китайских учащихся по теме «Определительные отношения в русском языке» в аспекте синонимии причастных оборотов и сложных предложений с союзными словами *который, какой, чей*. Объектом нашего внимания стали 10 учебных пособий, которые пользуются широкой популярностью в Китае [1, с. 176-189, с. 277-284; 2, с. 174-188, с. 282-290; 4, с. 121-132; 6, с. 52-75, с. 201-206; 7, с. 177-185, с. 225-247, с. 282-287; 8, с. 157-180, с. 329-371; 9, с. 86-91, с. 228-234, с. 185-189, с. 289-293; 10; 11; 12]. Нас интересует, какие теоретические сведения в них отражены, какие задания предлагаются, какой фактический материал представлен и в какой мере всё это помогает выработать навыки выбора необходимого средства выражения определительных отношений.

В разделах учебных пособий, посвящённых причастиям и причастным оборотам, главное внимание удалено формальной стороне.

Больше всего представлено заданий, при выполнении которых отрабатывается образование действительных и страдательных причастий с соответствующими суффиксами от приведённых глаголов. В ряде упражнений приведены примеры употребления причастий в словосочетаниях (словосочетанием здесь называют любое соединение существительного и причастия, обособленное и необособленное). Учащиеся должны переделать предложения в словосочетания с причастиями, например: *Фабрика выполняет план – фабрика, выполняющая план – план, выполняемый фабрикой* [11, с. 207, упр. 3; 11, с. 230, упр. 2, 4].

Предлагаются упражнения, в которых нужно раскрыть скобки и выбрать нужную форму рода, числа и падежа причастия, согласованную с формой определяемого слова.

Все учебные пособия для китайских учащихся показывают аналогичность функций простых предложений с причастными оборотами и сложных предложений с определительными отношениями, их взаимозаменяемость.

Материал упражнений подобран так, что фактически закрепляется образование форм причастий, соответствующих спрягаемому глаголу придаточного предложения по виду и времени, выбор действительного или страдательного причастия. Типичны такие задания: «Замените определительные придаточные предложения причастными оборотами или наоборот». Но в каких условиях контекста предпочтителен причастный оборот, а в каких придаточное предложение в составе сложного – такой вопрос вообще не ставится.

Самым употребительным союзным средством в определительных придаточных является слово *который*, синонимичное всем остальным: *какой, чей*.

Рассмотрим соотношение *который* и *какой, который* и *чей*.

Упражнения в ряде пособий [12; 9; 4; 1; 2; 6] включают задания «вставьте в нужной форме союзное слово *какой* или *который*», «выберите нужную форму союзного слова *какой* или *который*». Но при этом ничего не говорится об условиях употребления, о характере отношений. То есть предполагается, что они равны по употреблению. В материале упражнений мы встретили сложные предложения с отношениями сходства, подобия, для выражения которых надо употреблять именно слово *какой*, которое является специализированным средством выражения этих отношений. Во всех упражнениях мы нашли только два примера предложений, в которых *какой* и *который* действительно могут употребляться как синонимы, однако не ставится такая цель в упражнениях, как указать возможные варианты: *Двигатели, какие (которые) использовались ещё в первых автомобилях, и сейчас применяются без особых изменений* [9, с. 291]; *Политика часто касается тех сфер жизни, в которых (в каких) она участвовать не должна* [4, с. 131]. Но при каких условиях возможны варианты, то есть оба союзных средства, не объяснено. Ясности в этом вопросе нет.

Синонимия *который* – *чей* представлена во всех рассматриваемых пособиях. Слово *чей* является специализированным средством выражения значения принадлежности к лицу, а слово *который*, в отличие от *чей*, «может отсылать как к лицу, так и не к лицу» [5, с. 525]. Но в некоторых китайских пособиях [9, с. 188; 1, с. 279; 2, с. 287] представлен материал, из которого следует, что слово *чей* может отсылать как к лицу, так и не к лицу. В пособии [2, с. 287] в упражнении предполагается синонимия *чей* и *который* в следующем случае: *Мы вошли в комнату, окна которой выходили на площадь. – Мы вошли в комнату, чьи окна выходили на площадь.* Данное задание вообще неправомерно, потому что когда «союзное слово *который* указывает на принадлежность чего-либо предмету, нужно употреблять *который* (Дом, комнаты которого сдавались внаём, жил шумной и беспокойной жизнью). Употребление союзного слова *чей* в таких предложениях невозможно» [3, с. 279-280].

Итак, мы пришли к следующим выводам:

1. В разделах учебных пособий, посвящённых причастиям и причастным оборотам, главное внимание уделено формальной стороне.

2. Все учебные пособия для китайских учащихся показывают аналогичность функций простых предложений с причастными оборотами и сложных предложений с определительными отношениями формально. Характер выражаемых отношений, особенности опорных существительных и условия контекста не учитываются.

3. Основное внимание уделяется тому, в какой форме должно употребляться союзное средство и какое место занимать в придаточном предложении. Однако аспект, который нас больше всего интересует, – возможности синонимии, характер определительных отношений при разных союзных средствах, контекстные условия их выбора, то есть то, что может

способствовать совершенствованию речевой компетенции, – в материалах учебных пособий практически не разработан.

Список литературы

1. Ван Личжун. Основы грамматики русского языка в университете. – Харбин: Издательство Харбинского политехнического университета, 2014.
2. Ван Личжун. Грамматика русского языка в университете по специальной теме. – Харбин: Издательство Харбинского политехнического университета, 2014.
3. Крючкова Л.С. Русский язык как иностранный: Синтаксис простого и сложного предложения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 464 с.
4. Мэн Ся. Коммуникативная грамматика русского языка. Синтаксис / Мэн Ся. и др. – Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 2012.
5. Русская грамматика: Т.2: Синтаксис / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980.
6. У Сяося. Универсальный русский язык для университета. 2. – Пекин: Издательство высшего образования, 2016.
7. Цянь Сяохуй. Начальный курс русского языка: Русский язык. – Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2017.
8. Чэн Готин. Практическая грамматика современного русского языка. – Харбин: Издательство Харбинского политехнического университета, 2013.
9. Чэн Готин. Основы грамматики русского языка. – Харбин: Издательство Харбинского политехнического университета, 2016.
10. Ши Тяцян. Русский язык университета Востока (новое издание). Книга для студента. 2. – Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2010. – 292 с.
11. Ши Тяцян. Русский язык университета Востока (новое издание). Книга для студента. 3. – Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2009. – 298 с.
12. Ши Тяцян. Русский язык университета Востока (новое издание). Книга для студента. 4. – Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2010. – 280 с.

Найдина Т.Е.

Тамканский университет

Тайбэй, Тайвань

Чубаева Л.В.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Naydina T.E.

Tamkang University

Taipei, Taiwan

Chubayeva L.V.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ДИАЛОГУ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

ONLINE COMMUNICATION AS A MEANS OF TEACHING INTERCULTURAL DIALOGUE IN THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSROOM

В статье рассматривается онлайн-коммуникация с носителями языка как форма проведения занятий по практике русской устной речи и как средство обучения успешному межкультурному диалогу в условиях отсутствия языковой среды.

Ключевые слова: *онлайн-коммуникация, межкультурная коммуникация, межкультурный диалог, русский язык как иностранный, практика устной речи.*

The article considers online communication with native speakers as a way of conducting lessons in Russian speech practice and as a means of teaching successful intercultural dialogue given the lack of the language environment.

Key words: *online communication, intercultural communication, intercultural dialogue, Russian as a foreign language, oral speech practice.*

Последние два десятилетия всё активнее в современный учебный процесс внедряются информационные технологии, основанные на использовании возможностей компьютерных программ и интернет-коммуникации. Электронные учебники, дистанционные учебные курсы, видеоконференции – приметы образования нашего времени – позволяют осуществлять дистанционное обучение «здесь и сейчас». Развитие дистанционного обучения отвечает «двум базовым образовательным принципам, сформулированным ЮНЕСКО в XXI веке: образование для всех и образование через всю жизнь» [1, с. 304]. В этой связи трудно переоценить роль онлайн-коммуникации как средства обучения вообще и развития диалога языков и культур в частности. Именно она позволила осуществить уникальный проект совместного дистанционного учебного курса.

Проект разработан и осуществляется с 2014/2015 учебного года по настоящее время преподавателями факультета русского языка и литературы Тамканского университета (Тайвань, г. Тайбэй) при участии российских коллег с кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (Россия, г. Владивосток).

Сущность проекта заключается в том, что учебный предмет «Разговорная практика» не только осваивается тайваньскими студентами-третьекурсниками традиционно – в аудитории с преподавателем, но и предполагает своеобразный «практикум общения» с носителями языка. Ими являются студенты-филологи 3 курса ДВФУ, обучающиеся по профилю «Преподавание русского языка как иностранного».

Цель учебного курса – активизация навыков говорения и аудирования, а также обмен культурной информацией в процессе общения с носителями языка в рамках определённой темы в режиме онлайн. С помощью программы Adobe Acrobat Connect студенты обеих

сторон выходят в эфир в заранее установленный день и время (по расписанию учебных занятий) и разговаривают в течение 45-50 минут. Специалисты по компьютерным технологиям обеспечивают объединение студентов в мини-группы, или так называемые «компьютерные комнаты»: 1-3 человека со стороны ТКУ и 1 – от ДВФУ.

На установочном занятии все студенты – и тайваньские, и российские – получают учебные материалы по теме урока, разработанные преподавателем. Темы обычно следующие: «Знакомство», «Наш университет. Студенческая жизнь», «Праздники», «Еда. Национальная кухня», «Мода», «Музыка», «Кино», «Добро пожаловать на Тайвань (в Россию)». Учебные материалы содержат задания, направленные на последовательную отработку произношения, лексики, речевых моделей, интенций. В основе речевого материала – диалоги и тексты с выходом в беседу по вопросам. Вопросы по теме составляют базу для последующего разговора на онлайн-уроке. Студенты Тамканского университета отрабатывают материал в аудитории с преподавателем; российские – знакомятся с ним в аудитории и дома, запоминают лексику, грамматические конструкции уроков, речевые образцы, формулы речевого этикета; проигрывают некоторые диалоги; отвечают на вопросы в режиме ролевой игры. Одна из важных задач для российских студентов – «поймать» уровень владения русским языком своих иностранных собеседников и стараться употреблять в ходе онлайн-сессий лексику и грамматику по заданной теме. Но гораздо более важной для российских студентов, на наш взгляд, является задача не столько выступать в роли учителей, отрабатывающих учебный материал, сколько уметь вести естественный диалог в качестве собеседника. Конечно, эта «просто беседа» происходит в условиях межкультурного общения, то есть предполагает, во-первых, передачу и восприятие национально окрашенной культурной информации и, во-вторых, обмен ценностями, чувствами и мыслями. Вольно или невольно все участники нашей учебной коммуникации были поставлены в условия осуществления *диалога культур*, то есть стремления достичь первой ступени его успеха – взаимопонимания. Взаимопонимания во всех аспектах – «языковом, социокультурном, аксиологическом» [2, с. 16].

Передача национально маркированной информации заложена в каждой теме урока. При этом задания построены так, чтобы обратить внимание студентов обеих сторон на особенности, а значит, различия в той или иной области культуры. Студентам предоставляется возможность подумать, почему существуют эти различия, попытаться объяснить их и, таким образом, сделать первый шаг на пути взаимопонимания, в данном случае – социокультурного взаимопонимания.

Отметим важную роль такого элемента нашего дистанционного курса, как создание компьютерных презентаций. Каждый урок предполагает в качестве домашнего задания подготовку презентаций по теме и обмен ими по электронной почте накануне урока (презентации на одну и ту же тему делают обе стороны – «Еда», «Наш университет» и т.п.). На самом сеансе студенты обсуждают презентации, задают друг другу вопросы и отвечают на них. Прежде всего презентации аккумулируют культурную информацию о России или Тайване – именно такая цель стоит перед студентами: создать короткие тексты о тех или иных фактах культуры, подобрать к ним иллюстрации, сделать свои комментарии. В общем, вовлечь собеседника в свою культуру, заинтересовать его, а в ходе беседы выделить общее, найти различное. На наш взгляд, использование подобного рода заданий вносит свой вклад в формирование социокультурной компетенции, и не только для изучающих русский язык, но и для будущих его преподавателей. Кроме того, презентации обладают и определённым лингводидактическим потенциалом: иностранные студенты создают свои тексты (пусть небольшие и с ошибками, но обязательно свои) – таким образом закрепляется новая лексика и грамматика по теме, тренируется навык письма, чтения, создания монологического высказывания и выражения собственного мнения; российские студенты учатся адаптировать или составлять тексты в соответствии с уровнем владения русским языком иностранцев,

предполагать возможные диалоги на тему презентации – таким образом приобретаются первые педагогические навыки.

С точки зрения обучения межкультурной коммуникации дистанционный курс даёт целый комплекс результатов:

- отрабатываются навыки говорения, аудирования, чтения, то есть закладывается языковая основа для осуществления межкультурного диалога;
- на онлайн-уроках реализуется ситуация реального общения (конечно, в некоторой степени смоделированная усилиями преподавателей): каждый студент имеет возможность разговаривать с носителем языка в течение 45-50 минут, причём не только по теме урока;
- учащиеся имеют возможность обменяться культурной информацией, узнать больше о России, представить Тайвань, высказать своё отношение к тем или иным фактам;
- студенты преодолевают психологический барьер и учатся общаться с иностранцами;
- студенты знакомятся со своими ровесниками, становятся друзьями и продолжают общение в других форматах вне аудиторных занятий (чаще всего посредством социальных сетей и электронной переписки).

Таким образом, осуществляемый нами «практикум по межкультурной коммуникации» в форме онлайн-уроков показывает, как некая абстракция, именуемая «общением людей, представляющих разные культуры» [3, с. 14], переводится на качественно новый уровень – индивидуально-личностного общения. Только в личностном общении реализуется аксиологический аспект межкультурного диалога – осознание и понимание ценностей культуры партнёра по диалогу.

Другой важный вывод: можно с уверенностью говорить о том, что современные интернет-технологии помогают как реализовать учебные цели по практике устной речи, так и включать изучающих иностранный язык в межкультурный диалог. Общий фон этого диалога – позитивный. Но, как справедливо отмечает С.Г. Тер-Минасова, диалог культур – это не только (и не столько) мир, но и война, «эвфемизм <...> политкорректный вариант конфликта культур» [2]. В нашем случае эта «война» отразилась в межкультурных барьерах. Приведём некоторые примеры.

Психологические барьеры

Для большинства тайваньских студентов – участников программы эти занятия стали первым опытом общения с другим, кроме преподавателя, носителем языка. Поэтому естественно, что лишь через месяц-два постепенно они начали справляться с волнением и напряжением, затрудняющими беседу. Однако, помимо естественного волнения, обнаружились и другие факторы, препятствовавшие дружескому общению.

1. Восприятие собеседника как старшего

Несмотря на то что тайваньские студенты знали, что их собеседницы тоже студентки, зачастую они воспринимали их скорее как преподавательниц, чем равных партнёров. Причиной этого может быть заданность учебной ситуации, аудитория, контроль преподавателя, нечёткое осознание того, что на уроке можно просто поболтать с ровесником из другой страны. Кроме того, русские девушки выглядят старше тайваньцев, хотя на самом деле на два-три года моложе. Об этом тайваньцы узнавали с огромным удивлением. Они были уверены, что русские студентки старше их. Возможно, это отчасти стало причиной того, что многие так и не научились обращаться к своей русской подруге на «ты», хотя эта задача стояла перед ними с первого занятия.

2. Недовольство личностными характеристиками собеседника

Причиной неуверенности, нервозности во время беседы и неудовлетворенности её результатами становились и проблемы, связанные с особенностями манеры поведения и речи российских собеседниц. Вот некоторые выдержки из отчётов студентов (орфография и пунктуация сохранена):

- *Она никогда не улыбается. Я очень нервно. Она недовольна.*
- *Я хотел бы, чтобы мы разговаривали как друзья, не так серьёзно.*

• *Она слишком быстро говорит, я часто не понимаю, я очень нервничаю. Ужасно, если она думает, что я невежливый человек.*

• *После занятий я считаю что у русских совершенно другой характер. У них всё, что они думают, написано на лице. И тайваньцы умеют говорить медленнее с иностранцами. Я ещё не понимал, когда моя собеседница говорит слишком быстро. Я хотел бы, чтобы мы разговаривали более дружески.*

Благодаря постоянным контактам руководителей программы в ТКУ и ДВФУ, а также обменам отчётами студентов и их анализу, эти проблемы постепенно уходили. После нескольких месяцев общения и особенно в конце курса в отчётах тайваньцев читаем:

- *Она любит смеяться.*
- *Она терпеливо и часто ждёт.*
- *Мне нравится новые слова пишет в чате.*

Россиянки же отмечают, что «*беседа прошла непринуждённо*», «*ребята были активны, сами задавали мне много вопросов*», «*сегодня общаться было очень приятно*», «*мы шутили, как Вася готовит, и смеялись*».

Социокультурные барьеры

Незнание собеседниками особенностей культуры друг друга может привести к коммуникативной неудаче и стать причиной неверных оценок личностных качеств друг друга. Приведём примеры диалогов первого занятия по теме «Знакомство»:

Диалог 1

Русская студентка: Почему вы изучаете русский язык?

Тайваньский студент 1: Потому что это красивый язык.

Тайваньский студент 2: Потому что надо сдавать экзамен.

Р.: Вы будете работать переводчиками?

Т.1: Нет, я не знаю.

Т.2: Мне ещё учиться два года. У меня есть много времени решать.

Диалог 2

Русская студентка: Где ты учишься? Ты на переводчика учишься?

Тайваньский студент: [удивление на лице, пауза]?

Р.: Вы учитесь на переводчиков?

Т.: ?

Р.: Почему вы изучаете русский язык?

Т.: Потому что русский язык интересный.

Р.: И вы будете работать переводчиком или преподавателем?

Т.: ?

Р.: Кем вы хотите стать после окончания университета? Переводчиком или преподавателем, может быть?

Т.: Я хочу работать в торговой компании.

Р.: Переводчиком?

Т.: Бизнесменом.

Р.: [удивление, пауза]? И поэтому ты учишь русский язык?

Удивление, непонимание вызвано незнанием россиянками того факта, что изучение иностранного языка в тайваньском вузе необязательно связывается с получением специальности, профессии. На вопрос же тайваньцев, кем хотят стать их русские собеседницы, все дали одинаковый ответ – преподавателем русского языка как иностранного. Это вызвало искреннее удивление тайваньцев, которые в своих отчётах написали: *Меня очень удивило, что она хочет стать учителем. Она очень серьёзная девушки.*

Успех общения основывается не только на анализе и преодолении барьеров разного рода, но и на выделении общих вкусов, пристрастий. Так, студенты радовались, когда узнавали, например, что все девушки любят корейские сериалы, их любимый бренд Zara, а

корейскую косметику считают самой лучшей. Терпеливо вникая в особенности национальной кухни друг друга, находили точки соприкосновения: кофе, десерты, шоколад, роллы и другое, пробовали печь русские блины и готовить свинину в кисло-сладком соусе.

Анализируя результаты дистанционного курса трёх учебных лет в целом, мы пришли к выводу, что онлайн-коммуникация вызывает большой интерес у студентов с двух сторон. А значит, у межкультурного диалога-«мира» есть будущее.

Список литературы

1. Громова Т.В. Дистанционные технологии в обучении как дополнительный инструментарий в диалоге языков и культур // Диалог языков и культур: теоретический и прикладной аспекты: сборник научных статей. – Вып. 1 / Под ред. Т.С. Нифановой. – Архангельск: Поморский университет, 2006.
2. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. – М.: Астрель, 2007.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000.

Нгуен Ань Нам

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Ханой, Вьетнам

Nguyen Anh Nam

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

Hanoi, Vietnam

**ТРУДНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ**

**DIFFICULTIES IN PERCEIVING SYNTACTIC PHRASEOLOGICAL UNITS
IN LITERARY TEXTS FOR VIETNAMESE STUDENTS**

В статье рассматриваются трудности восприятия вьетнамскими учащимися русских синтаксических фразеологизмов, употребляемых в художественных текстах. Анализ трудностей позволяет выработать методические приёмы, направленные на их преодоление.

Ключевые слова: *синтаксический фразеологизм, трудности восприятия, художественный текст, ошибка, вьетнамский студент.*

The article deals with the difficulties in perceiving syntactic phraseological units used in literary texts studied by Vietnamese students. The analysis of the difficulties allows to produce teaching methods and techniques aimed to overcome them.

Key words: *syntactic phraseological unit, difficulties in perceiving, literary text, mistake, Vietnamese student.*

Синтаксические фразеологизмы (далее – СФ) – особые нестандартные структуры, которые предназначены для выражения субъективно-модальных значений: оценки, согласия, возражения, необходимости, невозможности и т.д. Они часто экспрессивно окрашены, активно используются в разговорной речи и отражаются в художественном тексте.

Для иностранцев СФ представляют существенные трудности, как в плане структуры, так и в плане семантики. Д.Н. Шмелев отмечал, что подобные синтаксические единицы «обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, и иногда и определенных служебных слов. В то время как лексические фразеологизмы индивидуальны в лексической сфере, индивидуальность фразеологических конструкций проявляется в сфере синтаксиса, т.е. в пределах заданной схемы допускается в той или иной мере свободное лексическое наполнение» [2].

Структурная модель фразеосхемы предполагает наличие двух обязательных компонентов: первый из них является неизменяемым как в лексическом, так и в грамматическом аспектах, второй – изменяемым (лексически свободно варьируемым, но грамматически устойчивым).

Так, в примере *Да где мне всё это съесть!* постоянным компонентом является местоименное наречие *где*, а позиции субъекта в дательном падеже и глагольного инфинитива могут замещаться различными лексемами, но с сохранением грамматической формы. Таким образом, фразеосхема выглядит как *Где + сущ. (д.п.) + инф.* Неизменяемый компонент в данной конструкции теряет своё прямое категориальное значение, связи компонентов с традиционной точки зрения являются нарушенными, потому что нельзя *съесть где*. В данном выражении не идёт речь о каком-либо пункте питания (кафе, ресторан и т.п.), и оно не является вопросом. Поэтому компонент *где* переходит в разряд частиц.

Общее значение данной фразеосхемы можно сформулировать как значение невозможности, неспособности – «я не могу всё это съесть».

При обучении иностранных студентов русскому языку принят семантический подход к классификации СФ, который впервые был представлен А.В. Величко в пособии «Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев» [1]. Данный подход предполагает группировку фразеологизированных структур по семантике, по смыслу. «Для определения доминирующего семантического компонента служит функциональный критерий: учитывается, зачем говорящий использует данный СФ (для характеристики и оценки, для отрицания, для выражения необходимости и т.д.). Остальные семантические компоненты, входящие в СФ, признаются сопутствующими, осложняющими» [1, с. 9].

СФ очень трудны для изучающих русский язык как иностранный с точки зрения понимания и употребления. Это связано со сложностью семантики, которая не выражена открыто, а является имплицитной, а также с тем, что их употребление обусловлено конситуацией. Для вьетнамских студентов данные языковые единицы также представляют большую проблему. С целью выявления трудностей восприятия предложений, построенных по фразеологизированной схеме, нами был проведён лингвистический эксперимент. Его целью являлась фиксация ошибок при восприятии СФ в письменной речи на русском языке. Информантам были предъявлены предложения, построенные по фразеосхеме *какой + сущ.; где уж + инф. и ай да + сущ.*, в контексте художественного произведения – романа М. Шолохова «Тихий Дон». Данное произведение является программным для изучающих русский язык, следует добавить, что вьетнамские студенты читают его на родном языке. Этот роман широко известен и популярен во Вьетнаме. Нами были выбраны предложения, которые не вызывают трудностей понимания в лексическом плане, то есть не содержат диалектных или каких-то других незнакомых слов. Информантами являлись вьетнамцы, которые владеют русским языком на продвинутом уровне. Они все изучали русский язык в России. Общее количество – 25 человек. Анализ ответов информантов показал, что, несмотря на наличие контекста, предложения с СФ в большинстве случаев были поняты неправильно, исключение составили ответы преподавателя русского языка, который вырос и учился в России.

Приведём сводную таблицу:

Примеры	Значения	Ошибки
КАКОЙ РАЗГОВОР?	незачем разговаривать, проблемы нет	- Вопрос: какой разговор? - «Как будем говорить?»
БЛАГОРОДНЫЙ КАКОЙ!	здесь это насмешка: имеется в виду, что он обычный, не благородный, а тут решил строить из себя благородного	Прямое значение: «хороший, благородной человек»
КАКОЙ СМЕХ!	не до смеха, не смешно, даже печально	- Вопрос: какой смех? - Ой, смешно!
ХОЗЯИН КАКОЙ!	строит из себя главного, как хозяин	- Хороший хозяин
КАКОЙ ЖЕ ТЫ КОМАНДИР?	ты плохой командир	- Вопрос: Ты какой командир? - Ты уже был какой командир? (перепутаны частицы <i>же</i> и <i>уже</i>) - Ты не командир? (перепутаны частицы <i>же</i> и <i>не</i>)
КАКОЙ ОН ТАМ РАНЕНЫЙ!	притворяется, что раненый, а на самом деле нет	- Он раненый
Какой ты простой, парень. — КАКОЙ УЖ ЕСТЬ.	да, я такой и другим быть не могу	- Вопрос: какой человек был?
КАКАЯ ТАМ ЗАКУСКА?!	- некогда закусывать	- Вопрос: какая закуска там?
КАКАЯ ТАМ ЖАДНОСТЬ!	- это не жадность, это другая причина	- <i>там</i> – место, где была жадность
КАКАЯ ТАМ АТАКА!	- не до атаки, не будут атаковать	

КАКАЯ ТАМ РАДОСТЬ	- не радостно, а, наоборот, грустно, не до радости	- Сильная радость
КАКАЯ ТАМ ХВОРОСТЬ!	- нет не хворость, и без хворости жизнь тяжела	
КАКАЯ ОНА!	- усиливает последующее слово злая	- какая она хорошая - вопрос: какая она?
ДА ГДЕ УЖ ТАМ	- да что тут говорить	- Он был где-то
ГДЕ УЖ ЕМУ УЕХАТЬ	- Он не может уехать, никуда не уехал	- Куда он уедет - Он ушёл отсюда
ГДЕ УЖ ИМ ПЛАВАТЬ	- Они не могут плавать, никогда не плавали	Место, где они могут плавать
ГДЕ УЖ ТАМ УТОПАТЬ	- Никто не утонул, так как легко было переплыть	Они где-то утонули
А МНЕ ГДЕ УЖ ТАМ!	- это уже не для меня	Где-то для меня

Таким образом, анализ ответов респондентов позволил выявить следующие трудности в восприятии СФ.

1. Вопросительные слова *где*, *какой*, *какая* и под. понимаются в своём прямом значении, то есть как вопросы о признаке лица или предмета, о его местонахождении. Предложения воспринимаются как чисто вопросительные. Информанты даже не обратили внимания на то, что в конце предложения может стоять восклицательный знак, который указывает на несобственно вопросительный характер данных высказываний.

2. В некоторых случаях отрицательное значение конструкции было воспринято как положительное, которое в русском языке также может быть передано похожей конструкцией. Например: *Какой смех!*, *Хозяин какой!*. Это значение оказалось более знакомым для вьетнамской аудитории. При изучении русского языка все студенты проходили ИК-5 со значением положительной оценки, поэтому они хорошо запомнили эту конструкцию. ИК-7, с которой произносится фразеологизм с отрицательным значением, является трудной для вьетнамцев, тем более что эта интонация осложняется модальными модификациями. В нашем эксперименте респонденты вообще не могли опираться на интонацию, так как перед ними был только письменный текст.

3. Основной ошибкой тестируемых является отсутствие опоры на контекст.

А казаки с Чиру – не пловцы. Всю жизнь середь степи живут, где уж им плавать...

– *При конях переплынут. Бывало, на маневрах плавали и на германской припадало* [М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928-1940)].

В предтексте есть две подсказки для правильного восприятия фразеологизма. Первая – *не пловцы*, вторая – *Всю жизнь середь степи живут*. Однако читающие не обратили на это никакого внимания, хотя они понимали всю лексику.

4. Ещё одну трудность вызвали разговорные частицы *же*, *уж*, *там*, которые были неправильно восприняты как *уже* и *не*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фразеологизированная структура предложения представляет значительные трудности в плане восприятия и нуждается в специальном объяснении для иностранных студентов. При обучении необходимо опираться на контекст, интонацию, а также противопоставлять предложение-фразеологизм и предложение вопросительного типа в прямом значении.

Список литературы

1. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. – М., 1996. – 97 с.
2. Шмелев Д.Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкоznания. – 1960. – № 5. – С. 47-60.

Новаковская Н.Ю., Одинцова Р.И.

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Novakovskaya N.Yu., Odintsova R.I.

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕБОВАНИЙ К УРОВНЮ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

IMPLEMENTATION OF THE LEVEL REQUIREMENTS OF PRE-UNIVERSITY EDUCATION FOR FOREIGN STUDENTS: SOME METHODOLOGICAL SOLUTIONS

Статья представляет авторское учебное пособие по научному стилю речи для слушателей подготовительного отделения, отвечающее требованиям к уровню довузовской подготовки иностранных учащихся. Демонстрируются некоторые методические приемы, направленные на формирование компетенций, необходимых будущим студентам для успешной коммуникации в учебно-профессиональной среде.

Ключевые слова: *довузовская подготовка, учебно-профессиональная сфера общения, научный стиль речи*.

The article presents the textbook created by the authors on the scientific style of speech for students of preparatory department. This textbook meets the requirements for the level of pre-university training of foreign students. Some teaching techniques aimed at developing competencies necessary for the future students to communicate successfully in the educational and professional spheres are demonstrated.

Key words: *pre-university training, educational and professional sphere of communication, scientific style of speech*.

На этапе довузовского обучения иностранным учащимся необходимо не только овладеть языковым, речевым и коммуникативным материалом Первого сертификационного уровня общего владения, но и приобрести умения и навыки работы с текстами учебно-профессиональной сферы в соответствии с требованиями («Требования к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке» (утв. приказом Министерства образования РФ №1304 от 3 октября 2014 года); «Требования к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль» [1]).

Дисциплина «Русский язык: научный стиль» на подготовительном отделении вводится в расписание уже на начальном этапе обучения, после того как слушателями освоен минимум знаний в объеме элементарного уровня (A1). Задача преподавателя – за достаточно короткое время (78 часов) сформировать умения и навыки владения русским языком как средством профессионального общения на уровне B1, которые обеспечат иностранному слушателю возможность дальнейшего обучения в аутентичной среде. Одним из возможных решений этой сложной задачи могло бы быть создание специального учебного пособия, целью которого является формирование умений и навыков работы с научными текстами, что определяет его структуру и содержание.

Представляемое учебное пособие по научному стилю речи адресовано слушателям подготовительного отделения гуманитарной направленности и опирается на общую лексическую базу для учащихся гуманитарных специальностей. Данное пособие, будучи ориентированным на слушателей и филологических, и нефилологических групп, содержит

разнообразные тексты гуманитарного направления подготовки и предлагает универсальные приёмы работы с ними.

Пособие не ставит цель дать знания по конкретной учебной дисциплине (например, литературе или истории), а призвано, во-первых, подготовить слушателя к восприятию и продуцированию текстов научного характера по выбранному направлению подготовки, во-вторых, сформировать осознанное понимание единиц русского языка и отношений (иерархии) между ними на материале текстов научного стиля. Именно понимание системы (внутреннего порядка) иностранного языка является необходимым условием восприятия и продуцирования речи, понимания смысла сказанного и вычленения актуальной информации из устного или письменного текста.

В учебном пособии шаг за шагом демонстрируется взаимодействие единиц русского языка при помощи специальных текстов на лингвистические темы. Однако, несмотря на объём и широту представленного грамматического материала, пособие не является грамматическим справочником и в первую очередь ставит задачу сформировать у учащихся навыки и умения работы с научным стилем речи, поэтому авторами были отобраны грамматические темы, необходимые для обучения языку специальности студентов гуманитарных групп и формирующие понимание системы русского языка. Например, начиная с 7 урока, большое внимание уделяется работе с актуальным членением предложения: такая система заданий формирует у учащихся определённые грамматические навыки и умение анализировать тексты научного содержания, устанавливать логические связи внутри текста. Тексты научного стиля речи хорошо демонстрируют, как функционирует система языка в целом, поскольку в них сфокусированы основные языковые трудности, наилучшим образом проявляются особенности отбора и соотношения единиц языка. Такой подход в конечном итоге способствует развитию и совершенствованию коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения.

Учебное пособие состоит из 3 частей: вводной, базовой и основной. Система заданий всех частей единообразна (фонетические, словообразовательные, морфологические, стилистические и др.), но вместе с тем построена по принципу увеличения количества упражнений, введения всё большего количества материала и повышения его сложности. В вводной части большое внимание уделяется формированию лингвистических фонетико-интонационных навыков и умений, представленных в «Требованиях к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным»; студенты учатся слушать и слышать, писать на слух, идентифицировать звуки и буквы, распознавать слова, интонацию, ударение. Первые уроки содержат много заданий на проговаривание слов, повторение за диктором или преподавателем предложений с вариативным интонационным оформлением и многосintагменных предложений, например:

- Слушайте преподавателя, читайте, повторяйте вслух.
- Распределите слова по ритмическим моделям, прочитайте вслух.
- Слушайте предложения с ИК-1 и ИК-2, повторяйте вслух.
- Вставьте пропущенные буквы, поставьте ударение, прочитайте вслух.
- Прочитайте с правильным ударением. Правильно произносите безударные гласные.
- Расставьте типы ИК, прочитайте диалоги с правильной интонацией и ударением.
- Слушайте, повторяйте с интонацией ИК-1, ИК-3, ИК-4:

Андрей изучает литерату³ру, исто³рию и обществознан¹ие на подготовительном отделе¹нии. // Андрей изучает литерату⁴ру, исто⁴рию и обществознан¹ие на подготовительном отделе¹нии.

Большое место в учебном пособии отводится работе над словообразованием: учащиеся должны не только помнить значение того или иного слова, но и определять его принадлежность к той или иной части речи по словообразовательным компонентам. Особенno частотными в текстах научного стиля речи можно считать отыменные

прилагательные и отглагольные существительные, поэтому словообразовательная работа над ними проводится в пособии систематически. Задания предлагаются следующие:

- Выделите суффиксы прилагательных (-н-, -енн-, -ическ-), расставьте ударение. Напишите существительные, от которых были образованы данные прилагательные, прочитайте вслух.

- Вспомните значение суффикса *-ость-* (урок 5). При помощи этого суффикса образуйте существительные от данных прилагательных, выделите суффиксы, расставьте ударение, прочитайте вслух.

- Заполните таблицу недостающими словами, выделите суффиксы прилагательных, прочитайте слова вслух:

филолог	филология	филологический
педагог

- Как вы думаете, какие существительные образованы от глаголов *вести себя, преступить (закон)*? Из каких 2 корней и суффикса состоит слово *милосердие*? Что оно, по вашему, означает?

- Образуйте существительные от данных глаголов, выделите суффиксы: *выражать, изображать, отражать, появиться, нарушить, преступить (закон), читать, вести себя, воспитать, влиять, наказать, использовать*.

- Образуйте прилагательные от данных существительных при помощи известных вам суффиксов (-н-, -ск-, -ическ-, -енн-), выделите эти суффиксы.

Как уже было сказано, грамматический материал не является самоцелью: он представлен в объеме, соответствующем уровню подготовки выпускников подготовительного отделения, необходимом для решения задач в коммуникативной сфере учебно-профессионального общения. Приведём некоторые примеры грамматических заданий:

- Используя таблицу, вставьте нужные по смыслу слова и обороты связи в данный текст, придавая ему логичность и связность.

- Подчеркните в тексте причастия, напишите глаголы, от которых они образованы. Скажите, для чего используются причастия в научном стиле речи?

- Найдите пассивные конструкции в тексте, напишите глаголы, от которых они образованы.

- Образуйте от слов в скобках нужные формы прилагательных, полных или кратких форм причастий (от глаголов СВ), глаголов с постфиксом *-ся* (от глаголов НСВ). Спишите текст, включая в него эти формы.

- Прочитайте предложения. Покажите графически простые и сложные предложения, подчеркните союзы. Найдите главные и второстепенные члены предложения. К какому типу относятся сложные предложения? Используйте материалы приложения к 9 уроку в конце пособия.

- Преобразуйте простые предложения в сложноподчинённые, опираясь на вопрос и используя необходимые союзы или союзные слова:

- Современный русский язык является результатом многих исторических изменений. Эти изменения языка русского народа переживал вместе с изменениями общества (какими изменениями?).

Иностранный учащийся должен реализовывать ряд речевых задач, необходимых для учебно-профессиональной сферы: называть объекты, давать им определения и характеристики, классифицировать, описывать изменения, взаимодействие, зависимость между объектами, использование, назначение, функции объектов. В вводной и базовой частях пособия уроки основываются на изучении специальных грамматических конструкций,

свойственных научному стилю речи, которые позволяют всесторонне описывать объект или процесс. Учащийся знакомится с конструкциями *что – это что, что – что, кто – кто, кто – это кто, что изучает что, кто изучает что, что включает в себя что, кто/что влияет на кого/что, что означает что, что занимает какое место в чем, кто/что имеет какое значение для кого/чего, кто/что зависит от кого/чего, кто/что относится к чему, что характеризуется чем* и т.д. Система заданий вокруг каждой конструкции включает в себя отработку речевых умений аудирования, чтения, письма и говорения. Рассмотрим пример работы с одной из конструкций (8 урок):

кто/что I играет какую (большую, важную и т.д.) роль в чём VI

Образование играет огромную роль в жизни человека¹.

Что² играет огромную роль в жизни человека? – Образование¹.

В чём² образование играет огромную роль? – В жизни человека¹.

Выражение *играть роль в чём* имеет два значения:

1. Исполнять сценическую роль, пьесу на сцене («Толковый словарь русского языка» по ред. С.И. Ожегова). *Играть роль Гамлета.*

2. Значить, как-либо влиять на какие-либо дела, события = иметь значение («Учебный фразеологический словарь русского языка» под ред. Е.А. Быстровой, А.П. Окуневой, Н.М. Шанского).

Задание.

А) Прочитайте предложения. Определите значение конструкции *играть какую роль в чём*.

Б) Придумайте собственные предложения с конструкцией *играть какую роль в чём*, используйте оба значения данной конструкции.

Изучите синонимические конструкции:

что/кто I занимает какое место в чём VI

кто/что I имеет какое значение для кого/чего II

кто/что I играет какую роль в чём VI

Задание. Прочитайте, обратите внимание на синонимические выражения. Напишите свои варианты.

Задание. Используя синонимические конструкции, задайте вопросы студентам из группы о том, что для них важно, и ответьте на их вопросы.

Формирование речевых умений выпускника подготовительного отделения в учебном пособии осуществляется следующими способами.

1. Аудирование. Иностранный учащийся должен уметь понимать на слух информацию, представленную в виде монологического высказывания информативно-объяснительного характера (объяснение преподавателя, лекция) объёмом 700-800 слов с количеством незнакомых слов до 3% после одного предъявления. В пособии упражнения по аудированию строятся от вводной части к основной по следующей схеме:

- Прослушайте запись и напишите пропущенные слова.
 - Прослушайте запись и выберите синонимичный вариант высказывания.
 - Прослушайте фрагмент текста два раза. Постарайтесь понять его содержание и ответьте на вопросы.
 - Прослушайте текст только 1 раз. Постарайтесь понять его содержание и ответьте на вопросы. Допишите предложения в соответствии с услышанным.
2. Чтение и письмо. Иностранный учащийся должен понимать тему, проблему, основное содержание прочитанного текста учебно-научного характера объёмом 400-500 слов

для изучающего чтения; понимать главную и второстепенную информацию отдельных смысловых частей, логические и причинно-следственные связи между ними и выводы. Учащийся должен составлять письменное высказывание репродуктивно-продуктивного характера на основе текста, составлять план, составлять конспект с использованием приёмов компрессии текста и сокращения слов. В представляемом пособии отбор текстов направлен на продвижение к формированию профессиональной лингвистической компетенции учащихся («Что такое культурология», «Гуманитарные и естественно-технические науки», «Поговорим о литературе», «Психология», «Конституция России», «Россия в мире», «Общественное и антиобщественное поведение», тексты по истории, краеведению, культуре Сибири и Дальнего Востока). Задания предлагаются такие:

- Прочитайте текст. Значения незнакомых слов смотрите в словаре. Придумайте заглавие текста, составьте план, выпишите ключевые слова к каждому абзацу.

- Вспомните черты научного стиля речи. Ниже приведены признаки и примеры из текста, доказывающие его принадлежность к научному стилю речи. Докажите правильность примеров. Добавьте другие примеры.

- Прочитайте текст, определите тип текста. Напишите вопросы к каждому абзацу текста. Составьте вопросный и тезисный план текста.

- Найдите тему и рему в данных предложениях текста. Подчеркните главные члены предложения – подлежащее и сказуемое, второстепенные члены предложения, задайте вопросы к теме и реме в каждом абзаце.

- Законспектируйте 1 и 2 абзацы текста. Используйте приём исключение (обобщение, замена).

- Законспектируйте данный текст. Используйте все приёмы конспектирования и сокращения слов.

3. Говорение. В монологической речи учащийся должен передавать содержание прочитанного текста с опорой на предложенные вопросы или план, в диалогической – принимать участие в диалоге с использованием изученного речевого и языкового материала. В качестве примеров могут быть приведены следующие задания:

- Задайте вопросы по тексту друзьям. В вопросах используйте знакомые вам грамматические конструкции.

- Опираясь на план и ключевые слова, перескажите текст.

- Подготовьте небольшое устное сообщение на одну из тем. Продумайте своё выступление перед аудиторией, подберите примеры.

Вся система заданий и объяснений в учебном пособии текстоцентрична, то есть ориентирована на комплексный анализ текста, в котором сходятся все языковые явления. Умение работать с текстом научного стиля, независимо от того, к какой дисциплине он относится, будь то литература или политология, – важная ступень к овладению русским языком как средством профессионального общения для иностранных граждан, поступающих в вузы Российской Федерации.

Учебное пособие по научному стилю речи должно не только способствовать формированию у учащихся системных знаний о русском языке в учебно-профессиональной сфере общения на довузовском этапе подготовки, но и помочь закрепить, сохранить и усовершенствовать полученные навыки и умения для освоения профессиональных образовательных программ на русском языке.

Список литературы

1. Требования к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль / Н.П. Андрюшина и др. – 2-е изд. – СПб.: Златоуст, 2012. – 64 с.

Петрова С.М.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Якутск, Россия

Petrova S.M.

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Yakutsk, Russia

БУДУЩЕЕ РКИ – ЗА ЗНАКАМИ¹⁶

THE FUTURE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE BELONGS TO SIGNS

Излагаются новые подходы к обучению русскому языку как иностранному. Показана авторская методика графико-символического анализа художественного произведения в системе обучения иностранцев русскому языку.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, литература, синергетика, семиотика, графика, знаки*.

New approaches to teaching Russian as a foreign language are outlined. The author's technique of graphic and symbolic analysis of a literary text in teaching Russian to foreigners is shown.

Key words: *Russian as a foreign language, literature, synergies, semiotics, graphics, signs*.

Русский язык не только является «транслятором» культурных ценностей, но рассматривается как элемент неотъемлемой части мировой цивилизации. Стратегически важным направлением международной политики Российской Федерации сегодня становится изучение русского языка в России, популяризация его в странах ближнего зарубежья и продвижение в мире.

В рамках практического решения поставленной проблемы актуален поиск эффективных средств, форм, методов обучения русскому языку, адекватных целям развития современного образования. Особенно если это касается обучения русскому языку иностранцев. Русский язык как иностранный (РКИ) в качестве филологической дисциплины представляет собой динамично развивающееся направление науки о русском языке. Отражением новой стратегии преподавания и обучения РКИ становятся инновационные технологии, способные коренным образом изменить устоявшуюся систему получения знаний. На первый план эти технологии ставят умение мыслить логично, системно, комплексно, искать и находить необходимую информацию, пробудить интерес к поиску и овладению новыми знаниями.

Однако любые технологии не являются самоцелью, они должны стать средством дальнейшего совершенствования обучения, его качественного роста. Сегодня назрела необходимость понимания новых тенденций в мировоззрении XXI века, ориентирующих профессиональное научное сообщество на целостное, непрерывное, опережающее образование в современном обществе, отражением чего является установление междисциплинарных связей, в основе которых лежит *синергетический* подход. Синергетический процесс в области образования – это взаимодействие двух сопряженных взаимосвязанных подсистем (преподавания и учения, организации и самоорганизации), приводящее к новообразованиям, обозначающим переход от развития к саморазвитию. В последнее время всё чаще звучит идея о синергетическом характере языка: «синергетика речи и ситуации» и т.п. Синергетика как новое научное направление всё более завоевывает пространство в дисциплинах, казалось бы, далёких от этой науки. Она формирует новую

¹⁶ Статья написана в рамках реализации проекта Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016-2020 гг. по направлению 4 «Развитие открытого образования на русском языке и обучения русскому языку». Лот № 8 «Активная информационная политика и продвижение ресурсов русского языка и образования на русском языке в средствах массовой информации, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”».

парадигму обучения, изменяет мышление. Учёные выделяют синергетику в качестве одного из магистральных направлений лингвистики будущего (Р.Г. Пиотровский). Синергетический подход к обучению русскому языку как иностранному требует «глубокого осмыслиения динамических аспектов и основательной проработки языкового материала» (Н.Ф. Алефиренко). Принцип культурообразности современного образования способствует овладению вербальными и невербальными средствами коммуникации. В связи с этим изучение графического языка как синергетического языка является необходимым, поскольку он становится языком международного общения. Проблема обучения русскому языку как иностранному на современном этапе носит междисциплинарный характер.

Учёные считают, что основной единицей коммуникации является текст (Г.В. Колшанский). Работа с текстом – не только продукт, но и инструмент коммуникации. Именно чтение художественной литературы является основным элементом обучения иностранцев русскому языку – в дополнение к традиционным методам и формам обучения. Как показала практика, чтение художественного произведения на разных этапах обучения русскому языку иностранцев является частью синергетического подхода в образовании [4, с. 296]. Литература имеет особые преимущества для исследования национального восприятия и преображения мира. Здесь существует большое количество вариантов переживания и прочтения. Но использование самого текста – это только часть проблемы. Нужна особая методика работы с ним в новых образовательных условиях, а её теоретическим основанием могут стать слова М.Ф. Косиловой о том, что «обучение должно соответствовать принципам работы мозга», а также исследования учёных разных стран в этом направлении (Ю.М. Лотман, А. Бергер) и специальные работы об этом [6, с. 201].

В последнее время особенно активизировалось сотрудничество России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Республика Саха (Якутия) как регион с национально самобытной культурой, экзотическим ландшафтом и климатом привлекает всё большее внимание людей из разных стран. Наш регион становится центром международного образовательного, научного, спортивного туризма. В решении многих проблем, связанных с различными аспектами сотрудничества, роль Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (СВФУ) как международного учебного и научно-исследовательского центра трудно переоценить. Как отмечают исследователи, настало время нового типа образования, «формирующего способность не только применять полученные знания, но и создавать новые знания за счет коммуникации и действия в соответствии с ними» [2, с. 20]. Всем этим требованиям в наибольшей степени отвечает единственный на северо-востоке России вуз – СВФУ. В последние годы в СВФУ на учёбу приезжает много молодых людей из разных стран мира. Сегодня их насчитывается более 300 человек. В связи с этим возникает проблема обучения иностранцев русскому языку не только быстро, но и качественно.

Этими и другими вопросами, связанными с обучением иностранцев СВФУ, занимается кафедра РКИ, образованная в 2012 г. За 5 лет на кафедре сделано немало: проведены 2 международные научно-практические конференции «Русистика на северо-востоке России и в странах АТР» (2014 г., 2017 г.), открыты бакалавриат по РКИ и магистратура «Мультикультурное обучение русскому языку как иностранному в сфере образования и туризма», разработана уникальная методика графико-символического анализа художественного произведения в системе обучения русскому языку как иностранному (автор – профессор С.М. Петрова), функционирует студенческий научный кружок «Интерлогос», иностранные студенты и магистранты становятся победителями международных конкурсов по студенческой науке (г. Москва) и олимпиад по русскому языку (г. Екатеринбург). Концепция развития кафедры РКИ связана со стремлением создать единую систему обучения русскому языку иностранцев, чтобы они не только постигали азы и красоту великого русского языка, но и понимали его роль в открытии ими незнакомого, но прекрасного мира севера, где они живут и учатся.

Решение проблемы обучения русскому языку иностранцев требует её теоретического и практического осмыслиения. Пристальное внимание учёных всё больше привлекает семиотика – междисциплинарная наука, которая изучает мир с помощью элементарной частицы, называемой знаком. Семиотические идеи были заложены ещё в античности. История знака проходит сложный путь в своём развитии: от Аристотеля, считавшего, что «слова – это знаки мысли», до А.Ф. Лосева, признававшего, что «символ есть развернутый знак». Важную роль в развитии российской семиотики сыграла тартуская школа Ю.М. Лотмана, сформулировавшая современную философию знака и символа. «Знак выражает, а символ раскрывает данное значение» (А.М. Пятигорский). Объектом нашего исследования стала семиотика – наука о знаках, изучение эффективности которой важно не только в теоретическом плане, но и для решения ряда практических задач [1, с. 190]. Современные исследователи отмечают: «Семиотические исследования <...> приближают к пониманию не только культуры отдельных народов, но и эстетических их универсалий и психологических констант человечества» [3, с. 432]. Семиотика играет важную роль для понимания коммуникативно-познавательной эволюции культуры. И в этом большую роль может сыграть семиотика текста.

Обращение к семиотике коренным образом изменяет мышление иностранцев, обеспечивает каждому обучающемуся собственную траекторию обучения. Семиотика как «методика обращения со знаками» (М.К. Мамардашвили) представляет новое направление науки о знаках в современных условиях образовательной системы.

На основе практико-ориентированных положений семиотики, мнемотехники, эргономики, а также исследований по этнофилософии, этнопсихологии мы создали инновационную авторскую методику графико-символического анализа художественного произведения, исходя из самого текста. Особый упор в нашей методике делается на осмыслиение философии изучаемой эпохи, знание истории создания произведения, понимание нравственно-мировоззренческой позиции автора. Важную роль в понимании идеи изучаемого произведения играют использование современных средств наглядной выразительности, а также новые подходы к словарно-фразеологической работе [5, с. 185]. Это связано с поисками не только традиционных *опорных* и *ключевых* слов, но *знаковых*, которые мы вводим в структуру нашей методики. Работая с текстовыми заданиями, обучающиеся видят и слышат правильную русскую речь, обогащается их словарный запас, совершенствуется артикуляционный аппарат. Практика показала эффективность подобной работы и подтвердила слова известного учёного Ю.С. Степанова: «Буквально на наших глазах создается единый информационный мир, в котором сближаются мир художественной литературы (в виде интертекста) и мир науки и техники (т.е. инфосфера). Интертекст и инфосфера – вот два ключевых термина, характеризующих новое в семиотике, семиотике второго тысячелетия» [7, с. 336].

В представленной ниже таблице дана схема анализа поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» в рамках обучения русскому языку иностранцев. Глядя на знаки и графику, обозначающие ту или иную главу, обучающиеся лучше запоминают логическую последовательность частей произведения, выделяют особенности героев, усваивают смысл *опорных*, *ключевых*, *знаковых* слов. В левой графе даются отрывки из текста, показывающие художественные особенности языка автора, представлена характеристика того или иного героя. Во второй графе обучающиеся знакомятся с графикой главы и получают объяснение такой символики. Сам автор зачастую подсказывает, как в графике изобразить ту или иную идею. В третьей графе даны опорные, ключевые слова из текста, обучающиеся могут дополнять их, тем самым развивать поисково-исследовательскую деятельность. Что касается *знакового* слова, преподаватель сам даёт это слово, в дальнейшем иностранцы, в ходе анализа произведения, могут сами находить это слово в каждой главе.

Данная методика показала свою эффективность в процессе обучения русскому языку иностранцев, способствовала повышению их интереса к работе над текстом,

совершенствовала их речевые навыки. Как показала практика, такой подход в наибольшей степени применим в аудитории, где обучаются представители стран Азиатско-Тихоокеанского региона, хотя и европейцы с большим интересом воспринимают данную символику.

Глава	Графика и символика глав	Опорные, ключевые и знаковые слова
Глава 1. Приезд Чичикова в город N. Чичиков хочет познакомиться с «хозяевами» города. Даётся описание города.		Этот символ отражает уродливое общество чиновников города N, куда приезжает Чичиков. Опорные слова: <i>гостиница, слуги, дороги, чиновник, карты</i> . Ключевые слова: <i>коллежский чиновник, лесть</i> . Знаковое слово: <i>пустота</i> .
Глава 2. Встреча Чичикова с Маниловым: <i>В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!». В следующую минуту за тем ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Черт знает что такое!» и отойдешь подальше.</i>		Извилистая линия олицетворяет Манилова, его угодничество, изворотливость. Опорные слова: <i>верста, беседка, пруд, изба, мебель, жена, 2 сына</i> . Ключевые слова: <i>14 страница, хозяйство, крестьяне, помещик, мёртвые души</i> . Знаковое слово: <i>пустота</i> .
Глава 3. Коробочка – <i>баба крепколобая</i> . Чичиков Коробочке о «мёртвых душах»: <i>Рассмотрите: ведь это прах. Понимаете ли? Это просто прах.</i>		Квадрат символизирует душу Коробочки, её ограниченность. Опорные слова: <i>чепец, двор, мешочки</i> . Ключевые слова: <i>визит, обычаи, вдова, суд</i> . Знаковые слова: <i>прах, пустота</i> .
Глава 4. «Исторический человек» Ноздрёв: <i>Это был среднего роста, недурно сложенный молодец... с белыми как снег зубами, с черными как смоль бакенбардами.</i>		Две расходящиеся линии олицетворяют Ноздрёва, попадающего в разные истории и всегда удивляющегося этому. Опорные слова: <i>жена, дети, нянька, трактир, псаарня</i> . Ключевые слова: <i>исторический человек, привычка, слухи, хозяйство, беспорядок</i> . Знаковое слово: <i>пустота</i> .
Глава 5. Собакевич: <i>кулак, кулак да еще и бестия впридачу; Чичиков взглянул на него искоса: <...> медведь! совершенный медведь!</i>		Этим символом обозначается Собакевич, о котором сам Гоголь говорил: <i>Шкаф, истинный шкаф</i> . Опорные слова: <i>шкаф, жена</i> . Ключевые слова: <i>медведь, порядок, мошенник, плут, торг</i> . Знаковое слово: <i>скрупость</i> .
Глава 6. Плюшкин: <i>В глазах его был виден ум; Это была странная фигура: не то мужик, не то баба; Перед ним стоял не нищий, перед ним стоял помещик; прореха на человечестве.</i>		Так изображается Плюшкин, «прореха на человечестве». Опорные слова: <i>помещик, дом, жена, дети</i> . Ключевые слова: <i>скрупость, голод, ветхость, хозяин, грязь, пыль, порядок</i> . Знаковое слово: <i>прах</i> .
Глава 7. Дом правосудия: <i>Большой трехэтажный каменный дом, весь белый, как мел, вероятно для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей.</i>		Дом правосудия изображён в виде чаши как символ справедливости. Опорные слова: <i>будка, купчая, перья</i> . Ключевые слова: <i>продажа, документы, дом правосудия, мёртвые души</i> . Знаковое слово: <i>пустота</i> .
Глава 8. Бал у губернатора. В главе описывается бал, на котором все ждут Чичикова как выгодного жениха.		Общество «любит» Чичикова (крест в круге). Опорные слова: <i>бал, губернатор, дамы, женихи, дочки, танцы, карты</i> . Ключевые слова: <i>внимание, сплетни, зависть</i> . Знаковое слово: <i>пустота</i> .
Глава 9. Появление Ноздрёва. Появление Ноздрёва, который разоблачил Чичикова, нарушило идиллию.		Общество отвернулось от Чичикова после разоблачения (черта в круге). Опорные слова: <i>бал, Ноздрёв, музыка</i> . Ключевые слова: <i>появление, мёртвые души, неправда</i> . Знаковое слово: <i>пустота</i> .

<p>Глава 10. Повесть о капитане Копейкине.</p> <p>В этой главе говорится о капитане Копейкине, который не может добиться аудиенции у вельможи.</p>	 <p>Маленький круг в большом круге означает положение таких людей, как капитан, — на дне общества.</p>	<p>Опорные слова: <i>вельможа, Петербург, леса, атаман, разбойники</i>.</p> <p>Ключевые слова: <i>ветеран, инвалид, государь, помошь, грабёж</i>.</p> <p>Знаковое слово: <i>честь</i>.</p>
<p>Глава 11. Чичиков: «Я — человек!». <i>Темно и скромно происхождение нашего героя; ни друга, ни товарища в детстве; бедная картина первоначального его детства, о котором едва сохранил он бледную память.</i></p>	 <p>Данная фигура означает изломанную жизнь героя, для которого с детства главными понятиями стали «деньги» и «обман». Он «до мозга костей» впитал в себя все грехи общества.</p>	<p>Опорные слова: <i>горенка, училище, повытчик, копейка</i>.</p> <p>Ключевые слова: <i>жизнь, жадность, хитрость, деньги, чиновник, мёртвые души, успех</i>.</p> <p>Знаковое слово: <i>прозрение</i>.</p>

Таблица 1. Графико-символический анализ поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души»

Список литературы

1. Враймуд И.В. Знаки и знаковое сознание: графосемиотический подход. — М.: Флинта: Наука, 2014. – 190 с.
2. Ким И.Н. Будущее регионального вуза в контексте стратегии развития отечественного образования // Высшее образование в России. – 2015. – № 1. – С. 20-29.
3. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. – М.: Академия, 2008. – 432 с.
4. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 296 с.
5. Петрова С.М. Графико-символический анализ художественного произведения в системе профессиональной подготовки будущего учителя-словесника: учебное пособие. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2009. – 185 с.
6. Пинк Д. Будущее за правым полушарием. – М.: Открытый мир, 2009. – 320 с.
7. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Отв. ред. В.П. Нерознак. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 336 с.

Пирко В.В., Юрченко Т.П.

Благовещенский государственный педагогический университет

Благовещенск, Россия

Pirkо V.V., Yurchenko T.P.

Blagoveshchensk State Pedagogical University

Blagoveshchensk, Russia

ФЕСТИВАЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ РОССИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ КИТАЯ «РУССКИЙ БЕЗ ГРАНИЦ»

FESTIVAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE, LITERATURE AND CULTURE “RUSSIAN WITHOUT BORDERS” IN THE NORTHEAST OF CHINA

В статье представлен опыт организации и проведения педагогическим университетом международного мероприятия гуманитарного характера – фестиваля русского языка, литературы и культуры России «Русский без границ» – при поддержке фонда «Русский мир».

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, фестиваль, лекторий, творческие конкурсы.*

The article presents the experience of organizing and holding the international event of the humanitarian character - festival of the Russian language, literature and culture “Russian without borders” by Blagoveshchensk State Pedagogical University with the support of the foundation «Russkiy Mir».

Key words: *Russian as a foreign language, festival, lectures, creative competitions.*

Русский язык играет важнейшую роль в обеспечении единого геополитического, экономического, социокультурного и образовательного пространства не только России, но и дружественных государств. Русский язык – это не просто национальный язык русского народа, это признанный язык международного общения, без которого невозможно представить развитие мировой цивилизации; это язык произведений, составивших значимую часть мирового фонда культуры и искусства; это язык описания выдающихся научных открытий.

Приграничное положение г. Благовещенска (Амурская область) в течение 25 лет определяет основной вектор сотрудничества Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ) с университетами, средними общеобразовательными учреждениями и общественными организациями Северо-Востока Китая. БГПУ добился значительных успехов в сфере гуманитарного сотрудничества, имеет богатый опыт обучения иностранных граждан, а также опыт формирования интереса китайских студентов и преподавателей к русскому языку и культуре России. Проведение мероприятий, направленных на укрепление позиций русского языка в национальной системе образования и общественной жизни Северо-Востока Китая (конкурс русского языка как иностранного «Мне русская речь как музыка...», олимпиада по страноведению «Открой свою Россию», международная научно-практическая конференция «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества»), актуально в современной социально-экономической, гуманитарной и политической жизни двух государств.

Ещё одним шагом, направленным на создание за рубежом благоприятных условий для знакомства жителей КНР с духовными, культурными, языковыми особенностями России, стала организация «Фестиваля русского языка, литературы и культуры России в Северо-Восточных провинциях Китая “Русский без границ”», проведение которого стало возможным при грантовой поддержке фонда «Русский мир».

В рамках фестиваля, который проходил в мае 2017 г. на базе Харбинского научно-технического университета, БГПУ и ХНТУ были организованы и проведены:

- лекторий «Сокровищница русской культуры: язык и литература» для аспирантов, магистрантов, студентов и преподавателей вузов Китая и круглые столы по итогам работы лектория;
- творческий конкурс «Русская весна в Харбине 2017» среди студентов вузов России и Китая, изучающих русский язык как иностранный;
- праздник русской культуры «Творческий Арбат на Арбате»;
- мастер-классы «Путешествие к русским истокам, или Русские забавы» для слушателей лектория и жителей Харбина.

Эти мероприятия заметно популяризовали язык и культуру России на Северо-Востоке Китая, вызвали широкий интерес не только студентов вузов, но и жителей города Харбина, привлекли внимание СМИ. В фестивале приняли участие более 600 человек – китайские студенты, магистранты, аспиранты, преподаватели, изучающие и преподающие русский язык как иностранный, жители города Харбина, интересующиеся русским языком и культурой России.

Участники фестиваля «Русский без границ»

Во время лектория «Сокровищница русской культуры: язык и литература», целью которого стало создание современного образовательного пространства для обмена знаниями внутри профессионального сообщества, преподаватели БГПУ прочитали лекции по актуальным вопросам русской литературы и культуры, провели практикумы по русской разговорной речи, русской фонетике и прикладному творчеству. Слушателями лектория стали более 230 аспирантов, магистрантов, студентов и преподавателей высших учебных заведений не только северо-востока, но и юга КНР.

Практикум по прикладному творчеству «Русская обереговая кукла как источник славянских традиций» ведёт старший преподаватель кафедры экономики, управления и технологии БГПУ Е.С. Шкуркина.

Завершили работу лектория круглые столы «Литература и культура России: вне времени и пространства» и «Язык и литература: взгляд в будущее», в ходе проведения которых доктора наук А.В. Урманов и С.А. Головин, кандидат филологических наук В.В. Гуськов и преподаватели вузов Китая в неформальной обстановке обсудили современное состояние литературоведения, методику преподавания русской литературы и культуры в университетах Китая, а аспиранты и магистранты нашли ответы на интересующие их вопросы по темам своих научных исследований.

Своё отношение к русской культуре и русскому языку студенты вузов Китая и России, изучающие русский язык как иностранный, выразили на творческом конкурсе «Русская весна в Харбине 2017». Участниками конкурса стали более 20 команд учебных заведений из 6 северо-восточных и южных провинций Китая и из России: Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли; Ланьчжоуский политехнический университет; Ляонинский институт внешней торговли и экономики; Ляонинский педагогический университет; Пекинский педагогический университет; Северо-восточный сельскохозяйственный университет; Северо-восточный университет лесного хозяйства; Суйхуаский университет; Харбинский институт нефти; Харбинский коммерческий университет; Харбинский научно-технический университет; Харбинский педагогический университет; Харбинский университет; Хуабэйский политехнический университет; Хэйлунцзянский восточный университет; Хэйлунцзянский промышленный институт; Хэйлунцзянский университет; Хэйхэский университет; Цицикарский университет; Чанчуньский институт Гуанхуа; Школа русского языка для иностранных граждан Благовещенского государственного педагогического университета.

В рамках конкурса команды представили свои университеты в одной или нескольких творческих номинациях: «Живое русское слово», «Русская песня над Харбином», «Играем русскую классику», «Русский перепляс».

В номинации «Живое русское слово» приняли участие 20 команд. Студенты читали стихотворения К. Симонова, А. Пушкина, Р. Рождественского Э. Асадова. Особый интерес у членов жюри вызвало выступление команды Харбинского педагогического университета, которая представила творчество современных поэтов Татьяны Шерстянкиной и Сергея Ерёмина, живущих и работающих в Харбине.

Участник команды Северо-Восточного сельскохозяйственного университета

Студентки Харбинского научно-технического университета исполняют песню «Русские матрёшечки»

Участники конкурса «Русская песня над Харбином» исполняли русские народные и современные песни.

В номинации «Русский перепляс» приняли участие 11 команд. Конкурсанты исполнили как русские народные танцы «Калинка», «Со вьюном я хожу», «Иван Купала», так и современные хореографические постановки «Мечта о балете», «Вечер на рейде», «Харбинский вальс».

Студенты Хэйхэского университета исполняют танец «Калинка»

В номинации «Играем русскую классику» 13 команд представляли постановки русских сказок («Аленький цветочек», «Гуси-лебеди») и произведений русских авторов («Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, «Алые паруса» А. Грина, отрывок из повести Б. Васильева «А зори здесь тихие» и др.).

Команда Хэйлунцзянского университета представляет
«Сказку о попе и работнике его Балде» А.С. Пушкина

Кульминацией фестиваля стал праздник русской культуры «Творческий Арбат на Арбате», во время которого для жителей Харбина и студентов университетов выступили творческие коллективы БГПУ: детский вокальный ансамбль «Акварель», хореографическая студия «Folk dance» – и победители в номинациях «Живое русское слово», «Русская песня над Харбином» и «Русский перепляс» творческого конкурса «Русская весна в Харбине 2017».

Выступление детского вокального ансамбля «Акварель»

Во время праздника с большим успехом прошли мастер-классы по русской культуре «Путешествие к русским истокам, или Русские забавы», целью которых было представление уникального опыта знакомства студентов-иностранцев с русской народной культурой. Основными направлениями стали изготовление «солнечного оберега»; аэрогриф (роспись лица и рук в русском стиле специальными красками); изготовление брелока «Шапочка» из пряжи; изготовление сувенира «Цыпленок» и «Воробей» из ниток; русские традиционные игры с конкурсами «Русские забавы».

Мастер-класс по подвижным народным играм «Русские забавы»

В мероприятиях фестиваля приняли участие почётные гости: директор Дальневосточного филиала фонда «Русский мир», президент Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы А.Н. Зубрицкий, ректор БГПУ В.В. Щёкина, ректор ХНТУ Ли Даюн, заместитель начальника Департамента образования провинции Хэйлунцзян У Тао, начальник отдела управления высшего образования Департамента образования провинции Хэйлунцзян Цзян Кунь, заместитель министра образования и науки Амурской области О.В. Варсанова.

Почётные гости фестиваля – ректор БГПУ В.В. Щёкина и директор Дальневосточного филиала фонда «Русский мир» А.Н. Зубрицкий

Своё мнение о прошедших мероприятиях участники выразили в саморефлексии (отзывы приведены с сохранением особенностей передачи русской речи иностранными студентами и преподавателями): «Мероприятие мне очень нравится, оно интересное, помогает нам побольше и поглубже ознакомляться с русским языком и русской культурой»; «Этот конкурс произвёл на меня большое впечатление. По-моему, конкурс даёт нашим студентам хорошую возможность конкурировать с другими студентами, изучающими русский язык»; «Мы многому научились, познакомились с новыми друзьями, научились как

лучше вести себя на сцене, накопили большой опыт. Мы увидели перспективы русского языка в будущем».

Своё мнение о прошедших мероприятиях высказали и руководители команд. О.В. Геращенко, руководитель команды Северо-Восточного университета лесного хозяйства, отметила, что «конкурсов по русскому языку как иностранному в Китае проводится много, но все они большей частью связаны с грамматикой, лексикой и уровнем владения устной речью. Конкурс «Русская весна в Харбине» отличается от других конкурсов творческим подходом к освоению русского языка и постижению русской культуры». Г.П. Корчевская, руководитель команды Хэйлунцзянского университета: «Прекрасная организация, внимательные волонтёры, хорошие условия для подготовки и репетиций».

По окончании мероприятий было проведено совещание оргкомитета, на котором была отмечена хорошая организация мероприятий, высказаны пожелания и предложения по проведению фестиваля в 2018 году.

Следующий «Фестиваль русского языка, литературы и культуры России в Северо-Восточных провинциях Китая “Русский без границ”» продолжит формировать интерес участников к изучению русского языка и русской культуры, традициям русского народа; будет развивать коммуникативные умения и навыки иностранных студентов на русском языке; содействовать контактам талантливой молодёжи разных стран на основе толерантности.

Пирко В.В., Юрченко Т.П.

Благовещенский государственный педагогический университет

Благовещенск, Россия

Pirko V.V., Yurchenko T.P.

Blagoveshchensk State Pedagogical University

Blagoveshchensk, Russia

ШКОЛА РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ

RUSSIAN LANGUAGE SCHOOL FOR FOREIGN CITIZENS: BASIC PRINCIPLES AND PROSPECTS OF WORK

В статье рассматриваются трудности социально-культурной адаптации мигрантов, представляются основные аспекты образовательной деятельности Школы русского языка для иностранных граждан и определяются перспективы ее работы.

Ключевые слова: *миграция, мигрант, социально-культурная адаптация, школа русского языка для иностранных граждан, образование, культура.*

The difficulties of migrants' socio-cultural adaptation, the basic educational aspects and possibilities of the Russian language school for foreign citizens are considered in the article.

Key words: *migration, migrant, socio-cultural adaptation, the Russian language school for foreign citizens, education, culture.*

Миграция как одна из острых проблем современного общества – это не просто перемещение людей с одного места жительства на другое, а сложное социально-психологическое, этнографическое, правовое и политическое явление.

Мигранты, прибывшие в Россию с семьями из другой языковой и культурной среды, сталкиваются с необходимостью этнокультурной и коммуникативной адаптации. Процесс адаптации связан с принятием новых социально-экономических условий: наряду с пониманием русского языка мигранту требуется привыкание к бытовой сфере, налаживание межличностных отношений, усвоение культурных и национальных особенностей региона и многое другое. Рассмотрение основных аспектов адаптации мигрантов представляет интерес для деятельности образовательных учреждений и других институтов в целях коррекции поведенческих стереотипов новых жителей региона.

По последней переписи населения, на территории Амурской области проживают представители 119 национальностей. Ежегодно приток иностранных граждан из национально-государственных субъектов Российской Федерации и стран ближнего и дальнего зарубежья (Узбекистан, Таджикистан, Армения, Вьетнам, КНР, КНДР) увеличивается: если в 2010 году в Приамурье приехали 8000 иностранных граждан, то в 2015-2016 году около 30000 человек, из них около 3000 в 2016 году получили гражданство Российской Федерации. Перед новоприбывшими иностранными гражданами встает вопрос включения в социальную и культурную жизнь, но процесс культурно-языковой адаптации весьма затруднён, поскольку для подавляющего большинства иностранных граждан русский язык не является родным, а для многих национальных групп он утратил роль языка межнационального общения. Воспитатели детских садов и учителя средних общеобразовательных школ не всегда обладают достаточными практическими и педагогическими навыками для индивидуальной работы на русском языке с детьми мигрантов и их родителями, не поддерживающими общение на русском языке в семье. Поэтому коммуникация детей мигрантов со слабым уровнем владения русским языком в образовательной среде и повседневной жизни чрезвычайно затруднена.

Важным аспектом в интеграции и адаптации иностранных граждан является комплекс мер, направленных на социализацию детей из семей мигрантов в государстве. Сегодня в Российской Федерации разрабатываются программы обучения детей мигрантов в российских школах, обсуждаются предложения по обеспечению нормативной базы, учитывающие все аспекты культурной, социальной и этнической специфики детей мигрантов.

Мониторинг показал, что на территории Российской Федерации и стран СНГ функционируют сравнительно немногочисленные образовательные организации разного формата:

- школы русского языка в центральных городах России (Москва, Санкт-Петербург), где изучается только русский язык как неродной;
- курсы русского языка для иностранцев, желающих изучать русский для работы и бизнеса, повседневного общения, научной деятельности или в личных интересах;
- курсы русского языка при российских центрах науки и культуры в странах СНГ.

Открытая в октябре 2016 года для детей мигрантов Школа русского языка для иностранных граждан при Благовещенском государственном педагогическом университете, в которой русский язык изучается не только на занятиях русского языка как неродного, но и на занятиях по прикладному творчеству и песенному искусству, является единственной в настоящее время на территории Российской Федерации.

Открытие Школы русского языка

Основной целью работы школы является языковая и социокультурная адаптация детей мигрантов, проживающих на территории Амурской области, к условиям российской социально-культурной среды посредством образовательных программ. Основой языковой и социокультурной адаптации является достижение продуктивности владения русским языком как основным средством знакомства с русской культурой, традициями, нормами и ценностями российского общества. Продуктивным является осознанное владение языком во всех ситуациях и сферах общения: важно правильно воспринимать речь собеседника, быстро и точно извлекать информацию из письменного источника, чётко выражать свои мысли и чувства в устной и письменной формах, уместно использовать все ресурсы языка в речевой практике. Другими словами, необходимо начать формирование у обучающегося следующих видов компетенций: языковой, речевой и коммуникативной.

Опыт показывает, во-первых, что приезжие осваиваются на территории, но не полноценно, а «частично», как бы приспосабливаясь, живут маленькими закрытыми обществами. Взрослые мигранты часто не имеют образования, и их дети не говорят на русском языке в необходимом объёме. Это затрудняет поиски работы, общение с работодателями, коммуникацию в образовательной среде. Во-вторых, незнание языка, основ

культуры и традиций российского общества иностранными гражданами может привести к межнациональным конфликтам. В-третьих, мигранты, как правило, выполняют неквалифицированную работу, что приводит к невозможности оплачивать как собственное образование, так и дополнительное образование своих детей на русском языке. Тот опыт и знания, которые готова передать своему ребёнку семья мигрантов, не всегда соответствует нормам, ценностям и требованиям окружающей реальности, традициям культуры России.

Реализация оказывающих значительную помощь иностранным гражданам в процессе адаптации образовательных программ, ориентированных на знакомство с русским языком, культурой и литературой России, традициями русского народа, ведётся на базе Школы русского языка для иностранных граждан. Обучение проводится по трём направлениям:

1. Обучение русскому языку как неродному и русскому языку как иностранному.

В 2016/2017 учебном году в Школе прошли обучение выходцы из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызской Республики и граждане Италии и КНР:

- детская возрастная группа (8-10 лет) – 7 человек;
- детская возрастная группа (14-15 лет) – 2 человека;
- взрослая возрастная группа – 7 человек.

Занятие по русскому языку как неродному

2. Погружение в русскую культуру через деятельность, связанную с изготовлением русских сувениров, росписью матрёшек и знакомством с русскими народными играми и т.д.

БГПУ имеет большой опыт проведения подобных занятий, целью которых является знакомство иностранцев с русской народной культурой. Например, в рамках конкурса русского языка как иностранного для студентов Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России «Мне русская речь как музыка...», проходившего в 2013 и 2014 гг. в г. Харбине (КНР), преподавателями и сотрудниками БГПУ были организованы мастер-классы «Путешествие к истокам, или Русские забавы» для команд-участниц. Участниками мастер-классов в 2013 году стали около 130 человек, а в 2014 – около 500 иностранных студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей.

Знакомство с русской национальной культурой через творческую деятельность направлено на развитие личности ребёнка, приобщение его к традициям и истокам народного творчества, на воспитание уважительного отношения к другой культуре, к людям другой национальности. Процесс обучения на таких занятиях строится на сравнении и соединении, синтезе ценностных основ русской и национальной культуры детей мигрантов. В этом процессе ребёнок рассматривает русскую культуру и традиции как не чуждые, а как другие, близкие, достойные изучения и принятия. Через творчество своего народа дети

понимают и принимают творчество русского народа, а в целом – научаются чувствовать общее, человеческое.

Занятие по прикладному творчеству

Практические работы по изготовлению народных кукол-оберегов, по росписи и оформлению сувениров, которые выполняют на занятии дети, направлены на трансляцию богатства русской культуры, помогают детям усвоить русские обычаи, учат понимать и любить прекрасное, приобщают к гармоничному труду. Прорисовка элементов традиционной росписи, ознакомление с некоторыми видами декоративно-прикладного искусства (дымково, хохлома, городец и др.), изготовление традиционных русских тряпичных кукол («пеленашка», «благодарность», «кулёма», «зайчик на пальчик» и др.) направлены на развитие мелкой моторики рук, развитие вкуса, чувства формы, цвета, образа, которые характерны для русской культуры. Применение русских народных игр и забав («котки», «ку медведя во бору», «горелки» и др.) направлено на приобщение к истории русской культуры, русским праздникам, обычаям и традициям, на формирование уважительного отношения к человеку и животным.

В процессе погружения в русскую культуру формируются и одновременно корректируются речевые навыки, культура поведения, внешний вид обучающихся. Совместный анализ особенностей русских традиций и обычаяев, совместное создание декоративных предметов русской культуры позволяют обучающимся делать выводы о нормах и образе жизни русского человека. А в сопоставлении с образом жизни людей различных национальностей самим определить образ современного человека, уважающего культуру и традиции других людей. В этих условиях происходит осознание и усложнение собственного «Я» как индивидуальности и как части общества.

3. Обучение русскому языку на основе аутентичных русских песен.

В современной методике преподавания иностранных языков особое внимание уделяется аутентичным материалам – песенным текстам, содержащим в себе прямую и косвенную речь, представляющим все речевые жанры и демонстрирующим образцы разных функциональных стилей речи. Использование песенного материала на уроке русского языка как иностранного эффективно по нескольким причинам.

Во-первых, они способствуют совершенствованию навыков произношения. С помощью песенного материала обучающиеся быстрее и качественнее овладевают навыками правильной артикуляции мягких согласных, трудных для иностранца сочетаний звуков, редукции гласных. Песни обогащают словарный запас обучающихся: новые слова и выражения, с которыми обучающиеся знакомятся в тексте песни, быстрее и прочнее запоминаются. Во-вторых, песенный материал расширяет круг знаний обучающихся по

страноведению и культуре России, способствует развитию социокультурной компетенции. В-третьих, использование песенного материала способствует развитию творческих способностей обучающихся, помогает снять психологическое напряжение, вызывая яркие эмоциональные переживания.

Поём и учим русский язык

Студенческий педагогический отряд БГПУ «Мастера добра» проводит новогодний праздник для маленьких слушателей Школы русского языка

В марте 2017 г. в Российском университете дружбы народов состоялся экспертный круглый стол на тему «Актуальные вопросы социально-культурной адаптации детей мигрантов в России и за рубежом: от теории к практике». В работе круглого стола приняли участие представители образовательных учреждений, профессиональных и общественных организаций, эксперты в области адаптации и интеграции иностранных граждан, а также представители заинтересованных органов исполнительной и законодательной власти. В рамках работы круглого стола были обсуждены практики организации инфраструктуры социокультурной адаптации детей мигрантов в различных регионах России, а также вопросы регулирования правового положения детей мигрантов. По приглашению РУДН опыт работы Школы русского языка, не имеющей аналогов на территории РФ, представила заместитель руководителя Центра подготовки и тестирования иностранных граждан Т.П. Юрченко. Опыт работы вызвал неподдельный интерес и получил положительные отзывы у участников круглого стола.

Первые выпускники Школы русского языка

Адаптация и интеграция на основе изучения русского языка, уважения к истории и культуре, традициям и жизненному укладу россиян в результате обучения в Школе русского языка для иностранных граждан – это эффективное средство гармонизации межнациональных отношений населения Амурской области и мигрантов.

Результатом межкультурного обучения является развитие культурной восприимчивости обучающихся, их способности правильно интерпретировать поведение инокультурного партнёра, толерантного отношения к нему.

БГПУ заинтересован в создании эффективной системы привлечения внимания общественности к русскому языку, в развитии условий для его изучения. Расширение географии и сфер применения русского языка в мире будет способствовать усилению российского влияния, формированию положительного образа страны за рубежом, повышению международного авторитета России и защите ее geopolитических интересов.

Пылкова А.А.

Тихоокеанский государственный университет

Хабаровск, Россия

Pylkova A.A.

Pacific National University

Khabarovsk, Russia

**ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД
В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ
(НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ ХАБАРОВСКА)**

**LINGUISTIC AND REGIONAL STUDIES APPROACH
TO TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE
IN A LOCAL LANGUAGE ENVIRONMENT
(BASED ON KHABAROVSK UNIVERSITIES EXPERIENCE)**

В статье обосновывается необходимость использования лингвокраеведческого подхода в процессе обучения иностранцев русскому языку в России в условиях региональной языковой среды. Предлагаются формы работы с краеведческим материалом, способствующие более высокой эффективности обучения и формированию коммуникативной компетенции студентов.

Ключевые слова: *лингвокраеведческий подход, региональная языковая среда, коммуникативная компетенция.*

The article justifies the relevance of the use of linguistic and regional studies approach in teaching foreigners the Russian language in Russian local language environment. Teaching activities based on local lore materials which contribute to higher learning efficiency and successful development of student communicative competence are suggested.

Key words: *linguistic and regional studies approach, local language environment, communicative competence.*

Лингвострановедческий материал на занятиях по изучению русского языка как иностранного – своеобразный катализатор создания и поддержания интереса к изучению русского языка студентами-иностранцами. Иными словами можно утверждать, что лингвострановедение в определённой мере служит опорой для поддержания мотивации, так как включает в себя такие два аспекта, как обучение языку и содержание сведений о стране. Благодаря лингвострановедческим текстам об образовательных и культурных учреждениях, о государственном устройстве, об общественных организациях, об особенностях речевого поведения и этикета, студенты знакомятся с реалиями России, получают дополнительные знания в области образования, культуры, географии и истории [3]. Формирование компетенции межкультурного общения и установка толерантного поведения у иностранных студентов, изучающих русский язык, во многом зависит от формирования у них лингвострановедческой компетенции [1].

Актуальность использования лингвострановедческого подхода особенно возрастает в процессе обучения иностранцев русскому языку в России, в условиях языкового окружения. Однако языковая среда, кроме страноведческой информации общего характера, безусловно являющейся необходимой для всех учащихся, содержит также информацию, связанную непосредственно с конкретной местностью пребывания студентов. Эти региональные особенности языковой среды оказывают воздействие и на процесс обучения.

Отсюда следует, что при организации учебного процесса, составлении учебных планов и написании учебных пособий необходимо учитывать не только общие сведения лингвострановедческого характера, но и краеведческие данные, или местное страноведение [6]. Лингвокраеведческие блоки на занятиях по изучению русского языка как иностранного в

свою очередь вызывают у иностранных студентов потребность в дальнейшем самостоятельном ознакомлении со страноведческим материалом в целом.

Таким образом, лингвострановедение с учетом местных условий должно стать конкретной реализацией части общелингвострановедческих задач, диктуемых условиями обучения русскому языку в том или ином городе, крае. Тем более, как показывает опыт, знания и умения лингвокраеведческого характера у иностранных учащихся, изучающих русский язык в условиях языковой среды, даже при повышенном интересе к России являются очень поверхностными или даже скучными, что требует усиления их роли в учебном процессе.

Так, Ю.Е. Прохоров отмечает, что иностранным студентам не хватает, прежде всего, «именно тех знаний о культуре, которые обеспечивают общение на русском языке в каждом конкретном случае, которые являются как основой содержания общения, так и определяющим элементом его речевого оформления». Он предлагает принципиально иначе решать вопрос соотношения «так называемых общего и местного страноведения», что имеет важное значение при создании учебного материала для использования в региональном вузе. По его мнению, в процессе обучения коммуникации должны учитываться только реальные социокультурные условия общения, то есть всегда местные [7, с. 79-80]. Следовательно, и лингвострановедческий подход должен быть различен в различных регионах.

Несмотря на достаточную изученность вопроса об использовании местного страноведения в работах Н.А. Журавлевой, М.Д. Зиновьевой, В.Д. Горянского, И.А. Гурицкой, Р.М. Королевой, Н.Ю. Филимоновой, Р.И. Кудряшовой, З.И. Спасской, Н.С. Секириной, С.П. Олейник, Л.М. Горновой, Г.А. Хмельковой, С.В. Руднева, Э.А. Ясковец, Н.Ф. Чекалиной и других, лингвокраеведческий подход зачастую осуществляется во многом интуитивно и довольно бессистемно, а порой этот фактор совсем игнорируется.

Тем временем в целях повышения эффективности процесса обучения РКИ, к примеру, студентов, обучающихся в вузах Хабаровска, можно предложить методическую систему, основными составляющими которой будут являться:

- регионально-культурный компонент (сведения о топонимике Хабаровска);
- достижения регионалистики (выделение историко-культурных зон Хабаровского края и города Хабаровска, которые в методической интерпретации будут трансформироваться в учебно-тематические культурные зоны);
- интеграция аспектов (развитие речи, грамматика, стилистика, домашнее чтение, аудиовизуальный курс) в блоке локальной культурной информации, связанной с историей Хабаровска;
- обучение иностранных учащихся в контексте диалога культур.

Рассмотрение особенностей русского языка на фоне своеобразия исторического и культурного развития города Хабаровска и Хабаровского края, в котором обучаются иностранные студенты, обеспечит более глубокое понимание образа, который лег в основу слов-реалий. Это будет способствовать раскрытию мотивировки таких слов, повысит уровень владения ими, обеспечит лучшую запоминаемость.

В целом лингвокраеведческий материал способствует формированию положительного отношения и интереса к изучаемому языку, а также пониманию жителей конкретной местности, их традиций, обычаяев, истории, особенностей их экономического и политического уклада. Использование материалов местного страноведения способствует укреплению прежних знаний и повышению уровня осознанности в восприятии новых знаний об этом регионе, крае, городе. Развитие коммуникативных умений и навыков (чтение, письмо, аудирование и говорение) на основе конкретного лингвокраеведческого материала приобретает достаточно высокую степень.

Можно выделить следующие критерии, по которым измеряется уровень знаний, умений и навыков иностранных студентов при лингвокраеведческом подходе в процессе обучения русскому языку:

- уровень сформированности навыков аудирования;
- уровень сформированности навыков чтения;
- уровень сформированности навыков говорения (через диалоги, пересказы);
- уровень сформированности навыков письма;
- уровень сформированности навыков понимания общего смысла, выделения главного при чтении текстов лингвокраеведческого характера;
- отношение к региону, краю или городу, в котором изучается язык;
- уровень знаний о той местности, в которой изучается язык;
- уровень знаний о грамматических и фонетических особенностях изучаемого языка.

Основным методом передачи лингвокраеведческих знаний является рассказ в совокупности с принципами обучения: наглядности и использования технических средств обучения (аудио, видео). Это наиболее яркая и запоминающаяся форма передачи материала. Главное – не допустить обратного эффекта, когда материал местного страноведения становится «тормозом» на пути освоения русского языка. Ведь на практике мы сталкиваемся с парадоксом: этот материал, способный благодаря своему богатому содержанию обеспечить развитие положительной мотивации, нередко утрачивает заложенные в нем возможности. Наблюдения за процессом работы над страноведческими текстами позволили выявить ряд отрицательных моментов в практике их использования: одни студенты, тщательно поработав над текстом, так и не могут полностью понять его, другие жалуются на трудности и большой объем затрачиваемой самостоятельной работы. В результате богатый учебный материал становится преградой при формировании положительного отношения к учебному процессу в целом.

Для предотвращения подобной ситуации может быть полезен методический приём паспортизации ключевых слов, разработанный Л.Б. Воскресенской [4]. Под лингвострановедческим паспортом ключевого слова Л.Б. Воскресенская понимает комплексное синхронное представление информации о предмете или явлении, обозначаемом ключевым словом, и совокупности языковых данных, с помощью которых реализуются внеязыковые сведения об этом явлении. Лингвострановедческий паспорт, представляя страноведческую информацию, отражает парадигматические связи слова, а также его синтаксическую сочетаемость.

Возможна следующая методика работы: студенты выписывают в первую колонку лексику по теме, во вторую помещают единицы информации, звездочками отмечая лингвострановедческие реалии, в третью колонку под руководством преподавателя записывают словосочетания с ними, встречающиеся в предложении или абзаце. Позднее такая работа может проводиться учащимися самостоятельно.

Перед составлением паспорта ключевого сочетания можно предложить студентам ответить на вопросы по тексту. При контроле усвоения краеведческой информации задание можно сформулировать примерно так: «Объясните значение слов, отмеченных звездочками, используя текст», «Скажите, что нового вы узнали» и т.д.

Достаточно эффективной является методика лингвострановедческой компарации [5]. Она заключается в том, что иностранные студенты знакомятся с текстом, содержащим информацию о реалиях русской региональной культуры, а затем самостоятельно составляют аналогичный текст, описывающий сходные явления и реалии своего города или края. Для большей наглядности целесообразно поделить страницу пополам и записывать результаты сравнения напротив друг друга. Методика компаративного анализа может быть использована в процессе работы над темами «Достопримечательности», «Образование», «Спорт» и др. Подобные задания целесообразно давать на дом, после того как в аудитории объясняется методика работы с такой таблицей.

Для повышения результативности понимания лингвокраеведческих текстов целесообразно вводить в обучение иностранных студентов индивидуализированные виды работы (рефераты, доклады, выполнение различных видов упражнений), групповые (работа в

парах и по 3-4 человека в группе), коллективные (работы по выполнению упражнений по аудированию, чтению, письму, переводу текстов). Также практически оправданно введение индивидуальных, групповых и коллективных игровых заданий (ребусы, кроссворды, викторины) [2].

Одним из наиболее успешных методов закрепления материала является заполнение таблицы, содержащей несколько тематических колонок в зависимости от текста. Подобный метод работы с текстами общего и местного страноведческого характера помогает развить навык поиска главной, основной идеи читаемого текста, понимание его общего смысла, а также способствует развитию умения кратко изложить содержание, тем самым развивая коммуникативные навыки учащихся. Студентам легче пересказывать подобные тексты, имея опору в виде подобной таблицы.

Помимо традиционных форм проведения аудиторных занятий обязательно использование внеаудиторных уроков-экскурсий по городу (например, по главным площадям, храмам, паркам, музеям города Хабаровска). Также возможно организовывать тематические олимпиады и Дни русского языка, где в игровой форме проверять уровень сформированности знаний об особенностях историко-культурного пространства Хабаровска, устраивать просмотр учебных фильмов, включающих сведения о локальной культуре города.

Перечисленные формы работ при лингвокраеведческом подходе способствуют активизации познавательных интересов иностранных учащихся, а также усилиению мотивационного фактора в процессе усвоения языка, что приводит к более высокой эффективности обучения в условиях региональной языковой среды. Краеведческие данные помогают иностранным учащимся лучше ориентироваться в незнакомой местности. Реализуется связь учебного процесса с жизнью, что повышает мотивацию в обучении русскому языку. Использование краеведческой информации способствует управляемому воздействию языковой среды на учащихся. Приобретенные на занятиях по русскому языку знания и умения закрепляются и активизируются в реальных ситуациях, возникающих при соприкосновении студентов с окружающей их языковой средой, и, следовательно, способствуют формированию коммуникативной компетенции студентов в условиях данного города, края или региона.

Список литературы

1. Актуальные проблемы формирования культуроведческой компетенции студентов в процессе преподавания дисциплин гуманитарного цикла. – СПб., 1996.
2. Боженкова Р.К. Понимание текста как лингвокультурологическая категория. – Курск, 2000.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О предмете, объеме и функциях лингвострановедения // Лингвострановедческий аспект в преподавании русского как иностранного / Под ред. А.И. Попова. – Воронеж, 1984.
4. Воскресенская Л.Б. К лингвострановедческому использованию безэквивалентной лексики на начальном этапе обучения русскому языку // Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.Е. Прохорова. – М., 1977.
5. Диденко Л.А. Повышение эффективности восприятия страноведческой информации учебных текстов в преподавании русского языка иностранным учащимся. – М., 1983.
6. Лингвострановедение и текст: Сборник статей / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – М., 1987.
7. Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение – страноведение – культуроведение (Спорные размышления по спорным вопросам) // Русский язык за рубежом. – 1990. – № 3. – С. 76-83.

Свиридова А.Ю.

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Sviridova A.Yu.

*Vladivostok State University of Economics And Service
Vladivostok, Russia*

ПРИЁМЫ РАБОТЫ С ВИДЕОСЮЖЕТАМИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

TEACHING TECHNIQUES BASED ON VIDEO MATERIALS IN THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSROOM

В статье рассматриваются методические приёмы, направленные на формирование навыков аудирования при обучении русскому языку как иностранному; предлагается серия заданий, разработанных на материале мультифильма «По дороге с облаками».

Ключевые слова: *аудирование, мультифильм, русский язык как иностранный, видеосюжет*.

The article deals with the teaching techniques aimed at developing listening comprehension skills in the Russian as a foreign language classroom. The set of teaching tasks based on the language from the Russian cartoon «On the Road with Clouds» is offered.

Key words: *listening comprehension, cartoon, Russian as a foreign language, video*.

В последние годы китайская аудитория всё больше проявляет интерес к получению образования в России. Наши государства уже много лет сотрудничают в области экономики и образования. Приезжая в Россию, китайские студенты сталкиваются с проблемой адаптации к межкультурному общению. Они оказываются в другой стране, культуре, их условия жизни и система обучения меняются.

Адаптация иностранца ко всему новому, в частности к новому языку, – это один из最难的 социально-психологических процессов. Чаще всего иностранцам необходимо за один учебный год значительно продвинуться в освоении русского языка как иностранного: начать с «нулевого» уровня владения языком и достичь первого сертификационного и выше, что требует от преподавателей РКИ применения эффективных приёмов преподавания.

Особое место в повышении эффективности обучения занимает работа с развитием навыков аудирования. Аудирование является одним из самых трудных видов речевой деятельности. Даже когда иностранцы достигли хорошего уровня владения языком, русскую речь они воспринимают как поток незнакомых звуков, среди которых стараются вычленить знакомые слова и конструкции. Понимание русской речи на слух позволяет иностранным учащимся успешно вступать в коммуникацию в социально-бытовой и учебной сферах общения, не бояться сделать ошибку, отвечая на вопрос, правильно понимать услышанную информацию.

В настоящее время существует множество учебных пособий по обучению аудированию. Однако для повышения мотивации к изучению иностранного языка, а значит, и для повышения эффективности обучения целесообразно использовать на занятиях по аудированию аутентичные материалы.

В качестве аудиовизуальных средств возможно использовать российские мультифильмы. Роль советских и российских мультифильмов в обучении РКИ необычайно велика. По времени мультифильмы не занимают больше 15-20 минут. Но за это короткое время они знакомят зрителя с культурой, традициями, обычаями, нормами поведения и национальной психологией носителей языка. Если добавить к этому работу с лексикой и грамматикой на базе конкретного мультифильма, мы получим уникальный комплекс для развития коммуникативной компетенции у студента-иностранца. Кроме того, мультифильм делает

занятие более интересным и эмоциональным, повышает мотивацию учащихся к овладению новым материалом.

Материал предлагаемого урока адресован учащимся и студентам, для которых русский язык является неродным. Разработка занятия содержит комплекс упражнений, направленных на развитие навыков работы с новой лексикой и формирование навыка составления рассказа по предложенной теме. При составлении комплекса упражнений делался упор на такие виды речевой деятельности, как говорение и аудирование.

Представленная разработка урока по теме «Знакомство» на примере мультфильма «По дороге с облаками» может быть использована в качестве основного материала, направленного на развитие речевых навыков, а также при самостоятельном изучении русского языка как иностранного.

Предлагаемый материал представляет собой разработку практического урока, основной целью которого является развитие навыков диалогической и монологической речи на базе просмотренного мультфильма. Перед данным занятием ставятся следующие задачи:

- 1) активизировать навыки аудирования;
 - 2) развивать и совершенствовать диалогическую и монологическую речь;
 - 3) формировать навык составления рассказа на базе предложенного материала.
- В ходе занятия применяются парная и индивидуальная форма работы на уроке.
- В качестве средств обучения выступает проекционный материал:
1. Презентация Microsoft Power Point.
 2. Мультфильм «По дороге с облаками».

План-конспект урока по теме «Знакомство»

1. Организационный момент. Объявление темы урока («Знакомство») и его цели.

2. Предпросмотровая работа. На данном этапе предлагается проработать лексику, которая поможет в дальнейшей работе с мультфильмом. Объясняются значения незнакомых слов и отрабатывается лексика в упражнениях, например: *Составьте предложения с новой лексикой; Игра «Снежный ком»; Составьте 5 вопросов с новой лексикой и задайте эти вопросы друг другу.*

3. Следующий этап работы с видеоматериалом – обсуждение названия сюжета, ответ на вопрос *Как вы думаете, о чём этот мультфильм, если он называется «По дороге с облаками»?* Этот этап работы позволяет развить такой элемент механизма аудирования, как вероятностное прогнозирование.

4. Важным этапом дотекстовой работы является страноведческий комментарий. Сюжет мультфильма даёт возможность познакомить иностранцев с этикетом знакомства у русских и обсудить такое понятие, как дружба. Можно попросить студентов составить диалог с новой лексикой на эту тему и разыграть его в парах.

5. На экран можно вывести по очереди изображения всех друзей тигрёнка и познакомить с ними учащихся. Можно пофантазировать и попытаться дать характеристику каждому персонажу.

6. Просмотр мультфильма.

7. Последпросмотровая работа. Работа с содержанием мультфильма. Преподаватель предлагает учащимся ответить на вопросы к мультфильму. Также можно предложить учащимся выбрать понравившегося героя мультфильма и описать его внешность и характер в 7-8 предложениях; подготовить пересказ содержания мультфильма «По дороге с облаками» по цепочке. Кроме лексических упражнений не забываем и о грамматических. Можно проспрягать глаголы, вспомнить род существительных. После того как работа с содержанием мультфильма будет закончена, можно дать небольшой тест с вопросами и вариантами ответов, где учащийся должен выбрать правильный вариант.

8. Работа с песней из мультфильма. В этом мультфильме звучит песня «По дороге с облаками». Песня – замечательный способ мотивации к изучению языка. А ещё песня в непринуждённой форме позволяет запоминать новую лексику, формировать слухопроизносительные навыки и знакомиться с культурой изучаемого языка. Очень часто именно песня не даёт утратить интерес к языку и стране и поддерживает знания при отсутствии необходимой практики. Слушая музыку, мы отдыхаем, снимаем напряжение, получаем удовольствие, и как раз в это время тоже происходит полезная работа нашего мозга, зачастую не до конца осознаваемая нами.

Работая над текстом песни, мы уделяем внимание и фонетике (совершенствуем слухопроизносительные навыки), затрагиваем и все виды речевой деятельности: аудирование, чтение, говорение (обсуждаем содержание песни, её сюжет, чувства, которые она вызывает) и письмо (коротко записываем, о чём эта песня).

Наиболее распространённый тип аудиторной работы над песней – упражнение, в ходе которого учащимся раздаётся распечатанный текст песни с пропусками, которые они заполняют в процессе прослушивания. Слова песни проговариваются и затем поются под музыку.

9. Подведение итогов урока. Комментируем прогноз учащихся, оправдался он или нет. Подводим итоги по каждому разделу.

10. Домашнее задание: например, подготовьте пересказ содержания мультфильма «По дороге с облаками», выучите песню из мультфильма, исполните её на уроке, расскажите, как в вашей стране относятся к настоящей дружбе, какие правила этикета знакомства должен знать турист, который посещает вашу страну.

Таким образом, работа с пятиминутным сюжетом мультфильма позволяет провести на уроке лексико-семантическую и грамматическую работу, развить речь учащихся и их навыки аудирования, при этом сохраняя высокую мотивацию к изучению русского языка как иностранного.

Скидан Н.Н.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Skidan N.N.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА КАК УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ

GEOGRAPHIC MAP AS A TRAINING TEXT

В статье представлен опыт преподавания дисциплины «Экономическая и социальная география» иностранным слушателям подготовительного отделения Центра русского языка и культуры Дальневосточного федерального университета. В центре внимания автора – лингвометодические приёмы, формы, средства, позволяющие не только дать обучающимся необходимые знания, но и сформировать навыки, необходимые им для получения дальнейшего образования по соответствующим направлениям в российском вузе.

Ключевые слова: *географическая карта, географический текст, экономическая и социальная география, слушатели подготовительного отделения, простое и сложное чтение карты, цветофон, цифровые показатели, условные знаки.*

The article presents the experience of teaching the discipline "Economic and Social Geography" to foreign students of the preparatory department of FEFU Center of Russian Language and Culture. The author focuses on linguistic and methodological techniques, teaching methods and tools which make possible not only provide the students with necessary knowledge, but develop skills required for getting further education in relevant fields of study in a Russian university.

Key words: *geographic map, geographical text, economic and social geography, students of Preparatory department, simple and complex map reading, background color, numerical indicators, conventional signs.*

Дисциплина «Экономическая и социальная география» обеспечивает экономическую направленность подготовки иностранных слушателей подготовительного отделения Центра русского языка и культуры ДВФУ. Слушатели получают представление о национальном хозяйстве, его отраслях, формах организации, природных ресурсах, мировом хозяйстве, демографии, геополитике и научном мировоззрении.

Географические знания стимулируют развитие познавательных способностей, памяти, речи и мышления: на каждом занятии слушатели обогащают свою речь новыми словами, понятиями, названиями; учатся сравнивать, анализировать, делать выводы, обобщать, осознавать себя в мире.

Большое внимание на занятиях уделяется проверке знания карты и умения работать с ней. Эффективными вариантами проверочных работ являются географические и картографические диктанты. Первые помогают выявить степень усвоения учебного материала (задания на проверку знания терминов, понятий); вторые систематизируют географическую номенклатуру (топонимы, условные обозначения). Самостоятельная практическая учебная деятельность слушателей включает подготовку устных сообщений о своей стране, выполнение письменных заданий, графическую работу. При выполнении самостоятельных работ слушатели применяют знания на практике, вырабатывают умения и навыки, более глубоко осмысляют учебный материал, самостоятельно овладевают новыми знаниями, получают опыт творческой деятельности, учатся работать с различными источниками географической информации, учатся учиться. При объяснении учебного материала (актуализация опорных знаний, изложение нового материала, обобщение и систематизация изучаемого материала) преподаватель использует аудиторную доску и мультимедийное оборудование (проектор, экран, LCD панель).

Мультимедийные изображения карт и таблиц дают широкие возможности для детального просмотра. Демонстрация учебных материалов на экране позволяет

визуализировать создание конспектов, так как важные текстовые фрагменты можно выделить цветом для активизации внимания и понимания содержания. Демонстрация онлайн-перевода терминов и понятий на родной язык слушателей в моноязычных группах повышает темп обучения за счёт сокращения времени на самостоятельный поиск перевода.

Процесс изучения географического материала требует множественного переключения внимания слушателей: информация на доске, текст или карта на печатных носителях, текст или карта на экране. Преподаватель руководит познавательным процессом приблизительно 70-80 минут, отводя время и на самостоятельную практическую работу слушателей – около 5-10 минут при закреплении нового материала в конце занятия.

Изучаемые объекты, процессы и явления рассматриваются как реально существующие и взаимосвязанные – формируется идея единства и целостности природы, единства человека с природой, непрерывного обмена веществом и энергией; выявляются связи и зависимости, динамика и развитие, географические закономерности; уделяется внимание антропогенному влиянию на природу [1].

При изучении географических объектов, процессов и явлений главным источником информации служит географическая карта. Понимание и чтение карты – существенный элемент занятия по географии, так как картографическая информация позволяет максимально эффективно представить текстовый учебный материал при объяснении новой темы или повторении пройденной, способствует пространственному целостному восприятию территории и комплексному анализу рассматриваемых явлений. Географы утверждают, что умение пользоваться картой, расшифровывать информацию или преобразовывать цветофон и знаки в текст – равнозначно умению читать и писать. Традиционно карта является наглядным пособием, доступным источником «сжатой», насыщенной информации. Задача преподавателя – научить слушателей пользоваться этим источником знаний: получать и обрабатывать информацию.

Карты и атласы – основа географии, её второй язык, экономное представление географического текста, один из главных источников географической информации, объект изучения на родном языке, наглядное пособие по географии. Изучение географии невозможно без географических карт. Преподаватель географии подготовительного отделения для иностранных граждан при объяснении учебного материала формирует у иностранных слушателей систему картографических знаний, принятых в российской географической науке, и навыки сознательного использования карт в учебной деятельности. Слушатели из школьной программы на родном языке (теоретически) усвоили, что карта – условное, обобщённое, уменьшенное, искаженное изображение поверхности Земли на плоскости, условная модель земной поверхности и объектов на ней.

При анализе картографической информации используются общепринятые методические приёмы: простое и сложное чтение карты. Простое чтение – распознавание информации (цветофона, знаков), изображённой на карте, с использованием легенд. Сложное чтение – выявление связей, зависимостей, прогнозирование, описание, сравнительная характеристика объектов и территорий. Выбор для самостоятельного чтения определяется с учётом уровня языковой подготовки слушателей.

Простое чтение карты является основным и регулярным методом считывания информации при освоении учебной программы со слушателями подготовительного отделения. Сложное чтение обычно демонстрируется преподавателем и частично используется в самостоятельных заданиях для слушателей. Научиться читать карту и эффективно использовать её как ресурс познания возможно при условии систематической работы с картами. Можно рекомендовать преподавателю не забывать о «золотом правиле»: не следует сообщать информацию, которая доступна при простом чтении карты, лучше использовать наводящие вопросы, способствующие успешному прочтению карты, – о цвете фона, о знаках, их размере, количестве и пр. При промежуточном и итоговом контроле эффективны следующие задания: нахождение и правильное представление объектов,

определение названия карт по изображению цветовой и значковой нагрузки. Интересны приёмы с использованием масштабных ориентиров для определения расстояний и размеров объектов: протяжённость морей (например, Чёрного – с запада на восток, Каспийского – с севера на юг), острова Сахалин (с севера на юг).

Примеры заданий на простое чтение карты для самостоятельной работы слушателей.

1. По шкале высот: определить высоту над уровнем моря и форму рельефа подстилающей поверхности.

2. По шкале глубин: определить глубину озера, моря, океана.

3. По специальным условным знакам: определить местонахождение природных ресурсов суши и Мирового океана, их виды и запасы.

4. По шкале плотности населения: определить плотность населения и особенности его размещения.

5. По цветофону: определить ВВП стран, ВВП на душу населения, структуру экономики и пр.

Прочтите географические названия и найдите их на карте:

Части света: Европа, Азия, Америка, Африка, Австралия, Антарктида.

Материки: Евразия, Северная Америка, Южная Америка, Африка, Австралия, Антарктида.

Страны: Российская Федерация (Россия), Норвегия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Белоруссия, Украина, Абхазия, Грузия, Южная Осетия, Азербайджан, Казахстан, Монголия, Китай, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), Соединённые Штаты Америки (США), Япония [2, с. 6].

Заполните таблицу. На картах «Природные ресурсы мира» или «Природные ресурсы России» найдите данные ресурсы, отметьте их специальные условные знаки в таблице: *вольфрамовая руда, W; нефть; природный газ; марганцевая руда, Mn; титановая руда, Ti; алмазы; железная руда, Fe; алюминиевая руда, Al; каменный уголь; медная руда, Cu* [2, с. 20].

Работа с цифровым материалом (величины объектов и явлений, таблицы, графики, диаграммы) занимает значительное место в изучении географии. Без цифровых значений представление объектов и явлений выглядит неопределённо и ненаучно: *глубокое озеро, большой город, широкая река, сильный ветер*. Указание точной величины объекта дает возможность оценить его значимость, важность, сравнить его с другими объектами. Цифровые показатели усиливают доказательность и аргументированность изложения. Задача преподавателя при работе с цифровым материалом – научить понимать язык цифр, оперировать цифрами, использовать их в качестве иллюстрации. Цифровые показатели в географии выражаются в абсолютных показателях (тыс., млн, млрд, м², м³, км, т, кВт/ч, чел.) и в относительных величинах (процентах, долях). Важно научить слушателей произносить используемые в текстах сокращенные выражения величин в виде полных словесных наименований.

В качестве своеобразной производственной практики в конце обучения по дисциплине «Экономическая и социальная география» рекомендуется организовать экскурсию слушателей на предприятие, чтобы они могли познакомиться со структурой предприятия, особенностями организации производства, проблемами и перспективами его развития, образцами выпускаемой продукции, статистическими показателями. Цели обучения могут быть достигнуты, если содержание географического образования тесно связано с жизнью, включает экологические, политехнические и экономические знания.

Слушатели экономической направленности подготовки получают основы физической и экономической географии, картографии, демографии, национального природопользования, географической культуры, совершенствуют умение пользоваться картами и справочниками. И карта является самым доступным и действенным средством активизации процесса обучения, установления связей между наукой и жизнью.

Список литературы

1. Галай И.П. Методика обучения географии. – Минск: Аверсэв, 2006. – 157 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.studfiles.ru/preview/4467636/
2. Родионова Т.Г., Скидан Н.Н. Экономическая и социальная география: учебно-методическое пособие для слушателей подготовительных отделений и факультетов (Экономическая и гуманитарная направленность подготовки). – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – 80 с.

**РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА
ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

**RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE
THROUGH THE EYES OF YOUNG RESEARCHERS**

Артёменко М.В.

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Artemenko M.V.

*Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia*

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ О ТУРИЗМЕ)**

**LEXICAL MEANS OF SHOWING EXPRESSIVENESS IN CONTEMPORARY
MAGAZINE TEXTS (BASED ON TOURISM TEXTS)**

В статье на материале текстов о туризме анализируется экспрессивная лексика, функционирующая в современной журнальной публицистике. Выявляются различные типы экспрессивной лексики, её воздействующий потенциал. Прагматический анализ рассматриваемых текстов позволяет сделать вывод о структурной типизированности экспрессивов.

Ключевые слова: *язык СМИ, экспрессивность, экспрессив, оценочность, эмотивность, журнальная публицистика.*

The article considers the main types of expressive vocabulary used in tourism texts functioning in contemporary magazine discourse. Different types of expressive vocabulary and its manipulative potential are revealed. Pragmatic analysis of these texts leads to the conclusion about structural standardization of expressive units.

Key words: *language of mass media, expressiveness, expressive, evaluativity, emotiveness, magazine texts.*

Современная журнальная публицистика отражает стремление автора отойти от традиционных форм выражения смысла и найти более выразительные языковые средства. Языковая экспрессивность является в настоящее время одной из наиболее активно исследуемых лингвистических категорий.

Изучение проблемы экспрессивности в русистике имеет глубокую традицию (см., например, труды Л.А. Киселевой [3], М.И. Черемисиной [10], В.Н. Телия [9], Н.А. Лукьяновой [4], Т.В. Матвеевой [6]) и оказывается в центре внимания современных лингвистов, в том числе исследующих языковые особенности журнальной публицистики [2; 7].

Целью данной работы является описание лексических средств выражения экспрессивности в печатных текстах СМИ на материале современных российских журналов об отдыхе и туризме и путеводителей. Мы попытаемся определить семантику и функции экспрессивных единиц в структуре туристических текстов, выявить основные лексические средства выражения экспрессивности в журнальной публицистике.

В современной лингвистической литературе рассматриваются категории «экспрессивность» и «выразительность», «эмоциональность» и «эмотивность». Вопрос об объёме понятия экспрессивности и его соотношении со смежными явлениями (названными выше) остаётся дискуссионным по настоящее время. Так, согласно точке зрения Н.А. Лукьяновой, ошибочно считать понятия «экспрессивность» и «выразительность»

сионимичными, поскольку последнее, «во-первых не имеет статуса термина, во-вторых, лишь частично заменяет первое – в тех случаях, когда речь идет не о семантике экспрессивов, а об их функционировании в устной и письменной речи» [4, с. 213-214]. Также неправомерно, по мнению исследователей, объединять понятия эмоциональности и эмотивности. Согласно позиции В.И. Шаховского и вслед за ним Т.В. Матвеевой, это разные понятия, принадлежащие к разным сферам функционирования: первое относится к сфере психологии, а второе принадлежит языку [11; 6].

В научной литературе существуют разные определения понятия экспрессивности, зачастую неоднозначные. Так, например, в «Полном словаре лингвистических терминов» Т.В. Матвеевой даётся определение экспрессивности как «свойства языковых и речевых единиц выражать эмоционально-оценочное состояние автора и его отношение к означаемому» [5, с. 539]. На наш взгляд, данное определение сближает понятие экспрессивности с понятиями эмоциональности и оценочности, делая их тождественными.

Обобщая опыт интерпретации категории экспрессивности среди исследователей, Н.А. Лукьянова дополняет и уточняет это понятие: «Экспрессивность – свойство лексической единицы, связанное с ее способностью в образной или (редко) необразной «форме» презентировать субъективные аспекты восприятия человеком действительности, непосредственно переживаемые эмоции, чувства говорящих, субъективные мнения, оценки о предметах речи» [4, с. 213].

В связи с различным пониманием экспрессивности как языкового феномена принципиально важным становится определение объема этого понятия. Данный вопрос также является дискуссионным. По мнению А.П. Сковородникова, Т.В. Матвеевой, категория экспрессивности включает в себя, помимо эмоций и оценок, образность и стилистическую окрашенность [8; 6]. Однако Н.А. Лукьянова справедливо пишет о том, что образность следует рассматривать в качестве «самостоятельного компонента, равно связанного как с коннотативным, так и с денотативно-сигнификативным содержанием ЭЛЕ (экспрессивных лексических единиц)» [4, с. 214]. Понятие стилистической окрашенности в этой же работе исследователь относит скорее к сфере функционирования экспрессивов, нежели к компоненту значения [4, с. 215].

Т.В. Матвеева выделяет в составе категории экспрессивности два компонента субъективного характера: параметрически-оценочный и эмотивный [6, с. 20], то есть разделяет понятия оценочности и эмотивности. Однако В.И. Шаховский, опираясь на сторонников лингвистики прототипов, пишет о невозможности разделения эмоций и оценок: «Эмоция – это форма оценки субъектом объекта мира» [12, с. 6]. В нашей работе мы придерживаемся этого положения.

Проанализировав журнальные статьи об отдыхе и туризме, мы выделили основные группы экспрессивных лексических единиц:

1. Глагольная лексика.

Есть на земле такие места, которые предначертаны вам самой судьбой. Если вам суждено оказаться здесь, этой встречи нельзя избежать – и пусть для этого придется поехать даже на край света (Le Banane// Luxury Resort Collection).

В данном примере автор намеренно использует глагольные формы книжного стиля, подчёркивая необходимость обязательного посещения описываемых им уголков земли.

Вы можете устроить себе необычное празднование Нового года в солнечном Таиланде и открыть новые грани этого знакомого с детства праздника, посмотрев на небесные фонарики и шествия с драконами, а после этого – полюбоваться на водопады, коралловые рифы и красочные тропические леса и, конечно, оценить несравненные блюда местной кухни (Лучшее время для отдыха в Таиланде// Острова Таиланда и не только).

Разнообразие водных развлечений: прогулка на яхте, где Вы также сможете еще и порадовать себя увлекательной рыбалкой, погружение в дивный подводный мир Красного моря, виндсерфинг, кайтсерфинг (proboating.ru)

В приведённых выше контекстах употреблена так называемая «потенциально экспрессивная» лексика (по Т.В. Матвеевой), глаголы *полюбоваться*, *порадовать* относятся к группе слов, в которых положительная эмоция и оценка фиксируются на понятийном уровне. Потенциально экспрессивная лексика характерна для туристических текстов и образует определённый базис, что обусловлено прагматической функцией экспрессивов и интенциями автора.

2. Именная лексика.

Особую группу слов в структуре туристических текстов образуют иноязычные слова типа *виндерфинг*, *кайтсерфинг*, *снорклинг*, которые имеют «экспрессивный эффект», поскольку их употребление прагматически обусловлено: *Наши туристы рассказывают о своем опыте активного отдыха на воде: катании на водных лыжах и мотоциклах, яхтинге и серфинге, дайвинге и снорклинге и других водных развлечениях* (travelask.ru). Прагматический потенциал этих единиц заключается в их функционировании: «эти слова не только обозначают какое-либо понятие, то есть выполняют номинативную функцию, но и дают характеристику предлагаемой услуги, указывая на то, что адресат, купив путевку, получит возможность реализовать потребности, связанные с модными в определенной социальной среде развлечениями или спортивными занятиями» [1, с. 18].

С целью повышения прагматического эффекта в туристический текст часто включаются имена собственные, вызывающие положительные эмоции, благодаря которым возникает желание откликнуться на предложение посетить то или иное место отдыха. Например, характеризуя отдых в Вене, автор апеллирует к именам известных композиторов и императоров: *В городском парке тебя встретит маэстро Иоганн Штраус. Его золотая скульптура возглавляет список самых фотографируемых достопримечательностей Вены. В саду Бургартен любил гулять в одиночестве император Франц Иосиф* (Лиза. 2015. № 19).

Оригинальные, а главное, вкусные сладости можно найти в старинной кондитерской Demel. Здешние засахаренные фиалки обожала сама императрица Елизавета, которую венцы нежно называют Сиси (Лиза. 2015. № 19).

К особой группе относятся слова, обозначающие национальные блюда и напитки той или иной страны: *Стоит попробовать гаурато – сок сахарного тростника, а с белым ромом и льдом – это необыкновенный, тонизирующий и освежающий коктейль* (Исключительный отдых в Варадеро// Travell.ru).

Классика на все времена в меню – кофе меланж (или кофе по-венски): крепкий, с молоком и шапочкой из молочной пенки (Лиза. 2015. № 19).

Данную группу слов мы относим к потенциально экспрессивной в связи с её прагматической функцией в текстах об отдыхе и туризме.

3. Признаковые слова (прилагательные и наречия).

Анализируя признаковые слова в туристических текстах, мы наблюдаем их высокую оценочную нагрузку.

Отдых в Тунисе – это непревзойденный колорит экзотики Мавритании! (56orb.ru. 20.01.2014).

В данном предложении эпитет выполняет функцию подчёркивания конкурентного преимущества перед другими турками.

Таиланд – рай для дайверов и серфингистов. Разнообразить отдых помогут экзотические экскурсионные маршруты к истокам древней цивилизации (Пляжный отдых. Порадуйте себя экзотической сказкой! // Tez tour).

В данном контексте прилагательное *экзотические* выступает в значении «необычный, оригинальный» и указывает на апелляцию к необычности отдыха, что является одним из параметров положительной оценки туристических объектов.

Насыщенность эпитетами обычно обусловлена желанием автора передать качество отдыха, а приём контраста на основе антонимов усиливает воздействующий эффект: *Отдых в Крыму – это потрясающая возможность забыть суету современного города и отдаться*

тёплым волнам, которые своим лёгким шумом заставляют полностью расслабиться и перестроиться с рабочего режима в полный и бескомпромиссный отдых (artekturist.nethouse.ru).

Нужно отметить и особую экспрессивную (прагматическую) функцию цветовых эпитетов: *Паттайя – развлекательный курорт; в этом чудесном месте вы окунётесь в водоворот страстей, понежитесь под лучами яркого тайского солнца, обретёте золотистый загар, проведя незабываемое время на белоснежном берегу моря* (Головокружительный отдых в Паттайе// Мой город. 14.03.2011). Адресатами таких текстов являются преимущественно представительницы женского пола, для которых важен не только комфорт, но и результат отдыха, выражющийся в красоте тела.

Важным параметром авторской оценки является уникальность отдыха: *И справедливости ради стоит заметить, что единоразовым посещением уникального и непередаваемого Крымского полуострова никто не ограничивается* (krimoved-library.ru)

Качество отдыха оценивается условиями, предлагаемыми на курорте: *Летом в озере можно купаться – вода кристально чистая!* (Серфаус-Фисс-Ладис, или Отпуск в тирольских горах// Sobesednik.ru. 11.04.2016). Говоря о чистоте воды, автор сравнивает её с кристаллом.

Следует отметить, что в журнальных статьях преобладают эпитеты как лексическое средство выражения экспрессивности. Однородный ряд эпитетов в структуре текстов об отдыхе и туризме выполняет аргументирующую функцию и является способом убеждения: *Тёплый солнечный климат, ласковые морские волны, постоянная температура, километровые пляжи, величественные храмы, улыбки тайцев, – это главные составляющие успеха Таиланда* (Загадочный Таиланд // Острова Таиланда и не только).

Наряду с эпитетами экспрессивную функцию выполняют также метафоры: *Снежный фестиваль – грандиозный праздник снега и льда, ежегодно проходящий в столице острова Хоккайдо, Саппоро, и уже заслуженно носящий звание одного из самых ярких и крупных зимних событий в Японии* (Снежный фестиваль в Саппоро // Удивительное. 30.11.2016). Авторская метафора создаёт образ уникальной и масштабной зимней сказки.

В проанализированных примерах явно прослеживается положительная оценочность экспрессивов. Однако возможны контексты с амбивалентной оценкой на основе скрытого контраста: *Fäviken Magasinet, пожалуй, сегодня самый дерзкий ресторан в мире. По-другому и не скажешь, ведь с виду он похож на огромный деревенский дом или даже амбар на месте старой молочной фермы, а его зал рассчитан лишь на 12 персон* (JazzTour.ru). В данном примере автор подчёркивает необычность, оригинальность ресторана, несоответствие стереотипному представлению о месте расположения, интерьере, размерах, что делает его привлекательным и популярным среди туристов.

Таким образом, наши наблюдения показывают, что основными параметрами описания туристических объектов в исследуемых текстах являются:

1. Качество отдыха: *тёплый солнечный климат; ласковые морские волны; постоянная температура*.
2. Необычность отдыха: *экзотические экскурсионные маршруты; колорит экзотики Мавритании*.
3. Уникальность отдыха: *уникальные трассы; уникальный и непередаваемый Крымский полуостров; несравненные блюда местной кухни*.
4. Возможность ощутить новизну: *погружение в дивный подводный мир Красного моря, виндсерфинг, кайтсерфинг*.
5. Популярность отдыха: *небывалый наплыв туристов*.

Итак, проанализированный материал позволил выявить лексические средства выражения экспрессивности и сделать вывод, что наиболее частотными из них в журнальной публицистике являются эпитеты, метафоры, сравнения, а также приём контраста.

В языке СМИ экспрессивная лексика служит средством воздействия на читателя и выполняет аргументирующую и рекламную функции. В текстах об отдыхе и туризме экспрессивы выражают авторские эмоциональные оценки туристических объектов и носят типизированный характер, что связано с pragmatикой подобных текстов.

Список литературы

1. Атакьян Г.С. Прагматика языка туристической рекламы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2010. – 25 с.
2. Каюмова Э.Р. Лексико-семантические средства выражения оценочности в женских журналах // Jazyk a kultúra. – 2011. – № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.ff.unipo.sk%2Fjak%2F8_2011%2Fkajumova.pdf&name=kajumova.pdf&lang=ru&c=585ccbf8c8b8 (Дата обращения: 25.09.2017).
3. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л., 1978. – 160 с.
4. Лукьянова Н.А. Дискуссионные моменты интерпретации категории экспрессивности как категории лексикологии // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2. Языкоznание. – 2009. – № 1 (9). – С. 211-215.
5. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
6. Матвеева Т.В. Экспрессивность русского слова. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 177 с.
7. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А. Специфика воздействия в современном медиийном словотворчестве // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С.162-167.
8. Сквородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка // Язык средств массовой информации. – М.: Академический проект: Альма Матер, 2008. – С. 521-523.
9. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее pragматическая ориентация // Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1991. – С. 5-36.
10. Черемисина М.И. Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лексикологии и словаобразования. – Новосибирск, 1979. – Вып. 8. – С. 3-11.
11. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. – Волгоград, 1983. – 94 с.
12. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

Бадмаева М.А.

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия

Badmayeva M.A.

National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ МОЛЧАНИЯ
В ТЕКСТАХ Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «НЕ САДИСЬ В МАШИНУ, ГДЕ ДВОЕ»)**

**LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING THE SEMANTICS OF SILENCE
IN L.S. PETRUSHEVSKAYA'S TEXTS
(BASED ON THE BOOK «НЕ САДИСЬ В МАШИНУ, ГДЕ ДВОЕ»)**

Статья посвящена анализу лингвистических единиц, выражающих семантику молчания в произведениях Л.С. Петрушевской. Как феномен коммуникации молчание может рассматриваться с позиций разных научных дисциплин. Всплеск интереса к изучению молчания связан с широким спектром его трактовок: от сакрального действия до знака протеста и неповиновения. Проведённый семантический анализ свидетельствует о том, что молчание в текстах Л.С. Петрушевской воплощает идею бессмыслицы говорения. Оно вызвано невозможностью и нежеланием людей выражать свои мысли, что в свою очередь связано с боязнью коммуникативной неудачи, разрыва межличностных отношений или с протестом против окружающего мира.

Ключевые слова: *Л. Петрушевская, семантика молчания, лингвистический анализ, рассказ.*

The article deals with the linguistic units expressing the semantics of silence in L.S. Petrushevskaya's works. As a phenomenon of communication silence can be considered by different academic disciplines. Rising interest in studying silence is connected with a wide range of its interpretations: from a sacred act to a sign of protest and disobedience. The semantic analysis shows that silence in L.S. Petrushevskaya's texts embodies the idea of futility of speaking. It is caused by people's impossibility and reluctance to express their ideas, what, in turn, is connected with their fear of miscommunication, interpersonal breakup or protest against the outside world.

Key words: *L. Petrushevskaya, semantics of silence, linguistic analysis, story.*

Молчание как акт коммуникации способно передавать разные значения (отрицание, согласие, игнорирование, равнодушие). В большинстве случаев молчание используется людьми в случае невозможности выразить свои мысли посредством вербализации или нежелания говорить. В мире нет такой культуры, в которой молчание не оценивалось бы положительно или отрицательно. В русском устном народном творчестве существует большое количество пословиц и поговорок, свидетельствующих о том, что в русской культуре молчание ценится больше, чем слово:

*Слово – серебро, молчание – золото;
Кто молчит – тот двоих научит;
Нужно молчать, коли нечего сказать;
Молчи – за умного сойдёшь.*

О важности молчания писали знаменитые поэты и писатели, известные учёные и мыслители:

*Молчи, скрывайся и тай все чувства и мечты свои! (Ф.И. Тютчев);
Молчание нас тоже заводит далеко (А. Маканин);
Промолчи – попадёшь в первачи. Промолчи! Промолчи! Промолчи! (А. Галич);
О чём невозможно говорить, о том следует молчать (Л. Витгенштейн);
Молчать не значит быть немым (М. Хайдеггер).*

Н.Д. Арутюнова пишет: «Молчание – факт речевой культуры, считаться с которым приходится всякому, кто имеет отношение к самой этой культуре. Молчание вездесуще и не игнорируемо. Существуют неговорящие члены общества, но не существует таких, которые

бы никогда не молчали. Можно сказать, поэтому в известном смысле молчание доминирует над словом и довлеет слову: оно очевидно и – в этой очевидности – не менее парадоксально, чем слово» [1, с. 418].

В академическом четырёхтомном толковом словаре современного литературного языка *молчание* определяется как «состояние по значению глагола *молчать*» [4].

Прежде чем приступить к анализу, следует разграничить такие понятия, как *молчание* и *тишина*. «Тишина и пауза квалифицируются как молчание коммуникативно незначимое. Тишина – это отсутствие шума, звука как такового, что имеет место, например, при исполнении каких-либо ритуальных действий. Молчание как знак взаимодействия имеет место в том случае, когда не актуализируется определённый речевой акт, а коммуникативное намерение сохраняется» [2]. На основе приведённой цитаты можно прийти к следующему выводу о различии этих двух понятий: *тишина* – это явление природное, которое может возникать без участия человека, носителем же *молчания* может быть только человек, способный к воспроизведению речи (неважно, человек немой или говорящий).

Тишина равнозначна спокойствию и покою. В русской литературе *тишина* обозначает отсутствие шума, единение с природой – например, в произведениях И.С. Тургенева, в стихотворениях Н.А. Заболоцкого или в лирических миниатюрах М.М. Пришвина. *Тишина* также встречается в контексте трагедии, смерти. Смерть влечёт за собой *тишину* – *гробовая тишина, мёртвая тишина*. Так, рассказ Л. Андреева «Молчание» «построен на различении молчания от *тишины*: после самоубийства дочери вся *тишина*, какая только есть в мире, превращается для её отца-священника в молчание, которое давит и преследует... Со дня похорон в маленьком домике наступило молчание. Это не была *тишина*, потому что *тишина* – лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят» [5, с. 180].

М.Н. Эпштейн отмечает: «Хотя внешне, акустически молчание тождественно *тишине* и означает отсутствие звуков, структурно молчание гораздо ближе разговору и делит с ним интенциональную обращённость сознания на что-то. Как говорил Гуссерль, сознание есть всегда «сознание-о». Молчание есть тоже форма сознания, способ его артикуляции, и занимает законное место в ряду других форм: думать о ..., говорить о ..., спрашивать о ..., писать о ..., молчать о ...» [Там же].

Различие *тишины* и *молчания* рассматривает и Н.Д. Арутюнова: «глагол *молчать* /.../ предполагает возможность выполнения речевого действия» [1, с. 418]. Предикат *молчать* может относиться только к имени субъекта, способного говорить. *Тишина* – это состояние беззвучия, автором которого является природа.

Особую роль молчание играет в творчестве писателей XX века, в том числе в произведениях Л.С. Петрушевской. Для творческих людей, живших в эпоху Советской власти, молчание было залогом безопасной жизни и своеобразной философией, царившей в стране. Л.С. Петрушевская, воспитанная в этой системе, описала молчание в другом понимании, не в привычном контексте страха перед властью, а в бытовой жизни. Для писательницы молчание является информативным и ценным способом передачи сообщения, противопоставленным диалогу или монологу, которые помогают раскрыться характеру персонажа, позволяют оценить особенности его речи, дают представление о его психологии и переживаниях. Необходимо отметить разницу в выражении молчания вербальным и невербальным способами. В отобранном материале чаще маркируется молчание героев, нежели риторическая фигура умолчания. Прибегая к приёмам молчания и умолчания, автор играет с читателем и интригует его, заставляя задуматься и рассуждать о причине таких сцен.

Манера повествования и изображение героев у Л.С. Петрушевской довольно специфичны: герои редко наделены возможностью говорить, а если они и произносят речь, то чаще всего она вызывает конфликт. Слово, в понимании Л.С. Петрушевской, несёт в себе оттенок негатива и сопровождается ссорой и выяснением отношений. В рассказе «Девушка Оля» диалог матери и дочери проходит исключительно в негативной тональности:

Мать только ахнула, увидев свою дочь, и сразу же её спросила: ты с ума сошла, ты беременная? Грудь как расползлась!

– *Нет-нет, мамочка, что ты!*

– *Смотри у меня! – сурово сказала мать. – Из дома выгоню! («Девушка Оля»)¹⁷.*

Диалог мужа и жены в рассказе «Воспитание чувств» также демонстрирует конфликт:

– *Ты его этим кормила? – спросил отец. – С ума сошла, это же отходы! Объедки!*

А мать завелась и закричала, иди езжай откуда явился, к себе в Мухосранск, еще выступает, это там моя твоя квартира. И все вокруг заржали в поддержку («Воспитание чувств»).

Ситуация молчания в рассказах Л.С. Петрушевской выражена синтаксическими конструкциями с глаголом *молчать* или синонимичными конструкциями: *не сказал ни слова, ничего не говорила*. В анализируемом материале названный глагол в различных грамматических формах встречается 10 раз. Существительное *молчание* и прилагательное *молчаливый* характеризуют определённую ситуацию или персонажа как человека неразговорчивого и тихого:

.../ а когда она родила, то неожиданно в доме появился некто отец ребенка, нестандартно молчаливый, мамаша Варвары сразу стала его бояться .../ («С Новым годом, преступник!»).

Как было сказано выше, с одной стороны, с помощью молчания люди могут передавать свои чувства (злость, равнодушие, грусть, меланхолию), с другой стороны, люди молчат о сакральном и дорогом, боясь осквернить его словом. Молчание может выражать совершенно противоположные, полярные смыслы, в зависимости от контекста.

В рассказе «Тамила» главная героиня – загадочная особа, Л.С. Петрушевская описывает её следующим образом: *Черные глазища, действительно черные, черные, кудри, даже в больничном халате она выглядела как королева чардаша, какая-нибудь звезда оперетты. Ну и это знание будущего. Оно прорывалось у нее как адское пламя. Молчала, молчала. Ничего не говорила* («Тамила»).

Неполные предложения *Молчала, молчала. Ничего не говорила* передают один и тот же смысл – героиня не произносит ни звука. Эффект молчания усиливается за счёт семантического и грамматического повтора. Факт молчания помогает увидеть в героине рассказа загадочность и закрытость от внешнего мира. Можно предположить, что молчание означает её знание о чём-то сакральном.

Если в данном отрывке молчание наводит на мысль о тайне, которую хранит персонаж, то в следующем фрагменте молчание передаёт равнодушие и полную отстранённость героя:

Леди хочет жить, она свирепа, влюблена, она беременна, хочет еще родить, она тормошит реальность вокруг себя, организовывает жизнь, утром «ты почистила зубы, бежим», днём подготовка к открытию фестиваля, приходят фуры с экспонатами, проблемы на таможне, а вечером в широченной постели, лежа после любовной битвы с сигаретой в пальцах, она вдруг, залившись слезами, прикасает к любимому плечу и во всем признается. В ответ – молчание. Молчание! Горят во тьме две сигареты в пальцах, и всё.

Что молчишь?

Наконец: «Это не мои проблемы» («Леди»).

Автор вновь использует приём повтора: *В ответ – молчание. Молчание!* В первом предложении *молчание* звучит как нечто обыденное, банальное, но во втором, восклицательном предложении чувствуется надрыв и катастрофа. Главная героиня говорит своему возлюбленному о беременности, но в ответ ничего не слышит – ни слов радости, ни упрёков. Отсутствие выражения каких-либо эмоций означает в данном случае только равнодушие, а что же может быть для неё хуже равнодушия? Ничего.

¹⁷ Здесь и далее приводятся примеры из рассказов Л. Петрушевской, представленных в издании [3].

Употребление предиката *говорить* в сочетании с отрицательной частицей и отрицательными местоимениями также выражает акт молчания:

Он никому не говорит о ней, а то еще поведут по тому коридору медсестры вдвоем бедного человека («Бедный человек»);

Никто ничего им не говорил, но М. с Аней не вышли на лекцию и к обеду, а в львиной яме ночью сгорела фарфоровая посуда, с которой ели отверженные, и простыни, снятые с их постелей («Львиная маска»).

В первом контексте фраза *никому не говорит* означает молчание о тайне: мужчина средних лет приходит в свой дом, к матери, которой уже нет в живых. Он разговаривает с ней, жалуется на свою жизнь, семью, работу, пьёт пиво, ест и уходит из квартиры, закрыв её на ключ. Ключ этот он бережно хранит, никому не разрешает входить в святая святых – место, где «ждёт» его мама. В отличие от этого, во втором примере фраза *Никто ничего им не говорил* не несёт в себе значения тайны.

Для персонажей Л.С. Петрушевской молчание – это нечто сакральное и обязывающее. Из уст одной из героинь вырывается следующая фраза: *Вот я молчу, ты уж молчи и подавно!* («Тамила»), что наводит на мысль о том, что для героев рассказов писательницы молчание – это обязанность.

Таким образом, анализ языковых единиц с семантикой молчания в сборнике «Не садись в машину, где двое» показал, что молчание наиболее точно передаёт психологическое состояние героев художественного мира Л.С. Петрушевской.

Герои должны молчать, какие бы жизненные перипетии их ни терзали: расставание, болезнь, смерть близких, изнасилование и т.д. Вывод один: ты должен молчать, потому что тебя никто не пожалеет в этом жестоком мире, в котором убийство матери, сумасшествие и ложь – это норма. Герои рассказов вынуждены молчать, их молчание олицетворяет бессмысленность говорения и объяснения или выражения своих чувств и переживаний. Они загнаны в угол сложившейся вокруг них безвыходной ситуацией и их потребностью быть понятыми.

За молчанием персонажей стоит авторская позиция. Для автора молчание – это универсальная категория, которая в зависимости от ситуации выражает именно то состояние (горе, радость, бессмысленность, отчаяние и др.), которое невозможно передать словами.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Феномен молчания // Язык о языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 2000. – С. 418.
2. Крестинский С.В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 92-98.
3. Петрушевская Л.С. Не садись в машину, где двое: Истории и разговоры. – М.: АСТ: Астрель, 2012.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык; Полиграфресурссы, 1999. – Т. 2. – 736 с.
5. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. – М.: Высшая школа, 2006.

Баранова М.С.

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Baranova M.S.

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

ОБРАЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОЭМЫ ГОРЫ» И «ПОЭМЫ КОНЦА»)

LITERARY IMAGE OF THE LYRICAL HERO IN THE LATE WORKS OF MARINA TSVETAIEVA (BASED ON “POEM OF THE MOUNTAIN” AND “POEM OF THE END”)

«Поэма Горы» и «Поэма Конца» – исключительные произведения, которые своим появлением предвосхитили основные модернистские тенденции развития поэтического процесса XX столетия. В статье рассматривается ключевой образ этих поэм – образ лирического героя, который объединяет их в особый «внутренний» цикл.

Ключевые слова: *М.И. Цветаева, «внутренний» цикл, лирический герой, пражские поэмы, К.Б. Родзевич, мотив горы, мотив конца.*

“Poem of the Mountain” and “Poem of the End” are exceptional works of XX century. They anticipated the main modernist tendencies in development of the poetic process of that time. The article considers the key image of the poems – literary image of the lyrical hero which unites them into a special “inner” cycle.

Key words: *M.I. Tsvetaeva, “inner” cycle, lyrical hero, Prague poems, K.B. Rodzevich, motif of the mountain, motif of the end.*

Лирика М.И. Цветаевой – одно из самых ярких явлений XX века, а её поэмы определили своё время, явив собой основные модернистские тенденции развития поэтического процесса столетия.

В зрелом творчестве Цветаевой особенный интерес для исследователей представляют тексты с «затемнённым» смыслом, интерпретация которых принципиально затруднена. К подобным текстам относятся «Поэма Горы» и «Поэма Конца».

Традиционно эти поэмы рассматриваются как единство, и основанием для этого служит прежде всего история их создания: поэмы были написаны сразу друг за другом («Поэма Горы» была написана за месяц и закончена 27 января 1924 г., а «Поэму Конца» Цветаева начала 1 февраля и работала над ней вплоть до 9 июня). Дело также и в тематическом сходстве: обе поэмы отражают историю романтических отношений М. Цветаевой и К. Родзевича. А так называемая «гора» – тоже реальное место. Это Петршин холм в Праге, рядом с которым жила Цветаева в период своей эмиграции.

Однако мы полагаем, что эти пражские поэмы связаны и на более глубинном уровне. Ряд особенностей этих поэм позволяет говорить об их семантической и поэтологической близости, характерной для любых сверхтекстовых единств или произведений, образующих «внутренний» цикл.

В нашей работе в определении «внутреннего» цикла мы отталкиваемся от понимания К.Ф. Тарановского, писавшего следующее: «у всех поэтов есть свои любимые повторяющиеся темы и образы и даже свои любимые слова, которые создают внутренние циклы, которые невозможно вместить в точные хронологические рамки» [5, с. 148]. Однако, помимо тем, мотивов и образов, для более точного и полного определения «внутреннего» цикла мы выделяем к тому же хронотопическое развитие, единство образа лирического героя или лирического субъекта, а также общие особенности поэтики.

В данной работе мы хотели бы более подробно остановиться на пункте, касающемся образа лирического героя, в данном случае – лирической героини. Несомненно, что именно единство этого образа является одним из главных условий образования «внутреннего» цикла.

Понятие «лирический герой» впервые было сформулировано Ю. Тыняновым применительно к поэзии А.А. Блока. Позднее это понятие получило развитие у многих других исследователей и стало одним из ключевых в литературоведении. И.Б. Роднянская, говоря о лирическом герое М.Ю. Лермонтова, отмечает, что это художественный двойник автора-поэта, который находится «в предельном совпадении с личностью автора-поэта и в то же время – в ощущимом несовпадении с нею» [2, с. 260]. М.И. Цветаева, несомненно, наследует многие традиции поэтов-романтиков. Её лирическая героиня почти всегда автобиографична. Она менялась по мере взросления самого поэта: от юной и романтически настроенной девушки до многое пережившей и повидавшей на своем веку женщины. Но ей всегда были присущи такие черты, как «безмерность» чувств, сочетающаяся с отчаянной верностью своему долгу. Героиня Цветаевой – это сильная личность. И во многих произведениях именно она (то есть женщина) оказывается способной на настоящую любовь, тогда как мужчина обычно выступает в роли предателя своих чувств. Что же касается «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца», то в них особенно хорошо просматривается соотнесение М.И. Цветаевой с её лирической героиней и героя-влюблённого с личностью К. Родзевича.

Для лирической героини «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца» также характерны глубокие чувства, готовность отдать всё любимому человеку (*любовь – это все дары в костер – и всегда задаром!*). Любовь для неё тесно сопряжена с образом горы. Гора в поэме – это символ подлинной высоты духа. Вершина горы – это высший миг любви между героями, но уже на подъёме в гору очевидно, что за ним должен последовать спуск. И лирическая героиня это предчувствует (*дай мне о горе спеть на верху горы* [7, т. 3, с. 24]). Таким образом, сама гора несёт в себе предчувствие конца.

Ключевым мотивом двух поэм является мотив трагической любви. Любовь поднимает лирическую героиню над «обычным уровнем жизни», делает особенной, возвышает над другими – она чувствует себя и своего возлюбленного «небожителями любви», теми, кто живёт на горе подобно богам. Но одновременно они же и страдают от своего «небожительства» – лирическая героиня с горечью восклицает: *о, когда бы в сей мир явились мы простолюдинами любви!* Для «простолюдинов» «гора» – это лишь холм и бугор, а любовь у них «без вымыслов», «без вытягивания жил», «не скрашенная ни разлукою, ни ножом». Именно «простолюдины» могут познать «семьи тихие милости» и «лепет птенцов», тогда как все это недоступно лирической героине и её возлюбленному. Семейное счастье не для них. Вообще, счастье в этих поэмах подано в несколько сатирической форме – оно опошляется, лирической героине Цветаевой оно противно и чуждо. Стоит вспомнить строки из её автобиографической прозы: «Между полнотой желания и исполнением желаний, между полнотой страдания и пустотой счастья мой выбор был сделан отродясь – и дородясь» [7, т. 5, с. 72]. Таким образом, счастье для героини Цветаевой – низкая категория, счастья могут хотеть только обычные, простые люди, «муравьи». Лирическую героиню возвышает не счастье, а предстоящее ей страдание.

Но оказавшись в мире реальном, спустившись с горы, лирическая героиня теряет своё божественное могущество. Происходит отождествление с телом (*было тело, хотело жить*), душа же кажется чем-то лживым (*пресловутая ересь вздорная, именуемая душа*), так как именно из-за неё она страдает. Лирическая героиня становится уязвимой, превращается в «животное»: вся жизнь её сосредотачивается в боку, которым она соприкасается с возлюбленным. Она жмётся к нему, как «плющ», «как клещ». Этими сравнениями показывается, как жалко выглядит лирическая героиня в проявлении своих чувств, в своём ужасе перед расставанием, как отчаянно длит последние минуты близости.

Мотивы страдания и конца задаются уже в самом начале «Поэмы Горы» – в первых строках посвящения и в эпиграфе поэмы: *дай мне о горе спеть, о моей горе* [7, т. 3, с. 24] и в

эпиграфе поэмы: *О любимый! Тебя удивляет эта речь? Все расстающиеся говорят как пьяные и любят торжественность*. Этот эпиграф указывает на то, что сама поэма – не что иное, как «речь», обращённая к человеку, с которым произошло расставание. Из общего тона этой поэмы, а главное – из её послесловия, мы можем понять, что героиня Цветаевой крайне болезненно воспринимает разрыв. Жизнь после горы кажется ей «нищей и тесной». Наиболее пронзительными оказываются последние строки поэмы: в них лирическая героиня утверждает свое вечное право на любовь к этому человеку (*Я не вижу тебя совместно. Ни с одной. – Памяти месть*). Месть становится не её врагом, а благодетелем, помогающим удержать последнюю связь с прошлым.

Но если в «Поэме Горы» героиня ещё отождествляет себя с возлюбленным (*гора говорила, что не допустит нас; гора говорила о нашем горе*), то в «Поэме Конца» – наоборот, мы видим её и его отдельно друг от друга, и герой появляется уже не как абстрактно существующий адресат, а как действующее лицо, с которым лирическая героиня активно взаимодействует.

Возникает ощущение, что эти поэмы нужно читать в обратном порядке: сначала более позднюю «Поэму Конца», а уже потом первую – «Поэму Горы». Именно из «Поэмы Конца» мы узнаём о том, что же послужило причиной разрыва героев, столь сильно любящих друг друга, тогда как в «Поэме Горы» мы вместе с лирической героиней уже пребываем в точке «конца». В «Поэме Конца» мы же движемся к концу вместе с героями. Весь спуск дан в чёткой хронологии: так, герой и лирическая героиня встречаются у фонарного столба в 6 вечера. Далее дан план их передвижения: фонарный столб, кабак, набережная, мост, другой столб, изгородь. А. Саакянц отмечала, что М. Цветаевой в этой поэме важны «отдельности» и «приметы» (кафе, набережная, жесты и т.д.) [3, с. 403]. Такое пристальное внимание к деталям и чёткое указание на место, во-первых, обосновано самой Цветаевой, которая в своих черновиках написала следующее: *Теперь поэму расставания! Весь крестный путь этапами* [6, с. 167], а во-вторых, указывает на то, что в «Поэме Конца» есть более конкретный сюжет, чем в «Поэме Горы». Как пишет О.А. Скрипова, «расставание становится не только темой, но и структурой, “спинным хребтом” поэмы» [4, с. 82]. Герои движутся прочь из города, кругом дождь, грязь, как и предрекала гора (*Вниз, по такой грязи; горы глиной горькой горюют в часы разлук*).

Но почему же происходит разрыв? И. Кудрова считает, что «Поэма Конца» воплотила расставание любящих друг друга людей, потому что «это любовь парящей птицы и земного существа» [1, с. 325]. И действительно: в диалоге, который происходит между героями в кафе, через ряд оппозиций раскрывается их непохожесть. Для него постель, для неё – пропасть, то есть место, куда падают без надежды на спасение, очертя голову. Для него единственный возможный выбор – жизнь, для лирической героини расставание означает лишь одно – смерть (*смерть – и никаких устройств!*). Несовместимость героев раскрывается через их отношения к дому (это важный мотив, связывающий две поэмы): для неё дом – в сердце, то есть это место не материальное, а духовное, для него же дом – пространство для жизни, конкретное место, то есть нечто вещественное. Во время диалога героиня восклицает про себя: *Просила же тебя: не сглазь, В тот час сокровенный, ближний, Тот час на верху горы и страсти* [7, т. 3, с. 36]. Гора здесь возникает как перифраз абсолютного счастья героев. И лирическая героиня уже чувствует, что «тот час» остался в далёком прошлом. В своих черновиках М. Цветаева писала, что «героиня хочет любви по вертикали, а герой – по горизонтали» [6, с. 168]. «Небожителем» он оказывается по ошибке. Безусловно, герой любит лирическую героиню, он хочет уехать с ней, ему тяжело с ней проститься. Однако жизнь не оставляет им выбора, и вся поэма – это спуск с горы, отсюда и название «Поэма Конца».

Вместе с последовательным перемещением героев в пространстве мы наблюдаем за изменениями в их психологическом состоянии. Так, в начале своего пути и в момент разговора в кафе они как будто разъединены и совсем чужие друг другу (*Нам с вами нужно*

говорить. ... *Уедем. – А я: умрем, надеялась*), однако после перехода моста, уже к концу своего пути, они будто бы вновь примиряются с неизбежной разлукой и соединяются: своеобразной кульминацией становится совместный плач, который для лирической героини значит «больше – чем сон». Мотив сна занимает важное место в лирике Цветаевой: если вспомнить другие её стихотворения (например: *Весна наводит сон. Уснем. Хоть врозь, а все же сдается: все разрозненности сводит сон*), становится понятно, что сон для лирической героини – это выход в пространство между жизнью и смертью, мистическая среда, где становятся возможными самые близкие контакты между людьми. Значит, если «плач – больше, чем сон», то для неё это совместное действие становится последним мигом их настоящей духовной близости, мигом, в который «души начинают видеть» (ср. стихотворение «Час, когда вверху цари...»).

Таким образом, мы видим, что образ лирической героини действительно является важнейшим звеном, объединяющим две поэмы в особый «внутренний» цикл, наряду с ключевыми темами и мотивами. В заключение хочется только добавить, что эти поэмы не просто о разрыве двух любящих сердец или о неудавшемся романе, нет, они об одиночестве – бессменном спутнике всех поэтов. Они о трагическом несовпадении, выпадении поэта, чей путь – путь комет: «рвя, а не возвращая». И жизнь М.И. Цветаевой, как и всё её творчество, один из самых ярких примеров этого рокового «несовпадения» и столкновения «безмерности» с «миром мер».

Список литературы

1. Кудрова И.В. Путь комет: жизнь Марины Цветаевой. – СПб.: Вита Нова, 2002. – 768 с.
2. Роднянская И.Б. Лирический герой // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М.: Советская Энциклопедия, 1981. – С. 258-262.
3. Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М.: Эллис Лак, 1999.
4. Скрипова О.А. «Поэтика предельности» в «Поэме Конца» Марины Цветаевой // Филологический класс. – 2005. – № 14. – С. 82-87.
5. Тарановский К.Ф. Очерки о поэзии Мандельштама // Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике. – М.: Языки русской культуры, 2000. – с. 13-209.
6. Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради. – М., 1997. – 282 с.
7. Цветаева М.И. Собрание сочинений в 7 т. – М.: Эллис Лак, 1994.

Гончаров Д.Ю.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Goncharov D.Yu.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

АРХАИЧЕСКИЕ КОРНИ СЮЖЕТА ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «НОС»

ARCHAIC ROOTS OF THE PLOT IN N.V. GOGOL'S STORY "THE NOSE"

В статье выдвигается тезис об архаическом генезисе некоторых элементов сюжета повести Н.В. Гоголя «Нос». Проводится сравнительный анализ сюжетных схем «Носа» и «Пропавшей грамоты», выявляющий генетическое сходство сюжета «Носа» с традиционным сюжетом волшебной сказки, реконструированным В.Я. Проппом. Выделяются трансформации традиционного сюжета в повести «Нос» и определяется значение этих трансформаций в контексте поэтики «Петербургских повестей».

Ключевые слова: *сюжет, трансформации традиционного сюжета, волшебная сказка, мифопоэтика, архаический генезис, «Петербургские повести», Гоголь.*

The author proposes the idea of archaic genesis of some plot elements in N.V. Gogol's story "The Nose". Comparative analysis of the plot structures of "The Nose" and "The Lost Letter" is undertaken. It reveals genetic similarity of "The Nose" to a traditional plot of a fairy tale reconstructed by V.Ya. Propp. The transformations of a traditional plot in "The Nose" are highlighted, and the meaning of these transformations in the poetic context of "Petersburg tales" is identified.

Key words: *plot, transformations of a traditional plot, fairy tale, mythopoetics, archaic genesis, "Petersburg Tales", Gogol.*

Архаика является фундаментальным содержанием гоголевских текстов и одной из главных форм концептуализации Гоголем мира и человека. Причиной тому – само мирочувствование писателя, которое в значительной степени сформировано системой древнеславянских архаических структур, коренящихся в его подсознании [9, с. 6-7, 11-12]. Мифопоэтический анализ произведений Гоголя продуктивен: поддаются реконструкции различные архетипы и мифологемы [8; 9; 11], выявляется их специфика в художественных текстах автора.

Одним из каналов проникновения архаики в произведения Гоголя является сюжет (например, путешествие за потусторонним магическим знанием в «Вечерах на хуторе близ Диканьки») [4, с. 71]. Под сюжетом мы будем понимать сложную и вариативную повествовательную схему, представляющую собой комплекс простейших взаимосвязанных, расположенных в линейной последовательности смысловых компонентов – мотивов [3, с. 236]. Дальнейшая разложимость/неразложимость мотива для нас не релевантна – важно само соотношение мотива и сюжета как части и целого в рамках единой (в нашем случае – архаической) структуры.

Сюжет произведений Гоголя уже был предметом специального исследования в книге М.Я. Вайскопфа «Сюжет Гоголя». Учёный выделяет глубинный инвариант гоголевских сюжетов, который сформировался ещё в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и представляет собой, на известном уровне абстракции, сюжет о путешествии героя за утраченной Божественной Премудростью-Софией, имеющем целью восстановление гармонии в мире [4, с. 12, 104]. Такая «ёмкая сюжетно-семантическая схема» актуальна для всей совокупности гоголевских текстов, созданных в разное время [4, с. 11, 99]. Нужно заметить, что, при общем акценте исследования на софиологических мотивах и гностическом дуализме в сюжете Гоголя, собственно архаика затрагивается учёным эпизодически.

Цель нашего исследования – определение архаических корней сюжета повести Н.В. Гоголя «Нос». Мы предполагаем наличие в повести элементов сюжета волшебной

сказки, творчески переосмысленных автором. Также мы собираемся выяснить, как именно автор трансформирует эти элементы и для достижения каких художественных целей такая трансформация понадобилась.

Сюжет повести «Нос» уже анализировался с привлечением различных историко-культурных контекстов: стернианской и «носологической» литературно-публицистических традиций [5], гностико-софиологического сюжета об обретении «божественной Премудрости» [4], а также художественного мира произведений Гоголя в целом [2]. С точки зрения архаического генезиса сюжет повести не рассматривался. Наш подход к его анализу перспективен и с учётом упомянутой высокой роли архаики в произведениях писателя.

В нашем исследовании мы обратимся к сопоставительному анализу сюжетов «Носа» и ранней повести «Пропавшая грамота». В проведении данного сопоставления мы руководствуемся тремя основаниями. Во-первых, именно на раннем этапе творчества (включающем работу над «Пропавшей грамотой») Гоголь напрямую обращается к архаическим жанрам [11, с. 78], среди которых – волшебная сказка [4, с. 71]; архаика в повестях «Вечеров на хуторе близ Диканьки» очевидна, дана «наглядно», эксплицитно (в виде конкретных образов и мотивов). Во-вторых, сам факт опыта обращения Гоголя к мотивам волшебной сказки и использования их в сюжетах своих повестей на раннем этапе творчества [4, с. 71] обеспечивает возможность использования писателем этих же мотивов в дальнейшем. В конце концов, литературный путь Гоголя уже не раз рассматривался исследователями как единый и непрерывный «творческий процесс» [1, с. 7-8; 4, с. 11], а наличие универсального сюжетного инварианта доказано Вайскопфом. В-третьих, из всех повестей «Вечеров...» именно «Пропавшая грамота» по своей сюжетной структуре наиболее близка «Носу», что станет ясно из непосредственного анализа, предложенного ниже.

Сюжетная схема «Пропавшей грамоты» (а также повестей «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь» и «Ночь перед Рождеством») действительно в основе своей соответствует тому сюжетному инварианту волшебной сказки, который выделил В.Я. Пропп в классическом труде «Морфология волшебной сказки». Инвариант, как известно, включает 31 функцию сказочных героев; функции эти, всегда находясь в строгой линейной последовательности, присутствуют, варьируясь числом, в каждой волшебной сказке (то есть не обязательно, чтобы все функции содержались в каждой конкретной сказке) [13, с. 60]. Мы укажем на основные из этих функций, существующих в «Пропавшей грамоте»: дед утрачивает грамоту и решает её отыскать (*вредительство/недостача + соединительный момент* [13, с. 31–36]); дед «кинулся достать чужого ума» [6, с. 118] у посетителей шинка (то есть *решается на противодействие* [13, с. 38]). Дед получает от шинкаря совет, за который вынужден дать денег (*первая функция дарителя + реакция героя + получение волшебного средства* [13, с. 39–43]); дед обыгрывает ведьму в карты (*борьба + победа* [13, с. 48-49]) и возвращает грамоту (*ликвидация недостачи*) [13, с. 50].

Теперь же посмотрим на сюжет «Носа». Ключевые элементы пропповской схемы мы имеем и здесь: исходная фатальная недостача (пропажа носа), *соединительный момент* (Ковалёв решает отправиться на поиски носа), *начинающееся противодействие* (Ковалёв «полетел прямо к обер-полицмейстеру» [7, с. 52]) и финальное *снятие недостачи* (появление носа). Присутствует и так называемая «исходная ситуация», вводящая героя и акцентирующая его благополучие до наступления беды [13, с. 26-27] – говорится обо всех выгодах, которых Ковалёва лишает отсутствие носа. При этом упор так по-гоголевски делается исключительно на внешнее благополучие: прогулки Ковалёва по Невскому проспекту, его чистый и накрахмаленный воротничок, «полные, румяные щёки» с бакенбардами, доходящими «до самого носа», «множество перчаток» [7, с. 53]. Без носа же подобным прогулкам придёт конец.

Для волшебной сказки типично также наличие двух «ходов», когда после ликвидации недостачи новая беда запускает новый ряд функций, то есть новый сюжетный «ход», который частично повторяет функции первого (например, встречу с чудесным помощником и обретение волшебного средства) [13, с. 55]. Эту ситуацию имеем и в «Носе». Первый ход ведёт к ликвидации недостачи в виде получения носа от квартального надзирателя; второй ход вызван новой бедой (*Нос не приклеивался!..* [7, с. 69]) и связан с попытками приставить нос на место (вызов доктора как нового потенциального помощника). Видим, что основание для предположения о генетическом сродстве сюжетов «Носа» и волшебной сказки существенно (конечно, с обязательным учётом указанного нами контекста в виде повестей «Вечеров...»).

Тем не менее, это были *общие* структурные сходства; они апеллируют к проповской инвариантной модели сюжета. Теперь рассмотрим сюжетную схему «Носа» на предмет ещё более существенных, *частных* соответствий с сюжетом волшебной сказки. Для этого мы воспользуемся критериями, предложенными Е.М. Мелетинским, С.Ю. Неклюдовым, Е.С. Новик и Д.М. Сегал в их работе «Опыт структурного описания волшебной сказки». Ориентируясь на метасюжет волшебной сказки, открытый В.Я. Проппом, исследователи выделяют несколько структурных типов сказочных сюжетов в попытке дать им «более строгую национальную классификацию» [12, с. 32].

За основу своей классификации учёные берут четыре критерия: наличие/отсутствие независимого от героя объекта борьбы; объект добывается героем для кого-то или для самого себя; основная коллизия носит семейный/несемейный характер; мифическое/немифическое место основного испытания [12, с. 30-32]. В нашем случае сюжет повести «Нос» имеет центральной коллизией утрату важного предмета – у майора Ковалёва пропал нос. В центре сюжета, таким образом, ущерб, причинённый герою, изоморфный недостаче предмета. Независимый *объект* борьбы – нос майора Ковалёва. Однако Ковалёв, далее, добывает нос исключительно для себя. Коллизия повести не носит семейного характера; автономного мифического локуса в повести нет (только реальный Петербург). Теперь, ориентируясь на классификацию Мелетинского, Неклюдова и др., мы можем отнести сюжет «Носа» к сюжетам *сказки о чудесных предметах* [12, с. 32] (конечно, имея в виду теоретический характер такого отнесения).

Теперь – о трансформациях традиционного сюжета в «Носе». Первое, что бросается в глаза, – Гоголь начинает сюжет сразу с беды, не давая предварительной её мотивировки. Между тем, волшебная сказка знает целый ряд сюжетных элементов (проповских «функций»), которые предшествуют беде, вводят антагониста и подготавливают наступление беды [13, с. 26-31]. Гоголь же всё это опускает, акцентируя необъяснимость, будто бы немотивированность пропажи носа: *Только чёрт разберёт это!* [7, с. 73].

Двояки функции самого носа. С одной стороны, он – самоцель, искомый предмет; без носа «человек – птица не птица, гражданин не гражданин, чёрт знает что такое!» [7, с. 65]. С другой – нос является в то же время и своеобразным «волшебным средством», которое должно обеспечить Ковалёву невесту и «полцарства» (известны карьерные и связанные с женитьбой амбиции Ковалёва). Происходит ассоциация функций – собственно, для сюжета волшебной сказки это типично [13, с. 61-64].

Бросается в глаза также, что в «Носе» нет чудесного помощника. Гоголь последовательно вводит в повествование четырёх персонажей, каждый из которых мог бы им быть, и всех четырёх в этом плане дискредитирует. Обер-полицмейстера Ковалёв не застает дома, чиновник газетной экспедиции отказывается печатать объявление о пропаже носа, частный пристав отказывается принимать майора, а доктор – приставлять нос на место. Ковалёв, таким образом, лишается всякого возможного «волшебного средства». Единственная фигура, которая в этих условиях всё-таки может претендовать на роль помощника, – квартальный надзиратель. Однако его действия, во-первых, приходятся на тот момент, когда герой уже вернулся домой и все испытания теоретически должны быть

пройдены (необходимого же для обретения помощника дополнительного испытания нет вовсе), и, во-вторых, надзиратель просто приносит искомый предмет, в то время как должен бы лишь помочь герою самому его добыть.

Нет и очевидной фигуры антагониста-вредителя. Для сказки одним из вариантов антагониста является ведьма [13, с. 30]. В «Носе» мотивировка пропажи носа колдовскими махинациями штаб-офицерши Подточиной наличествует (*наняла <...> каких-нибудь колдовок-баб* [7, с. 66]), но, как известно, в конце концов снимается. Нос пропадает сам собой, и единственный, кого в конечном счёте можно признать вредителем, – это чёрт. Фигура чёрта неоднократно использовалась Гоголем в «Вечерах...» («Сорочинская ярмарка», «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством»). Чёрт мог выступать как вредитель, «захватчик и разъединитель», который пытается захватить мир и «разъединить людей ... зияниями и “провалами”» [4, с. 103]. А в «Ночи перед Рождеством» он был и чудесным помощником (такая функция демона, кстати, специфична для Гоголя [4, с. 105]). В случае с «Носом» мы имеем дело только с упоминаниями чёрта, и то не в прямом значении – Ковалёв попросту чертыхается. Нивелировка фигуры вредителя при наличии вреда (пропажа носа) говорит об отсутствии необходимости этой фигуры – исходную недостачу обуславливает сам дисгармоничный, абсурдно-хаотический мир гоголевского Петербурга, в котором реальность мешается с фантастикой [10, с. 70]; такой хаос сам по себе – маркер нечистой силы, преисподней [10, с. 65]. Фигура вредителя (чёрта или кого бы то ни было) в этом отношении становится попросту излишней. Следовательно, выключается из сюжетной структуры и борьба с антагонистом, то есть основное испытание. В этих условиях Ковалёв, по меткому замечанию В.В. Виноградова, «как сказочный герой, оказывается на распутьи» [5], и значительная часть сюжета повести приходится на безрезультатные блуждания героя по Петербургу.

Итак, сюжетная схема волшебной сказки, уже использованная Гоголем в ранних повестях, в повести «Нос» претерпевает ряд трансформаций:

- редукция предавязочных функций героев (действие начинается непосредственно с вреда);
- нивелирование фигуры вредителя при наличии вреда и отсутствие основного испытания;
- подчёркиваемая дискредитация всех потенциальных помощников, ведущая к отсутствию таковых;
- финальное снятие недостачи ничем не мотивировано.

Мы считаем, что отмеченные изменения могут быть объяснены особенностями поэтики «Петербургских повестей», ядро которой – особая, а именно *мифологическая*, модель мира [10, с. 71]. В «Петербургских повестях», при внешнем их бытовизме, мы наблюдаем *мифологизацию* Петербурга [10, с. 70], подспудно творимую посредством распылённых по тексту аллюзивных связей с различными мифическими концептами, такими как царство мёртвых и, что особенно существенно для нас, – эсхатологический *хаос*, которым охвачен мир [об этом см.: 10, с. 64-71]. В этом отношении сюжетные трансформации семантичны – Гоголь как бы разбивает традиционный, логически чёткий сюжет волшебной сказки и использует лишь отдельные его осколки в создании «образной реальности наступающего хаоса» [10, с. 68], своего особого художественного мира, для которого типичны «непредсказуемая и неудержимая импровизация» авторской фантазии [10, с. 53]. Той же поэтикой объясняются соответствия именно с сюжетом сказок о чудесных предметах. Петербургский чиновник (в терминологии А. Белого, «отщепенец, перенесённый в Петербург чёртом» [1, с. 56]), всяческими способами пытается заполучить некий вещный «знак существования» [2, с. 148], то есть необходимый ему «чудесный предмет», и тем самым «обрести значение как сущность, противоположную исчезновению, ничтожеству, небытию» [2, с. 147], в абсурдном хаосе гоголевского Петербурга, где «всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется!» [7, с. 46].

Подчеркнём – речь не идёт о сознательном заимствовании Гоголем сюжета своих ранних повестей и сознательном же интегрировании его в повесть «Нос»; мы скорее предполагаем стихийное проникновение некоторых элементов этого сюжета в повесть. Такое проникновение возможно в связи с упомянутой интертекстуальностью гоголевского творчества, объясняется особенностями поэтики «Петербургских повестей» и происходит только в сложном переплетении с другими литературно-публицистическими влияниями. Мы же только выявляем те элементы сюжета повести, архаический генезис которых теоретически доказуем, с учётом сходных случаев в предшествующих художественных опытах писателя. Вопрос о конкретных заимствованиях может стать, во всяком случае, лишь следующим этапом исследования сюжета повести в обозначенном направлении.

Список литературы

1. Белый А. Собрание сочинений. Мастерство Гоголя. Исследование / Общ. ред., сост., послесл. и comment. Л.А. Сугай. – М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2013. – 559 с.
2. Бочаров С.Г. О художественных мирах. – М.: Советская Россия, 1985. – 296 с.
3. Буцилина Ю.Н. К вопросу о соотношении сюжета и мотива как структурообразующих элементов в словесном творчестве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 2. – С. 236-241.
4. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2002. – 686 с.
5. Виноградов В.В. Натуралистический гротеск (сюжет и композиция повести Н.В. Гоголя «Нос») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/v76/v762005-.htm?cmd=p> (Дата обращения: 27.09.2017).
6. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 320 с.
7. Гоголь Н.В. Петербургские повести: повести, комедии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 512 с.
8. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 232 с.
9. Иваницкий А.И. Гоголь: морфология земли и власти. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – 188 с.
10. Маркович В.М. Петербургские повести Н.В. Гоголя. – СПб.: Художественная литература, 1989. – 208 с.
11. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. – 136 с.
12. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Опыт структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 234 с.
13. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2001. – 192 с.

Гускина Е.Н.
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Guskina E.N.
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

К ВОПРОСУ О ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СЛОВА *ВПРОЧЕМ* DISCUSSING THE PART-OF-SPEECH STATUS OF THE WORD *ВПРОЧЕМ*

В статье рассматривается вопрос о частеречной принадлежности слова *впрочем*, анализируется его характеристика в словарях русского языка и трудах отечественных лингвистов.

Ключевые слова: *частеречная принадлежность, связующая функция, служебные слова, противительный союз, текстовая скрепа, модальное слово*.

This article discusses the part-of-speech status of the word *впрочем* and analyzes its descriptions in the dictionaries of the Russian language and works of Russian linguists.

Key words: *part-of-speech status, cohesive function, auxiliary words, adversative conjunction, text connector, modal word*.

В настоящее время одной из актуальных проблем языкоznания является проблема изменения категориального статуса и расширения функций слов, традиционно считающихся служебными. Помимо своего основного назначения – связи частей словосочетания и предложения, они несут важную информацию о высказывании, которую желает передать говорящий. Можно утверждать, что к таким словам со спорным статусом относится и слово *впрочем*.

Приведем несколько примеров употребления *впрочем*:

1) *Весь мой выпуск, не подлежащий призыву на войну, <...> разместили в земствах.*

Впрочем, это неинтересно никому. Из приятелей узнал только об Иванове и Бомгарде (М. Булгаков. Морфий [2]) – слово *впрочем* связывает высказывания в тексте.

2) *По правую руку от Еропкина, сложив руки крестом и воздев очи горе, что-то тоненько напевал миловидный юноша. Он был в белой рубашке, но, *впрочем*, не такой уж белоснежной, как гласила молва – видно, давно её не менял* (Б. Акунин. Пиковый валет [1]) – присоюзное употребление в составе конструкции ряд.

3) *Почему косметологи так любят его [масло зародышей пшеницы], как, *впрочем*, и другие масла, полученные из семян? Потому что любое семечко, и тем более зародыш растения, – это уникальный концентрат полезных веществ, мощный запас питательных компонентов* (Чудо-Эликсиры из зернышек берегут твою молодость // «Даша», 2004 // Национальный корпус русского языка [7]) – употребление в составе трёхчленной конструкции с союзом *как*.

4) *– А позвольте узнать ваше имя, – спросил д'Эvre, с любопытством взглянув на Фандорина. – Эраст Фандорин, – ответил волонтер, *впрочем*, смотря не на француза, а на Соболева. – Воевал в Сербии, а теперь направляюсь в г-главный штаб с важным сообщением* (Б. Акунин. Туристический гамбит) – употребление в составе деепричастного оборота, в пределах одного высказывания.

Следует отметить, что эти примеры не охватывают всего разнообразия функционирования слова *впрочем*, но отражают его основные употребления: в связующей функции в тексте (1), присоюзное употребление в конструкциях простого предложения (2), в составе трёхчленной конструкции (3), в составе деепричастного оборота (4). Столь разнообразные функции слова *впрочем* обуславливают необходимость его классификационной характеристики.

С этой целью обратимся к квалификации слова *впрочем* по данным словарей.

1. «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой:

«ВПРОЧЕМ. 1. **Союз.** Присоединяет предложение (или его часть), ограничивая смысл предшествующего, в знач. Однако, но, хотя и. *Пособие хорошее, в. не во всех частях.* 2. **вводн. сл.** Выражает нерешительность, колебание, переход к другой мысли. *Я, в., не знаю, решай сам*» [8, с. 102].

2. «Русский толковый словарь» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной:

«ВПРОЧЕМ, 1. **Союз.** Однако, хотя и (присоединяет предложение или его часть, ограничивая смысл предшествующего). *Он сговорчив, в. не всегда.* 2. **вводн. сл.** Употр. для выражения нерешительности, колебания в суждении, перехода к другой мысли. *В., я не настаиваю, делай как хочешь*» [5, с. 72].

3. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова:

«ВПРОЧЕМ, **союз противительный.** 1. Тем не менее, всё же, однако. *Он ленив, в. хороший работник. Вот вам совет – в., как хотите.* 2. Выражает колебание, нерешительность или употр. при обрыве начатой мысли для обозначения перехода к другой (разг.). *В., нет, я не пойду. В., я не знаю, стоит ли*» [14, с. 390].

4. «Словарь русского языка» в 4 томах под редакцией А.П. Евгеньевой (Малый академический словарь):

«ВПРОЧЕМ. 1. **противительный союз.** Присоединяет предложение (или его часть), ограничивающее высказанную мысль, положение; соответствующее по значению словам: однако, тем не менее, всё же. [Город Бельск] очень похож на все уездные города; *впрочем он выгодно отличается от своих собратий удивительною чистотою улиц.* Гаршин, Медведи. 2. в знач. **вводн. сл.** Выражает нерешительность, колебание, сомнение. [Степка:] *Печку-то затопить? [Софья:] Не нужно... Впрочем – затопи.* М. Горький, Зыковы. – *Вот вы улыбаетесь. А впрочем, может быть, я говорю и не то, что надо.* Катаев, Короленко» [12, с. 224].

5. «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах под редакцией В.И. Чернышева (Большой академический словарь):

«**Впрочем**, противительный союз. Однако, все-таки, тем не менее. *Никто не смеется. Впрочем, Володя отвернулся, как будто для того, чтобы не показать улыбки.* Федин, Пох. Евр., кн. II, гл. 11. *Сам город [Бельск] не представляет собой ничего особенно выдающегося и очень похож на все уездные города; впрочем, он выгодно отличается от своих собратий удивительною чистотою улиц.* Гарш. Медведи. *Я полагаю приобрестисть мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии, как живые, – сказал Чичиков.* Гог, Мертв., души, т. I, гл. 2. • С оттенком нерешительности, колебания, в значении: но лучше, а все-таки. [Степа:] *Печку то затопить? [Софья:] Не нужно. Впрочем, затопи.* М. Горький, Зыковы, д. III» [13, с. 779].

Сопоставляя эти характеристики, можно отметить, что наиболее последовательно описание представлено в Большом академическом словаре и в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, поскольку квалификация *впрочем* как союза отражает его связующую функцию во всех приведённых примерах. Что касается квалификации его как вводного слова в словарях [8], [5], [12], то это не отражает ни его частеречной природы, ни синтаксической функции.

Для уточнения языковой природы данного слова рассмотрим его характеристики в лингвистических исследованиях.

В своём труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» В.В. Виноградов отмечает, что «употребление многих союзов характеризуется резкими колебаниями в степени тесноты и зависимости выражаемых ими синтаксических связей <...> *хоть и хотя* очень близки по значениям к союзам *а* и *но*. Ср. сближение *хоть* и *хотя* с союзом *впрочем*: “Одета она была в опрятное, *хоть* и полинялое ситцевое платье” (Тургенев)» [3, с. 555, подчёркнуто нами – Е.Г.]. Но в этой же работе он относит *впрочем* к обширному классу модальных слов и, в частности, к модальным частицам: «модальный оттенок предложения в

целом выражается переходными частицами союзно-наречного типа вроде: *напротив*, *наоборот*, *впрочем* и другие подобные» [3, с. 574, подчёркнуто нами – Е.Г.].

Кроме того, В.В. Виноградов отмечает, что некоторые модальные слова, одновременно с функцией выражения модальности могут иметь и союзные функции: «Это слово, кроме значения противительного союза (*тем не менее*, *все же*), может выражать колебания, нерешительность. Оно указывает на внезапный излом в логическом движении речи: *Впрочем, я не уверен, удастся ли это предприятие*. Ср. у Салтыкова-Щедрина: «*А впрочем, не распить ли нам бутылку старенького? У меня есть такое, что пальчики оближешь*» («Губернские очерки»)» [3, с. 579].

А.Ф. Прияткина в статье «Союз и его функциональные аналоги», отмечая расширение состава традиционной категории служебных слов, описывает процесс, который условно называет «союзеподобие»: «Выяснение того фактического положения, что в современном русском языке существует множество возможностей выражения синтаксической связи лексическими средствами, побуждает некоторых авторов расширить понятие союза. К союзам относят, например, *поэтому*, *это*, *причем*, *при этом*, *впрочем* и т.д.» [10, с. 158]. Для разграничения понятий «союз» и «союзное средство» А.Ф. Прияткина обращается к термину Л.А. Булаховского «скрепа»: «В частности, можно, по-видимому, говорить об относительно самостоятельной функции «скрепы» – служебного слова, являющегося специальным показателем связи между предложениями в составе сложного синтаксического целого (межфразные связи в тексте)» [Там же].

«Русская грамматика» относит *впрочем* к аналогам союзов: «В состав простых союзов входят союзы и союзные частицы <...> неоднородные как по своему формальному строению, так и по семантической специализации и условиям употребления. <...> Сюда же примыкает группа слов с квалифицирующими лексическими значениями, которые активно вовлекаются в сферу союзных средств, т. е. в предложении выступают как аналоги союзов» [11, подчёркнуто нами – Е.Г.]. В числе примеров слов данной категории авторы приводят и *впрочем*.

Авторы монографии «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания» относят *впрочем* к дискурсивным словам, под которыми понимается особый класс слов, «принципиально важным свойством которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса», при этом сопоставляют содержание данного понятия с виноградовским определением «модальных слов» [4, с. 7].

Наряду с терминами *союз*, *вводное слово*, *скрепа*, *дискурсивное слово*, применительно к слову *впрочем* можно использовать термин *релятив*. Так, М.В. Ляпон в работе «Смысловая структура сложного предложения и текст» говорит: «Определение знаковой природы и функциональной сущности релятивов <...> затрудняется неоднозначностью их категориального статуса и уровневой принадлежности: например, союзы и их аналоги, обслуживая, в первую очередь, сферу синтаксиса, в качестве связующих средств в рамках предложения и за его пределами, в то же время обладают смысловым потенциалом» [6, с. 14]. В данном исследовании *впрочем* относится к противительным релятивам: «Их употребление обусловлено намерением акцентировать диаметральную противоположность ситуаций, «обсуждаемых» в соотнесенных частях высказывания». Автор приводит пример *Ему погрозили пальцем, но, впрочем, ничего не сказали* (Ю. Тынянов) и отмечает, что в нём «уступительность представлена в «ослабленном» виде, – скорее как полемическое соотнесение тезиса и антитезиса, чем как отвергнутая причинность» [6, с. 152].

Н.П. Перфильева в монографии «Метатекст в аспекте текстовых категорий» относит *впрочем* к метапоказателям линейно-деструктивных отношений, то есть к таким отношениям компонентов текста, при которых «линейный характер их отношений нарушается интонационной, содержательной разорванностью, прерванностью высказывания, что выражается в его лишенном целостности интонационном рисунке предложения» [9, с. 192]. По мнению исследователя, говорящий интерпретирует такие метапоказатели следующим

образом: «Я обращаю внимание адресата, что в речи есть основная линия повествования / развития мысли и побочная, нарушающая линейность фрагмента текста» [9, с. 191].

Пример, приведенный Н.П. Перфильевой:

— *А знаешь, брат, что?* — *вдруг быстро и волнуясь спросил Сливинский, — тебе не приходит в голову, что скоро должен умереть?*

— *Перестань, пожалуйста.*

— *Ты не веришь? Но я в твоем лице ясно вижу черты особенной духовной красоты. Понимаешь? Я часто наблюдал, когда лежал в клинике: у нервных людей за несколько недель до смерти видно, как дух, освобождаясь, разрушает свою темницу. **Впрочем, бросим об этом.** Чем ты теперь занимаешься? Работаешь?* (А. Куприн) [9, с. 190].

Таким образом, частеречный статус слова *впрочем* определяется специалистами неоднозначно. В разных лексикографических и научных источниках это слово квалифицируется как:

- 1) противительный союз;
- 2) вводное слово;
- 3) модальная частица;
- 4) скрепа;
- 5) дискурсивное слово;
- 6) противительный релятив;
- 7) метапоказатель линейно-деструктивных отношений.

В одних случаях прямо или косвенно отражается связующая функция *впрочем* (1, 4, 5, 6, 7), в других – общая функциональная характеристика (2, 3).

Мы полагаем, что в силу сложной семантико- pragmaticальной и синтаксической природы слова *впрочем* отнести его со всей определённостью к одной части речи невозможно. Вместе с тем наблюдения над материалом дают основания считать, что наиболее адекватно функциональные свойства данного слова отражает термин *текстовая скрепа*.

Список литературы

1. Акунин Б. Пиковый валет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.akunin.ru/knigi/fandorin/erast/pikovy_i_valet/glava9/
2. Булгаков М.А. Морфий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/BULGAKOW/zapiskiw.txt>
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
4. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – М.: Метатекст, 1998. – 447 с.
5. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: Русский язык, 2001. – 882 с.
6. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 200 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.
9. Перфильева Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 285 с.
10. Прияткина А.Ф. Союз и его функциональные аналоги // Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – с. 157-165.
11. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusgram.narod.ru/1669-1688.html>
12. Словарь русского языка: В 4-х т. – Т. 1 / АН СССР, Институт русского языка; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981.
13. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В.И. Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.
14. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. – Т. 1 / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», ОГИЗ, 1935.

Дряхлова А.А.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Dryakchlova A.A.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕТЕРИТАЛЬНЫХ ФОРМ В «ПОВЕСТИ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ»

SOME PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE PRETERITE FORMS IN “THE TALE OF AKIR THE WISE”

Статья отражает исследование текста переводного литературного памятника с точки зрения употребления в нём сложной системы прошедших времён старославянского глагола. Описываются наиболее частотные, а также нестандартные случаи словоупотребления и объясняются возможные причины их возникновения.

Ключевые слова: *претериты, аорист, имперфект, кирилло-мефодиевская традиция*.

The article analyzes the text of the translated literary masterpiece in terms of using the complex past tense system of old Slavic verb in it. The most frequent and non-standard cases of old Slavic verb use are described and the possible reasons of their origin are explained.

Key words: *preterites, aorist, imperfect, Cyril and Methodius tradition*.

«Повесть об Акире Премудром» является переводным памятником древнерусской книжности и восходит к ассирийской повести V-VII века до н.э. На Руси её первый перевод появился уже примерно в XI-XII веке, при этом, как считают А.Д. Григорьев и Н.А. Мещерский, сделан он был с сирийского языка, хотя окончательно источник не установлен. Древнейший текст перевода сохранился только в трёх списках [7]. В данной работе мы рассматриваем текст списка собрания Общества истории и древностей российских (ОИДР) № 189, датируемый XV веком, единственный полный из всех сохранившихся.

Мы исходим из того, что язык текстов книжной традиции Древней Руси – церковнославянский – в отношении некоторых черт, прежде всего грамматических, отличался от живого языка повседневного общения – древнерусского. Церковнославянский язык, южнославянский по происхождению, был воспринят восточными славянами через образцовые тексты, созданные в кирилло-мефодиевскую эпоху. Древнерусский книжник, создававший оригинальное произведение или осуществлявший перевод иноязычного текста, был вынужден пользоваться системой, в большей или меньшей степени чуждой его языковому чутью.

В то время когда книжная традиция требовала последовательного употребления всех четырёх претеритальных форм, в текстах нелитературных различные оттенки значений прошедшего времени писцы могли выражать историческими формами перфекта, действительными причастиями прошедшего времени на -л. Это значит, что традиционная система прошедших времён не распространялась на деловую документацию или частные записи, где изображение прошлых событий осуществлялось в соответствии с языковым чутьём пишущего [3, с. 308].

Строгая каноничность литературных памятников объясняется их отнесённостью к религиозной тематике: В.М. Живов считает, что любой литературный текст Древней Руси создается для раскрытия и дополнения отдельных тем и смыслов Св. Писания. Книжник не мог допустить целенаправленного нарушения традиции [4, с. 103]. Поэтому так тщательно в течение нескольких веков соблюдались правила, заложенные в кирилло-мефодиевскую эпоху. Тем не менее содержание, жанр текста, а также коммуникативно-прагматическая цель

автора произведения могли влиять на то, что книжник отступал в какой-то мере от сформировавшейся традиции.

Особенностью исследуемого памятника является редкая для Древней Руси форма повествования: нарративные фрагменты выстраиваются как повествование от 1 лица, то есть представляют собой в каком-то смысле автобиографию или даже «автожитие» (примеров, подобных этому, в древнерусской книжности немного: можно указать на похожее построение отдельных фрагментов текста «Поучения Владимира Мономаха», «Моления Даниила Заточника» и, конечно, повествовательную структуру «Жития проповедника Аввакума»).

Повествователь в данном тексте персонифицирован, он входит в мир текста, являясь одним из персонажей. Это рассказчик, или так называемый диегетический повествователь [6, с. 203].

Рассматриваемый нами список текста ПоАП относится уже к тому веку, когда в живой народно-разговорной речи единственной формой для выражения прошедшего времени выступал, по мнению Р.И. Аванесова, бывший перфект, изменивший свой план выражения и план содержания [1, с. 92].

В свете такой особенности языковой ситуации в эпоху создания текста, как значительное дистанцирование книжно-письменной традиции и народно-разговорного употребления, интерес представляет следующее. Во-первых, насколько перевод ассирийской повести вписывается в общую книжную традицию Древней Руси, соответствует ли выбор переводчиком языковых средств существующей в то время норме книжного языка (одним из показателей которой является правильное употребление претеритальных форм старославянского глагола), и если есть отступления от неё, то чем они обусловлены. Во-вторых, влияет ли введение первоначального повествователя в структуру текста на тенденции функционирования глагольных форм в целом. Важность ответа на этот вопрос обусловлена тем, что образцовые книжные нарративные тексты, усваиваемые древнерусскими книжниками, представляли собой прежде всего традиционное третьесличное повествование. Таким образом, целью нашего исследования стал анализ претеритальных форм, участвующих в формировании прежде всего нарративных фрагментов данного произведения.

Методом сплошной выборки в тексте повести было выявлено 410 случаев словоупотребления претеритальных форм. Количественное распределение употребления форм прошедшего времени, используемых древнерусским книжником, таково: подавляющее большинство составляют формы аориста, это основная повествовательная форма, встречающаяся, однако, и в диалогических фрагментах, вторая по частотности повествовательная форма – имперфект, наименьшее количество употреблений составляют формы плюсквамперфекта. В диалогических фрагментах наибольшее количество употреблений имеют формы аориста и перфекта. В таблице 1 приведена статистика употребления претеритальных форм.

Претеритальная форма	Количество употреблений во всем тексте	Доля употреблений во всем тексте	Количество употреблений в нарративных фрагментах	Количество употреблений в диалогических фрагментах
Аорист	322	78,5%	264	58
Имперфект	41	10%	31	10
Перфект	35	8,6%	4	31
Плюсквамперфект	12	2,9%	9	3
Всего	410	100%	308	102

Таблица 1. Статистика употребления претеритальных форм в «Повести об Акире Премудром».

Такое количественное распределение претеритов в целом соотносится с показателями по другим памятникам книжно-славянской традиции Древней Руси.

Исследование специфики функционирования грамматических форм времени осуществляется с привлечением научных понятий и категорий теории функционально-семантического поля А.В. Бондарко (ФСК темпоральности) [2, с. 5], а также теории текста (текстовое время) [8, с. 536]. Претериты анализируются в контекстуальном окружении, где морфологические формы рассматриваются как ядро поля темпоральности, а лексические, лексико-грамматические, синтаксические средства как поддерживающие семантику формы периферийные элементы.

Аористные формы, составляющие основу повествования, чаще всего функционируют в следующих типах контекста.

1. В паратаксических конструкциях, где предикаты-аористы передают сменяющие друг друга действия/события и нанизываются с помощью союза *и*: *И Господь послуша моления моего, и глас ми приде съ небес.... И яко услышах глас от Господа и паки възъпих.... И не бысть ми глас, и прияхъ речь Господню, и прияхъ сестрица своего.*

2. Во временных конструкциях с оборотом дательный самостоятельный: *И влезшу ему ко мне, седъ у мене, нача тешити; Въсходящема орлома, въспи отрочище.*

3. В составе сложноподчинённого предложения с придаточным времени: *И яко услыша от мене рѣць сию, прискорбна бысть душа его; И яко слыша егупетъский царь Фараонъ, яко Акиръ убиенъ бысть, и взърадовася радостью великою.*

4. В контекстах, формирующих оппозицию абсолютных – относительных времён, где аористные формы – абсолютное время, а формы имперфекта, плюсквамперфекта, причастия прошедшего времени – относительные времена: *И в то врѣмѧ царь бѣ распустилъ воеводы своя, и царь единъ бѣ въ тѣ чинъ* («был/остался один, когда распустил всех своих воевод»); *Анаданъ, сынъ мой, предстояше цареви и принесе обе грамоте пред цесаремъ, еже бѣ написал к ратнымъ цесаремъ; Вси людии слышавше въсъплакашася, и жены ихъ сетовахуся и глаголаху; Тогда послах, и принесоша ми орлиция яже научил беах; Не уведехъ, яко Анаданъ не послушает речи моей. Азъ тщахся научити и, а онъ помышляше о смерти моей; И млад бѣ, и дах одоити и, воскормих и, <...> и одех и.* В последнем предложении находим форму *бѣ* – имперфективный аорист 3 лица ед. ч. в стандартном употреблении в конструкции составного именного сказуемого, который предшествует аористному гнезду, позволяя автору объяснить характер последующих действий («поскольку младенцем был усыновлённый ребёнок, я его отдал кормилице, взрастил его, одел его»).

5. В контекстах с темпоральным актуализатором: *Синагрить цесарь Адоровъ и Наливской страны в тога времѧ азъ, Акиръ, книгчи бех.*

Кроме того, часть аористных форм, а именно 75 случаев словоупотребления, участвует в оформлении диалоговых фрагментов текста, вводя прямую речь: *И рече ми тако Фараонъ: «Акире! Совей ми 2 ужса песком 5 локот вдоле же». И рекох ему тако: «Повели тивуном своим, да вынесут уж темже лицем из полаты». И рече ми Фараонъ <...>.*

Употребление форм перфекта фиксируются в основном в конструкциях с прямой речью, составляющих диалогическую часть произведения. Такое употребление соответствует общей семантике формы – состояния в настоящем, явившемся результатом действия в прошлом: *Был ми еси, сыну, аки онъ, иже друга своего видѣ озябша, и, принесъ, възлия на нь кнею воды студены.*

В целом функционирование претеритальных форм в «Повести об Акире Премудром» соответствует кирилло-мифодиевской традиции, усвоенной книжниками Древней Руси и нашедшей свою реализацию в других оригинальных и переводных памятниках соответствующего периода. Однако нами отмечены случаи употребления, которые представляются нестандартными и требуют детального рассмотрения.

Так, в начале повести (в так называемой сильной позиции текста), в первом её предложении мы находим форму *бѣхъ* – аорист 1 лица ед. ч. глагола *быти* от основы имперфекта *бѣ-*: *Синагрить цесарь Адоровъ и Наливской страны, в тога времѧ азъ, Акиръ, книгчий бѣхъ.* В таком контексте скорее ожидалось бы употребление формы аориста *быхъ*.

Мы предположили, что перед нами форма так называемого имперфективного аориста, которая, во-первых, указывает на факт в прошлом (семантика аориста), а во-вторых, определяет некое состояние героя-рассказчика, продолжавшееся определённое время до момента речи (семантика имперфекта). Вероятно, в данном случае первое значение формы является для автора более важным, так как она употребляется в тесной связи с функционально-семантическим полем, образованным аористным гнездом, реализующимся в следующем предложении: *Имъни же имъх паче всѣх человѣкъ, поях жену и устроихъ домъ и жихъ 60 лѣт. И создах требники и възгнѣтих огнь и рѣх.* Весь приведённый фрагмент указывает на некую последовательность действий в прошлом, все предикаты оформлены как сигматический аорист 1 лица ед. ч. Однако при этом две формы вызывают сомнение в правильности их использования: *имъхъ* и *жихъ*. Во-первых, в отличие от остальных аористов (*пояхъ, устроихъ, создахъ, възгнѣтихъ*), эти формы образованы от глаголов лексико-семантической группы экзистенциального состояния (*имѣти* и *жити*), а не активного, целенаправленного действия. Во-вторых, с формой *жихъ* употреблён темпоральный актуализатор *60 лет*, указывающий не на одномоментность, завершённость, а на длительность состояния. Все эти факты указывают на то, что эти глаголы должны были быть употреблены в форме имперфекта. Выбор «неправильной» формы может быть объяснён совокупностью причин: влиянием употреблённых в однородном ряду форм аориста (формирование контекста «аористного гнезда», контаминация); влиянием семантики – важна не длительность состояния в прошлом, а его факт. Может быть указан и прагматический фактор как причина неправильного употребления форм: особенность усвоения книжником грамматической нормы церковнославянского языка – включение так называемого механизма пересчёта, когда «отдельные элементы книжного текста понимаются посредством соотнесения их с элементами живого языка» [5, с. 23]. С русскими «имел поместье лучше других» и «жил 60 лет» оказываются соотнесены формы аориста *имъх* и *жихъ*, а не формы имперфекта *имѣахъ* и *живяхъ*. Такая картина характерна для текстов гибридного регистра [5, с. 32], к которым может быть отнесена и «Повесть об Акире Премудром».

При анализе функционирования претеритальных форм нами также было отмечено нетипичное употребление формы плюсквамперфекта: *И грамоты написал бѣ моемъ писмѧнем, и моимъ перъстнѣем запечата, и прия у себе обе грамоти.* Здесь плюсквамперфект функционирует в стандартном для аориста контексте, включаясь в паратаксис с помощью сочинительного союза и обозначая первое из последовательно завершённых действий в прошлом, что является семантикой аориста. Для плюсквамперфекта между тем свойственна семантика давнoproшедшего действия, а также функционирование в придаточной части сложноподчинённого предложения, что объясняется его природой относительного времени.

Далее в тексте в похожем контексте плюсквамперфект употребляется уже без участия аориста, но в сочетании с имперфектом: *И бяху власи главни ниже чресль моих, и брада моя ниже персей моихъ сошла бѣ. И тѣло мое в персти прѣмѣнилося бѣ. Ногти мои подобни бяхуть оръловымъ.* Как видно, последовательность глагольных форм, имперфектов и плюсквамперфектов, оформляется паратаксической конструкцией, при помощи повторяющегося союза *и*, что является стандартным для употребления форм аориста как времени абсолютного. Для имперфекта же характерно употребление в значении состояния – фона для других действий, для плюсквамперфекта, как сказано выше, значение преждепрошедшего или давнoproшедшего действия, а наиболее типичным для этих форм является сочетание с аористом. Перечисленные характеристики свойственны относительным временам, каковыми и являлись имперфект и плюсквамперфект. Таким образом, специфическая семантика и употребление той и другой формы оказываются нивелированы. В данном контексте скорее можно наблюдать у обеих форм развитие общего значения результата длительных изменений в прошлом.

Приведённые примеры нетипичного, не соответствующего исходной системе использования книжником временных форм не являются частотными и могут быть объяснены позднейшими влияниями в результате создания списков оригинального текста и индивидуальным авторским осмыслением систематики и традиции употребления претеритальных форм.

Список литературы

1. Аванесов Р.И., Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. – М.: Наука, 1982. – 435 с.
2. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – СПб.: Наука, 1990. – 263 с.
3. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 359 с.
4. Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2002. – 760 с.
5. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 591 с.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Школа «Языки русской культуры», 2010. – 479 с.
7. Повесть об Акире Премудром / Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4876>
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. – М. Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

Журавлёва К.А.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Zhuravlyova K.A.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

ФУНКЦИИ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА В «СЛОВЕ» ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

THE FUNCTIONS OF BIBLICAL TEXT IN “SLOVO” BY DANIIL ZATOCHNIK

В работе анализируется использование библейского текста в одном из самых интересных литературных памятников Древней Руси. Рассматривается соотнесение включений из Библии (прямых и косвенных цитат) с образами Даниила и князя, делаются выводы о скрытых смыслах и коннотациях, которые создаются при помощи этого приёма. Выявляются функции библейских вставок, определяется их связь с авторской позицией.

Ключевые слова: *древнерусская литература, Древняя Русь, Даниил Заточник, Слово, Моление, Библия, христианство*.

The paper analyzes use of biblical text in one of the most interesting literary masterpieces of Old Russia. Correlation of insertions from the Bible (direct and indirect quotations) with the literary images of Daniil and the prince is considered, the conclusions are drawn about the implications and connotations which are created by this literary device. The functions of the Bible insertions are revealed and their relation to the author's ideas are identified.

Key words: *Old Russian literature, Ancient Russia, Daniil Zatochnik, Slovo, Praying, the Bible, Christianity*.

Библейский текст является своеобразным ключом для понимания древнерусской литературы. По мнению И.Н. Данилевского, «Библия для средневекового автора была основой символического освоения материального мира» [5, с. 139]. С ранних лет детей учили читать Псалтирь, поэтому неудивительно, что псалмы Давида занимают особое место в сознании каждого древнерусского книжника: собственный литургический опыт непременно отражался в написанном.

В каждом произведении древнерусской литературы библейские вставки используются по-разному: в зависимости от основной проблемы создаваемого текста. И.В. Фоменко делит такие вставки на дословные цитаты и реминисценции – «небуквальные воспроизведения, невольные или намеренные, чужих структур, слов, которые наводят на мысль о другом произведении» [3, с. 496].

В нашей работе мы рассмотрим уникальный памятник древнерусской литературы – «Слово» Даниила Заточника. В своём произведении Даниил обращается к князю с просьбой о помощи, призывая правителя взглянуть на его образованность и ум и изменить бедственное положение, в котором он оказался.

Говоря о функции текстов Священного Писания в древнерусской литературе, важно понимать, кем, когда и для чего было создано конкретное произведение. Поскольку информации об авторе, адресате, месте и времени написания «Слова» Даниила Заточника у нас мало (если не сказать – совсем нет), основную цель создания определить сложно. Препятствует этому и большое количество вариантов текста. Учёные разделили их на две группы: собственно «Слово», которое характеризуется большей серьёзностью, и «Моление», в котором усиlena роль пародии.

Этим памятникам посвящено множество исследований, где часто основной целью являлась реконструкция первичного текста. Большинство учёных сходятся в том, что это было именно «Слово», на которое мы и опираемся в своей работе (текст для анализа взят из классического сборника [8]). В процессе изучения вариантов исследователи, разумеется, указывали на наличие фрагментов, соотносящихся с текстами Библии (особенно

Д.С. Лихачёв [11], В.М. Гуссов [4], Л.В. Соколова [14], О.А. Савельева [12]), но глубоко данный вопрос не рассматривали.

В советское время по идеологическим причинам изучение библейских текстов (в частности – их функций в произведениях древнерусской литературы) практически прекратилось. В наши дни данное направление стало актуальным, однако функции библейских текстов чаще рассматривают на примере житийной литературы [9; 10].

В своём исследовании мы попытались проследить, какие функции выполняют тексты Библии в произведении Даниила Заточника и как они способствуют реализации авторского замысла.

Анализ показал, что текст произведения строится вокруг двух личностей – Даниила и князя.

В отношении самого себя Даниил использует библейские цитаты, во-первых, для иллюстрирования своих положительных качеств, а во-вторых, для того чтобы обратить внимание на свою бедность.

Въструбим, яко во златокованыя трубы, в разум ума своего – этот фрагмент наглядно демонстрирует обе функции. В библейском тексте *трубы* имеют особое значение. Чаще всего звук трубы использовался либо как славословие Богу: *Вострубите в новомесячии трубою, во благознаменитый день праздника вашего* (Пс. 80:4); *Хвалите Его во гласе трубнем, хвалите Его во псалтири и гуслех* (Пс. 150:3); либо как сигнал тревоги: *И посла я Моисей тысячу от племене и тысячу от племене с силою их, и Финееса сына Елеазарова сына Аарона жерца: и сосуды святыя, и трубы знаменныя в руках их* (Числ. 31:6). В дальнейшем повествовании, с одной стороны, последует славословная речь (только не Богу, а князю), с другой – тревожный звук трубы будет отражать бедственное положение Даниила. Л.В. Соколова видит в рассматриваемом нами фрагменте сравнение мудрости Даниила с дорогим инструментом [14], однако библейский текст свидетельствует о существовании дополнительно смысла и связывает упоминание трубы с тревогой.

Далее Даниил использует Псалтирь для демонстрации своей мудрости: *Въстани слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех. Востану рано, исповемтися*. Д.С. Лихачёв указывает на параллель этого места и псалмов 56 и 107 (Пс. 56:9-10, Пс. 107:3-4), однако отмечает: строки Давида используются Даниилом отнюдь не в молитвенных целях [11]. Библейский текст становится средством создания образа – Даниил хвалится своей мудростью и славословит её.

Фрагмент *Да разверзу въ притчах гадания моя и провещаю въ языцех славу мою* соотносится с Пс. 77:2 (*Отверзу в притчах уста Моя, провещаю гадания исперва*). Святые отцы Церкви (например, Ефимий Зибаген [6]) видят в этом псалме пророчество о ещё не произнесённых притчах Христа. Даниил же использует несколько перефразированные строки для того, чтобы привлечь внимание князя к своему уму, и тем самым сопоставляет себя с Богом: подобно Христу, он говорит притчами и «изрекает сокровенное от создания мира» (Мф. 13:34).

Рассмотренные цитаты представляют важность как сами по себе, потому что свидетельствуют о начитанности Даниила, так и в качестве сильных и авторитетных аргументов для доказательства его мудрости.

Однако после Даниил, который недавно хвалился умом, неожиданно меняет направление мысли, обращаясь к своему бедственному положению: *Аз бо есмь, аки она смоковница проклятая: не имею плода покаянию и расыпаясь живот мой, аки ханаонский царь буестю; и покры имя нищета, аки Чермное море фараона*. Обратим внимание на сравнение с ханаанским царём, проигравшим сражение, и с фараоном, которого потопили морские воды. Примечательно: даже принижаясь перед князем, Даниил говорит о себе, вспоминая значимых библейских персонажей. Библейский текст становится средством создания образа, а именно – подчёркивает важность Даниила.

Самолюбие автора отражено и в других фрагментах произведения. В частности, *и кому ти есть Новъгород, а мне и углы опадали, зане не процвите часть моя*, вероятно, связано с Пс. 27:7 (Господь Помощник мой, и Защититель мой: на Него упова сердце мое, и поможет ми, и процвете плоть моя, и волею мою исповемся Ему). «Процветение плоти» Святые Отцы связывают с явлением нетленности, которое наблюдают у мощей святых [13]. Даниил уверен в том, что будет бедствовать, пока его плоть не «процветёт», то есть, до того момента, пока он не станет святым.

Таким образом, Даниил не только демонстрирует свой ум и бедность, но и подчёркивает собственную важность.

Другой значимой фигурой в тексте является князь, который неразрывно связан с образом Даниила. Обращаясь к князю, Даниил также использует цитаты из Библии, однако их функции уже другие – ироническая и предписывающая. С одной стороны, он неоднократно хвалит князя, с другой – эта похвала часто сопровождается тонкой и умелой иронией.

Но видих, господине, твое добросердие к себе и притекох къ обычней твоей любви – в данном фрагменте библейский текст выполняет ироническую функцию: князь отчётиливо сравнивается с Богом, призывающим: *Приходите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы* (Мф. 11:28). Князь изображается как божество, чья милость бесконечна. Разумеется, земной правитель не соответствует этой характеристику (иначе страждущему Даниилу не пришлось бы так долго и упорно просить его о помощи), что создаёт своеобразный комический эффект. Происходит величание статуса (а не настоящего князя) – некоего идеала, который, очевидно, далёк от действительности.

Не менее интересен момент, который перекликается с молитвой хананеянки (*И се, жена хананейска, от предел тех изиедши, возопи к нему глаголющи: помилуй мя, Господи, Сыне давидов, дци моя зле беснуется* (Мф.15:22). Текст «Слова»: *Тем же вопию к тебе, одержим нищетою: помилуй мя, сыне великаго царя Владимира* – построен по аналогии с библейским, соответственно, подобное обращение к князю поднимает его на уровень божества. Но князь, как уже говорилось ранее, не соответствует этому уровню, поэтому похвала и просьба о милости становится едкой иронией.

В другом отрывке любовь Даниила к князю сравнивается с любовью героев Соломоновой Песни Песней, которая считается библейским образцом супружеской любви: *Княжес мой, господине! Яви ми зрак лица своего, яко глас твой сладок и образ твой красен; мед истачають устне твои, и послание твое аки рай с плодом. Ср.: Ты, голубице моя, в покрове каменне, близ предстяния: яви ми зрак твой, и услышан сотвори ми глас твой: яко глас твой сладок, и образ твой красен* (Песн. 2:14).

Супружескую тему отражает ещё один фрагмент: *Зане князь щедр – отец есть слугам многиим: мнози ибо оставляют отца и мать, к нему прибегают*. Он связан с Евангелием от Матфея: *И рече: сего ради оставит человек отца (своего) и мать и прилепится к жене своей, и будет оба в плоть едину* (Мф. 19:5). Союз мужа и жены в Священном Писании неоднократно сравнивается с союзом Христа и Церкви (Ефес. 5:23). Даниил утверждает, что подданные связаны с князем, как жена с мужем и как Церковь со Христом. Очевидно, что это не соответствует действительности, потому что сам Даниил оказался в беде и просит у князя помощи. Таким образом, можно сделать вывод, что автор текста снова иронизирует над князем. Достаточно показательно: в двух описанных отрывках князь сравнивается не с мужем, а именно с женой, которая, по словам Апостола Петра, немощнейший сосуд (1 Пет. 3:7). Даже хваля князя, Даниил поднимает себя выше него.

Господи! Дай же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разум, мудрость Соломоню и хитрость Давидову и умножи, Господи, вся человекы под нози его – в последних строках Даниил, помимо прочего, желает князю Давидовой хитрости. «Хитрость Давида» – крайне интересное сочетание. Первым библейским воспоминанием,

связанным с Давидом, для многих становится его победа над Голиафом, соответственно, пожелание Даниила можно рассматривать с положительной стороны.

Однако в православной традиции хитрость ставится на один уровень с лукавством и считается атрибутом дьявола [7]. Кроме того, никакой хитрости в битве Давид не проявил – он пришёл вопреки тому, что не мог противостоять Голиафу своей силой, и надеялся только на Божью помошь. Но у царя Давида действительно был поступок, который может охарактеризовать его как хитрого. Желая сблизиться с Вирсавией, он расположил войско так, что её мужа Урию убили. После он осознал свой грех и провёл в покаянии остаток жизни. Поэтому мы делаем вывод: «Давидова хитрость» – сомнительное благо.

Кроме того, похвала накладывает на князя определённую ответственность и требует от правителя выполнения его обязанностей: *Глаголеть бо въ Писании: просящему у тебе дай, толкущему отверзи, да не лишен будеши царствия небеснаго.* Ссылаясь на Писание (*Просящему у тебе дай, и хотящаго от тебе зяти не отврати* (Мф. 5:42); *Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толците, и отверзется вам* (Мф. 7:7)), Даниил просит у князя милости. Учитывая авторитетность Библии в Древней Руси, это просьба становится практически требованием.

Таким образом, своё духовное сокровище Даниил ставит выше, чем богатства князя, который обязан помогать всем страждущим. И эти идеи характерны для христианского мировоззрения.

Ещё одна функция библейского текста в древнерусской литературе была отмечена М.А. Кузьминой [10, с. 34-37]. В некоторых случаях Священное Писание используется исключительно для того, чтобы придать тексту сакральность, даже если параллель между описываемыми событиями и Библией отсутствует. По мнению исследователя, подобное ничуть не смущало средневекового читателя.

В «Слове» Даниила Заточника мы тоже нашли такие «тёмные» места. Например, следующий фрагмент: *имею бо сердце, аки лице без очиу; и бысть ум мой, аки нощный вран, на ныриицизабдех*, связанный с текстом Псалтири: *Уподобихся неясыти пустынней, бых яко нощный вран на ныриици* (Пс. 101:7). Псалмопевец Давид проводил ночи в молитве, поэтому в библейском стихе он справедливо сравнивает себя с ночным вороном, издающим глас именно в это время суток. По неизвестным причинам Даниил говорит о своём бодрствующем уме как о недостатке, из-за которого может получить княжескую немилость.

Подобное несоответствие встречается и в рассуждении Даниила о злых и добрых жёнах: *Женою сперва прадед нашъ Адам из рая изгнан бысть; жены ради Иосиф Прекрасный в темници затворен бысть; жены ради Данила пророка в ров ввергнаша, и лви ему нози лизаху.* Пророк Даниил действительно был брошен в ров на растерзание львам, но причиной этого была не женщина, а нежелание отказаться от веры (Дан. 6:7-24).

Таким образом, мы можем наблюдать, как библейские цитаты и реминисценции создают многомерное смысловое пространство текста. Их функции не существуют изолированно, а дополняют друг друга. Например, предписывающая функция (призвать князя жить по слову Божьему и спасти Даниила от бедности) тесно связана с иронической, ведь своеобразная безосновательная похвала заставляет задуматься о том, насколько князь соответствует своему титулу, и, возможно, вызвать у него чувство стыда. Функции, направленные на создание образа Даниила также связаны между собой: бедственное положение становится причиной просьбы, а мудрость – аргументом для её исполнения.

Проведённый анализ показывает: верное прочтение «Слова» зависит от того, насколько читатель входит в культурное пространство, в котором творил автор. Скрытые смыслы и коннотации произведения сможет увидеть только человек, хорошо знающий библейский текст.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. – М., Духовное преображение, 2016. – 1280 с.
2. Библия на церковнославянском языке. – Почаев, Издательство Почаевской Лавры, 1993. – 1296 с.
3. Введение в литературоведение: Учебное пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2004. – 680 с.
4. Гуссов В.М. Историческая основа Моления Даниила Заточника // Файловый архив отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/07_tom/Gussov/Gussov.pdf (Дата обращения: 01.10.17).
5. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. – М.: Аспект-пресс, 2004. – 370 с.
6. Зибаген Ефимий. Толковая Псалтирь. – М., 1993. – 316 с.
7. Игумен Нектарий (Морозов). Маленькие хитрости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/57893.html> (Дата обращения: 13.10.17).
8. Изборник (Сборник произведений литературы древней Руси) / Сост. и общая ред. тома Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачев. – М.: Художественная литература, 1969. – 345 с.
9. Карбасова Т.Б. О библейских цитатах в Житии Кирилла Новоезерского // Файловый архив отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/60_tom/Карбасова.pdf (Дата обращения: 13.10.17).
10. Кузьмина М.А. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV–XVII вв. – М., 2015. – 630 с.
11. Лихачёв Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. «Моление» Даниила Заточника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5798063/> (Дата обращения: 01.10.17).
12. Савельева О.А. Плач Адама в «Молении» Даниила Заточника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.ru/literature2/savelyeva-03a.htm> (Дата обращения: 01.10.17).
13. Святитель Афанасий Великий. Толкование на псалмы // Святоотеческое наследие: библиотека творений святых отцов и учителей Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tvorenia.russportal.ru/index.php?id=saeculum.iv.a_09_4027 (Дата обращения: 16.10.17).
14. Соколова Л.В. К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // Файловый архив отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=GGH7OP7dygs%3D&tabid=2292> (дата обращения: 01.10.17).

Кудряшова Ю.Н.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Kudryashova Yu.N.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

НАРОДНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕМА: К ПРОБЛЕМЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ

FOLK DEFINITION OF MEME: DISCUSSING FOLKLORE GENRES

В работе рассматривается мем как фольклорный жанр. На основе анализа опроса, проведённого в студенческой среде, даётся «народное» определение мема, выявляются функции мема и основные элементы, закреплённые в сознании информантов.

Ключевые слова: *мем, жанр, постфольклор, современный фольклор, интернет-коммуникация*.

The paper considers meme as a folklore genre. Based on student survey, the “folk” definition of meme is given, also the functions of meme and the basic elements, fixed in the respondents’ minds, are revealed.

Key words: *meme, genre, post-folklore, modern folklore, Internet-communication*.

Изучение современного фольклора не так давно вошло в сферу интересов российской фольклористики. До недавнего времени все внимание фольклористов было обращено к образцам «классического» фольклора как наиболее ценного, «истинного» [9]. Но на смену традиционным начали приходить новые тексты, ранее не свойственные фольклорному репертуару. Огромную роль в данном замещении сыграла революция в области культурной коммуникации [10, с. 2]. Развитие технологий привело к возможности передавать информацию не только «естественному» путем, но и посредством письменности, изображения, аудио и видеозаписи. Средства передачи такой информации, в том числе и фольклорной, в нашей стране стали распространенными и общедоступными к началу XXI в. Поэтому к «современным» мы относим фольклорные произведения, появившиеся и активно функционирующие последние двадцать лет.

На сегодняшний день одним из основных способов хранения и передачи информации является Интернет. В частности, социальные сети стали неотъемлемым средством ежедневной коммуникации для большей части молодежи. Всё это непосредственно повлияло на перенос фольклора в данную среду. Сама специфика социальных сетей, состоящая в том, что люди самостоятельно создают, передают и хранят в них фольклорный материал посредством личных сообщений, сообществ и пабликов, обусловила процветание в сети современного фольклора. За последние годы в интернет-среде было накоплено огромное количество таких фольклорных произведений, дать полную характеристику которым невозможно без рассмотрения их жанровой принадлежности. Они во многом отличаются от образцов традиционных фольклорных жанров, в том числе благодаря влиянию на них новой среды бытования. Поэтому вопрос классификации является одним из важнейших, основополагающим для дальнейшего изучения фольклора.

До сих пор проблема жанровой природы фольклорных произведений остаётся нерешённой. Существует чисто практический опыт выделения фольклорных жанров (в лекциях, научных публикациях и т.д.), однако общая система фольклорных жанров до сих пор не разработана [8]. Решая проблему классификации традиционного фольклора, В.Я. Пропп сделал вывод о том, что фольклорный жанр «определяется его поэтикой, бытовым применением, формой исполнения и отношением к музыке» [12, с. 177]. Данные критерии определения жанра до сих пор являются актуальными для русской фольклористики (Р.А. Кулакшина [7, с. 42], Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик [8] и др.). Мы считаем, что их можно применить и к современному фольклору.

В работах, где предпринимаются попытки проанализировать произведения интернет-фольклора, очень часто фигурирует термин *мем*. Впервые в науку это понятие ввёл в 1976 г. биолог Ричард Докинз в своей книге «Эгоистичный ген», где под мемом понимал единицу информации, находящуюся в мозгу и являющуюся «мутирующим репликатором в культурной эволюции человечества» [5, с. 318]. Позже многие исследователи обращались к изучению данного феномена: историки (И.Ю. Васильев [3]), лингвисты (М.А. Кронгауз [6]), социологи (Д.А. Радченко [13]), а также филологи и фольклористы (Ю.В. Щурина [15], Н.А. Аршинская [1]). Исследователи единодушно признают, что этот термин обозначает жанр современного фольклора. Мем соответствует всем признакам фольклора: он вариативен, анонимен, синкетичен, коллективен, традиционен, что доказывает его отношение к фольклорной жанровой системе [14, с. 4]. Однако до сих пор отсутствует общепринятое определение этого жанра. Поэтому дать определение мему как фольклорному жанру на сегодняшний день является важной задачей.

Один из способов её решения – изучение представлений о данном феномене в народном сознании. У пользователя текста всегда существует интуитивное понимание его жанровой принадлежности, что наблюдается при определении пользователями жанров традиционного фольклора (например, заговор – это и название жанра, и характеристика исполнения относящихся к нему текстов). Поэтому мы попытались вывести определение мема через анализ «народных» представлений о нём. Для этого мы создали вопросник, направленный на выявление основных функций и элементов, по которым идентифицируется мем в народном сознании:

Знаете ли вы, что такое мем?

Как бы вы определили мем?

Какие мемы вы знаете?

Зачем мемы нужны?

Для удобства респондентов были выбраны четыре основных вопроса, дающих возможность вывести народное определение мема. Первый вопрос позволяет определить общее понимание предмета опроса. Второй направлен на конкретизацию этого понимания. Далее, в третьем вопросе, мы попросили участников уточнить их определение с помощью примеров. Четвертый вопрос даёт возможность выявить основные функции мема. Определённая форма исполнения (определение), поэтика (примеры) и бытовое применение (функции) позволили нам проанализировать мем как фольклорный жанр с опорой на методику, предложенную В.Я. Проппом [12].

Важным моментом является выбор респондента. Для получения объективных ответов респондентами должны быть люди, активно использующие мемы и знакомые со средой их бытования. На эту роль нами были выбраны студенты – самая прогрессивная часть молодежи, активно использующая Интернет, а также способная к конструктивному анализу и чёткому формулированию ответов по заданной теме. Всего при помощи распространения письменных анкет и сообщений в социальной сети «ВКонтакте» было опрошено 100 студентов различных направлений/специальностей и вузов нашей страны, абсолютное большинство которых, как показали результаты опроса, было знакомо с понятием *мем*, что подчёркивает значимость исследуемого феномена.

В.Я. Пропп в монографии «Поэтика фольклора» сравнил понятие жанра с понятием вида в биологии [12, с. 174]. Чтобы быть причисленными к одному биологическому виду, в соответствии с теорией происхождения видов Чарльза Дарвина, особям необходимо обладать сходством внешнего и внутреннего строения [4, с. 239].

«Внутреннее строение» мема – это его функциональные особенности. Результаты нашего опроса показали, что мемы действительно идентифицируются респондентами по их функциям. Так, самой распространённой была названа развлекательная функция (её отметили 79%). 25% респондентов назвали коммуникативную функцию мемов. 14% отметили, что мемы нужны для выражения эмоций (заметим, что функцию выражения

эмоций респонденты связывали непосредственно с коммуникативной функцией). Особый интерес представляет функция, которую мы условно обозначили как «краскашивание реальности». На неё указали 13% респондентов. С одной стороны, она тесно связана с развлекательной функцией, что видно по таким ответам, как: *Чтобы украсить нашу серую жизнь*. Однако, помимо этого, она подразумевает способность мема быть средством борьбы со страхами и жизненными трудностями – за счёт смехового начала: *Так как мемы чаще всего смешные, они делают жизнь веселее. Например, при чтении популярного новостного сообщества «Лентач» плохие новости не кажутся такими плохими – мемы разбавляют их негатив*. 10% отмечают у мемов также и другие функции: историческую, идентифицирующую и др.

Только 8% респондентов не считает мемы значимым явлением, не выделяет у них никаких функций. Это объясняется тем, что фактически мемы не несут в себе важной или полезной информации. Их задача – вызвать ассоциации, намекнуть на какой-либо общеизвестный факт [2, с. 78].

Результаты нашего анализа подтверждают: информанты видят у всех произведений, которые они относят к мемам, сходство «внутреннего строения», а для идентификации произведения как мема, по их мнению, необходимо наличие у него таких функций, как развлекательная, коммуникативная и функция выражения эмоций.

При характеристике «внешнего строения» мема мнения респондентов разделились. Анализ опроса показал, что 95% респондентов связывают понятие мема с такими формальными элементами, как картинка и текст, а также отмечают основную среду его бытования – Интернет. 55% обозначили мем как просто картинку или картинку с шуткой. 40% респондентов не связывают его с картинками. В этот процент вошли такие ответы, как *шутка, цитаты* и т.п. 5% назвали мем единицей культурной информации. Для того чтобы понять, почему же в сознании аудитории мем – это один жанр, мы попросили участников опроса назвать известные им мемы. Анализ ответов показал, что даже те респонденты, которые не отметили в определении мема обязательность изображения, называют мемы картинками. Это доказывает, что в сознании человека при упоминании определённого мема всплывает конкретный образ. Текст узнаётся в качестве мема даже при отсутствии картинки, потому что он является отсылкой к чему-то общеизвестному, что позволяет изображению воссоздаваться в сознании. Данный механизм работает и в обратном направлении – как воспроизведение текста при виде картинки, что можно наблюдать, например, в меме «Но я же...». Всё это говорит о непосредственной взаимосвязи в народном сознании текста и изображения (определенного образа) в меме, которые могут функционировать и по отдельности.

Музыкальная оформленность, характерная для многих жанров традиционного фольклора, в меме реализуется как интонационный рисунок. Многие участники опроса отметили тот факт, что фраза или цитата в меме часто является отсылкой к фильмам, песням и т.п., где она была произнесена с определённой интонацией. Часто именно благодаря этому мем и становится популярным. В качестве примера можно привести мем «Карл», который основан на цитате из сериала «Ходячие мертвецы». Помимо ситуации, закрепляющейся в сознании в виде изображения, в нём важную роль играет интонация, с которой герой сериала Рик Граймс произносит свою реплику. Интересно, что трагический эффект, создаваемый этой интонацией в первоисточнике, в меме не сохраняется. Аналогично наблюдаем в современном студенческом фольклоре, где мем используется как способ высмеять страх перед учёбой, сессией, деканатом и т.д. Это подтверждает гипотезу С.Н. Петренко о том, что в постфольклорной традиции «на смену “страшным” рассказам приходят иронические тексты, отражающие в обращённом виде ужасы и трагизм бытия» [11, с. 146]. В.Я. Пропп справедливо отмечает: «избранный [для классификации жанров] признак должен быть постоянным, а не изменчивым» [12, с. 180]. Поэтому вопрос о том, можно ли считать особый

интонационный рисунок отличительным жанровым признаком мема, пока остаётся открытым.

Итак, результаты нашего исследования позволили выявить следующее содержание «народного» понимания мема: это единица культурной информации, создаваемая и распространяется в основном в интернет-среде, имеющая определённую форму (а именно образ и текст-характеристику к нему), основными функциями которой являются развлекательная, коммуникативная и функция выражения эмоций.

Как видим, «народное» понимание мема намного уже того, которое вкладывал в своё определение Ричард Докинз. В народном сознании мем не просто единица культурной информации, способная к саморепликации: он обязательно должен обладать определённой формой и набором функций. В выведенном нами «народном» определении мема конкретно обозначается среда бытования данного феномена, основные его формальные элементы и функциональные возможности. Считаем, что эти признаки могут лежать в основу характеристики мема как современного фольклорного жанра.

Список литературы

1. Аршинская Н.А. Проблема восприятия и интерпретации интернет-мемов // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 9. – Ч. 4. – С. 10-16.
2. Белкина Ю.А., Куценко Е.В. Мем как часть интернет-дискурса // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2014. – № 4. – С. 77-79.
3. Васильев И.Ю. Социальные сети как исторический источник // Исторический формат. – 2016. – № 4 (8). – С. 200-203.
4. Дарвин Ч. Взаимное родство организмов; морфология; эмбриология;rudimentарные органы // Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://charles-darwin.narod.ru/origin-content.html> (Дата обращения: 28.10.2017).
5. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: Мир, 1993.
6. Кронгауз М.А. Мем в русскоязычном Интернете: опыт деконструкции // Русский язык и новые технологии. – М., 2014. – С. 87-95.
7. Кулашкина Р.А. К вопросу о классификации фольклорных, авторских и литературных сказок // Нижневартовский филологический вестник. – 2016. – № 1. – С. 39-43.
8. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletneklgrinc.htm> (Дата обращения: 28.10.2017).
9. Неклюдов С.Ю. Фольклорные традиции современного города [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://culture29.primepix.ru/upload/medialibrary/f67/f67211a724844c58553b17ad1374f56a.pdf> (Дата обращения: 28.10.2017).
10. Неклюдов С.Ю. Фольклор и его исследования // Экология культуры. – 2006. – № 2 (39). – С. 121-127.
11. Петренко С.Н. Жанровые традиции постфольклора в поэтике современной русской литературы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2 (87). – С. 145-149.
12. Пропп В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Пропп В.Я. Поэтика фольклора. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 173-184.
13. Радченко Д.А. Интернет-мемы как фактор формирования общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.digitalicons.org/issue10/files/2014/01/DI-10-4-Radchenko.pdf> – (Дата обращения: 29.10.2017).
14. Шашкина К.Н. Мем как жанр интернет-фольклора: выпускная квалификационная работа. – Дальневосточный федеральный университет. – Владивосток, 2014.
15. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 161-173.

Леонтьева Н.А.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Leontyeva N.A.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ГЕРОЯ-ИСКАТЕЛЯ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Н. ГУМИЛЁВА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «С ТОБОЙ Я БУДУ ДО ЗАРИ...»)

FEATURES OF THE “HERO-SEEKER” LITERARY IMAGE IN N. GUMILEV’S EARLY LYRICS (BASED ON THE POEM “С ТОБОЙ Я БУДУ ДО ЗАРИ...”)

В работе рассматривается образ героя-исследователя в стихотворении Н.С. Гумилёва «С тобой я буду до зари...», особое внимание уделяется анализу формы выражения авторского сознания. Автор приходит к выводу о том, что форма выражения авторского сознания в данном стихотворении не поддаётся однозначному определению, поскольку одновременно имеет признаки разных форм (по классификации Б.О. Кормана) и тяготеет к «ролевому герою».

Ключевые слова: *Н.С. Гумилёв, лирика, образ героя, лирический субъект, форма выражения авторского сознания в лирике, Б.О. Корман, ролевой герой*.

The article considers a “hero-seeker” literary image in N.S. Gumilev’s poem “С тобой я буду до зари...”. A special attention is paid to the form of expressing the author’s conscience. The author draws a conclusion that the form of expressing the author’s conscience in this poem defies the precise definition because it has features belonging to different forms (according to B.O. Korman’s classification) and leans toward the “role hero”.

Key words: *N.S. Gumilev, lyric poetry, hero literary image, lyrical subject, form of expressing the author’s conscience in lyric poetry, B.O. Korman, role hero*.

В сборнике Н.С. Гумилёва «Путь конквистадоров» (1905 г.) силён мотив пути как поиска. Он, начатый в «Я конквистадор...», первом и ключевом стихотворении сборника, продолжается во втором стихотворении «С тобой я буду до зари...». С этим мотивом тесно связан образ героя-исследователя. Герой-исследователь в ранней лирике Н.С. Гумилёва – это лирический субъект, находящийся в состоянии поиска и выраженный, как правило, в форме ролевого героя (или же тяготеющий к этой форме выражения авторского сознания). Вопрос о форме выражения авторского сознания (одной из сторон образа героя-исследователя) в «С тобой я буду до зари...» представляет для нас особый интерес. Попытаемся раскрыть образ героя-исследователя через анализ основных элементов системы рассматриваемого стихотворения: хронотопа как траектории пути героя в пространстве и времени, образов царей и звезды, деталей – атрибутов героя (*меч и короткий стих*).

Первостепенной характеристикой образа героя-исследователя является траектория его пути, которая проходит в пространстве, двоящемся на земное (первое пространство) и небесное (второе пространство). Первое пространство – это уже не *радостный сад* или *бездны* (как в «Я конквистадор...»), а жилище, потому первое пространство чуть более конкретно и очеловечено. Примечательно то, что именно человеческое жилище выступает средоточием земного и становится началом пути, той самой точкой, из которой герой начинает движение; герой принадлежит этому земному дому неотрывно, так как в итоге возвращается туда, а значит, его можно назвать персонификацией «земного» человека.

Восхождение героя ко второму пространству происходит по *мраморности гор*, некоему мосту. Гора в этом стихотворении – место, где статичность земного не только устремляется, но и проникает в динамику (основное действие протекает именно там) небесного. Пограничный характер этого образа подчёркнут довольно нехарактерным эпитетом *мраморность*, выражающим единство и неоднородность двух пространств, подобно тому,

как неоднороден рисунок мрамора. То, что при создании стихотворения этот образ-медиатор не был опущен, говорит о ценности скрытых в нем мотивов. Гора, будучи одним из традиционных культурных кодов, обозначает место, где обретается мудрость (греческие боги живут на горе; к примеру, с Генрихом фон Офтердингеном Новалиса и Гансом Кастропом в «Волшебной горе» Т. Манна совершился процесс духовного перерождения именно на горе), соответственно, с образом горы связан мотив необходимости преодолеть испытания на пути к цели (в традиционных народных представлениях душа карабкается в гору на пути в потусторонний мир, в сказках герои преодолевают горы на пути к цели).

Второе пространство организовано образом царей. Кроме прямого указания на то, что «*Они – заснувший небосклон*», об этом говорит внешняя характеристика: мантии царей – облака, ставшие багряными в свете солнца, скорее всего, закатного, седины кудрей, увенчанные алмазами, – облачное небо, сквозь которое проглядывают звезды. Образ волхвов возникает на перекрестье – это и художественный взгляд на реальное небо (его персонификация), где явления природы видятся как реальные артефакты (мантии и венцы), и мифологизация неба как недоступного вместилища мудрости.

Итак, «*цари, // Лобзавшие звезду*», ассоциируются с волхвами, предугадавшими рождение Христа и следовавшими за Вифлеемской звездой. По всей видимости, под образом царей Н.С. Гумилёвым подразумевается древнее, дохристианское, может быть, оккультное знание. Образ царей в стихотворении обозначает не трансцендентное знание и не адекватные формы выражения в искусстве (цели поиска в «Сонете» и «Я конкистадор...» соответственно), а человеческую мудрость и знания, выработанные опытным путем (седины кудрей выступают символом умудрённости, мантии и венцы – символом избранности).

В «С тобой я буду до зари...» появляется проблема постижения мудрости и средство её постижения – борьба. Средство достижения знания мыслится героем исключительно как борьба (*Но я приду с мечом своим*), ту же самую мысль мы уже наблюдали в «Сонете» и «Я конкистадор...», именно она становится точкой проникновения авторской концепции в стихотворение. В более глубоком подтексте имеется указание на возможности, появляющиеся у обладающего мудростью. Так, тайное знание гарантирует подобие бессмертия: цари не исчезли со смертью, они только спят (замирают) (*лазурный сон // Заткал лучистый взор*). Образ царей статичен, это мудрость забытая, более не развивающаяся, на что указывают такие детали, как покров *лазурного сна* и лежащие без движения мечи – орудие поиска мудрости, а также номинация мудрости царей *тайнами дивных снов*. Но мудрость можно разбудить, если суметь пройти сквозь завесу сна. Сделать это сможет герой-исследователь как подобный волхвам борец и человек, изначально обладающий определённым уровнем знания, в силу чего он не только знает о царях, но и ведёт рассказ о них. Лирический субъект способен стать явлением того же порядка, что и цари, то есть элементом второго пространства – *вихрем грозовым, // И громом, и огнем!*

Ю.В. Зобнин писал: «присутствие в изображаемом объекте динамики – от самых примитивных, “внешних” её проявлений, до подвижности духа, эмоций – является свидетельством *подлинности* бытия данного объекта, тогда как *статика* в Гумилёвском творчестве – синоним «смерти», точнее – синоним *отсутствия бытия*» [2, с. 7]. Учитывая мысль исследователя и наше заключение о статичности образа царей (равно, как и второго пространства), можно сделать вывод, что небесное пространство синонимично потустороннему, зачастую охраняемому некими враждебными силами (в рассматриваемом стихотворении ими становятся гномы – представители демонологического сообщества). Таким образом, герой, представленный как динамический образ, реализует расхожий сюжет путешествия в потусторонний мир в поисках утраченного. Как уже было замечено, утраченное – это откровения древней мудрости.

С добытым знанием герой поступит как поэт (*заключу в короткий стих, // В оправу звонких слов*), что сразу сужает его роль (заметим, что этот факт не снимает отнесённости героя к первому пространству по-земному человеческого начала, на которое мы указали

ранее). Это наблюдение подводит к мысли, что только обладающий умением художественного взгляда и созидающий человек, по Гумилёву, может постичь мировую мудрость.

Особой роли поэта соответствует особая роль слова как инструмента поэтической деятельности. Слово выступает средством фиксации, хранения и передачи знания, в этом смысле оно не самоценно, но крайне важно. Слово подобно драгоценному металлу, из которого изготовлена оправа (*оправа звонких слов*) для самоцвета-мудрости. В стихотворении не случайно скрыто соотнесение *тайн дивных снов* и самоцвета, так как происходит соотношение по месту генезиса: герой ищет мудрость, выработанную людьми, порождённую сынами земли, созревающую века, а драгоценные камни, формирующиеся довольно долго, также плоть от плоти земного. Сравнение поэтического творчества с ювелирным изделием передаёт одно немаловажное качество поэта по Гумилёву. В «Я конкистадор...» поэт уже представлен как борец и, прежде всего, как созидающее начало, но в «С тобой я буду до зари...» происходит конкретизация этой концепции: поэт мыслится не только как борец и созидатель, но и как мастер-создатель прекрасного из приземлённого или выразитель высшего в обыденном, здесь опять мелькает авторская идея. «И только благой труд искусства <...> “умное делание” могут приблизить священный миг победы человека над материей, ее “обожение”. И именно опора на благой труд искусства, подобный труду средневековых ремесленников, стала доминантной культурной парадигмой акмеизма и поэтическим кredo Н.С. Гумилёва» [4, с. 175].

В данном контексте образ звезды, один из ключевых, завершающих стихотворение, обозначает часть сакральной мудрости человечества, которую поэт сможет передать тем, кто не способен самостоятельно подняться за ней во второе пространство. Помимо добычи и обработки передача мудрости приводится в стихотворении как одна из важнейших функций поэта, так как герой ориентирован на диалог, постоянно обращаясь к собеседнику в сильных позициях текста стихотворения – в его начале и конце.

Помимо движения в пространстве герой движется и во времени. Он начинает свой путь вместе с солнцем и завершает его на закате, герой, как солнце, «умрет» (трансформируется) и возродится в новом качестве обретшего большую мудрость. Параллелизм пути героя и цикла «жизни» солнца, нередко соотносимого с человеческой жизнью, позволяет говорить о представлении через путь ролевого героя обобщённого существования человечества и отдельного его представителя. Время в стихотворении одновременно конкретно и обобщённо, линейно, как путь героя, и циклично, как солярный круг

Также с точки зрения хронотопа важно проанализировать употребление глагольных форм в стихотворении: действие героя представлено формами будущего времени и в любом случае воспринимается как ещё не свершившееся. Необходимо указать, что в «С тобой я буду до зари...» формы будущего времени могут передавать значение намерения или же условность фантазии героя. Так или иначе, именно герой владеет стиховым временем, становясь субъектом речи и сознания. Это глазами героя мы видим мир, это он одновременно представляет пейзаж и художественное переосмысление этого пейзажа. Основное внимание героя и реципиента лирики сосредоточено именно на восприятии мира вокруг, а не на переживаниях лирического субъекта, и образ героя мы «собираем» исключительно при анализе его изображения поэтического мира, что весьма похоже на поведение лирического «я» («поэтического мира» по классификации лирических субъектов Б.О. Кормана) [3, с. 62]. Образ героя-исследователя не представим сразу, как это бывает в стихотворениях с ролевым героем, он раскрывается только при рассмотрении системы, и это – аргумент против его ролевого характера.

Однако образ лирического субъекта в данном стихотворении всё же просматривается и не является только голосом, обладая атрибутами, которые в свою очередь сужают его до маски поэта. Он выражен грамматически, что не характерно для лирического «я», герой вступает в, пусть и слабое, но подобие диалога с «другим» (*С тобой я буду до зари; С тобою*

встретим мы зарю), по мнению С.Н. Бройтмана, эффект диалогизации присущ лирике с ролевым субъектом [1, с. 174.].

Подытожим. Путь героя демонстрирует способ приобщения к мировой мудрости, созревающей веками (цари-волхвы). В «С тобой я буду до зари...» герой представляется уже постигшим поэтическое искусство и способ вырваться в беспредельность. Поэт – такой же кудесник, как цари, преемник древней традиции, но гумилёвский поэт мыслится при этом существом земным, его возможность оторваться от земли непременно компенсируется привязанностью к ней. Земное и небесное в стихотворении стремятся к неделимому единству, сочетанию, но не растворению (как мрамор), и в обоих пространствах идёт путь героя. Не менее важно заметить и то, что герой динамичен и путь его завершён, то есть герой приходит к качественному изменению.

В целом образ героя-исследователя в «С тобой я буду до зари...» обладает некоей индивидуальностью, которой, впрочем, недостаточно для причисления его к категории «чистых» ролевых героев. Можно говорить лишь о тяготении к этой форме выражения авторского сознания. Н.С. Гумилёв, по нашему мнению, стремится более наглядно продемонстрировать собственные художественные взгляды, как бы объективируя их, и поэтому выбирает наиболее отдалённую от авторского сознания форму ролевого героя.

Список литературы

1. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). – М.: РГГУ, 1997. – 307 с.
2. Зобнин Ю.В. Странник духа (О судьбе и творчестве Н.С. Гумилева) // Н.С. Гумилев: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 5-52.
3. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. – М.: Просвещение, 1972. – 110 с.
4. Раскина Е.Ю. Мотив «благочестивого творчества» («смиренного знания») в художественной программе акмеизма // Русская литература. – 1999. – № 3. – С. 168-175.

Оплачко А.А.

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Oplachko A.A.

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

ОБРАЗ СОЛНЕЧНОЙ ПТИЦЫ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

IMAGE OF SUN BIRD IN RUSSIAN FAIRY TALES OF SIBERIA AND FAR EAST

В работе рассматривается образ солнечной птицы в русских сказках, собранных на территории Сибири и Дальнего Востока в XX в. Проводится сопоставление данного образа с образом солнечной птицы из сказок, собранных в XIX в. на западе России. Делаются выводы об особенностях бытования образа и причинах его устойчивости в исследованных текстах.

Ключевые слова: *русский фольклор, архаические представления, волшебная сказка, сказочный образ, солнечная птица, жар-птица, петух.*

The article analyzes the image of sun bird in Russian fairy tales gathered in Siberia and Russian Far East in the 20th century. The image under study is compared with the image of sun bird from fairy tales gathered in the West of Russia in the 19th century. The conclusions about peculiarities of image functioning and its stability are made.

Key words: *Russian folklore, archaic beliefs, fairy tale, fairy tale image, sun bird, firebird, cock.*

Тексты волшебных сказок сохранили до наших дней комплексы древнейших народных представлений о мире, отражающихся в сказочных образах и мотивах. Но дошедшие до нас архаические элементы не остаются неизменными: фольклор – живая стихия, впитывающая в себя реалии того времени и места, в котором живёт рассказчик. Образы, бытовые детали и системы ценностей из разных эпох смешиваются в одном тексте, порой самым причудливым образом. Особенно ярко это смешение эпох проявляется в восточнославянских волшебных сказках, собранных на территории Сибири и Дальнего Востока в XX веке.

При обращении к данному фольклорному фонду важно учитывать ряд факторов, принципиально отличающих эти сказки от более ранних зафиксированных текстов, собранных в XIX веке на западе России. Переселенцы несли свою культуру в чуждую среду и при возникновении тесных контактов с местными народами, с одной стороны, стремились сохранить свои фольклорные тексты как связь с родной культурой, с другой – знакомились с традициями коренных народов и частично их перенимали. Первое способствовало устойчивости текстов (даже большей, чем на западе России), второе – проникновению в восточнославянские тексты элементов иных фольклорных традиций, появлению в репертуаре сказителей заимствованных у местных народов сюжетов. В XX веке меняется отношение к сказке – как носителей фольклора, так и фольклористов. Всё меньше сказители верят в правдивость и ценность рассказываемых историй, всё больше стараются что-то добавить от себя. Сказки XX века отличаются большей, чем собранные прежде, нестройностью сюжета, частым отсутствием мотивировок и причинно-следственных связей, более свободным и необоснованным сочетанием эпизодов, истончением границ между разными типами сказок. Фольклористы в XX веке рассматривают сказку как научный материал, потому относятся к текстам более бережно, чем собиратели XIX века, не редактируют их, стараются сохранить сведения об информантах и обстановке, сопутствующей озвучиванию текста. Обозначенные нами причины обусловливают две параллельно существующие тенденции, характеризующие бытование и фиксирование сибирских и дальневосточных текстов русских волшебных сказок в XX веке: тенденцию к активному разложению сказок и в то же время к трепетному их сохранению.

В данной работе мы рассматриваем образ солнечной птицы как одну из древних мифологических универсалий, бытующих в фольклорных системах разных народов и заключающих в себе ряд архаических представлений. Мы хотим посмотреть, как на этот образ, связанный с древнейшим, распространённым у многих этносов солярным культом, влияют указанные нами тенденции. Под «солнечной птицей» мы понимаем птицу, связанную в народном представлении с небесным солнечным огнём; термин заимствован нами из статьи М.И. Чернышёвой [10].

В восточнославянском фольклоре данный образ представлен рядом вариаций, рассмотренных нами в более раннем исследовании [5]. Это существующие в реальности птицы (орёл, сокол, гусь, лебедь, утка, курица, петух) и мифическая жар-птица. Для жар-птицы – обобщённого, мифического образа – связь с небесным огнём является первичным признаком, потому проявляется она очень ярко: в имени, в солярных атрибутах (золотая окраска, сияние, золотые предметы), в тесной связи с «солнечными» мотивами воскрешения, плодородия, богатства, брака. Названные же нами немифические птицы, обладая солярной символикой (так же – внешними солярными атрибутами, связью с соответствующими мотивами) как в народных представлениях, так и в фольклорных текстах, имеют и другие характеристики (например, с лебедем и уткой связан ряд демонологических представлений, орёл как хищная птица отчасти причисляется к «нечистым») [3]. В данной работе мы обращаемся лишь к двум солнечным образам – жар-птицы и петуха – как к сохраняющим солярную символику наиболее цельно [5]. Мы рассматриваем образы из восточнославянских волшебных сказок, собранных на территории Сибири и Дальнего Востока (изучено около 70 текстов из 4 источников [1, 1977, п. 7, т. 43; 1, 1998, п. 4, т. 29; 6; 7; 9]), и сравниваем их с образами, представленными в сборнике Афанасьева (около 200 текстов) [4].

Образ жар-птицы достаточно широко распространён в восточнославянских волшебных сказках, зафиксированных в сборнике Афанасьева – при том, что во всех изученных нами исследованиях жар-птица упоминается только как персонаж волшебных сказок, в текстах иного фольклорного жанра не встречающийся. Основная её сказочная функция – добываемая диковинка. Как персонаж, играющий важную роль в сюжете, жар-птица встречается в трёх текстах. Это «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» (СУС 550) [8] и два варианта сказки «Жар-птица и Василиса-царевна» (СУС 531). В обоих случаях найденное перо жар-птицы становится катализатором сюжета, добыча обладательницы пера – изначальной целью героя. В этих текстах она обладает ярко выраженными солярными признаками: золотой окраской и солнечным сиянием, а также добывается из потустороннего мира. Помимо трёх текстов на два названных выше сюжета, жар-птица появляется ещё в трёх, для неё не характерных. В «Сказке о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» (СУС 551) она является носителем мёртвой и живой воды, воскрешающим героя. В «Зверином молоке» (СУС 315) она выступает как одно из чудовищ, к которым отправляют героя за лекарством для мнимой больной. В «Царь-девице» (СУС 400.2) жар-птица спасает героя от Бабы Яги, перенося его ближе к пункту назначения – потустороннему миру. Мы предполагаем, что в указанных текстах, для которых образ жар-птицы нехарактерен, имеет место относительно позднее внедрение широко распространённого образа жар-птицы в несвойственные для него сюжеты. Во всех трёх текстах она появляется лишь в одном эпизоде, не упоминается ни до, ни после него, как спаситель героя она действует без всякой мотивировки, свойственной сказочным помощникам. Она лишена своих солярных черт. И, кроме того, она выступает в ролях, которые более часто и в более обоснованных ситуациях играют иные персонажи (носителем мёртвой и живой воды чаще всего является ворон; обладателем лекарства для мнимой больной – дикое млекопитающее; птицей-переносчиком – орёл или птица Моголь).

В сборниках с русскими сказками Сибири и Дальнего Востока мы обнаружили четыре текста с образом жар-птицы. Один из текстов сюжетно повторяет «Сказку об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке», отличается лишь названием и деталями; жар-птица здесь

выполняет те же функции и сохраняет те же солярные атрибуты. В других трёх текстах жар-птица точно так же проникает в несвойственные ей сюжеты, как прежде в сборнике Афанасьева, хотя образ её при этом более проработан. В тексте «Скатерть-самобранка» (СУС 563) жар-птица выступает как вредитель полей и помощник-даритель – в той роли, в которой в двух вариантах сказки того же типа у Афанасьева появляется журавль; сохраняется характерный для текстов «Иван-царевич и серый волк» (СУС 550) мотив похищения жар-птицей яблок и выслеживания её тремя сыновьями, внешние солярные атрибуты (сияние, золотые перья) отсутствуют. В сказке «Василиса Премудрая» она является добываемой по заданию антагониста диковинкой; здесь жар-птица лишена солярных признаков (нет никаких указаний на её солнечную природу, кроме имени), и находится она непривычно легко (добывается чудесной женой героя). Ту же роль добываемой диковинки жар-птица играет в сказке «Сивко, Бурко, Вещий Коурко» (СУС 530 + 530А). Она выступает в качестве одного из чудесных животных, которых зятья должны найти по заданию тестя-царя. Здесь её эпизод расписан очень подробно, занимает значительное по объёму место в тексте (ради добычи жар-птицы герой совершает два путешествия, даны детальные описания сада с жар-птицами). Жар-птица в данном тексте сохраняет солнечные атрибуты, присущие ей в «родных» сюжетах – сияние и золото.

Петух сохраняет солярную символику наиболее последовательно из всех немифических, существующих в реальности птиц. В народных представлениях он обладает способностью призывать солнце и изгонять нечистую силу [2, с. 183]. В волшебных сказках из сборника Афанасьева петух часто выступает не как полноценный персонаж, а как маркер наступления утра и завершения времени владычества тёмной силы: *Запели петухи – и демонское наваждение сгинуло!* [4, текст 273]. В сказке «Хитрая наука» (СУС 325) в петуха обращается вредитель, чтобы склевать героя, обратившегося в мелкий предмет. Этого петуха в конце каждого из упомянутых текстов убивает герой, обратившийся в хищную птицу (ястреба или сокола). Л.Г. Бараг указывает в комментариях к этой сказке, что в западных вариантах сюжета герой, чтобы убить наставника-петуха, обращается в лисицу [4, комментарий к тексту 249]. Мы можем предположить здесь отголоски солярного мифа (петух как символ солнца и убивающий/похищающий его хищник). Хотя не менее вероятно, что схема превращений героя и наставника, которые до петуха меняют несколько обличий, строится на парах противопоставленных образов хищника и добычи. Самый яркий образ петуха мы обнаруживаем в сказке «Петух и жерновки» (СУС 715А). Здесь петух выступает как полноценный персонаж, добывающий похищенную барином чудесную мельницу. Он добывается в начале сказки из небесного мира, наделён неуязвимостью к огню, внешней солнечной атрибутикой («золотой гребенёк»). Сказка эта достаточно сложна по структуре: она сохраняет элементы чудесного и мотив путешествия в потусторонний мир, что позволяет отнести её к волшебным сказкам; герой-петух сближает её со сказками о животных; текст обладает ярко выраженной социальной тематикой (борьба с богатым притеснителем), характерной для бытовых сказок.

В сказках Сибири и Дальнего Востока петух выступает в тех же самых трёх ролях. Образ его как ипостаси антагониста-наставника и знака солнечного восхода остаётся неизменен, неизменны и обстоятельства, в которых он появляется (три сказки на сюжет 325: «Митя», «Учитель», «Колдун и его ученик»). В большей степени претерпевает изменения образ из сказки «Петух и жерновки». Мы обнаружили два текста на этот сюжет, и оба они почти лишены элементов чудесного. Нет мотива путешествия на небо; петух добывает не чудесную мельницу, а деньги; в более раннем тексте петух лишён способности говорить, в более позднем социальные мотивы проступают очень ярко: петух требует, чтобы жадный царь заплатил мужикам-работникам. Везде, однако, сохранён мотив чудесного избавления петуха от казни, его неуязвимости в испытаниях водой и огнём.

Итак, общие тенденции, характерные для восточнославянских сказок, собранных в XX веке на территории Сибири и Дальнего Востока (разложение сюжетов и в то же время

бережное сохранение фольклорных текстов), актуальны для сюжетов с образами солнечных птиц. Разложение сказочных сюжетов способствует отмеченному нами ещё в материале XIX века процессу внедрения сказочных образов в нехарактерные для них сюжеты, часто без обоснования и с усечением атрибутов; встречаем мы и следы тенденции к стиранию границ между разными типами народных сказок – перенос мифического образа в контекст социально-бытовой сказки. Но в целом образы солнечных птиц сохраняют свою солярную природу и основные сказочные функции. Такая устойчивость, вероятно, свидетельствует о важной роли образа солнечной птицы в народных представлениях, отражённых в фольклорных текстах.

Список литературы

1. Архив кафедры русского языка и литературы ВИ-ШРМИ ДВФУ.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические взорения славян на природу / Афанасьев А.Н. Славянская мифология. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. – 1520 с.
3. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Издательство «Индрик», 1997. – 912 с.
4. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков; Отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов. – М.: Наука, 1984-1985 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/skazki/default.asp?/feb/skazki/critics/114-1974.html> (Дата обращения: 27.06.2017).
5. Оплачко А.А. Образ солнечной птицы в русских волшебных сказках // Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Избранные труды участников научно-практической конференции студентов и аспирантов ВИ-ШРМИ ДВФУ, 2017 г. – Владивосток: ДВФУ, 2017. – С. 26-27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/> (Дата обращения: 27.10.2017).
6. Русские сказки Восточной Сибири: Сказки / Сост., ком. и предисл. Е.И. Шастиной. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985.
7. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / Сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993.
8. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/sus/> (Дата обращения: 9.10.2017).
9. У ключика у гремучего: дальневосточный фольклор / Сост. и авт. вступ. ст. Л. Свиридова. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. – 254 с.
10. Чернышёва М.И. Солнечная птица: Павлин, Феникс (Финист), петух // Вопросы филологии. – 2011. – № 2. – С. 55-62.

Угрю А.В.

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Угрю А.В.

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЖАНРА ВОПРОСА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

FUNCTIONING OF QUESTION AS A GENRE IN SOCIAL NETS

В статье рассматривается функционирование жанра вопроса в специфических условиях интернет-коммуникации. Выявляются функциональные типы вопросов, характерные для сетевого общения, и языковые средства их реализации, отмечаются особенности употребления.

Ключевые слова: *интернет-коммуникация, интернет-лингвистика, виртуальное жанроведение, жанр, вопрос.*

The article deals with functioning of question as a genre in specific conditions of Internet communication. The functional types of questions typical for network communication as well as language means of their implementation are revealed. The peculiarities of their use are specified.

Key words: *online communication, Internet genres, Internet linguistics, virtual genre studies, genre, question.*

В XXI веке объектом лингвистической науки стала не только письменная и устная речь, но и речь, функционирующая в новой среде общения – интернет-коммуникации. Нами рассматривается функционирование вопроса как жанра в социальной сети. Но прежде чем приступить к характеристике жанра вопроса, следует уточнить, что мы разделяем понятия жанра и формата, которые трактуются как синонимичные во многих исследованиях интернет-жанров. Вслед за Л.Ф. Компанцевой под форматом мы понимаем совокупность технических параметров, а к жанру относим лингвистические характеристики текста [1].

На основе формата могут возникать определённые или разнообразные речевые жанры. Нами был выбран такой формат, как социальная сеть, в котором функционируют как жанры устного общения, так и жанры литературно-эстетического характера, а также определённые формы коммуникации, порождаемые форматом социальной сети.

Жанр «вопрос», который широко представлен в устной коммуникации в диалогических формах, оказывается частотным и в социальной сети, представляющей собой среду неформального общения.

Обращаясь к жанру вопроса, мы хотим отметить, что название данного жанра выбрано нами условно, так как традиционно вопрос классифицируется как речевой акт. Под речевым актом понимается высказывание как процесс, жанр же представляет собой результат – текст.

Целью вопроса, задаваемого пользователем в социальной сети, является получение информации или инициирование беседы. В соответствии с первой целью нами выделяется информативный тип вопроса, который существует в двух разновидностях: собственно вопрос и запрос совета. Собственно вопрос может быть представлен как запрос объективной информации и запрос субъективной информации. Вопрос, требующий объективной информации, не является широко распространённым в социальной сети (20% от общего объёма материала), так как в большинстве случаев ответ на такой вопрос можно получить с помощью службы поиска информации (Google, Yandex и т.п.), либо вопрос, как правило, рассчитан на узкую группу специалистов в определённой области.

К выделенным нами частотным подтипу информативного типа можно отнести следующие языковые реализации.

Вопросительное предложение общего типа с конструкцией «есть ли...», являющееся косвенной просьбой:

Alexander Suvalko

• 20 February •

А есть ли сервисы по продаже дешевых билетов на поезде по Европе? Вот с самолетами понятно куда смотреть, а поездами что?

В устной речи вопросы с конструкцией «есть ли ...» относят к подготавливающей тактике, за которой следует просьба, но так как в Интернете коммуникация проходит дистанционно, то для сокращения количества речевых интеракций, не являющихся информативно достаточными, но заполняющими пространство страницы пользователя, а также в рамках стремления к экономии речевых усилий адресант ограничивается запросом на наличие некоей информации, подразумевая, что при наличии адресат её предоставит.

Также запрос информации, являющийся косвенным актом запроса совета, осуществляется при помощи конструкции «*Кто/Кто-то + глагол ментального состояния (знать)...*»:

Ольга Андреева

• 8 July 2016 •

Господа, кто-то делал загранпаспорт 16-летнему человеку срочно?

Через МФЦ это займет 30 дней.

Но вроде есть какие-то конторы, которые делают это быстро и за деньги.

Кто-то знает надежные места?

К этому подтипу можно отнести выражение запроса совета с помощью конструкции «*что делать...*»:

Ольга Андреева

• 17 August 2016 •

Слушайте, вот у турок, например, заблокирована википедия. А мне она нужна очень для работы (я не знаю, где еще можно провеять много дат и имен-отчеств). Что в таких случаях делают добрые люди? Смиряются?

Вопрос с использованием данной конструкции является запросом информации, необходимой для решения определённой проблемы. Описание ситуации может располагаться как в пре-, так и в постпозиции по отношению к вопросу.

Другой тип вопроса предполагает множество различных вариантов ответа, представляющих субъективную точку зрения. Наиболее частотными вопросительными словами оказываются *где, как, какой*. В данном типе пользователем запрашивается субъективная информация, содержащая личную оценку. Для таких вопросов характерно использование прилагательных в сравнительной/превосходной степени:

Alexey Borodin

12 July • Moscow •

Где найти самый вкусный бургер в Москве?

Употребляющиеся в данном подтипе формы прилагательного и наречия, как правило, содержат семантику оценки признака (*хорошо, оптимально, умные, хороший*).

В анализируемых нами примерах отмечается смешение вопроса и запроса совета, что объясняется общностью их коммуникативной цели – запрос на получение информации, в связи с этим запрос совета оформляется вопросительным предложением:

Anna Krasilshchik

• 11 May at 21:45 •

а посоветуйте мне хороший магазин тканей для обивки мебели? где-нибудь в пределах 3 кольца и чтоб выбор был большой

В жанре вопроса, обязательным компонентом которого является собственно вопрос, нами выделяются следующие вариативные компоненты:

1) метатекстовый блок (*Вопрос к знающим, вопрос к аудитории, вопрос к опытным людям про жизнь*);

2) обращение, которое может быть как обобщённым, например: *Друзья; Дорогие все; Дорогие софейсбучники; Господа* и т.п., так и указывающим на определённую группу лиц:

- по профессиональному признаку: *коллеги; друзья-адвокаты;*
- по географическому признаку: *дорогие парижские друзья; дорогие москвичи; петербуржцы; Киев!; Ребята, Нижний!;*

3) описание ситуации, находящейся в пре- или постпозиции, знание которой необходимо адресату, чтобы он мог ответить на заданный вопрос.

Ситуация может быть представлена как текущая, требующая разрешения, в данном случае описание ситуации выражается посредством нарратива, включающего предикаты, обозначающие последовательно происходящие события:

даша поливанова

11 May at 19:10 •

Что делать в такой ситуации?: (Я включаю компьютер, он выдает это сообщение и перезагружается, потом все то же самое. Иногда включается, появляется рабочий стол и т.д., но через пару секунд опять та же история.

Также отмечается, что после вопроса пользователи часто добавляют указание на его причину, которая заключается в необходимости: *очень надо; нужна справка; срочно нужно передать; нужно для работы* и т.п., либо в желательности определённой ситуации: *Хотелось бы поработать.*

Для вопросов, направленных на получение информации, оказывается характерной демонстрация «обратной связи», то есть редактирование записи и добавление уведомления о том, что ответ получен, и благодарности ответившим:

Boris Iomdin

• 24 March at 09:00 •

UPD: Носители казахского благодаря вам найдены, огромное всем спасибо!

Друзья, не знает ли кто-нибудь, как выбрать из своих друзей на Фейсбуке людей из определенной местности?

Таким образом, вопрос как самостоятельный жанр можно охарактеризовать по его цели – получение информации или фатическая коммуникация. Вопросы данного типа технически не имеют временных ограничений, однако пользователь, имея возможность редактирования записи, при помощи блока-уведомления может указать на неактуальность своего вопроса. Для вопросов в социальной сети характерна слабая опора на апперцепционную базу, так как автор превентивно стремится указать необходимую информацию для достижения своей коммуникативной цели. По уровню смысловой развёрнутости вопрос подразделяется на вопрос минимальной структуры и расширенной структуры за счёт таких факультативных компонентов, как метатекстовый блок, описание причины, ситуации, обращение, блок-обновление. К характерным для вопроса модусным категориям относятся актуализационные категории (модальность необходимости, возможности, побудительная модальность), квалификативные категории (оценочность).

Активное функционирование такого жанра, как вопрос, при наличии множества поисковых и информативных сайтов, на наш взгляд, свидетельствует о потребности участников интернет-коммуникации в опоре на личный опыт пользователей, который расценивается как вызывающий доверие.

Список литературы

1. Компанцева Л.Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы. – Луганск: Знание, 2008. – 527 с.

Чжан Шо

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Zhang Sho

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

**КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КИТАЙСКОГО СОЗНАНИЯ
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А. ХЕЙДОКА)**

**CALQUING AS A WAY OF REPRESENTING CHINESE CONSCIENCE
IN THE RUSSIAN-LANGUAGE LITERARY TEXT
(BASED ON A. KHEIDOK'S STORIES)**

В статье представлен анализ использования калькирования китайских выражений в рассказах русского писателя дальневосточной ветви эмиграции А. Хейдока. Автор проводит лингвистическую классификацию зафиксированных в материале китайских калек, выявляет источники калькирования, делает выводы о художественных функциях данного приёма в русскоязычном тексте.

Ключевые слова: *А. Хейдок, калькирование, китайское сознание, фразеологическая калька, синтаксическая калька, семантическая калька.*

The article analyzes the use of calquing Chinese expressions in the stories written by A. Kheidok, a Russian author of the Far Eastern emigration. The author makes a linguistic classification of the Chinese calques fixed in the material, reveals the sources of calquing and draws the conclusions about the literary functions of this device in the Russian-language text.

Key words: *A. Kheidok, calquing, Chinese conscience, phraseological calque, syntactic calque, semantic calque.*

В русской литературе особое место занимают произведения писателей – представителей дальневосточной эмиграции, в частности рассказы Альфреда Хейдока. Самобытность этих произведений определяется в первую очередь отражением тесного взаимодействия русской и китайской культуры. Образ Китая воссоздаётся в текстах А. Хейдока различными языковыми средствами. Предметом данного исследования является отражение китайского сознания в русскоязычном тексте с помощью калькирования языковых единиц. Источником материала для анализа послужили рассказы из сборника «Звёзды Маньчжурии» [4]: «Кабан», «Маньчжурская принцесса», «Миами», «Неоценённая добродетель», «Шествие мёртвых» и др.

«Лингвистический энциклопедический словарь» даёт следующее определение кальки: «это (франц. *calque* – копия, подражание) образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путём буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы» [1, с. 211].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» калька определяется как «слово или выражение, представляющие собой перевод по частям иноязычного слова или оборота речи с последующим сложением переведённого в одно целое» [3, с. 103], иначе говоря, калька – это результат заимствования иноязычной структуры, которая наполняется материалом заимствующего языка.

В ходе нашего исследования мы выявили, что А. Хейдок регулярно использует фразеологические, синтаксические и семантические кальки из китайского языка.

1. Фразеологические кальки – «результат дословного перевода иноязычного устойчивого оборота» [3, с. 104], к этой группе мы отнесли использование не только собственно фразеологизмов (устойчивых сочетаний), но и паремий, под которыми

понимаются «1) пословицы <...>; 2) краткое образное устойчивое высказывание <...>, синтаксически оформленное как простое или сложное предложение» [2].

Приведём примеры из нашего материала.

1.1) Собственно фразеологизмы (устойчивые сочетания):

– Он ушел на запад! [Миами].

Ушёл на запад – результат калькирования китайского фразеологизма 归西 – *gui xi*, что означает «умер, погиб». По представлениям древних китайцев, на западе – там, куда заходит солнце, где заканчивается день, – находится страна мёртвых, в противоположность востоку, который ассоциируется с восходом солнца и началом жизни. Это представление отражается и в рассказе «Шествие мёртвых»:

Хоу протянул руку на запад, где горело зарево:

– Вечер моей жизни уже близок, и я поеду туда, где ожидают меня предки [Шествие мёртвых].

В этом же примере представлена и другая калька: *вечер жизни* (от 余生 – *yu sheng*). По представлениям китайцев о связи жизни и времени, заход солнца обозначает конец целого дня, наступление вечера, поэтому вечер жизни – конец жизни.

Другие примеры:

– *Ты был в провинции Гуйчжоу? О нет, ты не был там; редкий иностранец бывает в провинции Гуйчжоу. Там нет огненных телег иностранцев* [Шествие мёртвых] – здесь используется словосочетание *огненная телега* – калька китайского устойчивого выражения 火车 – *huo che* (火 – «огонь»; 车 – «машина, телега»), что означает «поезд».

Хотя было уже под вечер, но летний зной еще висел в воздухе над морем лиственниц, пихт и кедров, когда я добрался до подножия сопки [Маньчжурская принцесса] – в этом примере скрывается калька китайской устойчивой метафоры 林海 – *lin hai* «море леса»: море лиственниц, пихт и кедров.

Когда я был не так стар, в темные, как сердце злодея, ночи, из того же ружья, что унесли хунхузы прошлой осенью, я убивал излюбров [Кабан] – в данном примере отражается китайское представление о «тёмном». Для китайцев чёрный, тёмный значит «плохой, несчастливый», «знак беды, страдания». Они часто используют такие слова, чтобы изобразить что-то плохое, например: 黑心的坏人 – *hei xin de huai ren*; дословный перевод – «злодей с тёмным сердцем»; это выражение используется в значении «злой, жестокий человек, у него нет совести, он творит много зла». Писатель использует этот фразеологизм в «перевёрнутом» виде, чтобы выразить, насколько тёмной является ночь. Но герой здесь хочет сказать не только о темноте ночи, но и о человеке с тёмным сердцем.

1.2) Полные паремии (пословицы):

Зачем ты так яростно отбиваешься от комаров? Они этого не стоят! «Не удаляй внимания мелочи, чтобы она не заслонила главного», – так учит пословица. Терпение, господин, терпение!.. [Кабан].

Здесь используется китайская пословица 小不忍则乱大谋 – *xiao bu ren, ze luan da mou*, что буквально переводится следующим образом: «Не можешь перетерпеть мелочь, поэтому не видишь главного». Китайский словарь даёт и такой вариант перевода: «Нетерпимость к пустякам может испортить большое дело» [5]. Данная пословица отражает традиционную ценность, которая воплощается в такой черте китайского национального характера, как терпеливость. Эта особенность находит отражение и в рассказе «Неоценённая добродетель»:

Нужно немножко подождать, пока они насытятся...

Терпение – великая мать добродетели [Неоценённая добродетель].

В этом примере используется пословица 忍耐是善良之母 – *ren nai shi shan liang zhi mu* (буквальный перевод: «Терпение – мать добродетели»), которая отражает представление китайцев о лучших качествах человека, среди которых самым важным является терпеливость. Нет терпения – нет добра. Терпение – источник добродетели.

<...> давно никто не приходил ко мне. Бедняка на людной пристани никто не замечает, а богача отыскивают даже в лесу и справляются о его здоровье. Не так ли? Я дважды богател и дважды ницал, поэтому хорошо это знаю [Кабан].

В данном случае используется китайская пословица 穷人身处闹市无人识, 富人住在深山有人问 – *qiong ren shen chu nao shi wu ren shi, fu ren zhu zai shen shan you ren wen* (буквальный перевод: «Бедняка и в людном месте никто не замечает, а о богаче справляются даже в горах»), которую можно понимать следующим образом: «бедняки никому не интересны, никому не нужны, даже если они живут в окружении многих людей; а богачи вызывают интерес, даже если живут вдали ото всех, о них всегда кто-нибудь заботится». Эта пословица говорит о человеческой корысти: люди предпочитают общаться с теми, кто полезен, выгоден для них, у кого много денег и влияние в обществе. Герой рассказывает эту пословицу, с одной стороны, чтобы показать свое бедственное положение, с другой стороны, чтобы дать оценку обществу и подчеркнуть равнодушие, чёрствость людей.

К чему теперь такие слова? Ай-я-ха! Где разум у людей, говорящих такие речи! Разве не сказано: «Не делай кривым того, что прямо, а прямым того, что криво» [Кабан].

Это высказывание соотносится с китайской пословицей: 不要把弯的变成直的, 也不要
把弯的变成直的 – *bu yao ba wan de bian cheng zhi de, ye bu yao ba zhi de bian cheng wan de*, буквальный перевод: «Не делай кривое из прямого, не делай прямое из кривого». В контексте рассказа можно понимать эту пословицу следующим образом: какие-то люди осуждают героя за его спиной, по его мнению, говорят плохое о хорошем, он считает, что мнение этих людей не соответствует действительности, и замечает, что нельзя подменять суть явления, не нужно искажать факты, не нужно выдавать прямое за кривое, хорошее за плохое.

Не лучше ли попросить их теперь, пока еще не все съедено?

Нет, голодные злы, а сытые милосердны... Нужно немножко подождать, пока они насытятся... [Неоценённая добродетель].

Это калька пословицы 饥饿的愤怒, 饱食的善良 – *ji e de fen ni, bao shi de shan liang*, что буквально переводится так: «Голодный – злой, а сытый – добрый». Эта пословица отражает традиционные представления китайцев о благополучии: если человек голоден, то у него плохое настроение, он может быть агрессивным; а если сыт, то он пребывает в благодушном состоянии. Такое представление отражается и в следующей за пословицей фразе: *Нужно немножко подождать, пока они насытятся...* Герой надеется, что когда лодочники утолят свой голод, то они отнесутся к нему милосерднее.

1.3) Неполные паремии (фрагменты пословиц):

Вей Чен-тин тогда рассмеялся мне в лицо и сказал, что к моей жене, когда она была девушки, часто приходил дровосек по имени Ху; что девушка плакала, когда я засыпал сватов к ее родителям, и, наконец, будто Ху ночью подкрадывался к моему дому, пока я здесь криками и колотушками отгонял зверей... К чему теперь такие слова? Ай-я-ха! Где разум у людей, говорящих такие речи! Разве не сказано: <...> «Не расстраивай браков» [Кабан].

Выражение *не расстраивай браков* отражает традиционное представление китайцев о семье. Полный текст используемой здесь пословицы звучит так: 宁拆十座庙, 不毁一桩婚 – *ning chai shi zuo miao, bu hui yi zhuang hun*, что означает «Лучше разрушить десять кумириен (храмов), чем разрушить один брак». То есть в китайской культуре разрушение брака является более страшным грехом, чем разрушение храмов, хотя и это тоже непростительно. Герой рассказывает эту пословицу, чтобы показать, насколько глупо и неразумно поступают люди, распускающие слухи о его отношениях с женой. Можно предположить, что, вспоминая эту пословицу, он имеет в виду, что того, кто разрушит чей-то брак, ждёт наказание.

Ведь нас видели только духи, а они молчат [Кабан].

Здесь имеется в виду традиционное китайское верование, отражённое в пословице 人在做, 天在看 – *ren zai zuo, tian zai kan*, что буквально означает «Человек делает – духи смотрят». Использование данной пословицы позволяет увидеть национальное (китайское) сознание персонажа, который безусловно верит, что на небе живут духи и они присматривают за людьми, следят, кто из них поступает хорошо или плохо, творит добро или зло, духи не говорят, только смотрят, но они могут наказывать или награждать людей за их дела.

Кроме того, в текстах А. Хейдока используются также кальки образов, идей, которые отражают традиционные, устойчивые представления китайцев о жизни. Например:

– Пусть, – думал *Лао Ку*, направляясь обратно к берегу, – пусть вертится колесо жизни: пройдут века, настанут новые жизни, и тогда *Лао Ку* будет сидеть у полного котла, а лодочники – наоборот... [Неоценённая добродетель].

Это пример использования китайского устойчивого выражения 风水轮流转 – *feng shui lun liu zhuan*, что буквально переводится как «Ветер и вода всегда вращаются». В нём отражается традиционное религиозное представление о том, что в человеческой жизни всё идёт по кругу: в жизни люди могут столкнуться с трудностями, попасть в беду, а потом встретить радость и счастье. Всё меняется, невозможно всегда быть несчастным или всегда быть счастливым: сегодня счастлив один, а другой несчастен, а завтра они могут поменяться местами.

Живые стремятся к очагам своих родителей — мертвые также!

Не пойдет мертвый на восток, не пойдет и на запад, а пойдет только по дороге к родному дому [Шествие мёртвых].

Оба предложения отражают устойчивое, традиционное представление китайцев, сформулированное в пословице 落叶归根 – *luo ye gui gen*, что буквально переводится как «Опавшие листья возвращаются к корням» [6]. В этой метафоре «опавшие листья» означают людей, которые долго живут вдали от родины, или людей, которые умерли вдали от родины; а «возвращаться к корням» – вернуться к своему происхождению, к своему родному дому. То есть в целом это можно понимать так: умерший вдали от родины китаец должен обязательно вернуться на родину.

2. Синтаксические кальки представляют собой «конструкции, образованные по иноязычной модели» [3, с. 103], к ним мы отнесли использование свободных сочетаний, характерных именно для китайского языка, а не для русского. В текстах А. Хейдока мы обнаружили два таких случая:

2.1) сочетание прилагательного и имени собственного: *старый* – имя прилагательное, которое буквально переводится на китайский язык как 老的 – *lao de* и используется для характеристики пожилого человека. В китайской культуре принято ставить это прилагательное перед фамилией, что привело к появлению модели «старый + фамилия» – буквальный перевод: «*lao + фамилия*» (частица *de* может опускаться), например: 老顾 – *старый Ku*, 老冯 – *старый Фэн*. Кроме того, в текстах А. Хейдока встречаются сочетания «прилагательное + сочетание имени и фамилии»: *старый Фу Ко-у*, *старый Фэн Сюэ*, *кривой Гао Лу*; в русском языке такое употребление не принято;

2.2) указание говорящим на самого себя с помощью форм, соответствующих 3 лицу. Так, герой рассказа «Кабан» *Фу Ко-у*, обращаясь к собеседнику, говорит: *Ты устал? Хочешь отдохнуть, ибо далеко шел лесными тропами к полю старого Фу Ко-у?* [Кабан]. Говоря о самом себе, он не использует слова и формы со значением 1 лица, а называет себя по имени: не *к моему полю*, а *к полю старого Фу Ко-у*, хотя речь идёт о его поле. Такая синтаксическая структура часто используется в разговорной речи китайцев, особенно когда старший обращается к младшему, наставник, воспитатель – к ученику.

3. Семантические кальки – «результат заимствования одного из значений многозначного слова» [3, с. 103], к ним мы отнесли употребление русского слова в значении,

характерном для китайского языка: в нашем материале это специфическое использование слов *небеса* и *господин*. Например:

И они едят!.. Небеса! Как они едят! Палочки мелькают так быстро, что в глазах рябит! [Неоценённая добродетель].

Но, все-таки, – как они едят! Небеса!.. Как они едят и высекрывают свои чашки!.. Если так пойдет дальше, то они съедят все и ничего не останется для старого Лоу Ку... [Неоценённая добродетель].

– *Небеса! Они все съели!!!* – фраза застряла в горле. *Лоу Ку поперхнулся – лодочники деловито складывали палочки, а во всех котлах – пустота!* [Неоценённая добродетель].

В рассказе А. Хейдока слово *небеса* употребляется в функции междометия, что характерно для китайского слова 天呐 – *tian na* («небо»), которое в составе восклицания служит для выражения сильной эмоции возмущения, негодования или удивления, когда человек не может поверить своим глазам. Русский человек в такой ситуации сказал бы *О господи!* или *Боже мой! Бог мой!*, а китаец обращается не к богу, а к небу, потому что, по китайским верованиям, на небесах живут духи, к которым можно обращаться за помощью в трудную минуту.

Своеобразно в текстах А. Хейдока используется и слово *господин*. В русском языке слово *господин* всегда указывает на высокий социальный статус человека, о котором идёт речь. В китайском языке, согласно словарям, слово 先生 – *xian sheng* имеет разные значения. В текстах А. Хейдока это слово может использоваться в значении «просто человек» [7] и выступать в роли обращения к обычному малознакомому человеку, который не обладает более высоким статусом, чем говорящий. В рассказе «Кабан» это слово употребляет пожилой, умудрённый опытом и небедный китаец по отношению к молодому русскому охотнику. Например:

– *Отсюда ты, господин, все увидишь, чему суждено произойти в поле.*
Не вставай, не вставай, господин! [Кабан].

В целом анализ показал, что использование калек позволяет А. Хейдоку средствами русского языка выразить особое этнокультурное китайское сознание – показать образ мыслей и правила жизни китайцев, их мировоззрение и картину мира.

Список литературы

1. Арапова Н.С. Калька // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – 688 с.
2. Кацюба Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 67.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985. – С. 103-104.
4. Хейдок А.П. Звёзды Маньчжурии. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. – 336 с.
5. Е Фанлай. Русско-китайский словарь пословиц и поговорок. – Пекин: The Commercial Press, 2015. – 375 с.
6. Чжоу Цзишэн. Русско-китайский фразеологический словарь. – Хубэйское народное издательство, 1984. – 722 с.
7. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典(第六版). 出版社:商务印书馆, 2012. – 1790 с.

Юань Синьюй

Дальневосточный федеральный университет

Владивосток, Россия

Yuan Xinyu

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧАСТИЦЫ ЭТО
В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С КИТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ)**

**PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE PARTICLE ЭТО
IN ADVERTISING TEXTS
(IN COMPARISON WITH THE CHINESE LANGUAGE)**

Статья посвящена стилистическому аспекту функционирования русских частиц. Рассматриваются типичные употребления частицы *это* в текстах рекламных сообщений с учётом семантических, коммуникативно-прагматических, морфологических, синтаксических характеристик контекста. Представлены особенности функциональных аналогов данной частицы в китайском языке, фиксируемые в рекламном тексте.

Ключевые слова: *служебные слова, частицы, стилистический аспект, прагматический эффект, рекламный текст, рекламная стратегия.*

The article is focused on the stylistic aspect of functioning of Russian particles. The author considers typical uses of the particle *это* in advertising messages given semantic, communicative and pragmatic, morphological and syntactic characteristics of the context. The peculiarities of the functional analogues of this particle in Chinese, fixed in the advertising text, are introduced.

Key words: *auxiliary words, particles, stylistic aspect, pragmatic effect, advertising text, advertising strategy.*

Частицы в современном русском языке – это особый класс служебных слов, который выделяется прежде всего на функциональной основе. Главный критерий объединения лексических единиц в данный класс – их коммуникативно-прагматические свойства, которые обусловлены спецификой значения частиц. Эта специфика заключается в том, что семантика частиц имеет обычно дополнительный скрытый характер и проявляется в контексте. Она тесно связана с функционированием частиц в высказывании как речевом акте и поэтому определяет восприятие высказывания адресатом. Как пишет И.Н. Токарчук, «частицы, включаясь в структуру высказывания или текста, выражают тонкие, имплицитные, коммуникативно важные смыслы и регулируют восприятие содержания сообщения адресатом» [2, с. 342]. Данное свойство частиц даёт им возможность функционировать в рекламных текстах и выполнять соответствующие задачи: «демонстрируя, декларируя, доказывая преимущества рекламируемого объекта перед конкурирующими, реклама стремится привлечь внимание адресата и вызвать в нем интерес, активизировать положительное отношение к объекту рекламы и заставить приобрести товар или услугу» [2, с. 343].

Наши наблюдения показывают, что частица *это* используется в рекламе в двух типах контекста, соответствующих её двум основным типам употребления. Первый тип употребления, самый распространённый, – это конструкция простого предложения, в котором подлежащее и сказуемое выражены именами существительными (или местоимениями) в именительном падеже: N_1 – это (*cop*) N_2 , а частица вводит сказуемое. Как правило, данные конструкции выступают в форме настоящего времени, и связка в таких случаях нулевая. В зависимости от содержания данных высказываний и создаваемого прагматического эффекта выделяется несколько разновидностей таких построений в рекламном тексте.

(1) В позиции подлежащего находится название рекламируемого объекта, а сказуемое представляет собой пояснение содержания объекта, его описание, характеристику его предназначения, функций, например: *Парк хищных зверей – это огороженный участок леса, где разные виды содержатся вместе: гималайские медвежата, лисы, барсуки, енотовидные собаки, еноты-полоскуньи, дальневосточные лесные коты* (реклама Приморского сафари-парка); *Planet Spa Altai – это косметика, основанная на натуральных алтайских ингредиентах. Средства, входящие в серию, обеспечивают комплексный уход за кожей лица и тела, а также за волосами* (реклама косметики компании «Planet Spa Altai»).

Рекламное сообщение в таких случаях обычно даёт нейтральную информацию. Однако она может сопровождаться и оценкой признака как проявляющегося в высокой степени. Эта оценка всегда положительная, например: *Бэби-йога – это особый вид йоги, предназначенный для занятий родителей с детьми с самого рождения (бэби-йога) и до 3 лет* (реклама центра йоги «Атман»); *Тайшань – это наиболее почитаемая из священных гор Китая, находится в провинции Шаньдун* (реклама тура на гору Тайшань, компания «Fregat Aero»). Ср. возможные нейтральные варианты данных рекламных текстов: *Бэби-йога – это вид йоги, предназначенный для занятий родителей с детьми с самого рождения (бэби-йога) и до 3 лет; Тайшань – это одна из священных гор Китая, которая находится в провинции Шаньдун*.

(2) В позиции подлежащего находится слово, называющее рекламируемый объект, а вводимое частицей *это* сказуемое может быть представлено существительным, выражающим оценку рекламируемого товара или услуги, либо существительным, с которым согласуется прилагательное с оценочной семантикой. Такая лексика имеет значение высокой степени проявления признака, а выражаемая оценка всегда является положительной и поддерживается в контексте всего рекламного сообщения. Данное употребление наиболее востребовано в рекламе турагентств, например: *Санья – это рай для гурманов, который мечтает посетить каждый* (реклама тура в Санья, компания «Билетур»); *Чанбайшань – это божественная красота природы, нетронутая человеком, которая поможет и вам обрести покой и отдохнуть от городского шума и суеты* (реклама тура в Чанбайшань, Китай, компания «Спутник»). Оценка, которая даётся рекламируемому объекту, имеет субъективный характер, это точка зрения говорящего, его мнение. Важно, что эта оценка навязывается, реклама или декларирует единственность, уникальность предоставляемой услуги, или аргументирует её, а также обещает уникальный эффект в случае её приобретения.

(3) Частица *это* может вводить сказуемое, называющее преимущества рекламируемого объекта, который обозначен подлежащим. Данный тип употребления характерен для рекламы программ или услуг, предлагаемых финансовыми учреждениями и операторами связи. Например: *Вклады АКБ «Банк Китая (ЭЛОС)» – это надежный способ сохранить и приумножить свои сбережения* (Банк Китая); *Полис «Альфа Ремонт» – это простой и удобный способ избежать непредвиденных расходов на восстановление повреждённого имущества и отделки в квартире* (полис «Альфа Ремонт»); *Web-портал МТС – это удобный доступ к развлечениям с Вашего телефона* (рекламный буклет компании «МТС»).

Следует отметить, что в представленных выше типах употребления частицы *это* в рекламе, а именно – в случаях 2 и 3, а также 1 (при сопровождении информации оценкой), частица, вводя те или иные характеристики рекламируемого объекта, указания на его потребительские свойства, способствует созданию аргументов в его пользу. При этом создаётся эффект имплицитного противопоставления рекламируемого объекта объектам-конкурентам. Ср.: *Система «Электронный банк тu.bancaintesa» – это безопасный и простой в использовании инструмент управления своими счетами в режиме реального времени из любой точки мира* (реклама системы «Электронный банк тu.bancaintesa», банк «Интеза») и *Система «Электронный банк тu.bancaintesa» – это инструмент управления своими счетами*. Вместе с тем роль частицы состоит прежде всего именно во введении информации об объекте, вне зависимости от того, нейтральная она или оценочная. Для рекламного текста важно, что частица *это* выполняет в нём функцию ввода информации, что

способствует ознакомлению адресата с рекламируемым объектом, а также, возможно, выполняет аргументирующую функцию: вводимая информация, особенно если она включает положительную оценку, может служить аргументом в пользу приобретения товара или услуги. Таким образом, частица *это* в рассматриваемых употреблениях способствует реализации аргументативной рекламной стратегии.

(4) К следующей группе относятся употребления частицы *это* в составе конструкций, включающих градационные двухместные союзы *не только – но* и *не просто – а* при факультативности второго компонента. Данные союзы обычно употребляются при указании на расширение понятия, действия или обстоятельства. Построения с этими союзами чаще всего используются для введения ряда положительных оценок рекламируемого объекта, например: *Арт-парк «Штыковские пруды» – это не только прекрасное место для отдыха, но и надёжное и стабильное место работы* (реклама арт-парка «Штыковские пруды»); *Avent – это не просто отдельно взятые изделия, а целая система специальных товаров для новорожденных* (ТВ, 2002).

(5) Роль частицы *это* в конструкциях типа *X – это Y* становится особенно значимой, когда она специально выделяется – например, даётся отдельной строкой. Такое расположение частицы в тексте указывает на незаконченность синтаксической конструкции, что усиливает ожидание продолжения текста и обеспечивает заинтересованность адресата в получении информации. В целом создаётся эффект усиления напряжённости изложения информации, такой текст становится экспрессивным. Ср. пример, где подлежащее и частица находятся на одной строке, а сказуемое – на другой, причём в данном случае имеет место ряд однородных сказуемых, каждое из которых подаётся с новой строки:

Платежная система UnionPay – это
Самая крупная платежная система в мире;
Более 4 млрд. активных карт;
142 страны покрытия;
Более 2 млн. точек приема и обслуживания по всему миру
(реклама платежной карты UnionPay, Примсоцбанк).

Ср. употребление *это* при каждом компоненте, выступающем в структуре двусоставного предложения в качестве сказуемого:

Студенческий путинский отряд ЖЕМЧУЖИНА
- *это официальное трудоустройство на лето*
- *это хорошая зарплата*
- *это интересные досуговые мероприятия*
- *это коллектив, который не даст скучать*
- *это новые друзья*
- *это СПУО «Жемчужина»*

Новый набор! Успей вступить в отряд! (рекламная листовка, ДВФУ). Как нам представляется, в данном случае частица используется для придания экспрессивности при акценте на её функцию анафорического и указательного средства. Такое оформление текста – при дублировании *это* в каждом случае – кажется более выразительным и эффективным, поскольку каждое называемое сказуемым качество рекламируемого объекта предстаёт как не менее значимое, чем другие в этом ряду.

(6) Следующие случаи отличаются от предыдущих прежде всего способом выражения сказуемого, которое представлено не существительным в именительном падеже, а формой на *-о*, например: *Покупка на Таобао – это просто!* (ТВ, СТС). Ср. также аналогичные случаи, где подлежащее выражено не существительным, а инфинитивом глагола: *Худеть со вкусом – это здорово!* (реклама кофе для похудения, компания «Турбослим»); *Управлять своим доходом с банком «Юфа» – это просто!* (ТВ, Россия 1). В целом подлежащее в таких случаях (вне зависимости от конкретного морфологического выражения) называет рекламируемый объект (непосредственно или косвенно) – товар или услугу. Рекламируемый

объект подаётся как доступный: слова, выступающие в позиции сказуемого, обычно выражают разные смыслы, так или иначе указывающие именно на это свойство (*реально* – «действительно возможно»; *просто* – «не трудно, не требует усилий» и под.). В первом примере даётся эмоциональная положительная оценка (*здорово* – «очень хорошо»). Однако остаётся проблемой грамматическая (морфологическая) квалификация компонента на *-о*: исходя из его роли в структуре предложения (сказуемое в двусоставном предложении) это слово может быть определено как имя прилагательное в краткой форме, хотя мнения лингвистов на этот счёт расходятся (наречие, предикатив).

Нами зафиксированы примеры, где слово *это* стоит в начале предложения, а элемент *N₁* либо представлен только в предтексте, либо вообще отсутствует: *Глория Джинс – это джинсовая одежда для детей и подростков. Но это не просто джинсовая одежда. Глория Джинс – это одежда, сделанная с любовью* (ТВ, реклама марки «Глория Джинс»); *Это не просто сигареты. Это Davidoff!* (реклама сигарет «Давидофф»). С одной стороны, такие фрагменты можно рассматривать как продолжение предшествующего предложения, соответственно, слово *это* выступает в них как связочная частица. Но с другой стороны, подобные случаи могут трактоваться и как предложения с двумя главными членами, когда в роли подлежащего выступает субстантивированное местоименное прилагательное *это*.

С этим связан второй характерный для рекламных текстов тип употребления частицы *это*, которому соответствует модель *Это что*. Данная модель в собранных нами рекламных текстах используется в двух случаях: во-первых, когда реклама является креолизованной, во-вторых, когда текст является слоганом, например: (на фоне изображения интерьера с пропаренным ореховым полом) *Это правильное решение* (креолизованный текст с рекламой компании «Weitzer Parkett»); *Это не звезда, это комета!* (реклама автомобиля Mercedes-Benz SLK). В данных случаях высказыванию, содержащему *это* и, соответственно, вводимому этим словом, не предшествует другой текст. Обычно высказывание с *это* в инициальной позиции располагается под иллюстрацией или непосредственно на ней. В таком случае есть основания расценивать функцию слова *это* (частицы *это* – по мнению Т.М. Николаевой) как собственно дейктическую, поскольку оно указывает на реальный предмет, а в креолизованном тексте – на изображенный предмет. Однако от стандартных ситуаций использования таких дейктических предложений (ср., например: *Посмотрите направо. Это мой стол и под.*) приведённые примеры из рекламных текстов отличаются тем, что вводят метафорические оценочные (положительного характера) номинации. Кроме того, если при непосредственном дейксисе важен план реального настоящего времени, то в рекламных текстах представлено скорее настоящее вневременное (или постоянное) время, поскольку говорится о некоем свойстве рекламируемого объекта, присущей ему характеристике.

Кроме того, частица *это* используется в такой позиции для связи расчленённого высказывания с предыдущим высказыванием: *Большой популярностью у туристов пользуется театр «Нанта». Это показательное шоу, в основе которого – исполнение музыкальных композиций с помощью кухонных принадлежностей* (реклама тура в Сеул, компания «Билетур»). В подобном употреблении, по мнению Т.М. Николаевой, имеет место анафорическая соотнесённость *это* с предшествующей ситуацией: в конце предшествующего предложения есть новый компонент (новый – с точки зрения коммуникативной значимости, актуального членения, то есть рема), к которому «отсылает» последующее *это* [1, с. 203]. Если в первом типе случаев употребления *это* в начале высказывания можно говорить о дейктической функции частицы, то в данных употреблениях имеет место не собственно дейксис, а есть элемент пояснения [Там же], поскольку данное высказывание соотносится с предшествующим контекстом, поясняет его, вводит информацию о нём. Слово *это* в таких употреблениях Т.М. Николаева квалифицирует как частицу, мы придерживаемся такого же мнения.

Итак, можно говорить о том, что частица *это* в употреблении $N_1 - это cop N_1$ способствует реализации информативной функции рекламного текста, но она может участвовать и в реализации воздействующей функции рекламы, а именно – аргументативной стратегии рекламы, в том случае, когда вводимая частицей информация о рекламируемом объекте служит аргументом в пользу его приобретения, особенно если эта информация сопровождается положительной оценкой рекламируемого объекта и его свойств. В тех употреблениях, когда *это* стоит в начале высказывания и выступает как анафорическое средство, оно тоже вводит информацию-интерпретацию. Однако есть также случаи, где данная функция может иметь отчасти и собственно дейктический характер (при отсутствии предтекста – в креолизованных текстах), в этих употреблениях идентифицирующая функция отступает на второй план.

Что касается функциональных аналогов частицы *это* в китайских рекламных текстах, то наши наблюдения показывают следующее. Частица *это* в русистике обычно определяется как указательная частица, которой присуща функция связи (в том числе анафорической). При переводе её на китайский язык данное определение сохраняется и часто используются либо указательное местоимение *这 zhe*, либо сочетание его с глаголом-связкой *是 shi*, то есть *这是 zheshi*. В нашем материале имеются примеры, в которых не используются функциональные аналоги частицы *это*, представленные в словарях. Однако мы полагаем, что их целесообразно отнести к данной группе в соответствии с передаваемыми ими значениями. Например: *创新就是 jiushi 生活。Инновация – это жизнь* (реклама компании «Hisense»); *生活就是 jiushi 一场运动, 喝下它。 Жизнь – это движение, выпей её* (реклама напитка «Gatorade»); *男人对西服的要求, 就是 jiushi 女人对男人的要求。 Требование мужчин к костюмам – это требование женщин к мужчинам* (реклама мужских костюмов, компания «Ципай»). Согласно двуязычным словарям, иероглифы *就是 jiushi* должны переводиться словом *именно*, которое утверждает единственность, истинность предмета или признака. Но в представленных выше примерах, на наш взгляд, такое значение отсутствует. Слово *就是 jiushi* в данном случае употребляется для подчёркивания и установления связи между двумя понятиями, и правомерно его переводить на русский язык как частицу *это*.

Список литературы

1. Николаева Т.М. Русские дейктические частицы, их функционирование в N-мерном пространстве. Что является «ближним дейксисом» – *вот, вон* или *это*? // Николаева Т.М. Лингвистика. Избранное. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – С. 201-208.
2. Токарчук И.Н. К вопросу о стилистических функциях частиц (на материале рекламных текстов) // Лингвострановедческие, социокультурные и лингвистические аспекты в изучении и преподавании иностранного языка и литературы. – Тайбэй, 2015. – С. 341-357.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агашина Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.
agashina.elena@yandex.ru

Ай Хуэйжун – аспирантка кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. ahr.2006@163.com

Артёменко Мария Владимировна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.
mv_artemenko@mail.ru

Бадмаева Маргарита Аюшеевна – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Россия.
felicita47@yandex.ru

Баранова Маргарита Сергеевна – студентка ОП «Филология (русский язык и литература)» Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.
baranova_rita1996@mail.ru

Батраева Ольга Матвеевна – доцент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (Дальрыбвтуза), Владивосток, Россия. link.olga@mail.ru

Березина Наталья Сергеевна – аспирантка кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. class.room@mail.ru

Бугулова Зарема Олеговна – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия.
kroxy@yandex.ru

Бузуев Олег Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия. buz07@list.ru

Верещагина Анна Николаевна – преподаватель кафедры иностранных и русского языков Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны, Ярославль, Россия.
AnyutaVer@hotmail.com

Верещагина Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны, Ярославль, Россия. olgavereshchagina@mail.ru

Гавриленко Виктория Владимировна – аспирантка кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.
vika.gavrilenko.1989@mail.ru

Гончаров Даниил Юрьевич – студент ОП «Филология (русский язык и литература)» Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.
american_smile32@mail.ru

Гребенюкова Наталья Петровна – старший научный сотрудник научно-исследовательского сектора истории культуры и искусства Дальнего Востока Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, Хабаровск, Россия. suerte.09@mail.ru

Гускина Екатерина Николаевна – аспирантка кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. grey-beast@mail.ru

Динь Тхи Хуен – кандидат филологических наук, декан факультета русского языка и русской культуры, зав. кафедрой современного русского языка Института иностранных языков при Ханойском государственном университете, Ханой, Вьетнам. thuhuyenkn@yahoo.com

Дряхлова Анастасия Андреевна – студентка ОП «Филология (русский язык и литература)» Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. aa.driahlova@gmail.com

Е Сянлинь – кандидат филологических наук, доцент факультета славистики Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань. verayeh@nccu.edu.tw

Журавлёва Кира Анатольевна – студентка ОП «Филология (русский язык и литература)» Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. kira.zhuravlyova@mail.ru

Завьялов Виктор Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия. victorzoff@list.ru

Зарецкая Светлана Александровна – кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета русского языка и литературы Тамканского университета, Тайбэй, Тайвань. river_30@yahoo.com

Золкина Наталья Борисовна – директор-методист Русского центра фонда «Русский мир» в Государственном педагогическом университете, Хошимин, Вьетнам. zolkina_natalia@mail.ru

Кабанкова Юлия Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стажировки зарубежных специалистов Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия. Julia.Kabankova@mail.ru

Кириллова Елена Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. sevia@rambler.ru

Киселева Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. liasic@list.ru

Коновалова Юлия Олеговна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия. yuliya.konovalova@vvsu.ru

Конченко Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. tanya-konchenko@yandex.ru

Кормазина Ольга Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. olga.kormazina@mail.ru

Кравчук Оксана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия. kroxy@yandex.ru

Крапивник Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия. elenakrapivnik@mail.ru

Крапивник Людмила Федоровна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской филологии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия. 000607@pnu.edu.ru

Краюшина Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, зав. центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия. kvtbp@yandex.ru

Кудряшова Юлия Николаевна – студентка ОП «Филология (русский язык и литература)» Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. www.rapgirl.ru@mail.ru

Леонтьева Наталья Анатольевна – студентка ОП «Филология (русский язык и литература)» Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. lieontieva.natalia@mail.ru

Лю Сяоин – аспирантка кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; Хэнаньский университет экономики и права, Чжэнчжоу, Китай. xiaodaxinzang@163.com

Лю Хуан-Син – кандидат филологических наук, декан факультета русского языка и литературы Тамканского университета, Тайбэй, Тайвань. 119342@mail.tku.edu.tw

Лю Чжисиан – кандидат филологических наук, старший преподаватель Цзянсуского научно-технического университета, Чжэньцзян, Китай. liuzhiqiang@mail.ru

Макарова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стажировки зарубежных специалистов Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия. AMakarova@pushkin.institute

Мальцева Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. olgapin_2004@mail.ru

Марьянчик Виктория Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия. marvic69@yandex.ru

Матафонова Дарья Николаевна – директор Забайкальского многопрофильного техникума, Чита, Россия. dasha_rev@mail.ru

Мидзуками Норико – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой международного регионоведения Ниигатского префектурального университета, Ниигата, Япония. mizukami@unii.ac.jp

Мэн Мэн – ассистент кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия. mm_sw_89@mail.ru

Найдина Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета русского языка и литературы Тамканского университета, Тайбэй, Тайвань. tatiananaydina@gmail.com

Нгуен Ань Нам – старший преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. namna81@gmail.com

Нгуен Тхи Ко – кандидат педагогических наук, преподаватель Института иностранных языков при Ханойском государственном университете, Ханой, Вьетнам. nguyenco1960@gmail.com

Новаковская Наталья Юрьевна – преподаватель Центра русского языка и культуры Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. N.Nowakowskaya@yandex.ru

Одинцова Римма Ивановна – преподаватель Центра русского языка и культуры Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. odintsova.ri@dvfu.ru

Опачко Алина Андреевна – студентка ОП «Филология (русский язык и литература)» Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. alina.raven@mail.ru

Осипова Анастасия Александровна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. osipova.aa@mail.ru

Откидыч Елизавета Вадимовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. yadimovna001@yandex.ru

Первушкина Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. pervushelena@yandex.ru

Петрова Светлана Максимовна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия. metlit@mail.ru

Пирко Вера Вениаминовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета, Благовещенск, Россия. konkursrus@mail.ru

Позина Наталья Сергеевна – старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, Хабаровск, Россия. pozina-n@mail.ru

Пылкова Анна Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры русской филологии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия. gramdruk@mail.ru

Сафонова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, ведущая авторской программы «Русский устный» на радио «Спутник» (МИА «Россия сегодня»), научный консультант справочно-информационного портала «Грамота.ру», Москва, Россия. nsafo@mail.ru

Свиридова Анна Юрьевна – старший преподаватель кафедры русского языка Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия. Joker1118@mail.ru

Скидан Наталья Николаевна – ведущий специалист Центра русского языка и культуры Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. skidan.nn@dvfu.ru

Су Шеу-Яннь – кандидат филологических наук, доцент факультета русского языка и литературы Тамканского университета, Тайбэй, Тайвань. 112556@mail.tku.edu.tw

Сюй Цзяхуэй – PhD, профессор факультета славистики Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань. verayeh@nccu.edu.tw

Токарчук Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. tockarchuck.ira@yandex.ru

Тюрин Павел Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. turin2010@mail.ru

Угро Анна Владимировна – аспирантка кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. ugro_av@students.dvfu.ru

Урманов Александр Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета, Благовещенск, Россия. a.v.urmanov@gmail.com

Фролова Татьяна Вячеславовна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. yanatka---@mail.ru

Цай Цзели – PhD, доцент факультета славистики Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань. verayeh@nccu.edu.tw

Цзян Вэй – аспирантка кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. 229520732@qq.com

Чжсан Шо – аспирантка кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. sonia.zhangshuo@mail.ru

Чжэн Ин-Ин – кандидат филологических наук, доцент факультета русского языка и литературы Тамканского университета, Тайбэй, Тайвань. 133220@mail.tku.edu.tw

Чубаева Людмила Владимировна – заведующая кафедрой русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. chubaeva@mail.ru

Шмелёва Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия. Tatyana.Shmeleva@novsu.ru

Юань Синьюй – аспирантка кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. yuanxy1995@mail.ru

Юрченко Татьяна Павловна – специалист по учебно-методической работе гуманитарного направления Благовещенского государственного педагогического университета, Благовещенск, Россия. konkursrus@mail.ru